

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМБЕ

Том XXI

Государственное Издательство

МОСКВА

1923

ПЕТРОГРАД

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

ТОМЪ XXI

1868—70 гг.

(№№ 3344—3637)

Глз. № 1049. Отп. 10.000 экз.
= ПЕЧАТНЫЙ ДВОРЬ =
Типогр. Государства. Издат.
Петроградъ. Гатчинская, 26.

ОГЛАВЛЕНИЕ ¹⁾

1868.

№№	СТР.
**3344. Письмо къ сыну (О свободѣ воли)	1
**3345. Письмо къ Н. П. Огареву.	9
**3346. Тоже.	11
*3347. Письмо къ С. Тхоржевскому.	12
**3348. Письмо къ Н. П. Огареву.	13
**3349. Тоже	14
**3350. Тоже.	15
**3351. Тоже	17
**3352. [Смертные приговоры дворянамъ].	18
**3353. Une victoire du comte Cheremeteff.	19
Побѣда гр. Шереметева	—
**3354. Письмо къ Н. П. Огареву.	—
**3355. Тоже	21
*3356. Письмо къ С. Тхоржевскому.	22
**3357. Письмо къ Н. П. Огареву.	23
**3358. Тоже.	26
**3359. Тоже.	27
*3360. Надпись для М. К. Рейхель.	28
**3361. Письмо къ Н. П. Огареву.	—
**3362. Тоже	29
*3363. Письмо къ сыну.	31
**3364. Письмо къ Н. П. Огареву.	32
**3365. Тоже	34
**3366. Тоже	35
*3367. Письмо къ сыну.	—

¹⁾ *—означаетъ печатающееся здѣсь впервые; **—напечатанное гдѣ-нибудь раньше, но не вошедшее ни въ женевское, ни въ петербургское (1906 г.) изданія; только ничѣмъ не отмѣченное вошло въ то и другое или въ одно изъ этихъ изданій.

№№	СТР
*3368. Письмо къ сыну.	36
**3369. A nos lecteurs	37
Нашимъ читателямъ	38
**3370. La manie de délation	39
Манія доносовъ	42
**3371. Etudes historiques sur les héros de 1825 et leurs prédéces- seurs, d'après leurs mémoires. Conrad Ryléeff et Nicolas Bestoujeff	46
Кондратій Рылѣевъ и Николай Бестужевъ	56
**3372. [L'ex-réfugié V. Kelsieff].	67
Экъс-эмигрантъ В. Кельсиевъ.	—
**3373. Le littérateur Boulantzoff	68
Литераторъ Буланцовъ	—
**3374. [Дѣло старообрядца Шумина]	69
*3375. Письмо къ С. Тхоржевскому.. . . .	77
*3376. Письмо къ А. Рейхелю.	78
**3377. Письмо къ Г. Н. Вырубову.. . . .	79
**3378. Mazzini aux polonais	80
Мащини—полякамъ.	—
**3379. [Предисловіе].	81
**3380. Bonne nouvelle!	83
Добрая вѣсть!	—
**3381. Dévoilez-nous donc! Démasquez-nous donc!	84
Такъ разоблачите же насъ! Сорвите же съ насъ маску!	85
**3382. Pissareff.	87
Писаревъ.	88
**3383. Le prince Pierre Dolgoroukoff	—
Князь Петръ Долгоруковъ	89
**3384. Письмо къ Н. П. Огареву.	—
*3385. Письмо къ сыну.. . . .	90
**3386. Письмо къ Н. П. Огареву.	91
**3387. Тоже.	92
**3388. Тоже.	93
*3389. Письмо къ Лизѣ	98
*3390. Письмо къ сыну.	99
**3391. Письмо къ Н. П. Огареву.	100
**3392. Тоже.	101
**3393. Тоже.	102
**3394. Тоже..	103
*3395. Письмо къ М. Мейзенбургъ	104

№№	СТР.
**3396. Письмо къ Н. П. Огареву.	105
*3397. Письмо къ сыну.	106
**3398. Письмо къ Н. П. Огареву.	107
**3399. Тоже.	108
**3400. Тоже.	109
*3401. Письмо къ О. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ	110
*3402. Письмо къ сыну.	112
*3403. Письмо къ М. -К. Рейхель.	113
*3404. Письмо къ Н. П. Огареву.	—
**3405. Тоже.	114
**3406. Тоже.	119
*3406bis. Письмо къ сыну.	120
**3407. Les russes au congrès de Berne	122
Русскіе на бернскомъ конгрессѣ.	124
**3408. Le Schédo-Ferrot—panславистe et les horreurs russes	125
Панславистъ Шедо-Ферроти и русскіе ужасы.	130
**3409. (О реформѣ суда).	136
**3410. Письмо къ Н. П. Огареву.	—
**3411. Тоже.	138
**3412. Тоже.	—
*3413. Письмо къ М. Мейзенбургъ	139
**3414. Письмо къ Н. П. Огареву.	140
**3415. Письмо къ Г. Н. Вырубову.	141
**3416. Письмо къ Н. П. Огареву.	142
**3417. Тоже.	143
*3418. Письмо къ С. Тхоржевскому.	—
**3419. Письмо къ Н. П. Огареву.	144
**3420. Письмо къ Г. Н. Вырубову.	145
*3421. Письмо къ сыну.	146
*3422. Письмо къ Лизѣ.	147
*3423. Письмо къ сыну.	—
*3424. Письмо къ М. Мейзенбургъ и О. А. Герценъ.	148
*3425. Письмо къ сыну.	150
*3426. Изъ дневника	151
3427. Скуки ради.	152
**3428. Письмо къ Н. П. Огареву.	179
*3429. Письмо къ М. Мейзенбургъ.	180
*3430. Письмо къ О. А. и А. А. Герценамъ.	182
**3431. Lettre à N. Ogareff	184
Письмо къ Н. Огареву.	187
**3432. A nos ennemis	190
Нашимъ врагамъ.	199

№№	стр.
**3433. Un métier de grand-duc	208
Ремесло великаго князя.	209
**3434. Le brigandage des employés.	211
Чиновничій грабежь	—
**3435. L'éloquence de la noblesse	122
Дворянское краснорѣчіе.	—
**3436. Est-il vrai?	213
Правда ли?	214
**3477. Les incorrigibles	—
Неисправимые	215
3438. Aphorismata. По поводу психіатрической теоріи д-ра Крупова.	—
3439. Еще разъ Базаровъ.	224
Письмо первое.	—
Письмо второе.	234
*3440. Письмо къ М. К. Рейхель.	238
**3441. Письмо къ Н. П. Огареву.	239
**3442. Тоже.	241
**3445. Тоже.	—
*3446. Письмо къ сыну.	242
*3447. Письмо къ С. Тхоржевскому.	243
**3448. Письмо къ Н. П. Огареву.	—
*3449. Письмо къ С. Тхоржевскому.	244
**3450. Письмо къ Н. П. Огареву.	245
*3451. Письмо къ Рейхелямъ	246
**3452. Письмо къ Н. П. Огареву.	247
*3453. Письмо къ М. Мейзенбургъ.	248
*3454. Письмо къ С. Тхоржевскому.	250
**3455. Письмо къ Н. П. Огареву.	251
*3456. Письмо къ сыну.	252
**3457. Письмо къ Н. П. Огареву.	—
**3458. Тоже.	254
**3459. Тоже.	256
*3460. [Замѣтки для обученія Лизы]	257
**3461. Письмо къ Н. П. Огареву.	259
*3462. Письмо къ сыну и М. Мейзенбургъ	—
**3463. Письмо къ Н. П. Огареву.	260
**3464. Тоже.	261
*3465. Письмо къ С. Тхоржевскому.	262
**3466. Письмо къ Н. П. Огареву.	—
**3467. Тоже.	263

№№	СТР.
*3468. Письмо къ сыну.	264
**3469. Письмо къ Н. П. Огареву.	265

1869.

**3470. Письмо къ Н. П. Огареву.	269
**3471. Тоже.	270
*3472. Письмо къ С. Тхоржевскому.	271
**3473. Письмо къ Э. Кинэ.	—
*3474. Письмо къ сыну.	274
*3475. Письмо къ М. К. Рейхель.	—
**3476. Письмо къ Н. П. Огареву.	—
*3477. Письмо къ С. Тхоржевскому.	276
**3478. Письмо къ Г. Н. Вырубову.	—
**3479. Письмо къ Н. П. Огареву.	277
*3480. Письмо къ С. Тхоржевскому.	278
*3481. Письмо къ сыну.	279
*3482. Тоже.	280
*3483. Письмо къ М. Мейзенбургъ.	282
**3484. Письмо къ Г. Н. Вырубову.	284
**3485. Mon assassin futur et son calendrier	285
Мой будущій убійца и его календарь	286
**3486. Réponse à M. G. Wyrouboff	287
Отвѣтъ Г. Вырубову.	290
**3487. Documents et papiers du prince Pierre Dolgoroukoff.	295
Документы и бумаги князя Петра Долгорукова.	—
**3488. Письмо къ Н. П. Огареву.	296
*3489. Тоже.	308
**3490. Тоже.	309
*3491. Письмо къ М. Мейзенбургъ.	310
**3492. Письмо къ Н. П. Огареву.	312
*3493. Письмо къ И. С. Тургеневу	314
**3494. Письмо къ А. П. Пятковскому.	316
**3495. Письмо къ Н. П. Огареву.	317
**3496. Письмо къ Г. Н. Вырубову.	318
**3497. Письмо къ Н. П. Огареву.	320
**3498. Тоже.	—
*3499. Письмо къ И. С. Тургеневу.	324
**3500. Письмо къ сыну.	325
*3501. Письмо къ М. Мейзенбургъ.	326
**3502. Письмо къ Н. А. Огареву.	328
**3503. Тоже.	329
**3504. Письмо къ И. С. Тургеневу.	331

№№	СТР.
**3505. Письмо къ Н. П. Огареву.	332
**3506. Письмо въ редакцію	333
*3507. Письмо къ сыну.	345
*3508. Тоже.	346
**3509. Письмо къ Г. Н. Вырубову.	347
*3510. Письмо къ Н. П. Огареву	350
*3511. Письмо къ сыну	352
**3512. Письмо къ Н. П. Огареву.	354
**3513. Тоже.	355
**3514. Тоже.	356
*3515. Письмо къ сыну	—
**3516. Письмо къ П. Н. Огареву	358
**3517. Письмо къ Г. Н. Вырубову	359
*3518. Письмо къ сыну	363
*3519. Письмо къ Н. П. Огареву.	365
**3520. Письмо въ редакцію «Голоса»	366
*3521. Письмо къ сыну	367
*3522. Письмо къ Н. П. Огареву	368
*3523. Письмо къ сыну	369
**3524. Письмо къ Н. П. Огареву	370
*3525. Письмо къ сыну.	371
*3526. Письмо къ дѣтямъ	373
**3527. Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3528. Данииль-Тьеръ	375
*3529. Письмо къ Н. А. Огаревой.	377
*3530. Письмо къ сыну	379
*3531. Тоже	—
*3532. Письмо къ Н. А. Огаревой	380
*3533. Тоже	381
*3534. Письмо къ М. Мейзенбургъ.	383
*3535. Письмо къ сыну	385
**3536. Письмо къ Н. П. Огареву	386
*3537. Тоже	387
**3538. Lettre à Monsieur Edgar Quinet.	388
Письмо г. Эдгару Кинэ	389
*3539. Из отвѣта «Биржевымъ Вѣдомостямъ»	391
*3540. Письмо къ Э. Кинэ	392
*3541. Письмо къ сыну	394
*3542. Письмо къ О. А. Герценъ.	395
*3543. Письмо къ Н. А. Огаревой	397
*3544. Письмо къ сыну	—
*3545. Письмо къ М. К. Рейхель	398
*3546. Тоже	399

№№	СТР.
*3547. Письмо къ М. Мейзенбургъ	400
**3548. Письмо къ Н. П. Огареву	402
*3548bis. Тоже	403
*3549. Письмо къ сыну	404
*3550. Тоже	405
*3551. Тоже	406
*3552. Письмо къ Э. Кинэ	407
**3553. Письмо къ Н. П. Огареву	408
*3554. Письмо къ сыну	409
*3555. Тоже	410
**3556. Письмо къ Н. П. Огареву	411
*3557. Письмо къ неизвѣстному	414
**3558. Письмо къ Г. Н. Вырубову	416
**3559. Надпись для А. П. Пятковского	—
**3560. Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3561. Письмо къ Н. П. Огареву	418
*3562. Письмо къ сыну	419
**3563. Письмо къ Н. П. Огареву	420
**3564. Тоже	421
*3565. Тоже	423
**3568. Письмо къ Н. А. Огаревой	425
**3569. Записка къ А. П. Пятковскому	426
**3570. Письмо къ Н. А. Огаревой	—
**3572. Письмо къ Лизѣ	427
*3573. Письмо къ сыну	—
**3574. Письмо къ Н. А. Огаревой	429
**3575. Тоже	430
*3576. Письмо къ Лизѣ	431
*3577. Письмо къ Н. А. Огаревой	—
**3578. Тоже	432
**3579. Письмо къ Н. П. Огареву	—
3580. Къ старому товарищу	483
Письмо первое	—
Письмо второе	439
Письмо третье	443
Письмо четвертое	448
**3581. [Замѣчанія на «Отвѣты» Н. П. Огарева]	451
**3582. Докторъ, умирающій и мертвые	453
I. Докторъ	—
II. Умирающій	460
III. Мертвые	476
IV. Эпилогъ	483
*3583. Письмо къ А. Лакруа	485
*3584. Въ другую сторону	486

№№	СТР.
**3585. Письмо къ Н. П. Огареву	487
**3587. Тоже	489
*3588. Тоже	490
**3589. Тоже	491
**3590. Тоже	493
*3591. Письмо къ редакторамъ «Le Siècle».	497
**3592. Письмо къ Н. П. Огареву	498
*3593. Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
**3594. Письмо къ М. К. Рейхель	500
**3593. Письмо къ Н. П. Огареву	501
*3596. Письмо къ К.-А. I. Роману.	503
**3597. Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3598. Тоже	504
*3599. A Monsieur le rédacteur en chef du journal «Le Réveil»	506
Господину главному редактору газеты «Le Réveil»	507
**3600. Письмо къ Н. П. Огареву	508
**3601. Письмо къ М. А. Бакунину	509
*3602. Письмо къ сыну	511
3603. Письмо къ Н. А. Огаревой.	512
*3604. Тоже	513
*3605. Письмо къ гр. Е. В. Салиасъ де Турнемиръ	514
*3606. Письмо къ Н. А. Огаревой.	—
*3607. Письмо къ Лизѣ	516
*3608. Письмо къ Н. П. Огареву	—
*3609. Тоже	517
*3610. Тоже	522
*3611. Тоже	525
*3612. Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*3613. Письмо къ И. С. Тургеневу	526
*3614. Письмо къ сыну	—
*3615. Письмо къ М. К. Рейхель	527
*3616. Письмо къ Н. П. Огареву	528
*3617. Письмо къ сыну	529
**3618. Письмо къ Н. П. Огареву	—
*3619. Тоже	531
*3620. Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*3621. Изъ дневника	—
*3622. Письмо къ И. С. Тургеневу	532
*3623. Письмо къ С. Тхоржевскому	533
**3624. Письмо къ Н. П. Огареву.	534
*3625. Письмо къ сыну	535
**3626. Письмо къ Н. П. Огареву	536
**3627. Тоже	537
*3628. Письмо къ Н. П. Огареву	538

№№	СТР.
**3629. Письмо къ Н. П. Огареву	539
**3630. Тоже	540
**3631. Тоже	543

1870.

**3632. Письмо къ Н. П. Огареву	547
**3633. Тоже	548
**3634. Тоже.	552
**3635. Тоже	553
*3636. Письмо къ сыну	555
**3637. Телеграмма къ С. Тхоржевскому	557
Родословная А. И. Герцена	575
Библиографическій комментарий.	583

3344. Письмо къ сыну.

(О свободѣ воли).

(Июль—августъ 1868)

Mon cher Alexandre!

J'ai relu avec attention ta brochure sur le système nerveux. Je t'écris non pas pour réfuter, ni pour donner une autre solution; mais seulement pour relever quelques côtés cassants de la méthode qui me semble trop exclusive.

La différence entre nous n'est pas dans le fond, mais il me semble que tu tranches trop sommairement une question qui sort des limites de la physiologie; celle-ci a vaillamment rempli sa tâche en décomposant l'homme en une infinité d'actions, et de réactions, en le réduisant à un croisement et à un tourbillon d'actions réflexes; qu'elle permette maintenant à la sociologie de restaurer l'intégral en arrachant l'homme au théâtre anatomique pour le rendre à l'histoire.

Le sens que l'on donne ordinairement au mot de *volonté* ou de *libre arbitre* appartient évidemment au dualisme religieux et idéaliste, qui sépare les choses les plus inséparables; pour lui la volonté est à l'acte ce que l'âme est au corps.

L'homme, dès qu'il raisonne, a la conscience empirique d'agir de son propre gré; il conclut de là à une détermination spontanée de ses actes,—sans réfléchir que la conscience même est la résultante d'une longue série d'antécédents oubliés par lui. Il constate l'ensemble de son organisme, l'unité de toutes ses parties et de leurs fonctions, ainsi que le centre de son activité sensitive et intellectuelle, et il en conclut à l'existence objective d'une âme indépendante de la matière et dominant le corps.

S'ensuit-il que le sentiment de liberté soit une erreur, et la notion du moi une hallucination? Je ne le pense pas.

Nier les faux dieux est une chose nécessaire, mais ce n'est pas tout: il faut chercher sous leurs masques la raison de leur existence. Un

poète a dit qu'un préjugé exprime presque toujours en forme enfantine une vérité pressentie.

Dans ta brochure tout est basé sur ce principe très-simple, que l'homme ne peut agir sans le corps, et que le corps est soumis aux lois générales du monde physique. Or, la vie organique ne présente qu'une série fort restreinte de phénomènes dans l'immense laboratoire chimique et physique qui l'entoure, et au sein de cette série, la place occupée par la vie développée jusqu'à la conscience est si minime, qu'il est absurde de soustraire l'homme à la loi générale et de lui supposer une spontanéité subjective *illégal*e.

Mais cela n'empêche nullement l'homme d'éduquer en lui une faculté composée de raison, de passion et de souvenir, «*pesant*» les chances et déterminant le choix de l'action, et cela non par la grâce divine, non par une spontanéité imaginaire, mais par ses organes, par ses capacités innées et acquises, formées et combinées de mille façons par la vie sociale. *L'acte* ainsi conçu est certainement une résultante de l'organisme et de son développement, mais il n'est pas obligatoire et involontaire comme la respiration ou la digestion.

La physiologie décompose la conscience de la liberté en ses éléments constitutifs, la simplifie pour l'expliquer par l'organisme individuel et le perd sans traces.

La sociologie au contraire l'accepte comme un résultat tout fait de l'intelligence, comme sa base et son point de départ, comme sa prémisses inaliénable et indispensable. Pour elle, l'homme est un être moral, c'est-à-dire un être social qui a la liberté de déterminer ses actes, dans les limites de sa conscience et de son intelligence.

La tâche de la physiologie est de poursuivre la vie depuis la cellule jusqu'à l'activité cérébrale; elle finit avec la conscience faite, elle s'arrête au seuil de l'histoire. L'homme social échappe à la physiologie; la sociologie au contraire s'en empare au sortir de la simple animalité.

La physiologie reste donc par rapport aux phénomènes inter-individuels dans la position de la chimie organique par rapport à elle-même. Sans doute, en généralisant, en simplifiant, en réduisant les faits à leur plus simple expression, nous arrivons au *mouvement*, et nous sommes peut-être dans le vrai; mais nous perdons le monde phénoménisé, différencié, spécifié, détaillé,—celui dans lequel nous vivons, et qui est le seul réel.

Tous les phénomènes du monde historique, toutes les manifestations des organismes agglomérés, composites, traditionnelles, organismes de la seconde puissance, ont pour base la physiologie et la dépassent.

Prenons pour exemple l'esthétique. Le beau n'échappe certainement pas aux lois de la nature; il est impossible de le produire sans matière, ni de le sentir sans organes; mais ni la physiologie, ni l'acoustique, ne peuvent donner la théorie de la création artistique de l'art.

La mémoire héréditaire, la civilisation traditionnelle, la résultante de la cohabitation humaine et du développement historique—ont produit un milieu moral, qui a ses éléments, ses qualifications, ses lois très-réelles, quoique peu accessibles aux expériences physiologiques.

Ainsi par exemple, *le moi* ne représente pour la physiologie que la forme flottante des activités d'un organisme rapportées à un centre, un point d'intersection fluctuant, qui se pose par l'habitude et se conserve par la mémoire. En sociologie *le moi* représente toute autre chose; il en est le premier élément, *la cellule du tissu social*, la condition sine qua non.

La conscience n'est pas du tout une nécessité pour *le moi* physiologique; il y a existence organique sans conscience, ou avec une conscience vague, réduite au sentiment de la douleur, de la faim et de la contraction musculaire. Aussi la vie, pour la physiologie, ne s'arrête-t-elle pas avec la conscience, mais continue dans les divers systèmes; l'organisme ne s'éteint pas à la fois comme la lampe, mais partiellement et consécutivement, comme les bouris d'un candélabre.

Le moi social au contraire suppose la conscience, et le moi conscient ne peut se mouvoir, ni agir, *sans se poser comme libre*, c'est-à-dire comme ayant dans de certaines limites la faculté de faire ou de ne pas faire. Sans cette croyance, l'individualité se dissout et se perd.

Dès que l'homme sort par la vie historique du sommeil animal, il s'efforce d'entrer de plus en plus dans la possession de soi-même. **L'idée sociale**, l'idée morale n'existent qu'à condition de l'autonomie individuelle. Aussi tout jeu historique n'est-il qu'une émancipation constante d'un esclavage après l'autre, d'une autorité après l'autre jusqu'à la plus grande conformité de la raison et de l'activité,—conformité dans laquelle l'homme *se sent libre*.

L'individu une fois entré, comme une note dans le concert social, on ne lui demande pas l'origine de sa conscience, mais on accepte son individualité consciente comme libre; et lui, le premier, fait de même.

Chaque son est produit par les vibrations de l'air et les réflexes de l'ouïe, mais il acquiert pour nous une autre valeur (ou existence; si tu veux) dans l'ensemble de la phrase musicale. La corde **se rompt**, le son disparaît;—mais tant qu'elle n'est pas rompue, il n'appartient pas exclusivement au monde des vibrations, mais aussi à celui de *l'harmonie*,

au sein duquel il est *une réalité esthétique* fonctionnant dans la symphonie qui le laisse vibrer, le domine, l'absorbe et **passé outre**.

L'individualité sociale est un son conscient, qui résonne non-seulement pour les autres, mais aussi pour soi-même. Produit d'une nécessité physiologique et d'une nécessité historique, l'individu tend à s'affirmer pendant son existence entre les deux néants: le néant avant la naissance et le néant après la mort. Tout en se développant d'après les lois de la plus fatale nécessité, il se pose constamment comme libre; c'est une condition nécessaire pour son activité, c'est un fait psychologique, c'est un fait social.

Il faut tenir grand compte de phénomènes aussi généraux; ils demandent plus qu'une négation, une fin de non-recevoir; ils demandent une enquête rigoureuse et une explication.

Il n'y a pas de religion, point de période philosophique qui n'ait tâché de résoudre cette antinomie, et qui ne l'ait trouvée insoluble.

L'homme de tous les temps cherche son autonomie, sa liberté, et emporté par la nécessité, — *ne veut faire que ce qu'il veut*; il veut ne pas être fossoyeur passif du passé, ni accoucheur inconscient de l'avenir, et il considère l'histoire comme son oeuvre libre et nécessaire. Il croit à sa liberté comme il croit au monde extérieur tel qu'il le voit, parce qu'il a confiance en ses yeux, et parce que sans cette croyance il ne pourrait pas faire un pas. La liberté morale est donc une réalité psychologique ou, si l'on veut, anthropologique.

Et la vérité objective, diras-tu?

Tu sais que la chose en elle-même, le «*an sich*» des Allemands, est un *magnum ignotum* comme l'absolu et les causes finales; en quoi consiste l'objectivité du temps, la réalité de l'espace? Je l'ignore, mais je sais que ces coordonnées me sont nécessaires, et que sans elles je m'enfoncerai dans les ténèbres d'un chaos sans mesure ni suite.

L'homme a divinisé le libre arbitre comme il a divinisé l'âme; dans l'enfance de son esprit il divinisait toutes les abstractions. La physiologie arrache l'idole de son piédestal, et nie complètement la liberté. Mais il faut encore analyser l'idée de liberté comme une nécessité phénoménologique de l'intelligence humaine, comme une réalité psychologique.

Si je ne craignais la vieille langue philosophique, je répéterais que l'histoire n'est que le développement de la liberté dans la nécessité.

Il y a pour l'homme nécessité de se savoir libre.

Comment sortir de ce cercle?

Il ne s'agit pas d'en sortir, il s'agit de le comprendre.

Переводъ.

Дорогой Александръ! я внимательно перечиталъ твою брошюру о нервной системѣ. Пищу тебѣ, не имѣя въ виду ни опровергать тебя, ни давать какое-нибудь другое рѣшеніе вопросу. Мнѣ хочется только выставить на видъ нѣкоторыя слабыя стороны твоего метода, который кажется мнѣ слишкомъ одностороннимъ.

Между нами нѣтъ коренного различія во взглядахъ, но мнѣ кажется, что ты слишкомъ упрощенно рѣшаешь вопросъ, который выходитъ за предѣлы физиологіи. Физиологія мужественно выполнила свою задачу, разложивъ человѣка на безконечныя дѣйствія и противодѣйствія и сведя его къ скрещенію, вихрю рефлективныхъ актовъ. Пусть она позволитъ теперь социологіи возстановить его цѣльность. Социологія вырветъ человѣка изъ анатомическаго театра и возвратитъ его исторіи.

Смыслъ, который обыкновенно придаютъ словамъ *свобода* или *свободная воля*, очевидно, вытекаетъ изъ религіознаго и идеалистическаго дуализма, раздѣляющаго самыя неразрывныя вещи. Для него воля такъ же относится къ дѣйствию, какъ душа—къ тѣлу.

Какъ только человѣкъ начинаетъ мыслить, онъ уже имѣетъ сознаніе, основанное на опытѣ, что онъ можетъ дѣйствовать по своему собственному произволу. Отсюда онъ заключаетъ о свободной опредѣляемости своихъ поступковъ, не размышляя о томъ, что самое сознаніе есть результатъ длинной серіи предшествующихъ, имъ забытыхъ поступковъ. Въ своемъ сознаніи онъ констатируетъ всю совокупность своего организма, единство всѣхъ своихъ частей и отправленій, равно какъ и центръ своей чувственной и мыслящей дѣятельности, и отсюда заключаетъ объ объективномъ существованіи души, независимой отъ матеріи и господствующей надъ тѣломъ.

Слѣдуетъ ли отсюда, что чувство свободы есть заблужденіе, а познаніе своего «я»—галлюцинація? Я не думаю.

Отрицать ложныхъ боговъ необходимо, но это еще не все: подъ ихъ масками слѣдуетъ искать причины ихъ существованія. Одинъ изъ поэтовъ¹⁾ сказалъ, что предрасудокъ почти всегда выражаетъ предчувствуемую истину, хотя и въ дѣтской формѣ.

Въ твоей брошюрѣ все основано на очень простомъ принципѣ: человѣкъ не можетъ дѣйствовать безъ тѣла, а тѣло подчинено общимъ законамъ физическаго міра. Отсюда слѣдуетъ, что органическая

¹⁾ Не Братынский ли? См. его стихотвореніе «Предрасудокъ».

жизнь представляет только ограниченный рядъ явленій въ безконечной химической и физической лабораторіи, которая ее окружаетъ, а въ этомъ ряду жизнь, развившаяся до сознанія, занимаетъ такое ничтожное мѣсто, что было бы нелѣпостью считать человѣка исключеніемъ изъ общихъ законовъ природы и навязывать ему какую-то субъективную произвольность, стоящую *внѣ закона*.

Однако, это нисколько не мѣшаетъ человѣку воспитывать въ себѣ способность, составленную изъ разума, чувства и воспоминанія, *взвѣшивающую* возможность и опредѣляющую выборъ дѣйствія. Эта способность развивается не по милости божіей, не по воображаемой схемѣ свободы, а просто самими органами человѣка, его врожденными и приобретенными способностями, которыя на тысячу ладовъ формируются и слагаются въ соціальной жизни. Съ такой точки зрѣнія *дѣйствія* человѣка—конечно, результата организма и его развитія; тѣмъ не менѣе этотъ результатъ не такъ обязателенъ и произволенъ, какъ дыханіе и пищевареніе.

Физиологія разлагаетъ сознаніе свободы на составные элементы, упрощаетъ, стараясь объяснить его условіями индивидуальнаго организма,—и теряетъ его безслѣдно.

Соціологія, напротивъ, принимаетъ сознаніе свободы, какъ готовый результатъ разума, какъ свое основаніе и исходный пунктъ, какъ свою неустранимую и необходимую посылку. Для нея человѣкъ прежде всего есть существо нравственное, т. е. существо соціальное, имѣющее свободу опредѣлять свои дѣйствія въ границахъ своего сознанія и своего разума.

Задача физиологіи состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить жизнь отъ клѣточки до мозговой дѣятельности. Она оканчивается началомъ сознанія, она останавливается у порога исторіи. Соціальный человѣкъ ускользаетъ отъ физиологіи; соціологія, напротивъ, овладѣваетъ имъ при выходѣ изъ состоянія простой животности.

Физиологія остается, такимъ образомъ, относительно явленій между индивидами въ такомъ же положеніи, въ какомъ по отношенію къ ней находится органическая химія. Безъ сомнѣнія, обобщая, упрощая и сводя факты къ ихъ простѣйшему выраженію, мы въ концѣ всего придемъ къ *движенію* и, можетъ быть, это будетъ вѣрно; но мы теряемъ міръ явленій, полный разнообразія, качества и подробностей,—міръ, въ которомъ мы живемъ и который единственно реаленъ.

Всѣ явленія историческаго міра, всѣ проявленія организмовъ—кучевыхъ, сложныхъ, организмовъ второго порядка, основываются на физиологіи, но идутъ дальше ея.

Возьмемъ, на примѣръ, эстетику. Прекрасное, разумѣется, не составляетъ исключенія изъ законовъ природы: невозможно воспроизвести его безъ вещества, невозможно почувствовать его безъ органовъ. Но ни физиологія, ни акустика не могутъ дать теоріи художественнаго творчества.

Наслѣдственная память, традиціонная цивилизація—все, что вытекаетъ изъ сожительства людей и историческаго развитія, все это произвело нравственную среду, которая имѣетъ свои элементы, свои качественныя особенности, свои законы, очень реальные, хотя и мало доступныя физиологическому опыту.

Такъ, напр., я для физиологіи не больше, какъ текущая форма органическихъ дѣятельностей, относимыхъ къ извѣстному центру, подвижная точка пересѣченія ихъ, обусловливаемая привычкой и сохраняемая памятью. Въ социологіи я совѣмъ другое дѣло: тамъ это—первый, основной элементъ, *клеточка соціальной ткани*, совершенно необходимое условіе.

Сознаніе не составляетъ необходимости для физиологическаго я; органическое существованіе возможно безъ сознанія или съ сознаніемъ неопредѣленнымъ, которое сводится къ чувству страданія, голода и мускульнаго сокращенія. Для физиологіи жизнь не останавливается вмѣстѣ съ сознаніемъ, но продолжается въ различныхъ органическихъ системахъ; организмъ не гаснетъ моментально, какъ лампа, но по частямъ и послѣдовательно, какъ свѣчи кандебра.

Соціальное я, напротивъ, предполагаетъ сознаніе, а сознающее я не можетъ ни возбуждаться, ни дѣйствовать, *не полагая себя въ то же время свободнымъ*, т. е. въ извѣстныхъ предѣлахъ имѣющимъ способность дѣлать или не дѣлать то или другое. Безъ этого вѣрованія индивидуальность растворяется и исчезаетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ, путемъ развитія исторической жизни, выходитъ изъ животнаго сна, онъ силится все больше и больше овладѣвать самимъ собою. Соціальная идея, идея нравственная возможны только подъ условіемъ индивидуальной автономіи. Ходъ развитія исторіи есть не что иное, какъ постоянная эмансипація человѣческой личности отъ одного рабства вслѣдъ за другимъ, отъ одной власти вслѣдъ за другой вплоть до наибольшаго соотвѣтствія между разумомъ и дѣятельностью,—соотвѣтствія, въ которомъ *человѣкъ и чувствуетъ себя свободнымъ*.

Если человѣкъ вступилъ, какъ музыкальная нота, въ соціальныя концерты, у него не требуютъ отчета въ происхожденіи его сознанія,

а просто принимаютъ его сознающую индивидуальность, какъ свободную, и самъ онъ первый дѣлаетъ то же самое.

Каждый звукъ производится колебаніями воздуха и рефлексами слуха; но, кромѣ того, онъ для насъ получаетъ еще другое значеніе (или даже, если хочешь, существованіе) въ связной музыкальной фразѣ. Струна обрывается, звукъ исчезаетъ, но, пока она цѣла, звукъ не принадлежитъ исключительно міру вибрацій, онъ въ то же самое время принадлежитъ міру *гармоніи* и въ этомъ послѣднемъ образуетъ *эстетическую реальность*. Симфонія, слагающаяся изъ звуковыхъ колебаній, господствуетъ надъ физической стороною звука, поглощаетъ ее, выходитъ изъ нея предѣловъ.

Соціальная индивидуальность есть сознающій звукъ, который раздается не только для другихъ, но и для себя. Будучи продуктомъ необходимости физиологической и необходимости исторической, индивидуумъ стремится утвердить свое бытіе между двумя небытіями своего существованія—небытіемъ до рожденія и небытіемъ послѣ смерти. Развиваясь по законамъ самой роковой необходимости, онъ постоянно полагаетъ себя на этомъ пути свободнымъ. Это—необходимое условіе его дѣятельности, это—фактъ психологическій, фактъ соціальный.

Слѣдуетъ обращать тщательное вниманіе на такія общія явленія; они требуютъ большаго, чѣмъ простое отрицаніе, чѣмъ рѣшеніе не принимать объясненій; они требуютъ строгаго изслѣдованія и объясненія.

Нѣтъ религіи, нѣтъ ступеней въ развитіи философіи, которыя не стремились бы разрѣшить эту антиномію, постоянно оказывающуюся неразрѣшимою.

Человѣкъ во всѣ времена ищетъ своей автономіи, своей свободы и, увлекаемый необходимостью, *не хочетъ ничего дѣлать, кромѣ того, что онъ хочетъ*; онъ не хочетъ быть ни пассивнымъ могильщикомъ прошедшаго, ни бессознательнымъ акушеромъ будущаго; онъ смотритъ на исторію, какъ на свое свободное и необходимое дѣло. Онъ вѣритъ въ свою свободу, какъ вѣритъ въ существованіе внѣшняго міра въ томъ видѣ, какъ онъ ему представляется, потому что онъ довѣряетъ своимъ глазамъ и потому что безъ этого довѣрія онъ не могъ бы сдѣлать ни одного шага. Нравственная свобода есть, такимъ образомъ, реальность психологическая или, если угодно, антропологическая.

А въ чемъ объективная истина, скажешь ты?

Ты знаешь, что вещь сама въ себѣ, *an sich* нѣмцевъ, составляетъ *magnum ignotum*, какъ абсолютное и конечныя причины. Въ чемъ со-

стоитъ объективность времени, реальность пространства? Я этого не знаю, но знаю, что эти координаты сознанія мнѣ необходимы, и что безъ нихъ я погружаюсь въ тьму хаоса, гдѣ нѣтъ ни мѣры, ни послѣдовательности.

Человѣкъ обоготворилъ свободную волю, какъ обоготворилъ душу; въ дѣтствѣ своего ума онъ обоготворялъ всѣ отвлеченныя понятія. Физиологія свергаетъ кумира съ его пьедестала и совершенно отрицаетъ свободу. А между тѣмъ, остается еще анализировать идею свободы, какъ феноменальную необходимость человѣческаго разума, какъ психологическую реальность.

Еслибъ я не боялся стараго философскаго языка, я повторилъ бы, что *исторія есть развитіе свободы въ необходимости.*

Для человѣка необходимо сознать себя свободнымъ.

Какъ выйти изъ этого круга?

Дѣло не въ томъ, чтобы выйти, а въ томъ, чтобы его понять.

3345. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 іюля (1868).

Bale. Hôtel Trois rois, № 3.

Ну вотъ и Швейцарія и Рейнъ. Въ субботу двигаемся въ Люцернъ и halte¹⁾ до Prangins. Тхор. думаетъ, что до 1-го августа врядь удобно ли тебѣ переѣхать—ну, и оставимъ до 1-го августа, оно не за горами. Я природу Люцерна очень люблю, потому и избралъ его центромъ.

Вчера получилъ отъ Таты и Тхор. письма, въ тотъ же день, стало, изъ Женевы въ сутки. Отъ тебя что-то давненько нѣтъ или такъ кажется. Вчера я послалъ Чернецкому sous bande «Записки» Мейз. (я согласился съ тобой à la fin²⁾), что ихъ печатать нельзя, писалъ zart³⁾ объ этомъ М., но тутъ врядь что-нибудь сдѣлаешь) и второе письмо о «Базаровѣ», которое, пожалуйста, предварительно прочти. Вымарывай, что хочешь. Я возражаю только на твою теорію и не понимаю, отчего же мы высоко поставлены, что не должны оскорбляться оскорбленіями и защищаться; не идетъ ли это къ прошлой эпохѣ грандомства... Недостигаемая выси не къ лицу передъ Альпами.

Съ отъѣзда Тхор. «Голоса» нѣтъ. Не могъ ли бы Чернецкий на недѣлю взять эту обузу, очень легкую, на себя?

¹⁾ Остановка.

²⁾ Наконецъ.

³⁾ Мягко.

Ну, Долгор. наказанъ черезъ мѣру. Тхорж. оставляетъ 1.000 ф. ренты и мебель. Нѣтъ худа безъ добра.

Тата пишетъ о томъ, что Рейхели сильно бѣдствуютъ съ этой охапкой дѣтей.

У Шофура пробылъ день; славная семья—всѣ три поколѣнія: старикъ, его сыновья (одного ты видѣлъ) и, наконецъ, молодые, т. е. лѣтъ 30 или 25. Всѣ въ хорошихъ принципахъ до конца ногтей. Одинъ химикъ и адмираторъ Шиффа etc. Они, должно быть, очень богаты. Приемъ былъ необыкновенно радушенъ. А, все-таки, всякій разъ, какъ я оставляю Францію, на душѣ легче. Въ Эльзасѣ неудовольствія много; онъ начинаетъ ненавидѣть Францію и совершенно въ томъ отношеніи къ ней, какъ Рейнскія провинціи были въ 1847 къ Пруссіи. Присоединиться бы имъ и всей южной Германіи (Виртембергъ, Баварія, Баденъ) республиканскими кантонами къ Швейцаріи. Такія мысли бродятъ. Но глупъ человѣкъ и ничего не выйдетъ.

2 часа. Почта пришла—отъ тебя ни строки. Всѣ остальные пришли. 1

◆◆ 1. Трудно рѣшить, о какомъ Шофурѣ идетъ здѣсь рѣчь. Я имѣю свѣдѣнія только о двоихъ.

Игнатій Шофуръ (съ Верхняго Рейна), бывший депутатъ учредительнаго собранія 1848 г., родился въ Кольмарѣ, въ 1808 г. Сынъ адвоката-легитимиста, онъ сдѣлался выдающимся членомъ адвокатскаго сословія въ Кольмарѣ и въ то же время дѣятельнымъ руководителемъ радикальной партіи Верхняго Рейна. Послѣ февральской революціи былъ избранъ въ депутаты 35.000 голосовъ. Онъ обычно вотировалъ слѣва, голосовалъ за республику и 24 ноября 1848 г. вернулся въ родной городъ, къ своимъ занятіямъ въ сословіи.

Викторъ Шофуръ (Нижній Рейнъ), братъ предыдущаго, бывший депутатъ, родился въ Кольмарѣ въ 1819 г.; въ 1848 г.—одинъ изъ самыхъ молодыхъ и выдающихся профессоровъ по кафедрѣ права въ Страсбургѣ. Послѣ революціи со всѣмъ пыломъ посвятилъ себя дѣлу республики и образовалъ комитетъ, дѣятельность котораго предпрѣшила успѣхъ демократическихъ кандидатовъ. Избранный затѣмъ въ депутаты 70.000 голосовъ, онъ принялъ участіе въ работахъ законодательной комиссіи и неоднократно появлялся на трибунѣ и обыкновенно вотировалъ съ крайнею лѣвой. Послѣ выборовъ 10 декабря организовалъ очень дѣятельную оппозицію Елисейскому дворцу и поддерживалъ запросъ, предъявленный, въ формѣ обвиненія, Наполеону и его министрамъ по поводу итальянской экспедиціи. Избранный въ законодательное собраніе, онъ и въ немъ поддерживалъ принципы Горы и сдѣлалъ не мало предложеній демократическаго характера.

2-е декабря 1851 г. заставило его разомъ отказаться и отъ политической и отъ общественной дѣятельности.

Имѣніе Шофуровъ было подѣ Кольмаромъ. Тамъ жила вся громадная семья. «Герцена встрѣтилъ самъ хозяинъ, отецъ-Шофуръ. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ разсказалъ Герцену о разговорѣ сыновей своихъ о немъ и добавилъ: «Видѣтъ васъ — давнишнее желаніе насъ всѣхъ и особенно моего больного сына... Въ этомъ большомъ семейномъ собраніи поражало необыкновенное единство. Любовь и уваженіе просвѣчивали въ каждой фразѣ, которой они обмѣнивались между собой. «Мнѣ говорили, — сказалъ Герценъ, — что они извѣстны тѣмъ, что особенно дружны между собой, но я никогда не встрѣчалъ семьи, которая бы такъ поражала своей гармоніей; и какая большая семья! Тамъ есть внуки и внучки почти взрослые и матери еще не старья... Они простились съ Герценомъ съ горячими изъясненіями симпатіи и благодарили его за проведенный съ ними день, который, — говорили они, — никогда не изгладится изъ памяти» (Огарева, «Воспоминанія», 253—255).

3346. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 іюля (1868).

Lucerne.

Почти по сосѣдству. Письмо твое и «Голось» — двѣ посылки получилъ. Одна гдѣ-то залежалась. Вообще, письма доходятъ исправно. Маленькій проѣздъ изъ Базеля сюда былъ противно смѣшонъ. Ужасное, невѣроятное количество путешественниковъ (большею частью англичане), въ первыхъ мѣстахъ все биткомъ набито, въ остальныхъ — вдвое... все это метется съ какой-то животной торопливостью. Въ Ольтенѣ 20 мин. для завтрака, большой буфетъ, — мы туда, все занято, какъ въ церкви; гарсоны бросаются, бросаютъ тарелки — такъ никогда не кормятъ ни лошадей, ни собакъ; крикъ... и мы бѣжали въ вагоны. Красива буржуазная цивилизація!

Мы остановились въ Beau Rivage, но, вѣроятно, перейдемъ въ Н-1 Belle Vue; мы пріѣхали въ проливной дождь, который лилъ весь день, тутъ было не до выбора (и теперь льетъ).

«Современность»¹⁾ читаль. Пока ты защищаешь материнскимъ крыломъ милыхъ щенятъ псевдо-нигилизма, они сами себя начинаютъ

¹⁾ Издавалась въ Женевѣ Л. И. Мечниковымъ и Н. Я. Николадзе.

выводить на свѣжую воду. Это заставляетъ меня прощать messe de morts¹⁾ объ насъ. Итакъ, эта бездарная пѣна, эта гниль на корню развѣетъ сама себя. Превосходно! Одинъ вопросъ имъ слѣдуетъ сдѣлать, т.-е. высокими порицателямъ своихъ: «въ чемъ же ихъ воззрѣние?»... Они говорятъ свысока: «Мы, молъ, знаемъ, а тѣ нѣтъ». Nergaus damit²⁾.

У Лизы сдѣлался панари на пальцѣ, что при ея нетерпѣливости дѣло невеселое. Я все не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Жары тогда подѣли меня. Приливы къ головѣ прошли, но опять чирьи. Съѣзжу къ Адольфу Фогту... Lithine—щелочь, какъ сода, особыхъ свойствъ, это—средство слабое.

Тата, вѣроятно, пріѣдетъ между 10 и 13. Панъ ее провожаетъ. А ты и поклонъ ей сюда посылаешь. Встрѣча будетъ хороша, и здѣсь и въ Prangins устроимся...а потомъ?

Работается плохо,—да я просто ничего не дѣлаю, и это не отъ переѣздовъ (хотя и они способствуютъ), а такъ, тяжелая и апатическая полоса. Колокольные статьи французскія не допускаютъ полемики—русскій «Колоколь» не существуетъ (какъ и вся наша дѣятельность въ Россіи). Я все жду Schwung'a, толчка, перемѣны. Ну, хоть бы полемику съ Бакунинымъ или съ новымъ органомъ. Нѣтъ Аппегунгъ³⁾, а говорить одному скучно. Ты думаешь одинъ, это—другое дѣло, für sich.

Вотъ и все.

Получилъ письмо отъ Сазонова-сына—фразисто, zu französisch⁴⁾, Addio.

3347. Письмо къ С. Тхоржевскому.

5 іюля (1868).
Lucerne.

Мы пріѣхали сюда по проливному дождю и помѣстились въ hôtel'ѣ на скорую руку; мы въ немъ не останемся, а потому до слѣдующаго письма пишите poste restante. Само собою разумѣется, что Тата можетъ остаться еще дней 5. Я прошу только подробно написать, когда она и вы ѣдете, въ какой день и въ какой часъ. Тамъ ком-

¹⁾ Панихиду.

²⁾ Покажите это.

³⁾ Возбужденіе, импульсъ.

⁴⁾ Слишкомъ фразисто.

наты и все будетъ готово. Мы и теперь за городомъ, а хотѣли ѣхать дальше, т.-е. повыше, видъ прекрасный и точно въ деревнѣ.

Жду извѣстій о пріѣздѣ сына Долг. и о ходѣ болѣзни. Какъ они встрѣтились?

Иду на почту. За рубашки и этого, вѣроятно, не слѣдуетъ платить—я забылъ, что на нихъ мѣтки S. T., L. C. и A. H.¹⁾. Я напишу въ Лионъ, чтобъ прислали въ Женеву на ваше имя (или на имя Чернецкаго).

Отдайте Татѣ письмо отъ меня и кланяйтесь Маріи Каспаровнѣ.

Нат. Ал. и Лиза васъ ждутъ.

А что Долг. аппетитъ и что онъ пьетъ? Одну воду?

Прилагаю письмо къ Адольфу Фогту; попросите его отвѣтъ. У меня опять прыщики и чирьи и, вообще, мнѣ не по себѣ. Затѣмъ прощайте. Дождь льетъ, вездѣ лужи.

3348. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 июля (1868). Вторникъ.
Lucerne, Hôtel Belle Vue.

Получилъ письмо отъ сына Долг. съ просьбой отъ отца пріѣхать проститься. Тхорж. пишетъ, что Пет. Вл. хотѣлъ телеграфировать и опять хотѣлъ меня назначить душеприказчикомъ или распорядителемъ. Онъ все боится за бумаги и думаетъ, что у сына инструкція. Фогтъ полагаетъ, что онъ не переживетъ 8 дней. Я написалъ отвѣтъ сыну, что считая себя правымъ въ нашей размолвкѣ, я готовъ забыть ее передъ торжественной минутой смерти и готовъ пріѣхать, если и послѣ его пріѣзда Долг. считаетъ это нужнымъ.

Письмо Тхорж. сконфуженно; онъ какъ-то неясно выражается насчетъ юнаго принца.

Съ одной стороны, жестко отказать умирающему и я готовъ ѣхать, но видѣться съ сыномъ мнѣ бы не хотѣлось. Какъ твое мнѣніе? Хотѣ телеграфируй, если ты думаешь, что ѣхать не надобно,—я скажуъ больнымъ.

Здѣсь очень хорошо лѣтомъ. Нôtel дорогъ и кормленіе такъ себѣ, но видъ изъ оконъ—и кругомъ поля, сады и горы... передъ глазами озеро и опять горы.

¹⁾ С. Тхоржевскій, Л. Чернецкій и А. Герценъ.

Люцернъ несравненно изящнѣе Женевы,—но, вѣроятно, голодно съ начала октября. Мнѣ кажется, что и Н. устала отъ вагабондажа ¹⁾, но гдѣ ость, посоветуюсь съ Татой. Моего ума нехватаетъ! Ты не повѣришь, какъ я усталъ. Домъ бы, домъ бы поудобнѣе, съ полемъ—и на отдыхъ!

Я затерялъ «Современность», а она мнѣ нужна; хочу писать разборъ и похвалить серьезно эти Грузины ²⁾. Я думаю, что похвала наша должна ихъ окончательно разсорить.

Что новаго? Твои письма *stériles* ³⁾..

Прощай.

Жду изуродованнаго «Крупова» въ бандажахъ.

3349. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 июля (1868). Среда.

Lucerne, Belle Vue.

Очень радъ, если Мечниковъ дастъ пятый листъ. Насчетъ «Полярной Звѣзды» спроси его, чтò (т. е. о какомъ предметѣ) будетъ его статья. О журналахъ—слѣдуетъ видѣть подробный перечень съ журналами. Скажи еще Мечник., что очень трудно платить гонораръ, потому что я его плачу изъ собствен. денег. За 5 листовъ «Колокола» онъ получить, какъ сказано было, 350 фр., но за «Поляр. Звѣзду» я предлагаю вдвое (140 фр. съ листа—книгами, т. е. «Поляр. Звѣз.» и «Колоколъ»). Это необходимо сказать. «Колок.» до сихъ поръ не окупился. Итакъ, сверхъ 4.500 фр., данныхъ мною Чернецк., въ нынѣшнемъ году вся печать «Кол.» и «Пол. Зв.» на моихъ плечахъ, а я не Раппо ⁴⁾, поднимавшій карету шестерикомъ, нагруженную свинцомъ.

Корректуру одну я послалъ изъ Туна 28, воскресенье, другую—изъ Базеля, вѣроятно, 2 или 3, третью—изъ Люцерна (съ несчастнымъ «Круповымъ»).

Я писалъ къ Адольфу Фогту письмо подробное о болѣзни и о томъ, что вслѣдъ за конгестіями и пр. у меня опять пошли чирьи и небольшая сыпь. Разумѣется, онъ желаетъ видѣть, но прежде всего говорить

¹⁾ Странствованій.

²⁾ Часть Китай-Города въ Москвѣ, извѣстная своими публичными домами; можетъ быть, каламбуръ и по поводу грузинскаго происхожденія Н. Я. Николадзе.

³⁾ Пусты, бѣдны.

⁴⁾ Извѣстный тогда силачъ.

о необходимости ѣхать въ Карлсбадъ. Этому я не вѣрю, но на швейцарскія воды готовъ ѣхать отъ С.-Мориса до Луеша.

Купилъ на-дняхъ книгу «Чего желать Россіи», безъ имени автора, началъ читать и ех ungue leonem ¹⁾ узналъ Н. И. Тургенева. Пришлю тебѣ, если хочешь.

А «Голось» поразительно интересенъ, только не письмомъ, которыми помарался Кельсievъ, а крестьянами, посылаемыми на заработки, процессомъ мужа съ женой etc. О крестьянахъ можно бы тиснуть что-нибудь во французскомъ «Кол.». Посылаю ихъ.

Пишу скверно, потому что на пальцѣ чирій.

Можетъ, поѣду 10 въ Бернъ и буду назадъ 12 или 13.

Прощай.

Пиши въ Люцернъ, а если что особое, можешь сообщить черезъ Тхоржевскаго.

Въ «Моск. Вѣд.» есть еще отмѣтка о раздачѣ (дуванъ) казенныхъ имѣній и фермъ въ Запад. краѣ.

3350. Письмо къ Н. П. Огареву.

11 июля (1868).

Bern, Bernerhoff, № 6.

Пишу тебѣ почти то же, что писалъ въ Люцернѣ. Я вчера прожилъ длинный день, который долго не забуду. Начался онъ скучно отъ дурного распол. N; я уѣхалъ low spirited ²⁾, но отъ Olten'a всю дорогу ѣхалъ съ *Льюисомъ* ³⁾ и его женой (ну, которая пишетъ англ. романы ⁴⁾). Онъ оживилъ меня,—необыкновенно умный и бойкій человекъ. Между прочимъ, спросилъ меня: «est ce que votre «Golos» parait toujours?» ⁵⁾, за что ему досталось порядкомъ.

Но къ трагедіи. Долгор. очень плохъ, но сильный организмъ не сдается, какъ крѣпость. У него изъ ногъ пущена вода и льется постоянно. Лицо его совершенно осунулось и стало какъ-то важнѣе. Говорить несвязно, глаза потухли; онъ не знаетъ близости конца, но боится. А главное, внутри его идетъ страшная передряга. Мнѣ онъ былъ радъ безъ мѣры, но и безъ шума,—онъ постоянно жметъ

¹⁾ По когтямъ (узналъ) льва.

²⁾ Въ уныніи.

³⁾ Джорджъ-Генри, известный англ. писатель и ученый.

⁴⁾ Мэри-Анна Эвансъ, известная подъ псевдонимомъ «Джоржъ Эллиотъ».

⁵⁾ «А что вашъ «Голось» все еще выходитъ?»

мнѣ руки и благодарить. Вѣрить онъ во всея мѣръ мнѣ одному и моему намѣстнику—Тхорж. Утромъ призываетъ онъ Тхорж. и Фогта и объявляетъ, что его ночью отравилъ его сынъ, что онъ подливалъ изъ склянки что-то желтое. (Я полагаю, что рассказывать этого не слѣдуетъ). Затѣмъ, послѣ разныхъ страшныхъ вещей, онъ послалъ Фогта сказать, чтобъ сынъ сейчасъ ѣхалъ назадъ и что онъ, щадя его, скроетъ. Фогтъ, самъ испуганный, исполнилъ порученіе. Сынъ, разумѣется, вспылить. Но Долг. его тотчасъ позвалъ и сталъ просить прощенья. Когда я взшелъ, онъ всѣхъ выслалъ и, взявъ меня за обѣ руки, уставилъ на меня, приподнявшись, мутный взглядъ. «Гер., Гер., бога ради, скажите, я вамъ, одному вамъ вѣрю, одного васъ уважаю,—вѣдь, это сумасшествіе, вѣдь это вздоръ?» — «Вы сами видите, что сумасшествіе, гдѣ же послѣдствія?» — «Да, да, очевидно, бредъ. Такъ вы думаете, бредъ?» (и это десять разъ). И вдругъ, опускаясь, онъ тихо повторилъ раза два: «Нѣтъ, ужъ вы, ужъ бога ради, вы ужъ понаблюдайте надъ тѣмъ, что со мной дѣлаютъ...»—и показалъ видъ, чтобъ я молчалъ, послѣ чего онъ задремалъ и, проснувшись, попросилъ откушать съ сыномъ, что мы и сдѣлали. Сынъ былъ раздраженъ сначала, но за обѣдомъ, послѣ двухъ-трехъ бутылочекъ и абсенту, оправился,—странный онъ человѣкъ... Все это вмѣстѣ такъ нервно подѣйствовало на меня, что я всю ночь не спалъ, и голова тяжела.

Скажи, какое впечатлѣніе на тебя сдѣлаетъ мое письмо.

Фогтъ говоритъ, что ни одного шанса нѣтъ на спасеніе и что ежели его оставить такъ, то и карачунъ. Мнѣ кажется, силъ еще много...

Объ моихъ чирьяхъ онъ говоритъ, что скажетъ послѣ разложенія урины, но думаетъ, что слѣдуетъ предпринять большую куру ¹⁾).

Тата здѣсь. Письмо ея я получилъ, которое она ждала въ Люцернѣ.

Нашлись ли корректуры и что дѣлается съ «Круповымъ»?

13-го, въ полдень уѣду съ Татой въ Люцернъ.

Одинъ листъ «Le Kolok.» посылаю, другой, если пришлетъ Тхор. отошлю тотчасъ.

Прощай.

Узнай, пожалуйста, у Чернецкаго, гдѣ я могу достать брошюру противъ Мѣросл. Бакунина. Густавъ Фогтъ ее имѣетъ, Рейхель имѣетъ, а я нишу, гдѣ бы достать. Если Бак. не запретилъ, я желалъ бы имѣть.

¹⁾ Cure—лѣченіе.

3351. Письмо къ Н. П. Огареву.

14 июля (1868).
Lucerne, Belle-Vue.

Ну, наконецъ я освободился отъ долгоруковскаго кошмара. Что за страшная агонія и, къ тому же, ему положительно лучше, онъ вѣсть непрерывно и этимъ себя поддерживаеъ. Ад. Фогтъ выбился изъ силъ. Третьяго дня еще дикая сцена съ сыномъ при мнѣ, потомъ я ихъ мирилъ. Онъ увѣренъ, что тотъ только и ждетъ, чтобъ взять его деньги да и вѣхать!... Но въ полусумасшествіи онъ только и толкуеъ о ядѣ. «C'est un homme sans coeur, sans conscience¹⁾, алчень къ деньгамъ—и изучаль органическіе яды!» Мнѣ П. Вл. повтoрялъ это сто разъ вечеромъ, часу въ одиннадцатомъ. Пришелъ сынь...и возразилъ на что-то. Отецъ закричалъ: «Молчать,—и сейчасъ въ Петербургъ!».

Потомъ прислалъ Фогта сказать, чтобъ онъ не ходилъ къ нему. И когда я его немного урезонилъ, онъ, все-таки, сыну сказалъ при первомъ свиданіи на другой день, чтобъ онъ уѣхалъ и далъ бы ему спокойно умереть или лѣчиться. Одинъ Тхорж. невозмущаемо идетъ въ этомъ болотѣ и, хотя сильно скучаетъ, но держитъ себя хорошо.

Какая неотесанная, дерзкая свинья Чернецкій, это трудно себѣ представить. Посылая «Жупова» (въ которомъ, за исключеніемъ одной ошибки моей, всѣ произошли отъ спутанія приписанныхъ фразъ), онъ пишетъ: «*Типографія не отвѣчаетъ за бессмыслицу оригинала*». Какъ вамъ это нравится? Хотя, я повторяю, удивительно, какъ ты могъ пропустить совершенный бредъ, не справляясь съ рукописью.

Я ищу какого-нибудь зонтика отъ дерзости и не нахожу. Ты такъ счастливо поставленъ, что тебя суета суетствій минуеъ.

Фогтъ давалъ химику разлагать урину, —сахару много, но максимумъ не перейденъ, удѣльный вѣсъ урины великъ (это новое опредѣленіе). Онъ говоритъ, что сильное расположеніе къ диабету, и пока мѣсть рекомендовалъ пить натуральный шпрудель въ Люцернѣ и черезъ двѣ недѣли опять вѣхать въ Бернъ. Вообще, мнѣ теперь лучше, но чирьи измучили, обѣ руки покрыты.

Тата приѣхала со мной.

¹⁾ Это безсовѣстный, безсердечный человекъ.

Здѣсь Ауэрбахъ¹⁾ с женой, они недавно изъ Россіи и были въ Вевѣ. Бакунинъ совершенно принадлежитъ партіи Эллидина и съ нимъ въ кошонной дружбѣ.

Сара mio, намъ пора въ отставку и приняться за что-нибудь другое—за большія сочиненія или за длинную старость!

Еще Чернецкій пишетъ, что у него скоро не достанетъ оригинала для «Полярной Звезды», и грозитъ мнѣ за это какимъ-то расчетомъ *business like* ²⁾ въ случаѣ остановки. Да не сошелъ ли онъ съ ума? Прощай.

Лиза очень рада Татѣ, встрѣча была хороша. Я Татой очень доволенъ.

2 часа.

Сейчасъ пріѣхалъ Тхоржевскій для отдыха и привезъ вѣсть, что Долгор. несравненно лучше. Вотъ вамъ и медицина!

3352. [Смертные приговоры дворянамъ].

Un certain monsieur a été condamné à Saint-Petersbourg, pour un faux, à la perte de ses droits et à un emprisonnement. Avant l'exécution de la première partie de la sentence, le tribunal a soumis à décision de l'empereur *la perte de la noblesse* du faussaire. On fusille, on pend chaque semaine les *vilains*—sans demander la confirmation de Sa Majesté; il suffit qu'un général, qui n'est pas juge, signe la sentence, l'homme est exécuté... Mais pour ôter les titres de noblesse, il faut le consentement du monarque. Et les béats, et les trompeurs, et les trompés nous parlent de l'empire démocratique.

Переводъ.

Нѣкій господинъ былъ приговоренъ въ С.-Петербургѣ за подѣлку документовъ къ лишенію правъ и къ заключенію въ тюрьмѣ. До приведенія въ исполненіе первой части приговора судъ постановилъ повергнуть на высочайшее усмотрѣніе *вопросъ о лишеніи дворянства*. У насъ ежедневно разстрѣливаютъ и вѣшаютъ крестьянъ, не ожидая утвержденія со стороны его величества; достаточно, чтобы генераль, который не состоялъ въ числѣ судей, подписалъ приговоръ, и—чело-

¹⁾ А. Н. Бахъ.

²⁾ Дѣловымъ, серьезнымъ.

вѣкъ казненъ... Но чтобы уничтожить нѣсколько дворянскихъ титуловъ, требуется согласіе монарха. И ханжи, обманщики и обманываемые еще говорятъ намъ о демократической монархіи.

3353. Une victoire du comte Cheremeteff.

On le sait, le comte Cheremeteff est l'homme le plus riche de la Russie: il possédait cent vingt mille paysans avant l'émancipation. Eh bien, ce cher comte a gagné dernièrement un procès contre trois cents de ses ci-devant serfs. Le procès a traîné quelques années: mais enfin l'homme le plus riche de la Russie a réussi à faire trois cent hommes ruinés dans son bien d'Ostankino. Nous félicitons le comte de ce succès.

Переводъ.

Побѣда гр. Шереметева.

Какъ извѣстно, графъ Шереметевъ—самый богатый въ Россіи человекъ: до освобожденія онъ владѣлъ ста двадцатью тысячами крестьянъ. Итакъ, нашъ дорогой графъ на-дняхъ выигралъ процессъ противъ трехсотъ своихъ бывшихъ рабовъ. Дѣло это тянулось нѣсколько лѣтъ; но, въ концѣ концовъ, первый въ Россіи богачъ успѣлъ таки разорить триста человекъ, живущихъ въ его имѣніи Останкино. Поздравляемъ графа съ этимъ успѣхомъ.

3354. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 (юля 1868). Пятница.
Lucerne, Belle Vue.

Переписка вяла, не идетъ, работа тоже, головы тоже, —дурной годъ или дурной чередъ. Безъ инцидента Долг. нечего было бы сказать, безъ глупости Чернецкаго нечего было бы ругать. Развѣ, статья Вырубова «Paris et Londres». Что за колоссальная пошлость. Туда же! Пошелъ au bout du Comte¹⁾ —въ беллетристику.

Карлсбадскую воду пью по три стакана. Чирьи на рукахъ производятъ боль съ лихорадкой; посмотрю, что будетъ и что предпринять. Самое трудное сыскать мѣсто жительства. Не придумаю. Развѣ, въ Цюрихъ ѣхать—послѣ Prangins?

¹⁾ Послѣ кончины Конта.

12-го Суббота.

Пока мы съ Лизой были на пароходѣ, подѣ дождемъ; и осматривали Tell's Platz, явилось твое письмо; изъ него видно: а) что все дѣло о Туцѣ ты изложилъ не такъ, и чѣмъ тебя ошеломило оно, не понимаю. Какія экскурсіи въ 5 лѣтъ? б) что я описался и поставилъ *bibliothèque* вмѣсто *biblique*—но будто это трудно было поправить? Даже слово *sainte* выдуманно, у меня написано *société*,—дай какому угодно эксперту: в) никакія ошибки не даютъ Черн. право писать дерзости; д) если Чернец. не жаловался почтовому вѣдомству, то чтобъ жаловался сейчасъ, или на-дняхъ пріѣдетъ Тхорж., безъ котораго недостаетъ масла и станокъ скрипитъ.

Насчетъ лѣкарства съ мышьякомъ я думаю, что безъ крайней крайности ничего такого предпринимать не надобно. Ты много пострадалъ за ногу, пострадай финаль. Тата (и я самъ) не надивится, что ты не можешь научиться ходить на костыляхъ, а постоянно лежа голова должна быть плоха. Ты теперь съ полгода не пиль—такого случая сдѣлать черту другого не будетъ. Я это считаю капиталнымъ.

Отвѣчать полякамъ не стану.

Что же писать о маневрахъ? мы не въ 1859 г.—всѣ эти экарты¹⁾ не идутъ намъ.

Тхоржевскій привезетъ тебѣ 500 фр. за августъ и можетъ дать Мечникову 300 франк. до расчета. Но ты не отвѣчалъ на вопросъ о «Полярн. Звѣз.»—я не могу платить иначе, какъ экземплярами.

Если Долгор. умретъ до 1 января, всѣ журналы буду получать я. Вообще, читальня невозможна, и еще менѣе возможно, чтобы я взялъ изъ 6.000 полученныхъ тобой 350. Эти вещи навсегда надобно похерить. Ты меня спрашивалъ, хочу ли я выписывать съ Мечник.; я написалъ что «можетъ быть», предполагая, что мы будемъ получать и отдавать ему. Теперь является *читильня*, въ которой засядутъ Николадзе, Серно-Солов., Элпидины, Ченсновичъ—и или они будутъ бѣситься за то, что ты или я задержали листъ, или мы—за то, что они задержали. Спроси предварительно, какъ разрѣшаетъ Мечн. эти затрудненія. Наконецъ, тутъ есть *соприкосновеніе*—съ Ворсомъ и другими него-дьями. Идешь ты на него или нѣтъ? Если я не понимаю, растолкуй.

Не знаю, что тебѣ пишетъ Саша. Онъ ко мнѣ не пишетъ, и я недоволенъ многимъ, сверхъ нарушенного слова, которое онъ даль: добровольно не жениться до 1 января. Разсуди самъ. Я положилъ имъ 15.000 фр. въ годъ, заплатилъ весь дефицитъ за прошлый, и Саша

¹⁾ Escart—отступленіе, уклоненіе.

самъ говорилъ, что этого довольно. На курсѣ они выиграли до 1,200 фр.; чтобъ сдѣлать этотъ барышъ, я перевелъ большими кушами 12.000 фр. К 1 июля ужъ денегъ почти нѣтъ и, стало, слѣдуетъ всёмъ жить 5 мѣсяцевъ за 3.000 фр. Это невозможно и я опять долженъ приплачивать,—несмотря и на то, что сверхъ 15.000 я Сашѣ далъ 5.000 на обзаведеніе, купилъ фортеп. въ 800 слишк. и прибавилъ на *ненужные* уроки Пановки.

Съ моей языческой точки зрѣнія это нехорошо и, сверхъ того, отнимаетъ у меня даже удовольствіе добровольно что-нибудь сдѣлать послѣ свободы.

А тутъ такъ неидушій сентиментализмъ, страстное желаніе Терезины видѣть Туца,—вѣдь, это все натяжки.

До сихъ поръ съ Татой идетъ все гладко,—большой интимности или глубокой не можетъ быть.

Карлсбадскія воды продолжаю. Цирьи на лѣвой рукѣ еще сильны. Вчера, было, вспухла вся кисть, за ночь лучше. Черезъ недѣлю пошлю урину Фогту и черезъ 10 дней самъ поѣду къ нему для окончательнаго разбора.

Адье.—Прощайте.

¿ Неужели ты не читалъ въ «Голосѣ» статью Родіонова противъ меня? ¹⁾

3355. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 іюля 1868. Воскресенье.

Наконецъ, я расчистилъ «Крупова». Онъ миѣ огадилъ. Изъ-за колоссальныхъ ошибокъ я въ первый разъ не видаль небольшихъ. Есть, конечно, и авторскія поправки, но если дозволить типографу такъ переверять, то онъ вгонитъ листъ въ 200—300 фр. Посылаю тебѣ объясненіе къ «Крупову». Вели его набрать въ концѣ (это только заставитъ переменить страницу справа налѣво). Оно необходимо. Иначе непонятно. Я могъ бы прямо послать къ Чернецъ, но я стараюсь избѣгать всякой переписки съ нимъ. А. Фогтъ говорить, что при лѣченіи діабета не надобно волноваться, а дерзость сердить.

¹⁾ № 171 отъ 22 іюня, корреспонденція изъ Флоренціи по поводу статьи Герцена № 3327.

Вѣроятно, Тхор. прѣхалъ и разочаровалъ тебя въ бракосочетаніи Мрочковскаго ¹⁾. Что Бакунинъ очень фальшивъ и, стало, былъ съ тобою милъ, это dans l'ordre des choses²⁾. Онъ о розни съ нами и о поступленіи своемъ къ Эллидину трубить Ауэрбаху и всѣмъ. Все добрые люди.

Я взялъ у Дол. «Москву». Что ни №,—доносъ гадчайшій. Вотъ и рьяный Аксаковъ, баярдъ славянопердіа.

А что скажешь о старикѣ, котораго отдеруть и пошлютъ на ка-торгу? Изъ этого слѣдовало бы сдѣлать хоть «Смѣсь».

Къ «Рылѣву» будетъ прибавка.

Прощай.

3356. Письмо къ С. Тхоршевскому.

20 (юля 1866), понедѣльникъ.

Lucerne, Belle Vue.

Съ большимъ интересомъ прочелъ ваше письмо. Все чудеса и Коло-чекъ³⁾ и дѣло съ сыномъ⁴⁾. Я радъ, что Фогту 4/т., да, вѣдь, и помучился же онъ. Слѣдовало бы Дол.-sen. подвинуть теперь на какія-нибудь хорошія дѣла. Пусть дастъ (какъ даютъ въ монастыри) мнѣ на раздачу исключительно *вновь* приходящимъ русскимъ тысячу или двѣ. Журналы я еще получилъ отъ доктора. Благодарю васъ за дружеское вниманіе.

Я полагаю, что «Колоколь» можно послать Классену въ Остенде по адресу, на комиссію, ну, хоть 20 экз. съ самого начала, и обязавъ его сдѣлать расчетъ въ началѣ или концѣ октября.

Прошу васъ отослать 60 фр. въ Фрейбургъ; адресуйте ихъ m-г Schmidt, rédacteur en chef du «Confédéré Fribourg». Прилагаю записку къ нему.

Новыхъ чирьевъ не дѣлается, но старые на лѣвой рукѣ очень болятъ. Я думаю, что дня въ три они будутъ лучше, только тогда

¹⁾ На кн. Зоѣ Сергѣевнѣ Оболенской, урожд. гр. Сумароковой; свадьбы не было. Мрочковскій такъ аттестованъ русскимъ сыскомъ: «польскій эмигрантъ, жившій болѣе въ Женевѣ и Вевѣ, постоянный спутникъ и сотрудникъ кн. З. С. Оболенской (съ которою недавно вступилъ въ бракъ), другъ Бонгара, издатель газеты «Ргаса», бакунинецъ. Былъ замѣшанъ въ дѣло о фабрикации русскихъ фальшивыхъ ассигнацій (голицынская, X глава «Исторіи соц.-револ. движенія въ Россіи»). Конечно, ни къ какой уголовницѣ по фальшивымъ деньгамъ и онъ не можетъ быть причисленъ.

²⁾ Въ порядкѣ вещей.

³⁾ Адольфъ, о немъ упоминалось часто раньше.

⁴⁾ П. В. Долгорукова.

я пошлю урину въ Бернъ и черезъ три дня поѣду самъ, — врядь раньше ли понедѣльника.

У Долг., какъ сказано, не буду безъ чрезвычайныхъ крайностей

Въ Prangins хотѣлось бы совсѣмъ водвориться съ 15 августа. Огар. можетъ пріѣхать два раза. Я бы остался до октября отдохнуть. Напишите откровенно, какъ вы нашли Огар., и скоро ли онъ можетъ ѣхать.

Пришелъ ли ящикъ съ рубашками (Нат. Ал. просить ящикъ открыть Чернецкую и вынуть кой-какія хирургическія дѣла)? понравились ли вамъ ваши рубашки?

Кстати, какъ здоровье Чернецкаго? я полагаю, что на него находятъ отъ гемороя и печени. И какъ дѣло его съ почтой?

Скажите Устин., чтобы она напомнила Вешнякову о книгѣ Кельсера, — очень нужна. Огар. прислалъ съ Татой «Вѣстникъ», читанный мною мѣсяць тому назадъ (апрѣль); онъ былъ у меня въ Ниццѣ. Неужели нѣтъ новаго?

Я думаю, что пришлю вамъ связку книгъ, чтобы не таскать съ собой.

Прощайте.

Всѣ вамъ очень кланяются.

3357. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 іюля (1868), четвергъ.
Lucerne.

Хочу на твое длинное письмо писать *zweimal so*¹⁾ длинное и обо всемъ разсудить и отвѣтить.

1) *Медицинское отдѣленіе*. Новыхъ чирьевъ нѣтъ, но изъ старыхъ же (на лѣвой рукѣ) продолжаютъ, хотя и начинаютъ подживать; Фогтъ велѣлъ при началѣ мазать тинктурой іода, а потомъ — чистымъ глицериномъ. Карлсбадская вода — *опытъ*. Я долженъ прислать для новаго разложенія бутылку урины въ лабораторію бернскаго химика. Въ прежнемъ разложеніи было почти максимумъ (при здоровомъ состояніи) сахара и *всѣ* урины тяжеле обыкновеннаго (о *всѣ* во Флоренціи рѣчи не было). Новое должно сдѣлаться съ роскошью, *detail*’но. Потомъ онъ (Фогтъ) хочетъ, чтобы я пріѣхалъ одинъ дня на три въ Бернъ (урину пошлю отсюда). Мнѣніе Фогта то же, что Шиффа, — что *diabet*²⁾ а еще нѣтъ, но есть явная къ нему тенденція;

¹⁾ Вдвое.

въ предупрежденіе дальнѣйшаго развитія онъ ничего не знаетъ, кромѣ діеты (менѣе безумной, чѣмъ предписанная *Sée*), и употребляетъ карлсбадскую воду или Виши.

2) *Отдѣл. почтовое.* Должно быть, въ письмахъ, что они приходятъ вмѣстѣ, виновать я. Вѣроятно, въ Женеву отсюда одна почта, а потому посланное утромъ или вечеромъ приходитъ въ одно время. Но почему ты на почту посылаешь Генри для объясненій, я не постигаю. Самое слово *почта* должно было тебѣ напомнить о средствѣ, замѣняющемъ посланниковъ; оно просто состоитъ въ писаніи *au bureau de la poste aux lettres à Genève* ¹⁾. Это же и не франкуется (*à propos*, твое прошлое письмо пришло съ скромнымъ афраншементомъ ²⁾ въ 5 сант. вмѣсто 10). Чернецкій долженъ настаивать.

3) *По дѣлу Чернецкаго.* Безсознательно писать дерзости нельзя, а можно—глупости. Наконецъ, если и можно, то десятый рецидивъ показываетъ преднамѣренность, и ему это даромъ не сойдетъ. Спроси у Тхор. письмо, которое я ему далъ въ Бернѣ, а теперь есть другое письмо, съ насмѣшками.

4) *По дѣлу читальни.* Когда хартія, ограничивающая женевскую вольницу ³⁾, будетъ написана, мы поговоримъ. Мечниковъ—прожекторъ; отчего онъ не держится предложенія вмѣстѣ выписывать газеты? А когда онѣ нами прочтены, онъ можетъ заводить изъ нихъ казино или жечь, или употреблять на папильоты. За это наша привилегія—получать и держать, пока нужно. Тогда вся дрянъ можетъ питаться крупичами изъ милости, и рекламации будутъ невозможны. Какъ можно имѣть съ ними что-нибудь общее, кромѣ дружбы Бакунина, я не постигаю. Врагамъ никакихъ удовольствій дѣлать не хочу, къ равнодушнымъ равнодушенъ.

5) *По дѣлу Тхоржевско-Мечниковскому.* Не хлопочи очень о Мечниковѣ. Тхорж. я писалъ, чтобъ онъ ему до расчета прислалъ или отдалъ 300 фр., напишу еще. Мечниковъ всю жизнь не имѣлъ денегъ и искалъ на перехватъ, это—его натуральное положеніе. Не могъ же я предвидѣть, что Долг. опять занеможетъ. Что касается до тѣхъ денегъ, о которыхъ онъ думаетъ, что получить, онъ ихъ не получить. Ожидать деньги у него тоже привычка. Говорилъ ли ты ему о предложеніи переводить для какого-то г-на въ Саксоніи?—я писалъ тебѣ. Это не слѣдуетъ терять изъ вида.

¹⁾ Почтовое бюро писемъ въ Женеву.

²⁾ *Affranchement*—оплата (марками).

³⁾ Молодую русскую эмиграцію.

6) *По дѣлу Мрочковскаго*. Ты, старый и не раскаянный грѣшникъ, стоишь на томъ, чтобъ разбить Оболенское счастье; я вѣтуюсь за то и открываю пари, что Мрочковскій ни на комъ ни офиціаль, ни private ¹⁾ не женился, и что, слѣд., его жена не могла тебѣ понравиться, — 25 сигаръ по 50 сант. each ²⁾).

7) *По дѣлу Долг. и стоустой фамы* ³⁾). Сложныя дѣла обсуживай многосторонне. Когда я писалъ тебѣ изъ Берна въ 1-й разъ, дѣло объ объясненіи Долг.-сына было извѣстно Тхорж., Фогту и мнѣ. Я не хотѣлъ (думая, что Долг. умретъ), чтобы черезъ меня вышло это, я и Тх. говорилъ. Изволили пустить въ забвеніе, что я писалъ о второй скандальной сценѣ, — гдѣ Долг. кричалъ. Тогда всѣ узнали — *garde malade* ⁴⁾, трактирщикъ etc. А когда онъ прогналъ сына, узналъ весь городъ и часть кантона (не въ Китаѣ, а около Берна). Чему же ты дивишься, что Бакунинъ, любившій всегда быть стокомъ сплетней, зналъ черезъ Фогтовъ и пр.? Засимъ часть общая.

Но и тутъ, вмѣсто перехода, 8) *по дѣлу Кельсіева*. Послѣ десятикратнаго вызова съ моей стороны, въ которомъ я писалъ, что жду «Записокъ» его, какъ *воронъ крови*, ты усомнился, буду ли писать. Всенепремѣнно, безотлагательно, неумытно! Зачѣмъ ты такъ *méticuleux* ⁵⁾ и такъ конституціонеленъ? Послалъ бы мнѣ книгу, — и дѣло съ концомъ. А Мерцин. расхныкался бы — баць телеграмму въ Люцернъ, а я — ребаць по почтѣ.

(NB. О Кельсіевѣ статья будетъ въ «Пол. Зв.», разумѣется, во всякомъ случаѣ).

Вчера я полбжилъ въ 10 вечера тебѣ письмо въ ящикъ, и въ немъ отъ Лизы, которая, *entfesselt* ⁶⁾ отъ городской жизни, жуируетъ лѣсомъ и полемъ, такъ что жаль увозить. Съ Татой шло бы хорошо, но грубыя выходки Лизы (единственный серьезный порокъ ея) Тату сердятъ, N., разумѣется, тогда дѣлаетъ все, чтобъ ухудшить дѣло. Прока изъ этого не будетъ.

Во вчерашнемъ письмѣ я именно тебѣ писалъ о бастованіи; жерновъ останавливается больше и больше, мы вяло толчемъ воду, окруженные ерническимъ смѣхомъ и подлой завистью. Россія глуха. Посѣвъ сдѣланъ, она прикрыта навозомъ — до осени дѣлать нечего.

¹⁾ Ни офиціально, ни частнымъ образомъ.

²⁾ Каждая.

³⁾ Молва.

⁴⁾ Сидѣлка.

⁵⁾ Мелочень.

⁶⁾ Освобожденная.

Мнѣ пришло въ голову написать тебѣ письмо (т.-е. официальное) съ предложеніемъ сдѣлать *storage*¹⁾—я и сдѣлаю это.

Но какъ ты могъ дойти до мысли, что подъ именемъ отставки, покоя отъ «Колокола», Чернецкаго, Елдаковщины²⁾ и Щенковичей³⁾—я разумѣлъ какое-то пустое бездѣйствіе, да и какъ же его начать? Прежде надобно полное размягченіе мозга, затвердѣніе сердца, боязнь за здоровье. Я на гробъ «Колокола» желалъ бы одного—внѣшняго покоя, умѣнья, съ одной стороны, быть покойнымъ, почти безучастнымъ къ окружающимъ уколамъ. Но это не «Колоколъ», съ этимъ не сладишь, благо ты его имѣешь—пользуйся.

Прощай.

Попозже.

Собираемся сдѣлать прогулку въ горы и дикія мѣста унтервальденскія. Помни общее правило: до перемѣны мной адреса писать на старый, хотя бы я былъ въ Женевѣ.

3358. Письмо Н. П. Огарову.

25 июля (1868).

Lucerne, Belle Vue.

Иногда всѣ люди, и даже Тхоржевскій, сходятъ съ ума. Онъ уѣхалъ отсюда 16-го, написалъ тотчасъ рапортъ и ни слова больше, такъ что я не знаю вовсе, когда онъ можетъ ѣхать въ Женеву. Это скучно и мѣшаетъ мнѣ ѣхать, какъ я хотѣлъ. Я ему послалъ разныя письма въ Женеву и писалъ о деньгахъ Мечникова.

Мы ѣдемъ въ понедѣльникъ вечеромъ или вторникъ утромъ въ Цюрихъ (два часа ѣзды). Пиши: Zurich, poste restante. Вѣроятно, остановимся, въ Hôtel Baur, но poste rest. сначала вѣрнѣе. Тамъ я подожду финаль della tragedia irpopotamica⁴⁾. Изъ Цюриха ѣду всѣмъ показывать рейнскій водопадъ, и снова черезъ Люцернъ въ Унтервальденъ, и оттуда, по соглашенію съ тобой, въ Prangins, гдѣ, если хорошо, я останусь, хоть до 1 октября.

Мейз. пишетъ, что ихъ общая артель флорентійская не пойдетъ. Она хотѣла бы жить съ Ольгой одна еще лучше—отдѣлать бы Лизу да, кстати, Туцу взять особую ферму!!.

¹⁾ Остановку.

²⁾ Элпидинщины.

³⁾ Ченсовичей.

⁴⁾ Трагедія гипшопотама, т.-е. П. В. Долгорукова.

Ауэрбахъ говорить, что «Ариѳмет». Мерчинскаго очень хороша для учителей и трудна для учениковъ.

Читаль ли ты гнуснѣйшій доносъ въ «Голосѣ» на какого-то нѣмца изъ балтиковъ? Что же это такое? Аксаковъ, Кельсіевъ, журналы... Охъ, Никол. Пл., какъ бы намъ не пришлось подь конецъ жизни и этотъ идолъ (Russland) по боку? Я много читаю и почти все съ омерзѣніемъ. А пророкъ, зачѣмъ ты съ Татой прислалъ старый «Вѣстникъ», который я читаль въ Ліонѣ? Нѣтъ ли новаго?

Что ты не умѣлъ послать Кельсіева ¹⁾,—это досадно.

Мы хотимъ отправить отсюда въ Женеву тюкъ, а, можетъ, два ненужныхъ вещей. Адресую ихъ къ тебѣ.

Сейчасъ пришло твое письмо отъ 23—два дня изъ Женевы, но путешественниковъ сотни тысячъ, и почты въ конфузѣ

¿ Если не боишься, то отдай напечатать въ «Кол.» чѣд на оборотѣ. Поправь, убавь, прибавь, а больно не по дуцѣ—брось ²⁾.

Ты все, кажется, *ступаешь* на больную ногу, а мнѣ думается,— не слѣдуетъ.

Къ 15 въ Prangins и—прощай.

Лиза купалась; Тата здорова; N. не больна; я ничего.

Я писалъ два письма: 22 и 23. Еслибъ твое письмо пришло сюда позже, перешлютъ.

Addio.

Что ребусъ о Мрочковскомъ отгадаешь?

«Моск. Вѣд.» я имѣю, «Голосъ» поищу.

3359. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 Іюля (1868).

Lucerne.

Наконецъ-то, получилъ письмо отъ пана. Вѣроятно, онъ теперь у тебя въ объятіяхъ, и дѣло все пошло по маслу.

«Journal de Genève» приходитъ, «Голосъ» поетъ,
почта раздается до прихода,
300 Мечникову даны

¹⁾ Книга егѳ.

²⁾ См. № 3369.

(если и ты далъ 300, то возьми назадъ).

О какомъ «Гол.» говоришь, не знаю. Пошлю пачку; замѣть статью о нѣмцахъ, которую я отмѣтилъ. Объ этомъ я напишу статейку небольшую и объ Аксаковѣ ¹⁾). Я начинаю русскихъ ненавидѣть.

Вдемъ во *вторникъ* въ Цюрихъ, и тамъ буду ждать писемъ и подробный рапортъ Тхоржевскаго.

Тхорж. прошу черезъ Георга выписать книгу «Méthode pour la coupe des vêtements de femme» ²⁾), par H. Fee, Strasbourg, Silbermann. 1866, 2 exempl.

Засимъ прощай.

3360. Надпись для М. К. Рейхель.

27 июля 1868.

Люцернъ.

Сии «примѣры» ³⁾ будущей «Пол. Звѣзды» Маріи Каспаровнѣ посвящаютъ

Вятскій знакомый.

3361. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 июля (1868), вторникъ.

Цисепте.

Твое письмо и письма, пересланная Тхорж.,—все исправно пришло, также и Кельсіевъ.

Сегодня собираемся ѣхать въ Цюрихъ. 15 можемъ навѣрное быть въ Prangins, даже прежде.

Все набито-биткомъ. Въ Цюрихѣ, говорятъ, нѣтъ мѣста. Я телеграфировалъ въ Hôtel Vaug-au-Lac; оттуда отвѣчаютъ, что три комнаты, *можетъ*, будутъ.

Жары и грозы безпрерывно.

Платья Таты и книги послалъ на твое имя. Книги пусть Тхор. разберетъ и отдастъ Долгор. его.

Посылаю статейку о «Голосѣ» и Аксаковѣ; кажется, не дурна ⁴⁾). Что касается нѣсколькихъ строкъ нашимъ противникамъ, присланныхъ въ прошломъ письмѣ, какъ угодно ⁵⁾).

¹⁾ См. № 3370.

²⁾ «Методъ кройки женскаго платья».

³⁾ Primeur—овощи ранней выгонки.

⁴⁾ См. № 3370.

⁵⁾ См. № 3369.

Изъ Цюриха напишу завтра.

А ужъ ты тамъ щоняйся, какъ хочешь, а я выбираю третьей-скимъ судьей Тхоржевскаго въ дѣлѣ Мрочковскаго. Самое забавное, что ты все принимаешь съ матримоніальной стороны и не замѣчаешь, wo die Pointe ist ¹⁾.

Въ письмахъ изъ Россіи—что Сатинъ былъ боленъ и крѣпко, будто что-то въ родѣ легкаго удара, но выздоровѣлъ и пьетъ. (Что онъ сильно пилъ, говорила мнѣ въ Бернѣ и Мар. Касп.). Наше поколѣніе можно назвать губчатымъ.

Дальше—ничего.

P.-S. Скажи Тхорж., что ящика посылать не нужно въ Люцернъ. N. писала Чернецкой. Я пришлю чекъ, мнѣ скоро нужны будутъ деньги. Что говорятъ о Banque Suisse? Мнѣ хочется опять у Ротшильда взять и положить туда тысячь пять. Это все вопросы для пана, которому кланяюсь.

P.-S. Нат. Ал. просить Чернецкую погодить посылать до новаго адреса поясь, а если послала—извѣстить.

4 часа послѣ обѣда.

3362. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 іюля. (1868).
Zurich, H-l Baur.

Послѣ Люцерна здѣсь кажется плоско, безвидно, надобно войти во вкусъ. Рама въ Люцернѣ до того хороша, что городъ забывается. Шафгаузъ отсюда въ 2½ часахъ желѣзн. дороги. Можетъ, завтра поѣдемъ туда; потомъ начнется обратный путь опять черезъ Цюрихъ, гдѣ возьму письма. А если въ Шафгаузѣ понравится, я телеграфирую.

Кельсіева прочелъ въ $\frac{3}{4}$ и до сихъ поръ писать отказываюсь. Въ книгѣ есть много слабаго; его ошеломило освобожденіе, онъ мало видитъ гнусной стороны, онъ падохъ до религіозныхъ припадковъ. Но гдѣ же преступленіе? О чемъ ты такъ развоевался? Я не понимаю. А коли съ него не шкуру снимать, такъ мнѣ и рукъ нечего марать. Всего глупѣе, что именно то, что нужно было, того и нѣтъ, т.-е. его дѣла въ Петербургѣ подъ арестомъ. Die Pointe ist verloren ²⁾. Но что за шагъ впередъ, что и эта книга могла выйти въ Россіи? Все, что

¹⁾ Гдѣ суть.

²⁾ Суть потеряна.

я могу, сдѣлать, это поговорить о Кельс. по поводу его книги. Впрочемъ, дочитаю до конца.

О смоленск. управѣ и о голодѣ была рѣзкая статья въ «Голосѣ» (я тебѣ объ ней писалъ). мѣсяца два тому назадъ; между прочимъ, что крестьяне отказывались отъ помощи,—такъ безобразно все было устроено. Что «Москв. Вѣд.» отвѣчали, не знаю. Напиши нѣсколько словъ въ «Кол.» О дѣлѣ Шумина я именно потому и писалъ, что читаль въ «Моск. Вѣд.»¹⁾.

Продолж. о Рылѣвѣ вчера послалъ изъ Цюриха, а статью о доносахъ—передъ отъѣздомъ изъ Люцерна.

Пора думать о торжественной кончинѣ «Колокола». Я чувствую, что довольно. Статью, переданную Касаткиной, оставь покаместъ или (если стоитъ) дай перевести Мечникову.

По дѣлу Мерчинскаго, разумѣется, ты меня поставилъ въ затруднительное положеніе. Отвѣтъ твой былъ очень простъ: «Только на томъ Г. и держитъ свой финансовый балансъ, что никому не даетъ никогда взаймы, и это не по капризу, а потому что онъ много потерялъ и имѣетъ семью. Я не могу ему этого предложить: моимъ вліяніемъ онъ далъ Мельгунову послѣднія 6 т. фр., и тотъ не отдалъ. А потому я зарекся» etc.

Само собой разумѣется, что нельзя не найти 1.000 фр., но чтобы навѣрное сказать, что М. отдастъ въ октябрѣ или мартобрѣ, нельзя.

Еслибъ я надѣялся на Сатина, я тебѣ бы сказала: рискуй, если такая охота. Но я увѣренъ, что онъ года два ничего не пришлетъ. Моя финансовая мудрость идетъ только на то, чтобы не брать изъ капитала; чтобы ни дѣти, ни ты не имѣли остановки; чтобы faire face²⁾ такой штукѣ, какъ Сашина женитьба, и то, что они въ полгода истратили за $\frac{3}{4}$ года. Всю скуку этой прозы я беру на себя, но за это и вы должны меня пощадить и послѣ Мельгунова позволить мнѣ отказаться отъ ссудъ и банкротства. Но такъ какъ ты, вѣроятно, компрометировался въ этомъ дѣлѣ, то я предлагаю одно: я готовъ дать 500 фр. съ тѣмъ только, чтобы ты никогда не вводилъ меня во искушеніе. Съ 500 онъ можетъ взять у всѣхъ Боткиныхъ etc. и переждать. Мерч. ты скажешь просто, что за свадьбой Саши и путешествіемъ у меня нѣтъ свободныхъ денегъ, и я предлагаю, что могу. Не хочеть—какъ хочеть. Буду ждать отвѣтъ.

О Туцѣ я писалъ шутку по поводу предложенія Мейз. ей отдѣлиться съ Ольгой. Перечти.

¹⁾ См. № 3374.

²⁾ Справиться.

Мнѣ очень хочется начать *дуванъ*, и именно съ Саши, отдѣлать ему его долю—и пусть получаетъ свой доходъ... потомъ—Гатъ, но боюсь нашей слабости. Ну, продуй Саша, напр., на какую-нибудь спекуляцію,—ты первый (по Христовой экономіи) потребуешь ему вновь денегъ. А это будетъ разореніе трехъ другихъ. Не правда ли? Старайся, чтобъ Туцу не натолковали тоже о капиталѣ, а это очень можетъ быть. Затѣмъ прощай.

Что Долгор.? Тхорж. кланяюсь.

Au-rez-de chaussée ¹⁾ врядь есть ли комнаты въ Pfangins. Теперь время имъ сказать, что 15 переѣдемъ.

3363. Письмо къ сыну.

30 Іюля (1868).
Zürich, H-l Baur.

Такъ какъ ты вовсе не пишешь, вѣроятно, сердясь за то, что я не могъ не сказать тебѣ, что я недоволенъ нашими финансами, и немного посмѣялся надъ твоими фантазіями d'un amogoso ²⁾, то, имѣя многое сказать, я пересталъ ждать и пишу изъ города, съ котораго началось въ декабрѣ 1849 послѣднее дѣйствіе трагедіи, отъ которой почти все сгибло ³⁾.

Долгоруковъ умиралъ. Фогтъ и д-ра говорили, что *нѣтъ* возможности, чтобъ онъ прожилъ недѣлю; въ новое торжество медицины Долгор. теперь совсѣмъ поправляется. Передъ мнимою смертью онъ хотѣлъ видѣть меня, снова поручить разныя дѣла и помириться съ сыномъ.

Все вмѣстѣ заставило меня много думать о нашихъ дѣлахъ, и я хочу сдѣлать первый шагъ къ дѣлежу тѣмъ, чтобъ перемѣнить *окладъ* (въ которомъ все, будто, произволь) на *ренту*. Ты долженъ считать, что у тебя 200.000 фр. капитала въ моемъ завѣдываніи. Я получаю отъ 5 до 5½% (за вычетомъ всѣхъ издержекъ); это представляетъ 10.000 *доходу* въ годъ.

Ты вступаешь въ совершенно новую фазу, и притомъ окончательную, твоей жизни. Предпринялъ ты ее безъ моего совѣта, ты мнѣ разсказалъ къ свѣдѣнію, что и какъ, но тогда, когда дѣло было кончено. Видя, что я хотѣлъ дать иной ходъ и посмотреть, что скажетъ

¹⁾ Въ первомъ этажѣ.

²⁾ Влюбленного.

³⁾ Намекъ на свою семейную драму и нахожденіе Гервега въ Цюрихѣ.

время, ты самъ безъ требованія *дай мнѣ слово* и по слабости не сдержаль его. Все это меня глубоко огорчило и вновь доказало, что есть что-то между нами, мѣшающее полной близости. Но я прохожу черезъ все. Будь счастливъ, однажды твоя жена, Терезина, принадлежитъ къ семьѣ. Но дѣла денежные должны быть регулированы.

Такъ какъ я тебѣ далъ 5.000, то, чтобы ихъ не исключить изъ капитала, я ихъ исключу изъ дохода и именно въ три года (2.000 + 1.500 + 1.500), а затѣмъ, послѣ женитьбы, ты будешь получать твою ренту въ 10.000 (за тѣмъ вычетомъ, о которомъ сказалъ). Мнѣ кажется, что за нынѣшній годъ ты 5 т. получилъ, а потому начнемъ считать; устрани всѣ мелочи, такъ я тебѣ пришло послѣ брака 2.000. А съ 1-го генв. 1869 ты получишь 8,500,

въ 1870— 8.500,

въ 1871—10.000.

Не вѣрю, чтобы ты лучше употребилъ и *вернуть* капиталъ; гнаться за однимъ-двумя процентами и губить капиталъ—бѣда. Однако, я готовъ всегда по общему согласію измѣнить и это.

Затѣмъ между нами не будетъ толку о наслѣдствѣ. Живи самъ, какъ знаешь. Я не считаю ни себя больше обязаннымъ, ни тебя въ правѣ больше требовать.

Завтра, выйди Тата замужъ, я то же сдѣлаю.

Аминь.

Бдемъ въ Шафгаузъ, оттуда къ 15 въ Prangins. Еще разъ думаю, что твое путешествіе не на мѣстѣ, рано; устройся лучше, дай Терезинѣ выучиться по-франц.

Кланяюсь ей и тебѣ—и довольно.

Пиши на адресъ Тхорж. или Огар.

Тата здорова.

Вѣроятно, всѣ бы кланялись, но всѣ спать.

3364. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 августа (1868).

(Schaffhouse) Chateau Laufen (возлѣ водопада).

Хотя ты на меня, вѣроятно, и посердился за прошлое письмо, но дѣлать мнѣ было нечего. Вслѣдъ затѣмъ оказалось, что у меня съ собой денегъ очень мало, и это не только потому, что путешествіе, все же, дорого, но и потому, что я послалъ въ два пріема Мейзенбургъ

1.000 fr. Словомъ, оказалось у меня 400 ф. съ чѣмъ-то,—съ уплатой счетовъ и желѣзной дорогой этого не могло хватить больше, какъ на 8 дней (теперь насъ четверо). Только-что я хотѣлъ писать Тхорж., а онъ пишетъ, что ѣдетъ въ Бернъ. Я его задержалъ телеграммой и послалъ ему чекъ въ 1.500 ф. Если тебѣ 500 нужны для М. ¹⁾, можешь взять. Мнѣ Тхор. долженъ переслать 1.000 ф. въ Цюрихъ, *poste restante*. Вѣроятно, во вторникъ или среду утромъ получу 4 или 5 и буду ждать послѣднихъ распоряженій по Prangins. Въ *rez-de chaussée* сомнѣваюсь. Какими судьбами Тхор. успѣлъ тебя свозить кататься, это—его Садова ²⁾).

Водопадъ хорошъ, и очень, внизу; вѣроятно, ты его видѣлъ.

Съ Кинкелемъ у меня было курьезное столкновеніе. Онъ явнымъ образомъ самъ въ фальшивомъ положеніи—снова *anti*-пруссакъ и подъ вліяніемъ поляковъ. Поляки насъ, должно быть, шельмуютъ всѣмъ на свѣтѣ. Онъ меня началъ допрашивать о нашей перемѣнѣ, а самъ ничего не читалъ. Я старался сначала обратить все дѣло въ шутку, но былъ вынужденъ написать ему письмо, котораго копію покажу. Разумѣется, я съ ними всѣ сношенія перерву. Но насъ это ждетъ еще не разъ. Сочувствіе и дружба сдѣлали немного, благодарность—ничего. Поляки и твои женевскіе *protégés* ³⁾ покажутъ, что можетъ дѣлать зависть и ненависть.

Вѣроятно, побѣдемъ въ S.-Gallen, а можетъ, и до озера (Констанцскаго). Во всякомъ случаѣ во вторникъ буду въ Цюрихъ и на *poste restante*.

Лиза очень хочетъ тебя видѣть. Все идетъ такъ себѣ, но и хорошаго не много.

Кельсіева почти дочиталъ и все еще преступленія не нашелъ. Ему надобно новую ссылку, тогда онъ отрезвѣетъ. Ты, кажется мнѣ, просмотрѣлъ хорошую сторону Толстого романа ⁴⁾ и преувеличилъ черную сторону Кельсіева. Самъ ты или по наговору Мерчинскаго? Онъ Татѣ говорилъ и о Толстомъ, и о Кельсіевѣ.

8 вечера, St. Gallen.

Пріѣхали въ Hôtel du Lion. Прощай.

¹⁾ Мерчинскій.

²⁾ Мѣсто рѣшительной побѣды пруссаковъ надъ австріяцами въ 1866 г.

³⁾ Молодые русскіе эмигранты.

⁴⁾ «Война и миръ».

3365. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 августа (1868).
St.-Gallen.

Вотъ и въ Германіи побывали, т. е. въ Констанцѣ,—о паспортахъ никто и не думаетъ. Погода была превосходная. Сегодня ѣдемъ въ Аппенцель, завтра вечеромъ будемъ въ Цюрихѣ, и тамъ, вѣроятно, будутъ и деньги отъ Тхоржевскаго. Если я тамъ ихъ найду и письма, то въ среду поѣдемъ, но пути еще не знаю, можетъ, на Тунъ—*omni casu* ¹⁾ 15 въ Prangins.

Дочиталъ Кельсіева; я рѣшительно отказываюсь писать, да и тебѣ не совѣтую. Предоставь это дѣло нашимъ милымъ Сень-Жюстамъ изъ Грузіи ²⁾—нашимъ пердованымъ дѣтямъ. Я вреда книги не вижу и спрашиваю, что бы онѣ дѣлали за границей? (развѣ, въ тульчинской школѣ?), да что и мы дѣлаемъ? Мы, по правдѣ, сдѣлали кое-что и были полезны. А вся эмиграція была нелѣпость. Гулевичъ просилъ смиренно прощенія, а простилъ его не государь, а эмигранты. Кельсіевъ сдался, какъ сумасшедшій, но не измѣнилъ.

Неужели ты не помнишь его писемъ послѣ смерти Варв. Тим. къ намъ? Онъ тогда уже писалъ, что съ поляками во враждѣ, что въ западную революціонную идею не вѣрить. А что мы съ поляками въ дружбѣ? Или съ западной идеей въ ладу?

Мы слишкомъ далеко зашли, останемся въ нашей фортеціи умирать, но пусть гарниза ³⁾ (желающая) идетъ по дворамъ.

Лиза хочетъ тебѣ писать, что мы Рейнъ переплывали подъ водопадомъ. Она здорова, ѣсть за двухъ, спитъ за трехъ, и если-бъ можно было N. убѣдить не портить ее, можно было бы ею похвастаться въ Prangins. Капризы портятъ ее страшно.

Писемъ, разумѣется, съ 30 іюля я не имѣлъ. Найду нѣсколько съ Цюрихѣ.

Наконецъ-то, ты раскусилъ Мрочковскаго безъ теоріи о бракѣ. А что процессъ о воровствѣ Сень-Жюстовъ?—Что масса-Бакунинъ? Addio.

¹⁾ Во всякомъ случаѣ.

²⁾ Н. Я. Николадзе.

³⁾ Тогдашній терминъ—служащіе въ гарнизонной командѣ.

Напиши письмо въ Цюрихъ, его пришлютъ за мной. Для вѣщней аккуратности можешь сзади пакета написать—en cas de départ faire suivre ¹⁾).

Не знаю, гдѣ Тхоржевскій—у принца ли, и что Долг. жена...— у него возвратная водяная и..... Это уже комедія въ агоніи.

3366. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 августа (1868). Вторникъ.
Saint Gallen, «Lion».

Посылаю «Смѣсь» и замѣтку о Кельсіевѣ. Я буду писать о немъ, но о книгѣ—ничего больше. «Вѣстн. Европы» его ошельмоваль мастерски—и довольно ²⁾).

Въ Appenzell-landsg. были, въ 5 ѣдемъ въ Цюрихъ. Оттуда напишу. Тамъ, вѣроятно, и деньги, и ворохъ писемъ. Не знаю, по какой дорогѣ ѣхать; по той же скучно.

Надѣюсь, что корр. «Колок.» ждетъ меня. Мнѣ необходимо поправить свои небольшія дѣла.

Прощай.

Погода упоительная. Воздухъ здѣсь чудесный (2.500 фут. вышины).

Если не хочешь, о Кельсіевѣ не печатай.

3367. Письмо къ сыну.

12 августа (1868).
Fribourg. Hôtel Zaehringen.

Несмотря на то, что отвѣта на мое послѣднее письмо я не получаль, пишу опять, но это по моему собственному дѣлу. Если найдешь время отвѣчать очень скоро (адресъ (Тхоржевск.), то я буду благодарень.

Оказывается, что d-r Sée былъ правъ, и у меня повторились въ большемъ градусѣ чирьи (furoncles) и снова съ жарамы сыпь. Адольфъ Фогтъ далъ химику разлагать урину въ лабораторію d-r Wander; результатъ:

(вечер.) Spec. Gewicht 4 Juli—1,025 Zuck. in 100 Cub. 2—6 gram.

(утренн.) 5 Juli—idem.

29 Juli 1,035 Sp. Gew. 100 Cub. 4,16 gr

¹⁾ Въ случаѣ отъѣзда, послать вслѣдъ.

²⁾ Рецензія въ VII кн. «В. Европы» 1868 г.

Фогтъ убѣжденъ, что диабетическое расположеніе растеть, и сильно. Онъ требуетъ безотлагательно начать лѣченіе и именно: послѣ 1 сентября ѣхать въ Карлсбадъ. Медицин. журналы говорятъ, что эмпирически констатировано, что карлсбадскія воды останавливають диабетическое развитіе. Ѣхать мнѣ, разумѣется, не хочется. Я желаю знать мнѣніе Шиффа.

У австрійскаго посольства въ Бернѣ я спрашивалъ,—препятствій нѣтъ.

Затѣмъ примусь ждать твоего отвѣта (сегодня 12, отвѣтъ 18 или 19 августа).

Я твою брошюру подарилъ извѣстному Льюису, съ которымъ очень дружески встрѣтился, и профессору Лацарусу ¹⁾, котораго Шиффъ знаетъ. О Гуго Шиффѣ я говорилъ съ Шереромъ, который его очень уважаетъ.

Долгоруковъ еще живъ...

Позже.

Два письма получилъ разомъ; почта идетъ; ты глупо распорядился адресами.

Благословенье и объятія.

Буду писать больше потомъ.

Пріѣзжай, если такъ лучше, и аминь.

Начинается новая жизнь, а для меня новая старость. Обоихъ обнимаю.

Спроси Шиффа письменно.

Писано до письма.

3368. Письмо къ сыну.

14 августа (1868).

Château de Prangins, Prangins près Nyon, Canton de Vaud.

Досадно, что въ ту минуту, когда хотѣлось бы, проводя черту, сказать нѣсколько хорошихъ словъ, нѣтъ удостовѣренія, что письмо дойдетъ.

Все дѣлается по старому правилу: *astra regunt homines sed astra regit Deus* ²⁾. Не думая, не гадая, я, вѣроятно, поѣду лѣчиться (кажется, Сée былъ правѣ Шиффа) въ Карлсбадъ, чего не хочу; не думая,

¹⁾ Морицъ, нѣмецкій фізіологъ.

²⁾ Звѣзды правятъ людьми, а Богъ—звѣздами.

не гадая, всѣ ѣдутъ въ Prangins—Ольга и Мейз., Огар. и ты, и ты mit Weib und Kind (futur) ¹⁾.

Бери билетъ до Nyon, с-on Vaud, и извѣсти телеграфомъ (прибавка par express 50 cent.) часовъ за 12; я пришлю колясочку—отъ станціи довольно далеко. Комната и все готово—обсудимъ вмѣстѣ, что дальше.

Что и какъ mit der Religion у Терезины ²⁾? И почему ты не пишешь, когда и что съ вами было, со всѣми подробностями, въ день контракта на цѣлую жизнь? ³⁾

Твои послѣднія письма сдѣлали много пользы.

Передай Терезинѣ мое желаніе долгаго счастья и мое приглашеніе сюда.

3369. A nos lecteurs.

Attaqués par des organes d'origine diamétralement opposés, nous n'avons pas répondu et nous ne voulons pas répondre, autant que taire se pourra.

Etre attaqué de deux côtés extrêmes a un grand avantage; la synthèse des contradictions se réduit à zéro. D'abord, nous n'avons rien à objecter à nos ennemis, les défenseurs *incorruptibles* du gouvernement de Pétersbourg: ils font les affaires de leurs boutiques, et de leur point de vue, ils ont raison.

Nous avons ensuite encore moins à répliquer à nos ci-devant amis. Parmi eux nous trouvons tant de nos courtisans d'hier et de nos admirateurs d'avant-hier, que nous ne voulons pas croire que leur acharnement soit sérieux. Volages, inconstants et coquets, ils nous abandonnent en nous jetant une bordée de petits cailloux non lavés. Nous cherchons à nous mieux consoler de leur départ que ne le fit Calypso dans un cas pareil. S'ils se sont trompés sur nous, tant pis pour eux, on ne se trompe pas impunément des années entières.

Nous sommes *invariablement les mêmes*, et cela depuis *trente années* d'une activité publique et au grand jour. Nos lecteurs le savent, nos adversaires aussi. Ils nous l'ont dit tant de fois dans leurs dédicaces de livres et dans leurs épîtres fraternelles (pour ne parler que des choses écrites).

¹⁾ Съ женою и дѣтьми (въ будущемъ).

²⁾ Т.-е. Герценомъ выяснялся вопросъ о церковномъ вѣнчаніи.

³⁾ А. А. Герценъ женился 6 августа.

Quant aux personnes impartiales, elles peuvent facilement débrouiller les cartes elles-mêmes. Elles n'ont pas de récriminations personnelles contre nous, nous n'avons pas froissé leur amour-propre, provoqué leur haine ou leur envie, et, par-dessus tout, nous n'avons aucun droit de leur supposer un entendement hermétiquement bouché ou des motifs individuels.

La seule chose que nous leur recommandons, c'est de ne pas perdre de vue le *qui prodest* du droit romain en pensant à la polémique que l'on fait au Kolokol.

Переводъ.

Нашимъ читателямъ.

На насъ напали печатные органы діаметрально противоположнаго направленія; мы имъ ничего не отвѣчали и отвѣчать не желаемъ, пока молчать будетъ возможно.

Быть атакованнымъ со стороны двухъ крайнихъ направленій большое преимущество. Синтезъ противорѣчій низводится къ нулю. Прежде всего, намъ нечего возражать нашимъ врагамъ: *неподкупные* защитники петербургскаго правительства, они работаютъ для своей лавочки и, съ своей точки зрѣнія, правы.

Еще меньше можемъ мы возразить бывшимъ нашимъ друзьямъ. Среди нихъ мы находимъ столько нашихъ придворныхъ вчерашняго дня и столько поклонниковъ отъ третьяго дня, что мы не вѣримъ въ серьезность ихъ ожесточенія. Вѣтренные, непостоянные, кокетничавшіе, они покидаютъ насъ, бросая въ насъ грязными камешками. Мы стараемся утѣшиться въ ихъ бѣгствѣ, какъ Калипсо утѣшилась въ подобномъ случаѣ¹⁾. Если они ошиблись въ насъ, тѣмъ хуже для нихъ: нельзя безнаказанно ошибаться въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Мы остаемся *неизмѣнными* въ теченіе *тридцати лѣтъ* гласной общественной дѣятельности. Это знаютъ наши читатели и наши противники: они столько разъ выражали намъ это въ посвященіяхъ и братскихъ посланіяхъ (если мы будемъ говорить только о письменныхъ доказательствахъ).

Что касается лицъ безпристрастныхъ, то они сами легко могутъ разобраться въ картахъ. Лично они ничего противъ насъ не имѣютъ,

¹⁾ Намекъ на эпизодъ изъ знаменитаго сочин. Фенелона («Приключенія Телемака»), который рассказываетъ, что, послѣ бѣгства Одиссея, Калипсо воспылала страстью къ его сыну, Телемаку.

мы не задѣли ихъ самолюбія, не вызвали ничѣмъ ихъ ненависти или зависти, и, сверхъ всего прочаго, не имѣемъ никакого права подозрѣвать ихъ въ тайномъ соглашеніи или въ личныхъ побуждательныхъ причинахъ.

Единственное, что мы имъ посовѣтуемъ, это—не терять изъ виду «*кому полезно*» римскаго права, когда они подумываютъ о полемикѣ съ «Колоколомъ».

3370. La manie de délation.

La crise, par laquelle passe la Russie *civilisée* depuis la fin de 1862, est vraiment remarquable et instructive au point de vue de l'histoire pathologique du développement des peuples. Le spectacle étrange qu'elle présente n'a pas d'antécédents. Suite d'un état de choses forcé et anormal, d'une confusion imposée de toutes les notions élémentaires, bouleversées par un accouplement inouï de culture raffinée avec une ignorance primitive, rudimentaire, cette crise a atteint maintenant son point culminant: la fermentation putride déborde.

Telles sont les suites d'une civilisation exotique et frelatée greffée sur un sol vigoureux mais inculte, et qui ne la demandait pas; de la soudure des formes européennes avec l'absolutisme oriental, corrigé et systématisé par le despotisme occidental.

Ce n'est que dans ces dernières années que nous avons vu toute la monstruosité qui s'incubait depuis Pierre Ier, et toute la profondeur de la dépravation. Il a suffi d'un tout petit peu de liberté, d'un petit vent coulis d'indépendance qui avait pénétré à travers les murs lézardés par la guerre de Crimée—pour déchaîner et mettre en évidence, à côté d'une grande force de pensée, d'un entrain énergique, toute la portée de corruption qui atteint la couche supérieure de la Russie.

On pourrait désespérer de *cet autre malade*, qui transforme tout aliment en poison, dont le patriotisme est une faim d'ogre, et l'amour de sa nationalité—un désir sauvage d'opprimer toutes les autres nationalités—si, en bas, il n'y avait pas un peuple avec sa commune et son droit à la terre non gangrené; s'il n'y avait pas des semences enfouies dans cette terre, au-dessus de laquelle se décomposent les détritiques qui leur servent d'engrais.

Ces tristes considérations nous sont venues en tête à propos d'une nouvelle recrudescence de la *moucharderie* des journaux russes. Subventionnés et non subventionnés, recevant leurs inspirations du grand-

duc *efface*, ou du *bedlam* de l'orthodoxie russe, panslavistes ou esclavagistes—les journaux dénoncent toujours, la délation est devenue leur chassepot, leur aiguille... Si le gouvernement avait un peu de sens commun et un grain de courage, il aurait envoyé promener tous les Chouvaloff, Timachoff, Potapoff et autres Vidocq en off—toute leur besogne est faite par les journaux à un prix vil, voir même gratis.

Le sentiment de dégoût, d'indignation qu'on subit—étant Russe non atteint de la poliçomanie—en lisant les *premières préfectures* de nos journaux, est indicible.

La situation a complètement changé depuis 1862, la manie des délations reste. Katkoff lui-même, comme une mère heureuse entourée de sa famille de petits dénonciateurs qui grouillent autour d'elle, se retire sous l'ombrage touffu des feuilles de *la Gazette de Moscou*—dirigeant en gros la battue contre le nihilisme, le polonisme, le séparatisme, et laissant à ses moutards le détail, le cancan.

... Sur les cendres célèbres des baraques de friperies qui brûlèrent à Pétersbourg en 1862, s'élèvent des boutiques splendides—les journaux indépendants n'existent plus—les Polonais sont abolis—les nihilistes dispersés—il semblerait que la rage des dénonciateurs put s'émousser, s'assouvir; pas du tout, la moucharderie littéraire augmente.

Je prends deux exemples sur mille.

Deux savants Allemands, Treichke et Eckardt, sont de bons Allemands et veulent rester Allemands—le besoin de se russifier ne se faisant pas sentir dans leurs cœurs endurcis par le teutonisme. Ils commencent, au sujet des provinces baltiques, une discussion d'Allemands. L'un prétend que la germanisation de ces provinces est suffisante, mais non efficace; l'autre, qu'elle est très-efficace outre qu'elle est très-suffisante. Cela provoque la vigilance du *Golos*. Il ne cherche pas longtemps le terrain savant pour entamer Eckardt. Il trouve que le savant est un *sujet russe*, et comme tel,—privé du droit d'*énoncer ses opinions*, si ces opinions ne sont pas d'accord avec le commissaire de police, le pape, etc. Que les Allemands étant *sujets* russes, peuvent, sans commettre un crime, avoir l'Allemagne pour *objet* d'amour, cela semble tout naturel; s'ils préfèrent l'Allemagne d'aujourd'hui à la Russie actuelle, cela prouve qu'ils ne sont pas bêtes—la Russie, comme la «*Zukunft Musik*», est bonne pour *l'avenir*... Et s'ils restent tranquilles dans leur Revel et Riga—tout est en règle pour vous, pour nous, pour la loi, mais non pour les Javerts du *Golos*. Comment, demande le journal du réveil national, est-ce que l'Allemand Eckardt n'a pas prêté serment à l'empereur? Et s'il l'a prêté, il doit aimer le tzar et non l'Allemagne; il doit préférer

la Russie à tous les pays. S'il ne le fait pas, il est parjure, il est traître... et l'honnête publiciste va jusqu'à demander si le gouvernement va sévir ou non!...Horrible! dégoûtant!

... Le second exemple, nous le prenons dans un journal qu'on prétend être indépendant—dans un journal persécuté, suspendu je ne sais combien de fois—dans un journal du panslavisme démocratique et purement moscovite: c'est-à-dire d'un panslavisme si ardent, qu'à force d'aimer les Slaves de toute espèce il voudrait les unir, les embrasser, les assimiler, comme on s'assimile une côtelette en l'avalant.

Voyons l'organe démocratique:

Dans une petite ville, près de Moscou, quelques Allemands qui y demeuraient ayant peu de distractions et grand besoin d'écouter le radotage d'un pasteur, firent venir de Moscou un prédicateur. Il se trouva qu'il n'y avait pas de place dans les modestes habitations de ces braves gens. Ils demandèrent à la police la permission d'écouter le sermon *allemand* sur une place publique. La police sachant qu'il était impossible de s'attendre à une offense aux mœurs, donna, comme de raison, la permission et fit son devoir en entourant de sa surveillance leur prière. Tout se termina paisiblement—le pasteur raconta à sa petite «Gemeinde» les dernières nouvelles du Dieu protestant, communiqua les moyens récents et sûrs d'obtenir le salut éternel. Personne ne s'est plaint; les hommes s'en allèrent tranquillement à la maison, leur femme et leur bible sous le bras, et se couchèrent à neuf heures, rêvant des anges allemands de Klopstock et des diables anglais de Milton.

Mais pendant que ces hérétiques dormaient du sommeil des justes, un Tchèque de la Bohême catholique ne dormait pas. Au lieu d'aller à Constance fêter la fête du grand hérétique slave, martyr de l'intolérance romaine, il se promenait dans la même petite ville de la sainte Russie ou se perpétra cet acte odieux de tolérance. Le Tchèque, outré de cette profanation du marché, de cette licence indulgente, se demande si, à Vienne, un pope pourrait officier sur une place publique ¹⁾ et répond: Non!

Sur cela, notre Bohême se met à écrire une diatribe contre la tolérance et l'envoie à la feuille suspectée, pendant quelques années, d'aimer la lutte franche et libre, la discussion indépendante. Et la feuille insère ces élucubrations tchèques...

¹⁾ Comme si c'était une offense pour la Russie et une lacune, s'il lui manque, par hasard, une abomination quelconque qui se pratique chez les autres. Oh! les amis naïfs, les amis slaves et purs slaves. A. H.

Allez maintenant, après se bruit fait, après avoir éveillée l'attention des ministres et des prêtres, allez demander à un pauvre commissaire de police de petite ville, la permission d'entendre publiquement un prêtre non huilé à l'huile greco-russel...

Les commissaires de police dépassés par les journalistes! Cela nous rappelle les braves officiers de la garde impériale, dépassant en zèle les gendarmes pendant le procès de Karakosoff.

Non, les temps des Arackthéef, des Magnitzkj et des Photius ne sont pas passés; ces gens n'ont fait que déménager deux, trois étages plus bas.

Et ils appellent cela le réveil national!

Переводъ.

Манія доносовъ.

Кризисъ, переживаемый цивилизованной Россіей съ конца 1862 г., действительно, замѣтателенъ и ноучителенъ съ точки зрѣнія исторіи патологическаго развитія народовъ. Во всей прошлой исторіи нѣтъ ничего, равнаго странному зрѣлищу, которое Россія являетъ взору наблюдателя въ настоящее время. Кризисъ этотъ вытекаетъ изъ насильно навязаннаго и ненормальнаго порядка вещей, изъ смѣшенія всѣхъ элементарныхъ понятій, ниспровергнутыхъ неслыханнымъ соединеніемъ утонченной культуры съ первобытнымъ, рудиментарнымъ невѣжествомъ, достигая теперь своего кульминаціоннаго пункта: гнилостное броженіе бьетъ черезъ край.

Таковы послѣдствія цивилизациі экзотической и поддѣльной, привитой къ здоровой, но некультурной почвѣ, которая ея не просила; таковы послѣдствія спайки европейскихъ формъ съ восточнымъ абсолютизмомъ, исправленнымъ и систематизированнымъ деспотизмомъ западнымъ.

Только въ послѣдніе годы мы увидѣли всю чудовищность, развивающуюся у насъ со времени Петра I-го, и всю глубину разврата. Достаточно было капли свободы, легкаго дуновенія вѣтерка независимости, проникшаго къ намъ сквозь треснувшія во время Крымской войны стѣны, чтобы развязать и выявить рядомъ съ сильной мыслью, съ энергичнымъ перывомъ весь размахъ развращенности высшаго слоя въ Россіи.

Можно было бы прини въ отчаянье отъ этого новаго больного, перерабатывающаго всѣ продукты питанія въ ядъ, паразитизмъ

котораго является голодомъ людоѣда, а любовь къ своей націи—дикимъ желаньемъ подавлять всѣ остальныхъ,—еслибы внизу не было народа съ его общиной и съ его незараженнымъ гангреною *правомъ на землю*; еслибы не было сѣмянъ, зарытыхъ въ эту землю, на поверхности которой разлагаются служащіе ей удобреніемъ обломки.

Эти грустныя размышленія пришли намъ въ голову по поводу возвращенія шпіонства въ нравы русской прессы. Газеты, субсидируемая и не субсидируемая, черпающія вдохновеніе у *полу-забытаго* великаго князя¹⁾ или въ Бедламѣ русскаго православія, панславистскія или крѣпостническія, всѣ онѣ—всегда доносъ, доносъ сдѣлался ихъ оружіемъ, ихъ жаломъ... Если бы правительство имѣло немножко здраваго смысла и хоть каплю мужества, оно прогнало бы всѣхъ Шуваловыхъ, Тимашевыхъ, Потаповыхъ и прочихъ Видокоевъ²⁾, канчивающихся на *обѣ*, такъ какъ всю ихъ работу прекрасно исполняютъ газеты по дешевой цѣнѣ, а, можетъ быть, и даромъ.

Невозможно выразить словами чувство отвращенія и негодованія, которое овладѣваетъ русскимъ, не страдающимъ полициоманіей, при чтеніи докладовъ въ префектуру нашихъ газетъ.

Положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось съ 1862 г., но манія доносовъ осталась. Катковъ, какъ счастливая мать, окруженная семейю маленькихъ доносчиковъ, кишачихъ вокругъ нея, удалился подъ сѣнь листовъ «Московскихъ Вѣдомостей», сохранивъ за собою общее руководство кампаніей противъ нигилизма, полонизма и сепаратизма и предоставивъ своимъ мальчишкамъ подробности, сплетни.

...На знаменитыхъ пожарищахъ лавокъ съ разнымъ хламомъ, сгорѣвшихъ въ Петербургѣ въ 1862 г., возвышаются блестящіе магазины, независимыхъ газетъ не существуетъ, поляки уничтожены, нигилисты разсѣяны; казалось, ярость доносчиковъ, насытившись, могла бы ослабѣть. Нисколько. Литературный шпіонажъ растетъ.

Приведу два примѣра изъ тысячи.

Два ученыхъ нѣмца, Трейчке³⁾ и Эккардтъ⁴⁾—добрые нѣмцы и желаютъ остаться нѣмцами, такъ какъ въ ихъ огрубѣвшихъ отъ тевтонизма сердцахъ нѣтъ потребности въ руссификаціи. Они затѣяли по поводу балтійскихъ провинцій нѣмецкую полемику. Одинъ находитъ,

¹⁾ Константина Николаевича.

²⁾ Видокъ—знаменитый французскій сыщикъ.

³⁾ Нѣм. историкъ (1834—96).

⁴⁾ Авторъ трудовъ, посвященныхъ Россіи: «Балтійскія провинціи Россіи», «Молодая Россія и старая Лифляндія» и др.

что германизация этих провинций достаточна; но не сильна; другой— что она, сверхъ того, что достаточна, еще и очень сильна. На это бдительный «Голось» настораживается. Онъ не долго ищетъ научной почвы, чтобы поддѣть Эккардта. Онъ находитъ, что этотъ ученый— *русскій подданный*, а какъ таковой, не имѣетъ права *высказывать свое мнѣніе*, если оно не совпадаетъ съ мнѣніемъ полицмейстера, попа и проч. Что нѣмцы, будучи русскими *подданными*, могутъ, не совершая преступленія, любить Германію, это, какъ будто, вполне естественно; если они предпочитаютъ современную Германію Россіи нынѣшняго дня, это доказываетъ только, что они—не дураки, потому что Россія, какъ «музыка будущаго», хороша *въ будущемъ*....И если они спокойно живутъ гдѣ-нибудь въ Ревелѣ или въ Ригѣ, то все въ порядкѣ для вась, для насъ, для закона, но не для *Жаверовъ* изъ «Голоса». «Какъ», спрашиваетъ газета *національнаго пробужденія*, развѣ нѣмецъ Эккардтъ не присягалъ нашему императору? А если присягалъ, то онъ обязанъ любить царя, а не Германію, онъ обязанъ предпочитать всѣмъ странамъ Россію. Если онъ этого не дѣлаетъ, онъ—клятвопреступникъ, предатель... И честный публицистъ идетъ такъ далеко, что задаетъ правительству вопросъ: накажетъ оно или не накажетъ... Чудовищно! Отвратительно!

Второй примѣръ мы возьмемъ изъ газеты, претендующей на независимость; изъ газеты преслѣдуемой, бывшей, не знаю сколько разъ; закрытой, изъ газеты демократически-панславистской, московскаго толка, т.-е. исполненной такого горячаго панславизма, что изъ любви къ разнаго рода славянамъ она хотѣла бы ихъ соединить, обнять, ассимилировать, какъ ассимилируютъ котлету проглотившіе ее ¹⁾).

Посмотримъ, что говоритъ демократическій органъ.

Въ маленькомъ городкѣ, близъ Москвы, жило нѣсколько нѣмцевъ; у которыхъ было очень мало развлеченій, но зато имѣлось сильное желаніе послушать пустословіе пастора; они и выписали изъ Москвы проповѣдника. Но оказалось, что въ скромныхъ квартирахъ этихъ добрыхъ людей не нашлось достаточно большого помѣщенія. Они попросили у полиціи разрѣшенія послушать *нѣмецкую* проповѣдь на общественной площади. Полиція, зная, что нечего опасаться оскорбленія общественной нравственности, вполне справедливо удовлетворила эту просьбу и исполнила свой долгъ, надзираая за ихъ молитвою. Все закончилось вполне мирно: пасторъ разсказалъ своей общинѣ послѣднія новости о протестантскомъ богѣ и сообщилъ о но-

) «Москва» И. Аксакова.

вѣйшихъ и самыхъ надежныхъ средствахъ для полученія вѣчнаго спасенія. Никто ни на что не жаловался, нѣмцы спокойно разошлись по домамъ съ женами подъ руку и съ библіей подъ мышкою; въ девять часовъ всѣ легли спать, и имъ снились нѣмецкіе ангелы Клопштока и англійскіе дьяволы Мильтона.

Но пока эти еретики спали сномъ праведниковъ, одинъ чехъ изъ католической Богеміи не дремалъ. Вмѣсто того, чтобы отправиться въ Констанцу и отпраздновать тамъ праздникъ великаго славянскаго еретика ¹⁾, мученика римской нетерпимости, онъ прогуливался по тому самому маленькому городку святой Руси, гдѣ имѣлъ мѣсто этотъ гнусный актъ терпимости. Чехъ, оскорбленный такой профанаціей рынка, такимъ попущеніемъ, задалъ вопросъ самому себѣ: могъ ли бы въ Вѣнѣ попь священнодѣйствовать на общественной площади? ²⁾ И отвѣтилъ: Нѣтъ!

Рѣшивъ этотъ вопросъ, чехъ сѣлъ за желчную критику противъ вѣротерпимости и отправилъ ее въ газету, въ теченіе нѣсколькихъ днѣвъ подозрѣваемую въ томъ, что она любитъ открытую, свободную борьбу и независимую полемику. И газетка напечатала плодъ усиленнаго труда нашего чеха...

Попробуйте-ка теперь, послѣ всего этого поднятого шума, послѣ того, какъ обращено было вниманіе министровъ и духовенства, попробуйте обратиться къ бѣдному приставу маленькаго городка за разрѣшеніемъ послушать публично священника, не помазаннаго греко-рускимъ масломъ!...

Журналисты, перецеголявшіе полицейскихъ приставовъ! Это намъ напоминаетъ *храбрыхъ офицеровъ императорской гвардіи*, превзошедшихъ своимъ усердіемъ во время процесса Каракозова даже жандармовъ.

Нѣтъ не прошли еще времена Аркачевыхъ, Магницкихъ и Фотіевъ, эти журналисты только спустились двумя-тремя этажами ниже.

И это они называютъ *національнымъ возрожденіемъ!* ¹

◆◆ 1. 9 августа 1868 г. гр. Шуваловъ просилъ Мезенцова сообщить конфиденціально А. Л. Потапову, что корреспонденція проживавшаго въ Вильнѣ отстав. маіора, бывшаго гродненскаго исправника

¹⁾ Намекъ на сожженіе Гусса въ Констанцѣ по приговору застѣвашаго тамъ собора.

²⁾ Какъ будто, можно считать оскорбленіемъ для Россіи, если случайно въ ней не практикуется какая-нибудь мерзость, совершаемая у другихъ. О, наивные друзья, друзья славяне, чистые-славяне. А. И. Г.

Семена Папроцкого, съ издателемъ «М. Вѣдомостей» Катковымъ принимаетъ день ото дня все болѣе враждебный характеръ къ администраціи С.-Западнаго края и что корреспондентъ этотъ сильно вредитъ въ общественномъ мнѣніи управленію генерала Потапова. 6 ноября Папроцкий, по распоряженію министра вн. дѣлъ, подвергнуть полицейскому надзору, съ высылкой въ Пудожъ Олонецкой губ. и съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы и столичныя губерніи. 31 декабря 1871 г. онъ переведенъ былъ въ Астраханскую губ., потомъ въ Харьковскую. Надзоръ былъ снятъ только въ февралѣ 1877 г. Въ январѣ 1870 г. гродненскій жандармъ доносилъ о растлѣвающимъ вліяніи «М. В.», выражающихъ свое неодобреніе администраціи края въ лицѣ виленскаго губернатора контр-адм. Шестакова и попечителя учеб. округа Батюшкова, находя со многими умѣренными людьми, что «правительству, для общаго блага, полезно было бы положить конецъ рѣзкому тону, съ какимъ г. Катковъ позволяетъ въ своихъ статьяхъ отзываться о распоряженіяхъ начальника края» (архивъ III Отдѣленія с. е. и. в. канц., 1 эксп. 1865 г. д. № 103).

3371. Etudes historiques sur les héros de 1825 et leurs prédécesseurs, d'après leurs mémoires.

Conrad Ryléeff et Nicolas Bestoujeff ¹⁾.

Lorsque Ryléeff écrivait son Nalivaiko, écrit Nicolas Bestoujeff, mon frère Michel, étant malade, demeurait chez lui. Un jour Ryléeff entra dans sa chambre et lui récita la célèbre «Confession»:

«Pas un mot, saint-père, tes paroles seront perdues. Je sais que la mort attend celui qui se lève le premier contre les oppresseurs du peuple, je connais mon sort et, saint-père, je le bénis avec joie...».

— «Ryléeff, lui dit Michel, c'est une prédiction que tu nous fais, à nous et à toi le premier.»

— «Penses-tu donc que j'aie pu douter un seul instant de ce qui m'attend?—répondit Ryléeff—Je suis convaincu que notre perte est imminente et qu'elle est nécessaire pour secouer de leur sommeil nos compatriotes endormis.»—

¹⁾ Après la mort de N. Bestoujeff Selenguinsk (en Sibérie), au mois de mai 1855, on a trouvé une partie d'un manuscrit intitulé: Souvenir sur O. Ryléeff. Nous l'avons publié en russe dans «l'Etoile Polaire»; ce sont des extraits de cet article que nous offrons maintenant. A. H.

Bestoujeff ajoute: «Chez lui ce n'était pas un élan généreux, ni l'entraînement d'un moment, c'étaient sa religion calme, sa conviction inébranlable».

Il était présent lorsque Ryléef se sépara de sa mère, qui quittait Pétersbourg. L'idée de ne plus revoir son fils tourmentait la pauvre femme, elle ne pouvait se défaire du pressentiment qu'il allait à une perte sûre: «Sois circonspect, mon ami, lui disait-elle, tu es si imprudent... Le gouvernement est soupçonneux, des espions sont partout aux aguets et toi tu as l'air de te complaire à les provoquer en attirant sur toi leur attention».

— «Vous avez tort, maman, répondit Ryléeff, mon but est au-dessus des taquineries et des provocations à l'adresse de quelques misérables agents de la police. Je suis dissimulé, car j'ai besoin qu'on me laisse tranquille pour agir. Si je parle à coeur ouvert avec mes amis, c'est que notre cause est la même, et si je ne me cache pas de vous, c'est qu'au fond, chère mère, vous partagez nos convictions».

— «Cher Conrad, tu l'avoues toi-même que tu as des projets sinistres. Tu vas au-devant de la mort, sans même le cacher à ta mère».

Elle fondit en larmes.

— «Il ne m'aime pas», dit-elle en se tournant vers moi et me prenant la main. «Vous qui êtes son ami, tâchez donc de le dissuader... Si quelque malheur arrive, moi je ne lui survivrai pas. Je sais que Dieu peut le reprendre à chaque instant, mais attirer sur soi même le malheur...»

Elle ne put continuer.

— «Mère, dit Ryléeff, ce n'était pas mon intention de vous parler de ces choses, de vous troubler, mais je vois bien que vous avez tout deviné. Eh bien! oui, je suis membre d'une société qui a pour but de renverser le gouvernement».

La mère pâlit, et sa main que je tenais devint froide.

— «Ne vous effrayez pas et écoutez-moi avec calme. Nos intentions paraissent téméraires, terribles à celui qui les considère à distance sans s'en pénétrer, sans bien envisager notre but; il ne voit que les dangers qui nous menacent. Mais, vous, ma mère, vous devez voir la chose de plus près et mieux connaître votre fils. Et d'abord, ma mère, est-ce que ce n'est pas vous qui m'avez fait entrer au service militaire? Vous m'avez donc vous-même voué aux dangers et à la mort. Pourquoi n'aviez-vous pas tant de crainte en me faisant soldat? Les honneurs qui pourraient m'échoir auraient-ils atténué votre douleur ou calmé vos craintes? Non... Le monopole de la gloire militaire passe, nous

entrons dans l'époque du courage civique. Eh bien! je verserai mon sang pour acquérir les droits de l'homme à mes compatriotes. Si je réussis, je serai récompensé au delà de mon mérite. Si je succombe et que mes contemporains ne me comprennent pas, vous, ma mère, vous m'apprécierez, moi et la pureté de mes intentions, et la postérité inscrira mon nom parmi ceux qui se sont sacrifiés pour le bien-être des hommes. Ainsi, courage, ma mère, et donnez-moi votre bénédiction».

Je n'ai jamais vu Ryléeff aussi éloquent; ses yeux étincelaient sa figure s'illumina. Sa mère était entraînée, subjuguée par lui;—elle souriait sans pouvoir retenir ses larmes. Elle inclina la tête de son fils, mit la main au-dessus, et avec une expression de douleur et de bonheur, d'angoisse et de contentement intérieur elle le bénit; mais la douleur prenant le dessus, elle dit en sanglotant: «Tout cela est bien... mais je ne veux pas lui survivre!».

Saints et sublimes fanatiques! Faut-il les pleurer ou leur porter envie!

Emporté comme le Christ à son Golgotha, Ryléeff continuait de prêcher comme lui, connaissant sa destinée; mais, simple mortel, sa séparation avec sa mère est plus humaine.

Poète-citoyen—il était l'un et l'autre dans chaque poème, chaque strophe, chaque vers. Tout est pénétré de ce sentiment de dévouement, d'amour complet et de haine ardente ¹⁾.

Jeune homme sans appui, il s'attaqua au monstre, devant lequel tremblait tout le pays—à Araktchéeff.

«On ne peut s'imaginer l'étonnement, la stupéfaction des habitants de Pétersbourg à la lecture de cette poésie. Tout le monde attendait avec anxiété par quoi se terminerait cette lutte d'un enfant avec un géant. L'orage passa par-dessus sa tête. L'engourdissement de terreur se dissipa alors et un murmure d'approbation fut la récompense du jeune poète vengeur. La carrière politique de Ryléeff date de cette poésie».

Il fut remarqué par tout le monde. C'était le temps où la société commençait à se lasser d'un arbitraire sans frein. Une fois membre de la société secrète, le bouillant jeune homme devint tout autre. De poète audacieux, qui jette sur la place publique des malédictions contre un favori redouté, il devint poète prédicateur, prêchant la grande lutte.

Ryléeff (comme Michel Bakounine) commença son service, par l'artillerie; il le quitta bientôt et se retira dans une petite propriété

¹⁾ Nous tâcherons de faire connaître à nos lecteurs ses deux poèmes: *Voinarovsky* et *Nalivaïko*, au moins en prose. *A. H.*

qu'il avait près de Pétersbourg. Il était jeune et marié. En peu de temps il acquit une grande estime parmi ses voisins, qui l'élurent aux fonctions d'un des juges de la cour criminelle, à Pétersbourg.

C'est dans cette charge qu'il acquit une grande popularité parmi le peuple, et Bestoujeff raconte une anecdote très-caractéristique à cet égard.

«Un jour, d'après quelques soupçons, on arrêta un petit bourgeois de Pétersbourg. Comme il n'avouait rien, on l'amena devant le comte Miloradowitch—alors gouverneur général de Saint-Pétersbourg. Le pauvre diable persistait à nier, probablement il était innocent. Miloradowitch, fatigué de ses dénégations, lui déclara qu'il le livrerait à la cour criminelle (il le fit pour l'intimider, connaissant la profonde aversion des gens du peuple pour le tribunal)—mais tout au contraire le bourgeois tomba à ses pieds et le remercia avec des larmes aux yeux pour la grâce qu'il lui faisait.

— Quelle diable de grâce? demande Miloradowitch stupéfié.

— Votre Excellence, vous voulez m'envoyer devant le tribunal, eh bien!—je suis sûr que le tribunal terminera toutes mes tribulations en m'acquittant. Il y a parmi les juges un Monsieur Ryléeff, il ne condamnera pas un innocent».

Dans une affaire qui a eu dans le temps un grand retentissement Ryléeff se faisant l'avocat des paysans du prince Rasoumowski, gagna le procès en faveur des paysans contre le gré non-seulement des puissants, mais de l'empereur même.

Aimé avec passion par ses amis, Ryléeff devint le coeur, le centre ardent et attractif de la Société du Nord. Sans être précisément éloquent—il entraînait tout le monde avec une puissance irrésistible. «Avant d'avoir parlé», il s'emparait déjà de son interlocuteur par ses yeux et par l'expression de ses traits.

... Devant la Commission, Ryléeff prit sur lui toute la responsabilité du 14-26 décembre. Il s'accusait pour faciliter à ses amis la défense. Pourtant il faut convenir qu'il était un des promoteurs principaux et un des acteurs les plus actifs de cette journée ¹⁾.

On ne s'attendait nullement à la mort de l'empereur Alexandre. Réveillés en sursaut par cette nouvelle, les membres de la Société furent encore plus frappés par la seconde. Le bruit de l'abdication de Constantin gagnait du terrain, et pourtant on lui prêtait serment dans toute

¹⁾ Nous trouverons plus de détails sur les circonstances qui précédèrent l'insurrection sur la place d'Isaac dans les mémoires du prince S. Troubetzkoï. A. H.

la Russie. Nicolas voulait hâtivement s'emparer du trône, mais il trouva une vigoureuse résistance dans le général Miloradowitch. Les soldats murmuraient de ce qu'on leur avait caché jusqu'au dernier moment la maladie d'Alexandre et son testament. Un manifeste parut, pour annoncer l'abdication du Césarévitz; le manifeste, qui déliait du serment de fidélité prêté à Constantin, *ne portait pas sa signature*, mais bien celle de son frère cadet, qui allait s'emparer du trône. Tout cela troublait les esprits.

Ryléeff et quelques-uns de ses amis, en petit nombre, voulurent voir de leurs propres yeux où l'on en était. A la nuit tombante (cela pouvait être le 10 ou le 22 décembre), ils s'en allèrent de part et d'autre parler aux soldats; ils leur disaient que l'on cachait le testament de l'empereur défunt par lequel les serfs recevaient la liberté, les soldats ne serviraient dans les rangs que quinze ans. Ils trouvèrent les soldats tout prêts, et les nouvelles se répandirent avec une grande rapidité, comme ils l'avaient constaté le lendemain matin. Il était impossible, de perdre une telle occasion.

«Je ne crois pas au succès, disait Ryléeff à N. Bestoujeff, mais le moment est propice; dans tous les cas il faut risquer et oser. Si nous périssons, nous donnerons un exemple qui réveillera».

Le 12 décembre Ryléeff apprit qu'un jeune officier, Rostovtzeff, appartenant à la Société, a eu une entrevue avec Nicolas, et sans dénoncer les personnes lui a fait part des projets de soulèvement, etc.

«Dans ce cas, qu'y a-t-il à faire?» demanda Ryléeff à N. Bestoujeff.

— Ne communiquer à personne la nouvelle et agir immédiatement. Mieux vaut être pris sur la place publique que dans son lit. Au moins on saura ce que nous voulons et pourquoi nous périssons répondit Bestoujeff.

Ryléeff se jeta à son cou. «J'étais sûr, lui dit-il, que tu le dirais, je suis encore plus sûr que nous allons à notre perte, n'importe, en avant!

L'idée de Ryléeff, simple et parfaitement juste, était de réunir au plus vite les troupes dévouées et de marcher sans perdre de temps au Palais d'Hiver. Il était facile de s'en emparer à l'improviste, ayant avec soi des soldats de la garde qui connaissaient toutes les issues. Les militaires trouvèrent tant d'objections, que ce plan, peut-être le seul possible, fut abandonné; on se décida à faire une insurrection sur la place d'Isaac.

De grand matin, le 14-26, Bestoujeff vint chercher Ryléeff. Il l'attendait déjà. Ils s'embrassèrent et voulurent sortir, lorsque éperdue, sanglotant, la femme de Ryléeff leur barra le chemin.

Elle saisit la main de Bestoujeff et s'écria: «Laissez-moi mon mari, ne l'emprenez pas, il va à sa perte, il va à sa perte!—Nastia, viens, prie ton père pour moi, pour toi». Et la petite de Ryléeff, tout en larmes, embrassait les genoux de son père.

Sa femme, se sentant mal, inclina sa tête sur la poitrine de Ryléeff; il la posa doucement sur un sofa; elle était évanouie, et s'arrachant de l'enfant il se précipita dehors.

(On a trouvé encore, après le décès de N. Bestoujeff, quelques fragments se rapportant à la journée du 14/26 décembre 1825. Un de ces fragments continue évidemment les souvenirs de Ryléeff, un second appartient à un autre manuscrit. L'incident décrit est extrêmement dramatique. Mais où est le commencement? où est la suite? Quel malheur irrémédiable si nous avons perdu ce saint héritage d'un des meilleurs, des plus énergiques acteurs de la grande conspiration! Voici le premier fragment):

«Nous nous séparâmes. J'arrivai assez tard sur la place, amenant avec moi l'équipage de la garde. Ryléeff me serra sur son coeur, c'était notre baiser de liberté. «Nos prévisions s'accomplissent, me dit-il, nos derniers moments s'approchent, mais aussi c'est notre premier souffle d'indépendance, et pour cet instant je donne volontiers ma vie».

Ces paroles sont les dernières que Ryléeff m'ait adressées.

Bestoujeff le revit encore sept mois après. Tous deux étaient dans les casemates du ravelin d'Alexis sans se voir, bien entendu. Une fois, après le souper, le caporal qui servait Bestoujeff ouvrit la porte,—au moment même Ryléeff passait sous escorte pour prendre l'air. Bestoujeff écarta le caporal et se jeta au cou de Ryléeff—on les sépara.

Ce fut leur adieu. Quelques jours après, l'archiprêtre lui racontait le *carmen horrendum*, comme il l'a fait à Yakouchkine.

II.

«... Mon épée était depuis longtemps dans le fourreau.

Je me tenais dans l'intervalle du carré formé par le régiment de Moscou et l'équipage de la garde. Enfonçant mon chapeau et me croisant les bras, je pensais aux paroles de Ryléeff: «Que nous respirions l'air de la liberté», et je voyais que cet air commençait à manquer. Les cris des soldats ressemblaient plutôt aux cris suprêmes d'une agonie. Nous étions entourés de tous côtés; l'inactivité dans laquelle nous restions glaça les coeurs, remplit d'effroi les esprits; celui qui s'arrête à mi-chemin est déjà à demi-vaincu.

Un vent perçant et froid venait de son côté geler le sang des soldats et des officiers, si longtemps exposés sur une place découverte... L'attaque

contre nous cessa, le «hourrah!» des soldats devint moins fréquent. Le jour tombait, tout à coup nous vîmes les régiments s'écarter des deux côtés pour faire place à l'artillerie. Les bouches des canons étaient braquées contre nous, tristement éclairées par les crépuscules grisâtres d'une soirée d'hiver.

Le métropolitain vint lui-même nous admonester et s'en retourna sans succès. Le général Souhosanet s'approcha en montrant l'artillerie; on lui cria à haute voix qu'il était «un pleutre».—C'étaient les derniers efforts de notre indépendance.

Le premier coup de canon retentit, la mitraille se répandit en soulevant la neige et la poussière, en frappant la rue et les maisons; quelques hommes tombèrent du front; des spectateurs inoffensifs qui se tenaient sous la colonnade du Sénat furent blessés ou tués. Sept hommes de nos rangs, tués instantanément, tombèrent comme évanouis; je n'ai pas vu de convulsions, je n'ai pas entendu de cris—telle était la force de la mitraille à cette petite distance. Un silence absolu régnait parmi les vivants et les morts. D'autres coups de canon jetèrent par terre un tas de soldats et d'hommes du peuple. Les carreaux, les châssis des fenêtres tombaient avec fracas, et avec eux tombaient silencieusement des hommes qui restaient raides et sans mouvement; j'étais comme pétrifié à ma place en attendant le coup qui m'emporterait. L'existence en ce moment me parut si accablante, si amère que je souhaitai la mort. Le sort en décida autrement. Après le cinquième, le sixième coup, la colonne s'ébranla. Lorsque je revins à moi, la place entre moi et la colonne qui fuyait était vide d'hommes et couverte de tués; je rejoignis la colonne en me frayant un chemin entre des cadavres. Il n'y avait ni cris, ni plaintes, mais on entendait la neige fondant sous le sang chaud et l'on voyait ensuite le sang se convertir en glace.

Un escadron de chevaliers-gardes se mit à notre poursuite; entrant dans une rue étroite (Galernaïa), les masses l'encombrèrent. C'est là que j'atteignis les grenadiers de la garde et rencontrai mon frère Alexandre. Nous arrê tâmes quelques dizaines d'hommes pour faire face à une attaque et couvrir la retraite, mais l'empereur *préféra* tirer des coups de canon tout le long de la rue.

La mitraille atteignait mieux que les chevaux et nous fûmes forcés de nous disperser. A chaque pas on voyait tomber des soldats et des hommes du peuple; les soldats frappaient aux portes des maisons, se cachaient derrière les murs, où la mitraille les atteignait par ricochet, en rebondissant des murs opposés. C'est ainsi que la colonne et la masse du peuple, criblées de coups, atteignirent le croisement de la rue par une

autre rue, où elles étaient attendues par une partie du régiment des grenadiers de Paul.

Ayant perdu de vue mon frère, j'entrai dans une porte cochère entr'ouverte, et je me trouvai en face du maître de la maison. Deux individus bien habillés se précipitèrent en même temps vers la porte; mais au moment où l'un d'eux entra, un coup de mitraille l'étendit devant nous. Son corps nous barra le chemin. Avant que j'aie eu le temps de me baisser et de relever sa tête, il était mort: le sang jaillissait de deux côtés, de la poitrine et du dos. «Mon Dieu, s'écria le propriétaire, n'y a-t-il pas moyen de le secourir». Je lui montrai la plaie qui traversait de part en part le jeune homme.

«Que la volonté de Dieu s'accomplisse. Entrons vite chez moi, autrement nous risquons que notre nombre ne diminue encore». Nous traversâmes tous trois la cour; le maître de la maison frappa à la porte: un aboiement fort retentit des chambres, qui semblaient vides.

— Permettez-moi, nous dit-il, de vous demander, messieurs, qui j'ai l'honneur de recevoir chez moi avant que le domestique ne vienne calmer le chien et tirer les verroux. Je montrai mes épaulettes d'officier supérieur et la croix que je portais.

— Et vous?

Le jeune homme qui avait une très-agréable physionomie, lui déclara son nom de famille, qu'à mon grand regret j'ai oublié.

Le domestique, après avoir tiré divers verroux et ouvert des cadenas, montra sa tête.

— Je ne suis pas seul, tiens le chien; et en nous donnant une poignée de main il nous invita à entrer. La précaution n'était pas inutile, un énorme chien se débattait, retenu avec peine par le domestique.

Nous entrâmes dans une pièce du rez-de-chaussée, le domestique apporta une bougie, le maître lui ordonna de fermer immédiatement les volets donnant sur le quai et sur la cour, de fermer les portes et de dire à tout le monde qu'il n'y était pas.

Les coups de canon continuaient le long de la rue et de la Néva; on entendait la fusillade de deux côtés. Cela dura une dizaine de minutes; les canons se turent les premiers; les coups de fusil devenaient plus rares et cessèrent bientôt complètement.

On nous offrit du thé sans lait, le propriétaire faisait maigre. Quoique notre conversation roulât sur les terribles événements de la journée, elle était froide et guindée. Nous ne nous connaissions pas, et la méfiance liait les langues. La contrainte perçait à travers la politesse et l'urbanité. Je regardais notre hôte. C'était un homme de ma taille, il pouvait avoir

quarante cinq ans, d'une santé robuste, de beaux traits et regardant avec des yeux noirs qui parlaient en faveur de son caractère. Pas un cheveu blanc dans ses cheveux noirs; sur son habit gris on voyait la plaque d'une décoration napolitaine.

Lorsque la tranquillité fut complètement rétablie, et que le domestique qui sortait de temps en temps dans la rue nous dit que l'on ne voyait personne, à l'exception des patrouilles, le jeune homme se leva, remercia le maître de la maison, répéta son nom de famille et sortit sur le quai, conduit par le domestique. Les convenances ne me permettaient pas de rester plus longtemps, mais je pensais que pour moi il était peu sûr encore de quitter la maison. Et lorsque l'hôte s'approcha de moi, après avoir reconduit le jeune homme, comme s'il voulait me le rappeler, je lui dis: «Vous avez fait une bonne oeuvre en nous sauvant de la mitraille, et maintenant le danger d'être blessé ayant cessé, le jeune homme s'en est allé; la politesse m'enjoint de le suivre, mais je vous dirai franchement pourquoi j'ai besoin de vous demander encore l'hospitalité pour une heure ou deux: je suis un de ceux qui ont amené sur la place les troupes qui n'ont pas prêté serment à Nicolas».

L'hôte pâlit; un doute, une indécision parcoururent ses traits.

— C'en est fait, lui dis-je, voyant sa consternation. Vous pouvez disposer de moi, me livrer comme un rebelle ou me donner un asile comme à un malheureux que l'on persécute.

Il me tendit la main en disant: Restez chez moi autant que cela est nécessaire à votre sécurité.

— Pesez bien votre décision. Outre ce que je vous ai communiqué, il faut que vous sachiez le nom de celui...

— Du tout, du tout votre malheur suffit; et me prenant par la main avec effusion il me fit asseoir. Vous êtes un homme généreux, lui dis-je, que Dieu vous récompense; quant à moi, je n'abuserai pas de votre condescendance.

— Passons dans une autre chambre, me dit-il, moi j'occupe ordinairement celle-là. En voyant la lumière à travers les fentes, quelqu'un peut venir.

Il me conduisit dans une autre pièce toute encombrée de meubles.

«Ma femme est à la campagne, me dit-il, je suis sur mon départ; la maison est vide, à l'exception de ces deux chambres et d'une troisième occupée par mon fils, qui est aide de camp près de...

Notre conversation devint plus intime. Mon hôte avait été témoin de la disposition des troupes, il avait vu de ses yeux si les soldats voulaient du nouvel empereur.

En touchant l'incident que c'était moi qui avais amené les troupes, je lui dis mon nom de famille.

— N'êtes-vous pas le fils d'Alexandre Bestoujeff, qui a été capitaine à l'école de génie?

Je donnai une réponse affirmative.

— Eh bien, je suis enchanté de ce que je puis rendre service au fils de mon bienfaiteur. J'ai reçu mon éducation sous sa direction, et après, je peux le dire, je fus son ami jusqu'à ce que les circonstances nous aient séparés.

Il me raconta alors sa vie, elle n'était pas riche en incidents; l'événement le plus important c'est qu'il était très-bien connu de l'empereur Alexandre, avait été même en correspondance avec lui, avait reçu quelque mission pour l'étranger et était en outre correspondant du comité scientifique de l'artillerie. En parlant du défunt empereur, il montra un grand attachement pour lui, prit son portrait qu'il portait sur lui et le baisa, ajoutant que c'était l'empereur lui-même qui le lui avait donné, parce qu'il ne voulait rien recevoir comme récompense de ses services.

La politesse cordiale de mon hôte m'enchantait—le temps passait vite, et il était près de huit heures lorsque le chien commença à aboyer. Un bruit fort se fit entendre derrière la porte fermée.

Notre conversation s'arrêta. Le maître de la maison parut un peu troublé, mais en voyant entrer un beau jeune homme en uniforme, il me dit à voix basse que c'était son fils.

Le jeune officier dit à son père que c'était avec peine qu'il avait pu s'échapper de la cour, mettre d'autres habits et y retourner.

Il était tellement préoccupé par les événements qu'il m'aperçut à peine, et sans s'informer comment le père avait passé cette journée, il se mit à parler chaleureusement de l'empereur, des troupes, de l'artillerie.

— Comment donc tout cela s'est-il terminé? demanda le père, moi je me suis éloigné de la place quand on a commencé à tirer.

— On a dispersé ce tas de coquins; quelques officiers qui étaient avec eux ont été arrêtés.—On présume que tout cela était tramé par les frères Bestoujeff;—il y en a beaucoup qui ont pris part et pas un de ces gredins n'a été pris.

Je serrai mes mains et mes dents.

Ma position ne me permettait pas de relever l'injure. Le père tressaillit, me jeta un regard et dit à son fils:

— N'injurie pas, cher ami, si légèrement ces gens sans avoir pesé ce qu'ils ont fait. Tu les envisages du point de vue des courtisans, mais

si tu avais été sur la place publique comme moi, tu parlerais autrement. Ici le père ajouta quelques considérations très-raisonnables sur le doute des soldats concernant l'abdication de Constantin.

Le jeune homme n'avait rien à contredire, il partit.

— Vous voyez, dit le père, que vous n'êtes pas en sûreté même dans ma maison. Vous avez entendu les opinions de mon fils.

— Moi-même j'ai l'intention de vous quitter, je veux vous remercier et prendre congé.

— Non, attendez un peu, il n'est pas tard: Nous souperons ensemble, la ville se tranquillisera plus en attendant». (ici finit le fragment, écrit sur cinq petites feuilles et demie de papier grossier et d'une main très-peu lisible ¹⁾).

P. S. Le jour de l'exécution, N. Bestoujeff et les autres officiers de la marine étaient expédiés à Kronstadt, pour être dégradés devant leurs compagnons d'armes. ils étaient escortés par des artilleurs de la marine. Un jeune sergent parla à Bestoujeff de l'affaire de Ryléeff et lui récita quelques-uns de ses chants révolutionnaires, chants qui n'ont jamais été imprimés. «Les jeunes canonniers qui savent bien lire et écrire, ont tous des copies de ces vers et d'autres dans ce genre», disait le sergent.

Ce sont ces poésies et d'autres dans ce genre qui ont éduqué toute la génération, qui suivait dans l'ombre ces hommes héroïques.

Переводъ.

Кондратій Рылѣвъ и Николай Бестужевъ.

«Когда Рылѣвъ писалъ своего «Наливайко», сообщаетъ Николай Бестужевъ, братъ мой Михаилъ былъ боленъ и жилъ у него. Однажды Рылѣвъ зашелъ къ нему въ комнату и прочелъ ему знаменитую «Исповѣдь».

«Извѣстно мнѣ: погибель ждет
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла....

. . . . .
Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю».

¹⁾ C'est avec cette note que nous avons reçu la copie du manuscrit qui inséré dans l'Étoile polaire (VII-e vol.) A. H.

— «Рылѣвъ,—сказаль ему Михайль,—ты предсказываешь намъ нашу судьбу, мнѣ и тебѣ первому.

— «Неужели ты думаешь, что я сомнѣвался хоть одну минуту въ томъ, что меня ожидаетъ?—отвѣтилъ Рылѣвъ.—Я убѣжденъ, что гибель наша неминуема и что она необходима для того, чтобы стряхнуть сонъ съ нашихъ заснувшихъ соотечественниковъ».

Бестужевъ прибавляетъ: «Это не было у него великодушнымъ порывомъ или минутнымъ увлеченіемъ, это была его спокойная религія, его непоколебимое убѣжденіе».

Онъ присутствовалъ при прощаніи Рылѣва съ матерью, покидавшей Петербургъ. Мысль, что она больше не увидитъ своего сына, мучила бѣдную женщину; она не могла отдѣлаться отъ предчувствія, что онъ идетъ на вѣрную гибель. «Будь осмотрительнымъ, другъ мой, говорила она ему, ты такъ неостороженъ... Правительство подозрительно, всюду подстерегаютъ шпіоны, а тебѣ, кажется, нравится провоцировать ихъ, привлекая на себя ихъ вниманіе.

«Ошибаетесь, матушка,—отвѣтилъ Рылѣвъ.—Моя цѣль повыше поддразниванія и подстреканія какихъ-то жалкихъ полицейскихъ агентовъ. Я скрываюсь, ибо для того, чтобы дѣйствовать, мнѣ необходимо, чтобы меня оставили въ покоѣ. Если я откровенно говорю съ своими друзьями, то это потому, что у насъ общее дѣло, и если я ничего не скрываю отъ васъ, то это, дорогая мама, потому что въ сущности вы раздѣляете наши убѣжденія.

— «Милый Кондратій, ты самъ сознаешься, что у тебя какіе-то зловѣщіе планы. Ты идешь навстрѣчу смерти и даже не скрываешь этого отъ твоей матери.

«И она залилась слезами.

— «Онъ не любитъ меня,—сказала она, обратясь ко мнѣ и взявъ меня за руку.—Вы—другъ его, постарайтесь отговорить его... Если случится несчастіе, я не переживу его. Я знаю, что Господь каждую минуту можетъ взять его у меня, но самому накликачь на себя несчастіе...

«Она не могла продолжать.

— «Матушка, сказаль Рылѣвъ,—въ мои намѣренія не входило рассказать вамъ обо всемъ этомъ, взволновать васъ, но, какъ я вижу, вы сами все угадали. Ну, такъ знайте: да, я—членъ общества, поставившаго себѣ цѣлью ниспроверженіе правительства.

«Мать поблѣднѣла, и рука ея, которую я держаль въ своей, стала холодной.

— «Не пугайтесь и выслушайте меня спокойно. Намѣренія наши кажутся дерзкими, ужасными тому, кто видитъ ихъ только на разстояннн, кто не проникся ими и не смотритъ нашей цѣли прямо въ лицо; такой человѣкъ видитъ только угрожающія намъ опасности. Но вы, мама, вы должны быть ближе знакомы съ этимъ дѣломъ и лучше знать своего сына. И, прежде всего, мама, развѣ не вы заставили меня поступить на военную службу? Значить, вы сами обрекли меня на опасность и на смерть. Почему у васъ не было такого страха, когда вы сдѣлали изъ меня солдата? Развѣ почести, которыя могли бы выпасть на мою долю, смягчили бы вашу горе или уменьшили бы вашъ страхъ? Нѣтъ... Вѣкъ монополнн военной славы проходить, мы вступаемъ въ полосу гражданскаго мужества. Да, я пролью свою кровь для того, чтобы завоевать права человѣка для моихъ соотечественниковъ. Если я достигну этого, я буду вознагражденъ сверхъ своихъ заслугъ. Если я паду, и современники мои не поймутъ меня, вы, матушка, воздадите мнѣ должное, мнѣ и чистотѣ моихъ намѣреннн, а потомство впишетъ мое имя среди тѣхъ, кто пожертвовалъ собою ради блага людей. Итакъ, мама, мужайтесь и благословите меня.

«Никогда не видѣлъ я Рылѣва столь краснорѣчивымъ; глаза его сверкали, лицо зажглось внутреннимъ огнемъ. Мать его была увлечена, покорена имъ,—она улыбалась сквозь слезы. Она наклонила голову своего сына, возложила на нее руку и съ выраженнемъ страданнн и счастья, страха и внутренняго удовлетвореннн благословила его. Но горе, все-таки, осилило и она произнесла, глотая слезы:

— «Все это прекрасно, но я не хочу пережить его!..»

Святые, возвышенные фанатики! Слѣдуетъ ли ихъ оплакивать или завидовать имъ?

Влекомый на Голгофу, какъ Христось, Рылѣвъ, подобно ему, продолжалъ свою проповѣдь, отлично зная свою судьбу, но такъ какъ онъ былъ простой смертный, то его разставанье съ матерью носило болѣе человѣческой характеръ.

Поэтъ-гражданинъ, онъ былъ тѣмъ и другимъ въ каждой своей поэмѣ, въ каждой строфѣ, въ каждомъ стихѣ. Все проникнуто чувствомъ самопожертвованнн, безграничной любви и пламенной ненависти.

Молодой человѣкъ безъ всякой поддержки, онъ напалъ на чудовище, передъ которымъ трепетала вся страна,—на Аракчеева.

«Невозможно себѣ представить удивленнн, оцѣпенѣнн жителей Петербурга при чтеннн этихъ стиховъ! Всѣ, затаивъ дыханнн, ожидали,

чѣмъ кончится эта борьба между ребенкомъ и великаномъ. Буря промчалась, не задѣвъ его головы. Тогда оцѣпенѣніе, вызванное страхомъ, прошло, и ропоть одобренія былъ наградою молодому поэту-мстителю. Политическая карьера Рылѣва началась съ этого стихотворенія».

Всѣ обратили на него вниманіе. То было время, когда общество уже начинало тяготиться не знавшимъ никакихъ границъ произволомъ.

Сдѣлавшись членомъ тайного общества, кипучій молодой человекъ совершенно измѣнился. Изъ дерзкаго поэта, всенародно посылающаго проклятія страшному временщику, онъ превращается въ поэта-пророка, проповѣдывающаго великую борьбу.

Рылѣвъ (какъ Михаилъ Бакунинъ) началъ свою службу въ артиллеріи; вскорѣ онъ покинулъ службу и удалился въ свое маленькое помѣстье поблизости отъ Петербурга. Онъ былъ молодъ и женатъ. Въ короткое время онъ заслужилъ большое уваженіе среди своихъ сосѣдей, избравшихъ его членомъ уголовного суда въ Петербургѣ.

Именно въ этой должности онъ приобрѣлъ среди населенія большую популярность, и Бестужевъ приводитъ анекдотъ, очень характерный въ этомъ отношеніи.

«Однажды, по подозрѣнію, былъ арестованъ въ Петербургѣ какой-то мѣщанинъ. Такъ какъ онъ ни въ чемъ не сознавался, то его привели къ графу Милорадовичу, бывшему тогда петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Бѣдняга продолжалъ настаивать на своей невинности,—вѣроятно, онъ и не былъ виновенъ. Милорадовичъ, утомленный его отрицательными отвѣтами, объявилъ ему, что предать его уголовному суду (онъ сказалъ ему это, чтобы напугать, такъ какъ зналъ глубокое отвращеніе народа къ суду), но нашъ мѣщанинъ, какъ разъ наоборотъ, упалъ къ его ногамъ и со слезами на глазахъ сталъ благодарить за оказанную милость.

— «Какой чортъ милость? спросилъ пораженный Милорадовичъ.

— «Ваше превосходительство хотите предать меня уголовному суду, но я увѣренъ, что судъ прекратитъ всѣ мои мытарства, оправдавъ меня. Между судьями есть г. Рылѣвъ, онъ-то не осудитъ невинного».

Въ много шумѣвшемъ въ свое время процессѣ Рылѣвъ въ качествѣ адвоката со стороны крестьянъ кн. Разумовскаго выигралъ дѣло въ пользу крестьянъ противъ воли не только могущественныхъ лицъ, но даже самого императора.

Страстно любимый своими друзьями, Рылѣвъ сталъ сердцемъ, центромъ, горячимъ и притягательнымъ, Сѣвернаго общества. Не будучи краснорѣчивымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, онъ

всѣхъ увлекалъ могуществомъ своего вліянія, которому невозможно было противостоять. Еще не начавъ говорить, онъ уже завладѣвалъ своимъ собесѣдникомъ выраженіемъ глазъ и всего лица.

... Передъ комиссіей Рылѣевъ взялъ на себя всю отвѣтственность за 14/26 декабря. Онъ взвалилъ на себя вину, чтобы облегчить защиту своимъ друзьямъ. Все же, нужно сознаться, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ двигателей и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ героевъ этого дня.

Никто не ожидалъ смерти императора Александра. Новость эта поразила членовъ общества, но еще больше они были потрясены второй новостью. Все дальше и дальше распространялся слухъ объ отреченіи Константина, а, между тѣмъ, вся Россія присягала ему. Николай желалъ спѣшно завладѣть престоломъ, но встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе въ лицѣ генерала Милорадовича. Солдаты роптали на то, что до послѣдняго момента отъ нихъ скрывали болѣзнь Александра и его завѣщаніе. Появился манифестъ, возвыщавшій объ отказѣ цесаревича отъ престола, но манифестъ, освобождавшій отъ присяги Константину, *не имѣлъ его подписи*, а лишь подпись его младшаго брата, который собирался завладѣть престоломъ. Все это волновало умы.

Рылѣевъ и нѣсколько человекъ (въ небольшомъ числѣ) изъ круга его друзей желали лично убѣдиться, въ какомъ положеніи дѣло. Вечеромъ (вѣроятно, 10/22 декабря) они вели въ разныхъ частяхъ бесѣду съ солдатами; они имъ сказали, что отъ нихъ скрыли завѣщаніе покойнаго императора, которымъ крестьяне объявлялись свободными, а срокъ службы солдатъ сокращался до пятнадцати лѣтъ. Они встрѣтили въ солдатахъ полную готовность, и новость о манифестѣ распространилась съ поразительной быстротой, какъ они убѣдились въ томъ на слѣдующее утро. Нельзя было упускать такой случай.

«Я не вѣрю въ успѣхъ», говорилъ Рылѣевъ Бестужеву, но моментъ благопріятенъ; во всякомъ случаѣ надо рѣшиться и рискнуть. Если мы погибнемъ, то дадимъ примѣръ, который разбудитъ другихъ».

12-го декабря Рылѣевъ узналъ, что молодой офицеръ Ростовцовъ, членъ тайнаго общества, былъ принятъ Николаемъ и, не называя имени, рассказалъ ему о проектахъ возстанія и т. п.

— «Что теперь дѣлать?»—спросилъ Рылѣевъ Н. Бестужева.

— «Не сообщать никому этой новости и дѣйствовать немедленно. Лучше быть арестованнымъ на площади, чѣмъ въ постели. Будутъ знать, по крайней мѣрѣ, чего мы хотимъ и за что гибнемъ,—отвѣтилъ Бестужевъ».

Рылѣвъ кинулся ему на шею.

— «Я былъ увѣренъ, что ты это скажешь; еще больше увѣренъ я въ томъ, что мы идемъ на гибель, но все равно, впередъ!»

Планъ Рылѣва, простой и вѣрный, состоялъ въ томъ, чтобы, собравши какъ можно скорѣе преданныя части войскъ, итти, не теряя времени, на Зимній дворецъ. Имѣя съ собою гвардейскихъ солдатъ, знавшихъ всѣ ходы и выходы, легко было завладѣть дворцомъ, если неожиданно напасть на него. Но военные выдвинули столько возраженій, что планъ этотъ, можетъ быть, единственный выполнимый, былъ оставленъ. Рѣшено было организовать возстаніе на Исаакіевской площади.

Рано утромъ 14/26 декабря Бестужевъ зашелъ за Рылѣвымъ. Тотъ уже ожидалъ его. Они поцѣловались и хотѣли выйти, какъ вдругъ имъ преградила дорогу взволнованная рыдающая жена Рылѣва.

Она схватила Бестужева за руку и вскрикнула: «Оставьте мнѣ моего мужа, не уводите его, онъ идетъ на гибель, онъ идетъ на гибель! Настя, проси папу, чтобы онъ пожалѣлъ меня и тебя». И маленькая дочка Рылѣва кинулась къ нему и, вся въ слезахъ, обняла его колѣни.

Жена его, почувствовавъ себя дурно, склонилась головою къ нему на грудь; онъ осторожно положилъ ее на диванъ; она была въ обморокъ, а онъ, вырвавшись изъ объятій ребенка, убѣжалъ.

(Послѣ смерти Н. Бестужева найдено было еще нѣсколько отрывковъ, имѣвшихъ отношеніе къ дѣлу 14/26 декабря 1825 г. Въ одномъ изъ нихъ заключается, очевидно, продолженіе воспоминаній о Рылѣвѣ, второй относится къ другой рукописи. Въ немъ описанъ въ высшей степени драматическій эпизодъ. Но гдѣ начало? Гдѣ продолженіе? Какое непоправимое несчастіе, если мы потеряли это святое наслѣдство одного изъ лучшихъ, изъ самыхъ энергичныхъ дѣйствующихъ лицъ великаго заговора! Вотъ первый отрывокъ).

«Мы разстались. Я прибылъ на площадь довольно поздно, приведя туда Гвардейскій экипажъ. Рылѣвъ прижалъ меня къ своей груди, это былъ нашъ поцѣлуй свободы. «То, что мы предвидѣли, сбывается,—сказалъ онъ. Приближаются наши послѣднія минуты, но въ то же время это—первое дуновеніе независимости, и за этотъ мигъ я охотно отдаю свою жизнь».

«То были послѣднія слова, съ которыми Рылѣвъ обратился ко мнѣ».

Семь мѣсяцевъ спустя, Бестужевъ увидѣлъ его еще разъ. Оба сидѣли въ казематахъ Алексѣевского рavelина, конечно, не видя другъ друга. Однажды послѣ ужина унтеръ-офицеръ, прислуживавшій Бестужеву, открылъ дверь его камеры; какъ разъ въ эту минуту проходилъ на прогулку подъ ковоемъ Рылѣевъ. Бестужевъ оттолкнулъ унтера и бросился на шею къ Рылѣеву—ихъ разлучили.

Это было ихъ послѣднее прощаніе. Нѣсколько дней спустя протоіерей сообщилъ ему *carmen horrendum*, какъ сообщилъ ее и Якушкину.

II.

«Сабля моя давно уже была въ ножнахъ.

«Я стоялъ въ интервалѣ карре, которое составляли Московскій полкъ и Гвардейскій экипажъ. Нахлобуча шляпу и скрестивъ руки, я думалъ о словахъ Рылѣева: «Хоть бы подышать намъ воздухомъ свободы,» и я видѣлъ, что этого воздуха начинаетъ нехватать. Крики солдатъ больше походили на послѣдніе крики умирающихъ. Мы были окружены со всѣхъ сторонъ; бездѣйствіе, въ которомъ мы пребывали, леденило сердца, наводило на насъ ужась; тотъ, кто оставливается на полпути, уже вполонину побѣжденъ.

«Холодный пронзительный вѣтеръ, въ свою очередь, леденилъ кровь солдатъ и офицеровъ, остававшихся такъ долго на открытомъ мѣстѣ...Атака на насъ прекратилась; не такъ часто слышались «ура» солдатъ. День смеркался; вдругъ мы увидѣли, что полки разступаются на обѣ стороны, уступая мѣсто артиллеріи. Дула пушекъ были направлены на насъ, печально освѣщаемыя сѣроватыми сумерками зимняго вечера.

«Пришелъ самъ митрополитъ увѣщевать насъ, но удалился не добившись успѣха. Генераль Сухозанетъ приблизился, показывая намъ на артиллерію, ему громко кричали, что онъ подлець. То были послѣднія усилія нашей независимости.

«Раздался первый пушечный выстрѣлъ; картечь разсыпалась, подымая снѣгъ и пыль, попадая въ мостовую и въ дома; упало нѣсколько человѣкъ во фронтъ; мирные зрители, стоявшіе подъ колоннадою сената, были ранены или убиты. Семь человѣкъ въ нашихъ рядахъ, моментально убитые, свалились, какъ въ обморокъ; я не видѣлъ судорогъ, не слышалъ криковъ,—такова была сила картечи на близкомъ разстояніи. Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Слѣдующіе пушечные выстрѣлы повалили кучу солдатъ и людей изъ народа. Съ трескомъ падали стекла и оконницы, и съ ними

молча падали люди, остававшіеся неподвижными; я какъ бы окаменѣлъ, стоя на мѣстѣ и ожидая выстрѣла, который уложитъ и меня. Жизнь представлялась мнѣ въ эту минуту такой тяжелой, такой горькой, что я желалъ себѣ смерти. Но судьба рѣшила иначе. Послѣ пятого или шестого выстрѣла колонна дрогнула. Когда я очнулся, то увидѣлъ что на всемъ пространствѣ между мною и бѣгущею колонною не было ни одного живого человѣка, но оно было покрыто убитыми; я нагналъ колонну, прокладывая себѣ дорогу между трупами. Не было ни криковъ, ни жалобъ, но было слышно, какъ отъ горячей крови таятъ снѣгъ, и затѣмъ видно было, какъ замерзала кровь.

«Эскадронъ конной гвардіи бросился насъ преслѣдовать; когда онъ свернулъ въ узкую улицу (Галерную), толпа преградила ему путь. Тамъ-то я настигъ лейбъ-гренадеръ и встрѣтилъ моего брата Александра. Мы остановили нѣсколько десятковъ человѣкъ, чтобы лицомъ къ лицу встрѣтить атаку и защитить отступленіе, но императоръ предпочелъ стрѣлять вдоль улицы изъ пушекъ.

«Картечь настигала лучше, нежели лошади, и мы вынуждены были разсѣяться. Мы видѣли, какъ на каждомъ шагу падали солдаты и люди изъ народа; солдаты стучались въ ворота и прятались за стѣны, гдѣ, отскакивая отъ противоположныхъ стѣнъ, картечь настигала ихъ рикошетомъ. Такимъ-то образомъ колонна и масса народа подъ градомъ выстрѣловъ дошла до перекрестка, где ихъ ожидала часть Павловскаго гренадерскаго полка.

«Потерявъ изъ виду своего брата, я вошелъ въ полуоткрытыя ворота и очутился лицомъ къ лицу съ хозяиномъ дома. Двое хорошо одѣтыхъ людей бросились одновременно со мною туда же; но въ томъ моментъ, когда одинъ изъ нихъ входилъ, онъ былъ у насъ на глазахъ убитъ картечью. Тѣло его загородило намъ дорогу. Прежде, нежели я успѣлъ нагнуться, чтобы приподнять его голову, онъ былъ уже мертвъ, кровь лилась съ обѣихъ сторонъ—изъ груди и изъ спины. «Боже мой—воскликнулъ хозяинъ дома,—неужели нѣтъ средства помочь ему? Я показалъ ему на сквозную рану въ тѣлѣ молодого человѣка.

— «Да будетъ воля божія! Пойдемте поскорѣе ко мнѣ, иначе мы рискуемъ, что насъ станеть еще меньше». Мы всѣ трое, перешли дворъ; хозяинъ постучалъ въ дверь; изъ пустыхъ, повидимому, комнатъ раздался громкій лай.

«—Позвольте мнѣ, господа, прежде, чѣмъ лакей успокоитъ собаку и откроетъ запоры, узнать, кого я имѣю честь у себя принимать? сказалъ намъ хозяинъ. Я указалъ ему мои офицерскіе эполеты и крестъ, который носилъ.

«—А вы?

«Молодой человекъ, съ очень пріятной фізіономіей, назвалъ ему свою фамилію, которую я, къ большому моему сожалѣнію, позабылъ.

«Лакей, отодвинувъ всевозможные запоры и открывъ замокъ, высунулъ голову.

«—Яне одинъ, поддержи собаку.—И, подавъ каждому изъ насъ руку, онъ пригласилъ насъ войти. Предосторожность не была излишня: огромная собака, съ трудомъ сдерживаемая лакеемъ, рвалась и билась.

«Мы вошли въ комнату нижняго этажа, лакей принесъ свѣчу, и хозяинъ приказалъ ему немедленно закрыть ставни, выходящіе на набережную и во дворъ, запереть всѣ двери и говорить всѣмъ, что его нѣтъ дома.

«Пушечные выстрѣлы продолжались вдоль улицы и Невы; съ двухъ сторонъ слышна была ружейная стрѣльба. Продолжалось это минутъ десять—первыми замekli пушки; ружейные выстрѣлы становились рѣже и вскорѣ совсѣмъ замолкли.

«Намъ подали чаю безъ сливокъ, потому что нашъ хозяинъ постился. Хотя разговоръ вертѣлся вокругъ ужасныхъ происшествій дня, тѣмъ не менѣе онъ былъ холоденъ и сухъ. Мы не знали другъ друга, и взаимная недовѣрчивость связывала наши языки.

«Принужденность свѣтилась сквозь вѣжливость и учтивость. Я разсматривалъ нашего хозяина. Онъ былъ съ меня ростомъ; по виду ему можно было дать лѣтъ сорокъ пять; онъ былъ здоровъ, крѣпокъ, съ прекрасными чертами лица, а черные глаза его говорили въ пользу его характера. Въ черныхъ волосахъ не было ни одной сѣдины, а въ петлицѣ его сѣраго сюртука виднѣлась розетка неаполитанскаго ордена.

«Когда возстановилась полная тишина, и слуга, вышедшій отъ времени до времени на улицу, сказывалъ, что никого не видно, кромѣ патрулей, молодой человекъ всталъ, поблагодарилъ хозяина дома, повторилъ свою фамилію и, сопровождаемый слугою, вышелъ на набережную. Приличія не позволяли и мнѣ оставаться долѣе, но я считалъ еще опаснымъ выйти изъ дому. И когда хозяинъ, проводя молодого человека, подошелъ ко мнѣ, какъ бы желая напомнить объ этомъ, я ему сказалъ: «Вы сдѣлали великодушное дѣло, укрывъ насъ отъ картечи, и теперь, такъ какъ опасность быть раненымъ миновала, молодой человекъ ушелъ. Учивость требуетъ, чтобы и я послѣдовалъ за нимъ, но скажу вамъ откровенно, почему я вынужденъ попросить у васъ

гостеприимства еще на часъ или на два: я—одинъ изъ тѣхъ, которые вели на площадь войска, не присягнувшія Николаю».

«Хозяинъ мой поблѣднѣлъ. Сомнѣніе, нерѣшимость выразились на его лицѣ.

«Прошлога не воротишь,—сказаль я, видя его ужась.—Вы можете располагать мною: можете выдать меня, какъ бунтовщика, или укрѣть, какъ преслѣдуемаго несчастливца.

«Онъ протянулъ мнѣ руку со словами:—Оставьте у меня, сколько найдете нужнымъ для вашей безопасности».

«—Взвѣсьте хорошенько ваше рѣшеніе. Сверхъ мною сказаннаго, нужно же знать вамъ и имя того...

«—Совсѣмъ не нужно, мнѣ довольно одного вашего несчастія,—и, съ чувствомъ взявъ меня за руку, онъ заставиль меня сѣсть.

«—Вы великодушный человекъ,—сказаль я ему,—да вознаградить васъ богъ. А что касается меня, то я не злоупотреблю вашей снисходительностью.

«—Перейдемъ въ другую комнату,—сказаль онъ мнѣ.—Я всегда занимаю вотъ эту, и, увидавъ свѣтъ сквозь щели, кто-нибудь, пожалуй, еще зайдетъ ко мнѣ.

«Онъ вывелъ меня въ другую комнату, всю заставленную мебелью.

«— Жена моя въ деревнѣ,—сказаль онъ мнѣ,—я собираюсь также на-дняхъ ѣхать; весь домъ пустъ, кромѣ этихъ двухъ комнатъ и третьей, которую занимаетъ мой сынъ, адъютантъ...

«Разговоръ нашъ сдѣлался откровеннѣе. Хозяинъ мой былъ свидѣтелемъ расположенія войскъ, онъ собственными глазами видѣлъ, желали ли солдаты новаго государя.

«Когда въ разговорѣ рѣчь зашла о томъ, что войска на площадь были приведены мною, я назвалъ свою фамилію.

«—Не сынъ ли вы Александра Бестужева, бывшаго капитаномъ въ инженерномъ корпусѣ?

«Я отвѣчалъ утвердительно.

«—Въ такомъ случаѣ я счастливъ, что могу оказать услугу сыну моего благодѣтеля. Я воспитывался подъ его руководствомъ, а послѣ—могу сказать это смѣло,—быль его другомъ, пока обстоятельства не разлучили насъ.

«И онъ разсказаль мнѣ исторію своей жизни; она не была богата происшествіями; самымъ замѣчательнымъ было то, что его хорошо зналь императоръ Александръ, что онъ даже переписывался съ нимъ, получилъ порученіе за границу и, между прочимъ, былъ корреспондентомъ ученаго артиллерійскаго комитета. Говоря о покойномъ импе-

раторъ, онъ обнаружилъ большую привязанность къ нему, взявъ въ руки его портретъ, бывший на немъ, и поцѣловаль его, прибавивъ, что императоръ самъ его подарилъ ему, такъ какъ онъ отказался отъ какой бы то ни было награды за свои заслуги.

«Сердечность моего хозяина мнѣ несказанно нравилась; время быстро промелькнуло, и было уже около восьми часовъ вечера, когда опять залаяла собака. За запертой дверью послышался сильный шумъ.

«Разговоръ нашъ пресѣкся. Хозяинъ дома, казалось, немного смутился, но, когда въ комнату вошелъ красивый молодой человекъ въ военной формѣ, онъ шепнулъ мнѣ, что это его сынъ.

«Молодой офицеръ сказалъ отцу, что насилу удалось ему урваться изъ дворца, чтобы переодѣться, и что онъ долженъ туда вернуться. Онъ столько былъ занятъ происшествіями, что почти вовсе не замѣтилъ меня, и не справившись, какъ отецъ провелъ этотъ день, принялся съ жаромъ рассказывать о государѣ, войскахъ и артиллеріи...

«—Чѣмъ же все это кончилось?—спросилъ его отецъ.—Я ушелъ съ площади, когда началась стрѣльба.

«—Разогнали эту толпу мерзавцевъ. Нѣсколько офицеровъ, бывшихъ съ ними, арестованы. Предполагаютъ, что все это затѣяли братья Бестужевы; ихъ тутъ безъ счету, и ни одного изъ этихъ подлецовъ не могли поймать.

«Я стиснулъ руки и зубы.

«Положеніе мое не позволяло мнѣ отвѣчать на ругательства. Отецъ весь задрожалъ, взглянулъ на меня и обратился къ своему сыну:

«—Не брани, любезный другъ, такъ легкомысленно людей, не разсудивъ хорошенько о ихъ поступкахъ. Ты смотришь на нихъ съ точки зрѣнія придворныхъ, но, если бы ты былъ на площади, какъ я, ты по другому заговорилъ бы.—И отецъ прибавилъ нѣсколько очень дѣльныхъ замѣчаній о сомнѣніяхъ солдатъ насчетъ отреченія Константина.

«Молодому человеку нечего было возразить, и онъ уѣхалъ.

«—Вы видите,—сказалъ отецъ,—что вамъ не безопасно даже въ моемъ домѣ. Вы слышали мнѣніе моего сына.

«—Я самъ собираюсь уйти, я только хотѣлъ поблагодарить васъ и проститься съ вами.

«—Нѣтъ, подождите еще немного, еще не поздно. Мы поужинаемъ, а тѣмъ временемъ въ городѣ станетъ еще спокойнѣе.

(На этомъ заканчивается отрывокъ, писанный очень неразборчивымъ почеркомъ на пяти съ половиной маленькихъ листочкахъ грубой бумаги).

Р. S. Въ день казни Н. Бестужевъ и другіе флотскіе офицеры были привезены въ Кронштадтъ для того, чтобы надъ ними совершили обрядъ разжалованія въ присутствіи ихъ товарищей по оружію. Сопровождала ихъ морская артиллерія. Молодой унтеръ-офицеръ говорилъ съ Бестужевымъ о дѣлѣ Рылѣва и цитировалъ нѣкоторыя изъ его революціонныхъ пѣсенъ, никогда не бывшихъ въ печати. «Всѣ грамотные канониры имѣють у себя копіи этихъ стиховъ и другихъ въ такомъ же родѣ»,—сказалъ унтеръ-офицеръ.

Вотъ эти-то стихи и другіе въ такомъ же родѣ воспитали все поколѣніе, проводившее въ мракъ этихъ героевъ.

3372. [L'ex-réfugié B. Kelsieff].

L'ex-réfugié B. Kelsieff vient de publier un volume de ses mémoires. Il raconte comment il s'est livré, comment l'empereur lui a pardonné, et quelques antécédents de son passé.

Nous ne voulons pas jeter de pierre au repentant, mais nous avons lu son livre avec tristesse. Mieux vaudrait ne pas l'avoir publié. Lorsqu'on est forcé, même contre son gré, de ne publier qu'une partie de la vérité, on court toujours le risque de dire le faux, même en ne voulant pas mentir. Nous reviendrons dans une de nos feuilles, non au livre, mais à l'auteur.

Переводъ.

Эксъ-эмигрантъ В. Кельсіевъ.

Эксъ-эмигрантъ В. Кельсіевъ тояко-что издалъ томъ своихъ мемуаровъ. Онъ рассказываетъ, какъ онъ отдался въ руки властей, какъ государь простилъ его, и передаетъ также нѣсколько фактовъ изъ своего прошлаго.

Мы не хотимъ бросить камнемъ въ кающагося, но съ грустью читали его книгу. Лучше было бы не печатать ея. Когда бываешь принужденъ, даже противъ своего желанія, печатать только часть правды, есть всегда рискъ сказать неправду, даже не желая лгать. Въ одномъ изъ нашихъ нумеровъ мы вернемся—не къ самой а къ ея автору.

3378. Le littérateur Boulantzoff.

А côté des grands dénonciateurs littéraires, nous commençons aussi à avoir des mouchards lettrés dans le genre du célèbre de la Hodde, de Chenu, de Schnepf et autres. Des espions ont écrit et fait imprimer des livres avant notre époque, mais ils gazaient au moins leur métier qui, comme divers «inodores», ont une existence, mais n'ont pas de nom avouable. Grâce à l'exemple des grands maîtres que nous avons cités et au journalisme russe, qui a fait de la délation une branche de l'art oratoire et une arme de la polémique, la feuille de vigne tombe, et nous voyons in crudo l'apparition d'un livre écrit par un bas-officier d'origine noble, Boulantzoff, sous ce titre: Mémoires d'un espion pendant l'apaisement de l'insurrection polonaise. Saint-Pétersbourg, 1868.

C'est dommage que le bas-officier soit resté plus fidèle à l'adjectif de son rang qu'à celui de son origine.

Переводъ.

Литераторъ Буланцовъ.

Рядомъ съ знаменитыми литературными доносчиками у насъ появляются и ученые шпионы, въ родѣ Hodde, Chenu, Schnepf и др. Шпионы писали и печатали свои книги и до нашего времени, но они, по крайней мѣрѣ, прикрывали свое ремесло, которое, подобно разнымъ непахучимъ, существуетъ, но не имѣетъ признаннаго названія. Благодаря великимъ учителямъ, которыхъ мы упомянули, и русской журналистикѣ, сдѣлавшей доносъ вѣтвью ораторскаго искусства и полемическимъ оружіемъ, виноградный листокъ спадаетъ, и передъ нами in medio ¹⁾ является книга, написанная нижнимъ чиномъ благороднаго происхожденія, Буланцовымъ, подъ заглавіемъ: «Записки лазутчика во время усмиренія мятежа въ Польшѣ, въ 1863 году», Петербургъ, 1868.

Жаль, что нижній чинъ остался болѣе вѣренъ прилагательному своего ранга, чѣмъ происхожденія. ¹

◆◆ 1. Книга вышла безъ имени автора, но вотъ что напечатано въ ея «предисловіи»:

«Составитель «Записокъ лазутчика» ун.-оф. изъ дворянъ Буланцовъ, поступивъ въ 1863 году охотникомъ въ плочкій военный отдѣлъ,

¹⁾ Въ нагомъ видѣ.

оказалъ необыкновенную смѣлость, самоотверженіе и смѣтливость. Зная отлично польскій языкъ и мѣстность края, онъ отправлялся переодѣтымъ, нерѣдко одинъ, въ самые опасные мѣста, открывалъ банды, давая возможность истреблять ихъ до послѣдняго человѣка, содѣйствовали поимкѣ важныхъ преступниковъ, большею частью жандармовъ-вѣшателей, отыскивалъ скрытые мятежниками военные и съѣстные припасы, одежду и оружіе и сообщалъ весьма полезныя свѣдѣнія. Не входя въ психологическій разборъ дѣятельности лазутчика, считаемъ многіе изъ описанныхъ имъ случаевъ весьма любопытными и достойными вниманія читателей, желающихъ ознакомиться съ закулисными тайнами польскаго мятежа 1863 года».

3374. [Дѣло старообрядца Шумина].

Malgré quelques actes d'indépendance de la nouvelle procédure russe, il se fait des choses qui même ont soulevé l'indignation de journaux aussi dénonciateurs que «la Gazette de Moscou». Parmi ces cas nous citerons celui du vieux Schoumine dissident, échappé des travaux forcés de la Sibérie, arrêté et condamné par le tribunal d'arrondissement du département de Wladimir (section de la ville de Schouya) à cinquante coups de fouet (opération connue dans la marine anglaise sous le nom de lashes) et à la déportation en Sibérie aux travaux des mines pour six ans; condamné de même en seconde instance par la Cour de Justice de Moscou. Cet atroce résultat paraît être dû à l'incapacité des deux instances dans l'interprétation des articles du code qui se rapportent au cas donné, articles qui leur offraient toute latitude d'agir humainement, comme le cas lui-même leur en faisait l'obligation.

En premier lieu, Schoumine, dissident, originaire d'un village du département de Wladimir, membre de l'Eglise des anciens croyant avait été condamné, le 5 mai 1864, par la Cour de Justice du département, à la privation de tous les droits de condition et à dix ans de travaux dans les forts de la Sibérie, pour un vol avec effraction d'objets sacrés, commis dans l'église orthodoxe du village de Drosdovv. Ces objets sacrés étaient un livre imprimé, contenant les évangiles, que Schoumine se proposait de lire pour le comparer avec la rédaction faite d'après sa croyance, et puis de le restituer, c'est-à-dire de replacer l'objet soustrait à l'endroit où il l'avait pris. Il est évident que le vol n'a pas été commis par cupidité, l'objet lui-même ne pouvant représenter une valeur assez lucrative pour qu'un paisible habitant s'expose à tant de

risques et périls; mais il serait impossible de ne pas voir dans le fait mentionné la folle du fanatisme religieux, trop souvent inhérente aux hommes de cette trempe. Aussi l'individu, vu son âge et son caractère, paraît avoir été mieux traité par les autorités administratives de Tobolsk et d'Irkoutsk qu'il ne l'a été par les cours de justice anciennes et nouvelles de la Grande Russie. En Sibérie, on ne le fit pas travailler dans les forts, où le travail est le plus pénible: il fut occupé aux salines d'Oussolsk. Mais ce travail même lui parut au-dessus de ses forces; il fut saisi d'une idée fixe, celle d'aller mourir dans un des ermitages de ses coreligionnaires, voyant là un moyen spécifique pour le salut de son âme. Il s'échappa après trois semaines de réclusion et parvint jusque dans les environs de son pays natal au bout de l'an. Aperçu dans un cabaret de relais par des gens de son arrondissement, il ne chercha pas à les éviter, ni à leur cacher son identité; tout au contraire, il leur raconta sa déportation et sa fuite avec une parfaite franchise. (D'ailleurs, on voit même plus tard, dans son appel devant la Cour de Justice de Moscou, une tendance prononcée à être le martyr de sa foi). Livré, dans la rencontre ci-dessus, à la justice, il fit devant le tribunal d'arrondissement les mêmes aveux qu'il avait faits aux personnes qu'il venait de rencontrer. Son défenseur devant le tribunal se rangea à l'avis du substitut du procureur, M. Rang, c'est-à-dire que, trouvant des circonstances atténuantes d'une extrême valeur dans l'état de fanatisme du prévenu, dans l'absence de sa part de tout délit pendant son séjour aux salines d'Oussolsk et pendant tout le temps de sa fuite, ces messieurs proposèrent, d'après l'article 775 de la loi, de soumettre la cause à la grâce impériale.

Or, l'article 775 du nouveau Code pénal conduisait nécessairement à une commutation de peine, si ce n'est à une absolution complète. Cet article est une nouvelle introduction dans la loi russe et paraît être une imitation très-rapprochée de la loi anglaise. Nous croyons devoir la citer textuellement comme preuve de tout ce que nous avons avancé ici: «Dans des cas extraordinaires, lorsqu'il se présente des raisons particulières pour alléger le sort de prévenu, le tribunal a le droit d'intercéder devant Sa Majesté Impériale par le moyen de Ministre de la justice ¹⁾, pour la commutation de la peine à un degré dépassant les limites du pouvoir judiciaire, ou bien même pour le pardon complet du prévenu, qui aurait été entraîné au crime par un malheureux concours de circonstances». Nous ne pouvons nous dispenser de montrer

¹⁾ Ce qui équivalait dans la loi anglaise au terme de «Secretary of State office». A. H.

à cette occasion que le gouvernement, dans sa réforme judiciaire, n'avait que deux modèles à suivre par rapport à la question de la «grâce impériale»: la loi anglaise ou celle du code pénal de l'empereur Nicolas. Il n'y avait plus de choix à faire, car la dernière offrait un grand ridicule. Non-seulement la loi de l'empereur Nicolas (Code, édit 1857, t. XV, art. 168) obligeait le tribunal, pour parvenir à la grâce de sa Majesté, de passer par les instances intermédiaires et le Sénat; mais le tribunal n'avait aussi que des cas désignés qui lui donnaient le droit de s'adresser au chef suprême, parmi lesquels nous citerons deux des plus remarquables: 1) «Si le prévenu, outre l'aveu sincère et libre de son crime, mérite des considérations particulières pour son long et irréprochable service, ou d'autres mérites et qualités; 2) si le prévenu, étant d'une religion étrangère (de culte non chrétien) c'est converti à la religion orthodoxe pendant le cours de l'instruction criminelle ou de procès judiciaire». Il est évident que c'était le fonctionnaire qui avait pillé le peuple pendant nombre d'années (chose considérée d'autant moins reprochable que l'individu était plus haut placé) qui pouvait obtenir son pardon; ou que tout filou bon à pendre qui se ferait admettre à l'Eglise russe pouvait obtenir son pardon, mais que jamais un tribunal ne se hasarderait d'ennuyer les Cours supérieures et la majesté impériale pour sauver un malheureux pauvre d'esprit ou tourmenté par les circonstances de la vie. Quant à l'affaire, dont nous nous occupons présentement, elle témoigne encore une chose peu consolante dans l'existence sociale. Malgré que la vanité réformatrice ait conduit le gouvernement à se ranger du côté de la loi anglaise, la force de la tradition judiciaire a dominé les juges, soit étroitesse d'intelligence, soit petitesse de caractère, ils se sont rangés dans le sens du code précédent, ils n'ont pas osé sauver le malheureux, quoiqu'ils ne risquaient rien de remplir leur devoir et de parvenir à bonne fin. L'avis intelligent du substitut du procureur de Wladimir n'a pas servi à dégager leur entendement. Le vieux Schoumine, malgré ses aveux libres et sincères, fut, comme nous l'avons dit, condamné par le tribunal de Wladimir (section de la ville de Schuya) à recevoir cinquante coups de fouet et à être déporté en Sibérie aux travaux forcés pour six ans. Les juges ont même considéré le cas comme un acte magnanime de leur part, en admettant que la sentence réduisait la peine au minimum. Il est bon de remarquer que le gouvernement, dans sa réforme judiciaire, n'a pas su abolir entièrement la peine corporelle, qui jusqu'à présent n'a pu corriger personne, ni développer personne, excepté le bourreau et ses protecteurs; le gouvernement n'a pas su abolir la peine corporelle, malgré l'introduction

redoublée de la peine de mort, au moyen d'une mixture de tribunal civil et militaire, qui va bientôt élever le nombre de cas qui se terminent par la sentence de fusiller au moins au nombre de ceux qui se terminent par la peine corporelle et les travaux forcés. Or, l'abolition de la peine de mort en générale et de celle au moyen de la fusillade en particulier, aurait peut-être mieux servi la moralité du soldat et la cause de l'humanité que la suppression des balles explosibles, «désapprouvées par l'art militaire pour leur inefficacité au combat ¹⁾».

Schoumine, effrayé de ne pas être en état de subir les coups de fouet, fit un appel à la Cour supérieure de Moscou. Il mentionna dans son appel qu'il avait été jugé sans la convocation du Jury; qu'il était puni comme étant âgé de moins de cinquante ans, tandis qu'il en avait soixante. Pour preuve du dernier argument, il l'en remettait aux registres de la chapelle des vieux-croyants de la commune d'Ivanow, ou il avait été baptisé par un prêtre qui y était venu de la commune des vieux-croyants de Rogojskoyé (ce qui, certes, n'était pas difficile à constater, le village d'Ivanow se trouvant peu éloigné de Moscou, et la commune de Rogojskoyé faisant partie de la ville de Moscou même). Schoumine avait aussi basé son appel sur l'art. 775 du nouveau Code pénal que nous avons cité. Mais la cour supérieure de Moscou fut, de même que la Cour de Wladimir, saisie de la peur traditionnelle, de la nullité judiciaire traditionnelle. Et tout en citant l'inspection faite au mois de mai par le médecin de la ville de Wladimir, qui avait constaté que le prévenu ne pourrait pas subir la punition corporelle, ayant au moins l'âge de cinquante-cinq ans ²⁾ et se sentant encore faible des suites d'une fièvre intermittente dont il n'était délivré que depuis huit jours, fièvre qui l'avait retenu alité pendant trois semaines; tout en citant l'opinion de M. Rang, substitut du procureur de Wladimir; tout en citant l'absence de délit de la part du prévenu, excepté celui du fanatisme, tout en citant tous les pour, la cour supérieure de Moscou ne prit en considération qu'un seul contre, qui se réduisait à une explication arbitraire du sens de la loi. La loi, dit la cour supérieure de Moscou, n'accorde qu'au tribunal même de décider, s'il y a lieu de s'adresser à la grâce impériale; mais l'appelant n'a pas le droit de demander à la cour qu'elle ait recours à la grâce impériale. Là-dessus, la cour supérieure de Moscou, se rangeant à l'avis de son procureur, confirma en tous points la sentence du tribunal de Wladimir. La cour était com-

¹⁾ Nous tenons ce témoignage de la part d'un officier distingué. A. H.

²⁾ Pourquoi la Cour supérieure de Moscou ne s'est-elle pas donné la peine de préciser l'âge du prévenu, d'après les registres de la paroisse des vieux-croyants? A. H.

posé: du Président Ravinsky; des membres Preis et Isvolcky; du procureur Stadolesky et du sous-secrétaire Dobroff. L'explication de ces messieurs offre une nouvelle preuve que la cour n'avait qu'à décider qu'il y a lieu de s'adresser à la grâce impériale. D'ailleurs, nous avons cité la loi en question, et c'est à nos lecteurs à juger si la triste sentence des deux tribunaux peut soutenir la critique du bon sens et d'une explication raisonnable de la loi.

Переводъ.

На ряду съ немногочисленными актами независимости новаг русскаго судопроизводства тамъ происходятъ вещи, которыя вызвали негодованіе даже со стороны такихъ газетъ-доносчиковъ, какъ, на примѣръ, «Московскія Вѣдомости». Мы передадимъ одинъ подобный случай изъ числа многихъ. Старикъ Шуминъ, раскольникъ, бѣжавшій съ каторжныхъ работъ въ Сибири, былъ арестованъ и приговоренъ въ Шуѣ выѣздной сессіей владимірскаго окружнаго суда къ пятидесяти ударамъ плетью (наказаніе, извѣстное въ англійскомъ флотѣ подъ названіемъ lashes) и къ шестилѣтней ссылкѣ въ Сибирь на работы въ рудникахъ; приговоръ былъ утверждёнъ московской судебной палатой. Этимъ ужаснымъ исходомъ дѣло обязано неспособности обѣихъ инстанцій къ правильному толкованію статей уложенія, относящихся къ данному случаю,—статей, которыя давали имъ полную возможность поступить гуманно, подобно тому, какъ самъ случай ихъ къ тому обязывалъ.

Въ первый разъ, Шуминъ, раскольникъ, уроженецъ деревушки Владимірскаго губерніи, прихожанинъ старообрядческой церкви, былъ приговоренъ, 5 мая 1864 г., губернской судебной палатой къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ десятилѣтней ссылкѣ въ Сибирь, на каторжные работы въ крѣпостяхъ, за учиненную имъ въ православной церкви деревни Дроздово кражу со взломомъ священныхъ предметовъ. Эти священные предметы состояли въ книгѣ, содержащей евангелія, которую Шуминъ предполагалъ прочесть, чтобы сравнить ее съ евангельскимъ текстомъ въ редакціи, соотвѣтствующей его вѣрѣ, а затѣмъ вернуть,—другими словами, положить похищенный предметъ на то мѣсто, откуда онъ его взялъ. Очевидно, что воровство было совершено не изъ алчныхъ побужденій, ибо самъ похищенный предметъ не представлялъ собою цѣнности достаточно высокой, чтобы ради нея мирный обыватель подвергъ себя такому риску и такимъ опасностямъ. Но въ рассказанномъ случаѣ невозможно не видѣть помѣ-

шательства на почвѣ религіознаго фанатизма; столь часто присушаго людямъ этого типа. Вотъ почему административныя власти Тобольска и Иркутска, принявъ во вниманіе возрастъ и характеръ этого человѣка, и отнеслись къ нему лучше, чѣмъ старыя и новыя суды Великороссіи. Въ Сибири, вмѣсто крѣпостей, гдѣ трудъ очень изнурителенъ, его заставили работать на соляныхъ заводахъ Усольска. Но даже и эти работы оказались ему не по силамъ; онъ былъ весь охваченъ одной мыслью, а именно бѣжать, чтобы умереть въ одномъ изъ скитовъ, основанныхъ его единовѣрцами, видя въ этомъ единственное средство спасенія своей души. Спустя три недѣли, онъ бѣжалъ и къ концу года прибылъ въ родныя мѣста. Узнанный на одномъ изъ постоянныхъ дворовъ земляками, онъ не пытался ни скрыться, ни отрицать свое тождество. Наоборотъ, онъ чистосердечно разсказалъ имъ о своей ссылкѣ и своемъ бѣгствѣ. (Впрочемъ, даже и позже, въ апелляціонной жалобѣ, поданной имъ московской судебной палатѣ, видно явное желаніе быть мученикомъ за вѣру). Переданный во время вышеупомянутой встрѣчи въ руки правосудія, онъ въ окружномъ судѣ повторилъ показанія, сдѣланныя при встрѣчѣ съ земляками. Защитникъ его въ судѣ присоединился къ мнѣнію товарища прокурора г. Ранга, которое сводилось къ тому, что, находя огромной важности смягчающія вину обстоятельства въ состояніи религіознаго фанатизма, которымъ охваченъ обвиняемый, и въ отсутствіи съ его стороны какихъ-либо преступленій за время его пребыванія на соляныхъ заводахъ Усольска, какъ и за все время, протекшее послѣ его бѣгства, эти господа полагаютъ, что, согласно ст. 775 закона, настоящее дѣло надлежитъ подвергнуть милостивому разрѣшенію императора.

Ст. 775 новаго уголовного уложенія приводила неизбежно къ смягченію наказанія, если не къ совершенному освобожденію. Эта статья является нововведеніемъ въ русскомъ законѣ и, какъ кажется, представляетъ весьма близкое подражаніе англійскому закону. Мы полагаемъ, что должны привести его текстуально, въ подтвержденіе сказаннаго здѣсь: «Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда представляются особыя уваженія къ облегченію участи подсудимаго, суду предоставляется ходатайствовать предъ императорскимъ величествомъ, чрезъ министра юстиціи, о смягченіи наказанія въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ судебной власти (ст. 774), или даже о помилованіи подсудимаго, вовлеченнаго въ преступленіе несчастнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ». Мы не можемъ не воспользоваться даннымъ случаемъ, чтобы показать, что въ вопросѣ о «царской милости» правительство имѣло передъ собою два образца, а именно: въ англійскомъ

законодательствѣ и въ уложеніи императора Николая, приче́мъ у него не было выбора, такъ какъ послѣднее представляло собою нѣчто чрезвычайно смѣхотворное. Не только законъ императора Николая (см. Уложение, изд. 1857, т. XV, ст. 168) обязывалъ судъ, раньше, чѣмъ прибѣгнуть къ милости его величества, пройти цѣлый рядъ промежуточныхъ инстанцій и сенатъ, но, къ тому же, случаи, когда суду было предоставлено право обращаться къ главѣ государства, были точно опредѣлены. Укажемъ, среди другихъ, два особенно замѣчательныхъ: 1) Если обвиняемый, помимо искренняго и свободнаго признанія своего преступленія, заслуживаетъ особаго уваженія за свою долгую и безпорочную службу или другія заслуги и качества и 2) если обвиняемый инославнаго (не христіанскаго) вѣроисповѣданія обратился въ православіе въ теченіе уголовного слѣдствія или судебного процесса. Очевидно, на прощеніе могъ рассчитывать только чиновникъ, который грабилъ народъ: безчисленное множество лѣтъ (обстоятельство, считавшееся гѣмъ менѣе заслуживающимъ упрека, чѣмъ выше былъ поставленъ грабитель), или же отъявленный негодяй, воплѣтъ заслуживающій висѣлицы, присоединившійся къ русской церкви, но что судъ никогда не рѣшится докучать судебнымъ палатамъ и его императорскому величеству, чтобы спасти бѣдняка, совершившаго проступокъ въ припадкѣ невмѣняемости или подъ вліяніемъ несчастно сложившихся обстоятельствъ. Что касается дѣла, которымъ теперь занято наше вниманіе, то оно является, сверхъ того, мало утѣшительнымъ показателемъ для состоянія нашего общества. Несмотря на то, что реформаторское тщеславіе заставило правительство пойти по пути англійскаго закона, традиціи оказались сильнѣе судей. Узость ли ума виновна, или же ихъ малодушіе, но въ данномъ случаѣ они приняли за руководство старое уложеніе, не осмѣлились спасти несчастнаго, хотя ничѣмъ не рисковали бы, если бы исполнили свой долгъ и привели дѣло къ благополучному концу. Разумное мнѣніе, высказанное товарищемъ прокурора, оказалось безсильнымъ прочистить ихъ мыслительныя способности. Старикъ Шуминъ, несмотря на свободное и чистосердечное признаніе, былъ, какъ мы уже сказали, приговоренъ шуйской выѣздной сессіей владимірскаго окружнаго суда къ пятидесяти ударамъ плетью и къ ссылкѣ на шесть лѣтъ въ Сибирь въ каторжныя работы. И этотъ приговоръ, въ глазахъ судей, свидѣтельствовалъ еще объ ихъ великодушіи, такъ какъ присуждалъ обвиняемаго къ минимальному наказанію. Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что правительство, въ своей судебной реформѣ, не совершенно сумѣло отмѣнить тѣлесное наказаніе, которое еще никого не исправило и никого не обнаружало, исключая палача и его покровителей; оно не сумѣло

отмѣнить его, несмотря на сугубое введеніе въ уголовный кодексъ смертной казни, достигнутое смѣщеніемъ суда гражданскаго съ военнымъ, благодаря чему число случаевъ, кончающихся разстрѣломъ, скоро достигнетъ, по меньшей мѣрѣ, числа случаевъ, кончающихся тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкой въ каторжныя работы. Хотя, быть можетъ, отмѣна смертной казни, вообще, и посредствомъ разстрѣла, въ частности, оказала бы лучшее вліяніе на нравственность солдатъ и вѣрнѣе содѣйствовала бы дѣлу человѣчности, чѣмъ уничтоженіе взрывчатыхъ пуль, «негодность которыхъ доказана военнымъ искусствомъ»¹⁾.

Шуминъ, въ ужасѣ, что не будетъ въ состояніи выдержать удары плетью, подалъ апелляціонную жалобу въ московскую судебную палату. Въ ней онъ ссылался на то, что былъ судимъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей и что приговоренъ къ наказанію, предполагающему возрастъ не свыше пятидесяти лѣтъ, тогда какъ ему шестьдесятъ. Въ подтвержденіе послѣдняго аргумента онъ ссылался на записи старообрядческой церкви въ Ивановской общинѣ, гдѣ былъ крещенъ старообрядческимъ священникомъ, явившимся туда изъ Рогожской общины (что, безъ сомнѣнія, легко было удостовѣрить, такъ какъ деревушка Иваново расположена недалеко отъ Москвы, Рогожская же община составляетъ часть этой послѣдней). Онъ основывалъ свою жалобу также на ст. 775 новаго уголовного уложенія, которую мы уже приводили. Но московская судебная палата, подобно владимірскому окружному суду, была охвачена традиціоннымъ трепетомъ, традиціоннымъ судейскимъ ничтожествомъ. Приведя протоколъ медицинскаго осмотра, имѣвшаго мѣсто въ маѣ, удостовѣряющій, что подсудимый не можетъ выдержать тѣлесное наказаніе, имѣя отъ роду не меньше пятидесяти пяти лѣтъ²⁾ и чувствуя себя еще слабымъ послѣ перемежающейся лихорадки, отъ которой онъ оправился лишь восемь дней назадъ и которая держала его прикованнымъ къ постели въ теченіе трехъ недѣль; приведя мнѣніе товарища прокурора владимірскаго окружнаго суда, соглашающагося съ тѣмъ, что преступленіе подсудимаго объясняется только религіознымъ фанатизмомъ, приведя, далѣе, всѣ *за*, палата приняла въ соображеніе единственное *противъ*, сводящееся къ произвольному толкованію духа закона. Законъ, такъ говоритъ судебная палата, представляетъ только самому суду рѣшить вопросъ о томъ, умѣстно ли

¹⁾ Ссылаемся здѣсь на свидѣтельство выдающагося офицера. *А. И. Г.*

²⁾ Почему московская судебная палата не дала себѣ трудъ съ точностью установить возрастъ подсудимаго на основаніи записей старообрядческаго прихода? *А. И. Г.*

въ данномъ случаѣ обращеніе къ высочайшей милости; но подающему апелляціонную жалобу не предоставлено просить палату прибѣгнуть къ ней. Посему московская судебная палата, присоединяясь къ мнѣнію прокурора, утвердила, во всѣхъ пунктахъ, приговоръ владимѣрскаго окружнаго суда. Составъ палаты: предсѣдатель *Ровинскій*, члены *Прейсъ* и *Извольскій*, прокуроръ *Стадольскій* и товарищъ секретаря *Добровъ*. Толкованіе этихъ господъ лишній разъ доказываетъ, что палатѣ предстояло рѣшить только одинъ вопросъ, а именно, *умѣстно* ли было въ данномъ случаѣ обращеніе къ высочайшей милости. Впрочемъ, текстъ закона нами приведенъ, и читатели сами уже рѣшатъ, можетъ ли позорный приговоръ двухъ судебныхныхъ инстанцій выдержать критику здраваго смысла и разумнаго толкованія закона.

3375. Письмо къ С. Тхоржевскому.

20 août 1868.

Château de Frangins près Nyon

Письмо ваше получилъ, любезнѣйшій Тхоржевскій, и очень радъ, что все сошло съ рукъ тихо и хорошо.

Фогтъ, если хочетъ, разумѣется, пусть заѣдетъ, но это не очень нужно; интересно знать мнѣніе другого доктора, а его мнѣніе намъ извѣстно, напр., Левье видѣть было бы хорошо; а потому вы не настаивайте.

Ольга и Мейз. пріѣдутъ на-дняхъ.

Я съ Огар. пріѣхалъ отлично, но утромъ передъ отъѣздомъ былъ у него очень сильный припадокъ. Все остальное хорошо. Если бы можно было отложить Карлсбадъ, хоть до весны,—я здѣсь исполню всякую діету; «шпрудель» есть, чего же больше?

Итакъ, до свиданія.

Отдайте Фогту записку:

Всѣ много вамъ кланяются.

Зачѣмъ мѣсто куплено на 60 лѣтъ, а не навѣки ¹⁾? Повидайтесь съ Levier и пригласите его заѣхать, когда Саша будетъ.

¹⁾ Мѣсто на кладбищѣ въ Ниццѣ.

3376. Письмо къ А. Рейхелю.

1 sept. 1868.
Château Prangins.

Très cher Reichell!

Et encore une fois—avec la même prière. Je vous en prie allez voir le Chargé d'affaires de l'Autriche. J'ai reçu hier une réponse du Ministre de l'Intérieur de Vienne—qui me dit que la réponse officielle a été mandé par le Ministre des affaires étrangères. Or je pense qu'elle est chez le chargé d'affaires—en conséquence je lui ai écrit une lettre et je veux avoir vite une réponse *écrite*—pour savoir à quoi m'en tenir. Priez le donc de l'expédier sans retard.

S'il n'a rien reçu—il faut bien prier A. Vogt de demander si le Départ. des affaires étrangères a quelque chose me concernant.

Télégraphiez la réponse pour ne pas perdre le temps, mais, cher Reichel, n'oubliez pas que j'ai besoin d'une réponse officielle. Le ministre Giskra a été d'une extrême politesse.

Adieu—j'embrasse *votre* famille—petits et grands—Aberkommt mit Weib und Kind—vers la fin de la semaine à Bern.

Pourquoi n'êtes-vous pas venu à Prangins avec Vogt? Ogareff vous attendait avec impatience. Venez avec Marie.

Vogt n'a pas donné de réponse concernant la consultation promise.

Adieu.

Dans tous les cas, si je pars, je passerai par Bern vers le 15 ou avant.

Переводъ.

1 сентября 1868.

Дражайшій Рейхель!

Я къ вамъ опять съ тою же просьбою. Очень прошу васъ, отправьтесь къ австрійскому дипломатическому агенту. Вчера я получилъ изъ Вѣны письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сказано, что офиціальныи отвѣтъ былъ сообщенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Поэтому я предполагаю, что отвѣтъ этотъ въ рукахъ у дипломатическаго агента. Вслѣдствіе этого я написалъ ему письмо и желалъ бы скоро получить *письменный* отвѣтъ, дабы знать, чего держаться. Поэтому попросите агента, чтобы онъ не задержалъ его.

Если онъ ничего не получилъ, надо будетъ попросить А. Фогта, чтобы тотъ освѣдомился, не получилъ ли департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ чего-нибудь меня касающагося.

Отвѣчайте по телеграфу, чтобы не терять времени, но не забывайте, дорогой Рейхель, что мнѣ нуженъ отвѣтъ официальный. Министръ Жискара ¹⁾ былъ изысканно вѣжливъ.

Прощайте. Цѣлую вашу семью—малыхъ и большихъ. Приѣзжайте же съ женою и дѣтьми къ концу текущей недѣли въ Бернъ.

Почему вы не приѣхали вмѣстѣ съ Фогтомъ въ Prangins? Огаревъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ васъ. Приѣзжайте вмѣстѣ съ Мари ²⁾. Фогтъ не далъ никакого отвѣта относительно обѣщанной консультаціи.

Прощайте.

Во всякомъ случаѣ, если только я уѣду, то проѣду черезъ Бернъ числа 15-го или раньше.

3377. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

11 сентября (1868).
Chât. Prangins près Nyon.

Будемъ очень рады васъ видѣть, мы же всё разсыпаясь; кто въ Женеву, кто во Флоренцію, а я ѣду въ Парижъ на нѣсколько дней.

Мы обѣдаемъ въ два часа, пьемъ чай въ 7. Въ воскресенье, полагаю, всё будутъ дома.

Если вы будете такъ добры и приѣдете, приѣзжайте одни. Огаръ будетъ радъ побесѣдовать безшумно. Здоровье его нехорошо. И меня всё увѣряютъ, что я боленъ.

Ну, а Швейцарію вы пощадите, а то какъ вы насъ отдѣляете ad instar ³⁾ Лондона? Просто придется горы срывать.

Да и миръ-то намъ дайте, т.-е. міру ⁴⁾. Пора, ждемъ замиренія всѣхъ. Я читаю отъ доски до доски «Les Etats-Unis»—фельетоны Армана Гега и прочее.

Усердно кланяюсь.

Весь вашъ

А. Герценъ.

Къ 15 уѣзжаемъ мы всё.

¹⁾ Карль, съ начала 1868 г. австрійскій министръ иностр. дѣлъ.

²⁾ Марія Каспаровна.

³⁾ На подобіе.

⁴⁾ Въ это время въ Бернѣ происходилъ второй конгрессъ мира и свободы, гдѣ Вырубовъ нашумѣлъ своей рѣчью о необходимости отдѣленія церкви отъ государства.

3378. Mazzini aux polonais.

En reproduisant la lettre de Mazzini aux Polonais, nous appellons toute l'attention de nos lecteurs sur la grande idée des deux héritiers qui s'avancent pour demander leur part du legs, leur part de l'activité historique. Cette idée nous est chère depuis longtemps. Il y a une vingtaine d'années que, montrant à côté de nous la grande souffrance de l'Occident, nous indiquions au loin la vieille officina gentium, calme, muette et couvant dans ses profondeurs, sous une pression inhumaine, des tendances bien sympathiques au coeur des déshérités de la civilisation latino-germanique. Sans s'en douter, les caves et les mansardes des villes de l'Europe aspirent vers des solutions différentes du même problème social, qui agite le coeur des paysans dans les chaumières de nos plaines et de nos forêts.

Le droit au travail, le droit à la terre ne sont que deux modes de réaliser la tendance sociale qui cherche à mettre l'instrument du travail à la disposition du travailleur—en le délivrant du hasard monopolisé, de l'anarchie consolidée, de toutes les entraves historiques qui en empêchent le libre développement.

Nous n'avons jamais été nationalistes ni panslavistes. Rien ne détourne plus la révolution de ses grandes voies que la manie des classifications et prédilections zoologiques des races, mais l'injustice pour le monde slave nous a toujours paru révoltante.

Nous réimprimons la lettre du grand Italien, de l'ami que nous sommes habitué à aimer avec empressement. Ses paroles nous émeuvent d'autant plus que, grâce aux cruelles absurdités du gouvernement russe et à l'ignorance aveugle des rhéteurs ambulants et des publicistes rétrogrades dans leur prétendu démocratisme, nous ne lisons que des phrases dures et amères contre les Slaves, qui relèvent la tête sous un triple joug, et que l'on est tout disposé à sacrifier à la Turquie, voire même à la Hongrie, pourvu que l'on puisse faire une niche à la Russie.

Il est bon d'entendre une parole humaine au milieu des cris de haine des doctes sauvages de la civilisation.

Переводъ.

Маццини—полякамъ.

Воспроизводя письмо Маццини къ полякамъ, мы обращаемъ особое вниманіе читателей на великую идею *двухъ наследниковъ*, которые выступаютъ впередъ, чтобы потребовать свою долю завѣщан-

наго наслѣдства, свое право на участіе въ созданіи исторіи. Эта идея давно дорога намъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ мы, указывая на живущее рядомъ съ нами *великое страданіе* Запада, показывали вдалькѣ старую мастерскую народовъ, спокойную, нѣмую, скрывающую въ своихъ глубинахъ, подъ нечеловѣческимъ гнетомъ, стремленія, весьма симпатичныя сердцамъ обездоленныхъ латино-германской цивилизации. Подвалы и мансарды европейскихъ городовъ идутъ, не сознавая этого, къ различнымъ рѣшеніямъ той же соціальной проблемы, которая волнуетъ сердца крестьянъ въ избахъ среди нашихъ равнинъ и лѣсовъ.

Право на трудъ и право на землю—два вида осуществленія соціальной задачи, старающейся передать орудія труда въ распоряженіе трудящагося, освободивъ его отъ монополизированной случайности, отъ упроченной анархіи, отъ всѣхъ историческихъ оковъ, которыя мѣшаютъ свободному развитію.

Мы никогда не были ни націоналистами, ни панславистами. Ничто не отклоняетъ революціи въ такой степени отъ ея большой дороги, какъ манія классификацій и зоологическихъ предпочтеній расъ, но несправедливость къ славянамъ всегда казалась намъ возмутительной.

Мы перепечатаваемъ письмо великаго итальянца—друга, котораго мы привыкли горячо любить. Его слова волнуютъ насъ тѣмъ больше, что, благодаря дикимъ нелѣпостямъ русскаго правительства и слѣпому невѣжеству странствующихъ риторовъ и ретроградныхъ публицистовъ съ ихъ мнимымъ демократизмомъ, мы читаемъ лишь грубыя и рѣзкія фразы противъ славянъ, которые поднимаютъ голову подъ тройнымъ ярмомъ,—которыхъ готовы пожертвовать Турціи, даже Венгріи, лишь бы только удалось сыграть шутку съ Россіей.

Пріятно услышать *человѣческую* рѣчь среди криковъ *ненависти* со стороны ученыхъ дикарей цивилизаціи ¹⁾.

3379. [Предисловіе].

Il y a une dizaine d'années que sous un titre qui n'est pas celui que l'auteur lui a donné: *Le monde russe et la révolution*, M. Delaveau a publié une très-bonne traduction du russe des premiers volumes de mes «*Souvenirs et pensées*». Cet ouvrage, complètement épuisé maintenant, a eu quelque succès. Des amis que j'estime et au gout desquels j'ai une

¹⁾ Дальше слѣдовало обширное письмо Маццини изъ Лондона отъ 1 июля 1868 г.

grande confiance, m'ont exprimé plusieurs fois le désir de voir la traduction des volumes suivants. Je voulais faire l'édition de tout l'ouvrage... Je n'avais pas de traducteur sous la main et le temps passait.

Sur de nouvelles instances et pour tout arranger, j'ai promis de donner cet automne, dans quelques feuilletons du Kolokol, des fragments du IV-e volume, dont la traduction a été faite par mon fils et revue par moi.

Ces fragments n'ont d'autre droit d'hospitalité dans le journal que celui que leur donne le désir de mes amis. Pourtant, quelques scènes des temps orageux (1848—1852) du monde européen, décrites par un russe, et quelques profils de réfugiés «peints par eux-mêmes et dessinés par un autre», — peuvent avoir un intérêt sui generis pour les lecteurs qui ne connaissent pas la langue russe.

21 août 1868.

Château de Frangins près Nyon.

Переводъ.

Лѣтъ десять назадъ г. Делаво напечаталъ не подъ тѣмъ заглавіемъ; которое далъ авторъ, «Le monde russe et la révolution», очень хороший переводъ первыхъ томовъ моего «Былого и думъ». Эта работа; теперь уже распроданная, имѣла нѣкоторый успѣхъ. Друзья, которыхъ я уважаю и вкусу которыхъ вполне довѣряю, нѣсколько разъ выражали желаніе видѣть переводъ слѣдующихъ томовъ. Мнѣ хотѣлось издать все сочиненіе... Около не было переводчика, а время шло.

Послѣ новыхъ просьбъ и чтобы привести все въ порядокъ, я обѣщала дать этой осенью въ нѣсколькихъ фельетонахъ «Kolokol» отрывки изъ IV тома, переводъ котораго былъ сдѣланъ моимъ сыномъ и мною просмотрѣнъ.

Отрывкамъ этимъ данъ пріютъ въ журналѣ только потому, что таково желаніе моихъ друзей. Однако, нѣкоторыя сцены изъ бурныхъ временъ (1848—1852) европейскаго міра, описанныя русскимъ, и нѣкоторые силуэты изгнанниковъ, «раскрашенные ими самими, а нарисованные другимъ», могутъ представлять нѣкоторый интересъ для читателей, не знающихъ русскаго языка.

21 августа 1868.

3380. Bonne nouvelle!

Il y a quelques mois nous avons souhaité la bienvenue à une nouvelle publication périodique en langue russe qui allait paraître à Genève—et rédigée dans un sens éminemment socialiste.—Aujourd'hui nous avons à acclamer encore une revue russe, publiée dans la même ville. «L'Actualité» a été suivie de près par la «Cause du Peuple» (Народное Дѣло)—revue mensuelle complètement socialiste et révolutionnaire. La visière étant baissée—nous ne connaissons pas la rédaction, mais nous sympathisons avec elle de tout notre cœur. Evidemment elle est composée de jeunes gens ardents, ayant toute l'impétuosité de l'adolescence, tout le «giovanile bolloro» qui jette bravement le gant et pose avec un sans-gard absolu les questions les plus ardues. En lisant la première livraison—nous nous sommes transportés—avec un sentiment de regret de la vieillesse à d'autres temps—aux temps où nous écrivions «Vom andern Ufer» et nos «Lettres de France et d'Italie (1849—50)». Nous retrouvons dans la «Cause du Peuple» la même audace d'allures, rejetant tout compromis, méprisant toute concession et cherchant plutôt la formule de l'avenir que l'application immédiate.—Nous y voyons un des caractères les plus tranchés de la pensée russe. Elle ne peut échapper à ses dernières conséquences. Ce n'est certes pas par nous que les jeunes rédacteurs sont arrivés à leur résultat; ils paraissent complètement ignorer nos travaux. C'est le génie de l'esprit russe qui nous a fait rencontrer sur le même terrain.

Abolition de l'héritage, abolition du mariage religieux et civil, la terre aux cultivateurs, le capital aux ouvriers, négation de la religion, de l'état.—Tel est le programme héroïque de la nouvelle revue.

Nous souhaitons franchement, cordialement un grand succès à cette publication russe. La vieillesse peut enfin s'affranchir d'un travail de répétition—relevée par une nouvelle phalange vigoureuse et pleine de forces.

Переводъ.

Добрая вѣсть!

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы пожелали счастья новому периодическому изданію на русскомъ языкѣ, которое должно было появиться въ Женевѣ и редактироваться въ направленіи вполнѣ социалистическомъ. Сегодня мы должны привѣтствовать еще одинъ русскій

журналъ, выходящій въ томъ же городѣ. За «Современностью» послѣдовало «Народное Дѣло», ежемѣсячный журналъ вполне *соціалистическій и революціонный*. Забрало опущено, и потому мы не знаемъ редакціи, но сочувствуемъ ей всѣмъ сердцемъ. Она состоитъ, очевидно, изъ пылкихъ молодыхъ людей, которые, со всѣмъ натискомъ юности, со всѣмъ «юношескимъ пыломъ» храбро бросаютъ перчатку и, безъ всякой оглядки, ставятъ самые крупные вопросы. Читая первую книгу, мы съ чувствомъ грусти за свою старость перенеслись въ другіе времена,—во времена, когда мы писали «Съ того берега» и свои «Письма изъ Франціи и Италіи (1849—50)». Мы находимъ въ «Народномъ Дѣлѣ» ту же смѣлую походку, отбрасывающую всякій компромиссъ, презирающую всякую уступку и ищущую, скорѣе, формулу будущаго, чѣмъ немедленнаго примѣненія. Мы видимъ въ этомъ одну изъ наиболѣе рѣзкихъ чертъ русской мысли: она не можетъ избѣжать своихъ послѣднихъ выводовъ. Не благодаря намъ, конечно, молодые редакторы пришли къ этому результату; повидимому, они совсѣмъ не знаютъ нашихъ работъ. Духъ русскаго ума привелъ насъ встрѣтиться на одной и той же почвѣ.

Уничтоженіе наслѣдства, упраздненіе церковнаго и гражданскаго брака, земля—обрабатывающимъ ее, капиталъ—рабочимъ, отрицаніе церкви и государства,—такова героическая программа новаго журнала.

Мы искренно и сердечно желаемъ большого успѣха этому русскому изданію. Старость можетъ, наконецъ, освободиться отъ труда повтореній: ее замѣняетъ новая фаланга, бодрая и полная силъ.¹

◆◆ 1. «Народное Дѣло» издавалось въ Женевѣ съ сентября 1868 по сентябрь 1870 г. Программа въ № 1 была написана М. А. Бакунинымъ и Н. В. Жуковскимъ; первымъ былъ написанъ почти и весь этотъ номеръ. На этомъ участіе Бакунина и кончилось. Въ журналѣ работали Н. Утинъ, А. А. Серно-Соловьевичъ и др.

3381. Dévoilez-nous donc! Démasquez-nous donc!

Un journal donne des fragments d'une brochure intitulée: «La France, la Pologne et le prince Napoléon Bonaparte». Une sortie virulente contre l'un de nous se termine par ces mots: «Nous aurions à faire *les plus étonnantes révélations* sur ce journaliste (Herzen), placé si haut dans l'esprit de la démocratie française». Pourquoi ce ménagement lorsqu'on a quelque chose à dire,—et ces insinuations lorsqu'on

n'en a pas? Nous invitons l'auteur anonyme de ne pas se gêner et de publier toutes ses révélations. Il n'y a pas un seul fait dans notre carrière publique que nous voudrions soustraire à la lumière. (Nous désirons de tout notre coeur la même chose pour nos ennemis). Nous n'irons pas chercher la protection des tribunaux, mais à chaque mensonge nous répondrons par un démenti.

Переводъ.

Такъ разоблачите же насъ! Сорвите же съ насъ маску!

Одна газета печатаетъ отрывки изъ брошюры, озаглавленной: «Франція, Польша и принцъ Наполеонъ Бонапартъ». Ядовитая выходка противъ одного изъ насъ кончается словами: «Мы могли бы сдѣлать *удивительнѣйшія разоблаченія* объ этомъ журналистѣ (Герценѣ), стоящемъ такъ высоко въ представленіи французской демократіи». Къ чему эта пощада, если есть, что сказать, и эти инсинуаціи, если нѣтъ? Мы приглашаемъ анонимнаго автора не стѣсняться и напечатать всѣ свои разоблаченія. Въ нашей политической карьерѣ нѣтъ ни одного факта, который мы желали бы скрыть. (Мы отъ всего сердца желаемъ того же своимъ врагамъ). Мы не пойдемъ искать защиты у судей, но на каждую ложь отвѣтимъ изобличеніемъ.¹

◆◆ 1. Указанная Герценомъ фраза принадлежитъ анонимному автору названной имъ брошюры, вышедшей въ Брюсселѣ въ 1868 г. Вся филиппика противъ него очень характерна. Приведу ее полностью: «Г. Герценъ въ «Колоколѣ» (15 апрѣля 1868) говоритъ: «городъ Кіевъ такой же русскій, какъ и Москва». Но правда ли то, что утверждаетъ этотъ господинъ? Или это невѣжество? Послѣдняго мы не допускаемъ. Это—грандіозное заблужденіе и, притомъ, чисто московскаго происхожденія, то есть, преднамѣренное. Мы докажемъ это, если онъ согласится напечатать въ своемъ журналѣ наше опроверженіе. Кіевъ и Кіевская область съ незапамятныхъ временъ—земли польскія. Несторъ, лѣтописецъ, не москвичъ, не русскій, но, просто, полякъ, умершій въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, совершенно ясно называетъ Кіевъ и Кіевскую область «польскими, польскою землею». Это — древняя колонія поляковъ. За исключеніемъ перерыва въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, Кіевъ прямо или посредственно принадлежалъ Польшѣ, а въ четырнадцатомъ вѣкѣ окончательно соединился съ нею, его первоначальной матерью. Московиты явились

въ эту область лишь въ срединѣ семнадцатаго вѣка. Они пришли туда въ качествѣ покровителей казаковъ, которые подняли бессмысленный бунтъ противъ поляковъ, чтобы стать рабами московитовъ. До этого момента непримиримая и страстная ненависть раздѣляла московскихъ московитовъ съ одной стороны, и съ другой—славянъ, поляковъ, рутеновъ, если вамъ угодно, прикрѣпленныхъ къ Кіевской области. Г. Герценъ прекрасно знаетъ это и, все же, осмѣливается настаивать на идентичности національности московитовъ и рутеновъ. Это позорная ложь для него, революціонера, даже социалиста, и для его друга Бакунина, рекомендующаго съкиру, какъ единственное чистое средство спасенія московитовъ.

«Въ томъ же номерѣ «Колокола» г. Герценъ, къ нашему удивленію, упоминаетъ о Потемнѣ и Каразинѣ, какъ о московитахъ, но они не московиты. Какъ тотъ, такъ и другой—кіевскіе поляки или рутены; ихъ принципы—принципы польскіе.

Г. Герценъ съ чрезвычайнымъ презрѣніемъ трактуетъ московское правительство, но, когда рѣчь заходитъ о Польшѣ, устанавливается трогательное соглашеніе между нимъ, Муравьевымъ, Горчаковымъ и Катковымъ. «Ахъ, восклицаетъ онъ: «Vivat Polonia!» «Mater Dolorosa». Но онъ этимъ рисуется. Онъ восклицаетъ: «Vivat Polonia, Mater Dolorosa!», а въ то же время стремится похитить у этой Mater Dolorosa ея дѣтей изъ Литвы и Рутеніи. Для него, какъ и для московскихъ канцелярій, поляки внѣ Царства Польскаго, нынѣ стертаго съ лица земли, не существуютъ. Нѣтъ! мы предпочитаемъ Муравьева и Каткова Герцену и его политическимъ друзьямъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, убиваютъ откровенно, а г. Герценъ обнимаетъ и цѣлуетъ поляковъ, своихъ братьевъ, въ то же время запуская руку въ ихъ карманъ. Это—московитизмъ болѣе чистой воды. Мы просили бы г. Герцена не принимать имени ни русскаго, ни рутена; эти имена не принадлежать ни ему, ни Россіи. Онъ—московитъ и отечество его—Московія. Можетъ быть, когда-нибудь мы обнародуемъ эту объ этомъ курьезномъ и весьма любопытномъ образчикѣ московитскаго пониманія. Если бы намъ пришлось уладить какое-нибудь дѣло съ Горчаковымъ или Катковымъ, то, несмотря на все презрѣніе, которое мы питаемъ къ нимъ, какъ къ политическимъ дѣятелямъ, мы предпочли бы бесѣдовать съ этими господами, нежели съ г. Герценомъ. Мы могли бы сдѣлать изумительныя открытія, касающіяся этого журналиста, такъ вознесеннаго во мнѣніи французской демократіи.

«Чтобы уничтожить историческія ошибки, на которыхъ съ такимъ безстыдствомъ настаивала московитская дипломатія и которая по-

вторилъ Герценъ, мы приведемъ текстъ Люблинской уніи 1569 и просимъ обратить вниманіе на то, что представители Вольніи, Подоліи и Кіевской области, послѣдніе свободно избранные, дали свое согласіе на эту унію, на это воссоединеніе, на этотъ возвратъ въ ихъ первоначальное и единственно истинное отечество. «Городъ Кіѣвъ, какъ и всегда раньше былъ, есть столица Рутеніи, которую, въ давнія времена, предшественники наши, короли польскіе, присоединили къ польской коронѣ, будь то путемъ войны, свободаго подчиненія или путемъ полученія въ наслѣдство отъ раздиравшихъ его на части вассальныхъ князей, за прекращеніемъ ихъ рода. Онъ возвращается въ унію и подъ суверенитетъ польской короны, какъ это доказываютъ хартіи, которыя мы хранимъ въ нашихъ сокровищницахъ. Среди этихъ хартій есть не мало такихъ, которыя доказываютъ, что княжество Кіевское должно принадлежать польской коронѣ въ силу вѣчнаго и справедливаго права, какъ оно принадлежало ему до восшествія на престолъ Владислава Ягейло, короля польскаго, нашего прадѣда. Съ согласія духовныхъ и свѣтскихъ господъ, составляющихъ нашу совѣтъ, князей, шляхты и всѣхъ рыцарей Кіевской земли и княжества, мы приняли клятву въ ихъ вѣрности. Какъ равные намъ и свободные, какъ собственные и настоящіе члены наши, мы воссоединяемъ ихъ съ ихъ первоначальнымъ и настоящимъ тѣломъ, мы присоединяемъ ихъ къ коронѣ, мы дѣлаемъ ихъ навѣки едиными съ тѣломъ» (стр. 117—120).

3382. Pissareff.

Encore un malheur vient de frapper notre petite phalange. Une étoile brillante et qui promettait beaucoup disparaît en emportant des talents à peine formés, en fermant une carrière littéraire à peine ébauchée.—Pissareff, critique virulent, quelquefois exagéré, toujours plein de verve, de noblesse et d'énergie, s'est noyé en se baignant. Quoique jeune encore il avait beaucoup souffert. Il était sorti depuis peu de temps de la forteresse dans laquelle il fut emprisonné pendant des années. Les deux vers cités par Pouschkine seront-ils donc éternellement vrais chez nous?

*La sotto giorni brevi e nebulosi
Nasce una gente al cui l'morir non duole.*

Une foule énorme de personnes de toutes les classes et de tous les états, disent les journaux de Pétersbourg, a suivi le cortège depuis la maison du défunt jusqu'au cimetière. La tombe a disparu sous les

flours. Une collecte a été faite pour fonder une bourse universitaire qui portera le nom du jeune publiciste....—Tout cela est parfait, mais faut-il donc que la mort sépare toujours l'homme de progrès des vivants, pour le réconcilier avec la multitude des tardigradés et des inertes?

Переводъ.

Писаревъ.

Еще одно несчастіе постигло нашу маленькую фалангу. Скрылась яркая звѣзда, которая много обѣщала, унеся едва сложившіеся таланты, прекративъ едва выдвинувшуюся литературную дѣятельность. Писаревъ—язвительный критикъ, иногда преувеличивавшій, но всегда полный вдохновенія, благородства и энергіи, утонулъ во время купанія. Несмотря на свою молодость, онъ много страдалъ. Недавно онъ вышелъ изъ крѣпости, въ которой былъ заключенъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Неужели нижеслѣдующія двѣ строки, цитированныя Пушкинымъ, будутъ всегда истинны по отношенію къ намъ?

Là sotto giorni brevi e nebulosi
Nasce una gente al cui l'morir non duole ¹⁾.

Огромная толпа народа всѣхъ классовъ и сословій, какъ говорятъ петербургскія газеты, провожала гробъ отъ дома покойнаго до кладбища. Могила утопала въ цвѣтахъ. Былъ сдѣланъ сборъ для основанія университетской стипендіи, которая будетъ носить имя молодого публициста.... Все это прекрасно, но неужели нужно, чтобы смерть постоянно вырывала изъ среды живыхъ челоуѣка, стремящагося къ прогрессу, чтобы примирить его съ толпой лѣнивыхъ и бездѣятельныхъ?

3383. Le prince Pierre Dolgoroukoff.

Les plus âgés s'en vont aussi. Le prince Dolgoroukoff, qui harcelait sans trêve ni merci, comme un torréador infatigable, le taureau du gouvernement russe; qui faisait frémir la camarilla du Palais d'Hiver, a succombé après une douloureuse maladie, le 17 août, à Berne. Elles peuvent

¹⁾ Изъ Петрарки, эпиграфъ къ 6-ой главѣ «Евгенія Онѣгина»: Тамъ, среди короткихъ и туманныхъ дней Родится народъ, которому не больно умирать.

librement respirer, les consciences problématiques que ses révélations, que sa mémoire exubérante et les riches documents qui étaient en sa possession terrifiaient.

Oui—mais pas tout à fait *aussi librement* qu'elles l'espèrent. Le prince Dolgoroukoff n'a pas emporté ses papiers, ses *dossiers*.— Ils sont dans de très-bonnes mains.

Переводъ.

Князь Петръ Долгоруковъ.

Самые старые тоже уходятъ. Князь Долгоруковъ, который, какъ неутомимый торреадоръ, дразнилъ, безъ отдыха и пощады, точно быка, русское правительство и заставлялъ дрожать камарилью Зимняго дворца, скончался, послѣ тяжкой болѣзни, 17 августа, въ Бернѣ. Тѣ, чью сомнительную совѣсть повергали въ трепеть его разоблаченія, его замѣчательная память и богатые документы, могутъ вздохнуть теперь свободно.

Да, но не совсѣмъ *такъ свободно*, какъ они надѣются: князь Долгоруковъ не унесъ съ собой своихъ бумагъ и *папокъ*. Онѣ въ *очень надежныхъ рукахъ*.

3384. Письмо къ Н. П. Огареву.

16 сентября (1868). 12 часовъ
Парижъ.

Я Боткинымъ ¹⁾ доволенъ безъ предѣла и конца, я ничего подобнаго не видѣлъ его осмотру. Подробности послѣ, иду съ нимъ въ трактиръ. Болѣзнь не въ важномъ развитіи. Экзагнація ²⁾ была огромная (онъ самъ при мнѣ разлагалъ урину).

Виши довольно, но окончательно скажетъ черезъ два дня.

Весной въ Карлсбадъ.

Діета не важна.

Онъ говоритъ и Бѣлоголовый, что Люке ³⁾—знаменитый хирургъ.

Прощай.

Пиши одно письмо: Grand Hôtel du Louvre, au second, № 229.

¹⁾ Сергій Петровичъ, извѣстный врачъ.

²⁾ Произвольное образованіе слова—смыслъ: выведеніе (сахара).

³⁾ Георгъ-Ильбертъ, нѣмецкій хирургъ.

3385. Письмо къ оыну.

18 сентября (1868). Пятница.
Paris, Grand Hôtel du Louvre.

Любезный Саша, только вчера мы окончательно перетолковали обо всемъ съ Ботк. и я очень жалѣю, что ты не былъ при этомъ. Да, саго тіо, такого доктора я almeno ¹⁾ не видалъ. Что за основательность, догадка и вниманіе! Онъ меня осмотрѣлъ всего, измѣрилъ разницу глазъ и слуха, мускульную силу и пр. Вотъ результаты—сплсываю ихъ изъ письма къ Огар.:

1. Въ діабетѣ сомнѣнія нѣтъ.
2. Діабетъ не лѣчится, но значительно контрабалансируется діетой и водами.
3. Организмъ такъ силенъ, что восполняетъ безъ труда уносимое сахаромъ.

4. Нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, чтобъ болѣзнь приняла быстрый ходъ безъ большихъ мозговыхъ, т.-е. психическихъ, потрясеній. Онъ полагаетъ, что болѣзнь отъ мозга.

5. Запускать болѣзнь нельзя. Карлсбадъ слишкомъ силенъ, Виши лучше. Если весной будетъ *уменьшеніе*, опять ѣхать въ Виши, если *увеличеніе*—ѣхать въ Карлсбадъ; ѣздить *всякій годъ* непременно, если сахаръ не исчезнетъ, чего онъ не думаетъ. Онъ научилъ меня дѣлать примѣрный анализъ урины. Но говорить, что всего лучше бы имѣть polarisation's apparatus. Спроси въ Берлинѣ о цѣнѣ. Аппаратъ долженъ быть по системѣ Павловскаго, ихъ продаютъ его наслѣдники. Цѣна, говорить, талер. 80.

Наконецъ, діеты безумной онъ не предписываетъ, пиво не совѣтуетъ, хлѣба и мучныхъ вещей мало, мяса много.

Теперь объ Огар.

Б. очень уважаетъ Люке, какъ Нелатона ²⁾ или Лангенбека ³⁾, но операциі боится (я Огар. не писалъ) и прямо говорить, что, если нельзя достигнуть безъ резекціи или перелома нароста костяного результата, операциі не дѣлать, потому что съ организмомъ болѣзненнымъ и въ 56 лѣтъ ни за что отвѣчать нельзя. Вообще, онъ находитъ дѣло рискованнымъ. Совѣтуетъ Огар. попробовать *бромистый потацій*.

Пиши мнѣ въ Vichy (poste restante).

¹⁾ Никогда.

²⁾ Огюсть, извѣстный франц. хирургъ.

³⁾ Бернаръ-Рудольфъ, извѣстный нѣмецкій хирургъ.

Я ѣду въ воскр. или понед., 21 заѣду въ Лионъ (можешь, если скоро получишь письмо, отвѣчать:—Lyon, Hôtel de l'Europe).

Прощай, обними Терезину. Желаю, сильно желаю вамъ счастья и покоя. Началь ты нелѣпо, можетъ, поправишь жизнь впослѣдствіи. Когда я поѣхалъ изъ Невшателя и посмотрѣлъ еще на васъ, остающихся, у меня сжалось сердце и навернулись слезы... Какъ-то ты выплывешь изъ пучины, въ которую бросился очертя голову и, какъ теперь я убѣдился, вопреки совѣту *естьхъ*, а не одного меня.

Прощай.

500 фр. къ твоимъ услугамъ, отдай же за фортепьяно.

Полина ¹⁾ здѣсь; она пѣвица и, вѣроятно, будетъ дебютировать здѣсь въ оперѣ.

Каково?

3386. Письмо къ Н. П. Огареву:

20 sept. (1868). 3 heures. Воскресенье.
Café Fol.

Ѣду въ 8 вечера, если ничего не помѣшаетъ; въ Vichy, туда *пиши*: Dér. de l'Allier, poste-restante.

Отъ тебя и Таты письма получилъ. Отъ Н. ни даже поклона,—видно, недосугъ.

«Соврем.» ²⁾ здѣсь купилъ и читаль. Статья не важная.

Къ тебѣ явится профессоръ Стебуть ³⁾. Прими его ласково. Онъ со мной былъ очень любезенъ.

Вчера встрѣтился съ Вас. Боткинымъ. Онъ проживеть еще двадцать лѣтъ, кряхтя и хилѣя. Говорить, что онъ никогда ничего не имѣлъ противъ меня. Я былъ *so sarkastisch* ⁴⁾, какъ могъ. Онъ мнѣ ненавистенъ.

Насчетъ Серг. Ботк. могу сказать, что со мной онъ былъ выше похвалы. Докторъ гениальный. Въ Россіи онъ беретъ (т.-е. ему даютъ), говорилъ Бѣлоголовый, отъ 20 до 25 руб. сер. за визитъ въ минуту. По этому расчету я ему долженъ былъ бы 2.000.000 (конечно, я и не заикался). ¹

Далѣе, изъ Виши ѣздить можно въ Лионъ; онъ не противъ перерывовъ лѣченья дня на два, на три.

¹⁾ Левицкая.

²⁾ «Современность».

³⁾ Иванъ Александровичъ, Петровской сел.-хоз. академіи.

⁴⁾ Столь саркастиченъ.

Встрѣтилъ Циммермана, американца, родственника Мерчинскаго.

Буду во вторникъ или среду въ Лионѣ. Пусть мнѣ тотчасъ Н. или Тата напишутъ въ Vichy (р.-rest.) изъ Лиона, а не то я ихъ найду. Грусь и кусъ ¹⁾.

◆◆ 1. Бѣлоголовый ошибочно отнесъ свое свиданіе въ сентябрѣ 1868 г. къ 1869 году.

Онъ встрѣтился съ Герценомъ въ отелѣ, гдѣ жилъ С. П. Боткинъ. «Съ виду онъ замѣтно похудѣлъ, постарѣлъ, и цвѣтъ лица принялъ болѣзненный желтоватый оттѣнокъ»... «Мы каждый день сходились прямо въ условленномъ заранѣ ресторанѣ и обѣдали вчетверомъ (Боткинъ съ женой, Бѣлоголовый и Герценъ.—М. Л.). Обѣды эти проходили очень оживленно». «Два раза послѣ обѣда мы отправлялись всей компаніей въ театръ». Тогда же состоялась встрѣча съ Вас. П. Боткинымъ. Предупрежденный о ней, Герценъ не высказалъ никакого удовольствія. «Герценъ былъ холодно спокоенъ, только на лицѣ его, всегда открытомъ и ласковомъ, появилось что-то дотолѣ мнѣ незнакомое: его добродушная улыбка исчезла, а глаза приняли строгое и даже жестокое выраженіе. В. П., видимо, не ожидалъ такого сурового приѣма, въ смущеніи усиленно закивалъ головою (это была его особенность), безпокойно заерзалъ на стулѣ и заговорилъ какимъ-то заискивающимъ, не своимъ естественнымъ голосомъ: «Давно, давно не видались, А. И.; а вотъ къ намъ и старость подкралась; я все хвораю, едва таскаю ноги, безъ костыля не могу, да и вы тоже, какъ слышалъ отъ брата, не въ порядкѣ». Дальше Бѣлоголовый рассказываетъ, какъ Герценъ интересовался жизнью Тургенева, спутавъ въ рассказѣ его съ Кавелинымъ (стр. 547). Послѣдній день пребыванія Бѣлоголоваго онъ проводилъ Герцена до Hôtel du Louvre. «Дорогой онъ жаловался на свою скитальческую жизнь» (стр. 549).

3387. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 сентября (1868).

Vichy (Allier). N-1 des Ambassadeurs.

Ну вотъ я и попалъ въ цехъ водниковъ. Въ 7 отправляюсь въ горячую ванну, въ 8 пью изъ ключа Grande Grille, въ 10—поль-обѣда, въ 3 еще два стакана, къ $\frac{1}{2}$ 6 другой обѣдъ и въ одиннадцатомъ ложусь. Что изъ всего будетъ, увидимъ. Д-г, котораго я выбралъ по указанію

¹⁾ Gruss—поклонъ, Kuss—поцѣлуй.

Ботк., Durand-Fardel ¹⁾), какъ слѣдуетъ, все торопится; однако, и онъ, осмотрѣвши грудь и животъ, тотчасъ забросилъ мозговые вопросы, и, хотя онъ не сказалъ, но понять можно, что и онъ болѣзнь отнесъ къ мозгу; велѣлъ онъ опять разложить урину,—это ужъ для аптекаря. Ботк. сомнѣвается въ излѣченіи, но полагаетъ, что съ Виши, а потомъ Карлсбадомъ, при моей силѣ организма, можно бороться годы безъ страданій. Остраго оборота онъ не ожидаетъ (и считаетъ его очень опаснымъ). Разстался я съ Б. очень дружески—о платѣ не смѣлъ и заикнуться. Все, что онъ говорилъ, я понимаю, а Фогта и Левье не понимаю да и всѣхъ докторовъ. А, вѣдь, Sée-то былъ правъ годъ тому назадъ.

Отъ N. получилъ письмо изъ Prangins очень хорошее. Я еще не знаю, сюда ли ихъ приглашу или самъ съѣзжу. Durand-Fardel говоритъ, что перерывъ на день, на два вовсе не дурень. Жду пуще всего русскихъ газетъ и даже журналовъ, если будутъ. Если N. приѣдетъ съ Татой, я здѣсь въ отелѣ не останусь—дорого (14 фр. пансіонъ въ день).

Надѣюсь, что моя телеграмма, посланная въ 9 часовъ утра 21, пришла во-время.

Жду «Жолок.», жду стихи и вели готовить «Полярную Звѣзду» къ 15 октября. Обертка должна быть толстая, цвѣта «Былого и думъ»—я напишу объявленіе. Затѣмъ иду въ термы.

Писалъ ли ты въ писовый конгрессъ? Это было необходимо, какъ полить.

Получилъ сейчасъ телеграмму о приѣздѣ нашихъ въ Ліонъ; вѣроятно, онъ приѣдутъ сюда. Съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ премилое письмо отъ Ханькова (у котораго былъ въ Парижѣ и не засталъ); онъ пишетъ, что физикъ Виог тридцать лѣтъ занимался производствомъ сахара и что Ив. Тургеневъ влюбленъ, какъ 18-лѣтній мальчикъ, въ Віардо.

Затѣмъ жду твоей миссивы ²⁾).

3388. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 сент. (1868). Суббота.

Письмо Пятк. ³⁾)—дѣло хорошее, а, все же, онъ напуталь. Я именно ему сказалъ, что о Мюлюз. рабочихъ cités я писать не буду. У нихъ въ «Недѣлѣ» рядъ статей очень хорошихъ, зачѣмъ же онъ

¹⁾ Шарль-Луи, франц. врачъ.

²⁾ Посланіе.

³⁾ Александръ Петровичъ Пятковский, сотрудникъ «Недѣли».¹

остановиль? Объ этомъ сообщи, необходимо—или мнѣ написать ему прямо?

Въ послѣднее время я былъ въ такомъ дурномъ расположеніи, что ничего не дѣлалъ. Теперь подумаю, но до возвращенія къ бумагамъ въ началѣ ноября и думать нечего что-нибудь кончить, развѣ, «Взглядъ и нѣчто».

Кабы знать да вѣдать прежде, поль-«Полярной Звѣзды» можно тамъ ¹⁾ напечатать. Я готовъ бы былъ отдать имъ право на все напечатанное (т.-е. не издавать нѣсколько листовъ) *strictement* ²⁾ за цѣну, заплаченную Чернецкому. Пятк. можетъ печатать отрывки изъ листовъ, напр., «Леонтину» (отъ которой С. Ботк. въ восхищеніи), «Лондонскую вольницу». Что придумаешь, напиши.

Здѣсь хорошо, и первый курсъ будетъ очень полезенъ. Мнѣ даже та діэта, которую я велъ въ Prangins, помогла. По качественному и квант. ³⁾ разложенію, очень подробно, сахару ubyло съ Люцерна на 3% (тамъ было 4 съ чѣмъ-то, а теперь *безъ чего-то* два), альбумина не осаживается. Фогтъ испугался 4, а дѣло-то въ томъ, что въ Люцернѣ-то именно и были худшіе чирьи. Durand-Фардель отвергаетъ, впрочемъ, что чирьи произв. сахаръ.

Н. и Тата, вѣроятно, пріѣдутъ сюда на три недѣли. Я полагаю, дольше 22 октября здѣсь дѣлать нечего. Письма отъ Н. всѣ въ хорошемъ направленіи. Я зову сюда и думаю, что оно, все же, лучше, чѣмъ мнѣ ѣхать въ Ліонъ и опять возвращаться. Мысль, что въ маѣ опять ѣхать сюда, не забавна. А можетъ, и не надо.

Ванны и воды пріятны, но я ужасно здѣсь сонливъ. Что болѣзнь въ мозгу, а не въ печени, это ясно. Какъ же Фогтъ, Саша, Левье и *der Schiff* не заикались объ этомъ?

Адреса: 1) Алекс. Петровичъ Пятковскій—у Пяти-Угловъ (Загор. пр.), домъ Ивановой № 33, 2) Пав. Фед. Конради ⁴⁾, въ Маринской больницѣ, Спб.

Very important! Appendix ⁵⁾.

Вотъ что мнѣ пришло въ голову. Если правда, что Чернец. мечтаеть о Лондонѣ, пусть Тхорж. намекнетъ ему, что я готовъ къ 500,

¹⁾ Въ «Недѣль» и вообще въ Спб. ■

²⁾ Точно, какъ разъ.

³⁾ Количественному и качественному.

⁴⁾ Докторъ, мужъ Евгеніи Ивановны Конради; завѣдывалъ редакціей «Недѣлю».

⁵⁾ Очень важно! Приложение.

оставшимся у меня, прибавить ему на подъемъ 1.000 фр., но съ тѣмъ, разумѣется, чтобъ онъ уѣхалъ. Или намекни ты самъ деликатно. Я готовъ ихъ ему дать *взаймы*. Весь споръ послѣдняго времени состоялъ у меня съ нимъ въ томъ, что онъ требовалъ деньги *взаймы*, а я ихъ давалъ, говоря, что это мое ему приношеніе.

Когда N. пріѣдетъ, адресъ будетъ другой: Hôtel d'Amérique, Rue Clermont-Tonnerre.

Пока пиши по старому. Да и всячески дойдемъ, лишь бы было: Vichy.

Appendix.

Насчетъ тебя мое мнѣніе ты знаешь. Чтѣ Вырубовъ ни толкуй, а ходить ты такъ безъ костыля не будешь. Не вѣрю же я, чтобъ тебѣ все равно было, ходить или не ходить. Если же все равно, то ничего и не дѣлай (хотя можетъ прійти потомъ раскаяніе, когда время будетъ пропущено). Ботк. вѣрить въ знаніе Люке и посоветоваться съ нимъ считаетъ важнымъ. Сложной операціи я не допущу, но если ты (исповѣдай себя какъ бы передъ Троицкимъ, чтѣ на Арбатѣ, священникомъ) и легкой операціи боишься или не хочешь, то опять-таки воду толочъ по пустому не слѣдуетъ. Бѣлоголов. рѣшительно за операцію. Напиши мнѣ и объ этомъ.

P. S. Отъ N. получилъ двойные ЖМ «Голоса», это уже лишнее, зато нѣтъ 141 (или 140), гдѣ 2-е письмо о работникахъ.

◆◆ 1. Пятковскій познакомился съ Герценомъ въ Женевѣ. «Общее настроеніе Герцена было довольно унылое, хотя онъ подбадривалъ себя разными сатирическими замѣчаніями съ характерными стишками. Себя онъ чувствовалъ въ фальшивомъ положеніи, отрѣзанный отъ русскаго міра, къ которому его тянуло всею душою, и не желая примкнуть вплотную ни къ одному изъ европейскихъ политическихъ теченій» («Наблюд.» 1900, 298—299).

Объ А. Пятковскимъ III Отдѣленіе «положительно не могло сказать ничего дурного, но такъ какъ онъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ О. Бакстомъ, содержателемъ типографіи и братомъ В. Бакста, проживающаго въ Бернѣ, а также съ М. А. Антоновичемъ, съ которымъ переводить «Исторію XIX вѣка» Гервинуса, издаваемую на деньги Серно-Соловьевича», то онъ, всетаки, былъ взятъ подъ наблюденіе; поэтому въ іюнѣ 1863 г., когда Пятковскій отправился за границу, его приказано было тщательно осмотрѣть на границѣ; вержболовскій жандармъ донесъ, что «ничего рѣшительно не оказалось» (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц., 1 экспед. 1863 г. дѣло № 23. ч. 208).

Когда въ мартѣ 1867 г. издатель-редакторъ «Недѣли» Н. Мунтъ просилъ о передачѣ своихъ обязанностей купцу 2-й гильдіи В. Е. Генкелю, шефу жандармовъ была дана справка о послѣднемъ, какъ о человѣкѣ исключительно коммерческомъ и политически благонадежномъ. «Необходимо только имѣть въ виду, чтобы онъ не былъ подставнымъ лицомъ. Въ настоящемъ случаѣ такое опасеніе представляется тѣмъ болѣе имѣющимъ вѣроятность, что на газету «Недѣлю», какъ извѣстно, имѣлъ виды бывшій редакторъ запрещеннаго журнала «Современникъ» Некрасовъ, а также сотрудники какъ этого, такъ и тоже прекращеннаго журнала «Рус. Слово». Впрочемъ, редактированіе газеты могло бы быть представлено Генкелю, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ былъ не номинальнымъ только редакторомъ, а дѣйствительнымъ и вполнѣ отвѣтственнымъ». Такъ и было сообщено начальнику глав. управленія по дѣламъ печати.

Въ апрѣлѣ 1868 г. «Недѣлѣ» было объявлено первое предостереженіе, въ мартѣ 1869 г.—второе и въ маѣ—третье съ приостановленіемъ изданія на 6 мѣсяцевъ (Архивъ III Отд. с. е. и, в. канц., 1 экспед. 1865 г. дѣло № 15, ч. 22).

2. Повидимому въ отсутствующихъ письмахъ Герцена мы должны были бы встрѣтить указанія на судьбу одного петербургскаго изданія его произведеній подъ названіемъ «Разказы»; но если онъ зналъ о ней, то врядъ ли былъ бы такого оптимистическаго мнѣнія о возможности печатать въ Россіи свои сочененія.

6 ноября 1867 г. начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Похвисневъ писалъ Мезенцову, что въ типографіи Вульфа отпечатана безъ предварительной цензуры книга «Разказы». «Хоть имя автора семи разказовъ (напечатанныхъ въ Россіи въ сороковыхъ годахъ съ именемъ автора—*М. Л.*), вошедшихъ въ составъ этой книги, скрыто подъ тремя звѣздочками, тѣмъ не менѣе извѣстно, что они написаны Герценомъ. Имѣя въ виду, что означенная книга, на основаніи существующихъ узаконеній, должна быть выпущена въ свѣтъ завтра, 7 сего ноября, въ 2 часа по полудни, я имѣю честь покорнѣйше просить в. п.—во почтить меня увѣдомленіемъ, въ возможно непродолжительномъ времени, о томъ, не имѣется въ дѣлахъ III Отд. о какихъ либо распоряженіяхъ относительно недопущенія печатанія сочиненій Герцена?» «Просимыхъ свѣдѣній нѣтъ въ дѣлахъ Отдѣленія,—писалъ Мезенцовъ для Шувалова,—но поводомъ различныхъ преслѣдованій противъ разныхъ лицъ служило храненіе сочиненій Герцена, извѣстныхъ по своему революціонному содержанію; если эти разказы не въ этомъ духѣ, то ихъ нельзя причислить къ этому разряду; угодно ли

в. с—ву, чтобы отвѣтъ былъ сдѣланъ въ этомъ смыслѣ?» Шефъ жандармовъ нашель выходъ изъ юридически труднаго положенія: «Если есть основаніе предполагать, что книга эта написана Герценомъ, то, по моему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ она не можетъ быть выпущена и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ остановить книгу, несмотря на то, что, по существующимъ узаконеніямъ, она могла бы быть пропущена». Удовлетворенный Похвисневъ немедленно, 7 ноября, арестоволь всѣ экз. книги, находившіеся въ типографіи, увѣдомивъ Шувалова, что издателемъ ея является московской куп. сынъ Константинъ Николаевичъ Плотниковъ, проживающій въ Спб.; заводъ—1.200 экз.

Въ январѣ 1869 г. III Отдѣленію стало извѣстно изъ записки предсѣдателя Спб. цензурнаго комитета А. Петрова, что Плотниковъ и «заинтересованный въ изданіи» П. И. Вейнбергъ намѣрены обжаловать дѣйствія власти. Главное управленіе сообщило, что, не зная по литературѣ Плотникова, можно предполагать, что фактическимъ издателемъ или соиздателемъ «Разсказовъ» является извѣстный литераторъ и профессоръ Вейнбергъ. Шуваловъ приказаль вызвать Плотникова въ Отдѣленіе. Послѣдній заявилъ, что имя его, какъ издателя книги, записано въ инспекторскую книгу Вульфомъ безъ его разрѣшенія, и онъ ничего по этому дѣлу не знаетъ. 5 февраля Шуваловъ просиль министра просвѣщенія гр. Толстого «приказать присовѣтовать г. Вейнбергу, чтобы онъ оставилъ свое предположеніе, такъ какъ мнѣніе о томъ, что «Разсказы» есть произведеніе Герцена, подтверждается еще болѣе и, слѣд., претензія его, Вейнберга, какъ совершенно неосновательная, ни къ какомъ случаѣ не будетъ подлежать удовлетворенію и скорѣе можетъ поставить самого его въ не совсѣмъ ловкое положеніе». 1 марта Толстой сообщилъ, что попечитель варшавскаго уч. округа Витте прислаль ему объясненіе профессора. Вейнбергъ заявилъ, что «рѣшительно недоумѣваетъ, какимъ образомъ сдѣлался онъ прикосновеннымъ къ дѣлу объ изданіи книги «Разсказы»,—изданіи, сдѣланномъ безъ всякаго участія или содѣйствія съ его стороны». Онъ узналъ о книгѣ въ декабрѣ 1868 г., бывъ на вакаціяхъ въ Спб., отъ самого Плотникова, приказчика кн. магазина Звонарева, какъ отъ издателя и, по его просьбѣ, наводиль лишь справку о дальнѣйшей судьбѣ книги въ цензурномъ комитетѣ; послѣднее онъ счель возможнымъ сдѣлать, такъ какъ изданный въ 1864 г. Ковалевскимъ романъ «Кто виновать?» вышелъ безъ имени автора и до сихъ поръ безпрепятственно продается. III Отдѣленіе было смущено безтактностью Витте, вручившаго Вейнбергу бумагу Толстого и не сумѣвшаго сдѣлать все это тоньше и дипломатичнѣе. «Едва ли можно сомнѣваться въ томъ.

чтобы г. Вейнбергъ не оставилъ для себя копіи съ этого письма... Вторично вызванный Плотниковъ сознался, что, дѣйствительно, является издателемъ «Разказовъ», но не понялъ, о чемъ его спрашивали въ первый разъ, и ни о какой жалобѣ не помышляетъ. «Состоявшееся распоряженіе оставить въ своей силѣ»—написалъ 12 марта на его показаніи успокоенный Шуваловъ.

Книга была запрещена; въ 1873 г. обнаружилось, что всѣ 1.200 отпечатанныхъ экз., хранившіеся въ типографіи Вульфа (тогда Эттингера), пропали. Поиски не дали положительныхъ результатовъ. Несмотря на это, книга очень рѣдка (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц., 3 экспед. 1867 г. дѣло № 176 и дѣло канц. глав. управленія по дѣламъ печати 1867 г. № 276).

Кстати, приведу здѣсь свѣдѣнія объ изданіи «Кто виноватъ?». 26 февраля 1866 г. канцелярія главнаго управленія по дѣламъ печати запросила Спб. цензурный комитетъ, была ли представлена въ комитетъ книга «Кто виноватъ?», изданная В. Ковалевскимъ и напечатанная въ типографіи Сущинскаго, и къмъ изъ цензоровъ эта книга была разсматриваема. Оказалось, что романъ былъ представленъ 21 декабря 1865 г. и рассмотрѣнъ цензоромъ Ленцомъ. 13 апрѣля главное управленіе, «имѣя въ виду, что объ этомъ изданіи, вышедшемъ безъ предварительной цензуры, не было доложено цензоромъ въ свое время комитету для представленія глав. управленію, полагало поставить лишь на видъ цензору, что ему слѣдовало обратить на сіе изданіе особое вниманіе и представить о немъ на усмотрѣніе комитета» (дѣло канц. глав. упр. по дѣламъ печати 1866 г. № 92).

3389. Письмо къ Лизѣ.

(25—26 сентября 1866).

Милая Лиза, посылаю тебѣ портретъ главнаго доктора при Вишу, чтобъ ты его узнала, когда увидишь. Жду тебя въ среду или четвергъ. Гулять здѣсь славно: два парка и поля безъ конца.

Сегодня утромъ я послалъ мамѣ двѣсти франковъ. Лѣченье мое идетъ хорошо. На дворѣ не холодно.

Прощай. Всѣхъ цѣлуй за меня, а я цѣлую тебя.

Прошу Тату и тебя осмотрѣть у мамы туалетъ, особенно шляпку и пр. Здѣсь надобно наряжаться; если что не въ порядкѣ, я съ тебя взысканіе сдѣлаю.

Адье. Прощайте.

Татѣ надобно башлыкъ.

3390. Письмо къ сыну.

28 сент. (1868).

Vichy, N-1 des Ambassadeurs.

Сегодня недѣля съ тѣхъ поръ, какъ я съ правильностью машины сижу въ ваннѣ и пью *grande grille*. Польза несомнѣнная, я ее ощущаю. Но замѣть—и это физиологически важно,—какъ Ботк. сказали, такъ и есть: болѣзнь отъ мозга. У всѣхъ, начинающихъ лѣченье, бываетъ боль въ животѣ, поносъ, отсутствіе аппетита и бессонница. У меня ничего подобнаго, а ломъ въ головѣ и сонливость.

Очень жаль, что ты не могъ видѣться съ Ботк. Это—замѣчательный человѣкъ. Ясность его языка поразительна; напр., онъ не говорилъ, какъ о чудѣ, о дѣйствии Виши и Карлсбада (т. е. такъ, какъ Фогтъ, Левье и ты), а химически объяснялъ, въ чемъ вліяніе тѣхъ минеральныхъ и др. веществъ, которыя вносятся въ тѣло.

Машину, пожалуй, не покупай, но, все же, посмотри. Б. говорилъ, что она тебѣ полезна была бы.

Здѣсь дѣлали подробное разложеніе урины; результатъ превосходный. Въ іюлѣ, по бернскому. разложенію, было 4% *слишкомъ* сахара (замѣть, въ іюлѣ были огромнѣйшіе чирьи). Діета въ *Prangins* сдѣлала то, что сахара 1,26, т. е. на 3% меньше, и альбумина нѣтъ. Я полагаю, къ 20 октября меня отпустятъ до весны.

Тата, Nat. и Лиза въ Лионѣ; онѣ собираются пріѣхать 1 окт. сюда. Тогда я переѣду изъ *Hôtel des Ambassadeurs* въ *Hôtel d'Amérique*. Пиши туда или просто: France, Vichy,—письмо дойдетъ. Мальвида телеграфировала изъ Ароны—all right ¹⁾).

Избавь меня, пожалуйста, отъ всѣхъ посылокъ въ Дармштадтъ и Зондербундсгаузендъ ²⁾); когда ты пришлешь адреса, я тебѣ—пришлю 500 фр., но отчего же ты такъ торопишься? неужели ужъ нужны деньги?

Насчетъ Огар. мнѣніе Фарделя подтверждало только мнѣніе Бот. Я думаю, что надобно оставить мысль объ операціи; Огар. же совершенно противъ.

Ну, какъ операція его убьетъ?

Вѣроятно, по твоему обычаю, ты газетъ не читаешь и потому не знаешь, какъ Бакунинъ и Вырубовъ шумятъ на конгрессѣ—оно *unpraktisch* ³⁾, но хорошо, что Россія себя заявила такъ радикально. ¹⁾

¹⁾ Все благополучно.

²⁾ Шутка—вмѣсто Зондсгаузенъ.

³⁾ Непрактично.

Русскіе журналы настоятельно желаютъ статей отъ меня,—вотъ и послѣдній ударъ «Колоколу»; разумѣется, статьи должны быть безъ подписи.

Кажется, все. Прощай, кланяйся Терезинѣ и помни, что время отдыха для тебя еще не настало.

Что ты пишешь о Берлинѣ, слишкомъ поспѣшно. Раскуси его прежде и его дѣятельность. Шутить имъ нельзя—все же, и Берлинъ—сильный центръ и крѣпкій узелъ въ исторіи.

Обнимаю тебя.

Прошу отвѣчать скоро.

◆◆ 1. 21 сентября въ Бернѣ былъ открытъ второй съѣздъ Лиги мира и свободы. Бакунинъ внесъ рядъ предложеній анархическаго характера, поддержанныхъ изъ русскихъ Н. В. Жуковскимъ, В. Мрочковскимъ, Н. Вырубовымъ и др. Когда предложенія ихъ были отвергнуты Лигой, они вышли изъ нея, оставили съѣздъ и основали Международнѣйшій союзъ социальной демократіи, извѣстный также подъ названіемъ «Альянса социальныхъ революціонеровъ». Интересующіеся подробностями найдутъ ихъ въ ч. I «Интернаціонала» Ю. Стеклова. Рѣчь Бакунина помѣщена на стр. 423—442 его «Писемъ».

3391. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 сент. (1868).

Vichy.

Вотъ и недѣля, что я здѣсь. Все идетъ хорошо. Въ $\frac{1}{4}$ 8 беру ванны ($\frac{3}{4}$ часа въ 34° по 100°) и тотчасъ пью воду, въ 3 часа опять пью, въ промежуткахъ ѣмъ за двоихъ. Пью мало: 1 $\frac{1}{4}$ бут. легонькаго бордо—и все. Хотѣлось бы поговорить съ Бот. Для меня все яснѣе, что болѣзнь отъ мозга. У всѣхъ вначалѣ бываетъ боль въ животѣ, отсутствіе аппетита, поносъ, у меня—ничего, только особенная ломота въ головѣ (совсѣмъ не похожая на мою голов. боль) и сонливость. Я увѣренъ, что черезъ три недѣли уѣду. Пока тепло и кругомъ превосходныя прогулки.

Бакунинъ и Выруб., хотя и вздоръ пороли и «пису» помѣшали, но я очень доволенъ, что русскій голосъ явился тамъ. Я, можетъ, быть, объ этомъ напишу нѣсколько строкъ въ leading-article¹⁾ «Колок.»

¹⁾ Передовая статья.

Статейку для Пят. обдумываю, но, пожалуйста, сообщи о Мюлюзѣ. Корр. перешли Чернец. Если недостает оригинала, я еще могу прислать изъ «Записокъ».

А какъ «Siècle» и к-нія оборвали Бакунина—даже называютъ его «Vachoupin», и все на разный манеръ. Прошу Тхорж. мнѣ собрать рѣчи и пр., но не посылать сюда. Мнѣ нужно, да и о брюссельскомъ сборѣ нужно бы ¹⁾.

Ты бы взглянулъ «Записки» Карабанова ²⁾. Я думаю, онѣ очень замѣчательны, и можно печатать.

Письмо Тхор. пришло. Да что же онъ не пишетъ, что именно спрашивали обо мнѣ и тебѣ у князя-junior'a ³⁾ въ Дармштадтѣ?

Прощай.

Наши ѣдутъ сюда въ среду или четвергъ.

Должно быть, я въ Лионѣ положилъ швейц. штемп. въ 30 сант., а тебѣ франц., но что за безобразіе брать полную сумму, а не разницу.

3392. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 сентября (1868).

Hôtel de l'Amérique, Rue Clermont Tonnerre.

Переѣхалъ и провелъ первую скверную ночь въ Vichy: поносъ и не спалъ,—отъ грозы ли, простуды ли, или отъ того, что вчера какой-то проклятый французъ уговорилъ меня выпить здѣшней же кипучей воды совсѣмъ изъ другого источника. Но все это вздоръ. Нормально воды на меня дѣйствуютъ благотно и покой абсолютный. Не знаю, что будетъ съ дамами, жду ихъ въ 8 ч. вечера. Письма хороши. Черезъ десять дней сдѣлаю другой анализъ. Durand-Fardel думаетъ, что мѣсяца довольно (финаль 21 октября).

~~Теперь~~ Теперь объ общемъ. Мнѣ, какъ воздухъ, нужны: а) рѣчи Бакунина и Вырубова, б) исторія ихъ отставки изъ писа. Я не могу писать, не имѣя документовъ, а писать хочу, и въ ихъ пользу. Умоляю Тхор. написать какихъ-нибудь сплетенъ о писовкѣ.

¹⁾ Съ 6 по 15 сентября 1868 г. въ Брюсселѣ происходилъ третій конгрессъ Интернационала, опять безъ русскаго представителя.

²⁾ Павелъ Федоровичъ; потомъ появились въ Россіи.

³⁾ В. П. Долгоруковъ.

3) Читалъ ли ты діатрибу Каткова противъ меня въ «Русск. Вѣстникѣ»? ¹⁾ Ужъ не отвѣтитъ ли ему? У тебя есть другой экз., почти непремѣнно, а не то я пришлю.

Для Пятк. что-нибудь напишу. «Колоколь» рѣшительно слѣдуетъ прекратить; посылаю тебѣ начало письма къ тебѣ (что я пишу не къ публикѣ, а къ тебѣ, это—самая оскорбительная форма), но я не могу кончить безъ бакунинской писовки.

3393. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 октября (1868).

Hôtel d'Amérique, R. Clermont Tonnerre.

Ну вотъ и наши явились въ Vichy въ полномъ здравіи; я послѣ небольшой передраги опять очень здоровъ и увѣренъ, что долше 20-го октября Dur.-Fardel меня не продержитъ; оттуда въ Лионъ, а если война—въ Цюрихъ до конца декабря; такъ рѣшилъ я и такъ принято *единогласно*. Я непремѣнно добываю въ Женевѣ.

Для того, чтобъ окончить статейку о Бакун., мнѣ нужно знать текстъ отставки его и Вырубова или не напишешь ли ты какихъ-нибудь подробностей? Пришлю еще въ «смѣсь». Ну, а «Полярную Звѣзду» пора и того.

Читалъ ли ты въ «Голосѣ» исторію *Снегирева*? Вотъ hogrog'to... и, вѣдь, это 72-хъ лѣтній Иванъ Михайл., знаменитый острякъ, латинистъ, цензоръ...²⁾

Толкай Мерчинскаго въ Россію всѣми силами, это—совѣтъ Ботк.: онъ идетъ въ такую же петлю, если не бѣды, то бѣдности. Бот. любитъ его и помогаль ему, но говорить, что выхода нѣтъ.

Отъ Саши изъ Берлина есть письмо. Онъ пишетъ мнѣніе Дарделя объ операціи; оно недалеко отъ Девиля. Конечно, *Фогтъ* слишкомъ легко принялъ дѣло. Безъ боли и, слѣд., хлороформа не обойдется; я могу прежде Женевы увидѣться съ бернскимъ операторомъ. Да, наконецъ, что же говорить Маіоръ? Это важно! заставь его сказать категорично, прикрикни на него, какъ онъ кричитъ на всѣхъ. Прощай.

¹⁾ Статья Н. Ренненкампа, скрывагагося подъ инціалы «Р. Н.»,—«Русская печать за границей», въ VIII кн. «Рус. Вѣстн.» 1868 г.

²⁾ Въ №№ 248, 250 и 258 «Голоса» 1868 г. Обнищавшій Снегиревъ страдалъ отъ пьянства своей жены, жестоко обращающейся съ нимъ, мучившей его голодомъ и иногда просто бившей на глазахъ людей.

3394. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 октября (1868).

Hôtel d'Amérique, R. Clermont Tonnerre.

Такъ какъ я взялъ на себя партію du «Postillon de Lonjumeau»¹⁾ и все ѣзжу, то и ты продолжаешь роль «монфермельской молочницы». Отчего же трудно позвать Маіора? Маіоръ—грубый швейцарецъ, вѣроятно, вполовину виновать, деликатностей не знаетъ,—въ чемъ же дѣло? Фогтъ мнѣ совѣтоваль ѣхать въ Карл., Б—нъ—въ Виши; ну, что же, я долженъ краснѣть и прятаться за винный листъ отъ Фогта? Съ Маіоромъ-то и надобно толковать о тѣхъ вопросахъ (о ногѣ и срощеніи), о которыхъ такъ говоришь не серьезно. Au geste²⁾, онъ у тебя будетъ.

Если бы Мерчинс. хотѣлъ заняться (цѣну онъ можетъ прибавить) переводомъ для дрезденскаго г—на, я сейчасъ написалъ бы ему. Посылаю кондиціи и буду ждать отвѣта.

Спросить о эллидиноложствѣ можно было и въ первый разъ у Бак., да и объ Утинѣ,—что онъ хотѣлъ отъ меня, да и обо всей интригѣ тайкомъ составленной редакціи... etc.

Вся «смѣсь» необходима. Вели выбросить поль-Мечникова, если нужно, но «смѣсь» и, главное, о Самаринѣ необх.

Вотъ условіе перевода: отъ 50 до 60 фр. за листъ 16 стр.—и 36 строкъ и отъ 46—49 буквъ на строку.

Пусть обдумаетъ Мерчинс., а не хочеть—предлагай другому. Книги ученыхъ, медицинскія и по естествознанію.

Лиза и здѣсь, какъ сыръ въ маслѣ. Всѣ привыкли къ моей діетѣ: въ 10 полуобѣдъ—мясо, рыба, фрукты и безъ кофе, въ 5^{1/2}—обѣдъ и финаль.

Отъ Саши—еще изъ Берлина. Недоволенъ. Помѣстили у попа, и ихъ кормятъ 5 разъ на день.

Прощай.

Рѣшись писать на новый адресъ.

Р.-S. Насчетъ школы Туду все ладно. А устроилъ ли ты, чтобъ онъ не спалъ съ горничной? Это—противъ моихъ и твоихъ гигиенъ. Саша хотѣлъ говорить, да, кажется, не посмѣлъ.

Отъ Сатиной письмо.

Сатинъ не ѣздилъ на ярмарку. Очень плохъ и очень пьетъ. Елена обѣщаетъ прислать деньги.

¹⁾ Комическая опера Adam (1836 г.), въ которой почтальонъ ставится въ очень комическія положенія.

²⁾ Впрочемъ.

3395. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

3 октября (1868).

Chère Malvida,

Déjà les eaux de Vichy et les bains m'ont fait un grand bien—je suis sûr que je serai quitte pour cette fois vers le 23—25 octob. Nous allons à Lyon après—et moi j'irai voir Ogar. Botkin m'a découragé, il trouve l'opération très pénible et très dangereuse. Fardel est du même avis. Vogt s'est trop pressé.

Je suis übermässig content de Botkine. C'est le seul médecin raisonnable.

Adieu—Je suis très content (et j'y tiens ferme)—de notre projet de réunion (dans une même ville) le printemps. Le voyage de Florence—n'a de sens que pour votre santé, et en cela il était nécessaire. Remettre un peu Olga—dans notre tradition, dans notre direction n'est pas une chose légère et pour, cela aussi nécessaire. A Florence—elle n'a rien. (A propos priez donc Domengé de faire l'arith. et l'orthographe et de laisser les grands classiques). Avec Térésine—elle perd même Alex. Je ne suis pas familiste—mais aussi je ne suis pas sessioniste. Je tâcherai de fond arranger peudant l'hiver.

Que dites vous de l'Espagne? Je voulais vous adresser ma lettre à Madrid. Et que dites vous de Bakounine et Vyrouboff—voyez vous quels sont les russes—lorsqu'ils se mettent à l'oeuvre.

Je vous salue de tout mon coeur.

Переводъ.

3 октября.

Дорогая Мальвида;

Воды Виши и ванны уже принесли мнѣ большое облегченіе—я увѣренъ, что на этотъ разъ я расквитаюсь (съ болѣзнью) къ 23—25 октября. Затѣмъ мы отправляемся въ Лионъ, а я поѣду къ Огар. Боткинъ меня обезкуражилъ: онъ находитъ операцию очень тяжелой и опасной. Того же мнѣнія и Фардель. Фогтъ слишкомъ поторопился.

Я безмѣрно доволенъ Боткинымъ. Это единственный разумный врачъ.

Прощайте. Я очень доволенъ (и крѣпко за это держусь) нашимъ планомъ съѣзда (въ одномъ и томъ же городѣ) весною. Путешествіе во Флоренцію имѣетъ смыслъ только для вашего здоровья, и поэтому оно было необходимо. Вернуть Ольгу хоть немного къ нашей tradi-

ці, къ нашему направленію—вещь нелегкая и, тѣмъ не менѣе, необходимая. Во Флоренціи же она ничего (этого) не имѣетъ. (Кстати, попросите, наконецъ, Доманже заняться ариеметикой и орѳографіей и оставитъ въ покоѣ великихъ классиковъ); съ Терезиною она лишится даже Алекс. Я не фамилисть ¹⁾, но также и не сессіонистъ ²⁾. Въ теченіе зимы постараюсь основательно все устроить.

Что вы скажете объ Испаніи? Я хотѣлъ вамъ адресовать мое письмо въ Мадридъ. А что скажете о Бакунинѣ и Вырубовѣ? Видите ли, каковы русскіе, когда они принимаются за дѣло...

Привѣтъ вамъ отъ всего сердца.

3396. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 октября (1868).

Hôtel d'Amérique, Rue Clermont-Tonnerre.

Хочу отвѣчать тебѣ, *kategorisch und drastisch* ³⁾ на всѣ вопросы... а какъ—о томъ слѣдуютъ пункты. 1) Я не полагаю, чтобъ ты серьезно спрашивалъ, хочу ли я окончить «Кол.» до новаго года? Ты самъ мнѣ писалъ и говорилъ, что это нейдетъ и безобразно, съ чего же меня могло прорвать окончить, не окончивъ года? 2) Письмо къ тебѣ по-русски и по-французски быть должно напечатано въ послѣднемъ листѣ, т.-е. 15 декабря. Я его еще не перевелъ, могу перевести съ набора. До тѣхъ поръ я буду въ Женевѣ. 3) При «смѣси», которую посылаю, вѣроятно, «Кол.» будетъ полонъ, и Мечникова статьи придется мало, особенно съ рѣчами Бак. и Выр. Я, собственно, никогда не просилъ его излагать исторію Дмитрія Самозванца, о которомъ французы знаютъ по переводу Костомарова. Если же онъ въ заключеніе дастъ что-нибудь о Пугачевѣ,—пусть, я за излишній листъ заплачу. 4) Въ «Полярной Звѣздѣ» можно перепечатать письмо,—она, вѣдь, не выйдетъ раньше 1 декабря,—но это *ad libitum* ⁴⁾. 5) Стихи очень хороши, особенно послѣднее стихотвореніе. Есть типографскія ошибки, неважныя, напр. стр. 162: Иль *какъ* распутный.—I think иль *такъ*; стр. 173—улолъ тѣсный, вмѣсто уголъ ⁵⁾. 6) Если не поймутъ, о комъ рѣчь въ «шайкѣ недорослей», tant pis, какъ говоритъ Лиза, виноватые пой-

¹⁾ Отъ французскаго *famille*—семья; сторонникъ семейной жизни.

²⁾ Сторонникъ временныхъ встрѣчъ.

³⁾ Категорически и рѣшительно.

⁴⁾ Какъ угодно.

⁵⁾ Стихотворенія Огарева въ VIII кн. «Пол. Звѣзды».

мутъ. Этого я не мѣняю. Вообще, кромѣ въ концѣ, поправлять нельзя, а мелочи сдѣлаю въ коррект. Чего ты не прочелъ въ рукописи, дай Мерчинскому или кому-нибудь. Я кое-какъ читаю всѣ руки, даже Свиридова и Лугинина. «По крайней мѣрѣ не купленными или чистыми, неказеными»—что-нибудь въ томъ родѣ. «Прежде наплыва грязь и тука». 7) Не слѣдовало ни съ Тхорж. совѣщаться, ни жаловаться на почтѣ, ни щадить старца, а слѣдовало позвать его и сказать: F., si vous faites encore une foi une saleté pareille, j'écrirai au directeur. Tenez vous. F... pour avant F... и погоды минуту Jean f...¹⁾).

8) Самарина журналъ отошли Георгу, т.-е. новый.

9) Зачѣмъ телеграфировать Чернецк., непонимаю, о стихахъ? Чтѣ за торопливость. Будто ты не понимаешь, что все равно, выйдетъ ли «Полярн. Звѣзда» прежде днемъ или послѣ? Я назначаю сроки для Чернецкаго.

Время обѣда № 2.

Всѣ здоровы. Статьи завтра, если не успѣю. Съ Испаніей поздравляю¹⁾). Послѣдніе два дня болитъ голова.

Гюго взялъ за новое изданіе своихъ сочиненій 300.000 фр. Это не по-нашему.

3397. Письмо къ сыну.

5 octob. (1868).

Vichy, Hôtel d'Amérique, Rue Clermont Tonnerre.

Ожидая твоего отвѣта на мое первое письмо изъ Vichy, пишу, пользуясь кучей флорентійскихъ и иныхъ эпистоль. Лѣченіе мое, сколько я могу судить, идетъ превосходно; я чувствую себя здоровѣе; черезъ 6 дней (20-я ванна) я снова велю сдѣлать разложеніе (ты знаешь по прошлому письму, что сахара было на 3% меньше) и, если сахаръ значительно уменьшился, окончу 1-ый курсъ. Тогда 20 или около можно переѣхать въ Лионъ; оттуда я, отдохнувши отъ лѣченья, поѣду въ Женеву; далѣе еще не знаю, до 1 декабря программы новой нѣтъ.

Знаешь ли ты объ Испаніи? Знаешь ли ты, какъ Бакун. и Выруб. вышли изъ конгресса? Я пришлю тебѣ новый «Кол.» въ Берлинъ. Не торопись уѣзжать отъ клоповъ и поповъ, бери жизнь серьезнѣе

¹⁾ Ф., если вы еще разъ сдѣлаете подобную мерзость, я напишу директору. Берегитесь, Ф., ... впредь.

²⁾ 29 сентября вспыхнула революція, вслѣдствіе которой кор. Изабелла бѣжала.

и науку еще больше.—Вы у попа ѣдите шесть разъ dampfnudeln und gesottene Hühner mit Safran ¹⁾, а мы ѣдимъ здѣсь два раза:

обѣдъ—въ 10 утра,

обѣдъ—въ 6 вечера

и ничего больше.

Прощай.

Старайся, и очень; объ образованіи, объ округленіи формъ и богатствѣ содержанія Терезины, не оставляй ее въ дикости, которая выйдетъ въ кокетство дикостью, а это гибельно.

Вспомни Серафиму Николаевну ²⁾.

3398. Письмо къ Н. П. Огареву.

6 окт. (1868). Вторникъ.

Два письма (одно совсѣмъ не нужное, отъ Свиридова—ты могъ его послать черезъ 2... 3... п дней, недѣль, мѣсяцевъ) я получилъ разомъ. *Чекъ* на имя Тхоржев. отправилъ въ субботу, 3 окт. Онъ мнѣ писалъ: «пробуду въ Женевѣ еще недѣлю или дней десять». Что его прорвало ѣхать прежде, не знаю. Что онъ сердится за шутку о Бониварѣ, это просто глупо ³⁾. Если я написалъ, что Дардель согласенъ съ Девилемъ, то это—безуміе: я хотѣлъ сказать—съ Ботк. Дѣло въ томъ, что если *повихъ* одинъ, то его вставить *легко*; если же переломъ и есть *дурное сращеніе*, то дѣло *не легко*. I think ⁴⁾, что если ты не увѣренъ, то, omni casu ⁵⁾, слѣдуетъ консультироваться съ Люке; если же увѣренъ *въ изломъ и сращеніи*, то можно рѣшиться и по + и по —.

У насъ все довольно тихо. Погода холодная, но совершенно ясная. Я лѣчусь съ повинובіемъ негра. Полагаю, что къ 16 окт. отдѣлаюсь (первый курсъ обыкновенен. считается 21 ванна).

Съ чекомъ я послалъ leading-article о Бак. Сюда посылать небезопасно лишнія вещи, въ родѣ собранія бюллетеней ⁶⁾, они не дойдутъ, но оставить тамъ—дѣло доброе. Посылаю еще въ «смѣсь». Мѣсто должно быть. Мечникова сокращайте до-нельзя. «Колок» (inter nos) ⁷⁾ можетъ опоздать хоть 5 днями. Далѣе въ этотъ № ничего.

¹⁾ Вареную лапшу и вареныхъ куръ съ шафраномъ.

²⁾ Жена Н. Х. Кетчера.

³⁾ Франсуа Бониваръ, женевскій патриотъ, заключенный въ Шильонскій замокъ и обезсмертенный въ сочиненіи Байрона «Шильонскій узникъ».

⁴⁾ Я думаю.

⁵⁾ Во всякомъ случаѣ.

⁶⁾ Конгресса мира и свободы.

⁷⁾ Между нами.

Если писать противъ статьи въ «Вѣстникѣ», то надобно разсказать всю исторію печатанія за-границей. Можетъ, я это сдѣлаю въ *leading-art.* 15 ноября, но вопросъ: стоитъ ли?

Рукопись изъ «Быт. и думъ» въ переводѣ пришлю дней черезъ пять.

Ломаю голову, что бы послать поскорѣе Пятк.,—не знаю еще.

Работать могу лучше, здоровъ очень. Я думаю, что Vichy сдѣлали *renovatum*—*draussen Jahreszeit und Datum* ¹⁾.

Прощай.

3399. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 октября (1868). Среда.
Vichy.

Посылаю корр. Я ее еще поправлю въ *mise en page*. Думаю, что *mise en page* лучше отпечатать на тонкой бумагѣ, обрѣзать маржи и прислать въ пакетѣ, какъ письмо. Я прошу, чтобъ «смѣсь» вся была помѣщена—и съ левитами. Не щади ни Мечник., ни половину «Записокъ». Если бы Мечник. согласился дать *одинъ листъ* о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ, ну, полтора, въ ноябрь и декаб.,—было бы ладно.

Началь противъ Каткова; не знаю, буду ли продолжать.

Изъ «Запис.» для ноября пришлю.

Ну, что же, чекъ пришелъ? Это досадно. Да уйми ты его съ Бониваромъ. Для частнаго человека это слишкомъ много глупости.

Былъ у Durand-Fardel'я; перемѣнилъ воду съ Gr. Grille на Célestines; доволенъ моимъ видомъ. Къ 20 я отдѣлаюсь, а можетъ, и прежде. Въ субботу новое разложеніе. Я діету и лѣченье выдержалъ съ аракеевской аккуратностью (о чемъ спроси Н. и Тату).

«Бюллетеней» лишнихъ не посылай. Я же статью о Бак. по здѣшнимъ газетамъ прочелъ.

P. S. Объясненіе, почему я не телеграфировалъ, и двѣ поправки въ стихахъ ты, вѣрно, получилъ. Благословляй печатать, и издавайте «Пол. Звѣзду». Заглавіе и обертку слѣдуетъ взглянуть.

¹⁾ Обозначеніемъ—независимымъ отъ времени года и числа мѣсяца.

3400. Письмо къ Н. П. Огареву.

10 октября 1868.

Hôtel d'Amérique.

Живу мыслью, что Мечниковъ, по обыкновенію, совралъ и не приѣдетъ въ Виши (Виши 7 часовъ отъ Ліона въ сторону, 2-е мѣсто 18 фр., и отсюда на югъ дороги нѣтъ). У насъ совершенный штиль, и жизнь идетъ, какъ часы, да и богъ съ нимъ. Сегодня вечеромъ аптекарь доставитъ 2-е разложеніе; дѣлаеть онъ превосходно анализъ. Ну, увидимъ. Я давно не чувствовалъ себя свѣжѣе.

Для умиротворенія Тхорж. послалъ ему свой портретъ. Онъ не старше Туца. А, саго, вѣдь, и у тебя есть панскія сторожы, и когда я, забывшись, попадаю въ нихъ, ты являешься ярымъ львомъ. Выраженіе: «Саша не посмѣлъ» сдѣлало Бонивара въ тебѣ. Неужели я думалъ, что онъ тебя боится? Есть извѣстное нежеланіе у людей дотрогиваться до чего-то въ родѣ замѣчаній. Я Тхоржев. писалъ, что ты боишься Маіора (что и правда); я увѣренъ, что ты испугался необходимости сказать почтальону, что письма надобно класть не въ щель, а въ руку... но, зная твой Бониваръ, глупо и то, что я такъ выразился.

Побережемъ зубы на другое. Хорошо, изволь, благо охота работать воротилась, я Каткова проберу. Но ужъ безъ цензуры (кромя частныхъ). Статья будетъ leading въ слѣдующемъ «Жолок.» (15 нояб.), она будетъ очень дерзка, очень лична и du haut en bas ¹⁾.

Выруб. рѣчь послалъ Чернецкому. Могу и еще «смѣси» прибавить.

Статья Миртова очень хороша ²⁾. Но я не могу видѣть журнала безъ числа. Попроси Пятков. для меня выставятъ.

У насъ покой и совѣтъ; здѣсь очень хорошо жить, мы середь парковъ и садовъ; я готовъ послѣ срока прожить недѣлю безъ ваннъ, онѣ надѣли.

Лиза страшно умна и шалить не очень.

Прощай.

Читалъ ли кто въ «Шаривари» статью «Вакоупіне»?

Что «Записки» Карабанова? У меня есть, могу прислать.

¹⁾ Свысока.

²⁾ Работа П. Л. Лаврова «Историческія письма» шла во многихъ №№ «Недѣли» 1868 г.

Не вели печатать о герцога Лейхтенбергскомъ, хотя это и правда, потому что я вижу, что онъ опять съ Алек. Ник. въ Берлинѣ; видно, попросилъ пощенія? Въмѣсто этого не хочешь ли ¹⁾.

Присылай *mise en page*.

11 октября. Воскресенье.

Я задержалъ письмо, чтобъ тебѣ сообщить о результатѣ химическаго анализа, и хорошо сдѣлалъ. Успѣхъ колоссальный: вѣсъ уменьшился, но главное, сахара 0,2.

Затѣмъ, я полагаю, что первый курсъ оконченъ. Сегодня пойду къ Durand-Fardel'ю. Пить еще буду дней 5; ѣхать мы еще не торопимся: здѣсь тихо и хорошо.

Рѣчь Бакун., конечно (первую), слѣдуетъ помѣстить прежде Выруб.; если мѣста не будетъ, сдѣлать одно объявленіе о «Полярной Звѣздѣ», съ *оглавленіемъ*. Предисловіе писать не хочется. Вели ее просто издать къ 1 ноября.

Въ слѣдующемъ письмѣ напишу, когда собираемся ѣхать и что скажетъ D-г.

Отъ Саши письмо. Берлинъ ему не понутру.

Mise en page, пожалуй, не посылай, но «смѣсь» о Самаринѣ, Бакунинѣ и левитахъ просмотрѣть слѣдуетъ. Сообщи Тхорж. о сахарѣ.

3401. Письмо къ О. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ.

11 oct. (1868).

Vichy. Hôtel d'Amérique.

Carissime Olga,

Je m'empresse de te donner une très bonne nouvelle sur ma santé. D'après l'analyse chimique que l'on a fait hier le progrès est immense, le sucre a presque disparu. Je continue encore quelques jours, par ex. jusqu'au 15, et ensuite nous nous préparerons pour Lyon.

Was weiter, dass ist noch nicht bekannt.

Salue Domengé et prie le de saluer Gin.

Le temps est très beau chez nous.

Je t'embrasse,

Regardez, chère Malvida, cet organisme hyperboreen—20 bains et une centaine de verres d'eau de la Grande Grille ont presque suffi

¹⁾ Слѣдуетъ № 3409.

pour me remettre. Dites à Schiff que la proportion allaît de cette manière approximativement.

Juin	2—4%	(Lorsque j'avais les furoncles)
Juillet	4 ¹ / ₂	
20 Sept.	1 ¹ / ₂	
10 Oct.	0,3	

Sans sucre ou avec—mais cara del Arno, Florence ne me tente nullement, plutôt Gênes—au reste, la Suisse, la Suisse nous appelle.

Je vous ai envoyé hier les mémoires qui naissent de M-me Quinet. Je ne les aurais pas imprimés.

Votre devotissime

A. H.

En cas de difficulté ou de doute écrivez à l'adresse de Tchorsevsky. Nous partirons dans 7, 8 jours d'ici. C'est dommage—tranquillité parfaite et jardins, jardins. L'automne correspond mieux aux vieillards que l'été.

Переводъ.

11 окт.

Дражайшая Ольга,

Спѣшу сообщить тебѣ хорошую вѣсть о моемъ здоровьѣ. По послѣдному химическому анализу, произведенному вчера, успѣхъ огромный; сахаръ почти исчезъ. Я еще полѣчусь нѣсколько дней, напримѣръ, до 15, а затѣмъ мы приготовимся къ отъѣзду въ Лионъ. Что будетъ дальше, еще неизвѣстно. Поклонись Доманже и попроси его, чтобы онъ передалъ поклонъ отъ меня Gin.

У насъ чудная погода.

Обнимаю и цѣлую тебя.

Обратите вниманіе, дорогая Мальвида, на мой гиперборейскій организмъ: двадцать ваннъ и около сотни стакановъ воды изъ источника Grande Grille оказалось почти достаточно для того, чтобы поставить меня на ноги. Передайте Шиффу, что пропорція шла приблизительно такимъ образомъ:

июнь	2 ¹ / ₂ %
июль	4 ¹ / ₂ (когда у меня были фурункулы)
20-го сент.	1 ¹ / ₂
10-го окт.	0,3

Съ сахаромъ или безъ онаго, но, дорогая съ Арно, Флоренція нисколько не соблазняетъ меня; скорѣе, Генуя. Впрочемъ, Швейцарія, Швейцарія зоветъ насъ.

Вчера я отправилъ вамъ записки, происходящія отъ г-жи Кинэ¹⁾. Я бы ихъ не напечаталъ.

Преданный вамъ А. Г.

Въ случаѣ затрудненія или сомнѣнія, напишите по адресу Тхоржевскаго. Черезъ 7—8 дней мы уѣзжаемъ отсюда. А жаль: здѣсь полный покой и сады, сады... Осень больше подходитъ старикамъ, чѣмъ лѣто.

3402. Письмо къ сыну.

11 окт. (1868).
Hôtel d'Amérique.

Письмо твое съ адресомъ я получилъ. На него отвѣчаю тебѣ превосходными новостями насчетъ моего лѣченья. Вода и ванны сдѣлали мнѣ большую пользу; вчера, послѣ 19 дней курса совершенно правильнаго, по разложенію оказалось уменьшеніе сахара на 10% и притомъ такъ:

Бернъ	2,30
Люцеръ .	4,20
Vichy 22 sept.	1,20
Vichy 10 окт.	0,20... 0,25.

Сначала я былъ *endormi*²⁾, теперь чувствую себя очень хорошо и думаю, что дней въ 5 слѣда не будетъ сахара—на *этотъ разъ*; въ апрѣлѣ снова изслѣдованіе,—вотъ и все до мая.

Послѣ 15 окт. вѣрнѣе писать Огар. или Тхорж.—отсюда мы поѣдемъ въ Лионъ. Я оставлю дамъ въ Лионѣ и поѣду въ Бернъ къ Люке и въ Женеву. Мнѣ кажется, что операція—мигъ и вздоръ, и я Огар. не поведу на закланіе; ему же смертельно не хочется.

Въ чемъ главный споръ между Шиффомъ и нѣмцами въ общихъ чертахъ? «Физиол.» его я Бот. не дарилъ, потому что она у него есть. Испанцы отличились; кланяйся пастору и всему семейству его.

¹⁾ Въ подлинникѣ непереводаемая игра словъ: фамилія дамы, о которой идетъ рѣчь, Quinet, а «записки, происходящія отъ нея»—переводится на французскій языкъ: «Les mémoires qui naissent...» и произносится почти одинаково.

²⁾ Сонливый.

Зачѣмъ Терез. учится по-нѣмецки, когда надобно было всѣ силы и всѣ помышленья сосредоточить на француз. языкѣ?

Деньги перешлю черезъ Тхоржевскаго, когда пріѣду въ Лионъ. Мечниковъ ѣдетъ корреспондентомъ въ Испанію. Катковъ меня обругалъ, ну, и я не остался въ долгу; это будетъ 15 ноября, а теперь прочти мою выходку о Самаринѣ.

Затѣмъ прощай.

Докторъ сказалъ, что я могу окончить курсъ въ субботу; стало, можемъ ѣхать въ воскрес.

3403. Письмо къ М. Н. Рейхель.

12 окт. 1868.

Vichy, Hôtel d'Amérique.

Вы, вѣрно, знаете, что я шель въ Карлсбадъ, попалъ въ Виши, по совѣту Боткина, которымъ безконечно доволенъ. Это было и проще, и дешевле, и покойнѣе. Пишу вамъ послѣ 20-дневнаго лѣченья; польза огромная: сахаръ свелся съ 4% на меньше, чѣмъ половина одного, и я чувствую себя свѣжѣе. Черезъ пять дней, т.-е. въ будущую субботу, 17, курсъ мой кончится. Здѣсь тихо, теплѣе, чѣмъ въ Карлсб., и все парки и сады. Кабы не поздній сезонъ, не поѣхалъ бы скоро.

Въ ноябрѣ мы увидимся. Мнѣ хочется видѣть Люке насчетъ Огар. Entre nous, Ботк. думаетъ, что операція, ими предлагаемая, опасна по слабости Ог. и по шансамъ гангрены, если будутъ дѣлать разрѣзы. Я, защищавшій операцію, становлюсь противъ.

Саша ужасно былъ доволенъ вашимъ приѣмомъ,—вотъ вамъ *reilegrina gondinella* ¹⁾ и пригодилась.

Что дѣти? всѣхъ перецѣлуйте. Рейхелю жму руку; письмецо отдайте Фоггу.

А каково набурлилъ Бакунинъ?

3404. Письмо къ Н. П. Огареву.

12 октября (1868).

Idem ²⁾.

Ахъ, Николай Пл., ужъ и «Ascotchinski le saint» вопросомъ сталь?! Но Бога ради замѣть страшныя ошибки: «Katzkoff le polonofuge»—не *fuge*, а *fage*;

¹⁾ Странствующая засточка.

²⁾ Тамъ же.

«Samarine comme théolog». читай: Samarine *comme* comme...
Въ забіяческихъ статьяхъ ошибки—бѣда ¹⁾).

У Durand-Fardel'я я былъ; онъ въ восхищеніи отъ результата, но говоритъ, что лѣчение обрывать не годится, а еще слѣдуетъ шесть ваннъ и воду, т.-е. къ 18 окт. all over. ²⁾

Польза очевидная не только по анализу, но и по свѣжести мозга. Можетъ, въ маѣ придется опять ѣхать. Зато здѣсь очень красиво и хорошо жить. Погода лѣтняя днемъ и зимняя ночью.

«Письма» Миртова становятся скучнѣе,—что за отвлеченный языкъ!

Не забудь вымарать о Лейхтенбергск.,—онъ рѣшительно испросилъ прощеніе, видно.

Addio.

3405. Письмо къ Н. П. Огареву.

13 октября (1868).
Vichy.

Статья моя въ отвѣтъ Каткову ужасно помѣшаетъ «Письму» къ тебѣ, а потому я предлагаю издать *двойной* № «Колоколъ» къ 1-му декабря, въ 3 листа, пожалуй, въ три съ половиной. Я изъ «Былого и думъ» всегда могу наполнить; № будетъ великолѣпный и финальный. Иначе будетъ казаться, что мы бастуемъ отъ этихъ нападокъ.

¿Согласны ли?

Хотя у насъ и начинаются *облака* (*vice versa* ³⁾)—съ сахаромъ), но, кажется, до рѣшеній всего остального мы поѣдемъ изъ Ліона въ Лозанну, т.-е. до рѣшенія съ ногой и съ «Кололомъ». Это всего умнѣе; я удивляюсь, что уговорилъ. Жаль, что въ Женевѣ никакъ не приходится оставаться,—вотъ еще и лавина Бакуинь. (А ты, все-таки, его не спрашивалъ, зачѣмъ онъ секретничалъ, зачѣмъ скопѣ дѣлалъ тайный съ *Эллидинымъ*, и не онъ ли одобрилъ «Миколку-публиц»?) ⁴⁾ А что же Утинъ хотѣлъ? (это *bis* и *her* ⁴⁾).

Погода здѣсь удивительная, лѣто, да и только. Splendid ⁵⁾. До дождей я не поѣду. Думаю, такъ дней 5 въ Ліонѣ,—и въ

¹⁾ Всѣ эти опечажки были сдѣланы въ началѣ № 3408.

²⁾ Совершенно (свободенъ).

³⁾ Наоборотъ.

⁴⁾ До и сихъ, т.-е. до сихъ поръ.

⁵⁾ Великолѣпно.

Лозанну, а можно и другой дорогой, прямо въ Лозанну (через Pontarlier).

Мнѣ больше 3 лист. «Коя.» не присылайте. Скажи Тхор., чтобъ послалъ Сашѣ 2 экз. А. М. D-r. Bis. H. Prediger Ebeling—Koenigsgötzer Strasse № 128—2. Треп. Berlin.

Этотъ № не мѣшало бы послать въ «Голось» и еще куда-нибудь въ Россію.

NB. За что мнѣ не посылается «La Pologne» Щенковича; о послѣднѣмъ № даже «Голось» говорить.

14. Среда.

Лѣчение оканчивается 17, но никто изъ Вишу ѣхать не хочетъ, и потому, я, вѣроятно, останусь еще дней пять послѣ 17. Здѣсь, дѣйствительно, очень хорошо: тихо, покойно и недорого. Писемъ нѣтъ.

7 час. вечера.

Письмо пришло. Всѣ бернскія негодіи беру на себя. Ты сиди спокойно. Маіора ты боялся не отъ ссоры, а отъ неловкости. Если-бъ ты просто сказалъ Мечникову въ первый разъ: «я письма достану, а какъ вамъ ѣздить?», дѣло было бы улажено. Посылаю карточку для Гаридо; онъ въ центрѣ демократическаго конгресса требуетъ уничтоженія арміи и смертной казни, требуетъ федеральнаго устройства. *Пошли ему сейчасъ...* Тургенева предисловіе на Ауэркухень ¹⁾ я не читалъ.

Статья о Катковѣ кончена. Прощай.

D-r Gard. говорить: не слѣдуетъ обрывать сразу лѣчение,—еще три ванны.

◆◆ 1. Брошюра А. А. Серно-Соловьевича: «Миколка-публицистъ». По поводу статейки о «русской эмиграціи» («Современность» № 3)—«Micolka le publiciste», Женева, 1868 г.,—представляетъ теперь большую рѣдкость, ее почти никто не знаетъ. Поэтому сдѣлаю нѣсколько цитатъ, изъ которыхъ читатель увидитъ ея содержаніе. Имя «Миколка» заимствовано авторомъ изъ «Преступленія и наказанія» Достоевскаго. Въ «Современности» («Actualité») Серно-Соловьевичъ не видѣлъ никакого смысла и говорилъ, что послѣ чтенія его «во рту все точно эскадронъ переночевалъ, такъ что поневолѣ приходилось

¹⁾ Въмѣсто Б. Ауэрбахъ; Тургеневъ написалъ предисловіе къ его «Дачѣ на Рейнѣ», шедшей въ «В. Европы».

выплювывать и отплювываться». Онъ недоумѣвалъ, кому понадобилось издавать такую дребедень и, подозрѣвая, что издатели близки къ III Отдѣленію, высказалъ сомнѣніе, «зачѣмъ, казалось бы, русскому императору тратиться на такое бесплодное предпріятіе? «Да и не имѣеть ли уже благодущный монархъ сильнаго и дароваго пособника въ «Колоколѣ», обучающемъ нынѣ Европу, на европейскомъ языкѣ, русскому величію и могуществу?» «Все перебробовалъ Миколка, не съ кого больше деньгу тащить, такъ за публицистику теперь принялся. Только не дадутъ Миколкѣ денегъ за листокъ, глупъ больно паренъ, хоть и уродился съ чутьемъ такимъ, что тотчасъ же чуетъ, у кого заводится деньга. Чѣмъ другимъ, а этимъ Создатель не обидѣлъ его: едва слышитъ Миколка, что у васъ деньги за работу получены, сейчасъ въ пріятельство съ вами и войдетъ,—вошелъ, а тамъ, смотришь, 111 франковъ и нѣтъ, какъ нѣтъ». «Прочли Миколкину патологию (статью о русской эмиграціи—М. Л.) и сказали про Миколку: «совсѣмъ дуракъ Миколка». Такъ, кромѣ дурака Миколки, больше ничего и не сказали». «Кому въ Женевѣ не извѣстно, что живетъ здѣсь, Богъ его знаетъ зачѣмъ, и Богъ его знаетъ на какія средства, Миколка-публицистъ, врывающійся къ проѣзжимъ, обобравшій эмиграцію; и утаивающій чужія деньги». «Думаетъ Миколка еще подластиться къ г. Герцену: не сорвешь ли съ него теперь, пользуясь разными благопріятными обстоятельствами, малую толику денегъ. Но не сумѣлъ Миколка довести до конца «дѣла». Оно безспорно, нота взята была вѣрная, когда рѣчь зашла о *возвышенныхъ стремленіяхъ и необыкновенно смѣлыхъ, высокихъ идеалахъ*. Началъ Миколка совсѣмъ хорошо, а послѣ вдругъ ковыльнулъ, да и споткнулся, заговоривъ о будированіи: вотъ что значить хромыхъ-то пристегивать. Закончить бы рекламу ему такъ чѣмъ-нибудь изъ книги В. Гюго о Шекспирѣ. Написать, напримѣръ: вы науку новую выдумали; вы свели цивилизацію съ ея торнаго пути на настоящую дорогу; вы наше преддверіе; вы нашъ храмъ; вы свѣтило, не только согрѣвающее, но и озаряющее всѣхъ своимъ собственнымъ свѣтомъ. И тотъ, кто желаетъ познать исторію рода человѣческаго, пусть читаетъ «Былое и думы»; если сердце его не забьется двойнымъ біеніемъ, если слеза умиленія не скатится на его щеку, выступивъ крупною хрустальною каплею, онъ долженъ оставить книгу: ему не понять ни высокаго, ни прекраснаго, ни святаго». «Колоколь» въ отвѣтъ напечаталъ бы статью: «Россія опять просыпается», и въ этой статьѣ сказалъ бы: «ну, нѣтъ, науки я не выдумывалъ», да такъ сказалъ бы, что вышло бы: «самъ, вѣдь, знаю, что выдумалъ». А «Современность» тотчасъ бы сдачи

«Колоколу»: «не скромничайте, ваше превосходительство, въ общественныхъ вопросахъ какая же скромность, выдумали вы новую науку». Такъ-то, можетъ, и вышло бы что-нибудь. Нѣтъ и тутъ не сумѣлъ Миколка обдѣлать настоящаго «дѣла».

Анонимная статья «Русская эмиграція (Изъ матеріаловъ для изученія современнаго общества)», написанная Н. Г. Николадзе, была первымъ по тогдашнему времени откровеннымъ словомъ о части эмиграціи. «Большинство русскихъ эмигрантовъ, какъ и большинство всѣхъ возможныхъ эмиграцій, какъ, наконецъ, всякое большинство, попало въ теперешнее свое состояніе, такъ сказать, нечаянно, безъ яснаго понятія о томъ, что она дѣлаетъ и куда идетъ. Имъ руководила, главнымъ образомъ, юношеская, страстная ненависть къ правительству, желаніе дѣйствовать противъ него, на-зло ему—и только. Лихорадочная жизнь общества въ 1858—1863, озлобляя молодыхъ людей противъ правительства, не давала имъ досуга на умственное развитіе,—они развивались односторонне, воспринимая только то, что носило на себѣ хоть слабый отпечатокъ противоправительственнаго направленія... Въ большинствѣ случаевъ степень мыслительныхъ способностей была такъ низка, что не позволяла юношамъ разглядѣть дѣйствительныхъ причинъ нашихъ общественныхъ бѣдствій и искать спасенія не въ громкихъ фразахъ да въ дешевомъ отрицаніи. На этомъ застала этихъ юношей необходимость укрываться отъ преслѣдованій правительства, гнавшагося за безобиднѣйшими въ мірѣ существами, все преступленіе которыхъ состояло въ неопытности или же въ душевной простотѣ, весьма близко граничившей съ умственнымъ убожествомъ.

«... Въ вопросѣ объ эмиграціи есть кое-что гораздо болѣе важное, чѣмъ та или другая судьба дюжины людей: теперешніе эмигранты, вслѣдствіе отчужденія отъ родной среды и замкнутой жизни между людьми съ чуждыми для нихъ интересами, сохранились, какъ сказано выше, почти въ томъ видѣ, въ какомъ они оставили Россію...

«Было время, когда люди, подобные теперешнимъ эмигрантамъ, пользовались симпатіями нашего общества. Это несомнѣнно. Мало этого, было время, когда общество возлагало всѣ свои надежды на такихъ людей и отъ нихъ ждало себѣ спасенія.

«... Между безчисленными козлами отпушенія, принесенными въ жертву общественной глупости, эмиграціи выпала самая двусмысленная роль. Въ сущности она ничтожна, и ничѣмъ инымъ она быть не можетъ. А между тѣмъ, изъ родины на нее смотрятъ одни со страхомъ, другіе съ надеждою, и изъ этихъ наивныхъ зрителей никому

не приходитъ въ голову принять во вниманіе тщетность многолѣтнихъ ожиданій и опасеній.

«...Говоря откровенно, намъ кажется, что наши эмигранты слишкомъ мало уяснили себѣ причины своего неудовольствія противъ правительства, скажемъ болѣе, мы думаемъ, что этихъ причинъ вовсе не существуетъ, что неудовольствіе осталось по воспоминанію, какъ религіозныя догматы у неразвитыхъ людей, и что оно ничуть не мѣшаетъ обыденному ходу ихъ жизни, ходу, не имѣющему ни малѣйшаго соприкосновенія съ правительствомъ или съ ненавистью къ нему. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, подозрѣвать существованіе какой-нибудь маломальски серьезной ненависти въ людяхъ, уже пять лѣтъ сидящихъ сложа руки и выказывающихъ свое неудовольствіе и свои чувства только мягкими сплетнями про правительственныхъ особъ да громкими фразами о гнетѣ деспотизма и гнусности земного царя...

«Туть мы должны оговориться. Кромѣ молодежи, между эмигрантами общество привыкло считать и г.г. Герцена и Огарева. Само собою разумѣется, что мы не имѣли ихъ въ виду, когда писали предыдущія строки; ихъ развитіе и дѣятельность были совершенно иного рода и составляютъ часть вовсе не патологій общества. Тѣмъ не менѣе, ихъ неудовольствіе на правительство существуетъ теперь скорѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Идеалы издателей «Колокола», ихъ стремленія, симпатіи и антипатіи слагались въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, а тогда трудно было стремиться къ тому, что теперь совершилось на дѣлѣ. Теперь стремленія безспорно лучшихъ людей того времени положительно удовлетворены правительствомъ и сколько бы «Колоколъ» ни силился дѣлать оппозицію правительству, ему невозможно найти основаній для своей оппозиціи, кромѣ ничтожныхъ случаевъ въ родѣ выбора нѣмца въ «представители Россіи» при французскомъ дворѣ или смертной казни убійцъ гражданскаго вѣдомства, вмѣсто присужденія ихъ къ пожизненной или двадцатилѣтней каторгѣ.

«Мы упоминаемъ объ этомъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы сказать что-нибудь въ обиду «Колоколу». Нѣтъ ничего дурного въ томъ, что его непріятель осуществилъ то, что «Колоколъ» хотѣлъ видѣть осуществленнымъ. Заслуга послѣдняго отъ этого вовсе не умаляется. Мы просто указываемъ на очевидный фактъ, что теперь издателямъ «Колокола» нечего желать, нечѣмъ укорять правительство (если не считать мелочей, а мелочей не спускаютъ и «Московскія Вѣдомости»), не зачѣмъ ненавидѣть его, и что рано или поздно это будированіе должно же чѣмъ нибудь кончиться. То же самое происходитъ—если наши наблюденія не обманули насъ—и въ эмиграціи, съ тою только

разницею, что у издателей «Колокола» въ свое время были необыкновенно высокіе, свѣжіе и смѣлые идеалы, къ которымъ они всю свою жизнь стремились честно и страстно, а у молодыхъ эмигрантовъ ничего подобнаго никогда не было, было у нихъ только кипѣніе крови, вмѣстѣ съ которымъ улеглись всѣ «вопросы жизни» и всякія, такъ называемыя, стремленія къ чему-то лучшему.

Въ заключеніе авторъ замѣтилъ: «Мы думаемъ, что далеко не всѣ эмигранты окажутся такими разумными, проникательными и послѣдовательными, какъ г. Кельсіевъ, то есть далеко не всѣ они помирятся со своимъ мнимымъ непріятелемъ и вернутся домой, чтобы воспользоваться упитаннымъ тельцомъ, въ которомъ они порядкомъ-таки нуждаются. Этого намъ, откровенно говоря, очень жаль. Но, не надѣясь на такой рѣшительный шагъ, мы выскажемъ мнѣніе, что съ ихъ стороны недурно было бы, по крайней мѣрѣ, откровенно «войти въ частную жизнь», обозначить себя, словомъ, сдѣлаться мирными гражданами Швейцаріи, безобидными «буржуа», торговцами, портными, докторами, чѣмъ хотите, только не политиками и не агитаторами,—на этомъ поприщѣ они уже выставили свое неумѣніе и неспособность».

3406. Письмо къ Н. П. Огареву.

16 октября (1868).
Vichy.

Я сейчасъ писалъ Фарделю отвѣтъ. Полагаю, что удобнѣе, взявъ въ расчетъ твою любовь къ неподвижности, Люке звать въ Женеву. Но прежде всего исповѣдуйся мнѣ еще въ послѣдній разъ прямо и категорически; я только выжду твое письмо и поѣду въ Ліонъ, т.-е. могу ѣхать 20 окт. Скажи же просто и забудь всѣ инфлюэнціи: *Еслибъ ты былъ оставленъ на себя, что предпочелъ бы ты—хромать или дѣлать операцію?* Бога ради, отвѣчай мужественно и прямо. Мнѣ это необходимо. Я тогда буду знать, какъ дѣйствовать.

Итакъ, я жду отвѣта на этотъ вопросъ и тотчасъ ѣду. Въ Ліонѣ я рѣшу (въ силу твоего отвѣта), какъ лучше рѣшить дорогу.

Если есть очень интересныя статьи въ «Недѣлѣ», пришли въ Lyon, poste-restante; такъ же и письма адресуй послѣ 20.

За послѣднее письмо я заплатилъ 30 сант. affran. insuf. ¹⁾). Это за бѣлую бумагу, ненужную для поправки заглавія «Пол. Звѣз.». Посылаю тебѣ обрѣзанные, какъ слѣдуетъ посылать.

Насчетъ «выпускъ *первый*»—какъ Георгъ хочетъ, но нельзя же половину выдать за *цѣлое*. Если не на оберткѣ, то внутри слѣдуетъ сказать ²⁾). Цѣна 3 фр. мала, поставить 4.

Мечникову, вѣроятно, ты мою рекомендацію отдалъ.

Кровать вели непременно купить. Мой милый *pélican qui pourrit de son sang* ³⁾) весь свѣтъ, а самъ одра не хочетъ купить.

Вычета за Мерчинскаго *рѣшительно не сдѣлаю*, потому что это будетъ оптической обманъ, а между нами онъ смѣшонъ. Мнѣ этихъ денегъ не жаль, а жаль, что ты думалъ, что онъ можетъ отдать.

Затѣмъ прощай. Еще разъ прошу мнѣ отвѣчать *безъ фразъ* объ операциі; я такъ себя и поведу съ Люке и Фарделемъ.

Три экземпляра «Колокола» жду еще здѣсь.

3406 bis. Письмо къ сыну.

17 октября 1868.

Vichy.

Письмо твое пришло, и я, какъ разумѣется, отвѣчаю тотчасъ. Обдумай, саго тіо, самъ всѣ pro и contra; я тебѣ скажу мое мнѣніе, но искренно, какъ друга и сына, увѣряю, что не разсержусь, если ты найдешь, что иной путь лучше.

Итакъ, по-моему, надобно бросить этой свиньѣ отставку въ рожу; онъ васъ дойметъ всѣхъ, а потому лучше предупредить. Если это *Parlatore* ⁴⁾), то напиши ему *dignified*, гордо, но не грубо-свирѣпое письмо и брось службу. Видно (что, впрочемъ, я и ждалъ), въ Италіи нѣтъ общественнаго мнѣнія.

Далѣе что дѣлать? Отсутствіе правильного мѣста ведетъ къ пустой и безконтрольной жизни. Если ты можешь *правильно* провести въ работѣ семестръ въ Берлинѣ, это всего лучше для начала. Въ продолженіе этого времени—слушай и храни это въ тайнѣ—постарайся узнать, можно ли тебѣ съѣздить въ Россію; говорить, т. е. Карль

¹⁾ Недоплаченнаго.

²⁾ На четвертой страницѣ обложки «Пол. Звѣзды» напечатано: «Слѣдующая книжка «П. З.» выйдетъ въ іюнь 1869 года».

³⁾ Пеликанъ, кормящій своею кровью.

⁴⁾ Филлиппъ, итальянскій натуралистъ.

Фогтъ мнѣ говорилъ, что русскій посоль (кажется, Убри ¹⁾ или что-то такое) въ Берлинѣ порядочный человѣкъ. Поди къ нему просто и скажи, кто ты, скажи, что политикой не занимаешься и хотѣлъ бы взглянуть на Россію, даже поискать тамъ кафедры или занятія. Если ты сдѣлаешь это быстро и если тебя обнадежили бы въ легкости *визы*, приѣзжай ко мнѣ для изустныхъ переговоровъ и совѣтовъ. ¹

«Химикъ», Алекс. Алекс. ²⁾, умеръ. Егоръ Ив. спрашиваетъ съ участіемъ о тебѣ и желаетъ писемъ отъ меня и Таты. Твой приѣздъ былъ бы очень важенъ, да, сверхъ того, могъ бы узнать о положеніи костромскаго имѣнія. Все это я тебѣ расскажу изустно. Приѣхать въ *cas échéant* ³⁾ прошу одного, а Терез. оставить въ Берлинѣ.

Денегъ на дорогу, особо отъ всѣхъ счетовъ, я дамъ,—ну, и разсуждай.

Лѣченье шло превосходно; сегодня послѣдній день; 20 я ѣду, т. е. мы ѣдемъ, въ Лионъ. Я чувствую себя свѣжѣе и лучше. Маіоръ рѣшительно думаетъ, что операція О.—безуміе; Фардель и Боткинъ согласны, что она опасна и заставитъ много страдать. Не оставятъ ли ее?

Пиши или въ Lyon, *poste-restante* или въ Женеву Тхоржевскому. Затѣмъ прощай.

А. Герценъ.

Не можешь ли ты узнать мнѣніе Лангенбека?

P. S. Замѣть, что «Колоколъ» не будетъ больше выходить съ 1 января. Это—секретъ, пока объявится.

◆◆ 1. 19 октября н. ст. 1868 г. нашъ берлинскій посланникъ сообщилъ тов. мин. иностр. дѣлъ В. И. Вестмену, что въ тотъ день къ нему въ посольство явился Герценъ-сынъ, около 30 лѣтъ, и заявилъ о желаніи возвратиться въ Россію съ своею женой. Онъ прибавилъ, что уже 7 лѣтъ состоитъ гражданиномъ гельветической республики и, хотя не занимается политикой, но вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія своего отца («*tout en partageant les opinions de son père*»); занимаясь наукой въ итальянскомъ университетѣ, онъ желаетъ также знать впередъ, сможетъ ли онъ уѣхать свободно изъ Россіи, если почему-нибудь рѣшитъ тамъ не оставаться на постоянное жительство. Посоль не далъ отвѣта, сказавъ, что снесется съ правительствомъ.

¹⁾ Павелъ Петровичъ.

²⁾ Яковлевъ.

³⁾ Если представится случай.

По докладу Горчакова, царь написалъ: «Comminiquez le au C. Schouvalow, auquel je donnerai mes ordres» (сообщите объ этомъ гр. Шувалову, которому я дамъ свои приказанія).

Изъ «справки», сдѣланной въ III Отдѣленіи, видно, что закона, который разрѣшалъ бы положительно подобный случай, не было, а потому съ формальной стороны «не могло бы встрѣчаться особыхъ препятствій къ разрѣшенію молодому Герцену пріѣхать въ Россію». «Но, принимая въ соображеніе, во 1-хъ, собственное сознаніе его въ томъ, что онъ раздѣляетъ убѣжденія отца своего, и, во 2-хъ, условія, на основаніи которыхъ онъ и намѣревается пріѣхать въ Россію,— условія, допускающія вѣроятность предположенія о существованіи у него какой-либо задней мысли,—казалось, лучше бы было, если бы разрѣшено было отклонить изъясненное ходатайство».

20 октября ст. ст. Шуваловъ писалъ Горчакову: «При всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ государю императору свѣдѣній по содержанию переданнаго мнѣ в. с.—вомъ, по высоч. повелѣнію, письма нашего посланника въ Берлинъ, съ изъясненіемъ ходатайства сына извѣстнаго изгнанника Александра Герцена, я не смѣлъ не упомянуть о томъ постоянномъ направленіи литературной дѣятельности Герцена-отца, въ которомъ онъ съ дерзостью высказывалъ стремленіе къ ниспроверженію существующей въ Россіи верховной власти, притомъ я не счелъ себя въ правѣ умолчать предъ е. и. в. о тѣхъ возмутительныхъ прокламаціяхъ названнаго изгнанника, коими онъ стремился возбудить въ русскомъ народѣ духъ кровавой революціи и даже уничтоженіе царствующаго дома. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что Герценъ-сынъ, какъ видно изъ письма т. с. Убри, самъ заявилъ въ посольствѣ, что онъ раздѣляетъ всѣ убѣжденія отца своего, всемилоствѣйшаго согласія на разрѣшеніе сыну Герцена пріѣзда въ имперію не послѣдовало» (Архивъ III отд. с. е. и. в. канц., 3 экспед. 1868 г., дѣло № 216).

3407. Les russes au congrès de Berne.

Nous n'avons pas pris de part active au Congrès de Berne. Sans faire valoir des considérations personnelles, sans répéter ce que nous avons dit à propos du Congrès de 1867, nous avouons franchement que, sympathisant de tout notre coeur avec les pieux désirs du Congrès, nous n'avons jamais pu saisir le but *pratique* de ces conciles de la paix— en vue des armées qui se massent, se guettent, demandent à grands cris

leur droit au travail et sont prêtes à se ruer les unes sur les autres avec toute la férocité d'un patriotisme carnassier—attiré et exploité par les gouvernements—qu'aucun Congrès du monde ne pourra arrêter.

Une lecture suivie, attentive des *Etats-Unis de l'Europe* n'a pas élucidé nos doutes. Les raisonnements de ce journal étaient, nous nous empressons de le dire, presque toujours irréprochables et reconnus comme tels depuis des siècles. La question philosophique, théorique de la paix et de la guerre, est vidée depuis longtemps; il n'y a pas de nouveaux doutes à résoudre, de nouvelles découvertes à confirmer. Il s'agit de l'application, de la mise en oeuvre de ces théories. Or, le Congrès de Berne, comme le Congrès de Genève, n'a pas plus de moyens de rendre ces résolutions obligatoires, d'arrêter les armements, de dissoudre les armées, de conjurer la guerre, que n'en avaient les saints quakers, qui sont allés, avant la guerre de Crimée, faire profession de foi de leur religion pacifique devant le soldat des soldats, l'empereur Nicolas. Est-il d'une bonne politique d'étaler son impuissance devant un ennemi sans scrupules?—Nous ne le croyons pas.

Nos amis et compatriotes Bakounine et Wyruboff ont envisagé le Congrès d'une autre manière.

Comprenant la signification du Congrès (la seule qui lui incombe réellement)—comme *tribune européenne*—ils laissèrent de côté les lamentations sur les malheurs de la guerre et les malédictions sur les dépenses de la paix. Ils mirent le doigt sur des plaies d'une autre gravité et firent remonter les massacres d'emblée à d'autres causes.

Leur profession de foi c'est la nôtre, c'est celle de la Jeune Russie. C'est notre *nihilisme* inexorable, conséquent, qui retentit dans les grandes Assises de la démocratie. L'Occident, qui l'a engendré, ne le reconnaît plus et s'en détourne.

Bakounine et Wyruboff, avec le petit groupe de leurs amis qui sortirent du Congrès, étaient les hommes du nouveau monde, parmi les doctes et braves représentants du juste-milieu et du jacobinisme, qui, avec le meilleur désir du monde, soutiennent d'une main le vieil édifice qu'ils veulent faire écrouler de l'autre.

Les Russes pouvaient s'abstenir, comme nous l'avons fait; mais en prenant part au Congrès, ils ne pouvaient paraître qu'en tenant haut notre drapeau du «Nihilisme». *L'annihilation du vieux est l'engendrement de l'avenir!*

*Переводъ.***Русские на бернскомъ конгрессѣ.**

Мы не приняли дѣятельнаго участія въ бернскомъ конгрессѣ. Не приводя личныхъ соображеній и не повторяя того, что мы сказали по поводу конгресса 1867 г., признаемся откровенно, несмотря на сердечное сочувствіе священнымъ стремленіямъ конгресса, мы никогда не могли понять *практической* цѣли этихъ совѣщаній о мирѣ въ виду армій, стоящихъ насторожѣ, громко требующихъ своего *права на трудъ* и готовыхъ кинуться въ бой со всей жестокостью кровожаднаго патріотизма, который вызванъ и эксплуатируется правительствомъ и котораго никакой въ мирѣ конгрессъ не въ силахъ остановить.

Послѣдовательное внимательное чтеніе «Etats-Unis de l'Europe» не разсѣяло нашихъ сомнѣній. Разсужденія этого журнала, спѣшу сказать, почти всегда безукоризненны и уже нѣсколько вѣковъ признаны таковыми. Философскій, теоретическій вопросъ о мирѣ и войнѣ давно исчерпанъ, въ немъ не осталось никакихъ сомнѣній и нѣтъ мѣста для новыхъ открытій; дѣло идетъ теперь о приложеніи и осуществленіи этихъ теорій. У бернскаго конгресса, какъ и у конгресса женеваго, нѣтъ никакихъ средствъ сдѣлать принятія резолюціи обязательными, остановить вооруженія, распустить арміи, предотвратить войну, такъ же, какъ ихъ не было у святошь квакеровъ, ѣздившихъ передъ Крымской войной излагать догматы своей миролюбивой религіи солдату изъ солдатъ, Николаю. Политично ли выказывать свое безсиліе передъ безсовѣстнымъ врагомъ? Мы этого не думаемъ.

Наши друзья и соотечественники, Бакуининъ и Вырубовъ, посмотрѣли на конгрессъ иначе. Понимая, что его единственное реальное значеніе—служить *европейской трибуной*, они оставили въ сторонѣ всякія оплакиванія несчастій войны и проклятія военнымъ издержкамъ въ мирное время. Они указали на раны гораздо болѣе тяжкія и отнесли избіенія къ другимъ, болѣе глубокимъ причинамъ.

Ихъ убѣжденія вполнѣ согласны съ нашими—это убѣжденія молодой Россіи. Это нашъ неумолимый, послѣдовательный *нигилизмъ* прозвучалъ на Великомъ собраніи демократіи. Западъ, который его породилъ, не узнаетъ теперь и отворачивается.

Бакуининъ и Вырубовъ съ небольшою группою друзей, ушедшихъ вмѣстѣ съ ними съ конгресса, явились *людьми новаго міра* среди ученыхъ и бравыхъ представителей умѣренности и якобинства, съ наилучшими намереніями поддерживающихъ одной рукой старое зданіе, которое стараются разрушить другой.

Русские могли воздержаться, какъ это сдѣлали мы, но, принимая участіе въ конгрессѣ, они могли явиться только, держа высоко наше знамя «нигилизма»: *Уничтоженіе стараго и зарожденіе новаго!* ¹

◆◆ 1. Въ №311 «Голоса» 1868 г. Ник. Родіоновъ писалъ изъ Женевы: «...въ эти тридцать лѣтъ мы перемѣнились, а они все тѣ же, какъ были, такъ и остались, съ тою же невозможною программой, съ тѣми же ложными тенденціями. Отъ нихъ отшатнулись—въ этомъ «нагляднѣе» всего поручатся заграничные книгопродавцы, имѣющіе склады «Колокола». Спросите ихъ, сколько продавалось *сперва* и сколько продается *теперь* экземпляровъ. У Георга, въ Женевѣ, напримѣръ, отъ каждаго мѣсяца остается непечатый уголь «Колокола», оптомъ спускаемаго потомъ тряпичникамъ.....Редакторъ газетки (говорю *газетки*, хотя продолженій ея не послѣдовало еще: обѣщались выпускать ежемѣсячно, а съ 1-го сентября до сей минуты что-то не видать продолженія) «Народное Дѣло», г. Вырубовъ, говорилъ на Бернскомъ конгрессѣ, какъ вамъ извѣстно, рѣчь. «Колоколь» отпечатали ее цѣликомъ—какъ же иначе! Но въ концѣ, когда нашъ доморощенный ораторъ, въ изступленіи увлеченія, воскликнулъ, что онъ не хочетъ *ni fois, ni roi*, «Колоколь» увѣряетъ, будто въ залѣ раздались «продолжительныя рукоплесканія» (*bravos prolongés*—см. № 13, стр. 188-я, стр. 3-я сверху). А это было вовсе не такъ. Рукоплескали г. Вырубову Бакунинъ да кое-кто изъ поляковъ. Но, все-таки, г. Вырубовъ долженъ былъ сойти съ трибуны, извиниться передъ собраніемъ, что *заврался*, и потомъ сложить съ себя званіе члена Лиги. Зачѣмъ же «Колоколь» умолчалъ объ этомъ второмъ пассажѣ, о главномъ?»

3408. Le Schédo-Ferrotty—panslaviste et les horreurs russes.

M. Youri Samarine, connu comme théologien byzantin et panslaviste exagéré—a commencé la publication d'une revue russe à Prague, sous le titre de *Confins de la Russie* («Русскія окраины»). Cette publication a pour but de porter le coup de grâce aux hérétiques allemands, catholiques polonais, musulmans et autres mécréants, qui n'ayant pas le bonheur d'appartenir à l'Eglise orientale, ont celui de vivre sous le sceptre orthodoxe de la Russie. Absolutiste avec des velléités frondeuses, admirateur de Nicolas, très-dévoué à l'empereur actuel, un peu Katkoff le polonophage et Askotchinski le saint,—le rédacteur se donne l'air

d'une opposition tranchée en publiant à la *Schédo-Ferrot* sa revue hors des limites de l'empire russe.

Nous connaissons un peu les Allemands baltiques et nous sommes très-contents que le *révérénd* Samarine secoue rudement ces braves chevaliers teutons, et prenne la défense des pauvres Leithes, Esthes et autres Finnois—écrasés par les allemands, au point de vouloir rétrograder (à ce que prétend le panslaviste théosophe) du protestantisme au byzantinisme. Nous avons en horreur les seigneurs allemands, les *Junkers* baltiques. Leur conduite envers leurs paysans, leur servilisme sans bornes envers le tzar, leur suffisance, leur arrogance, nous ont toujours révoltés. Mais nous n'oublions pas que la conduite des seigneurs russes a été tout aussi révoltante. Pourquoi Samarine, qui est aussi laïque et mondain qu'il est mystique et théosophe—pourquoi s'indigne-t-il tant des « exécutions », sans jugement, sous prétexte de rébellion? La moitié de la Russie a été rossée, flagellée, déportée de la même manière jusqu'à l'émancipation. Les verges, grâce à des défenseurs zélés, comme l'ami de M. Samarine, le prince Tcherkasky, ont survécu même à l'émancipation.

Pourquoi toute la tendresse, toutes les doléances se dépensent-elles sur la tête de paysans finnois, lithauniens—et pourquoi un tel oubli des paysans de Samara, Simbirsk, Tambow, etc., etc? Que le missionnaire fouille un peu dans sa mémoire, dans les traditions *très-récrites* des familles nobiliaires—et nous sommes sûrs qu'en bon chrétien il réservera quelques larmes pour nos frères *cadets* et quelques gouttes de fiel pour nos *aînés*. Ce n'est pas du tout une excuse des chevaliers allemands, ni des seigneurs polonais, d'autant plus que les uns et les autres sont plus civilisés que les nôtres;—c'est un appel à la vérité, à la justice et à la pudeur.

Prenons les journaux russes de la dernière semaine, nous y trouvons, comme toujours, des horreurs accomplies avec des infamies et un sans-façon de despotisme asiatique qui ne nous surprennent pas seulement par habitude. Citons les faits:

Chasse aux prisonniers. La police russe organise elle-même la fuite des prisonniers et les tue après.

«Le 12 août 1868, dit le *Messenger d'Odessa*, il est arrivé à Simphéropole un événement qui est jusqu'à présent le sujet de toutes les conversations. Cet événement est la mort tragique d'un jeune homme, Péchovsky, tué par les gardes, perdant qu'il essayait de s'évader de la prison. Péchovsky, fils d'un riche propriétaire du gouvernement de la Tauride, était détenu

dans la prison de Simphéropole, pour le vol d'une caisse contenant des papiers et une somme d'argent très-forte. Dans la même prison se trouvait un autre criminel, Sossédoff, détenu pour la fabrication et la mise en circulation de faux billets de crédit. Sossédoff, criminel endurci et expérimenté, avait déjà tenté plusieurs fois de prendre la fuite. C'est avec lui que Péchovsky se lia et forma le projet d'évasion. Mais comme la fuite était impossible sans l'aide de quelqu'un des serviteurs ou des gardes de la prison, les prisonniers se décidèrent à acheter la participation de l'une des sentinelles, Tchouroff. Dans ce but, Péchovsky se lia avec le soldat Tchouroff, lui proposa vingt roubles pour ne pas empêcher l'évasion. La sentinelle se présenta au corps de garde et raconta la proposition de Péchovsky. Les autorités de la prison lui permirent de prendre l'argent et ordonnèrent de les tenir au courant, dans le but d'arrêter les prisonniers en flagrant délit. A un signal donné par la sentinelle, les prisonniers devaient descendre vers les échafaudages qui permettaient de passer sur le mur, pour se laisser glisser de l'autre côté au moyen d'une corde improvisée de chemises et d'autres vêtements. Les prisonniers s'étant décidés à accomplir ce projet, se croyaient probablement déjà en liberté.—Mais l'embuscade se jeta sur eux lorsqu'ils descendirent les échafaudages. Dans le procès-verbal il est dit que les prisonniers se jetèrent sur les sentinelles et que celles-ci, à leur tour, *furent usage des armes.*

Il y eut une rixe dans laquelle les prisonniers, sans doute, ne pouvaient rester vainqueurs. Péchovsky ayant reçu plusieurs blessures de baïonnette, remonta en courant vers sa cellule, les sentinelles se mirent à sa poursuite; d'après le procès-verbal, Péchovsky essaya de s'emparer du fusil d'une sentinelle. Le soldat résista et fit dans l'obscurité (le couloir n'était pas éclairé) plusieurs blessures à Péchovsky, sans savoir précisément à quel endroit, mais il suppose que c'était à la bouche et au cou. Péchovsky tomba raide mort. Bientôt, quand tout fut apaisé, on trouva Péchovsky appuyé contre le mur, mort et baigné dans son sang. On découvrit sur son corps *quatorze blessures, dont quatre étaient mortelles.* Le sort du criminel Sossédoff ne fut guère plus heureux. Après une demi-heure de recherches, il fut trouvé dans une cave; il lutta avec les sentinelles, en serra une contre le mur et reçut trente-trois blessures. Il fut transporté dans une institution de bienfaisance et donne à présent quelques espérances de guérison.

Une commune pillée, ruinée et convertie au giron de l'église. Les paysans d'une commune appartenant ci-devant aux apanages du cercle

Mostilensk, gouvernement de Viatka, district de Sarapoul, ayant refusé de signer les contrats proposés par les employés, les autorités passèrent outre et validèrent elles-mêmes, *sans la participation des paysans*, leur charte (*Уставная грамота*). Le temps venu, on exigea le paiement de la redevance. Les paysans refusèrent d'obéir. On fit venir des troupes pour les mettre à la raison et on procéda à la *vente du bétail*, des bâtisses non habitées. Les paysans exaspérés tombèrent dans un désespoir profond et se séparèrent tous de l'église. Ils cessèrent de paraître à la messe, enlevèrent les images des saints de leurs maisons. En réponse aux questions du clergé et aux remontrances des *autorités*, les paysans répondirent: Nous ne vous reconnaissons pas, nous ne reconnaissons que le père céleste—il prendra notre défense, tandis que vous...» (*le journal russe ne finit pas l'alternative*). Peu à peu il se forma une secte nommée les *non-prieurs*, beaucoup de villages s'y joignirent. Les autorités eurent alors recours au moyen ordinaire des conversions en Russie—elles jetèrent en prisons les principaux instigateurs. En voyant cela, les paysans demandèrent en foule de partager leur sort.—On jette *cent soixante et dix hommes* en prison—et on refuse, manque de place, une masse de volontaires qui se présentent. Un ordre supérieur ordonne la formation d'une Commission des membres du clergé pour convertir les égarés.—Elle ne parvient à rien. Une grande mortalité s'étant déclarée dans la prison, on ordonne de libérer plus de cent personnes,—en laissant emprisonnés les plus obstinés. La police et le prêtre de l'endroit se rendirent au village et se firent amener un à un tous les hérétiques. *Leur manière de convaincre* est un mystère pour nous (dit le journal russe).—Mais les paysans rentrèrent au giron de l'église, sauf cinquante personnes qui s'obstinèrent jusqu'à la fin.

La liberté individuelle en Russie. Les journaux russes nous apportent un spécimen splendide de la liberté dont jouissent les sujets du tzar émancipateur. Nous donnons la traduction exacte d'une lettre adressée par un commissaire du district (Ispravnik), à l'épouse d'un propriétaire vivant dans le gouvernement de Simbirsk. Nous ajoutons une seule observation, c'est que Simbirsk est bien loin de la Pologne et de tout mouvement révolutionnaire.

Nous prions la presse libérale de reproduire cet acte de folie de la police d'un gouvernement qui se donne des airs de progrès. Voici le document:

Ministère de l'Intérieur,
Commissaire de police
du district de Kourmich.
21 février 1867.
№ 177.

Madame:

J'ai pris connaissance qu'après votre retour de Moscou vous portiez à votre cou une grande croix noire attachée à un ruban de la même couleur.

Considérant qu'un *ornement* de ce genre *n'appartient pas aux dames* et ne se trouve dans aucun *journal de modes*, et considérant que *je n'en ai jamais vu* sur une personne quelconque—je vous prie, madame, de m'expliquer quel *emblème exprime* le signe extérieur que vous portez?—Agréez, etc.—Roudneff.

Les commissaires des districts sont redevenus ce qu'ils étaient du temps de Nicolas. « On reconnaît de suite, dit le correspondant du *Journal de Saint-Petersbourg*, quand le commissaire a passé par une commune—**d'après les restes des verges** aux portes de la maison communale».

Le ministre Timacheff (ci-devant chef des espions) lit cela dans les journaux et se frotte les mains. Qu'a-t-on fait, par exemple, avec ce Roudneff? Est-il chassé du service, mis en jugement, cassé, brisé, suspendu?...Et les beaux restes du passage d'un Ispravnik? C'est classique!

Les lévites russes. On dit que le Conseil d'Etat sera saisi d'un projet de dissolution de la caste des prêtres en Russie. Nos lecteurs savent certainement que les enfants des prêtres, diacres et sacristains forment une pépinière close dans laquelle se recrute le clergé. On immolait les enfants au Moloch orthodoxe sans miséricorde. Quelques fils de popes se sauvaient des travaux célestes à perpétuité, mais cela n'était pas une chose facile. Les fils de prêtres nous donnèrent les hommes les plus remarquables comme ministres, professeurs, savants, littérateurs, médecins. Il suffit de nommer Spéransky et Tchernichevsky. Si la nouvelle est vraie, nous félicitons de tout notre cœur les pauvres Isaak émancipés de l'autel, sur lequel l'anéantissement moral et le parjure forcé les attendaient.

«La Bank und Handelszeitung» du 22 septembre donne une étrange nouvelle, reproduite par le «Golos» du 26. Le journal allemand croit savoir de bonne service que le gouvernement français a offert confidentiellement au cabinet de Pétersbourg son influence sur la Suisse—pour mettre fin à l'agitation hostile contre le gouvernement russe—qui se produit dans la république. On dit, ajoute la *Handelszeitung*, que le prince Gortschakoff, tout en remerciant, a décliné la proposition.

La locomotion en Russie. La saison où la plupart des voyageurs russes rentrent dans leur patrie est d'un aspect lugubre. Ceux qui ont la maladresse de rentrer par la voie de Varsovie, ont à subir un régime de terreur de la part de la police et des douanes pis que jamais. Sont-ce les mouvements en Gallicie qui ont effrayé le gouvernement de Saint-Pétersbourg, ou autre chose? Le fait est que l'administration de Varsovie a redoublé ses persécutions d'une manière telle qu'aucun voyageur russe ne peut traverser tranquillement le royaume. Quelle agréable perspective, surtout pour les innocents qui ne se mêlent en aucune façon des affaires d'insurrection?

Переводъ.

Панславистъ-Шедо-Ферроти и русскіе ужасы.

Юрій Самаринъ, извѣстный византійскій теологъ и крайній панславистъ, началъ издавать въ Прагѣ русскій сборникъ подъ названіемъ «Окраины Россіи». Это изданіе имѣетъ цѣлью нанести смертельный ударъ нѣмецкимъ еретикамъ, польскимъ католикамъ, мусульманамъ и другимъ невѣрующимъ, которые имѣютъ счастье жить подъ православнымъ скипетромъ Россіи, но не имѣютъ счастья принадлежать къ восточной церкви. Абсолютистъ съ наклонностями къ фронтёрству, поклонникъ Николая, преданный теперешнему государю, немного Катковъ-полоноѣдъ и немного Асоченскій-святоша, редакторъ дѣлаетъ видъ рѣзкой оппозиціи, печатая à la Шедо-Ферроти свой журналъ за рубежомъ русской имперіи.

Мы нѣсколько знакомы съ балтійскими нѣмцами и очень рады, что *преподобный* Самаринъ сурово пробираетъ этихъ храбрыхъ тевтонскихъ рыцарей и беретъ подъ свою защиту бѣдныхъ латышей, эстонцевъ и другихъ финновъ, столь забитыхъ нѣмцами, что они хотятъ вернуться (какъ утверждаетъ панславистъ-теософъ) изъ протестантства въ православіе. Мы питаемъ ужасъ къ нѣмецкимъ помѣщикамъ, къ балтійскимъ *юнкерамъ* ¹⁾). Намъ всегда возмущало ихъ обращеніе со своими крестьянами, ихъ безграничное холопство передъ царемъ, ихъ самодовольство и надменность. Но мы не забываемъ, что поведеніе русскихъ помѣщиковъ было столь же возмутительно. Почему Самаринъ, столь же свѣтскій и великосвѣтскій человѣкъ, сколь мистикъ и теософъ? Почему же онъ такъ негодуетъ на «экзекуціи» безъ суда, подъ предлогомъ унта? До освобожденія половина Россіи

¹⁾ Такъ въ Германіи называютъ дворянъ-реакціонеровъ въ парламентѣ.

бывала совершенно такъ же избита, застѣнена, сослана. Розги, благодаря столь ревностнымъ защитникамъ ихъ, какъ другъ Самарина, князь Черкасскій, пережили даже освобожденіе.

Почему вся нѣжность и всѣ воздыханія изливаются на головы финскихъ и литовскихъ крестьянъ, почему такая забывчивость къ крестьянамъ самарскимъ, симбирскимъ, тамбовскимъ и пр., и пр.? Пусть нашъ миссіонеръ пороется немного въ своей памяти, въ *совсѣмъ недавнихъ* традиціяхъ дворянскихъ семей, и мы увѣрены, что, какъ истинный христіанинъ, онъ оставитъ нѣсколько слезинокъ и на долю нашихъ *младшихъ братьевъ* и нѣсколько капель желчи на долю *старшихъ*. Это вовсе не извиняетъ нѣмецкихъ рыцарей и польскихъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что и тѣ, и другіе цивилизованнѣе нашихъ; это — призывъ къ правдѣ, къ справедливости и къ стыду.¹

Возьмемъ русскія газеты за *последнюю недѣлю*; мы найдемъ въ нихъ, какъ всегда, ужасы, свидѣтельствующіе о гнусности и безстыдствѣ азіатскаго самовластія, которые не поражаютъ насъ, только благодаря привычкѣ. Будемъ цитировать факты:

Охота за заключенными. Русская полиція сама устраиваетъ побѣги заключенныхъ и вслѣдъ затѣмъ убиваетъ ихъ.

12 августа 1868 г., по словамъ «Одесскаго Вѣстника», въ Симферополѣ произошло событіе и сейчасъ еще служащее предметомъ общихъ разговоровъ. Это событіе—трагическая смерть молодого человѣка, нѣкоего Пеховскаго, убитаго стражей въ тотъ моментъ, когда онъ пытался убѣжать изъ тюрьмы. Пеховскій, сынъ богатаго помѣщика Таврической губерніи, содержался въ симферопольской тюрьмѣ за кражу кассы съ документами и съ крупной суммою денегъ. Въ той же тюрьмѣ находился другой преступникъ, Сосѣдовъ, арестованный за поддѣлку и распространеніе кредитныхъ билетовъ. Сосѣдовъ, закоренѣлый и опытный преступникъ, нѣсколько разъ уже пытался бѣжать. Вотъ съ нимъ-то сговорился Пеховскій, и они вмѣстѣ составили планъ бѣгства. Но такъ какъ побѣгъ былъ невозможенъ безъ помощи кого-либо изъ служителей или тюремной стражи, то заключенные рѣшили подкупить одного изъ часовыхъ, нѣкоего Чурова. Съ этой цѣлью Пеховскій сошелся съ Чуровымъ и предложилъ ему двадцать рублей съ тѣмъ, чтобы онъ не препятствовалъ побѣгу. Часовой, придя въ кордегардію, рассказалъ о предложеніи Пеховскаго. Тюремныя власти разрѣшили ему принять деньги и приказали передавать имъ о всѣхъ приготовленіяхъ къ побѣгу съ цѣлью накрыть арестантовъ на мѣстѣ преступленія. По знаку часового, арестанты должны были

спуститься на лёса, откуда могли взобраться на стѣну, а затѣмъ соскользнуть, при помощи импровизированной, составленной изъ бѣлья и платья, веревки, на другую сторону. Плѣнники, рѣшившись выполнить этотъ планъ, вѣроятно, считали себя уже свободными. Но на нихъ набросились изъ засады, какъ только они спустились съ лёсовъ. Въ протоколѣ было сказано, что арестанты напали на часовыхъ и что тѣ, въ свою очередь, *пустили въ ходъ оружіе*.

Произошло столкновение, въ которомъ арестанты, понятно, не могли остаться побѣдителями. Пеховскій, получившій нѣсколько штыковыхъ ранъ, бѣгомъ бросился въ камеру; часовые погнались за нимъ; согласно протоколу, Пеховскій пытался завладѣть ружьемъ одного изъ часовыхъ. Солдатъ сопротивлялся и въ темнотѣ (корридоръ не былъ освѣщенъ) нанесъ Пеховскому нѣсколько штыковыхъ ранъ, самъ не зная точно, куда онъ ранилъ его,—предполагалъ, что въ ротъ и въ шею. Пеховскій свалился мертвымъ. Вскорѣ, когда все было умиротворено, Пеховскій былъ найденъ прислонившимся къ стѣнѣ, мертвый, плававшій въ своей крови. На тѣлѣ его насчитали *четырнадцать ранъ, изъ которыхъ четыре смертельныхъ*. Судьба преступника Сосѣдова такъ же ужасна. Послѣ розысковъ въ продолженіе получаса, его обнаружили въ погребѣ; онъ боролся съ часовыми, прижалъ одного изъ нихъ къ стѣнѣ и получилъ тридцать три раны. Его перенесли въ больницу и сейчасъ онъ подаетъ слабую надежду на выздоровленіе.

Ограбленная, разоренная и возвращенная въ лоно церкви община. Крестьяне одной общины, раньше причисляемой къ Мостиленскому округу Вятской губ., Сарапульскаго уѣзда, отказались подписать условія, предложенныя чиновниками. Власти обошлись безъ нихъ и сами утвердили, *безъ участія крестьянъ*, уставную грамоту. Когда наступилъ срокъ, была потребована уплата податей. Крестьяне отказались повиноваться. Тогда, для вразумленія ихъ, были вызваны войска и приступлено къ *продажѣ скота* и необитаемыхъ построекъ. Взбѣшенные крестьяне пришли въ крайнее отчаяніе и всѣ отдѣлились отъ церкви. Они перестали посѣщать богослуженіе и вынесли иконы изъ своихъ домовъ. Въ отвѣтъ на вопросы духовенства и на замѣчанія властей крестьяне отвѣчали: «Мы признаемъ только Отца Небеснаго, Онъ насъ защититъ, ну, а вы...» (русская газета не заканчиваетъ альтернативы). Мало-по-малу образовалась секта, названная «немоляками»; много деревень присоединилось къ нимъ. Тогда власти

прибѣгли къ обычному въ Россіи способу обращенія: главные зачинщики были брошены въ тюрьму. Увидя это, громадное количество крестьянъ потребовало, чтобы имъ дано было раздѣлить участь зачинщиковъ. Въ тюрьму было посажено *сто семьдесятъ* человѣкъ, и очень многимъ желающимъ было отказано изъ-за недостатка помѣщенія. По высочайшему приказу, была сформирована комиссія изъ духовенства для обращенія заблудшихся. Она не дала никакихъ результатовъ. Такъ какъ среди заключенныхъ развилась громадная смертность, то была отданъ приказъ освободить болѣе ста человѣкъ, оставивши въ тюрьмѣ наиболѣе упорныхъ. Полиція и мѣстный священникъ отправились въ деревню и заставили, чтобы къ нимъ были приведены поодионокѣ одинъ за другимъ всѣ еретики. *Ихъ способъ убѣжденія* остался тайною для насъ, говоритъ русская газета. Но крестьяне всѣ, за исключеніемъ пятидесяти человѣкъ, упорствовавшихъ до конца, вернулись въ лоно церкви.

Свобода личности въ Россіи. Русскія газеты сообщаютъ намъ блестящій образчикъ свободы, которою пользуются подданные царя-освободителя. Мы приводимъ подлинный переводъ письма, адресованнаго исправникомъ супругѣ одного помѣщика, живущаго въ Симбирской губерніи. Можемъ только прибавить, что Симбирскъ расположенъ далеко отъ Польши и отъ всякаго революціоннаго движенія.

Мы просимъ всю либеральную печать воспроизвести этотъ актъ безумія полиціи того правительства, которое старается поидать себѣ прогрессивный отпечатокъ. Вотъ этотъ документъ:

Министерство вн. дѣлъ.

Исправникъ

Курмышскаго уѣзда.

21 февраля 1867 г.

№ 177.

Милостивая Государыня!

До моего свѣдѣнія дошло, что со времени возвращенія вашего изъ Москвы вы носите на шеѣ большой черный крестъ, надѣтый на черную же ленту.

Приимая въ соображеніе, что *украшенія* такого рода *не носятя дамами*, и ихъ нельзя найти ни въ одномъ *модномъ журналѣ*, и что *я никогда ничего подобнаго* ни на комъ не видалъ, прошу васъ, м. г., объяснить мнѣ, какую *эмблему выражаетъ* носимый вами внѣшній знакъ? Примите и пр. *Рудневъ*.

Уѣздные исправники опять сдѣлались *тѣмъ же, чѣмъ* были во времена Николая. *«Сейчасъ же по остаткамъ розогъ у общинной*

избы можно узнать; что исправникъ посѣтилъ общину», говоритъ корреспондентъ «Петербургской Газеты».

Министръ Тимашевъ (бывшій начальникъ шпионовъ), читая это въ газетахъ, потираетъ руки. Что сдѣлали, напримѣръ, съ Рудневымъ? Прогнали ли его со службы? Отдали подъ судъ, повѣсили его?... А прекрасные остатки послѣ посѣщенія исправника? Это классически!

Русскіе левиты. Передаютъ, что государственному совѣту предстоитъ рѣшить вопросъ объ упраздненіи въ Россіи касты священниковъ. Нашимъ читателямъ, конечно, извѣстно, что дѣти священниковъ, дьяконовъ и пономарей образуютъ какъ бы закрытый питомникъ, изъ котораго и рекрутируется клиръ. Дѣтей безжалостно приносили въ жертву православному Молоху. Немногимъ поповичамъ удалось спастись отъ пожизненныхъ трудовъ во славу бога, но это было дѣло нелегкое. Сыновья священниковъ дали намъ замѣчательныхъ министровъ, профессоровъ, ученыхъ, литераторовъ, врачей. Достаточно будетъ назвать Сперанскаго и Чернышевскаго. Если сообщеніе вѣрно, мы отъ всего сердца поздравляемъ бѣдныхъ Исааковъ съ освобожденіемъ отъ алтаря, на которомъ ихъ ожидали нравственная смерть и вынужденное клятвopреступленіе.

«Bank und Handelszeitung» отъ 22 сентября сообщаетъ странную новость, воспроизведенную затѣмъ, въ «Голосѣ» отъ 26-го. Нѣмецкая газета узнала изъ достовѣрнаго источника, что французское правительство сдѣлало конфиденціальное предложеніе петербургскому кабинету использовать свое вліяніе въ Швейцаріи, дабы положить конецъ производящейся въ республикѣ враждебной агитаціи русскому правительству. Говорятъ, прибавляетъ «Handels Zeitung», что князь Горчаковъ съ благодарностью отклонилъ это предложеніе.

Передвиженіе пассажировъ въ Россіи. Сезонъ, когда большинство русскихъ путешественниковъ возвращается въ свое отечество, представляетъ печальное зрѣлище. Тѣ, кто имѣетъ неосторожность возвращаться черезъ Варшаву, становятся жертвою террора со стороны полиціи и таможенъ, болѣе ужаснаго, чѣмъ когда-либо. Волненія ли въ Галиціи перепугали петербургское правительство или что другое, — но фактъ, что варшавская администрація до такой степени усугубила преслѣдованія, что буквально ни одному путешественнику не удастся спокойно проѣхать черезъ царство. Веселенькая перспектива, особенно для тѣхъ, кто абсолютно не вмѣшивается въ возстанія.

◆◆ 1. 12 ноября Шуваловъ писалъ кн. Влад. Андр. Долгорукову: «Вашему сіятельству извѣстно изъ личнаго доклада государю императору въ послѣднюю бытность вашу въ Спб. неудовольствіе, выраженное его величествомъ по поводу изданной г. Самаринымъ за границую книги «Окраины Россіи», но по неизвѣстности въ то время мѣсто-пребыванія сочинителя, в. с.—во не могли передать ему выраженіе сего неудовольствія. Нынѣ по находженію г. Самарина въ Москвѣ я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, м. г., вызвавъ г. С., объявить ему: 1) что его величество изволить усматривать, что авторъ книги «О. Р.», не довольствуясь поприщемъ, открытымъ внутри Россіи для всякой полезной дѣятельности, предпочелъ перенести свою литературную дѣятельность за предѣлы отечества; что издавая за границую сочиненія, которые не могли быть, въ настоящемъ видѣ, напечатаны въ Россіи, и предназначая ихъ главнѣйше для русской публики, онъ нашелъ средство обойти законъ;

«2) что въ изданной г. С. книгѣ онъ не только рѣзко осуждаетъ образъ дѣйствій бывшихъ и настоящихъ главнѣйшихъ начальниковъ Прибалтійскаго края и другихъ высшихъ правительственныхъ лицъ, облеченныхъ монаршимъ довѣріемъ и дѣйствовавшихъ по указаніямъ высоч. воли, причемъ допустилъ оскорбительное для этихъ лицъ объясненіе ихъ служебной дѣятельности, но и усиливается уронить въ общественномъ мнѣніи всю правительственную систему и даже осмѣливается порицать косвеннымъ образомъ дѣйствія, истекающія отъ верховной власти;

«3) что, сверхъ того, книга его, написанная въ духѣ, враждебномъ къ русскимъ подданнымъ нѣмецкаго происхожденія, населяющимъ Приб. край, мирное развитіе котораго столь же дорого для его величества, какъ и благосостояніе другихъ областей имперіи, можетъ только способствовать къ раздраженію политическихъ національныхъ страстей;

«4) что, наконецъ, не довольствуясь изданіемъ помянутаго сочиненія, г. С. открыто заявляетъ о своемъ намѣреніи предпринять въ Прагѣ печатаніе цѣлаго ряда подобныхъ сочиненій, вызывая и другихъ къ безотвѣтственной заграничной литературной работѣ, съ цѣлью возбудить противодѣйствіе правительственнымъ распоряженіямъ и

«5) что если онъ не прекратитъ открытой имъ нынѣ заграничной дѣятельности, то противъ него будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры».

Результатомъ этого предписанія была подписка:

«1868 г. ноября 16 дня я, нижеподписавшійся, даль сію подписку въ томъ, что высоч. воля его импер. величества по поводу издан-

ной мною книги «Окраины Россіи», изложенная въ отношеніи шефа жандармовъ къ москов. ген.-губернатору отъ 12 сего сентября № 137, мнѣ объявлена. *Коллежскій совѣтникъ Юрій Самаринъ* (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц., III секретный шкафъ, № 175).

3409. (О реформѣ суда).

On s'inquiète en Russie des sourdes rumeurs d'un remaniement dans le sens rétrograde des nouvelles institutions judiciaires. Si ces rumeurs ont quelques bases—et de quoi peut on jurer avec notre gouvernement flottant—nous demanderons à *quand le rétablissement du servage?*

Переводъ.

Въ Россіи возбуждаютъ безпокойство глухіе слухи о предстоящихъ, будто бы, преобразованіяхъ ретрограднаго характера нашихъ новыхъ судебныхъ установленій. Если эти слухи имѣютъ какое-либо основаніе—а чего нельзя ожидать отъ нашего колеблющагося правительства—мы намѣрены спросить, *на когда отложено возстановленіе крѣпостнаго права.*

3410. Письмо къ Н. П. Огареву.

18 октября 1868. Воскресенье.
Vichy.

Письмо твое съ иллюстраціей Маіора получилъ. Такую же иллюстрацію сдѣлалъ Саша, и ее-то я и показывалъ Боткину. Письмо это почти служило отвѣтомъ на мой вопросъ: *la bourse ou la vie?* ¹⁾ Если ты сколько-нибудь убѣжденъ въ мнѣніи Маіора, если операція трудна, то слѣдуетъ ли и начинать? Мнѣ кажется, что ты съ очень непріязненной точки смотришь на операцію и дѣлаешь уступку; не проще ли же ее не дѣлать?

Важный вопросъ: можешь ли ты *сколько-нибудь* ходить безъ костылей, и обречь ли костью переломъ?

Получивъ твое письмо, мы поѣдемъ и, стало, въ среду навѣрное (если что не помѣшаетъ) будемъ въ Lyon'ѣ, туда и пиши *poste restante*.

¹⁾ *Копелекъ или жизнь?* т. е. дѣлать операцію или нѣтъ.

• Если нуженъ Люке, если ты хочешь его, я сейчасъ напишу къ Фогту и самъ поѣду; если нѣтъ, я торопиться не буду. Дѣлай по интимному внутреннему голосу.

Теперь новости. Первое—смерть Алексѣя Александр., «Химика»; онъ умеръ 72-хъ лѣтъ въ Петербургѣ.

Второе, на мѣсто Матеуччи (вспомни мое пророчество) поступилъ гнусный ретроградъ ¹⁾; онъ уже началъ дѣлать непріятности Шиффу и, между прочимъ, увидя, что Саша отпущенъ на семестръ, сказалъ, что, если онъ не пріѣдетъ ко 2-му ноября, онъ его исключить изъ службы. Саша требуетъ моего совѣта. Я ему писалъ подробно. Тутъ опять исторія твоей операциі: человѣкъ самъ долженъ рѣшить. Мое мнѣніе—написать Parlatoге гордое и холодное письмо и бросить мѣсто, остаться семестръ въ Берлинѣ и въ продолженіе этого времени вызондировать, можетъ ли онъ, какъ швейцарецъ, съѣздить въ Россію, а тамъ узнать: можетъ ли онъ надѣяться на мѣсто; пока же ѣхать въ Москву къ Егору Ив. Можетъ, это и не пришло бы въ голову мнѣ, но вмѣстѣ съ письмомъ Саши прислала Мар. Касп. письмо Ег. Ив., который съ величайшимъ вниманіемъ спрашиваетъ о Татѣ, Сашѣ и пр., и проситъ ихъ писать. Вѣроятно, и смерть Ал. Ал. его двинула. При свиданіи съ Сашей онъ можетъ многое сдѣлать и передать ему.

Какъ ты обо всемъ этомъ думаешь? Саша своей женитьбой прямой путь работы искажилъ. Въ Россіи мое имя ему, все же, поможетъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ рѣшится, я его зову на общее совѣщаніе въ Женеву безъ Терезины.

Засимъ поручаю васъ молитвамъ Пресвятой Дѣвы.

Я Тхоржевскому послалъ портретъ, получилъ ли онъ? Портретъ, впрочемъ, плохъ.

Отчего «Колоколь» такъ опоздалъ, не понимаю? Насчетъ того, чтобы «Кол.» издать двойной 1 декабря, ты не отвѣчалъ, насчетъ Карабанова «Записокъ»—тоже.

19. Понедѣльникъ.

Дождь льетъ два дня, ѣдемъ въ среду въ Ліонъ. Здѣсь было очень покойно и миръ у насъ удержался безъ бернскаго конгресса.

12 час. 20. Вторникъ.

Отвѣта нѣтъ отъ тебя, но, вѣроятно, скоро будетъ, т.-е. сегодня вечеромъ. Если получимъ, ѣдемъ завтра въ 10 час. утромъ и въ $\frac{1}{2}$ 6

¹⁾ P. Parlatoге.

будемъ въ Ліонѣ. Приготовилъ ли Тхоржев. бумаги Долгор. для разбора и гдѣ юный принць? Прошу писать: Lyon, poste restante.

Если ты все еще хочешь Люке, я могу 25 быть въ Бернѣ и Женевѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ холодно, мы начинаемъ мечтать всѣ о Ниццѣ—я предлагаю Барселону,—это à la mode.

21. Среда.

7 утра. Письма нѣтъ. У Таты болитъ голова, придется ѣхать завтра утромъ.

3411. Письмо къ Н. П. Огареву.

21 октября (1868). Позже.

Письмо получилъ и тотчасъ отвѣчаю.

1-ое. «Жолоколь» издать въ четыре листа къ 1 декабря; «Письмо» къ тебѣ по-русски ¹⁾ и по-французски; его надобно исправить непременно. О матеріалѣ не заботься: съ «Былое и думы» вывеземъ. Статья противъ Катк. готова.

2. Если ты самъ по себѣ и для себя, an sich и fur sich, операціи не хочешь и не вѣришь, то я считаю лучше всего ее просто оставить. Я былъ прежде увлеченъ Фогтомъ, но, толкуя съ Боткинымъ, очень охладѣлъ; Бѣлоголовый за операцію. Пиши въ Ліонѣ и приказывай: я схожу на роль исполнителя изъ совѣтника. Ясно и просто пиши: Люке не надобно, или: Люке надобно.

3. Очень дурно, что рѣчи Бакун. не будетъ въ этомъ № ²⁾.

4. Съ мнѣніемъ твоимъ о Сашѣ не согласенъ.

«Кто виновать?» могу только послать заграничный, т.-е. романъ. Да, вѣдь, и «Былое и думы» тоже. Попробую послать самую легкую статейку Пятк. Увидимъ.

Завтра обѣдаемъ въ 6 часовъ въ Ліонѣ.

3412. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 октября 1868. Пятница.

Lyon. Hôtel de l'Europe.

Ну вотъ и въ Ліонѣ. Приѣхали по новой дорогѣ, только-что открытой черезъ Тарару. Итакъ, charité лѣченья окончился. What next? ³⁾ Во всякомъ случаѣ приѣду въ Женеву. У насъ ничего не

¹⁾ Не было напечатано по-русски.

²⁾ Рѣчь Бакунина на конгрессѣ Лиги мира и свободы была дана въ № 14—15.

³⁾ Что потомъ?

рѣшено, Н. хочеть въ Ниццу, —здѣсь мы на дорогѣ. Я говорю, надобно все подчинить воспитанію Лизы. Она съ каждымъ днемъ растеть умомъ, и это совершенно естественно, т.-е. не въ ущербъ тѣлу. Конечно, Ницца, для воспитанія ничего не представляетъ, кромѣ климата. Даже Ліонь богатъ музеями и всѣмъ, а Лизѣ это-то и необходимо. Конечно, одну зиму можно пожертвовать, но далѣе я несогласенъ.

Твоя операція лежитъ у меня, какъ камень на груди. Думаю, думаю и ничего не придумую. Хотѣлъ бы третейскій судъ. Если тебѣ ее не хочется и ты въ нее не вѣришь, то почти ясно—ее дѣлать не слѣдуетъ. Но сказать это, т.-е. принять это,—волось становится дыбомъ. Вотъ что я еще придумалъ. Если ты хочешь, пиши сейчасъ письмо къ Фогту (просто: H. D-r Adolph Vogt à Bern) и скажи ему, чтобъ онъ назначилъ день послѣ 26 окт. и до 2 ноября, когда Люке прїѣдетъ. Я буду наканунѣ въ Женевѣ; ты мнѣ тотчасъ дай знать, если нужно по телеграфу.

Въ «Полярной Звѣздѣ» слѣдуетъ хоть на оберткѣ сзади сказать, что мы считаемъ это частью, а не цѣлымъ, можно влѣпить на цвѣтной бумагѣ, какъ это нѣмцы дѣлають—*ex. gr.*

«Вторая половина «Полярной Звѣзды» выйдетъ въ 1869 г.»

Жду отвѣта послѣзавтра.

Прощай.

Адресуй въ Hôtel d'Europe.

3413. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

23 oct. (1868).

Lyon. Hôtel d'Europe.

Nous retournons, très chère représentante de l'idéalisme, les eaux m'ont fait un grand bien et je me suis habitué à vivre dans un autre régime.

Draussen renovatum,

lahreszeit und Datum.

Le «Datum»—m'oblige de vous féliciter avec votre jour de naissance quoique cela devient triste d'acquérir des années—avant la découverte d'un remède contre la mort.

J'ai lu votre lettre à Lise—je pense aussi que l'histoire est très utile, très intéressante—mais ce n'est pas une science au jour d'aujourd'hui—la seule science qui existe—c'est la science de la nature sur son fondement mathématique. La rivalité est impossible comme la comparaison. Votre opinion peut vous entraîner au voisinage—des hommes

religieux et vous devrez alors aller à Rome—ou votre frère représente au concile un évêque laïc. qu'en pensez vous—chère diaconesse?

Quant à Lise son développement est stupéfiant.—Chaque jour elle grandit en logique inflexible, profonde même—elle sera libre—soyez en persuadée.

Il vostro amico scettico.

Переводъ.

23 октября.

Мы возвращаемся, дражайшая представительница идеализма. Воды принесли мнѣ большую пользу, и я приучилъ себя къ другому образу жизни.

На дворѣ обновленіе,
Время года и число мѣсяца*

«Число мѣсяца» обязываетъ меня поздравить васъ съ днемъ рожденія, хотя довольно грустно поіобоѣтать года до изобрѣтенія средства противъ смерти.

Я прочелъ ваше письмо къ Лизѣ. Я также думаю, что исторія очень полезна, очень интересна, но по нынѣшнему времени это—не наука. Единственная наука, которая существуетъ, это—наука о природѣ, съ ея математическою основою. Соперничество между ними такъ же невозможно, какъ и ихъ сравненіе. Вашъ взглядъ можетъ васъ завлечь въ сосѣдство людей религіозныхъ, и тогда вы должны будете отправиться въ Римъ, гдѣ вашъ братъ на соборѣ представляетъ свѣтскаго епископа. Что вы объ этомъ думаете, дорогая діаконисса?

Что касается Лизы, то развитіе ея поразительно; съ каждымъ днемъ она вырастаетъ въ логикѣ непреклонной, глубокой даже. Она будетъ свободна—будьте въ этомъ увѣрены.

Вашъ другъ—скептикъ.

3414. Письмо къ Н. П. Огареву.

(25—31 октября 1868).

Завтра пришло два №№ «Москвы» и одинъ «Спб. Вѣдом.». Сдѣлай что-нибудь о переселеніяхъ. Статья Акс.—поэма. Да и паспорта чухонкамъ въ Спб. хороши. Вторая статья о мѣрахъ гнуснаго министра просв., а, вѣдь, самъ Аксак. его привѣтствовалъ¹⁾.

Пока все.

¹⁾ Въ № 145 «Москвы» отъ 4 октября передовая статья И. С. Аксакова о переселеніяхъ, въ № 146—по поводу народнаго просвѣщенія.

Отъ Алекс. Ал.¹⁾ письмо. Онъ здоровъ. Все жалуется, что хозяйство не поправляется. Сыну Пав. Ал. (меньшому)²⁾ кто-то изъ друзей его отца подарилъ домъ съ полнымъ обзаведеніемъ. Fichtre!..³⁾

3415. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

27 окт. 1868.

Lyon, Hôtel de l'Europe.

Я къ вамъ съ просьбой. Не можете ли вы мнѣ указать и даже достать un mot d'introduction⁴⁾ къ какому-нибудь очень порядочному доктору медицины или натуралисту, непременно позитивному и въ хорошемъ направл., въ Марсели или Ліонѣ, всего лучше тамъ и тутъ.

Я могъ бы сослаться, какъ изд. «Жолокола», на ваше Revue, но такъ какъ вы покрыли насъ молчаніемъ, то «la Revue Positive» выйдетъ тутъ négative⁵⁾ для меня. Это не въ упрекъ, а въ шутку.

Изъ Vichy я пріѣхалъ, какъ турецкій кофе,—безъ сахара: съ 4% сахаръ свели на 0,3.

Я въ Ліонѣ еще нѣсколько дней. Если уѣду, мнѣ его пришлютъ. Но вспомните, что Контъ сказалъ: Bis dat qui cito dat⁶⁾.

Вѣрно, Реклю знаетъ всѣхъ.

Во Флоренціи, какъ я и предвидѣлъ, послѣ Матеуччи началась реакція. Переживаетъ насъ старушка католическая, какъ вы ее ни позорили на толкунѣ мира.

Засимъ усердно кланяюсь.

Ал. Герценъ.

P. S. А знаете ли вы, что я вамъ долженъ за Дюфреса? Забылъ въ Prangins.

Тата сказала мнѣ, что встрѣтилась съ вашими въ вагонѣ, и о томъ, что у васъ прудоновская точка зрѣнія на прекрасный полъ. Консерватизмъ я полагаю, хоть въ чемъ-нибудь, да долженъ дѣлать свою обструкцію. Это—своего рода связь съ современностью, канатъ, держащій воздушный шаръ отъ слѣдованія за Иліей пророкомъ.

Еще разъ прощайте.

Боткинымъ D г я безъмѣры доволенъ; да, это—серьезный человекъ.

¹⁾ Тучковъ.

²⁾ Сынъ П. А. Тучкова, Александръ Павловичъ.

³⁾ Чортъ возьми!

⁴⁾ Рекомендацію.

⁵⁾ Позитивное (положительное) обозрѣніе, négative—отрицательное.

⁶⁾ Дважды даетъ, кто быстро даетъ.

3416. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 октября (1868). Вторник.
Lyon, Hôtel d'Europe.

Вчера мы всѣ были въ оперѣ, вспомнили старину, слушали «Фенеллу». Опера шла превосходно, и Лиза въ восторгѣ отъ Masaniello. Цѣлый рядъ воспоминаній давно прошедшаго прошелъ съ Оберомъ ¹⁾).

Вчера же я тебѣ отправилъ статью противъ Каткова и отрывокъ изъ «Былого и думъ». Первую прочти съ величайшимъ вниманіемъ, поправь слогъ, но не выбрасывай ничего, ни даже намекъ на Некрасова. Второй вовсе не читай прежде набора. «Колоколь» 1 декаб. долженъ быть *въ четыре листа*. Изъ «Былого и думъ» я могу дать еще. Передай Чернецк., что я его прошу набрать *и то и другое сейчасъ* ²⁾. Я, пріѣхавши въ Женеву, исправлю при себѣ. Это **непремѣнно**. Если рукопись не пришла, пошли Тх. на почту; если пришла, напиши. У меня черновыхъ мѣтъ.

Вотъ мой планъ: пріѣхать въ Женеву въ первыхъ числахъ ноября дней на десять (объ этомъ, кромѣ Тх., не говори), къ 15 быть въ Марсели и, если уговорю N., остаться тамъ мѣсяца два, чтобъ посмотрѣть, можно ли что-нибудь устроить для Лизы и занятія для Таты. Въ силу этого я писалъ Вырубову, прося прислать отъ себя и Реклю или Надё рекомендацій. Климатъ въ Ліонѣ очень плохъ въ самомъ дѣлѣ. Затѣмъ, коли не хотятъ,—въ Ниццу, по 1 апрѣля: я буду въ Женевѣ и поѣду тотчасъ нанимать домъ съ садомъ въ Цюрихѣ на годъ.

Лизавета англійская ³⁾ паки поступаетъ на службу послѣ сентиментальной переписки.

Вторая часть «Поляри. Звѣзды» необходима: въ ней-то мы поблагодаримъ за ослиныя копыта умирающему «Колоколу».

Статья твоя о «несчастныхъ» безъ конца, немного небрежно писана и съ непонятными для западнаго человѣка «купоросными щами» и пр. ⁴⁾. Что, продолженіе будетъ? Я хочу тебѣ рекомендовать для послѣдн. «Колокола» небольшой трудъ.

¹⁾ Франц. композиторъ, авторъ «Фенеллы».

²⁾ Давидъ скверно поправляетъ.—А. И. Г.

³⁾ Слуга Огаревой.

⁴⁾ «Les malheureux ou un monde à part», въ №№ 13 и 14—15.

3417. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 октября 1868. Среда.
Лион.

1) Обертка хороша: и бумага и цвѣтъ. Печатайте, бога ради, какъ хотите; оговорку я сдѣлаю въ «Колоколѣ»; продолженіе не статей, а книги, обѣщанной въ 20 листовъ. Только издавайте скорѣе и не упускайте Георга.

2) Насчетъ статьи Каткова, его ругать больше не хочу и нашу дѣятельность повергать на судъ скотовъ не хочу тоже,—я имъ, какъ сукинымъ дѣтямъ, бросаю въ глаза *nos titres*¹⁾—съ наглостью; въ ихъ судъ (судъ сверху Каткова, въ серединѣ Аксакова, внизу Серно-Соловьевъ.) не вѣрю. Но можно статьи вовсе не печатать, на это очень согласенъ. Тогда напечатать по-французски и по-русски мое письмо къ тебѣ съ поправками, отрывки изъ «Былого и д.» и «смѣсь». Такой финалъ безъ обращенія къ публикѣ страшно грубъ и потому мнѣ нравится. Объ этомъ рѣши.

Я, вѣроятно, въ воскресенье или въ понедѣльникъ явлюсь (жду изъ Парижа деньги); не забудь сказать Чернецкому, чтобъ онъ набралъ изъ «Былого и думъ» въ «Колоколъ»; думаю пробыть до 10-го. Здѣсь сурово-холодно или гнусно-дождливо. Я соглашаюсь, что слѣдуетъ на зиму уѣхать, если есть возможность и нѣтъ ненависти къ движенію. Мнѣ только жаль, что выборъ клонится на Ниццу; дѣйствительно, въ Марсель бы лучше, даже въ Барселону.

Засимъ прощай. Газеты посылаю, для Москвы и Спб. сдѣлай статьи.

Пробу пера для Пятковского написалъ съ анекдотомъ Луи Блана объ урабѣ²⁾.

3418. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(28 октября 1868).

Любезнѣйшій панъ, можетъ, я и рѣшился бы издать по-французски томъ «Былого и думъ», тотъ, который печатается, и тотъ, который вы издали, но Давидъ плохо поправляетъ. Какъ бы узнать, не согласится ли Барни поправлять *за деньги* и что возьметъ—поправлять разъ въ рукописи, разъ въ корректурѣ.

¹⁾ Наше настоящее званіе.

²⁾ См. № 3427.

Обертка «Иол. Звѣзды» очень хороша. Печатайте скорѣе; на заглавіи слѣдуетъ «1869» (всѣ книги съ 1 окт. печатаются слѣд. годомъ) и на оборотѣ вмѣсто «выйдетъ въ началѣ 1869»: «выйдетъ въ юнѣ 1869», но, если поздно, то и такъ хорошо.

Я, вѣроятно, буду въ воскр. или понедѣльникъ (не говорите постороннимъ), останавлюсь въ Hôtel de Suisse.

Всѣ вамъ кланяются. Нат. Ал. получила ваше письмо.

3419. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 октября (1868). Пятница.
Lyon.

Письмо и «Отеч. Зап.» превесъма получилъ. Согласенъ съ тобой, но не во всемъ. Лучшая статья—«Письмо изъ провинціи»¹⁾. Повѣсть что-то больно скучно читать. Въ «Напрасныхъ опасеніяхъ»²⁾ дуется ненависть ко всѣмъ, не родившимся отъ скотоложства «Современника» съ Благосвѣтловымъ, но не глупо.

Насчетъ письма къ тебѣ я и не писалъ, чтобъ его не печатать: его надобно переправить. Статью о Катковѣ пожертвовать готовъ. Да, она—личная: плюхи всегда даютъ по лицу, а не по алгебрѣ, но за нее не стою. Русская публика—временно-обязанная свинья, отъ а до з; на ея справедливость, пока она свинья, не полагаюсь.

«Поляр. Звѣз.» издавайте же поскорѣе.

Кое-какіе труды я имѣю въ головѣ; о нихъ докладъ лично.³⁾

Жуковскому напиши, если онъ хочетъ переводить, или передай Черн., Бак.⁴⁾. Пусть онъ самъ пишетъ тотчасъ Herrn Th. Schaschin. Kvirren bei Schandau a d'Elba Sachsen.

Что ты хлопочешь о Гулев., я не понимаю? У него мѣсто, и онъ предранной:

По какому адресу послать лучше Пятков.? Спроси Мерчинскаго.

31. Суббота.

У насъ положено, sauf altération et force majeure⁴⁾:

1-ое. Дамы отправляются въ 11 вечеромъ 1 ноября, сирѣчь въ воскресенье, въ Марсель, куда и придутъ въ 7 утра въ понедѣльникъ и останутся въ Hôtel de Noailles.

¹⁾ Гурина (псевд. М. Е. Салтыкова) въ XI кн.

²⁾ Въ той же книжкѣ анонимная статья.

³⁾ Не хочетъ ли Щербаковъ? ¹ А. И. Г.

⁴⁾ Кромѣ измѣненій и непреодолимыхъ препятствій.

2. Оттуда телеграфируютъ мнѣ. Если я получу телеграмму во-время, то поѣду въ Женеву въ 3 часа $\frac{1}{2}$ и приѣду въ 11 вечера, вѣроятно же поѣду во вторникъ въ 10 и приѣду около 4 въ Женеву.

3. Если въ Марсели не чудовищно дорого, онѣ меня тамъ подождутъ; если же не такъ, поѣдутъ въ Ниццу. Дорога въ Ниццу изъ Марсели не представляетъ ни давки, ничего.

Вотъ и все.

Насчетъ Монпелье я согласенъ съ тобой, но и то правда, что тамъ, сверхъ Свиридова, скука.

◆◆ 1. Алексѣй Яковлевичъ Щербаковъ, сынъ есаула Астраханскаго казачьяго воѣска; въ казанскомъ университетѣ былъ на медицинскомъ факультетѣ; мать его была совершенно неграмотной. вмѣстѣ съ Элпидинымъ и Жемановымъ бѣжалъ въ ноябрѣ 1866 г. изъ казанской тюрьмы. 17 декабря 1873 г., тогда уже докторъ медицины (по Бернскому университету), онъ просилъ изъ Женевы казанскій университетъ выдать ему свидѣтельство объ образованіи, но получилъ отказъ. Въ январѣ 1881 г. чилійское морское министерство распорядилось объявить Щербакову, находившемуся врачомъ на его броненосцѣ, о разрѣшеніи царя вернуться въ Россію (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1863 г. дѣло № 23, ч. 85).

3420. Письмо къ К. М. Вырубову.

3 ноября (1868).

Lyон.

Письмо ваше получилъ, и пишу вамъ одной ногой въ вагонѣ—ѣду сейчасъ въ Женеву, гдѣ, вѣроятно, пробуду недѣли три (пишите на адресъ Огар. или *poste-rest.*). Статью мы, разумѣется, помѣстимъ и даже за отвѣтомъ дѣло не станеть; вся бѣда въ томъ, что я васъ попрошу поторопиться: очень можетъ быть, что съ новаго года «Колок.» прекратится (пока это—секретъ). Мнѣ кажется, что вы слову «нигилизмъ» придаете невѣрное значеніе. Человѣкъ, который въ конгрессѣ мира ставитъ прямо вопросъ атеизма, можетъ называться нигилистомъ, реалистомъ, позитивистомъ. Всего забавнѣе, если-бъ мы васъ назвали контистомъ, какъ будто позитивизмъ выдуманъ такимъ-то мастеромъ тогда-то и тамъ-то. Это было хорошо для Магомета и Христа.

Но пишите и присылайте,—намъ это на руку.

Я читаль небольшую миленькую вещь: «Du travail de la nature et de l'homme»—что это за г. этотъ Фуко¹⁾ или какой-то Эдонъ?

А если можете, дайте чье-нибудь имя въ Марсели. Мнѣ, можетъ, придется тамъ пробыть нѣсколько дней.

Прощайте.

Дочь моя не ѣдетъ въ Женеву.

Если вамъ пріятно, я явлюсь къ вашимъ,—я останов. въ Hôtel de la Russie.

На-дняхъ пришлю вамъ «Пол. Звѣзду» на 1869.

3421. Письмо къ сыну.

4 нояб. (1868).

Genève, Hôtel de la Paix, ch. 14.

Я вчера пріѣхаль сюда, а Тата и Nat. отправились 2 въ Марсель. Я здѣсь пробуду недѣли двѣ. Письмо твое получилъ, деньги выпшлю отсюда, но, вѣдь, у тебя отъ 5.000, вѣроятно, осталось не меньше 2.000.

Ты знаешь, что съ 1 янв. ты получишь 7.000

За Туца 500

и еще въ нын. году 550 (форт.).

Ольгѣ я послалъ на ея имя во Флор. 200 фр.; получила ли (послано 31 окт.)? Объ этомъ пиши сюда сейчасъ для порядка.

Огар. я засталъ здоровымъ; онъ очень радъ, что отдѣлался отъ операциі. Бакун. ходитъ, потѣеть, шумить, составляетъ рабочничью ассоціацію.

Если въ Россію пустятъ, отчего не съѣздить. Тамъ идетъ ломка и defrîchement²⁾. Много сквернаго, но дѣло весеннее, а изъ Италіи, какъ изъ Испаніи, какъ изъ Франціи, не выйдетъ ни бельмеса.

Лугининъ на-дняхъ будетъ въ Парижѣ и потомъ во Флоренціи и Ниццѣ. Его поразспроси хорошенько.

Письмо Мейз. къ Татѣ я получилъ въ Женевѣ, отошлю.

Скажи Ольгѣ, что я ее прошу прочесть книжку Фуко (кажется, такъ) подъ загл. «Le travail de la nature et le travail de l'homme». Вотъ чѣмъ слѣдуетъ питать jeunesse; очень хорошая вещь; если не найдете, я пришлю.

Мальв. Идеаловнѣ и всей Спекулѣ кланчюсь.

¹⁾ Леонъ Foucault, франц. физикъ.

²⁾ Распашка новк.

3422. Письмо къ Лизѣ.

7 ноября (1868). Суббота.

Милая Лиза! Вотъ какое письмо для тебя получили отъ Пепиты; въ немъ она вложила цвѣтокъ съ кладбища.

Ну какъ же ты учишься въ Марсели? Пишешь ли свои трагедіи? Помни, что прежде всего слѣдуетъ стараться писать правильно.

Сегодня, когда я проснулся, все было бѣлое, и теперь крыши покрыты снѣгомъ.

Ага очень радъ твоему портрету, поставилъ его у себя передъ глазами.

Кофей я и здѣсь пью одинъ черный, завтракаю въ 11 и обѣдаю какъ случится, пью бордо.

Цѣлую тебя.

3423. Письмо къ сыну.

12 ноября (1868).

Genève, Hôtel de la Paix.

На оборотѣ моего письма найдешь вексель à vue—въ 800 безъ тратъ, т.е. они должны выплатить итал. деньгами 800. Изъ нихъ 550+33=583 за форт. (курсъ теперь только 6%).

Остальные 227 можешь, по общему совѣту—Мейз., Ольги и твоему, употребить на уроки Ольги и Терез., на festival въ Новый годъ. Затѣмъ никакія деньги вамъ до 10 янв. 1869 не будутъ присланы, а тогда я пришлю на 1-ую трать:

Мейзенб.	2.000
тебѣ	2.500.

Еще разъ прошу, ни въ какомъ случаѣ не тратить больше и разсчитывать.

Очень жаль, что ты безъ нужды долженъ былъ оставить Берлинъ. Что же это Шиффъ себоширничаль?

Ты долженъ нанять квартиру, если можно, за городомъ (гдѣ вы жили лѣтомъ); жизнь въ пансіонахъ вредна и, наконецъ, сосредоточъ всѣ силы, чтобъ сколько-нибудь въ самомъ дѣлѣ развить Терезину. Старайся же поправить твою поспѣшность. Она теперь—милая игрушка; пора сдѣлаться, въ самомъ дѣлѣ, замужней женщиной.

Помни, что французскій языкъ слѣдуетъ гнать на паряхъ.

Татой я попрежнему очень доволенъ. Онѣ въ Марсели; я бы совѣговаль тамъ остаться до апрѣля: ресурсовъ больше—и ученыхъ и другихъ, театръ, опера, библіотека. Лиза развивается колоссально—elle deborde ¹⁾ всѣ рамки обыкновеннаго зоспитанія. Думаю поселиться almeno на годъ или на два въ Цюрихѣ отъ апрѣля. Съ климатомъ я мирюсь. Холодъ здѣсь необычайный, *недѣлю* дуетъ биза, съ выюгами и снѣгомъ, неприятно, а я здоровъ, какъ рыба. Воды мнѣ помогли очень и діэта. Вотъ отчетъ: встаю въ 6 утра,

Кофе не пью, а въ 11 ѣмъ мясо и пью бордо,

в 6 опять мясо и бордо.

Два птивера коньяка

утромъ и вечеромъ,

Натурал. сельтер. вода вмѣсто той,

Пива и шамп. ни одной капли.

Объ остальномъ въ другой разъ. Кланяйся Терезинѣ. Тата отдала какому-то испанскому англику ея Гарибальди. Провезъ ли?

Въ полученіи векселя сейчасъ увѣдомъ.

Сегодня 12, слѣд., 18 долженъ быть отвѣтъ.

Адресуй à Hôtel de la Paix.

3424. Письмо къ М. Мейзенбургъ и О. А. Герценъ.

(12 ноября 1868).

Pour le piano tout est payé.

à Malvida.

Très idéaliste protectrice.

Je vous écrirai une autre fois, maintenant je harcèle, je pique, j'éprouve Czerniecky pour qu'il aide votre mémoire—ou vos mémoires. Nous mettons une annonce au dernier Kolokol—il emportera dans sa tombe votre titre.

Bakoun. furieux contre moi de ce que je ne fais pas avec lui la démocratie—écrit à Ogareff: «Herz. me fait une peine extrême. Lui qui menait courageusement les autres—il est devenu indécis—il a l'air du «Maulthier»—der sucht im Nebel seinen Weg. «je réponds—et Maulwurf kann nicht finden—da er nur sich selbst sucht!»

Assez pour la 12 nov.

¹⁾ Она превосходитъ.

1) ... pour la nouvelle année—prends des leçons—ou des confitures.
Sur tout cela j'attends une réponse détaillée de toi. C'est mon cadeau de nouvel an.

Probablement je resterai ici jusqu'au 24-²⁵; après j'irai à Marseille.

Dis à Domengé—au milieu d'amitiés—que je me décide à ne plus faire paraître le Kolokol parce que j'ai attendu en vain son article—qu'il se dépêche donc ou le Kolokol sonnera son propre glas.

Travaille—travaille—et cela avec concentration de toutes les forces—gagne le temps perdu. Donne beaucoup de temps à la lecture.

Переводъ.

За фортепиано заплачено сполна.

Мальвидѣ.

Покровительница-идеалистка!

Въ другой разъ я напишу вамъ, а теперь поддразниваю, подзадориваю и провѣряю Чернецкаго, чтобы онъ помогъ вашей памяти или вашимъ воспоминаніямъ ¹⁾).

Мы помѣстимъ объявленіе въ послѣднемъ «Колоколѣ», и онъ унесетъ съ собою въ могилу вашъ титулъ.

Бакунинъ, взбѣшенный на меня за то, что я не занимаюсь съ нимъ демократіей, пишетъ Огареву: «Герц. причиняетъ мнѣ страшное огорченіе. Онъ, который мужественно вель за собою другихъ, сдѣлался теперь нерѣшительнымъ, онъ похожъ на мула, въ туманѣ ищущаго свой путь». Я отвѣчаю на это: «а кротъ ²⁾ не можетъ найти, такъ какъ онъ ищетъ только самого себя».

Достаточно на 12 ноября.

4) ... Къ новому году бери уроки или ѣшь варенье ⁵⁾. На все это я жду отъ тебя подробнаго отвѣта. Это мой подарокъ къ Новому году.

Вѣроятно, я останусь здѣсь числа до 24—25, позже отправлюсь въ Марсель.

1) Начало письма къ О. А. не сохранилось.

2) Игра словъ: «la mémoire»—память и «les mémoires»—воспоминанія, мемуары.

3) Игра словъ: по-нѣмецки мулъ будетъ «Maulthier», кротъ—«Maulwurf».

4) См. выписку 1-ю.

5) Здѣсь тоже игра словъ: «брать уроки и ѣсть варенье» выражается однимъ и тѣмъ же глаголомъ «prendre».

Скажи Доманже въ дружеской бесѣдѣ, что я рѣшаю не выпускать «Колоколь», потому что напрасно ожидаю статьи отъ него. Итакъ, пусть онъ поторопится, или «Колоколь» пробьетъ самому себѣ похоронный звонъ.

Работай, работай, сосредоточенно работай, всѣми силами, навѣрстывай потерянное время. Отдавай много времени чтенію.

◆◆ 1. 8 ноября 1868 г. Бакунинъ писалъ Огареву: «Сообразно желанію Герцена и твоему *новому* желанію, я вычеркнулъ твое имя изъ списка членовъ новаго Союза. Записка Герцена произвела на меня грустное и вмѣстѣ странное впечатлѣніе, заставивъ меня сравнить то время, когда онъ, дыша инициативой и вѣрой въ дѣло, шель бодро и смѣло и вель другихъ впередъ, съ временемъ настоящимъ, когда неохотнымъ и колеблющимся шагомъ своимъ онъ напоминаетъ, прости сравненіе, стихъ Гете:

«Im Dunkeln sucht das Maulthier seinen Weg» (Во тьмѣ ищетъ мулъ свой путь—*М. Л.*) («Письма», 214).

3425. Письмо къ сыну.

22 нояб. (1868). Воскресенье.

Безъ сомнѣнія, если въ пансіонѣ лучше, то и слѣдуетъ до поры, до времени оставаться. Странно, что ты не понялъ разницы моего желанія послѣ 50 лѣтъ, послѣ всего бывшаго, послѣ баловства русской жизни, общей неумѣлости *доживать* въ отелѣ съ моимъ совѣтомъ *не начинать* молодой жизни съ нея. Къ тому же, если я говорилъ, что это *desideratum*, то, все же, я всякій разъ предпочитаю жить въ домѣ. Я теперь смотрю на нестройную жизнь Огар. всякій день. Отчего она нестройна? Оттого, что ему все равно, и есть старая посадка, а она ¹⁾ хлопочетъ, работаетъ, но ни знанія, ни смысла устроиться не имѣетъ, она никогда не жила семьей. Рядомъ съ меньшими средствами Чернецкіе живутъ хорошо и чисто, тратя въ годъ 2.500 фр.

Какіе бы таланты ни были *in spe* въ Т., все же, она жизни внѣ дико-народной не знаетъ; несчастная торопливость, съ которой она перешла изъ него въ относительное барство, будетъ поддерживаться жизнью въ пансіонѣ. И она останется въ глубокомъ невѣдѣніи, какъ вести *гладко* семью... ²⁾ прежней жизни—только прикроется костюмомъ нашей среды.

¹⁾ Мэри.

²⁾ Слово не разобрано.

Пока для уроковъ, можетъ, удобнѣе остаться; впрочемъ, ты—*paterfamilias*, и мой совѣтъ—совѣтъ друга, больше опытнаго и котораго жизнь была посложнѣе.

Финансово ты долженъ ясно имѣть въ виду, что врядь можно ли тебѣ, сверхъ труда, службы, книгъ, получать больше когда-либо 10.000 фр. въ годъ. Я полагаю, что съ такой обезпеченной базой можно идти впередъ.

Я прислалъ вамъ и Ольгѣ прибавки, потому что *somme tout*¹⁾, съ присылкой Сат. дѣла шли не дурно, несмотря на огромныя траты.

1 декаб. пошлется послѣдній «Колоколь»,—№ пышный. Для твоего эконома я пришлю «Кол.» за весь годъ. Послѣдній № раздай всѣмъ, не достанетъ—пиши Тхорж. Кстати, не прислать ли «Полярн. Звѣзд.» Заб.²⁾, Ге и Желѣзн.? Прежніе ли у нихъ адреса?

Изъ мебели Долг. осталось очень мало, не совѣтуя покупать.

Если я поѣду въ Цюрихъ на годъ, то кровать нужна. Дачи возлѣ города съ садомъ, 7-ю комнатами, etc.—2.200, даже 2.000, не мебелированные; это очень дешево. Я собираюсь туда на два дня. 1 декабря ъду въ Ниццу.

Прощай.

3426. Изъ дневника.

27 ноября 1868.

Цюрихъ.

Два года... еще два года... и тотъ же хаосъ. Цюрихъ... здѣсь началась трагедія, кончившаяся похоронами 2 мая. Сюда были писаны первыя письма съ сомнѣніемъ, со страхомъ, съ затаенной надеждой.

Здѣсь жилъ онъ³⁾ годы. Я смотрю на этотъ городъ, какъ Улисъ на тѣ скалы, на которыхъ были клочья его кожи, его кровь. И удивительное дѣло—я люблю смотрѣть, встрѣчаться съ этими окровавленными камнями. Я вспоминаю сплошную боль,—и прорывавшіяся минуты горячей страстности, и свѣтлый образъ ребенка, его беззаботный взглядъ среди скорбей и нескладицы,—я съ любовью гляжу на садъ, на аллею, по которой ходилъ съ нимъ.

Зачѣмъ никто не догадался, сколько любви осталось во мнѣ, сколько, насколько возвращено мнѣ назадъ. Даже она забыла это

¹⁾ Въ общей сложности.

²⁾ Забѣлло.

³⁾ Г. Гервегъ.

на время, и вспомнила потомъ Н. А. Какъ безконечно жаль, что она никогда не понимала этой стороны.

Сознается во всемъ только сильный, скромнень только сильный, прощаетъ только сильный... Да, и смѣется только сильный, часто его смѣхъ—слезы.

3427. СЛУКИ РАДИ.

I.

Я сѣлъ въ вагонъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа: ѣхать въ путь, когда не хочется, скучно; ѣхать на лѣчение еще скучнѣе, но чувствовать себя ко всему этому совершенно здоровымъ... этого и выразить нельзя...

Быть не въ духѣ, скучать, капризничать можно, когда кто-нибудь этимъ огорчается, занимается, когда кто-нибудь развлекаетъ, а сидѣть въ вагонѣ и знать, что никому дѣла нѣтъ до этого, что никто не обращаетъ вниманія, это выше силъ человѣческихъ.

Я попробовалъ придратъ къ сосѣду за то, что у него дорожный мѣшокъ великъ, и нарочно сказала ему: «вашъ чемоданъ мнѣ мѣшаетъ». Дуракъ извинился и переложилъ съ кротостью мѣшокъ на другое мѣсто.

Поэты говорятъ, что вынести они могутъ многое, но что имъ надобно *пропѣть* свое горе. Пропѣть кому-нибудь—пѣть безъ уха слушающаго такъ же трудно, какъ легко пѣть безъ голоса... Уха-то, уха пригоднаго у меня не доставало. Впрочемъ, подумалъ я, поэты для большаго удобства поютъ чернилами; а я буду капризничать карандашемъ... Затѣмъ, я вынулъ изъ кармана только-что купленный метогандитъ и еще разъ окинулъ взглядомъ сосѣдей. Ихъ было четверо—четыре въ четырехъ углахъ. Когда это они успѣли забиться? сейчасъ насъ спустили изъ *salle d'attente* ¹⁾. Что за безобразныя рожи! Надобно правду сказать, родъ человѣческой некрасивъ. Черезъ двѣ станціи трое вышли, и, едва я успѣлъ броситься въ уголь, взошли трое другихъ, еще хуже,—такъ и видно, что черепъ имъ жметъ мозгъ, какъ узкій сапогъ, что мысль ихъ похожа на китайскія ножки, на которыхъ ходить нельзя,—слаба, мала, тѣсна... а жиру вволю. Средній классъ во Франціи очень потолстѣлъ за послѣднія двадцать лѣтъ,

¹⁾ Ожидальное зало.

Впрочемъ, на какомъ же основаніи ждалъ я Аполлоновъ Бельведерскихъ въ случайномъ наплывѣ, который зачерпывала желѣзная дорога, *chemin faisant*¹⁾, почти не останавливаясь!

Красота—вообще, рѣдкость; есть цѣлые народы изъ *меньшихъ братій*, у которыхъ никакой нѣтъ красоты, напр., обезьяны со своими ирландскими челюстями, молодыми морщинами и выдавшимися зубами, лягушки съ глазами на выкатѣ и ртомъ до ушей... Да и часто встрѣчается красивая лошадь, собака? Одна природа постоянно красива, потому что мы на нее смотримъ издали, съ благородной дистанціи; къ тому же она намъ посторонняя, и мы съ ней не ведемъ никакихъ счетовъ, не имѣемъ никакихъ личностей, смотримъ на нее, какъ чужіе, и просто не видимъ тѣхъ безобразій, которыя намъ бросаются въ глаза въ человѣческихъ лицахъ и даже въ звѣриныхъ, имѣющихъ съ нашими родственное сходство. А присмотришься къ лицамъ и, при всемъ ихъ безобразіи, не отвернешься. Лицо—послужной списокъ, въ которомъ все отмѣчено, паспортъ, на которомъ визы остаются. И какъ это все умѣщается между теменемъ и подбородкомъ все, съ малѣйшими подробностями, нескромностями и обличеніями, все вываяно бѣдными средствами мышцъ, жира, оболочекъ и костей! Не даромъ мнѣ Фанъ Муйденъ говорилъ: «чѣмъ больше я рисую, тѣмъ больше меня занимаютъ лица, одни лица, головы, фizioноміи»; что за неисчерпаемое богатство оттѣнковъ выраженій—и «невольныхъ исповѣдей», прибавилъ я.

Рѣшительно, я слишкомъ строго осудилъ тѣсныя лбы, тѣснящіе черепа, толстые носы, глупые глаза, ненужные усы,—все оттого, что былъ не въ духѣ. Очень много уже бѣдъ было со мной еще до вагона. Передъ самымъ отъѣздомъ оторвалась пряжка у чемодана. Господи, какъ смѣшно, беспомощно стоитъ нашъ братъ передъ такой бѣдой... Еслибъ насъ между Расиномъ и Шиллеромъ немного учили шилу да иглѣ, взялъ бы да починилъ, а тутъ комическое отчаяніе и мрачныя разсужденія. Только-что я успокоился на томъ, что безъ пряжки можно обойтись, стоитъ запереть чемоданъ,—ключъ пропалъ! Сейчасъ былъ здѣсь, вотъ на самомъ столѣ, какъ теперь вижу: перерывалъ, перебрасывалъ все,—ключа нѣтъ, и я, утомившись, сѣлъ на стулъ, самоотверженно скрестивъ руки на груди. Рази молъ, судьба, если еще есть стрѣла.

Какое счастье было въ старые годы, когда при ремнѣ, при ключѣ состоялъ камердинеръ и на немъ можно было взыскать, зачѣмъ

¹⁾ По пути.

перегорѣлъ ремень и зачѣмъ самъ потерялъ ключъ. Ничего нѣ можетъ быть вреднѣе для здоровья, какъ именно то, что нельзя выместить на комъ-нибудь бѣду,—поди тутъ и берегись.

Лонже, знаменитый физиологъ, Лонже de l'institut,—его авторитета не отведеть никто,—разъ подымался со мной въ Монпелье по улицѣ, идущей вверхъ отъ медицинской школы. «Куда вы торопитесь? сказалъ онъ мнѣ, останавливаясь:—не у всѣхъ такія легкія, какъ у васъ, я вотъ не могу перевести духъ. Погодите минуту, я вамъ расскажу, отчего я задыхаюсь: это очень любопытно. Вы, вѣроятно, знаете стараго дурака (здѣсь онъ назваль однако академика, котораго имя такъ громко, что я не хочу обозначать его даже предательскими заглавными буквами), il est tout gamoli ¹⁾, а все презлая bestia; меня онъ терпѣть не могъ и враль на меня всякую чужь: я долго спускаль ему, но, наконецъ, рѣшилъ ему дать урокъ. «Какъ,—говорю я ему,—вы, негодный старикашка»... и взяль его за плечо (при этомъ онъ сдѣлалъ на мнѣ повтореніе манипуляціи,—я хоть и не gamoli, но чуть не вскрикнуль), «говорили то-то и то-то да въ засѣданіи института? знаете ли, что такихъ негодяевъ, клеветниковъ, какъ вы»... А старикъ, перетрусивши, растерялся, началъ извиняться, увѣряль, что онъ не то говорилъ, что онъ впередъ не будетъ. Я бросиль его и выбѣжалъ внѣ себя на улицу; вѣтеръ былъ скверный, я пришель домой и на другой день, monsieur, у меня сдѣлалась pleurésie, monsieur, и вотъ отчего я задыхаюсь. Не будь этотъ уродъ такой подлый, я бы ему далъ пинка, два пинка, и этимъ вся первая буря разрѣшилась бы покойно и естественно, и у меня не было бы плерези, и я не задыхался бы! Экой извергъ!»

А ключей все нѣтъ; что же я буду дѣлать безъ нихъ? «Sonner pour l'homme de charge trois fois ²⁾»; вставъ тихо и торжественно, подошелъ я къ звонку, жму три раза пуговку,—входитъ горничная.—Нѣтъ ли, madame, веревки перевязать чемоданъ?—«De la ficelle, autant que monsieur voudra ³⁾». Она приноситъ веревку, я шарю въ карманъ, чтобы сыскать франкъ, и нахожу ключъ.—Фу, какъ глупо! Я съ ненавистью посмотрѣль на его бородку, на его дырочку, даже швырнулъ его на полъ, потомъ подняль и бросилъ въ омнибусъ. Мелкій дождь, начавшійся съ утра, продолжался.

Въ омнибусѣ, очень сальномъ и пропитанномъ особымъ, но сквернымъ запахомъ, который распускался во весь букетъ въ сырую погоду,

¹⁾ Онъ—совершенная развалина.

²⁾ Звоните коридорнаго три раза.

³⁾ Веревки? Сколько угодно.

были отмежеваны мѣстечки для тощихъ и почти безпозвоночныхъ французовъ. Вѣснившись кое-какъ и открывая окно, я сказалъ молодому человѣку, сидѣвшему противъ меня:

— Какъ это странно, что въ Парижѣ такіе же скверные и неудобные omnibusy, какъ были лѣтъ двадцать тому назадъ; въ Лондонѣ, въ Швейцаріи вездѣ omnibusy гораздо лучше.

Молодой человѣкъ сконфузился, даже покраснѣлъ.

— Да,—сказалъ онъ,—конечно, *этой* omnibusъ не изъ лучшихъ, но есть прекрасные другой компаніи; впрочемъ, обратите вниманіе на лошадей: какія лошади!

Лошади были посредственные, но патриотизмъ великъ. Что вы сдѣлаете со страной, которая такъ упорно, такъ ревниво, такъ глупо, такъ упрямо вѣритъ, что она—краса всей планеты, что Парижъ—«образцовый хуторокъ» человѣчества и фонарь, зажженный на планетѣ, по свѣту котораго она гордо несется по своей орбитѣ? Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы быть хорошимъ или счастливымъ, а въ томъ, чтобы вѣрвать въ свое превосходство и счастье.

II.

Между тѣмъ мои сосѣди—не въ omnibusѣ, а въ вагонѣ—поразговорились...

— Ну, что же скажете?

— Я боюсь одного, что Примъ ¹⁾ un ambitieux ²⁾ и эгоистъ...

— Это можетъ быть. Въ генералахъ нѣтъ никогда проку... Замѣтите, у насъ всѣ генералы были реакціонеры: Ламорисьеръ, Шангарнье,—одинъ Шаррасъ ³⁾ остался вѣрнымъ демократіи, но зато онъ былъ полковникъ, а не генераль.

— Все же, онъ будетъ вынужденъ провозгласить республику, а это что-нибудь...

— Никогда не провозгласить,—замѣтилъ третій уголь нѣсколько хриплымъ голосомъ. Голосъ этотъ издавалъ сѣдой, подстриженный подъ гребенку господинъ лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ Пелисье ⁴⁾.

¹⁾ Жуанъ, испанскій генераль и государственный дѣятель, одинъ изъ участниковъ сверженія королевы Изабеллы II.

²⁾ Честолюбецъ.

³⁾ Жанъ-Батистъ, высланъ изъ Франціи въ 1852 г.

⁴⁾ Жанъ-Жакъ, маршалъ, пожалованный за взятіе Севастополя въ герцоги.

— Да на какой имъ чортъ республика? Одно слово, названіе! Испаніи надобно *либеральную власть*, порядокъ и свободу, а не республику. Я знаю Испанію.

— А вы бывали тамъ?

— Да, т.-е. не то, чтобы въ самой Испаніи, но бывалъ въ Байонѣ. Я *работалъ въ Маконахъ* и по этой части бывалъ въ Байонѣ.

— А я такъ думаю, что если *только Англія*, стоящая на дорогѣ всякаго прогресса, не воспрепятствуетъ, то испанцы провозгласятъ республику.

— Вы ошибаетесь самымъ глубочайшимъ образомъ. Испанецъ слишкомъ гордъ, чтобы быть безъ короля. Грандъ какой-нибудь, весь покрытый звѣздами, какъ они представляютъ себя на фотографическихъ карточкахъ, перешедши спальней Эскуриала,—никогда не согласится быть простымъ гражданиномъ.

— Да, вѣдь, рано или поздно,—замѣтилъ нѣсколько подавленный глубокими политическими знаніями горячаго молодой человекъ,—Европа будетъ же республикой.

— Европа?.. Никогда,—замѣтилъ рѣшительно Пелисье, работавшій въ Маконахъ, и даже провель рукой, какъ будто срѣзывая всякую возможность.

— Что же вы говорите,—а Швейцарія?

— Тутъ-то я васъ и ждалъ. Помилуйте, будто это республика! Я самъ бывалъ въ Женевѣ насчетъ божолэ ¹⁾,—чортъ знаетъ что такое. Вся Швейцарія—клочокъ земли, да и то еще негодный, покрытый горами да скалами, и этотъ клочокъ раздѣленъ на двадцать, что ли, клочочковъ, изъ которыхъ каждый, милостивый государь, считаетъ себя туда же самодержавнымъ, свободнымъ государствомъ, имѣетъ свой судъ, свою расправу—и настоящее правительство не мѣшайся... Вѣдь, это смѣшно! Ни силы, ни приличія, ни войска; правительство не пользуется никакимъ уваженіемъ. Знаете ли, кто президентъ швейцарскаго союза?.. Навѣрное нѣтъ. Да и я не знаю,—вотъ вамъ и республика. Я люблю, чтобы правительство было правительствомъ, главное,—чтобы оно дѣйствовало, l'action c'est tout ²⁾. Гдѣ же дѣйствовать, когда каждый кантонъ кричитъ о себѣ, тянетъ на свою сторону? Силы нѣтъ, воли нѣтъ. Я самъ люблю свободу, но надобно признаться: республика просто не идетъ какъ-то къ современнымъ нравамъ, къ развитію промышленности и просвѣщенія.

¹⁾ Вино, которое вмѣстѣ съ маконскимъ продается иногда подъ именемъ бургонскаго.

²⁾ Дѣятельность, это—все.

— Позвольте! А Сѣверные Штаты?

— Я ихъ ненавижу, я... я ихъ терпѣть не могу. Для меня люди, занимающіеся однѣми денежными выгодами, одной наживой—не люди. Разумѣется, этимъ торгашамъ не нужно правительство: имъ достаточно конторы, факторіи. У нихъ нѣтъ души, сердце не бьется, нѣтъ этого élan¹⁾, какъ у насъ. Ну, что же, заступились они за Польшу?

Молодой человекъ, подавленный Пелисье, замолчалъ и взялъ газету; я сдѣлалъ то же.

Папа зоветъ протестантовъ и католиковъ на вселенскій соборъ и совѣтъ, чтобы положить предѣлъ и преграду избаловавшемуся уму человѣческому; конгрессъ мира въ Бернѣ кладетъ прочное основаніе... Война готовится со всѣхъ сторонъ... Все мой Пелисье, работающій въ Маконахъ...

«Цугъ²⁾». Въ высшее народное училище вызывается учитель чистой математики. Желаящій обязанъ представить, сверхъ удостовѣренія своихъ знаній, свидѣтельство о католическомъ вѣроисповѣданіи». Вотъ это хорошо.

«Франція. Двѣ женщины—мать и дочь, обвиняемая содержательницей пансіона, у которой онѣ жили на харчахъ, въ томъ, что онѣ, вопреки условія, взяли съ собой на работу съѣстные припасы (тѣ, которые онѣ имѣли право съѣсть), были, несмотря на честное поведеніе и крайнюю бѣдность, осуждены на три мѣсяца тюремнаго заключенія»... И это не дурно... но скучно, однообразно. Великій Пелисье! дѣйствительно, республика не идетъ къ современнымъ нравамъ. Il faut de l'action!³⁾

III

— Все по глупости-съ,—оправдывается русскій человекъ, когда ему рѣшительно оправдаться нельзя.

— Ты, стало-быть, дуракъ!—говорить ему на это власть имущій.

— Не всѣмъ быть умнымъ, надобно кому-нибудь быть «дуракомъ»,—отвѣчаетъ онъ, если имущій власть безъ боя.

Хотя, собственно, настоятельной крайности въ дуракахъ нѣтъ, но, пожалуй, можно согласиться съ этимъ извиненіемъ. Только

¹⁾ Порывъ.

²⁾ Городъ въ Швейцаріи.

³⁾ Нужна дѣятельность!

отчего же, въ свою очередь, нѣтъ такой ясно сознанной потребности въ умныхъ? Мудрено ли послѣ этого, что міромъ владѣютъ «нищие духомъ», тамъ—какъ большинство, тутъ—какъ одинъ за всѣхъ.

Въ сущности, все дѣлается по глупости, только никто не признается въ этомъ, кромѣ русскаго человѣка, и всѣ ищутъ всегда и во всемъ умныхъ причинъ и объясненій и потому идутъ всякій разъ направо, когда слѣдуетъ идти налево,—и запутываются дальше и дальше въ безвыходныхъ соображеніяхъ и затемняющихъ объясненіяхъ.

Люди выбиваются изъ силъ, отыскивая тайныя пружины, спрятанныя причины, глубокіе замыслы, сокровенныя связи, злостныя цѣли, коварные планы, обдуманнныя ковы,—всего этого *вовсе нѣтъ* и придумано послѣ. Міръ идетъ гораздо наивнѣе и проще, чѣмъ кажется сквозь призму критики и рефлексій.

Девять десятыхъ всѣхъ злодѣйствъ дѣлаются по глупости и наказываются по двойной, и это—не особенность злодѣйствъ, а вообще всѣхъ поступковъ, особенно крупныхъ. Въ самыхъ рѣшительныхъ событіяхъ жизни умъ не участвуетъ или участвуетъ, помогая глупости. Не по уму же люди, на примѣръ, играютъ въ карты; въ карты *по уму* играютъ одни шуллера,—оттого-то они и выигрываютъ всегда, пока ихъ кто-нибудь не поколотитъ по глупости. Не умомъ же собиралъ Спорженъ ¹⁾ и легіонъ другихъ торговыхъ богослововъ въ Лондонѣ тысячи занятыхъ англичанъ на слушаніе неимовѣрнѣйшаго вздора, проповѣдываемаго ими.

«Вы,—кричалъ Спорженъ въ Crystal Palace,—вы, ищущіе со вниманіемъ и за дорогую цѣну ягненка для питанія вашего тѣла и часто обманутые корыстнымъ торговцемъ, мы вамъ предлагаемъ агнца, вѣчно свѣжаго, въ питаніе души вашей и предлагаемъ даромъ (онъ забылъ цѣну за входъ)...»

Гдѣ же тутъ искра ума?

Гдѣ искра ума въ гомеопатіи?

Гдѣ искра ума въ Юмопатіи ²⁾ и всѣхъ заклинателяхъ, вызывателяхъ?

Отчего весь міръ видитъ ясно, просто, что война—величайшая глупость, и идетъ рѣзаться?..

Мудрено понять и мудрено-то именно потому, что глупо!

Свѣтъ стоитъ между недошедшими до ума и перешедшими его, между глупыми и сумасшедшими, и стоитъ довольно давно и прочно,

¹⁾ Spurgeon, Charles Haddon,—англійскій протестантскій проповѣдникъ.

²⁾ Юмъ—англійскій спиритъ.

если же и не устоятъ, такъ не умъ же будетъ въ этомъ участвовать, а бессмысленная физическія силы.

Дѣйствуютъ страсти, страхи, предрасудки, привычки, невѣдѣніе, фанатизмъ, увлеченіе, а умъ является на другой день, какъ квартальный послѣ событія, производитъ слѣдствіе, дѣлаетъ опись и въ этомъ еще останавливается на полдорогѣ: ограниченный тамъ—впередъ идущими обязательными статьями закона, тутъ—опасностью далеко уйти по неизвѣстной дорогѣ, всего больше лѣнью, происходящей, можетъ быть, отъ инстинктивнаго сознанія, что дѣлу не поможешь, что вся работа, все же, сводится на патологическую анатомію, а не на лѣченіе!

Отъ этой лѣни и небрежности мы всю жизнь бродимъ въ какомъ-то пріятномъ полумракѣ и умираемъ въ сумрачномъ мерцаніи. Всѣ мы ужасно похожи на докторовъ, довольствующихся знаніемъ, что они не знаютъ, что дѣлаютъ, но что снадобья хороши.

Мы повторяемъ сто лѣтъ, двѣсти лѣтъ какой-нибудь вздоръ и чувствуемъ, что что-то неладно, да такъ и идемъ мимо, за недосугомъ, страшно озабоченные чѣмъ-то другимъ.

Что же это за другое дѣло?...

Объ этомъ люди еще не подумали, а, должно быть, *дѣло не шуточное!*...

IV.

Поѣздъ остановился. Кто-то сталъ отворять дверцы вагона; сначала взошелъ громкій смѣхъ, вслѣдъ за нимъ явился небольшого роста свѣженькій старичокъ, почти совершенно плѣшивый, съ мягкими щеками, тонкими морщинами и очками, изъ-за которыхъ продолжали смѣяться сѣрые прищуренные глаза. На немъ было два черныхъ сюртука: одинъ весь застегнутый, другой весь растегнутый; онъ бросилъ небольшой мѣшокъ въ уголь и махнулъ рукой провожавшему его товарищу; тотъ, все еще смѣясь, прокричалъ: «Вы большой чудакъ, докторъ. Bon voyage, docteur!» и ушелъ.

Докторъ протеръ очки, устроился, протянулся, потянулся и приготовился соснуть, какъ вдругъ мой Пелисье разразился рядомъ ругательства и, бросая газету, обратился къ доктору и ко мнѣ, какъ къ старѣйшимъ по лѣтамъ, со словами:

— Это возмутительно, это чортъ знаетъ что такое! Вотъ вамъ французскіе судьи, которымъ завидуетъ вся Европа. Представьте себѣ: этихъ арабовъ, людоѣдовъ, изверговъ приговорили не къ гильо-

тинѣ, не къ смерти, а къ каторжной работѣ. C'est trop fort; ça n'a pas de nom. ¹⁾).

Докторъ улыбнулся и прибавилъ:

— Я по профессіи за лѣченіе, а не за убійство.

— Да-съ, но позвольте, есть справедливость или нѣтъ? Есть казнь въ законѣ или нѣтъ? Если есть, то послѣ этого примѣра кого же прикажете казнить?

— Что за бѣда,—замѣтилъ докторъ,—если послѣ этого никого не будутъ казнить? людоедство—вещь печальная, но очень рѣдкая, кромѣ Африки, а казнятъ безпрестанно во всемъ образованномъ мірѣ и во всемъ необразованномъ. Вѣдь, коли на то пошло, все же, больше смысла въ томъ, чтобы убить человѣка въ безуміи голода, для того, чтобы его съѣсть, чѣмъ убить его на сытый желудокъ и для того, чтобы бросить въ яму и залить известью.

— Ну, это—радикаль и р' самое дѣлѣ чудака,—подумаль я и сложилъ газету.

На этотъ разъ сконфузился Пелисье. Онъ долго смотрѣлъ, вылупя глаза, на улыбающагося доктора и, наконецъ, вымолвилъ:

— Я васъ не понимаю; по-вашему, этимъ дикимъ звѣрямъ такъ и позволить ѣсть котлеты изъ убитыхъ дѣтей?

— Я этого не говорилъ, да, сверхъ того, они навѣрное отказались бы отъ этихъ котлетъ, если бы у нихъ были бараньи. Когда человекъ нѣсколько дней не ѣлъ, онъ ѣсть безъ спроса.

— Голодъ—не оправданіе.

— Нѣтъ, но облегчаетъ виновность, пока нѣтъ средствъ отучить голодныхъ отъ привычки ѣсть.

— А до тѣхъ поръ какъ же прикажете наказывать такихъ изверговъ?

— Какъ волковъ; вы сами называете ихъ дикими звѣрями, а наказывать хотите, какъ образованныхъ людей.

— Я никогда не слыхивалъ ничего подобнаго,—замѣтилъ совсѣмъ сбитый съ толку Пелисье.—Послѣ этого страшно по улицѣ ходить; встрѣтятся голодный и откусить палець.

— Полноте. Вѣдь, мы не въ Алжирѣ, а во Франціи. На что же централизація, цивилизація, полиція, юстиція, администрація? Развѣ мы не затѣмъ жертвуемъ волей, словомъ, умомъ, платимъ налоги, содержимъ духовное воинство и свѣтскую армію, чтобы они насъ защищали отъ голодныхъ, дикихъ, воровъ, безумныхъ людей и бѣшеныхъ

¹⁾ Ну, это ужъ слишкомъ, это неслышанно.

собакъ? Если человѣкъ и умретъ гдѣ-нибудь на чердакѣ или въ подвалѣ, то онъ падаетъ жертвой для поддержанія порядка. Ни въ чемъ торжество общественнаго строя не выражается такъ мощно, какъ въ перенесеніи нуждъ до послѣдняго предѣла. И если у насъ умирающій съ голода похожъ на *съдѣннаго* по иному способу, то онъ никогда не лишень духовной пищи и похожъ на тѣхъ мучениковъ, которыхъ намъ представляютъ великіе художники: снизу его обдираютъ, а сверху его зоветъ хоръ летающихъ ангеловъ, такъ что вы по лицу видите, что операція ему скорѣе доставляетъ удовольствіе.

— Ну, а въ Алжирѣ, чѣмъ вы украсите, выкупите голодную смерть? Тамъ наши французы и тѣ дичаютъ въ зуавовъ.

— Я въ такія тонкости не вхожу. Если ихъ религія не удерживаетъ, долгъ не удерживаетъ, пусть страхъ казни удержитъ. Пристращать висѣлицей умирающаго съ голода трудно, одно—*embarras du choix* ¹⁾).

— А позоръ?

— Это еще мудренѣе растолковать полудикимъ. Сегодня одного разстрѣливаютъ за побѣгъ изъ какого-нибудь легіона, куда его взяли насильно съ обязанностью убивать кого попало, завтра будутъ вѣшать Фатиму за людоедство,—толкуй имъ различіе. Для ихъ тупости имъ все кажется, что они побѣжденные и падаютъ на полѣ сраженія.

— *Vous vous mequez du monde* ²⁾). Нашли, что защищать,—замѣтилъ уже взволнованнымъ голосомъ Пелисье.

— Я согласенъ съ вами,—отвѣчалъ, смѣясь, докторъ,—что лучше было бы всей семьѣ, проголодавши мѣсяцъ и ничего не ѣвши четыре дня, завернуть головы въ бурнусы и умереть. Да какъ имъ растолковать корнелевское *qu'il mourut!* ³⁾). Для того, чтобъ они поняли, надобно ихъ непременно откормить, а откормить ихъ,—они не станутъ ѣсть сосѣднихъ дѣтей. Это—логическій кругъ!—и веселый докторъ опять расхохотался.—Посмотрѣли бы вы своими глазами на этихъ урабовъ, какъ ихъ называлъ одинъ солдатъ, которому я рѣзаль ногу.

— А вы бывали въ Алжирѣ?—спросилъ Пелисье, усталый и очень встревоженный болтовней доктора.

— Лѣтъ десять жилъ тамъ полковымъ врачомъ сначала, потомъ въ лазаретѣ. Кстати, я вспомнилъ этого солдата, расскажу вамъ лучше

¹⁾ Затруднительность выбора.

²⁾ Вы издѣваетесь надъ міромъ.

³⁾ Хоть бы онъ умеръ!

пресмѣшной анекдотъ о немъ. Старый солдатъ, — онъ еще при Бюжо ¹⁾ дѣлалъ всякія экспедиціи, — наконецъ-таки, потерялъ ногу. Долго лежалъ онъ въ лазаретѣ и ужасно любилъ разсказывать свои походы. Прихожу я разъ въ палату, фельдшеръ катается — хохочетъ. «Докторъ, — говоритъ, — сдѣлайте одолженіе, попросите ветерана разсказать исторію, которую сейчасъ кончилъ».

— Eh bien, mon vieux ²⁾ — говорю я, и сѣлъ возлѣ койки. Онъ поломался, какъ вызванная пѣвица. — Самая обыкновенная исторія; это молодежь все хохочетъ, — неопытность, ничего еще не видѣла.

— Ну, да вы исторію-то, — говорю я ему.

— Это было уже давненько. Мы стояли близъ Орана; дѣла никакого не было... Люди сильно скучали; продовольствіе было скверное. Капитану жаль насъ стало. Хотѣлъ позабавить солдатъ и велѣлъ охотникамъ сдѣлать небольшую gazzia ³⁾ на урабскую деревушку и тѣмъ способомъ отогнать барановъ. Деревушка не то, чтобъ бунтовала, — такъ, не любила насъ, ну, мы, разумѣется, и усмирили. Урабы, это — народъ коварный, лукавый; силой не взяли, а внутри хранили злобу. Недѣли черезъ двѣ они подстерегли одного изъ нашихъ, который барановъ отгонялъ, — веревку ему на шею да на большой дорогѣ и повѣсили. Капитанъ, разумѣется, дѣлаетъ рапортъ полковнику. Полковникъ взбѣсился; приказываетъ отыскать, во что бы ни стало, убійцу. Ну, гдѣ его сыщешь? Всѣ эти урабы на одно лицо, и не то, что наши — не выдають другъ друга, — къ тому же уйдетъ въ горы, — и поминай, какъ звали. Посылаетъ капитанъ меня и двоихъ солдатъ. «Приведите непременно убійцу, хоть изъ земли достаньте». Походили мы день, другой, — ни слуху, ни духу. Съ пустыми руками возвращаться къ начальству неловко. Сѣли мы, эдакъ, на дорогѣ и разсуждаемъ. Вдругъ намъ навстрѣчу спускается какой-то урабъ. Одинъ изъ товарищей — проказникъ былъ большой — и говоритъ: богъ намъ послалъ его на выручку, — да съ тѣмъ бросился на ураба, за горло его и кричитъ: «зачѣмъ убилъ нашего солдата?!». Урабъ — руками, ногами; мы его повалили, связали и представили. Капитанъ доволенъ, насъ съ убійцей къ полковнику, полковникъ самъ вышелъ: люблю, говоритъ, молодцы!... Нарядили тотчасъ судъ. Привели нашего ураба. Полковникъ разсвирѣпѣлъ, кричитъ на него: «зачѣмъ ты, собака, убилъ фузилера?». Тотъ ему отвѣчаетъ, — то-есть ничего не отвѣчаетъ: онъ по-французски ни

¹⁾ Маршалъ, былъ правителемъ Алжира въ 1840 г.

²⁾ Ну-ка, старина!

³⁾ Набѣгъ.

слова не зная, а бормочетъ что-то да руками разводитъ и показываетъ на небо.—«А, говорить полковникъ, такъ онъ еще запирается»,—взялъ да и приговорилъ его къ разстрѣлянню. Ну, его и разстрѣляли.—А ужъ потомъ какъ мы хохотали: убилъ-то фузильера не онъ, а совсѣмъ другой... Ну, господа, извините, одиннадцать часовъ, пора спать...—и докторъ задернулъ лампочку, освѣщавшую вагонъ.

V.

Въ казино, подъ пѣніе чувствительнаго и разбитаго тенора, подъ говоръ играющихъ въ карты, подъ шелестъ женскихъ платьевъ и шумъ бѣгающихъ гарсоновъ, какой-то господинъ спалъ за листомъ газеты. Надъ газетой было видно что-то въ родѣ лоснящагося страусоваго яйца, и по немъ-то я узналъ защитника алжирскихъ людоѣдовъ, ѣхавшаго со мной въ вагонъ.

Когда докторъ проснулся, я завелъ съ нимъ рѣчь и, между прочимъ, напомнилъ ему о томъ, какъ онъ встревожилъ Пелисье, «работающаго въ Маконахъ».

— У меня такая глупая привычка,—сказалъ докторъ;—и, несмотря на лѣта, она не проходитъ. Меня сердитъ театральное негодование и грошевая нравственность этихъ господъ. Долею все это—ложь, комедія, а долею того хуже: они сами себя уважаютъ за то, что не надѣлали уголовщины; имъ кажется достоинствомъ, что, выходя отъ Вефура ¹⁾, они не ѣдятъ дѣтей и, получая десять процентовъ съ капитала, не воруютъ платки. Вы—иностранецъ, вы мало знаете нашихъ буржуа *rig sang* ²⁾.

— Догадываюсь, впрочемъ.

— Я въ вагонъ рассказалъ алжирскую шалость, когда-нибудь я вамъ расскажу и не такія проказы парижанъ. Тутъ поневолю забудешь Фатиму и ея голодную семью... Минъ, на старости лѣтъ, всего лучше идетъ роль того доктора, который ходилъ въ романѣ Альфреда де-Виньи лѣчить рассказами своего нервнаго пациента отъ «синихъ чортиковъ». Жаль, что я не такъ серьезенъ, какъ мой собратъ.

— Я лѣчусь у васъ у одного, докторъ, къ тому же и у меня головныя боли безъ нервности и безъ всякихъ голубухъ и синихъ чертей.

¹⁾ Извѣстный ресторанъ въ Парижѣ.

²⁾ Чистокровный.

VI.

7 часовъ утра. Проклятый дождь не перестаетъ четвертый день, мелкій, англійскій, съ туманомъ... воздухъ точно распухъ. Здѣсь такой дождь не на мѣстѣ—сѣрдить.

И какая скверная привычка у кошекъ пѣть ночью свои нѣжности; истинная любовь должна быть скромнѣе.

А, можетъ, докторъ столько же виноватъ въ моей безсонницѣ; сколько кошки и дождь.

Поразказалъ онъ мнѣ вчера удивительныя вещи. Какой шутъ; однакожь, человѣкъ: живеть себѣ припѣваючи, зная очень хорошо, что за картонными и дурно намалеванными кулисами совершаются вещи, отъ которыхъ волосы не станутъ дыбомъ развѣ у плѣшивыхъ, у прежнихъ помѣщиковъ и у юго-американскихъ охотниковъ по бѣглымъ неграмъ. Много онъ видѣлъ и много думалъ; его нѣсколько угловатый юморъ ему достался не даромъ. Когда другой докторъ, и именно Трела, былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ его послалъ по тюрьмамъ, гдѣ содержались побѣжденные работники въ ожиданіи ссылки безъ суда. Онъ съ Корменень ¹⁾ былъ въ тюльерійскихъ подвалахъ, въ фортахъ и одинъ—въ марсельскомъ Шато д'Ифъ. Въ декабрьскіе дни 1851 г. онъ попался, неосторожно перевязывая своему товарищу рану, нанесенную жандармомъ, и за это былъ приговоренъ къ Каенѣ. Въ понтонахъ военнаго корабля, стоявшего наготовѣ въ Брестъ, его случайно нашель адмиралъ, у котораго онъ спасъ дочь, и выхлопоталъ ему дозволеніе ѣхать въ Алжиръ. Его разсказъ я непременно запишу, но не сегодня: сегодня я въ дурномъ расположеніи,—скажешь что-нибудь лишнее, а это грѣшно.

Пойду обѣдать въ маленькій ресторанъ напротивъ.

Надобно сказать, что здѣсь *обѣдаютъ* подъ скромнымъ названіемъ *завтрака* въ *одиннадцатомъ* часу—не вечера, а утра! И, можетъ, это меньше удивительно, чѣмъ то, что я ѣмъ, какъ будто всю жизнь прямо съ постели садился за столъ. А говорятъ, что боленъ!

Меня одно лишаетъ аппетита—это *table d'hôte*, затѣмъ-то я и хочу итти въ небольшой ресторанчикъ. Мнѣ за *table d'hôte* все ненавистно, начиная съ крошечныхъ кусочковъ мяса, которые нарѣзываетъ скупой за хозяина, напомаженный и важный оберъ-форшнейдеръ, до гарсоновъ, разодрѣтыхъ, какъ будто они на чьихъ-нибудь похоронахъ или на своей свадьбѣ, до огромныхъ кусковъ живого,

¹⁾ Луи, франц. политическій дѣятель.

но попорченнаго мяса (дѣло на водахъ), одѣтыхъ въ пальто и поглощающихъ маленькіе кусочки, одѣтые въ соусъ... Мнѣ совсѣмъ не нужно знать, какъ ѣсть этотъ худой, желтый, съ какой-то чернью на лицѣ нотаріусъ изъ Ліона, ни того, что синяя бархатная дама въ критическихъ случаяхъ вынимаетъ цѣлую челюсть зубовъ, жевавшихъ когда-то пищу другому желудку. А тутъ еще англичанинъ, который за десертомъ полощетъ ротъ съ такими взрывами гаргаризацій, что кажется, будто въ огромномъ котлѣ закипаетъ смола или какой-нибудь металлъ... Словомъ сказать, я ненавижу *table d'hôte*. И въ ресторанѣ ѣдятъ другіе, но они сами по себѣ, а я самъ по себѣ; а за *table d'hôte* есть круговая порука, какое-то соучастіе, прикосновенность, незнакомое знакомство и, въ силу его, разговоръ и взаимныя любезности.

Два часа. День на день не приходится. Сегодня я и въ маленькомъ ресторанѣ почти ничего не ѣлъ. Стыдно сказать отчего. Я всегда завидовалъ поэтамъ, особенно «антологическимъ»: напишетъ контурчики, чтобы было плавно, выпукло, округло, звучно, безъ малѣйшаго смысла: «Рододендронъ-Рододендронъ»—и хорошо. Въ прозѣ люди требовательнѣе и, если нѣтъ ни таланта, ни мысли, то требуютъ хоть какого-нибудь *доноса*. А мнѣ именно приходится написать такую «антологическую прозу».

Передо мной въ ресторанъ вошла женщина съ двумя дѣтьми въ траурѣ и съ ними высокій господинъ тоже въ черномъ.

Возлѣ столика, за который я сѣлъ, обѣдали четыре *compis voyageurs* изъ Парижа; они толковали свысока о казино и съ снисхожденіемъ о пѣвицахъ, въ которыхъ цѣнили вовсе не голосъ,—они говорили что-то другъ другу на ухо и разражались вдругъ громкимъ хохотомъ.

Слушать и смотрѣть на комми *en négligé* ¹⁾, между собой—моя страсть, но мнѣ не долго пришлось питать ее..

— Ты плачешь?—спросила женщина въ траурѣ. Мальчикъ лѣтъ восьми-девяти поднялъ на нее глаза, полные слезъ, и сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ!». Мать взглянула на мужчину, улыбаясь: она, видимо, извинялась за слезы ребенка. Мужчина положилъ ему большой кусокъ чего-то на тарелку и прибавилъ: «будь же уменъ и ѣшь».

— Я не хочу ѣсть,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Мой другъ, это глупо,—сказалъ мужчина.

— Ты съ утра ничего не ѣлъ, кромѣ молока,—прибавила мать и просила взглядомъ, чтобы мальчикъ ѣлъ. Мальчикъ принялся за котлету, взглянувъ на мать съ невыразимымъ горемъ; крупная слеза

¹⁾ Запросто.

капнула въ тарелку. Женщина и господинъ сдѣлали видъ, что не замѣтили, и начали говорить между собой. Другой ребенокъ, гораздо моложе, бояталъ, шумѣлъ и ѣлъ. Мать погладила старшаго, онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ, задержавъ слезы.

«Башмаковъ не успѣла она износить»—и маленькій Гамлетъ это понялъ.

Господинъ велѣлъ подать какого-то особеннаго вина, чокнулся съ матерью и, наливая дѣтямъ, улыбаясь, сказалъ старшему:

— Не будь же плаксивой дѣвочкой и выпей браво твое вино. Мальчикъ выпилъ.

Когда они пошли, мать надѣла на мальчика шарфъ, чтобъ онъ не простудился, и обняла его. Въ ея заботѣ было раскаяніе и примиреніе съ собой; она, казалось, просила прощенія, пощады у него и у него.

И, можетъ, она во всемъ права.

Но мальчикъ не виноватъ, что помнитъ *другого*, что ему хотѣлось *доносить башмаки* и что новые его жали, такъ, какъ не виноватъ въ томъ, что испортилъ мнѣ обѣдъ.

Пойду въ казино искать доктора; онъ, навѣрное, спитъ или читаетъ какую-нибудь газету.

VI

— Скажите, докторъ, какъ вы при всемъ этомъ сохранили столько здоровья, свѣжести, силъ, смѣха?

— Все отъ пищеваренія. Я съ ребячества не помню, чтобъ у меня сильно животъ болѣлъ, развѣ, бывало, объѣшься неспѣлыхъ ягодъ. Съ такимъ фундаментомъ не трудно устроить психическую діету, особенно съ склонностью смѣяться, о которой вы говорили. Человѣкъ я одинокій, семьи нѣтъ. Это, съ своей стороны, очень сохраняетъ здоровье и аппетитъ. Я всегда считалъ людей, которые женятся безъ крайней надобности, героями или сумасшедшими. Нашли геройство—лѣчить чумныхъ да подъ пулями перевязывать раны. Во-первыхъ, это всякій человѣкъ съ здоровыми нервами сдѣлаеть, а потомъ, выждалъ часть, другой—перестануть стрѣлять, прошло недѣли двѣ—нѣтъ чумы, аппетитъ хорошъ,—ну, и кончено. А, вѣдь, это подумать страшно: на вѣки вѣчные, хуже конскрипціи,—та, все же, имѣеть срокъ. Я рано смекнулъ это и рѣшился, пока розы любви окружены такими безчеловѣчными шипами, которыми ихъ оградилъ, по папскому оригиналу, гражданскій кодексъ, я своего палисадника не заведу. Охотниковъ продолжать родъ человѣческой всегда найдется много и безъ меня.

Да и кто же мнѣ поручилъ продолжать его и нужно ли, вообще, чтобы онъ продолжался и плодился, какъ пески морскіе?—все это дѣло темное, а бѣда семейнаго счастья очевидна.

— Что вы на это рѣшили, дѣло не хитрое, хитрое дѣло въ томъ, что вы выдержали. Впрочемъ, тутъ темпераментъ.

— Темпераментъ темпераментомъ...ну, однако, безъ воли ничего не сдѣлаешь. Вы, можетъ, думаете, что монахи первыхъ вѣковъ были холоднаго темперамента? Все зависитъ отъ того, чтó приму играетъ, да отъ воспитанія воли.

— Однако, докторъ, вы вѣрите, кажется, въ *libre arbitre*¹⁾?—это почти ересь!

— *Libre arbitre*, всля...все это—слова. Я не вѣрю, а вижу, что если человѣкъ захочетъ стоять на столбу—простоить, захочетъ ѣсть траву и хлѣбъ и ѣсть одну траву да хлѣбъ возлѣ жареныхъ рябчиковъ. А чѣмъ онъ хочетъ, волей или неволей, это все равно. Конечно, воля не съ неба падаетъ, а также изъ нервъ растетъ и воспитывается, какъ память и умъ; главное дѣло въ томъ, что она воспитывается. Человѣкъ привыкаетъ попридерживать себя или распускаться, давать отпоръ внѣшнему толчку или пасовать передъ каждымъ. Всякій можетъ сдѣлаться нравственнымъ Митридатомъ и выносить яды жизни, лишь бы оба пищеваренія были исправны.

— Какъ, ужъ два пищеваренія?

— Непремѣнно! *Желудочное и мозговое*. Безъ хорошаго мозгового претворенія и съ хорошимъ желудкомъ далеко не уѣдешь. Безъ него нельзя понять, что съѣдобно и что не съѣдобно, что существенно и что нѣтъ, что необходимо и что безразлично, наконецъ, что возможно и что невозможно. Безъ здороваго мозга мелочи и призраки заѣдаютъ людей и портятъ имъ желудокъ. Мелочамъ конца нѣтъ, какъ мухамъ: прогнать однѣхъ—другія насѣли; а призраки хуже мухъ: это—мухи внутри, ихъ и прогнать нельзя, развѣ, однимъ смѣхомъ. Но люди не понимающіе—больше люди угрюмые, серьезные, все берутъ къ сердцу, всѣмъ обижаются, ни черезъ что не умѣютъ переступить, ни надъ чѣмъ не умѣютъ смѣяться, смѣхъ просто ихъ оскорбляетъ. Года два тому назадъ умеръ одинъ изъ старыхъ товарищей моихъ, извѣстный хирургъ, и умеръ оттого, что его не позвали къ принцессѣ, сломавшей ногу. Въ началѣ его болѣзни я зашелъ къ нему. Два часа битыхъ толковалъ онъ мнѣ, желтый, исхудалый, о своихъ правахъ на принцессину ногу и все повторялъ одно и то же на сто ладовъ. Человѣкъ

¹⁾ Свобода воли.

лѣтъ семидесяти, большая репутація, большое состояніе,—ну, чему было такъ сокрушаться о принцессиной ногѣ; сломить еще кто-нибудь изъ нихъ ногу или руку—онѣ же теперь все сами кучерами ѣздятъ—пришлютъ и за нимъ. Я постарался навести его на другой разговоръ.—Куда! все свое говорить. А тутъ вошелъ мальчикъ и подаль газету; большой взялъ ее, что-то прочелъ, глаза его сверкнули, губы затряслись, и онъ, улыбаясь, ткнулъ пальцемъ въ газету и сунулъ мнѣ ее въ руку. Лента почетнаго легіона была дана хирургу, починившему ногу принцессы. Чтобъ бѣдняка какъ-нибудь разсѣять, я ему говорю: «Погода сегодня славная, поѣдемте-ка въ Анверъ, у меня тамъ есть знакомый chef, отлично дѣлаетъ булябесъ и котлеты à la Soubize».—Что вы, говорить, смѣтаете надо мной? у меня желудокъ ничего не варить, а вы подчуете провансальской кухней? Это вы, cher ami, ужъ не утѣшаете ли меня въ лентѣ...ха, ха, ха!..Нужно очень мнѣ ленту, мнѣ досадно, мнѣ больно, что во мнѣ оскорблены права, заслуги тридцатилѣтней дѣятельности...а лента...ха, ха, ха...Хорошо выдумали; à la Soubize...чеснокъ—это почетный легіонъ провинціальныхъordon bleu!—и онъ расхохотался, увѣренный, что сдѣлалъ чрезвычайно ядовитый и удачный каламбуръ. Дѣло пропащее: ни мозгъ, ни желудокъ не находятся въ исправности, какой же тутъ можетъ быть выходъ. Замѣьте мимоходомъ патологическую особенность, что люди большею частью выносятъ гораздо легче настоящія бѣды, чѣмъ фантастическія, и это оттого, что настоящими бѣдами рѣдко бываетъ задѣто самолюбіе, а въ самолюбіи источникъ болѣзненныхъ страданій. Наши братья обыкновенно мало обращаютъ вниманія на душевную причину болѣзней, да если и обращаютъ, то очень неловко, оттого и лѣчение не идетъ. Для меня типъ докторскаго вмѣшательства въ психическую сторону пациентовъ составляетъ серьезный совѣтъ человѣку, дрожащему и обезумѣвшему отъ страха, *не бояться заразы*. Настоящій врачъ, милостивый государь, долженъ быть и поварь, и духовникъ, и судья; всѣ эти должности врозь нелѣпы, а соедините ихъ, и выйдетъ что-нибудь путное, пока люди остаются недорослями.

— Итакъ, послѣ теократіи, іатрократія¹⁾. Вы не мѣтите ли, какъ вашъ предшественникъ, докторъ Франсіа²⁾, въ генераль-штабъ-архіатры врачедержавной имперіи? Человѣкъ надѣлалъ мерзостей, его отдаютъ въ судебную лѣчебницу, и дежурный врачъ приговариваетъ его къ двумъ ложкамъ рициноваго масла, къ овсяному супу на недѣлю или,

¹⁾ Власть врачей.

²⁾ Диктаторъ Парагвайской республики.

въ важномъ случаѣ, къ ссылкѣ мѣсяца на три въ Карлсбадъ. Осужденный протестуетъ, дѣло идетъ въ кассационный медицинскій совѣтъ, и онъ смягчаетъ Карлсбадъ на Виши.

— Смѣйтесь, сколько хотите, а что же, лучше, что ли, запирать въ Мазасъ, посылать въ Каену и, вмѣсто рициноваго масла, прописывать денежные штрафы? Но до пришествія царства врачебнаго далеко, а лѣчить приходится непрерывно, и я на долгой практикѣ испыталъ, что знай себѣ, какъ хочешь терапію, безъ—какъ бы это сказать—безъ своего рода философіи...

— У васъ она есть, докторъ, это я еще въ вагонѣ замѣтилъ, и оригинальная.

— Худа ли, хороша ли, но я не нахожу надобности мѣнять ее.

— Какъ же вы дошли до нея?

— Это длинная пѣсня.

— Да, вѣдь, времени довольно до второго стакана.

— Вы подмѣтили, что я люблю поболтать, и эксплуатируете меня.

— Лучше болтать, чѣмъ играть цѣлое утро и цѣлый вечеръ въ домино, какъ наши сосѣди.

— Эге, такъ вы еще не освободились отъ порицаній и пересудъ безразличныхъ дѣйствій людскихъ. Не играй они въ домино, что же бы они дѣлали? Жизнь дала имъ много досуга и мало содержанія, надобно чѣмъ-нибудь заткнуть время утромъ до обѣда, вечеромъ до постели. Моя философія все принимаетъ.

— Даже алжирское людоѣдство?

— Оно только зацѣпляется за европейское. Дошелъ я до моей философіи не въ одинъ день, да и не то, чтобы вчера. Первый разъ я порядкомъ подумалъ о жизни лѣтъ сорокъ тому назадъ, шедши отъ Шарьера; фирма его и теперь дѣлаетъ превосходные хирургическіе инструменты, можетъ, лучше англійскихъ,—вы это на всякій случай замѣтите—прямо по Rue de l'École de Médecine, въ окнахъ увидите всевозможныя пилы, ножницы. Отъ Шарьера я вышелъ часовъ въ пять, съ сильнымъ аппетитомъ и пошелъ Au boeuf à la mode, возлѣ «Одеона», да вдругъ среди дороги остановился и, вмѣсто Au boeuf à la mode, повернулъ въ Люксембургскій садъ. У меня въ карманѣ не было ни одного су! Какое варварство, что часть этого сада уничтожаютъ; вѣдь, въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, такіе сады—прибѣжище, лодки спасенія для утопающихъ. Иной, безъ сада, походитъ по узкимъ переулкамъ, вонючимъ, неприятнымъ да и поидеть въ Сену; а тутъ по дорогѣ садъ, воробьи летаютъ, деревья шумятъ, трава пахнетъ, ну, бѣднякъ и не поидеть топиться. Вотъ тутъ-то въ саду, на пустой

желудокъ, я ж расфилософствовался. Ну, думаю, почтенные родители очень безцеремонно надули тебя въ жизнь; безъ твоего спроса и вѣдома втолкнули тебя въ какой-то омутъ, какъ щенята толкають въ воду: «спасайся» какъ знаешь, а не то тони». Какъ я ни думалъ, вижу, выплывать надобно. Надобно затѣмъ, зачѣмъ и щенокъ барахтается, чтобы не итти ко дну,—просто привыкъ жить. До этого случая нужда меня не очень давила. Прежде мнѣ изъ дому посылали немного денегъ. Отецъ мой умеръ года четыре тому назадъ, все поправлялъ какія-то бреши въ состояніи, дѣланныя спекуляціями, и кончилъ свои поправки тѣмъ, что ничего не оставилъ. У него былъ братъ, старый полковникъ, обогатившійся на войнѣ и имѣвшій деньги въ амстердамскомъ банкѣ; онъ помогалъ нашей семьѣ и радовался моей карьерѣ, говоря, что Наполеонъ уважалъ Ларре и Корвизара ¹⁾. Разумѣется, онъ мысленно меня назначалъ въ полковые доктора. О дядѣ я долженъ вамъ рассказать кое-что. Меньше меня ростомъ, съ огромной львиной головой, съдыми всклокоченными волосами и черными усами, которые онъ подстригалъ подъ щетку, онъ былъ отчаянный бонапартистъ, никогда не давая себѣ никакого отчета, что собственно было хорошаго въ имперіи. Подумать объ этомъ ему казалось бы святотатствомъ. Послѣ іюльской революціи онъ съ презрительной улыбкой говорилъ: «Это все не то, это ненадолго», пристегивая толстую трость съ бѣлымъ набалдашникомъ къ верхней пуговицѣ сюртука, застегнутаго по горло. «Мы этихъ *barbouilleurs de lois*, этихъ подъячихъ, адвокатовъ въ Сену бросимъ; люди безъ сердца, безъ достоинства; намъ надобно имперію, чтобы отмстить за 1814 и 1815 годы».

— И,—замѣтилъ я,—утратить тѣ небольшія свободы, которыя приобрѣли на баррикадахъ.

«Что?!—закричалъ дядя, и лицо его побагровѣло.—Что?! Какъ? у меня въ домѣ!.. Что ты сказалъ?!»

Я съ нимъ никогда не спорилъ и тутъ уступилъ бы, если бы онъ не взбѣсилъ меня крикомъ, а потому я повторилъ сказанное.

«Кто ты такой?!» кричалъ полковникъ, свирѣпо подходя ко мнѣ и отвязывая палку отъ пуговицы совершенно безуспѣшно,—палка вертѣлась, какъ веретено, и все туже прикрѣплялась къ пуговицѣ.—«Ты сынъ моего брата или чей ты сынъ? Чей?! Развратили мальчишку эти доктринеры! Неужели ты не чувствуешь кровавую обиду вторженія варваровъ въ Парижъ, *des kalmuk, des keiserlich*, и проклятый день ватерлооской битвы?!»

¹⁾ Врачи великой франц. арміи.

— Нѣтъ, не чувствую!—сказаль я хладнокровно и совершенно искренно.

Левъ отпрянулъ, отдулся и тѣмъ голосомъ, которымъ командоваль «en avant»¹⁾ своему отступившему полку подъ Лейпцигомъ, закричаль: «Вонъ, вонъ изъ моего дома!».

Я вышелъ—и съ тѣхъ поръ отъ дяди ни гроша. Онъ только матери написаль письмо, исполненное сожалѣнія (а отчасти и упрековъ), что она родила и воспитала изверга, который не принимаетъ ватерлооскую битву за лично ему данную пощечину и не стремится ее отомстить. «Куда мы идемъ съ такой негодной молодежью?» заключиль левъ. Мать моя могла что-нибудь посылать иной разъ, но я не хотѣль: у нея самой едва въ хозяйствѣ концы сводились.

Походиль я въ саду на тощій желудокъ и вспомнилъ стараго фармацевта, искавшаго помощника. Я прямо къ нему, нанялся изъ-за обѣда и постели, стоявшей между кухней и лабораторіей. Мѣсяца четыре я вынесъ, но потомъ терпѣніе лопнуло. Старикъ полуслѣпой, полуглухой, съ деньгами и безъ наслѣдниковъ, дрожащими руками обвѣшиваль на всѣхъ медикаментахъ; ну, на какой-нибудь соли, которой унцъ стоитъ двадцать сантимовъ, и на той украдетъ на полсантима. Мнѣ было это очень противно, и я, только скрѣпя сердце, молчаль. Наконецъ, старый отравитель говорить мнѣ и разъ, и два: «Вы вѣшаете безъ всякаго расчета, вы меня разоряете! Вы должны съ меня примѣръ брать».—«Послушайте, почтенный père Philippe, я глупыя микстуры дѣлать готовъ, а воровать на вѣсѣ не хочу; развѣ недовольно слишкомъ 50% да таха laborum?»—«А я,—сказаль старикъ, кашляя, задыхаясь и утирая грязнымъ платкомъ давно вертѣвшуюся табачную каплю на концѣ носа,—а я у себя въ домѣ хочу быть хозяиномъ и всякому студенту bon à rien²⁾ не позволю дѣлать дерзкія замѣчанія».—«Особенно, замѣтилъ я, когда они справедливы». Затѣмъ я взяль шляпу и, насвистывая пѣсню, пошелъ вонъ. Это былъ второй урокъ философіи.

VIII.

— Третій урокъ образоваль меня по сердечной части.

— Тутъ-то я васъ и ждаль.

— И совершенно ошибетесь. Въ моей жизни все было очень просто, и романъ мой меньше сложенъ, чѣмъ всѣ повѣсти, перемежаю-

¹⁾ Впереды

²⁾ Ни на что негодному, ничемному.

щіяся по фельетонамъ газетъ. Года три послѣ того, какъ я бросилъ стараго отравителя, былъ я интерномъ въ Maternité и на дежурствѣ.

— Помилуйте, докторъ, тамъ часто оканчиваются романы, но ни одинъ, сколько я знаю, не начинался.

— А мой не только начался, но почти и кончился въ этомъ «*карьергардъ любви*», какъ ее называла m-me Обержинъ, съ которой я васъ сейчасъ познакомлю. Провозился я цѣлый день и, усталый, какъ собака, бросился на диванъ, закуривъ трубку и взявъ книгу Сивьяля ¹⁾ о болѣзняхъ мочевыхъ путей. Едва я успѣлъ заснуть и выронить трубку и книгу, кто-то дернулъ за колокольчикъ. «Это вы, бригадье?» кричу я ему, то-есть нашему сторожу или консьержу, котораго, шутя, мы называли «бригадье» за его необыкновенно военную и суровую посадку. Мы, смѣясь, говорили, что правительство его намѣренно посадило консьержемъ въ Maternité для того, чтобъ отстраивать родильницъ и дѣлать ихъ больше осторожными.

— Я,—говоритъ,—я.

— Что у васъ?

— Пожалуйста сейчасъ въ № 21.

— Не дадутъ проклятыя уснуть. Вы бы прикрикнули, бригадиръ; куда торопится? могла бы подождать до утра. А что m-me Обержинъ тамъ?

— Она-то и послала за вами.

Я вытеръ лицо мокрымъ полотенцемъ и побѣжалъ въ № 21. M-me Обержинъ сидитъ, по обыкновенію, разставивши ноги. Она столько учила своихъ пациентокъ сидѣть на больничныхъ креслахъ, что сама приняла эту посадку. За занавѣсью слышно, что-то охаетъ и стонетъ слабо, очень слабо. «Никакой силы нѣтъ, говорить шопотомъ m-me Обержинъ, и ребенокъ неправильно лежитъ».—«А вотъ мы его научимъ шалить до рожденья», говорю я ей. M-me Обержинъ, старшая повивальная бабка наша; была отличнѣйшая женщина и со всѣми нами пріятель и товарищъ. Черезъ ея руки прошли не только нѣсколько поколѣній, нечаянно родившихся въ Парижѣ, но два-три выпуска интерновъ. Жирная, рослая, сильная, всегда готовая врать вздоръ, смѣшнить и хохотать, никогда не заспанная и всегда готовая уснуть, она, какъ нарочно, была создана для своей должности. Смолоду, вѣроятно, она не только принимала дѣтей, но страсти мало-по-малу ушли въ жиръ и, если случались кой-какія бездѣлицы, то это ужъ, какъ hors d'oeuvre²⁾. Удивляться нечему, самыя наши занятія наводили

¹⁾ Извѣстный франц. врачъ.

²⁾ Случайный эпизодъ.

на щекотливые предметы, да и потомъ ночи, цѣлыя ночи, просиживаемыя въ ожиданіи... Какъ живая, она передо мной, съ ея свѣрыми смѣющимися глазами, съ бѣлокурнымъ усомъ на одной губѣ и клокомъ такихъ же волосъ на противоположной сторонѣ подбородка; этотъ клочекъ она любила крутить, какъ гусарь,—славная была женщина!

Подхожу я къ кровати, одернулъ немного занавѣсъ и говорю:

— Извините, сударыня, я пришельцъ подать вамъ нужную помощь!—Молодая женщина закрыла лицо и рыдала.—Успокойтесь, говорю я ей, хлебните немного воды.

— Я очень страдаю,—отвѣчала она едва внятнымъ образомъ,— и очень боюсь.

— Вѣрю, вѣрю, но это гораздо легче, чѣмъ вы думаете; не вы первая, не вы послѣдняя, *du courage*¹⁾; дайте-ка вашу руку,—эге, да у васъ порядочная лихорадочка,—и я попросилъ м-те Обержинъ приблизить свѣчу. Испуганное, болѣзненное лицо больной какимъ-то гаснущимъ взглядомъ просило у меня помощи... и... и прощенія. Такого выраженія я никогда не видывалъ и даже смутился.

Роды были тяжелы, мучительны, долги. Наконецъ, «рекрутъ», какъ м-те Обержинъ называла всѣхъ новорожденныхъ мужского пола, хлебнулъ воздуха и запищаль.

— Что, кисло и холодно?—проговорила м-те Обержинъ, пошлепывая его и повертывая съ необыкновенной ловкостью.—Приучишься и кислымъ дышать. Ну,—прибавила она, обращаясь ко мнѣ,—что вы оставили глаза на родильницу? осматривайте, годный ли рекрутъ.

— Онъ-то годенъ, а вы посмотрите сами на больную: какъ свѣча на дворѣ, того и гляди потухнетъ при легчайшемъ вѣтеркѣ.

— Да она и то чуть ли не умираетъ,—сказала м-те Обержинъ и сама взяла ее руку, чтобы узнать, какъ бьется пульсъ.

Мы сдѣлали, что могли, чтобы задержать отлетавшую жизнь; наконецъ, она раскрыла глаза, слабые, мутные, долго вглядывалась и потомъ едва внятно спросила: «гдѣ?».

Я взялъ у м-те Обержинъ «рекрута» и поднесъ ей; она зарыдала и опять лишилась чувствъ. Умиравшая, хрупкая, тщедушная женщина сильно потрясла меня. Видалъ я и прежде нея и родильницъ, и красавицъ. Какія красавицы лежали у насъ въ отель Дье; была одна креолка—фу!

(Я невольно улыбнулся, думая, въ какихъ необычайныхъ мѣстахъ докторъ мой изучалъ прекрасный полъ и его красоты).

¹⁾ Смѣлость.

— Словомъ, видалъ довольно, но ни одна не сдѣлала на меня такого впечатлѣнія. Я почти не отходилъ отъ больной. Старуха наша все замѣтила и дня черезъ два говорить мнѣ, ущипнувъ въ плечо: «Вѣроломный Артюрь! И ты туда же, хочешь фуражировать въ нашемъ арлергардѣ, glaner¹⁾ на полѣ битвы, между ранеными и убитыми—ха-ха-ха!»—И смѣхъ, и слова неприятно подѣйствовали на меня, я какъ-то отшутился и ушелъ въ свою комнату; хотѣлъ позаняться, отдохнуть и, не знаю какъ, часа черезъ два очутился опять въ № 21. М-те Обержинъ спала на кушеткѣ, окончивъ свою третью чашку кофе, въ который она прибавляла, чтобъ не сильно дѣйствовало на нервы, бенедиктинской водки; я обрадовался ея сну и на цыпочкахъ подошелъ къ больной. Спала и она: если-бъ не легкое, едва уловимое дыханіе, можно бы положить въ гробъ. Я скрестилъ руки и смотрѣлъ, смотрѣлъ, что за чистыя линіи, что за профили! Послѣ я видѣлъ что-то такое въ картинахъ Ванъ-Дейка, въ головкахъ Андреа Дель Сарто; красота—вообще, сила, но она дѣйствуетъ по какому-то избирательному средству.

Я магнетизмъ отрицаю, а, пожалуй, тутъ есть что-нибудь похожее на магнетизмъ. Красота и звукъ голоса—принадлежности чисто личныя и дѣйствуютъ тоже совсѣмъ лично; умъ, знаніе и все такое—мое и не мое, а черты мои, мой голосъ—совершенно мои. Мнѣ всегда казалось, что именно по ихъ личности и переходимости они и дѣйствуютъ такъ неотразимо на нашу страстную, т.-е. тоже личную, сторону. Пока я стоялъ и смотрѣлъ, т.-е. все больше и больше подвергался вліянію магнетизма, м-те Обержинъ подкралась ко мнѣ и говорить: «Tu es donc bien rincé, mon petit chat? ²⁾». Придется мнѣ тебѣ помогать, коварный измѣнникъ!». Я взялъ ея руку и въ какомъ-то азартѣ отвѣчалъ ей: «Помощи мнѣ никакой ненадобно, но я чувствую, что стою на краю пропасти!». Добрая женщина посмотрѣла на меня съ какимъ-то материнскимъ участіемъ и съ тѣхъ поръ ни разу не заикалась объ этомъ. Больная поправлялась медленно. Тяжелая плита лежала на ея груди, и, по мѣрѣ того, какъ грудь становилась крѣпче, плита давила тяжелѣе. Никто не приходилъ навѣстить бѣдняжку, справиться, жива ли она; никто не писалъ, не сдѣлалъ опыта что-нибудь прислать, какъ обыкновенно дѣлаютъ,—варенья, конфектъ. Между тѣмъ, подошло время выписываться. Тревога и горе росли. Послѣ долгихъ усилій, она мнѣ призналась, что ей просто некуда атти, что матери ея нѣтъ въ Парижѣ, а что она оставилъ ее,—«не по моей

¹⁾ Подбирать.

²⁾ Значитъ, ты порядочно ущемлень, мой котикъ?

винѣ», прибавила она, заливаясь слезами. Что тутъ было дѣлать? Спасти ее надобно было,—я предложилъ ей переѣхать къ знакомой мнѣ старушкѣ. Не принять она не могла, иначе ей пришлось бы переѣхать на улицу. Въ небольшомъ переулкѣ Латинскаго квартала вылѣчилъ я какъ-то случайно, долго пачкая, одну старушку; она была одинокая, вся въ ревматизмахъ, но умереть боялась ужасно. Она имѣла ко мнѣ собачью привязанность и была увѣрена, что я одинъ могу еще разъ вылѣчить отъ смерти. Она отдавала внаймы довольно удобный и свѣтлый мансардъ. Ходить въ него надобно было черезъ какой-то чердакъ, въ которомъ вѣчно висѣло сырое бѣлье и пахло щелокомъ,—но на войнѣ, какъ на войнѣ,—въ самой комнатѣ было недурно. Перевезъ я туда мою вандейковскую головку и ея рекрута. Что же, въ самомъ дѣлѣ, родился безъ отца, такъ и погибать? Вы, пожалуйста, не полагайте, что я хочу похвастаться особенной доблестью,—всѣ такого рода подвиги подтасованы: по пристрастью къ матери одни безъ смысла любятъ ея дѣтей, другіе ненавидятъ. Вандейковская головка никогда ни разу не поминала даже издали объ отцѣ ребенка. Я ни однимъ словомъ не заикался о моей любви. Она удивляла меня: въ ней все было полно такта, граціи, чуткости. Только въ Парижѣ, и притомъ въ прежнемъ, не перестроенномъ, не въ вновь крещеномъ, а въ старомъ полуязыческомъ Парижѣ встрѣчались такія чудеса. Я проводилъ съ ней вечера, читалъ ей Бальзака и Гюго. Чуть ли это не было лучшее время моей жизни, въ родѣ весенняго утра—теплаго, свѣтлаго, но въ которомъ еще чувствуется свѣжесть, да оно и прошло, какъ мартовское солнце.—Докторъ пріостановился.—Вы, вѣрно, не ждете, что мы при развязкѣ?

— Конечно, нѣтъ.

— Прошло около мѣсяца. Маргарита, такъ звали вандейковскую головку, настолько оправилась и окрѣпла, что стала выходить въ хорошую погоду. Разъ возвращается она домой страшно разстроенная, на лицѣ мертвая блѣдность и пятна, руки дрожать. Я хотѣлъ спросить, но, взглянувъшись, до того испугался, что не нашелъ словъ. Она бросилась къ люлькѣ, взяла рекрута и зарыдала истерически. Теперь, думаю, будетъ легче. И, въ самомъ дѣлѣ, она черезъ двѣ-три минуты взяла мою руку и сказала: «Я видѣла его... онъ... онъ требуетъ, чтобы я малютку отдала въ воспитательный домъ; онъ прежде говорилъ это, съ этого началась наша ссора. Будто малютка можетъ мѣшать! Онъ его даже не видалъ ни разу и говорилъ объ немъ такъ холодно, такъ равнодушно. Онъ негодай!»—вскрикнула она и прижала къ себѣ ребенка, какъ будто его вырывали у ней силой,

потомъ бросилась на колѣни передо мной и, захлебываясь слезами, говорила: «Ты, ты меня не разлучишь съ нимъ, ты такъ добръ,—о, я тебя знаю, я все оцѣнила, я оцѣнила твое молчаніе. Ты меня любишь, возьми меня, спаси меня и его, я буду тебя любить, не отнимай у меня ребенка!». И она положила его мнѣ на колѣни и рыдая, ухватившись обѣими руками за меня. Я взялъ малютку, слезы катились изъ глазъ моихъ. Она встала, взглянула на меня, улыбнулась, да, улыбнулась съ какимъ-то торжествомъ и бросилась ко мнѣ на шею. Я уложилъ ее въ постель, укрылъ и вышелъ на улицу,—я не могъ не выйти! Прощаясь, она мнѣ сказала: «Ты мнѣ прости, не сердись, вѣдь, я сумасшедшая!». И вотъ я опять очутился въ пустынныхъ аллеяхъ Люксембургскаго сада; свѣжій ночной вѣтеръ пронималъ, но мнѣ было не до того; я сѣлъ на скамью; что происходило во мнѣ, этого, я думаю, и Бальзакъ не могъ бы описать, а у него именно былъ талантъ описывать эти сложныя мудренныя блаженства, сбивающіяся на страданія, и страданія, сбивающіяся на блаженства. Для меня было ясно, что въ ней говорило *dépit*,—оскорбленная мать, она *бѣжала* отъ него ко мнѣ, она пряталась за меня съ своимъ рекрутомъ, но горячія губы ея горѣли на моей щекѣ, но горячія слезы едва обсохли на ней, но она улыбалась мнѣ, и будто можно любить такого *негодяя*? Она его такъ называла. Когда я пришелъ къ ней, было уже утро. Дѣло приняло плохой оборотъ. Лихорадочное молоко отравило ребенка, онъ кричалъ и бился въ корчахъ; выбившись изъ силъ, онъ уснулъ, уснула и мать. Я взялъ ребенка на руки,—онъ все спалъ, долго спалъ; потянулся раза два и сталъ тяжелѣе и холоднѣе. Тихо, тихо положилъ я его въ люльку, покрылъ и сѣлъ у изголовья матери. Она проснулась,—мое лицо, тишина; она бросилась къ люлькѣ и съ крикомъ грохнулась безъ чувствъ на землю. На другой день она была въ бѣлой горячкѣ.

— И умерла?—спросилъ я.

— Нѣтъ, она выздоровѣла и потомъ ушла къ «отцу рекрута», выбывшаго изъ строя,—препятствій больше не было. Ей не легко было покинуть меня, она писала мнѣ письмо—Ж. Сандъ такого не напишетъ—потомъ забыла, да и я ее потомъ забылъ.

IX.

И вотъ мы опять несемся, поправивши и укрѣпивши наши пищеваренія и кровотоверенія, въ обратный путь, и я съ ужасомъ думаю, что въ Лионѣ придется разстаться съ докторомъ: онъ поѣдетъ направо, я—налѣво. Со мной цѣлая тетрадь, въ которую я внесъ половину

его рассказовъ и, главное, его подстрочныхъ замѣчаній къ нимъ. Со временемъ и я издамъ «Слышанное и забытое, записанное и напечатанное,—изъ воспоминаній другого».

— Вы зачѣмъ это записывали?—спросилъ докторъ.

— Такая мода теперь у насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ судъ изъ письменнаго сдѣлался словеснымъ, мы все словесное записываемъ.

— И печатаете потомъ?

— Отчасти, отобравши плевелы.

— Какая же польза отъ этого? Совсѣмъ не нужно печатать такъ много.

— Все для исправления нравовъ.

— Книгами-то! Хорошо выдумали. Во-первыхъ, книгъ никто не читаетъ.

— А во-вторыхъ, любезный докторъ, книгъ читаютъ очень много.

— Ну, то-есть «никто» въ пропорціи къ вовсе неграмотному большинству, къ большинству едва грамотному и къ большинству грамотному, но не берущему никакихъ книгъ въ руки, кромѣ приходо-расходныхъ. А во-вторыхъ, хотѣлъ я сказать, людей совсѣмъ не надобно исправлять и переиначивать, оно же и не удастся никогда. Умнѣе стануть,—сами кое въ чемъ поисправятся, хотя, все же, останутся людьми, а такъ съ чего же? Для удовольствія моралистовъ? И то нѣтъ. Начни люди въ самомъ дѣлѣ исправляться, моралисты первые останутся въ дуракахъ, кого же тогда исправлять?

— Отчего же вы не можете допустить, что иной разъ человѣкъ, просто жалѣя другихъ, любя ихъ, старается ихъ исправить по крайнему разумѣнію?

— Мудрено что-то. Не спрашивая человѣка, хочетъ ли онъ, можетъ ли онъ измѣниться, говорятъ ему: видишь моль, какой ты негодай, тебѣ надобно сдѣлаться вотъ такимъ отличнымъ, какъ я, развившійся подъ другими условіями, въ другомъ нравственномъ климатѣ, въ другомъ историческомъ кряжѣ, достигай же до меня, и когда достигнешь, я тебя въ награду назову *меньшимъ* братомъ и притомъ братомъ безкорыстнымъ, титулярнымъ, потому что наслѣдствомъ я буду, все-таки, пользоваться одинъ. Хороша любовь! Животныхъ люди считаютъ больше посторонними или ужъ очень дальними родственниками и съ ними умнѣе обходятся или просто на просто ихъ бдятъ или пользуются ихъ глупостью, не стараясь исказить ихъ самобытности и характера, а скорѣе признавая его. Иногда берутъ крутыя мѣры, когда звѣри на насъ смотрятъ, какъ мы на нихъ, и принимаютъ насъ тоже за съѣстной припасъ, но, вообще, откровенно

пользуются ихъ особенностями и кабальятъ ихъ въ свою крѣпостную работу. Весь пріемъ не тотъ. Отъ лошади мы требуемъ, чтобы она была хорошей лошадыю, и вовсе не стремимся стереть ея характеръ, воспитывая въ ней ея общеживотную натуру и стараясь изъ нея сначала образовать хорошаго звѣря вообще, а потомъ ея спеціальность. Нѣмцу же или англичанину толкуютъ, что онъ прежде всего *человѣкъ*, онъ и старается съ самаго начала не походить на себя. Животныхъ мы наблюдаемъ, а людямъ все внушаемъ, ну, и выходитъ вздоръ. Примѣры на всякомъ шагу. Мы знаемъ, что кошка личной собственности не признаетъ, авторитетовъ—еще меньше, что она ни къ полицейскимъ должностямъ, ни къ военной дисциплинѣ собачьей страсти не имѣетъ, и не ходимъ съ ней на охоту, не ставимъ ее сторожемъ при вещахъ, квартальнымъ при стадѣ, а, напротивъ, соглашая ея эгоистическіе вкусы съ нашей потребностью, предоставляемъ ей удовольствіе охотиться по мышамъ, которыя намъ почему-то всегда мѣшаютъ. Отчего же никто не исправляетъ кошки, не прививаетъ ей голубиныхъ добродѣтелей, не внушаетъ ей любовь къ мышамъ и птицамъ, не внушаетъ даже военнаго духа, вслѣдствіе котораго загрызть мышей должно, но ѣсть унизительно, а слѣдуетъ послѣ сраженія набрать побольше мышинныхъ труповъ и зарыть въ яму...

— Ха, ха, ха! Я, докторъ, и это запишу.

— И это будетъ такъ же бесполезно, развѣ, для препровожденія времени.

— Вы мнѣ напоминаете одного нашего генерала, который, разсуждая о революціонныхъ движеніяхъ 1848 г., говорилъ, что, по его мнѣнію, вся эта кутерьма была сдѣлана для «изощренія въ стилѣ журналистовъ».

— Не помните ли вы его фамилію?

— Нѣтъ.

— Экая досада, я записалъ бы ее. Это—умнѣйшій генераль у васъ послѣ Суворова; а вы хотѣли надъ нимъ посмѣяться!

— Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ.

«Lyon Perrache—Lyon Perrache! Les voyageurs pour Amberieux Culos, ligne de Chambéry, ligne de Genève! Changement de voiture.—Les voyageurs de l'Express—Arseille—Lyon continuent immédiatement» ¹⁾.

¹⁾ «Ліонъ Перрашъ. Вдушіе на Амберье Кюло, линію Шамбери, линію Женевы, — пересадка. Пассажиры экспреса Марсель — Ліонъ немедленно продолжаютъ путь» (выкрикъ кондуктора поѣзда).

Я вышелъ изъ кареты; люди выгружали багажъ. Я подошелъ еще разъ къ окну, докторъ протянулъ обѣ ноги на мое мѣсто и повязалъ себѣ на голову фуляръ.

Экспрессъ двинулся.

Досадно, запрутъ меня теперь въ ящикъ съ какими-нибудь часовщиками изъ Шо-де-фона или съ лѳонскими комми, «работающими въ шелкахъ», или, чего боже сохрани, съ путешествующими дамами, которыя закроютъ всѣ окна, займутъ всѣ мѣста необычайнымъ количествомъ *ручного* добра, который онѣ таскаютъ съ собой...

... Съ тѣхъ поръ, какъ поднялся вопросъ объ освобожденіи женщинъ отъ супружеской зависимости, онѣ вовсе не *крѣпки* дома и ужасно легко отрываются отъ «ложа и стола», какъ выражается римское право. Встрѣчь онѣ никакихъ не боятся, мы ихъ боимся. Сама природа, кажется мнѣ, споспѣшествуетъ къ уравниенію прекраснаго пола съ просто поломъ; Швейцарія, напр., окружаетъ, по крайней мѣрѣ, городскую часть женскаго населенія какимъ-то нѣмбомъ, удаляющимъ всякую опасность временнаго перемирія и *entente cordiale* ¹⁾ между враждебными станами.

Я замѣтилъ это (въ другой формѣ) ѣхавшему со мной члену женевскаго Большаго совѣта. Онѣ не то чтобъ очень довольны были моимъ замѣчаніемъ и совершенно неожиданно возразили:

— Но зато, какъ онѣ *свѣжи*.

Въ этомъ неоспоримомъ достоинствѣ устрицъ и сливочнаго масла искалъ онѣ облегчающей причины.

3428. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 nov. (1868). Samedi.

Zürich. Hôtel Baur.

Письмо твое получилъ. Я на четыре листа «Кол.» далъ «*bon à tirer*»; можетъ, не написалъ на послѣднемъ, но $\frac{1}{2}$ листа пятого не могу пропустить, не издавши. Чер. обѣщаль прислать сегодня, но я еще не получалъ.

Квартиру здѣсь найти легко. Вообще, цѣны дешевле женевскихъ и устройство для зимы втрое лучше: въ моей комнатѣ совершенно тепло. Вопросъ: хотятъ ли дѣйствительно Ольга и Тата заниматься? Кромѣ науки, здѣсь *ничего нѣтъ*, для науки много.

¹⁾ Сердечное согласіе.

Печальная годовщина 4 декабря¹⁾. Если ты хочешь писать, будь осторожень. Скажи, что я искренно (и это суцая правда) стремился бхать для воспитанья Лизы, но что письма Natalie и ея замѣчаніе о «мести за гробомъ» глубоко огорчили меня. Скажи, что ты пишешь, не показывая мнѣ. До сей минуты изъ Ниццы ни строки.

Я не прочь здѣсь оглядѣться, хоть недѣлю. Буду работать. Я очень радъ, что взялъ «Съ того берега». Нѣтъ, саго тіо, намъ нечего бояться суда будущаго, мы шли прямо.

Милѣйшему пану скажи, что онъ напрасно меня увѣрялъ, что «Peuple Polonais» не выходитъ. Я купилъ 5, 6, 7 №№ (отъ сентяб. до 10 ноября). Онъ во всякомъ № говорить или намекаетъ на насъ. Какъ же могъ Тхоржев. не знать, когда онъ имѣеть *déjà* у Георга? Кажется, они хотѣли бы сблизиться. Вообще, ругательствъ нѣтъ. Скажи ему, чтобъ непременно купилъ, если выйдетъ, новый №.

Здѣсь холодно и туманно. Пріѣхаль я вчера въ 5 часовъ вечера, переночевавши въ Лозаннѣ. Одиночество абсолютное мнѣ нравится. Жить въ толокѣ можно только изъ самоотверженія. Кстати, ты заставляй Генри больше заниматься дѣломъ, чѣмъ процессами, экзаменуй его иногда объ лекціяхъ и не развивай въ немъ смѣхъ: на смѣхъ надобно имѣть права и какія-нибудь способности. Прочиталъ ли онъ до конца книгу «L'histoire du travail»? Если нѣтъ, найди силу ему сказать, что онъ будетъ пустой малый. Затѣмъ ничего больше.

Пиши одно письмо сюда; оно застанетъ или будетъ переслано. Спб. газеты говорятъ, что назначеніе Ханыкова—пуфъ.

Addio.

3429. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

29 nov (1868). Dimanche.
Zürich, Hôtel Bauer.

S'il y a des endroits où vous devriez passer l'hiver—carissime Malvida,—c'est au nord de la Suisse—et toute exagération à part—c'est encore une des preuves de la nonchalance des médecins. Dans toutes les maisons habitées, comme dans ma chambre à l'hôtel je suffoque, j'ouvre au grand étonnement des femmes de chambre les fenêtres.—Ici on n'a pas besoin ni de brûler des ferêts de bois, ni de chauffer tout le jour. On fait le feu à 6 h. du matin—et à 6 le soir et cela suffit.

¹⁾ Смерть Алексѣя и Елены въ 1864 г.

J'ai visité maisons, villas, kiosques, châteaux et chalets. Il y a beaucoup *pour* et beaucoup *contre*. Zürich c'est la solitude—aggravée par M. Kinkel et M. Lion, le Polytechnicon — und nichts als d. Polytechnicon. Or la question se présente de cette manière. Si vous avez encore votre ancienne foi du principe *éveillant* de ma présence sur tout ce qui m'entoure, si vous comptez que l'unisson avec moi d'Olga—vaut quelques chose—alors il n'y a pas de doute que Zurich est possible—dans le cas—où effectivement Olga veut étudier la nature (dont l'extérieur vous plaît, mais l'étude non).—Dans le cas contraire—il faut choisir un autre endroit. Une chose reste fixe—il primo di Maggio—nous serons ensemble. Je dis avec joie, regardez comme Tata se développe dans l'entendement des choses humaines.—Olga se réveille—sans aucune fierté de ma part, je pense que je vauх—un peu Domengé et un peu Monod.—Lise a un grand talent logique, extraordinaire—mais le *chic* de sa dialectique—qui le lui a donné. Voilà tout. Je fais mon possible avec Czern., il se plaint de la semaine qui se perd en voyage. Je lui ai déjà payé plus de 600, je payerai encore 300—et voilà votre beau billet de 5% qui file, file et disparaît.

Lisez avec attention le Kolok., du 1 dek. (5 feuilles!!)—Vous retrouverez tous nos défauts, toutes nos qualités. La lettre à Ogareff me rappelle le temps de mon être «à nos amis en Russie».

J'ai relu des fragments «Vom andern Ufer»—j'en suis content comme si cela était écrit hier.

P. S. Vous recevrez vers le 10 Janvier 2000 frs.

Переводъ.

29 ноября (1868). Воскресенье.

Если существуютъ мѣста, гдѣ вамъ, дражайшая Мальвида, слѣдовало бы проводить зиму, то это—сѣверная Швейцарія, и—отбросивъ въ сторону всякое преувеличеніе,—это еще лишнее доказательство небрежности врачей. Во всѣхъ обитаемыхъ комнатахъ, какъ, напр., въ моей, я задыхаюсь, къ большому удивленію горничныхъ, раскрываю окна. Здѣсь нѣтъ надобности ни сжигать цѣлые лѣса, ни топить съ утра до ночи: топятъ въ шесть часовъ утра и въ 6 ч. вечера—и достаточно.

Я посѣтилъ дома, виллы, кіоски, замки, шалэ. Многое—*за*, но многое—*противъ*. Цюрихъ—это уединеніе, усиленное г.г. Кинкелемъ и Ліономъ; затѣмъ—Политехникумъ и ничего, кромѣ Политехникума. Значить, вопросъ нужно поставить такимъ образомъ: если вы еще сохранили старую вѣру въ оживляющее вліяніе моего

присутствія на все меня окружающее, если вы считаете, что единеніе съ Ольгою чего-нибудь да стоятъ, тогда нѣтъ никакого сомнѣнія, что Цюрихъ пріемлемъ, въ томъ, конечно, случаѣ, если Ольга дѣйствительно желаетъ изучать природу (внѣшность которой нравится вамъ, но не изученіе). Въ противномъ случаѣ надо избрать другое мѣсто.

Одно остается неизмѣннымъ—первого мая мы будемъ вмѣстѣ. Съ радостью говорю вамъ: посмотрите, какъ развивается Тата, какъ она понимаетъ все человѣческое. Ольга тоже пробуждается, и, безъ всякаго тщеславія съ моей стороны, я думаю, что я стою немного Доманже и немного Моно. У Лизы большой логическій талантъ, необыкновенный; ну, а блескъ ея діалектики—кто научилъ ее этому?

Вотъ и все. Для Черн. я дѣлаю все, что могу. Онъ жалуется на то, что въ дорогѣ терять недѣлю. Я уже заплатилъ ему болѣе 600, заплачу еще 300, и вотъ вашъ прекрасный 5% билетъ таеъ, таеъ и исчезаетъ.

Прочтите внимательно «Колоколь» отъ 1 дек. (5 листовъ!!). Вы тамъ снова встрѣтите всѣ наши недостатки и всѣ наши хорошія качества. Письмо къ Огареву напоминаетъ мнѣ время моего посланія «Братьямъ на Руси».

Я получилъ отрывки «*Vom andern Ufer*»; я доволенъ ими, какъ будто они вчера были написаны.

P. S. Около 10 января вы получите 2000 фр.

3430. Письмо къ О. А. и А. А. Герценамъ.

(30 ноября 1868).

Chère Olga!

Je pense que ta petite fièvre s'est en allée. Mais pourquoi juste le jour de naissance?—je suis donc à Zurich, Malvida te dira ce que j'en pense. J'ajoutterai qu'une des maisons de campagne qui me plaît le mieux est située hors de la ville—à une demi heure de marche de Polytechn.—a une vue extraordinaire—on voit trois ou quatre cantons—avec montagnes, lacs etc. Pour les deux étages (un grand et un petit)—le propriétaire veut 2,500 par an. C'est très bien meublé. Dans la cour il y a sa ferme—autour jardins et vignes. Pour les six mois d'hiver du 1 oct. au 1. avr. une calèche peut être louée pour aller 4 fois par jour

va et vient pour 300 frs. Je pense qu'il cédera la maison pour 2,200—alors on aura le tout pour 2,500. Je n'ai rien décidé—je rassemble les voix—et comme la tienne, selon Panofka, n'est pas mauvaise—la tienne aussi.

Des poils partout—les maisons ressemblent ici—à ces bonnets à poil—que portaient les gardes de Louis-Philippe ⁴⁾).

Отказъ тебѣ, Herr D-г., очень важенъ; онъ даетъ мѣру правительственной глупости, ну, и на имѣніе надѣяться нечего. Скоты,—я отвѣтъ напечаталъ.

Обрати вниманіе на письмо Вырубова въ «Колоколъ». Что за чудакъ! Я ему отвѣчаю въ суплементѣ⁵⁾: tu l'as voulu, Georges Dandin⁶⁾),—а дружба, вѣроятно, кончится: я его помялъ. По-моему, у васъ квартиры и жизнь безумно дороги (какъ же Mario говорила о загородной дешевизнѣ?), не торопись съ наймомъ.

Я ѣду завтра въ Женеву и черезъ нѣсколько дней въ Ниццу. Изъ Женевы буду писать. Пошлю оттуда Ге. и Заб. «Пол. Звѣзду». Осипъ Ив. очень боленъ. Я писалъ къ Квадрио. Туцъ ничего, милъ, я ему къ празднику велю купить курточку. Тх. его все также бадуеть, Ог. любить; а въ школу въ будущ. году необходимо. Мейз. тебѣ скажетъ или покажетъ, что я пишу о Цюрихѣ et quand la seconde journée Toutzorum ⁴⁾?

Терезину обнимаю.

⁴⁾ Дорогая Ольга! Надѣюсь, лихорадка твоя прошла. Но почему она выбрала какъ разъ день твоего рожденія? Итакъ, я въ Цюрихѣ. Мальвида тебѣ скажетъ, каково мое мнѣніе о немъ. Прибавлю еще, что одна изъ дачъ, которая больше всего нравится мнѣ, расположена за городомъ, въ полчаса ходьбы отъ Политехникума, и оттуда открывается изъ ряда вонъ выходящій, чудный видъ: оттуда видны три или четыре кантона съ горами, озерами и пр. За два этажа (большой и маленький) владѣлецъ требуетъ 2.500 фр. въ годъ. Дача отлично меблирована. Во дворѣ—ферма; вокругъ сады и виноградники. На 6 зимнихъ мѣсяцевъ, съ 1 окт. по 1 апр., можно нанять коляску, за 300 фр., съ условіемъ, чтобы она была къ услугамъ для выѣздовъ 4 раза въ день. Я думаю, онъ уступитъ домъ за 2.200 фр. Такимъ образомъ, мы получимъ все за 2.500 фр. Я еще ничего не рѣшилъ, собираю только голоса и, такъ какъ твой голосъ, по мнѣнію Пановки, недурень, то и твой.

Все здѣсь взлохмачено, и поэтому дома похожи на мохнатые шапки, которыя носила стража Луи-Филиппа.

⁴⁾ «Supplément du Kolokol», 15 февраля 1867 г.

⁵⁾ Ты такъ хотѣлъ, Жоржъ Дандэнъ.

⁶⁾ И когда слѣдующій день Туцевъ, т.-е. день рожденія.

3431. Lettre à N. Ogareff.

Cher ami,

Je veux te proposer ni plus ni moins qu'un «coup d'Etat,» et nommément la suspension immédiate, ou si tu aimes mieux, la prorogation indéfinie du *Kolokol*.

Notre meule s'arrête, les ruisseaux coulent ailleurs; allons chercher un autre terrain et d'autres veines.

Tu sais avec quelle persistance je tenais, depuis 1864, à la continuation du *Kolokol* — mais enfin arrivé à la conviction que son existence devient factice, artificielle, je n'en peux plus, — *l'esprit du travail s'est envolé* et je me sens totalement incapable de mettre platoniquement en mouvement notre *Cloche* pour le seul plaisir de l'entendre sonner.

Notre journal ne fut jamais un but, mais un moyen, un ustensile. Nous ne l'abandonnons pas de gaieté de coeur aux premiers mécomptes, par fatigue et légèreté; mais je ne vois pas de raison pour lui donner une existence factice de moribond—par obstination.

Tout a son temps, a dit le sage, il y a un temps pour amasser les pierres et un autre pour les jeter.

Nous avons trop longtemps suivi notre chemin pour le rebrousser; mais nous n'avons aucun besoin d'aller par le même sentier, lorsqu'il devient impraticable, lorsqu'il manque du pain quotidien. Sans correspondances suivies du pays, une feuille qui se rédige à l'étranger est impossible, sort de l'actualité, devient un bréviaire des émigrés, une récapitulation de griefs, une lamentation chronique.

La plus grande partie de nos convictions les plus chères, nous les avons dites et répétées cent fois; il y a un noyau inaltérable qui s'est formé autour d'elles. Il y a une jeunesse si profondément, si irrévocablement socialiste, si pleine de l'audace logique, si forte de réalisme dans la science et de négation dans tous les domaines du fétichisme clérical et gouvernemental, qu'il n'y a pas de crainte—*l'idée ne périra pas*.

Nous appartenons, toi et moi, à ces vieux pionniers, à ces «semeurs matineux» qui vinrent, il y a une quarantaine d'années, défricher le sol sur lequel passa la sauvage chasse aux hommes de Nicolas, écrasant tout—fruits et germes. Les semences que le petit nombre de nos amis et nous avons héritées de nos grands récurseurs en travail, nous les avons jetées dans les nouveaux sillons, *et rien ne s'est perdu*. La poussée forte et vigoureuse qui s'est montrée avec une telle exubérance pendant les

premières années du règne actuel, n'est rien moins que morte—elle travaille sous un déluge de boue, plein de détritns en putréfaction, qui serviront d'engrais pour l'avenir, mais qui étouffent le présent.

La phase du développement dans laquelle nous sommes entrés, est lourde et rude. Elle est loin de la stagnation. La germination ne s'arrête pas, mais elle a dévié. Fiévreuse, elle porte toutes les traces d'une longue incubation d'éléments maladiés, et il est bien douteux qu'on puisse la faire avancer par force sans crainte d'une crise malheureuse ou d'un avortement.

Il faut donc laisser passer la crise, il faut suivre pas à pas la nature et s'en emparer au premier instant, et avant tout il faut savoir attendre. C'est bien lourd pour les vieux—peut-être plus lourd que pour les jeunes—mais cela ne regarde que nous, nos personnes. Il le faut. N'avons, nous pas toujours prêché l'humilité devant les faits? et puis dans notre langue attendre n'a jamais voulu dire *se croiser les bras*.

La jeune génération va son train, elle n'a pas besoin de notre parole, elle est majeure et le sait. Aux autres, nous n'avons rien à dire. Maniaques d'un patriotisme demi-carnassier, demi-rhétoricien, avec leur libéralisme scrofuleux et leur lèpre de l'orthodoxie, que veux-tu que nous leur disions, si ce n'est de répéter un *memento mori*, en y ajoutant le conseil peu charitable de se hâter.

Nous nous sommes trop écartés avec l'opinion dominante en Russie pour pouvoir jeter un pont, il n'y a pas de câble atlantique assez long pour nous entendre.

En tâchant de nous aplatir jusqu'à eux, nous ferions perdre à notre journal son individualité tranchée, sa signification morale, sa physiologie si bien connue par les amis et les ennemis, depuis treize ans, depuis le temps que le son clair de la *Cloche* retentit pour la première fois, appelant les vivants, les réveillés au travail—*Vivos vocando*.

Non, nous n'avons pas le dévouement oriental qui déterminait le brave prisonnier de guerre à se couper le nez pour pousser les indécis à l'assaut...

Mille fois mieux vaut chercher une nouvelle route—et si par hasard—nous ne la trouvons pas, nous avons assez, pour le reste de nos jours, d'étudier les étranges caprices du développement historique, qui s'écarte continuellement par les chemins les plus tortueux et les plus impraticables—comme le lévrier du chasseur, et ne perd jamais sa route.

Nous quitterons tranquillement notre arène de journalistes, sans être vaincus ni dépassés. Personne n'a combattu avec nous, nos provocations ne furent jamais suivies de lutte sérieuse. Ce n'étaient pas du plomb ou des pierres que nous jetaient nos adversaires, mais quelque

chose de dégoûtant, qui se desséchait et tombait sans nous laisser de taches.

Le peu de cérémonie de nos adversaires nous étonnait d'abord, ensuite cet étonnement passa. Nous vîmes clairement qu'ils ne faisaient pas une exception pour nous, qu'ils parlaient entre eux le même jargon et encore plus avancé. Car s'ils nous détestent par envie ou par solde, ils s'entre-détestent autant, mais avec une grande dose de mépris sincère et mutuel.

La suspension du *Kolokol* fera la jubilation de nos ennemis. Le plaisir de nos adversaires *non salariés* ne sera pourtant pas si complet qu'on pourrait le penser. Je ne désespère jamais des hommes que *in extremis*. Il y a une voix intérieure qui me dit que dans leur joie il y aura des gouttes amères. Ce n'est pas par *différence d'opinions* que nous attaquaient les plus acharnés de nos ennemis,—nous l'avons vu par le choix des armes et l'impureté de leurs alliances.

Au reste, ils pourront facilement maintenant nous donner la ruade de l'âne. Autant que je pourrai je ne répondrai pas. En cas de besoin, *l'Etoile Polaire* nous donnera la facilité de la défense. Et, tout bien pris, la langue de la Cloche ne sera pas fondue—elle ne sera qu'attachée, et le bout de fil restera dans nos mains.

Encore un mot:

Il y a un an je pensais qu'une édition française pourrait remplacer le *Kolokol* russe; c'était une erreur. Notre véritable vocation était d'appeler nos vivants et de sonner le glas pour nos morts—et non celle de raconter à nos voisins l'histoire de nos tombes et de nos berceaux.

D'autant plus que cela ne les intéresse que fort médiocrement.

Le Congrès de la Paix à Berne nous montra encore une fois que, en général, la voix des Russes est assez déplacée dans les concerts de famille de l'Occident. Nous les troublons, nous avons une gaucherie de la vérité très-déplaisante, un mal-à-propos de barbares et une logique inexorable et insolente. Nous nous sommes si longtemps tus—subjugués par la force brutale—que nous disons trop dès que nous *présumons* être libres. Tout ce que nos frères aînés, dans leur sage expérience, ne touchent que *sub rosa*, par des allusions éloignées et ornées de feuilles d'acanthé et de vigne, nous sommes prêts à le crier du haut des toits.—Cela indigne et on se détourne de nos simples paroles.

Au milieu de la grande préoccupation sur la manière de formuler la théorie de la paix et les grandes préparations à la guerre—nous cesserons de sonner sans qu'on s'en aperçoive.

Voilà, cher ami, mon coup d'Etat. Le temps lui est propice—nous sommes en décembre.

Et sur cela, continuons notre chemin, bras dessus, bras dessous, comme nous l'avons commencé. Le relais n'est plus loin.

1 décembre 1868.

Переводъ.

Письмо къ Н. Огареву.

Дорогой другъ,

Я хочу предложить тебѣ не болѣе и не менѣе, какъ «государственный переворотъ», а именно—немедленное прекращеніе или, если тебѣ больше нравится, отсрочку на неопределенное время «Kolokol».

Наша мельница останавливается, ручьи текутъ въ другомъ направленіи; будемъ искать другого участка и другихъ протоковъ.

Ты знаешь, съ какимъ упорствомъ я настаивалъ съ 1864 г. на продолженіи «Колокола», но, придя, наконецъ, къ убѣжденію, что существованіе его становится дѣланымъ, искусственнымъ, я больше не могу настаивать: *утерянь духъ работы*, и я чувствую себя совершенно неспособнымъ платонически приводить въ движеніе нашъ «Cloche» только для того, чтобы имѣть удовольствіе слышать его звонъ.

Наша газета никогда не была цѣлью, но—средствомъ, орудіемъ. Мы не съ радостью въ сердцѣ прекращаемъ ее и не при первыхъ неудачахъ, вслѣдствіе усталости или легкомыслія, но я не вижу смысла давать ему искусственное существованіе умирающаго—изъ упрямства.

Всему свое время, сказалъ мудрецъ; есть время, когда нужно собирать камни, и есть другое—когда нужно ихъ бросать.

Мы слишкомъ долго шли по своей дорогѣ, чтобы возвращаться вспять; но намъ нѣтъ нужды итти по той же тропинкѣ, когда она становится непроходимой, когда нехватаетъ насущнаго хлѣба. Безъ непрерывныхъ корреспонденцій съ родины заграничный журналъ невозможенъ: онъ теряетъ связь съ современностью, становится требникомъ эмигрантовъ, повтореніемъ жалобъ, постояннымъ воплемъ.

Что касается большей части нашихъ самыхъ дорогихъ убѣжденій, то мы ужъ сто разъ высказывали ихъ и повторяли; вокругъ нихъ образовалась неизмѣнное ядро. Есть молодежь, такъ глубоко, такъ безповоротно преданная социализму, столь богатая смѣлой логикой.

столь сильная научнымъ реализмомъ и отрицаніемъ во всѣхъ областяхъ клерикальнаго и правительственнаго фетишизма, что бояться нечего—*идея не погибнетъ*.

Мы съ тобой принадлежимъ къ тѣмъ старымъ піонерамъ, къ тѣмъ «святителямъ», которые вышли рано поутру, лѣтъ сорокъ назадъ, чтобы распахать землю, по которой пронеслась дикая николаевская охота на людей, раздавивъ все—плоды и почки. Сѣмена, которыя достались въ наслѣдство небольшому числу нашихъ друзей и намъ отъ нашихъ великихъ предшественниковъ, мы бросили въ новыя борозды, *и ничто не погибло*. Сильные и крѣпкіе ростки, показавшіеся въ такомъ изобиліи въ первые годы настоящаго царствованія, далеко не умерли; они работаютъ подъ слоемъ грязи, полной гніющихъ остатковъ, которые послужатъ удобреніемъ для будущаго, но душатъ настоящее.

Та фаза развитія, въ которую мы вступили, тяжела и сурова. Она далека отъ застоя. Прорастаніе не останавливается, но оно измѣнило путь. Оно идетъ лихорадочно, на немъ видны слѣды долгаго скрыванія болѣзненныхъ явленій, такъ что сомнительно, чтобы можно было силою ускорить его, не боясь роковаго кризиса или неудачи.

Надо поэтому дать кризису пройти, надо слѣдовать шагъ за шагомъ за природой и овладѣть ею при первой возможности, а прежде всего надо умѣть ждать. Это очень тяжело для стариковъ—можетъ быть, тяжелѣе, чѣмъ для молодыхъ, но это касается только насъ лично. Это необходимо. Развѣ мы не проповѣдывали всегда смиреніе передъ фактомъ? и потомъ ждать—на нашемъ языкѣ никогда не означало *сидѣть сложа руки*.

Новое поколѣніе идетъ своимъ путемъ, оно не нуждается въ нашихъ словахъ, оно достигло совершеннолѣтія и знаетъ это. Другимъ намъ нечего сказать. Маньяки полу-хищнаго, полу-риторическаго патріотизма, съ ихъ золотушнымъ либерализмомъ и проказой православія,—что можемъ мы сказать имъ, если не повторять *memento mori*, прибавляя безжалостный совѣтъ поторопиться?

Мы слишкомъ далеко ушли отъ господствующаго въ Россіи мнѣнія, чтобы перебросить мостъ; нѣтъ настолько длиннаго кабеля, чтобы насъ могли слышать.

Стараясь стать въ уровень съ ними, мы погубили бы рѣзкую индивидуальность своего журнала, его нравственное значеніе, его фізіономію, столь знакомую нашимъ друзьямъ и недругамъ въ теченіе 13 лѣтъ, съ того времени, какъ впервые прозвучалъ ясный звонъ нашего

«Колокола», призывая живыхъ и проснувшихся къ труду—Vivos vocando ¹⁾).

Нѣтъ, въ насъ нѣтъ восточнаго самопожертвованія, которое заставило храбраго плѣнника отрѣзать себѣ носъ, чтобы побудить нерѣшительныхъ...къ атакѣ...

Въ тысячу разъ лучше искать новую дорогу, а если случайно мы не найдемъ ея, то намъ хватить дѣла до конца дней, если будемъ изучать странные капризы историческаго развитія, которое все время сворачиваетъ на самыя извилистыя и непроходимыя дорожки, какъ заяцъ отъ охотника, но никогда не теряетъ своего пути.

Мы спокойно покинемъ арену журналистики, не будучи ни побѣждены, ни превзойдены. Никто не сражался съ нами, наши вызовы никогда не сопровождались серьезной борьбой. Не свинцомъ и не камнями бросали въ насъ наши противники, но чѣмъ-то отвратительнымъ, что высыхало и падало, не оставляя на насъ пятенъ.

Отсутствіе церемоній въ нашихъ противникахъ сначала удивляло насъ, потомъ это удивленіе прошло. Мы ясно видѣли, что они не дѣлали для насъ исключенія, что они и между собой говорили на томъ же жаргонѣ, даже еще крѣпче. Ибо если они ненавидятъ насъ изъ зависти или за плату, то они столько же ненавидятъ другъ друга, но еще съ большой дозой искренняго и взаимнаго презрѣнія:

Прекращеніе «Колокола» вызоветъ ликование нашихъ враговъ. Но удовольствіе нашихъ противниковъ, *не состоящихъ на службѣ*, не будетъ столь полнымъ, какъ можно было бы ожидать. Я отчаиваюсь въ людяхъ только въ крайнихъ случаяхъ. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что въ ихъ радости будутъ горькія капли. Наши самыя свирѣпыя враги нападали на насъ не вслѣдствіе различія мнѣній—мы видѣли это по выбору оружія и по отсутствію брезгливости, съ которою они заключали союзы.

Впрочемъ, имъ легко теперь лягать насъ своимъ ослинымъ копытомъ. Я, по возможности, не стану имъ отвѣчать. Въ случаѣ нужды «Полярная Звѣзда» поможетъ намъ защищаться. Въ всякомъ случаѣ, языкъ «Колокола» не будетъ расплавленъ—онъ будетъ только привязанъ, но конецъ веревки останется въ нашихъ рукахъ.

Еще одно слово.

Годъ тому назадъ я думалъ, что французское изданіе можетъ замѣнить русскій «Колоколь»; это была ошибка. Нашимъ истиннымъ призваніемъ было звать своихъ живыхъ и отпѣвать усопшихъ, а не

¹⁾ Призывая живыхъ

разсказывать своимъ сосѣдямъ исторію нашихъ могиль и колыбелей.

Тѣмъ болѣе, что они весьма умѣренно интересуются этимъ.

Бернскій мирный конгрессъ показалъ намъ еще разъ, что русскій голось, вообще, помѣщенъ на заднемъ планѣ на семейныхъ концертахъ Запада. Мы смущаемъ ихъ, въ насъ есть неуклюжесть несносной искренности, безтактность варваровъ и неумолимая и наглая логика. Мы такъ долго молчали, подавленные грубой силой, что становимся слишкомъ разговорчивыми, какъ только *считаемъ* себя свободными. Обо всемъ, чего наши старшіе братья, искушенные мудрымъ опытомъ, касаются только *подъ секретомъ*, при помощи отдаленныхъ намековъ, украшенныхъ листьями аканты и винограда, мы готовы кричать съ высоты крышъ. Это возмущаетъ, и они отворачиваются отъ нашихъ простыхъ словъ.

Среди размышлений о томъ, какъ лучше формулировать теорію мира, и среди великихъ приготовлений къ войнѣ мы перестанемъ звонить, и никто этого не замѣтитъ.

Вотъ, дорогой другъ, мой «государственный переворотъ». Время благоприятствуетъ ему—у насъ декабрь ¹⁾.

И, тѣмъ не менѣе, будемъ продолжать свой путь, рука объ руку, какъ мы начинали его. Недалека уже смѣна.

1 декабря 1868.

3432. A nos ennemis.

Si nous pouvons nous permettre de quitter nos amis *à la française*, nous ne voulons pas nous séparer de nos ennemis sans adieux. Heureusement, un article publié dans une revue rédigée par le *Katkov* de la *Gazette de Moscou* nous offre une bonne occasion. Cet article, intitulé *La presse russe à l'étranger*, faisant l'éloge d'un dernier ouvrage de N. Tourgenef, nous rudoie et coudoie—comme il fallait s'y attendre d'un *ad latus* du rédacteur homme d'état.

Eh bien, nous parlerons aussi de *la presse russe à l'étranger*. Malheureusement, et j'en fais toutes mes excuses possibles à nos lecteurs, je dois commencer par moi-même.

J'ai quitté la Russie en 1847. Il y avait alors un mouvement intellectuel très-remarquable, qui se faisait jour par toutes les fentes, par

¹⁾ Намекъ на государственный переворотъ 2-го декабря 1851 г., произведенный Наполеономъ III.

tous les pores, à travers les doigts de Nicolas. Il n'y avait pas de littérature de dénonciation pour aider la police; le gouvernement, très-ignorant, sévissait, offensait—et le mouvement allait son train. La léthargie qui pesait sur la partie éclairée de la Russie, depuis 1825, était finie—*on se réveillait*. L'Université de Moscou, rétrograde et servile maintenant, était à l'apogée de sa gloire. Les doctrines panslavistes à Moscou, le fouriérisme à Pétersbourg et les tendances de la jeunesse vers le réalisme des sciences naturelles témoignaient de ce travail intérieur comprimé, mais énergique, actif. La voix d'une ironie implacable, d'une auto-accusation dans laquelle, au milieu de reproches, de remords, d'indignation, on sentait la force, la vigueur d'une jeunesse non entamée, s'élevait dans la littérature,—irrésistible, entraînant tout.

Ce temps a commencé avec les écrits de Gogol, avec les articles de Belinsky, vers 1840. Le mouvement actuel trouva sa racine, son germe dans cette période pleine d'activité, d'initiation, de poésie et d'entrain.

On a beau être renégat, on n'abjure pas facilement les rêves de la jeunesse par des raisons d'Etat. Et je suis convaincu que Katkoff ne se sent pas trop à l'aise, lorsqu'il se rappelle de ces années, *avant la chute*, lui si intimement lié avec Belinsky, lui qui fréquentait si souvent notre cercle chez Ogareff. Traîner dans la boue la religion d'un autre temps, jeter l'injure et la calomnie aux hommes que l'on estimait, *et qui n'ont pas changé*, et cela non par fanatisme, mais par des considérations de position, d'office...est un chien de métier. Que de souvenirs incommodes! que de rencontres ressemblant à des remords de conscience!

Tout changea avec la révolution de février.

Il est inutile de tracer encore une fois le triste tableau des temps sombres de la terreur noire, sans merci, mesquine et féroce qui suivirent, en Russie, 1848. Je l'ai déjà fait beaucoup de fois. La censure reçut l'ordre de refuser *l'imprimatur* à tous mes articles, sans distinction; la correspondance était impossible, les passeports pour l'étranger ne se délivraient presque pas. Isolé, désœuvré je m'attelai, vers la fin de 1849, avec Proudhon, à *la Voix du Peuple*.—Une couple de mois plus tard elle était étouffée, on m'expulsa de France en 1850.

Ne sachant où aller, où rester, je voulais, après l'Italie, passer quelques jours en Angleterre—et j'y restai plus de dix ans.

C'est dans la solitude *sui generis* de Londres, dans ce désert surpeuplé, que je voyais tous les jours plus clairement que je n'avais rien à faire dans ce milieu des naufragés ou le sort m'avait jeté. L'ignorance des questions sociales, l'orthodoxie formaliste des prêtres de la révolution, leurs idées arrêtées, arriérées, les utopies plus redoutables que

l'insolence des conservateurs, tout ce monde qui fermentait, qui se décomposait autour de moi, me fit encore une fois penser à Proudhon. Je lui proposai de venir en Angleterre et d'y fonder ensemble une grande revue socialiste. Il acceptait le projet; mais craignant la locomotion comme tous les vrais Français, il ne voulait pas quitter Paris.

Quelques mois après il était obligé de fuir en Belgique—et moi je retrouvai enfin mon *ancree de salut*. Rien de nouveau: c'était l'idée fixe, la pensée directrice de mon adolescence, de ma jeunesse, de toute ma vie—*la propagande russe*.

J'organisai à Londres l'imprimerie libre, et dès l'automne de 1853 j'imprimais, j'imprimais sans le moindre succès. Les cartes se tournèrent avec la mort de Nikolas, le grand tué de Sébastopol.

Tout ce qui aspirait à la liberté, tout ce qui se pressait de sortir à la lumière, d'en finir avec le mutisme imposé, se tourna vers *la presse de Londres*. Son succès était colossal.

En 1856, Ogareff quitta la Russie et vint partager mes travaux. C'est lui qui proposa de publier le *Kolokol* à côté de *l'Etoile Polaire*. Dès ce moment je puis parler au nom de nous deux.

D'abord écoutons les aveux du collaborateur de Katkoff:

«On se souvient certainement de l'entraînement et de l'intérêt qu'excitaient alors (1857—1863) les imprimés russes qui paraissaient à l'étranger. Ils étaient lus par les hommes des plus diverses positions sociales, par les vieux et les jeunes, par les savants et les ignorants. Les uns cherchaient en eux les résultats finals de la sagesse européenne et l'explication des questions obscures de la vie russe; d'autres, particulièrement les jeunes gens, voyaient dans ces écrits comme l'accomplissement du sacerdoce de la parole libre, l'amour pour le prochain opprimé, la lutte contre l'injuste et l'arbitraire; il y en avait qui éprouvaient un plaisir de trouver des remarques bien appointées et bien aiguës contre leurs rivaux; d'autres, enfin, qui lisaient par mode. Les libraires exploitaient d'une manière adroite la veine. Les grandes routes, à l'étranger, étaient parsemées d'éditions russes, on pouvait les avoir dans chaque librairie, dans les hôtels, les cafés, les débarcadères, même dans les voitures de chemins de fer.

«Les meneurs des éditions étrangères étaient alors à l'apogée de leur gloire et de leur puissance; ils étaient entourés de l'auréole des martyrs; ils attiraient par le mystère, par *la pureté supposée des motifs et des buts*, par la nouveauté du verbe libre, plein de passion et de sarcasmes allant droit au but».

Nous pourrions remercier notre éloquent adversaire, s'il n'y avait pas des aspics cachés sous les fleurs de son bouquet.

Si nous avons eu des succès, c'est parce que nous exprimions la pensée russe, la pensée de tous les réveillés chez nous; parce qu'on sentait le même battement de coeur. «Vous avez, me disait un ultrapanslaviste très-connu, contrairement à l'expression de Danton, emporté à l'étranger la terre de votre patrie sous votre semelle, et c'est pour cela que, ne partageant pas vos idées, nous ne pouvons pas nous détacher de vous.» Mais qui donc a soupçonné la pureté de nos motifs? qui a découvert nos buts équivoques?

Et quels pouvaient donc être ces motifs qui nous ont fait abandonner la patrie, en laissant une grande partie de nos biens dans les griffes du gouvernement et travailler pour elle une quinzaine d'années? Katkoff n'est pas assez naïf pour croire que l'imprimerie, à Londres, était une bonne affaire de finance, comme l'imprimerie du *Messenger russe*; ou que la rédaction du *Kolokol* était subventionnée par un comité polonais ou un *dissident russe*. Est-ce qu'il pense, par hasard, que nous avons le monopole des annonces démocratiques et sociales? Il ne le pense pas.—Eh bien! qu'il fasse un petit effort sur lui-même et qu'il nous dise la vérité; il a tant calomnié, tant inventé, noirci, qu'une faible débauche de vérité ne lui fera pas perdre ses habitudes. Qu'il nous dise donc en quoi notre pureté politique est suspecte, en quoi nos buts sont douteux?

Il est vrai que Katkoff nous a inculpés d'avoir incendié une partie de Pétersbourg et une partie de toutes les villes de la Russie; mais c'était une ruse de guerre contre nous et les nihilistes, contre nous et la jeunesse russe. C'est que aussi nous avons été coupables, non d'avoir brûlé la Russie, mais d'avoir ridiculisé Katkoff lorsque d'anglomane borné il devint un absolutiste effréné.

Il se vengea, et cela avec une richesse d'imagination que nous ne lui soupçonnions pas. Le roman de l'agence de Toultscha est de toute beauté—il y a là le Comité international, la révolution universelle, Mazzini et un banquier de Londres avec l'initiale T. et, par-dessus, il y a là aussi notre agent, V. Kelsieff.

Or, Katkoff ne prévoyait pas le repentir de Kelsieff. Imprimant les articles de Kelsieff dans sa revue, il le désignait comme un des chefs de la bande noire envoyée par nous pour incendier, je ne sais quoi—le Danube peut-être. Kelsieff, comme l'aôtre Paul, converti sur une grande route, est retourné en Russie; il aime à bavarder de sa carrière révolutionnaire, de sa conversion miraculeuse. Mais Katkoff s'est

bien gardé de le questionner sur le fond de la chose concernant l'agence de Toultscha.

Et à quoi bon? La farce a été jouée; les hommes intelligents haussèrent les épaules, mais la canaille réactionnaire le crut.

Ici je demande au lecteur la permission de faire une petite digression.

Un rouge des rouges me racontait un jour, à Londres, ses exploits civiques pendant la révolution de février. Lorsque le peuple s'était installé aux Tuileries, Marrast ou Caussidière donna au rouge en question la mission de veiller sur la propriété de Louis-Philippe. Il arriva au palais, et, immédiatement, avec le coup d'oeil d'un commandant et le savoir-faire d'un commissaire de police, il prend ses mesures.

Au moment où il maltraitait un homme qui avait pris un album, si je ne me trompe, et qu'il menaçait de le faire fusiller, un homme sort de la foule et prend énergiquement la défense de l'individu. Il parla si bien, que la majorité commençait à prendre parti pour lui.

«Je vis, continua l'écarlate, que les affaires allaient tourner. Alors tout d'un coup je m'écrie: «Ah! c'est toi, misérable!» L'autre s'arrête tout court. «Tu oses paraître ici! Citoyens, je le connais, c'est un mouchard payé par les partisans du tyran déchu». L'individu s'élançe contre moi, veut parler, mais la foule se jette sur lui, l'entraîne, et c'est ainsi que je parvins à rétablir l'ordre.

— Est-ce que réellement c'était un mouchard? demandai-je avec une naïveté hyperboréenne.

— Et qu'en sais-je, moi. C'était pour la première fois que je voyais ce gaillard; il fallait me défaire de lui.

— Pourtant le peuple pouvait le pendre à la première lanterne.

— C'eût été tant pis pour lui. Dans ces bagarres-là on ne regarde pas de si près». Et il prit une prise de tabac.

Eh bien, Katkoff était dans une de ces bagarres, il fit passer ses adversaires pour des incendiaires. Des hommes ont été persécutés, envoyés en Sibérie, c'est triste, mais on ne regarde pas de si près... Et je ne sais pas si Katkoff prise.

Pendant qu'on nous faisait perdre l'haleine en soufflant sur des charbons, un autre incendie, bien plus important, s'allumait en Pologne.

Ah! nous y sommes, diront nos adversaires en souriant.

Oui, nous y sommes.

Nous avons écrit pour la Pologne, nous écrirons encore. Le malheur n'est pas pour nous un droit suffisant pour amener l'abandon. Chaque jour, chaque événement, chaque feuille russe, justifie la position que nous avons prise. Le système implacable d'achever la victime,

de dépecer le blessé, de lui arracher tout, jusqu'à la langue, nous dégoûte, ainsi que le rôle odieux que jouent les journaux rédigés par des coquins à la solde, ou par des maniaques désintéressés, par des mouchards par position ou *des grecs* par religion. On connaît trop peu à l'étranger les détails de cette presse obscène, dans laquelle on dénonce journallement les enfants qui parlent le polonais, les jeunes filles qui ne dansent pas avec les officiers russes, dans laquelle on dénonce les larmes des femmes, la tristesse des hommes.

Nous avons protesté contre la persécution inhumaine du gouvernement, nous avons protesté contre cette littérature dépravée de sbires et d'aides bourreaux qui n'a pas eu de précédents chez nous, et c'est un titre qui nous sera escompté lorsque la Russie se dégriserà.

Maintenant veut-on savoir quelle est notre opinion sur le fond de la question? Qu'on se donne la peine de parcourir la série de *Lettres sur la Russie et la Pologne*, dans le *Kolokol*, en 1859 et 1860. Nous ne voulons pas répéter à chaque éclaboussure que nous recevons notre *credo*. Il a été imprimé, qu'on le lise.

Nous avons toujours sympathisé avec les Polonais et *jamais subi leur influence*.

C'est avec un dédain sans bornes et avec un rire fou que nous lisons les balivernes et les niaiseries d'un général russe qui, servant sa patrie par le glaive et la plume, a publié, *en exécutant la volonté* du grand exécuteur Mouravieff, une histoire détaillée de l'émigration polonaise et de la dernière insurrection. Ce brave guerrier des enquêtes nous fait jouer tantôt le rôle de je ne sais quelles marionnettes dans les mains des Polonais, tantôt celui de dictateurs occultes.

Nous sommes trop nous-mêmes pour être facilement influencés. Notre estime pour Lelevel, notre amitié pour Worcell, n'allaient pas jusqu'à devenir leur porte-voix. Que l'homme qui me reproche les paroles prononcées sur la tombe d'un ami, me montre en quoi il a vu dans ces larmes l'influence polonaise. Est-ce que par hasard tout ce qui est humain s'appelle être polonais?

Nous avons été contre la prise d'armes en 1863. Aucun encouragement, *aucune promesse* ne sont venus de nous. Nous défions de donner une seule preuve, une seule.—Pour tant de choses désobligeantes que nous avons dites, ce n'est pas trop demander.

Je pourrais m'arrêter ici, mais à côté des coups de massue, nos adversaires ont encore des coups d'épingles; à côté des coups de dents des loups-cerviers, des piqûres des loups de draps de lit. Nous sommes

trop égalitaires pour donner toute la préférence aux mensonges de gros calibre et aux calomnies monstres.

Le grand inconvénient de ces loups domestiques, c'est qu'on descend avec eux des généralités dans les cancan. Mais aussi on ne monte pas l'échelle de Jacob avec maître Katkoff *und seinen Gesellen*.

Le quidam du *Messenger* trouve que, parmi les causes qui ont fait déprécier la presse russe à l'étranger, il faut compter les révélations intimes, «qui dévoilèrent sous la couronne des martyrs ¹⁾, *une forte dose d'amour-propre et d'égoïsme*, qui montrèrent que *l'amour pour l'opprimé et la haine pour le mal, n'empêchaient pas de rester fort confortablement à Londres ou aux bords du Léman, en envoyant tranquillement des jeunes gens à leur perte et en répondant aux reproches par des sarcasmes*». Le manque de logique de la dernière accusation n'en couvre pourtant pas l'idée, et nous croyons nécessaire d'élucider un peu, non la question naïve et enfantine d'égoïsme et d'amour-propre, mais bien la seconde.

Nous n'avions pas de complot, mais une imprimerie; nous faisons tout au grand jour; nous avons *la voix russe libre* et nous tâchions de la faire entendre le plus loin possible; nous avons *la Cloche* pour sonner les matines, pour appeler les vivants, les croyants, pour réveiller les endormis.

C'est peut-être très-mal que nous nous soyons bornés à ce rôle—mais c'est un fait.

Si nous en avions eu besoin, nous aurions, sans scrupule, envoyé des émissaires et cela en restant à Londres ou à Genève. C'est la plus simple division du travail, l'un va, l'autre reste... selon l'utilité, l'aptitude ou l'accord commun. Lorsque Katkoff poussait au gibet, aux travaux forcés les Polonais, les nihilistes, il n'est pas allé chez son héros à Wilna, pour tirer les jambes des pendus, ou conduire de la forteresse de Pétersbourg, le knout à la main, les déportés en Sibérie. Il se résigna au rôle de pourvoyeur du bourreau, non-seulement assis confortablement non loin du «lac des patriarches,» dans son cabinet, mais recevant comme récompense l'adulation du club anglais et l'amitié du tzar russe. Et Aksakoff, le stréletz-pope, lorsqu'il faisait appel aux armes, ne changea pas sa plume byzantine pour un fusil: il continua tranquillement d'officier dans le réfectoire orthodoxe de sa rédaction.

Quels sont donc ces jeunes victimes, ces missionnaires que nous avons «poussés à leur perte»? Serait-ce toujours ce pauvre Kelsieff?

¹⁾ Comme si nous nous faisons passer pour des martyrs? Où et quand? A. H.

Solo, solissimo. Il a donc raconté lui-même dans son livre que nous lui avons déconseillé l'émigration, qu'il est allé de son gré à Moscou et à Touloucha, et enfin il n'a pas trouvé sa perte, *mais son salut.*

Est-ce qu'on sous-entend Michailoff, le grand martyr du règne? Nous l'avons conjuré de ne pas imprimer sa proclamation. Le gouvernement l'a tué, *mais il y a des témoins vivants.*

Serait-ce le jeune officier de marine, enfant enthousiaste qui, par une délicatesse que nos adversaires ne comprendront pas, emportait *sans nous dire un mot* une masse d'imprimés?

Avant d'inculper, avant de dénoncer, prenez quelques leçons à la préfecture de Paris, dans cette grande académie de la moucharderie.

Il y avait des imprudents, des têtes chaudes,—qui, comme Isaac, semblaient aller se sacrifier—et restaient sain et sauf. Ils en parlaient à nous comme à tout le monde.

En 1863, par exemple, un jeune officier russe vint me voir à Teddington. Après quelques paroles insignifiantes, il me dit qu'il avait un secret à me confier. «Je me suis décidé à tuer publiquement Mouravieff et à me livrer». Il s'arrêta en croisant les bras sur sa poitrine.

Comme ce n'était pas mon affaire ni d'encourager les coups de justice improvisés, ni de détourner le sabre du sein de ce brave capitaine, je me bornai, voyant qu'il se taisait, à lui dire:

— Eh bien?..

— Comment, *eh bien?* me dit l'officier un peu interdit.

— Eh bien! pourquoi venez-vous me dire cela?

— C'est que j'ai voulu savoir votre opinion à ce sujet. Il commençait à se fâcher.

— Au lieu de faire une théorie sur l'assassinat, je vais vous raconter une anecdote très-vieille, mais très-bonne (Que de fois après j'ai eu occasion de la citer). Un jeune chambellan, après avoir conduit Charles-Quint visiter le Panthéon de Rome, dit au souper à son père: «Lorsque j'étais sur la coupole avec l'empereur, l'idée me vint de le pousser».—«Malheureux! s'écria son père, écumant de rage, pas un mot de plus!» Le fils se tut. «Jeune homme, lui dit son père lorsqu'ils furent seuls, on peut avoir de ces idées, on peut quelquefois les exécuter, mais jamais en parler.»

Mon Carl Sand *in spe* me quitta très-peu édifié. Un mois après il était à Dresde (non à Wilna) et racontait mystérieusement à qui voulait l'entendre qu'il allait en Pologne avec *une mission importante qu'il tenait de nous...* et toutes ces choses nous restaient sur le dos.

Le *Messageur* de Katkoff va plus loin (Prenez garde, lecteurs, deux marches plus bas, et dans la boue). Après avoir cité une brochure crasseuse, qui sent à distance l'eau-de-vie de la police et l'oignon du clergé¹⁾ il continue: «*Dans les révélations que l'on publie à l'étranger, se trouvent à chaque pas des faits dans le genre de détournements d'argent, d'abus de confiance, des produits de collectes escamotés.*»

Ces inculpations on les fait planer avec préméditation et assez adroitement sur toute l'émigration. Et pourtant les seules fois que nous avons été mêlés à des filouteries et à des escamotages, c'est lorsqu'on nous a carottés. Par exemple, le gouvernement russe s'est emparé, en 1850, d'une somme de 10.000 francs qui m'appartenait, il a pris tout mon revenu depuis ce temps. Un littérateur russe non émigré, étant très-lié avec Ogareff, lui a volé une somme de plus de cent mille francs. C'est très-bête d'être dupe, j'en conviens, mais on ne gagne pas pour cela l'honneur d'être escroc.

Au lieu de nous jeter la boue et les calomnies, pourquoi n'attaquent-ils pas sérieusement nos principes? Il est facile de dire d'un air de magister d'école: «Le temps du socialisme est passé». Et cela le lendemain du Congrès de Bruxelles, le lendemain de la grève de Genève, à deux pas du mouvement des ouvriers allemands,—et cela au milieu du réveil des questions sociales avec une force décuple, dans toute l'Europe, sans en excepter l'Angleterre...

Et quel moyen misérable de nous faire passer pour ennemis de la Russie, parce que nous attaquons le régime actuel. Serfs non affranchissables, ils n'ont aucune idée de l'indépendance humaine. Que de fois nous leur avons expliqué que les hommes de 93 n'étaient pas des ennemis de la France, et que nos Décembristes de 1825 aimaient passionnément la Russie. C'est du grec pour eux; le bon valet est le valet obéissant, muet, passif, ou faisant l'éloge de la main qui le châtie.

En parlant de mon article sur le Congrès de Genève: «Voilà, s'écrie le *Messageur*, un défenseur inattendu de la Russie». Mais qu'ai-je donc fait pendant toute ma vie en Russie, hors de Russie? Comme si notre existence à nous, était quelque autre chose qu'une défense non interrompue de la Russie, du peuple russe contre ses ennemis à l'intérieur et à l'extérieur, contre les tarés, les imbéciles, les fanatiques, les gouvernants, les doctrinaires, les laquais, les vendus, les fous, les Katkoff et les autres sabots sur la roue du progrès russe?

¹⁾ «*Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничныя русскіе дѣятели.* Изданіе второе. Берлинъ, 1868. А. Н.

Amables hiboux de la vollère de la Pallas classique, un peu plus d'esprit, s'il vous plaît, et allez vous coucher!—Il commence à faire jour!

Переводъ:

Нашимъ врагамъ.

Если мы можемъ позволить себѣ покинуть своихъ друзей à la française ¹⁾, то мы не хотимъ разстаться со своими врагами, не простившись съ ними. Къ счастью, статья, напечатанная въ журналѣ, который издаетъ Катковъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей», представляетъ намъ удобный случай. Эта статья, озаглавленная «Русская печать за границей», расхваливая послѣднюю книгу Н. Тургенева, ругаетъ и толкаетъ насъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ ad latus редактора и государственнаго мужа.

Хорошо, мы тоже будемъ говорить о *русской печати за границей*. Къ сожалѣнію, я долженъ, всячески извиняясь передъ нашими читателями, начать съ самого себя.

Я покинулъ Россію въ 1847 г. Уже тогда было очень замѣтное умственное движеніе, которое просвѣчивало сквозь всѣ щели, сквозь всѣ поры, сквозь пальцы Николая. Литературы доносовъ, на помощь полиціи, не было; крайне невѣжественное правительство свирѣпствовало, оскорбляло, а движеніе шло своимъ чередомъ. Летаргія, которая давила образованную часть Россіи, кончилась послѣ 1825, *начинали просыпаться*. Московскій университетъ, нынѣ ретроградный и рабскій, былъ въ апогеѣ своей славы. Панславистскія доктрины въ Москвѣ, фурьеризмъ въ Петербургѣ и стремленія юношества къ реализму естественныхъ наукъ свидѣтельствовали объ этой внутренней работѣ—подавляемой, но въ то же время энергичной, дѣятельной. Голось неумолимой ироніи и самообвиненія, въ которомъ, среди упрековъ, угрызеній совѣсти, негодованія чувствовалась сила, крѣпость неизуродованной молодости, поднимался въ литературѣ, непреодолимо увлекая все.

Это время началось произведеніями Гоголя, статьями Бѣлинскаго, около 1840. Современное движеніе нашло свой корень, свой зародышъ въ этомъ періодѣ, полномъ дѣятельности, инициативы, поэзіи и увлеченія.

¹⁾ По-французски, т.-е. не простившись.

Каким бы **ренегатомъ** человекъ ни былъ, но не легко отречься отъ мечтаній юности ради государственныхъ соображеній. И я увѣренъ, что Катковъ чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, когда вспоминаетъ объ этихъ годахъ, *до паденія*,—онъ, связанный такой тѣсной дружбой съ Бѣлинскимъ, онъ, такъ часто посѣщавшій нашъ кружокъ у Огарева. Тащить по грязи религію иного времени, бросать оскорбленія и клевету на людей, которыхъ уважалъ *и которые не измѣнились*—и все это не изъ фанатизма, но по соображеніямъ своего положенія, своей должности... это—собачье ремесло. Сколько неудобныхъ воспоминаній! Сколько встрѣчь, похожихъ на угрызенія совѣсти!

Все перемѣнилось послѣ февральской революціи.

Безполезно еще разъ рисовать печальную картину мрачныхъ временъ черного террора, беспощаднаго, низкаго и ожесточеннаго, который наступилъ въ Россіи послѣ 1848. Я уже много разъ дѣлалъ это. Цензура получила приказаніе не давать разрѣшенія всѣмъ моимъ статьямъ, безъ различія; переписка была невозможна, заграничные паспорта почти не выдавались. Одинокій, оторванный отъ работы, я пристроился въ концѣ 1849, вмѣстѣ съ Прудонъ, къ «*La Voix du Peuple*». Мѣсяца черезъ два изданіе было задушено, и меня изгнали изъ Франціи въ 1850.

Не зная, куда ѣхать, гдѣ основаться, я рѣшилъ, послѣ Италіи, провести нѣсколько дней въ Англіи—и *прожилъ тамъ болѣе десяти лѣтъ*.

Именно въ этомъ лондонскомъ своеобразномъ уединеніи, въ этой перенаселенной пустынѣ я съ каждымъ днемъ сталъ все яснѣе видѣть, что мнѣ нечего дѣлать въ этой средѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, куда судьба меня забросила. Незнаніе социальныхъ вопросовъ, формальная ортодоксія жрецовъ революціи, ихъ неподвижныя, отсталыя идеи, ихъ утопіи, болѣе страшныя, чѣмъ наглость консерваторовъ, весь этотъ міръ, который бродилъ и разлагался вокругъ меня, заставилъ меня еще разъ подумать о Прудонѣ. Я предложилъ ему пріѣхать въ Англію и основать тамъ сообщество большой социалистической журналъ. Онъ одобрилъ мой проектъ, но, боясь, какъ всѣ настоящіе французы, перемѣны мѣста, не захотѣлъ покинуть Парижъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ принужденъ бѣжать въ Бельгію, а я обрѣлъ, наконецъ, свой *якорь спасенія*. Ничего новаго: моей неотступной мыслью, которая управляла моею юностью, молодостью, всей моею жизнью была *русская пропаганда*.

Я основалъ въ Лондонѣ Вольную типографію и, начиная съ осени 1853, печаталъ и печаталъ безъ малѣйшаго успѣха. Карты перемѣнились со смертью Николая, великой жертвы Севастополя.

Все, что стремилось къ свободѣ, все, что снѣжало выйти на свѣтъ и покончить съ насильственной нѣмотой, повернулось къ *лондонской печати*. Ея успѣхъ былъ колоссаленъ.

Въ 1856 г. Огаревъ покинулъ Россію и пріѣхалъ, чтобы раздѣлить мои труды. Онъ предложилъ издавать «Колоколь» параллельно съ «Полярной Звѣздой». Съ этого времени я могу говорить отъ имени насъ обоихъ.

Сначала выслушаемъ признаніе сотрудника Каткова:

«Многіе, вѣроятно, помнятъ, какое увлеченіе и какой интересъ возбуждали тогда (1857—1863 г. г.) русскія изданія, появлявшіяся за границей. Ихъ читали люди самаго различнаго общественнаго положенія; старики и молодежь, ученые и невѣжды. Одни искали въ нихъ окончательныхъ выводовъ европейской мудрости и объясненія темныхъ вопросовъ русской жизни; другіе, преимущественно, молодежь, видѣли въ этихъ произведеніяхъ осуществленіе служенія свободному слову, любовь къ угнетенному ближнему, борьбу съ несправедливостью и произволомъ, были и такіе, которымъ пріятно было увидѣть въ печати колкія замѣчанія по адресу ихъ соперниковъ; наконецъ, нѣкоторые читали ихъ просто изъ моды. Книгопродавцы ловко пользовались этимъ успѣхомъ: всѣ пути сообщенія за границей кишѣли русскими изданіями; ихъ можно было найти въ каждомъ книжномъ магазинѣ, въ гостиницахъ, въ кафэ, на дебаркадерахъ, даже въ вагонахъ железныхъ дорогъ.

«Руководители заграничныхъ изданій были тогда въ апогеѣ своей славы и своего могущества; они были окружены ореоломъ мученичества; они привлекали сердца тайною, *предполагаемой чистотой—побудительныхъ причинъ и цѣлей*, а также новизною свободного слова, полного страсти и сарказма, поражающаго прямо въ цѣль».

Мы могли бы быть благодарны нашему краснорѣчивому противнику, если бы въ цвѣтахъ его букета не были спрятаны змѣи.

Если мы имѣли успѣхъ, то потому, что выражали русскую мысль, мысль всѣхъ проснувшихся людей у насъ; потому, что чувствовалось одинаковое бѣненіе сердца. «Вы,—говорилъ мнѣ одинъ очень извѣстный ультра-панславистъ,—если перевернуть выраженіе Дантона, унесли за границу на своихъ подошвахъ родную землю; вотъ почему, не раздѣляя вашихъ идей, мы не можемъ отдѣлиться отъ васъ». Но кто же сомнѣвался въ чистотѣ нашихъ цѣлей? Кто считалъ наши намѣренія двусмысленными?

Да и каковы же могли быть эти цѣли, которыя заставили насъ бросить родину, оставивъ большую часть своего имущества въ когтяхъ правительства, и работать для нея въ продолженіе пятнадцати лѣтъ?

Катковъ не такъ изивень, чтобы думать, что лондонская типографія была удачнымъ финансовымъ предпріятіемъ, какъ типографія «Русскаго Вѣстника»; или что редакція «Колокола» получаетъ пособія отъ польскаго комитета или отъ *одного русскаго раскольника*¹⁾. Или онъ, можетъ быть, думаетъ, что у насъ монополія демократическихъ и соціальныхъ объявленій? Онъ этого не думаетъ. Такъ пусть же онъ сдѣлаетъ маленькое усиліе надъ самимъ собой и скажетъ правду; онъ столько клеветаль, столько выдумываль и чернилъ, что такая легкая невоздержанность въ правдѣ не заставитъ его отвыкнуть отъ своихъ привычекъ. Пусть онъ скажетъ намъ, въ чемъ подозрительна наша политическая чистота, чѣмъ сомнительны наши цѣли?

Правда, Катковъ обвинилъ насъ въ томъ, что мы сожгли часть Петербурга и часть всѣхъ русскихъ городовъ; но это была военная хитрость противъ насъ и нигилистовъ, противъ насъ и русской молодежи. На самомъ то дѣлѣ мы были виноваты не въ томъ, что сожгли Россію, а въ томъ, что высмѣяли Каткова, когда онъ изъ ограниченнаго англomана сдѣлался разнузданнымъ абсолютистомъ.

Онъ отмстилъ и притомъ съ такимъ богатствомъ воображенія, какого мы въ немъ не подозрѣвали. Романъ о тульчинскомъ агентствѣ прекрасенъ: тамъ есть интернаціональный комитетъ, всемірная революція, Маццини и лондонскій банкиръ съ инициаломъ Т. и, сверхъ того, тамъ есть и нашъ агентъ В. Кельсіевъ.

Конечно, Катковъ не предвидѣлъ раскаянія Кельсіева. Печатаемая статья Кельсіева въ своемъ журналѣ, онъ называлъ его предводителемъ черной шайки, посланной нами поджигать—я не знаю, что—Дунай, можетъ быть. Кельсіевъ, какъ апостоль Павелъ, обращенный на большой дорогѣ, вернулся въ Россію; онъ любитъ болтать о своей революціонной карьерѣ, о своемъ чудесномъ обращеніи, но Катковъ остерегался спрашивать его о сути дѣла, касающагося агентства въ Тульчѣ.

И къ чему? Фарсъ разыгранъ; люди интеллигентные пожалы плечами, а реакціонная шваль повѣрила.

Здѣсь я прошу у читателя разрѣшенія сдѣлать маленькое отступленіе.

Одинъ изъ *самыхъ красныхъ* рассказывалъ мнѣ какъ-то въ Лондонѣ о своихъ гражданскихъ подвигахъ во время февральской революціи. Когда народъ водворился въ Тюльери, Маррасть или Коссидьеръ далъ этому красному порученіе охранять имущество Луи-Филиппа.

¹⁾ Намекъ на К. Т. Солдатенкова.

Онъ прибылъ во дворець и тотчасъ же, съ видомъ коменданта и съ расторопностью полицейскаго пристава, принялъ свои мѣры.

Въ тотъ моментъ, когда онъ напалъ на субъекта, взявшаго, если не ошибаюсь, альбомъ, причемъ грозилъ ему разстрѣломъ, изъ толпы выходитъ какой-то человекъ и начинаетъ энергично защищать подвергшагося нападенію. Онъ такъ хорошо говорилъ, что большинство стало на его сторону.

«Я увидѣлъ, продолжалъ красный, что дѣло мѣняется. Тогда я вдругъ закричалъ: «А, это ты, несчастный!». Тотъ сразу замолчалъ. «Ты смѣешь показываться здѣсь! Граждане, я его знаю, это—шпіонъ, которому платять сторонники павшаго тирана». Субъектъ бросается ко мнѣ, хочетъ говорить, но толпа накидывается на него, тащитъ его— и вотъ такимъ-то способомъ мнѣ удалось возстановить порядокъ.

— И это, дѣйствительно, былъ шпіонъ?—спросилъ я съ гипербореической наивностью.

— Почему я знаю. Я первый разъ видѣлъ этого молодца; мнѣ нужно было отъ него отдѣлаться.

— Но, вѣдь, народъ могъ бы повѣсить его на первомъ фонарѣ.

— Тѣмъ хуже было бы для него. Во время такой передраги не заглядываютъ такъ далеко.

И онъ взялъ понюшку табаку...

И вотъ Катковъ былъ въ одной изъ такихъ передрагъ; онъ рѣшилъ выдать своихъ противниковъ за поджигателей. Людей преслѣдовали, ссылали въ Сибирь; это грустно, но нельзя заглядывать такъ далеко... Не знаю только, нюхаетъ ли Катковъ табакъ.

Въ то время, какъ насъ заставляли задыхаться, раздувая уголья, другой пожаръ, гораздо болѣе важный, вспыхнулъ въ Польшѣ.

А, наконецъ-то добрались, скажутъ, улыбаясь, наши противники.

Да, добрались.

Мы писали за Польшу и будемъ писать. Несчастіе не есть для насъ достаточный поводъ, чтобы покинуть того, кого мы защищали. Каждый день, каждое событіе, каждая русская газета оправдываютъ занятую нами позицію. Неумолимая система приканчивать жертву, добывать раненаго, вырывать у него все, вплоть до языка, отвратительна намъ, какъ и позорная роль, которую разыгрываютъ газеты, издаваемые подкупленными мошенниками или безкорыстными маниаками, шпіонами по положенію или *греками* ¹⁾ по религіи. За границей

¹⁾ Игра словъ: намекъ на греко-православную религію; по-французски вульгарно значить «шулеръ».

слишкомъ мало знаютъ эту безстыдную печать, въ которой ежедневно доносятся о дѣтяхъ, говорящихъ по-польски, о молодыхъ дѣвушкахъ, не танцующихъ съ русскими офицерами, въ которой доносятся о слезахъ женщинъ, о печали мужчинъ.

Мы протестовали противъ нечеловѣческихъ преслѣдованій правительства, мы протестовали противъ этой развращенной сыщиками и сподручными палачей литературы, безпримѣрной у насъ—и это заслуга, которой Россія намъ не забудетъ, когда она отрезвѣетъ.

Угодно ли знать теперь, каково наше мнѣнiе *о сути вопроса*. Если да, пусть дадутъ себѣ трудъ пробѣжать серію «Писемъ о Россіи и Польшѣ» въ «Колоколѣ» 1859 и 1860 г.г. Мы не хотимъ повторять своего политическаго исповѣданія при каждомъ комѣ грязи, которымъ въ насъ бросаютъ. Оно было напечатано, пусть прочтутъ.

Мы всегда чувствовали симпатію къ полякамъ, *но никогда не находились подъ ихъ вліяніемъ*.

Съ безграничнымъ презрѣніемъ и съ сумасшедшимъ смѣхомъ читаемъ мы вздорныя глупости одного русскаго генерала ¹⁾, который, служа своему отечеству мечомъ и перомъ, напечаталъ, *исполняя волю* великаго палача Муравьева, подробную исторію польской эмиграціи и послѣдняго возстанія. Этотъ храбрый «воитель допросовъ» заставилъ насъ играть роль то какихъ-то маріонетокъ въ рукахъ поляковъ, то таинственныхъ диктаторовъ.

Мы слишкомъ ясно остаемся самими собой, чтобы легко было вліять на насъ. Наше уваженіе къ Лелевелю, наша дружба съ Ворцелемъ далеки отъ того, чтобы превратить насъ въ ихъ рупоръ. Пусть тотъ, кто упрекаетъ меня въ словахъ, произнесенныхъ на могилѣ друга, покажетъ мнѣ, гдѣ онъ видѣлъ въ этихъ слезахъ польское вліяніе. Или, можетъ быть, случайно все, что человѣчно, стало называться польскимъ?

Мы были противъ возстанія 1863. Ни одного ободренія, *ни одного обѣщанія* не было дано съ *нашей* стороны. Мы требуемъ представить намъ хоть одно доказательство. Только послѣ тѣхъ неучтивостей, какія мы наговорили, это не слишкомъ большое требованіе.

Я могъ бы здѣсь остановиться, но одновременно съ ударами дубины наши противники примѣняютъ еще булавочные уколы; одновременно съ укусами рыси—укусы постельныхъ звѣрей. Мы слишкомъ за равенство, чтобы давать предпочтеніе лжи большого калибра и чудовищной клеветѣ.

¹⁾ Василій Федоровичъ Ратчъ, авторъ книги: «Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ Сѣверо-Западной Россіи», т.т. I и II, Вильна, 1867.

Большое неудобство этихъ домашнихъ звѣрей состоитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ ними спускаешься отъ общаго къ мелкимъ сплетнямъ. Но съ г. Катковымъ и К^о не подняться по лѣстницѣ Іакова.

Нѣкто въ «Вѣстникѣ» полагаетъ, что, среди причинъ, обусловившихъ паденіе русской печати за границей, надо считать интимныя сообщенія, «которыя разоблачили, подъ вѣнцомъ мученичества ¹⁾), сильную дозу самолюбія и эгоизма, которыя показали, что *порывы любви къ угнетенному и вражды ко злу не мѣшаютъ сидѣть спокойно и удобно въ Лондонѣ или у Женевского озера и преспокойно посылать молодежь на явную погибель, а на упреки отвѣчать сарказмами*». Отсутствіе логики въ послѣднемъ обвиненіи не скрываетъ задней мысли, и мы считаемъ необходимымъ выяснитъ немного наивный и дѣтскій вопросъ объ эгоизмѣ и самолюбіи, но именно второй.

У насъ былъ не заговоръ, а типографія; мы все дѣлали открыто; у насъ было *вольное русское слово*, и мы старались распространить его какъ можно дальше; у насъ былъ «Колоколъ», чтобы звонить къ обѣднѣ, звать живыхъ, вѣрующихъ, чтобы будить уснувшихъ.

Можетъ быть, очень плохо, что мы ограничились только этой ролью, но таковъ фактъ.

Если бы намъ было нужно, мы, безъ зазрѣнія совѣсти послали бы эмиссаровъ, оставаясь притомъ въ Лондонѣ или Женевѣ. Это—самое простое раздѣленіе труда: одинъ ѣдетъ, другой остается, смотря по полезности, умѣнью и общему согласію. Когда Катковъ толкалъ поляковъ и нигилистовъ къ висѣлицѣ, къ каторжнымъ работамъ, онъ не отправился къ своему герою въ Вильно, чтобы дергать за ноги повѣшенныхъ или сопровождать изъ петербургской крѣпости, съ кнутомъ въ рукахъ, сосланныхъ въ Сибирь. Онъ ограничился ролью поставщика палачей, не только сидя съ комфортомъ въ своемъ кабинетѣ, недалеко отъ Патріаршихъ прудовъ, но получая въ награду лезть со стороны англійскаго клуба и дружбу русскаго царя. И Аксаковъ, стрѣлецъ-попъ, когда призывалъ къ оружію, не смѣнилъ своего византійскаго пера на ружье: онъ продолжалъ спокойно засѣдать въ православной трапезной своей редакціи.

Кто же эти юныя жертвы, эти миссіонеры, которыхъ мы «толкали къ погибели»? Или это все тотъ же несчастный Кельсіевъ? Solo, solissimo. Но, вѣдь, онъ самъ рассказалъ въ своей книгѣ, что мы отсовѣтовали ему эмиграцію, что онъ по своей волѣ поѣхалъ въ

¹⁾ Какъ будто мы выставляли себя мучениками? Гдѣ и когда? А. И. Г.

Москву и въ Тульчу, и, наконецъ, нашель не гибель, а наоборотъ—спасеніе.

Подразумѣвають ли подъ этимъ Михайлова, великаго мученика настоящаго царствованія? Мы заклинали его не печатать своей прокламаціи. Правительство убило его, но есть живые свидѣтели.

Или это—юный морской офицеръ ¹⁾, восторженный мальчикъ, увезшій, не говоря намъ ни слова изъ деликатности, которой не понять нашимъ противникамъ, массу печатнаго?

... Прежде чѣмъ обвинять, прежде чѣмъ доносить, возьми нѣсколько уроковъ въ парижской префектурѣ, въ этой знаменитой академіи шпионажа.

Были неосторожные люди, горячія головы, которыя, какъ Исаакъ, какъ будто готовы были на самопожертваніе,—и остались цѣлы и невредимы. Они говорили объ этомъ намъ, какъ и всѣмъ.

Напр., въ 1863 одинъ молодой русскій офицеръ пріѣхаль ко мнѣ въ Теддингтонъ. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ онъ сказалъ, что долженъ довѣрить мнѣ одну тайну. «Я рѣшилъ открыто убить Муравьева и отдаться въ руки властей». Онъ остановился, скрестивъ руки на груди.

Такъ какъ я не считаль своимъ дѣломъ ни поощрять неожиданные акты справедливости, ни отводить саблю отъ груди этого храбраго капитана, то я ограничился, видя, что онъ молчитъ, вопросомъ:

— Ну и что же?

— Какъ это что же?—сказаль мнѣ нѣсколько смущенный офицеръ.—Такъ зачѣмъ вы рассказываете это мнѣ?

— Потому что я хотѣлъ знать ваше мнѣніе по этому вопросу.

Онъ начиналь сердиться.

— Вмѣсто того, чтобы строить теорію убійства, я расскажу вамъ анекдотъ—очень старый, но очень хорошій. (Сколько разъ послѣ мнѣ приходилоеь его цитировать). Одинъ молодой камергеръ сопровождалъ Карла V при его посѣщеніи Пантеона въ Римъ и сказалъ потомъ за ужиномъ своему отцу: «Когда я былъ съ государемъ въ куполь, мнѣ пришла мысль столкнуть его».—«Несчастный!»—вскричалъ его отецъ съ пѣной у рта,—ни слова больше!» Сынъ замолчалъ. «Молодой человекъ,—сказаль ему отецъ, когда они остались одни,—можно имѣть такія мысли, можно ихъ приводить въ исполненіе, но никогда не слѣдуетъ болтать о нихъ».

¹⁾ Трувеллеръ.

Мой Карлъ Зандъ in spe ¹⁾ ушелъ отъ меня очень мало уразумѣвшей. Мѣсяцъ спустя онъ былъ въ Дрезденѣ (не въ Вильнѣ) и таинственно рассказывалъ желающимъ его слушать, что ѣдетъ въ Польшу съ *важнымъ порученіемъ, которое онъ получилъ отъ насъ...* а, вѣдь, все это валили на насъ.

«Вѣстникъ» Каткова идетъ дальше. (Берегитесь, читатель, двѣ ступеньки ниже—и прямо въ грязь). Прочитировавъ грязную брошюру, отъ которой на разстояніи несетъ полицейской водкой и клерикальнымъ лукомъ ²⁾, онъ продолжаетъ: *«Въ разоблаченіяхъ, которыя печатаются за границей, на каждомъ шагу оказываются факты въ родѣ похищенія денегъ, злоупотребленія довѣріемъ, присвоенія собраннаго по подпискѣ».*

Эти обвиненія направлялись умышленно и довольно ловко на всю эмиграцію. На самомъ же дѣлѣ насъ вѣшивали въ плутовство и мошенничество только тогда, когда удавалось *обмануть* насъ. Напр., русское правительство завладѣло въ 1850 г. суммой въ 10.000 фр., которая принадлежала мнѣ, и съ этого времени оно брало себѣ весь мой доходъ. Одинъ русскій литераторъ, не эмигрантъ ³⁾, очень дружный съ Огаревымъ, *укралъ* у него больше ста тысячъ франковъ. Очень глупо быть одураченнымъ, я согласенъ, но этимъ не пріобрѣтаешь чести быть мошенникомъ.

Вмѣсто того, чтобы бросать въ насъ грязью и клеветой, почему они не нападаютъ серьезно на наши принципы? Легко сказать съ видомъ школьнаго учителя: «Времена социализма прошли». И это на другой день послѣ брюссельскаго конгресса, женевской забастовки, въ двухъ шагахъ отъ движенія нѣмецкихъ рабочихъ, среди подъема съ удесятеренной силой социальныхъ вопросовъ по всей Европѣ, не исключая и Англии...

И какой жалкій пріемъ—выставлять насъ врагами Россіи потому, что мы нападаемъ на современный режимъ. Рабы, не желающіе освобожденія, они не имѣютъ никакого представленія о человѣческой независимости. Сколько разъ объясняли мы имъ, что дѣятели 93 г. не были врагами Франціи и что наши декабристы 1825 г. страстно любили Россію. Это—для нихъ китайская грамота: хорошій слуга послушенъ, нѣмъ, равнодушенъ или онъ хвалить руку, которая его накажетъ.

¹⁾ Предполагаемый.

²⁾ «Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничные русскіе дѣятели». Изданіе второе. Берлинъ. 1868. А. И. Г.

³⁾ Н. А. Некрасовъ.

Говоря о моей статьѣ по поводу женевскаго конгресса, «Вѣстникъ» восклицаетъ: «Вотъ *неожиданный* защитникъ Россіи». Но что же я дѣлалъ всю свою жизнь въ Россіи и внѣ ея? Какъ будто, наше существованіе не было *непрерывной защитой Россіи*, русскаго народа отъ его внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, отъ негодаевъ, дураковъ, фанатиковъ, правителей, доктринеровъ, лакеевъ, продажныхъ, сумасшедшихъ, отъ Катковыхъ и другихъ тормозовъ въ колесѣ русскаго прогресса.

Милыя совы изъ птичника классической Паллады ⁴⁾, пожалуйста; немного больше ума, и отправляйтесь спать! Начинаетъ свѣтать! ¹

◆◆ 1: Авторъ статьи «Русская печать за границей» Р. Н. (киевскій профессоръ Н. К. Ренненкампфъ), между прочимъ, писалъ: «Страстные порывы любви къ угнетенному и вражды ко злу и неправдѣ не мѣшаютъ сидѣть спокойно и удобно въ Лондонѣ или у Женевскаго озера и посылать увлекшуюся молодежь на явную гибель и на упреки за подобныя жертвоприношенія отвѣчать сарказмомъ и улыбкой» («Рус. Вѣстникъ» 1868, VIII, стр. 640). Останавливаясь на французскомъ «Колоколѣ» довольно подробно, авторъ замѣтилъ: «Россія нашла себѣ совершенно неожиданнаго защитника и охранителя предъ мнѣніемъ Западной Европы! Кто бы могъ подумать о такой метаморфозѣ? И кто ей повѣритъ? Менѣе всего, конечно, сама Западная Европа и ея печать. Въ періодъ послѣдняго польскаго возстанія Европа достаточно узнала силу, такъ называемой (заграничною печатью), партіи дѣйствія въ Россіи и призрачность и ложь тѣхъ обѣщаній и надеждъ, которыя Герценъ такъ усердно расточалъ парижской Польшѣ и демократіи» (стр. 641).

3433. Un métier de grand-duc.

Dans la division du travail que font ordinairement entre elles les familles régnautes, il y a toujours un prince libéral, frondeur, boudeur, mécontent; et c'est déjà un progrès lorsque le besoin de cette division du travail se fait sentir. C'est une reconnaissance négative que les affaires ne marchent pas trop bien. Sous Nicolas il n'y avait rien de pareil—son frère Michel n'avait que le droit aux calembours, et le prince d'Olden-

⁴⁾ Намекъ на школьный классицизмъ, однимъ изъ ярыхъ поборниковъ котораго былъ Катковъ.

bourg celui de ne pas les comprendre. Depuis, les événements ont marché. Au commencement du règne c'était l'empereur lui-même qui était le frondeur de la famille, qui faisait—l'auto-opposition. On peut s'imaginer le gâchis qui s'en suivait. Après lui c'était le grand-amiral Constantin, qui s'est noyé dans les eaux douces d'un étang d'Etat à Pétersbourg. La grande-duchesse Hélène, l'Iphigénie en Crimée (Tauride), le remplaçait quelquefois, donnant son denier de la veuve, mais cela n'allait pas. La place restait vacante: enfin, plus heureuse que la chaise d'Isabelle, elle a trouvé son homme-duc.

Ce duc, c'est le prince héritier présomptif.

Les mauvaises langues dirent qu'il y a un comité, composé de généraux, d'un archevêque et d'un journaliste K., qui est chargé d'élaborer les impromptus libéraux du grand-duc. Nous n'y croyons pas. D'abord, qui est le journaliste K.? Nous avons deux K. célèbres parmi nos publicistes, c'est donc un cas litigieux. Au reste, que nous importe lequel des K. K. a inventé une anecdote que l'on raconte partout. Elle n'est pas mauvaise.

On discutait nous ne savons quoi au Conseil d'Etat. La question était certainement portée hors de l'entendement humain. C'est tout clair pour celui qui connaît la composition de cette académie. Naturellement le grand-duc n'avait rien compris et l'avoua. Après la séance, le grand-amiral surnage de son aquarium, s'approche de lui, le trident en main, et lui fait des reproches. Le jeune homme, pris au dépourvu, pensant que c'est sa faute, dit très-naïvement: «Et pourquoi ne m'a-t-on rien appris?»

— Mais que feras tu donc *en cas...*?

— Ne vous faites pas de mauvais sang, répondit l'empereur *in spe*; il y aura *alors* les ministres responsables, qui devront, bon gré malgré, comprendre.

Nous lui tiendrons compte de cela, *même s'il ne l'a pas dit*.

Переводъ.

Ремесло великаго князя.

При раздѣленіи труда, которое обыкновенно устанавливають между собою члены царствующихъ фамилій, всегда имѣется кто-нибудь в роли либеральнаго принца, будирующаго, недовольнаго фрондера; и въ томъ, что они сознають потребность въ такомъ раздѣленіи труда, уже заключается прогрессъ. Это — какъ бы

отрицательное признаніе, что дѣла идутъ не слишкомъ гладко. При Николаѣ не было ничего подобнаго: его братъ Михаилъ имѣлъ только право говорить каламбуры, а принцъ Ольденбургскій—не понимать ихъ,—но времена измѣнились. Въ началѣ царствованія императоръ самъ исполнялъ въ семействѣ роль фрондера; онъ представлялъ какъ бы авто-оппозицію. Легко себѣ представить, какой кавардакъ получился отъ этого. Затѣмъ эта роль перешла къ генераль-адмиралу Константину, утонувшему въ спокойныхъ водахъ государственнаго пруда въ Петербургѣ¹⁾. Великая княгиня Елена ²⁾, Ифигенія въ Тавридѣ ³⁾, порою замѣняла его, принося и свою лепту вдовицы, но дѣло на ладъ не шло. Мѣсто оставалось вакантнымъ. Наконецъ, болѣе счастливое, чѣмъ кресло Изабеллы ⁴⁾, оно нашло своего князе-человѣка ⁵⁾.

Этотъ князь—предполагаемый наслѣдникъ престола.

Злые языки говорятъ, что существуетъ комитетъ, образованный изъ генераловъ, одного архіепископа и журналиста К. ⁶⁾, на обязанности котораго лежитъ сочинять для великаго князя либеральныя импровизации. Мы не вѣримъ этому. Раньше всего, кто этотъ журналистъ К.? У насъ, среди публицистовъ, есть два знаменитыхъ К. ⁷⁾, и, такимъ образомъ, это—вопросъ спорный. Впрочемъ, рѣшительно все равно, кому именно изъ двухъ К. принадлежитъ анекдотъ, который теперь рассказываютъ повсюду. Онъ недурень.

Въ государственномъ совѣтѣ шла рѣчь, неизвѣстно о чемъ. Конечно, вопросъ скоро былъ вынесенъ за пределы человѣческаго пониманія. Это ясно всякому, кто имѣетъ понятіе о составѣ сей академіи. Естественно, великій князь ничего не понялъ, въ чемъ и признался. Послѣ засѣданія генераль-адмиралъ показался на поверхности своего аквариума, съ трезубцемъ въ рукахъ приблизился къ великому князю и сталъ осыпать его упреками. Застигнутый врасплохъ, молодой

¹⁾ Т.-е. государственнаго совѣта, предсѣдателемъ котораго состоялъ Кон-стаціинъ Николаевичъ.

²⁾ Павловна, вдова Михаила Павловича.

³⁾ Намекъ на ея роль въ Крымской войнѣ въ качествѣ основательницы общины сестеръ милосердія.

⁴⁾ Намекъ на судьбу Изабеллы II испанской, трехъ лѣтъ вступившей на престоль, обладаніе которымъ стало предшествоемъ длившихся долгіе годы упорныхъ и жестокихъ войнъ.

⁵⁾ Образовано такъ же, какъ бого-человѣкъ. Рѣчь идетъ объ Александрѣ III.

⁶⁾ А. А. Краевскій.

⁷⁾ Катковъ и Краевскій.

человѣкъ, считая себя виноватымъ, очень наивно спросилъ: «А почему вы ничему меня не учили?».

— Но что ты будешь дѣлать, въ случай...?

— Не стоитъ портить себѣ кровь, — отвѣтилъ предполагаемый императоръ; тогда будутъ отвѣтственные министры, которые, хочешь-не хочешь, а должны будутъ понимать.

Мы предъявимъ ему этотъ счетъ, даже если онъ этого не сказалъ.

3434. Le brigandage des employés.

Les journaux russes racontent que dans le gouvernement de Novgorod, donc à deux pas de Pétersbourg, s'est passé le suivant acte de brigandage. Le stanovoï (employé de police) avec le starost (l'ancien du village) arrivèrent pour prendre des mesures contre l'incendie de la forêt, près d'un village. Profitant de l'occasion, ils entrèrent dans le village même, et prenant prétexte d'une petite somme qu'un paysan riche n'avait pas payée à la couronne, le stanovoï entra dans sa maison. Le paysan demande une heure de temps pour effectuer le paiement. Pas de quartier, le Cartouche au service impérial ordonne d'enfoncer les coffres et emporte pour sept cents francs de peaux du moutons (le paysan était tanneur), de boîtes, pelisses, gants etc. La somme que le paysan devait à la couronne ne représentait pas même la moitié des effets pillés.

Переводъ.

Чиновничій грабеньъ.

Русскія газеты передають, что въ Новгородской губерніи, слѣдовательно, въ двухъ шагахъ отъ Петербурга, имѣлъ мѣсто слѣдующій случай грабежа. Недалеко отъ деревни появились становой и староста съ цѣлью принять мѣры противъ лѣсного пожара. Воспользовавшись случаемъ, они пришли также въ деревню, и тутъ-то, подъ предлогомъ взысканія небольшой недоимки, причитавшейся съ богатаго крестьянина, становой вошелъ въ его домъ. Крестьянинъ сталъ просить, чась времени, чтобъ собрать деньги. Ни четверть! Картушь ¹⁾ императорской службы приказываетъ взломать сундуки и унести съ собою

¹⁾ Известный французскій разбойникъ.

овчины (крестьянинъ былъ кожевникъ); сапоги, шубы, рукавицы и проч., всего, на *семьсотъ* франковъ. Сумма, которую крестьянинъ былъ долженъ казнѣ, не составляла и половины стоимости похищенныхъ вещей.

3435. L'éloquence de la noblesse.

Nous prenons dans *le Golos* du 5 novembre un exemple unique et triple de la magnanimité d'un tzar, de l'éloquence d'un noble et de la justice d'une noblesse. Un propriétaire du gouvernement de Smolensk a été, en 1852 jugé pour sa conduite barbare envers un serf âgé de 60 ans qui ne lui appartenait pas. (Il l'a probablement fouetté à mort). Le tribunal, tout iniques que les tribunaux étaient alors, condamna le sauvage à une année de prison et à la perte de quelques droits. L'empereur (O, Nicolas! o, mon roi!), trouvant la punition trop sévère, diminua la peine de six mois.

Cette année, le 5 septembre, le knouteur vint aux élections des propriétaires, et comme il se trouvait des membres qui contestaient son droit de prendre part aux élections (conformément à la loi), le brave membre de la digne noblesse prononça un bijou de speech. Nous donnons la conclusion telle que la donne le *Golos*, c'est réellement un chef-d'oeuvre, et un chef d'oeuvre sans précédents dans les fastes d'éloquence. L'orateur, dit ce journal, pria l'assemblée de se souvenir pourquoi il avait été sous jugement. «J'ai rossé un paysan, s'écria-t-il. Mais qui donc de vous n'a pas rossé les paysans au temps du servage. Il nous en conférait le droit. Ma culpabilité ne consistait que dans une faute: entraîné par le droit du servage, j'ai commis une erreur, et au lieu de verges j'ai employé un fouet de cocher qui me tomba sous les mains».

Après cette noble allocution, le président consulta la noblesse, si elle pensait que ce Démosthènes soit digne de prendre part aux élections— On cria de tous côtés: «Oui oui. il est digne! il est digne!».

Vive la noblesse!

Переводъ.

Дворянское краснорѣчіе.

Заемствуемъ изъ «Голоса» отъ 5 ноября единственный и вмѣстѣ съ тѣмъ тройной примѣръ великодушія царя, краснорѣчія нѣкогого дворянина и дворянской справедливости. Помѣщикъ Смоленской

губерніи былъ въ 1852 г. судимъ за варварское обращеніе съ шестидесятилѣтнимъ крестьяниномъ, который ему не принадлежалъ. (Вѣроятно, онъ засѣкъ его до смерти). Судъ, неправедный, какъ и всѣ суды въ то время, приговорилъ дикаря къ тюремному заключенію срокомъ на одинъ годъ и къ лишенію нѣкоторыхъ правъ. Императоръ (о, Николай! о, мой царь!), найдя наказаніе чрезчуръ суровымъ, уменьшилъ его наполовину.

Въ *этой* году, 5 сентября кнутобоецъ явился на дворянскіе выборы, и такъ какъ нашлось нѣсколько человекъ, которые, основываясь на законѣ, оспаривали его право на участіе въ выборахъ, бравый членъ достойнаго дворянскаго сословія разразился очаровательнымъ спичемъ. Мы приводимъ только заключительную часть его рѣчи, въ томъ видѣ, какъ ее передаетъ «Голось». Это, дѣйствительно, шедевръ, къ тому же шедевръ, который не имѣлъ прецедентовъ въ лѣтописяхъ ораторскаго искусства. Ораторъ, рассказываетъ газета, просилъ собраніе вспомнить, за чтѣ онъ былъ судимъ. «Я избилъ мужика, — выкликнулъ онъ. Но кто изъ васъ не билъ мужиковъ во времена рабства! Это право было намъ пожаловано. Вся моя вина состояла въ томъ, что, увлеченный своимъ правомъ, я, по ошибкѣ, вмѣсто розгъ, воспользовался попавшимся мнѣ подъ руку кнутомъ».

Послѣ этой благородной рѣчи предсѣдатель поставилъ дворянству вопросъ, считаетъ ли оно этого Демосеена достойнымъ принять участіе въ выборахъ. Со всѣхъ сторонъ раздались крики: «Да, достоинъ! Да, достоинъ!»

Да здравствуетъ дворянство!

3436. ¿ Est-il vrai ?

1. Que le grand-duc Voldemar a trouvé à Onisk, un Cosaque qui était en prison depuis *six ans*, et que personne, pas même le gouverneur, n'en connaissait la cause? On dit que ce Cosaque a raconté au grand-duc comment *on assassine et on fait geler des hommes* dans les carrières des mines, et que cela se fait sous la protection et avec l'autorisation de *l'administration*.

2. Que l'archevêque de Riazan, Irinarc, est confiné dans un cloître pour avoir, par distraction, porté la main sur 17.000 roubles en argent appartenant à la cathédrale? On dit qu'il avait aussi faiblesse pour un Moldave et pour les pierreries qui ornent les images, et que le Moldave a été pincé fouillant un peu la Vierge. On ajoute que le bon, le classique comte Tolstoï, ministre de l'instruction publique, a très-bien su voiler

toute l'histoire, ne voulant pas imiter le fils cynique de Noé et montrer les nudités terrestres de sa mère l'Eglise orthodoxe.

3. Que la farine que l'on vendait dans la Sibérie orientale coûte maintenant de 1 r. 50 cop. à 1 r. 80 cop. et qui ne coûtait naguère 20 et 25 cop. pour poud, et cela grâce à l'intervention du général-gouverneur Korsakoff. On ajoute qu'à Irkoutsk on force les paysans à vendre leur blé non aux personnes de leur choix, mais aux personnes désignées par l'administration?

Переводъ.

¿ Правда ли ?

1) Что великій князь Владиміръ встрѣтилъ въ Омскѣ казака, который шесть лѣтъ содержался въ тюрьмѣ, и никто, даже самъ губернаторъ, не зналъ причины его заключенія? Передаютъ, что казакъ разсказалъ великому князю, какъ *убиваютъ и замораживаютъ* людей въ рудникахъ и что это производится съ вѣдома и одобренія *администраціи*.

2) Что архіепископъ рязанскій Иринархъ заключенъ въ монастырь за то, что по разсѣянности запустилъ руку въ 17.000 рублей серебромъ, принадлежавшихъ собору? Говорятъ, что, сверхъ того, онъ питалъ слабость къ нѣкому молдаванину и къ драгоценнымъ камнямъ, украшающимъ иконы, и что этотъ молдаванинъ былъ застигнутъ въ то время, какъ онъ обшаривалъ Св. Дѣву. Прибавляютъ еще, что нашъ добрый классическій графъ Толстой, министръ народнаго просвѣщенія, сумѣлъ набросить покровъ на всю эту исторію, не желая раздражать циничному сыну Ноя и обнажить земную наготу своей матери, церкви православной.

3) Что мука, которую продаютъ въ восточной Сибири, стоитъ въ настоящее время отъ 1 р. 50 до 1 р. 80 к. за пудъ, тогда какъ еще недавно она стоила 20 и 25 к. пудъ, и что это—благодаря участію въ дѣлѣ генераль-губернатора Корсакова? Прибавляютъ, что въ Иркутскѣ заставляютъ крестьянъ продавать хлѣбъ не тѣмъ, кому они желаютъ, но лицамъ, указываемымъ администраціей.

3437. Les incorrigibles.

Mon fils, docteur en médecine et adjoint du célèbre physiologue M. Schiff à Florence, a demandé un visa pour aller faire un voyage en Russie, auquel il a plein droit en sa qualité de citoyen suisse. Voilà la réponse:

Florence, le 19 novembre 1868.

«La légation impériale de Russie, à Florence, a l'honneur d'informer M. Alexandre Herzen que, à la suite de la demande qu'il a faite, d'obtenir de la légation de l'empereur, à Berlin, un visa pour se rendre en Russie avec sa femme, la réponse de Saint-Pétersbourg a été que le gouvernement impérial ne saurait autoriser les légations à accorder le visa sollicité».

Переводъ.

Неисправимые.

Мой сынъ, докторъ медицины и адъюнктъ знаменитаго физиолога г. Шиффа во Флоренціи, возбудилъ ходатайство о выдачѣ ему паспорта для поѣздки въ Россію, на что онъ, какъ швейцарскій гражданинъ, имѣетъ полное право. Вотъ отвѣтъ:

Флоренція, 19 ноября 1868.

«Россійское императорское посольство во Флоренціи имѣетъ честь извѣстить г. Александра Герцена, что, въ отвѣтъ на его просьбу о полученіи отъ императорскаго посольства въ Берлинѣ паспорта для поѣздки, вмѣстѣ съ женою, въ Россію, изъ Санктъ-Петербурга послѣдовалъ отвѣтъ, гласящій, что императорское правительство не находитъ возможнымъ уполномочить посольства на выдачу просимаго паспорта».

3438. Aphorismata ¹⁾).

По поводу психіатрической теоріи д-ра Крупова.

Сочиненіе провектора и адъюнктъ-профессора

ТИТА ЛЕВІАΘАНСКАГО.

Милостивый государь и господинъ редакторъ (имени и отчества, извините, не знаю)!

Въ заграничной періодикѣ, издаваемой вами, я съ удовольствіемъ прочиталъ введеніе въ психіатрію добрѣйшаго наставника и товарища

¹⁾ Афоризмы, мысли.

моего д-ра Крупова. Я Семена Ивановича зналъ лично; любилъ; уважалъ и, могу сказать, отдалъ ему послѣдній дружескій долгъ, т. е. вскрылъ послѣ кончины его тѣло и обнаружилъ хроническую болѣзнь въ печени, которой онъ и не предполагалъ, но которая свела его въ могилу.

Увлечательная теорія покойнаго, во время ея появленія, сильно подѣйствовала на меня. Я долгое время былъ подъ ея вліяніемъ, и самъ вездѣ, на практикѣ, въ житейскихъ отношеніяхъ и въ книгѣ, приискивалъ новые факты и свидѣтельства въ подтвержденіе главныхъ положеній ея. Такъ, напр., я въ одномъ англійскомъ авторѣ, Байронѣ, нашелъ замѣчательную по вѣрности мысль, что если-бъ изъ Бедлама выпустить больныхъ, а здоровыхъ, внѣ Бедлама находящихся, запереть, то значительной перемѣны не было бы замѣтно» (Vid. Don Juan, cap. XIV, v. 87). Другой англійскій писатель, Вильямъ Шекспиръ (читанный мною въ переводѣ одного изъ моихъ сотоварищей, Н. Хр. Кетчера) намекнулъ на это, говоря, что «сумасшедшаго датскаго принца затѣмъ и посылаютъ въ Англію, чтобъ его состояніе не было замѣтно въ странѣ, гдѣ всѣ поврежденные». Неудивительно, что именно на этомъ островѣ и выразился первый свободный, энергическій протестъ одного лично поврежденнаго, который, содержась въ больницѣ, сказалъ врачу: «Весь свѣтъ меня считаетъ поврежденнымъ, а я весь свѣтъ считаю такимъ же. Бѣда моя въ томъ, что *большинство* со стороны всего свѣта».

Но не буду наполнять моего письма цитатами; скажу, напротивъ, что впослѣдствіи во мнѣ возникли нѣкоторыя сомнѣнія—не въ главномъ положеніи д-ра Крупова, однако же, въ вещахъ очень важныхъ.

Лѣтами гораздо старѣе меня, С. И. принадлежалъ еще къ слушателямъ знаменитаго профессора М. Я. Мудрова, въ силу чего и получилъ нѣсколько религіозно-мистическое и отчасти франкъ-масонское направленіе.

Я же, какъ студентъ Дядьдовскаго ¹⁾ и М. Г. Павлова, ими былъ наведенъ на направленіе болѣе философское,—наведенъ, но не удовлетворень, а оставлень на собственныя силы.

Нѣкоторыя возраженія я тогда помѣтилъ и для большей доступности написалъ ихъ по-латыни, но не только не далъ имъ никакого развитія, но даже не привелъ въ систематическій порядокъ.

¹⁾ Іустипъ Евдокимовичъ.

По обязанностямъ моего служенія, я посвящаю время свое людямъ, уже кончившимъ свою жизнь, и, такъ какъ долгъ относительно ихъ и мой интересъ собственно начинаются съ полицейскаго удостовѣренія о причючившейся кончинѣ, то и не трудно понять, что, имѣя большую практику какъ отъ университетской больницы, такъ и отъ военнаго госпиталя, поставляющаго намъ въ обилии трупы, я занимался психіатрическими возраженіями въ фериахъ и каникулахъ, не какъ моимъ, спеціальнымъ дѣломъ, но скорѣе отдохновительнымъ extra.

Впослѣдствіи, при возрастающихъ занятіяхъ, благодаря акклиматизации холеры и укорененію простаго и возвратнаго тифа, я забылъ о моей тетради, какъ вдругъ одинъ изъ коллеговъ, ѣздившій въ Германію, привезъ съ собой нумеръ издаваемой вами періодики (имя его, по причинамъ, понятнымъ вамъ, я считаю долгомъ, до поступленія его въ прозекторскую, умолчать). Въ немъ я нашель сочиненіе учителя и наставника моего д-ра Крупова, вульгаризированнымъ на французскій языкъ. Невольно вспомнилъ я тетрадку свою, перечиталъ ее, исправилъ, мѣстами перебѣлилъ и, пользуясь отправленіемъ за границу нашего добрѣйшаго Киліана Вильгельмовича, профессора теологической экзегезы и автора извѣстнаго сочиненія объ отношеніи богословія къ анатоміи и христіанства къ терапіи, рѣшилъ послать вамъ. Если вы не найдете ничего неприличнаго въ помѣщеніи сего слабого, но искренняго опыта,—мое уваженіе къ памяти Семена Ивановича не допустило бы меня ни въ какомъ случаѣ до выражений, лишенныхъ урбанности,—то сочту это для себя одолженіемъ, ибо въ отечествѣ нашемъ послѣ уничтоженія цензуры и увеличенія отвѣтственности не полагаю, чтобы это сочиненіе было къ печати допущено, особенно при нынѣшнемъ теократическомъ направленіи полиціи и администраціи и полицейской тенденціи православныхъ служителей алтаря.

Пожелаете ли перевести или напечатать по-латыни мои *афоризматта*,—это совершенно зависитъ отъ васъ. Полагаю, латинскій языкъ популярнѣе.

Позвольте, М. Г., г. Редакторъ,
засвидѣтельствовать о чувствахъ
глубокоуваженія, съ которыми пребываю

Титъ Левіаовскій,

Prosector et anatomiae professor adj.

Р. S. Адреса не пишу, такъ какъ отвѣта по почтѣ получить не желаю, по обстоятельствамъ, моего уваженія къ вамъ не уменьшающимъ...

T L., рг.

... Левіаѳанскій, Левіаѳанскій да еще Титъ! Я думалъ, что съ Титомъ Каменецкимъ, издавшимъ тридцать тисненій всеобщей пространной и краткой географіи, Титы въ Россіи кончились. Вѣрно, псевдонимъ тоже «по обстоятельствамъ, не уменьшающимъ уваженіе». Что касается до фамиліи, семинарія за такими бездѣлицами не останавливается: развѣ нѣтъ у насъ разныхъ Крестовоздвиженскихъ, Федоростудитенскихъ, Геосеманійскихъ, Ризоположенскихъ, не говоря о старыхъ знакомыхъ Круциферскомъ и Кафернаумовѣ?

При письмѣ была тетрадь, написанная мельчайшимъ шрифтомъ, семинарскимъ почеркомъ и медицинской латынью. Я по-латыни никогда хорошо не зналъ, да и то, что зналъ, забылъ. По счастью, теперь во всѣхъ городахъ игорныхъ, гидро-терапевтическихъ и гидро-минеральныхъ заводятъ православныя часовни. Переводъ сдѣланъ мною сообща съ однимъ священникомъ; усердно благодаря его, я долженъ въ очистку его сказать, что онъ сталъ мнѣ помогать только послѣ явственнаго удостовѣренія съ моей стороны, что все относящееся до религіи у Тита Левіаѳанскаго, какъ и д-ра Крупова, относится къ лже-католической религіи и къ Лютеровымъ ересямъ, а не къ православной церкви, о которой никогда никто не думаетъ.

Когда я перевелъ первый афоризмъ, я испугался, но вскорѣ догадался, что прозекторъ «лично сумасшедшій», въ доказательство чего и печатаю переводный отрывокъ. Батюшка полагаетъ, что въ прозектора вторгся Вельзевулъ, тотъ самый, который нѣкогда былъ сосланъ въ свиней. Можетъ быть! Спорить не стану, а я все думалъ, что онъ давно истроченъ на *тришины*.

Aphorismata.

I.

Вѣрность, съ которой многоуважаемый авторъ разбираемой мною диссертациі опредѣлилъ *родовое* единство двухъ видовъ помѣшательства, повальнаго и личнаго, составляетъ неоспоримую заслугу д-ра Крупова.

Онъ былъ весьма близькъ къ тому, чтобы вывести прочный фундаментъ для медицинскаго пониманія *всемірной исторіи*. Но, по несчастью, онъ, какъ многіе изъ великихъ врачей до него, отступая отъ опыта, допустилъ преждевременныя заключенія *о цѣли* и черезъ то запутался въ религиозно-метафизическія фантазмагоріи.

Авторъ въ «историческомъ безуміи» видитъ *средство* («бѣмъ взятое?»), «благодѣтельную горячку», какъ онъ выражается, для излѣченія *отъ «животности»* и видитъ его медленное, но вѣрное уменьшеніе, а посему и ожидаетъ *перерожденія рода человѣческаго*, что многіе дѣлали и прежде него, но главное состоитъ въ томъ, что онъ на *этомъ свѣтѣ* ждетъ свою метемпсихозу.

Допуская это, мы изъ преддверья науки уносимся въ пучину мистическихъ волнъ и возвратимся къ младенческимъ степенямъ ума и пониманія, которыя и были, можетъ быть, полезны и необходимы для мозгового роста, какъ прорѣзываніе зубовъ, но которыя въ совершеннолѣтіи безъ уродства повторяться не должны. Сюда мы причисляемъ всякаго рода *ожиданія*: пророковъ, мессій, пятаго царства, второго пришествія, братства, справедливости и другихъ предназначенныхъ прогрессовъ.

При томъ замѣтимъ, что всѣ послѣдовательные богословы, храмовые ¹⁾, церковные и академическіе, ставили всегда отвлеченный идеаль свой, какъ бы они его ни понимали, внѣ исторической жизни, что значительно уменьшаетъ погрѣшность ихъ.

Такъ, язычники искали его въ до-историческомъ времени, въ дикомъ сосгоянніи, называемомъ *золотымъ вѣкомъ*, въ него переносили свои мечты о непорочности, незнаніи, простотѣ и другихъ отрицательныхъ добродѣтеляхъ и положительныхъ неразвитіяхъ, которыми преисполнены и поднесъ орангутанги и лемуры. Такъ, христіанство ожидало въ сущности царства небснаго, а не земного. Оно сѣяло *здѣсь* для предвѣчнаго жнитва *тамъ*. Церковь считала здѣшнюю жизнь, которой надобно было пройти, дурной дорогой и старалась слегка и немного посыпать ее щепнемъ, нисколько не думая объ окончательномъ ея устройствѣ. Для христіанства смерть главное и счастливое событіе, оттого-то оно въ свое цвѣтеніе никогда не отказывало ни въ благословеніи войнахъ, ни въ сожженіи, гарротированіи и иныхъ

¹⁾ Т.-е. не тамплиеры, а язычники, молитву творившіе въ капищахъ, божницахъ и «крамахъ», въ противоположность христіанамъ, молитвословящимъ въ церквахъ.

казняхъ еретикамъ. Смерть для христіанъ была выпускнымъ экзаменомъ низшихъ учебныхъ заведеній съ правомъ на вступительный экзаменъ заведеній высшихъ и загробныхъ.

Остальные теологи безцерковные, какъ Вольтеръ и Руссо и другіе бого-и антропо-теофилы прошлаго вѣка и нашего, всѣ принимали для исполненія идеала своего *иной свѣтъ* или такъ называемый *тотъ свѣтъ*, о которомъ, по занятіямъ моимъ въ прозекторской, я всего меньше имѣлъ случай сдѣлать какія-нибудь наблюденія и, дѣйствительно, не знаю, существуетъ онъ или нѣтъ, и, если существуетъ, то какъ къ нашему прилагается. Для меня всегда было неясно (и я смиренно въ томъ вижу отсутствіе выспренныхъ способностей), какъ можетъ *привычка къ существованію* переживать *существующаго*. Но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не объ объективномъ бытіи, т. е. о бытіи *въ самомъ дѣлѣ того свѣта*, но о логичности его постановленія у теологовъ, безцерковныхъ и церковныхъ.

Даже тѣ изъ богослововъ, которые, какъ *деисты*, сознають, что они *постижъ* не могутъ высшее существо и только *чтуть его*, не *понимая*—сознаваясь, что ничего, ни хорошаго, ни дурного, о немъ не знаютъ—и они приняли несомнѣстимость понятія здѣшней жизни съ освобожденіемъ отъ ея условій. Въ силу чего они, допуская прогрессъ, допустили *«безконечность»* его, т-е. поставили цѣлью усилій человѣческихъ поступательное движеніе безъ достиженія, что совершенно подходитъ къ психіатрической діагнозѣ безумія, блестяще чиноположенной нашимъ авторомъ.

Какъ же онъ, *сей* ¹⁾ врачъ, постигнувшій, что люди дѣйствуютъ только подъ вліяніемъ извѣстнаго состоянія мозга, называемаго нами патологическимъ или фантазмагорическимъ, какъ же онъ не понялъ, что другого *чистаго* мозга вовсе нѣтъ и быть не можетъ, какъ чистаго (математическаго) маятника, какъ нормально здороваго чловѣка. Онъ думаетъ, что это будетъ по излѣченіи, а мы спрашиваемъ, какъ же *постоянное состояніе* какого-нибудь животнаго рода или вида можетъ излѣчиться, хотя бы оно имѣло свои неудобства, какъ слѣпота крота; это—не болѣзнь, а *особенность*, *признакъ*.

Какъ же, повторяю, врачъ, чиноположившій отличительныя свойства того, что называется безуміемъ, въ силу котораго окружающіе предметы сознаются неправильно, но и не произвольно, въ болѣзненномъ упорствѣ сохранить это сознаніе, даже при вредѣ себѣ, въ стрем-

¹⁾ Батюшка непремѣнно просилъ оставить *«сей»*; онъ находилъ, что *это* *показательно*, а *сей* *«сугубо указательно»*. А. И. Г.

ленія къ цѣлямъ несуществующимъ, съ упущеніемъ цѣлей дѣйствительныхъ, могъ усомниться въ его вѣчной необходимости для исторіи и прогресса.

Семень Ивановичъ, прослѣдившій свою мысль у постели больного, у своего очага (съ кухаркой Матреной Бучкиной), въ домѣ друзей своихъ (у Анны Ѳедоровны), въ присутственныхъ мѣстахъ своего города, во «Всеобщей Аугсбургской Газетѣ», въ путешествіяхъ отъ Магелана, Васко-де-Гама, Марка Поло «до Дюмонъ Дюрвиля», въ бытописаніяхъ отъ Геродота, Тита Ливія «до отечественнаго Карамзина»,—какъ же онъ, видя такъ много, не усмотрѣлъ главнаго (не будемъ упрекать человѣка, сдѣлавшаго много, за то, что онъ не сдѣлалъ всего,—силы человѣка сочтены): что безъ хроническаго, родового помѣшательства прекратилась бы всякая государственная дѣятельность, что съ излѣченіемъ отъ него остановилась бы исторія. Не было бы ей занятія, не было бы въ ней интереса. Не въ умѣ сила и слава исторіи, да и не въ счастья, какъ поетъ старинная пѣсня, а *въ безуміи*.

Безъ него мы были бы сведены на логику и математику.

Оставимъ же навсегда дѣтскую кичливость, съ которой шведъ Линней, лучше знавшій воспроизводительныя части растений, чѣмъ мозги человѣческіе, назвалъ человѣка (какъ Правительствующій Сенатъ императрицу Екатерину II) *мудрымъ*, homo sapiens, и противопоставимъ ему человѣка безумнаго—homo insanus, человѣка, съ безконечнымъ творчествомъ мѣняющаго *idées fixes* и пункты помѣшательства и постоянно пребывающаго вѣрнымъ безумію. Если у людей являлась рѣдкая манія жить по чистому разуму и по разуму устроиться, то она количественно всегда такъ была незначительна, что ее можно отнести къ личнымъ умопомѣшательствамъ, а не къ тѣмъ, которыми зиждятся царства и имперіи, народы и цѣлыя эпохи.

Умомъ и словомъ человѣкъ отличается отъ всѣхъ животныхъ. И такъ, какъ безуміе есть творчество ума, такъ вымысль—творчество слова.

Одно животное пребываетъ въ бѣдной правдивости своей и въ жалкомъ здоровомъ смыслѣ. Природа молчитъ или звучитъ безсвязно, ибо она-то и находится подъ безвыходнымъ самовластьемъ разума въ то время, какъ человѣкъ городитъ цѣлыя Магабараты и Урвазіи. Все сковано въ природѣ желѣзною необходимостью; она не усовершеншается, не домогается, не ждетъ обновленья и искупленья, она только перерабатывается, «не вѣдая, что творить»,—и въ эту-то кабалу,

въ этотъ домъ безъ хозяина, безъ добродѣтелей и пороковъ, толкають человѣка подъ предлогомъ излѣченія?

Отнимите у людей сказки и бредни, библии и апокалипсисы, вѣру въ пришествіе вѣчнаго міра и такового же братства,—и родъ человѣческой, какъ Калигула, возжелаетъ имѣть едину главу и едину каротиду, чтобъ перерѣзать ее однимъ ударомъ бистурія.

Посему и неудивительно, что всѣ пророки и законодатели ставили въ основу своей проповѣди и закона какое-нибудь страшное безуміе или фантазію; что всѣ моралисты соединяются на томъ, что самый необходимый даръ есть *даръ вѣры*, а вѣрить только въ то и надобно, чего доказать нельзя.

Жидовствующій французскій богословъ Ренанъ¹⁾ сказалъ, «что человѣкъ по инстинкту плететь религію, какъ паукъ паутину». Мѣтко, но съ той разницей, что паукъ плететь паутину для прокормленія и отъ голода, а человѣкъ начинаетъ плести, когда наѣстся досыта; что паукъ тянетъ нить изъ себя, чтобы осѣтить муху, а человѣкъ тянетъ религію, чтобы уловить умъ свой, какъ начало анти-соціальное и развѣдающее.

Необходимость фантазіи, сказки, лжи, религіи неотрицаема, и дѣло вовсе не въ основахъ, не въ теодицеяхъ, не въ догматахъ (и въ личномъ безуміи главное совсѣмъ не въ пунктѣ помѣшательства; патологическое состояніе можетъ быть одно и то же, воображаетъ ли себя больной сверчкомъ въ щели или шавкой на дворѣ). Только поверхностные и сентиментальные наблюдатели могли негодуя удивляться, что человѣка третьяго дня травили львами и тиграми за то, что онъ не вѣритъ въ громовержца, а вѣритъ въ Спасителя, вчера жгли за то, что онъ вѣритъ въ Спасителя, но не вѣритъ въ завѣдующаго дѣлами его папу, а сегодня убиваютъ французами за то, что онъ вѣритъ въ папу, какъ въ управителя Христова, но не вѣритъ въ него, какъ въ царя итальянскаго.

Посему-то я всегда и оправдывалъ самаго послѣдовательнаго религіознаго инквизитора и гонителя—Максимиліана Робеспьера; онъ стоитъ гораздо выше Діоклетіана, Кальвина, Филиппа II и др., чему, конечно, обязанъ успѣхамъ философіи и гуманности въ XVIII вѣкѣ. Тѣ жгли своихъ противниковъ, онъ рубилъ головы людямъ не за то, что они не такъ вѣрили, какъ онъ, а просто за то, что они не вѣрили

¹⁾ Батюшка, было, поставилъ, какъ въ текстѣ, «Ренанусъ», но я просилъ его отнять «усъ», а то пришлось бы Кинъ называть Квинетусомъ и Оливье—Олеартусомъ. А. И. Г.

ни во что, кромѣ разума. Онъ очень послѣдовательно казнилъ Анахарсиса Клоотса и его товарищей, понимая, что какъ только изъ подъ ногъ человѣка выдернуть треножникъ мистики, такъ онъ и падеть въ самое жалостное положеніе.

Все, что намъ дорого и изъ-за чего мы такъ обильно льемъ кровь ближняго, а иногда и свою, все имѣеть глубокіе корни въ безуміи и не имѣеть ихъ *развѣ его*...Безконечность и безсмертіе, честь и слава, воля человѣческая и воля божія, обѣ свободныя, одна подчиненная другой и *обѣ другъ другу не мѣшающія, несмотря на необходимость*, въ коей обѣ движутся ¹⁾. Будто это можно понять, не сойдя съ ума?.. Да и зачѣмъ воздерживаться, когда все зоветъ къ безумію, все жило и живетъ имъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто настроилъ величественные храмы и воздвигъ цѣлыя лѣса мрамора и порфира для славы божіей? Кто одержалъ всѣ побѣды, которыми гордятся вѣка? Кто надѣвалъ лавровые вѣнки на свирѣпыхъ, окровавленныхъ бойцовъ, стоявшихъ на горахъ труповъ? Кто отводилъ руку народа отъ сохи, далъ ему вмѣсто ея мечъ и сдѣлалъ его изъ пахаря земли пахаремъ смерти, убійцей по ремеслу, побѣдителемъ и завоевателемъ, безъ которыхъ не было бы ни Ассиріи, ни Пруссіи (привычка къ цензурѣ постоянно заставляетъ меня умалчивать о любезномъ отечествѣ)?.. Кто?...Будто разумъ?.. Кто позволяетъ богатому наслаждаться всѣми дарами и благами жизни возлѣ массъ голодныхъ, холодныхъ, оборванныхъ? Кто вѣшаетъ для порядка и кто ведетъ человѣка на казнь съ поднятымъ челомъ и гордостью, все равно умираетъ ли онъ (по выраженію одного нѣмецкаго стихотворца) за императора въ красныхъ штанахъ или за императора въ бѣлыхъ штанахъ?..

Пусть же великое и покровительствующее безуміе, хранящее и утѣшающее, исправляющее и ведущее насъ черезъ вѣка и океаны, пусть же оно и впередъ сопровождаетъ насъ во вѣки вѣковъ, пока родъ человѣческой не поглотится геологическимъ переворотомъ. И пусть передъ его торжественнымъ шествіемъ несется, какъ и прежде, то лучезарное, то въ облакахъ, то полное, то съ ущербомъ, *свѣтило разума*, пребывающее, какъ луна, все въ томъ же разстояніи отъ земного шара, какъ бы онъ ни торопился.

¹⁾ Насчетъ замѣчательнаго остро-безумнаго сочетанія совершеннаго произвола съ совершенной необходимостью, какъ о сильнѣйшемъ признакѣ, пишу особый аргументъ. А. И. Г.

А посему, наставникъ и другъ; Семень Ивановичъ, воскликнемъ вмѣстѣ съ латинскимъ классикомъ, но относя слова его къ святому безумію рода человѣческаго: *Tu urbes peperisti, tu homines dissipatos in societates convocasti!*

Т. Левіаѳанскій.

Не знаю, помнить ли теперь кто-нибудь небольшую повѣсть мою «Докторъ Круповъ». Она была напечатана въ 1847 году въ «Современникѣ» и имѣла нѣкоторый успѣхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Круповъ» явился во французскомъ переводѣ въ одномъ парижскомъ *Revue*. *Двадцать лѣтъ* спустя, въ 1867 году; меня просили прочесть что-нибудь въ близкомъ кругу друзей, собиравшихся то у насъ, то у извѣстнаго физиолога *Шиффа* во Флоренціи. Я вспомнилъ переводъ «Крупова» и прочелъ его. Слушатели были очень довольны, Шиффъ настоятельно требовалъ, чтобы я перепечаталъ его. Одинъ итальянскій литераторъ просилъ текстъ для перевода на итальянскій языкъ. Мой «Круповъ», какъ Лазарь, снова ожилъ. Перечитывая его, мнѣ пришли въ голову «рефлексіи и контроверзіи» прозектора Левіаѳанскаго, и я ихъ написалъ собственно для Шиффа.

Карль Фогтъ, смѣясь, требовалъ отвѣта Левіаѳанскому, обвиняя его въ скрытомъ деизмѣ, на томъ основаніи, что онъ своего бога спряталъ въ *фонарь*, котораго вовсе нѣтъ, но я побоялся, что одна и та же шутка утомить.

3439. ЕЩЕ РАЗЪ БАЗАРОВЪ.

Письмо первое.

Вмѣсто письма, любезный другъ, посылаю тебѣ диссертацию; да еще не оконченную. Послѣ нашего разговора я перечиталъ статью Писарева о Базаровѣ, которую совсѣмъ забылъ, и очень радъ этому, т.-е. не тому, что забылъ, а тому, что перечиталъ. Статья эта подтверждаетъ мою точку зрѣнія, въ своей односторонности она вѣрнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ объ ней думали ея противники.

Вѣрно ли понялъ Писаревъ тургеневскаго Базарова, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Важно то, что онъ въ Базаровѣ узналъ *себя* и *своихъ* и добавилъ, чего не доставало въ книгѣ. Чѣмъ Писаревъ меньше держался колодокъ, въ которыя разгнѣванный родитель старался вколотить упрямаго сына, тѣмъ свободнѣе перенесъ на него свой идеаль.

«Но въ чемъ же можетъ быть интересенъ для насъ идеаль г. Писарева? Писаревъ—бойкій критикъ, онъ писалъ много, писалъ обо всемъ, иногда о такихъ предметахъ, которые зналъ, но все это не даетъ его идеалу права на общее вниманіе».

Въ томъ-то и дѣло, что это не его личный идеаль, а тотъ идеаль, который *до* тургеневскаго Базарова и послѣ *него* носился въ молодомъ

поколѣніи и воплощался не только въ разныхъ героевъ повѣстей и романовъ, но въ живыя лица, старавшіяся принять въ основу дѣйствій и словъ своихъ базаровщину. То, что Писаревъ говоритъ, я слышалъ и видѣлъ десять разъ; онъ простодушно разболталъ задушевную мысль цѣлаго круга и, собравъ въ одномъ фокусѣ разсѣянные лучи, освѣтилъ ими нормальнаго Базарова.

Базаровъ для Тургенева больше, чѣмъ посторонній, для Писарева больше, чѣмъ свой; для изученія, конечно, надобно взять тотъ взглядъ, который въ Базаровѣ видитъ свой *desideratum*.

Противники Писарева испугались его неосторожности; отрекаясь отъ тургеневского Базарова, какъ отъ шаржа, они отмахивались еще больше отъ его преображеннаго двойника; имъ было неприятно, что Писаревъ опростоловился, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ его невѣрно понималъ.

Писаревъ знаетъ сердце своего Базарова до тла, онъ исповѣдуется за него. «Можетъ быть», говоритъ онъ, «Базаровъ въ глубинѣ души признаетъ многое изъ того, что отрицаетъ на словахъ, и, можетъ быть, именно это признаваемое, это затаившееся спасаетъ его отъ нравственнаго паденія и отъ нравственнаго ничтожества». Мы считаемъ эту нескромность, заглянувшую такъ далеко въ чужую душу, очень важной.

Дальше Писаревъ такъ характеризуетъ своего героя: «Базаровъ чрезвычайно самолюбивъ, но самолюбіе его незамѣтно (ясно, что это не тургеневскій Базаровъ), именно вслѣдствіе этой громадности. Удовлетворить Базарова могла бы только *цѣлая вѣчность постоянно расширяющейся дѣятельности и постоянно увеличивающагося наслажденія* ¹⁾.

«Б. вездѣ и во всемъ поступаетъ только такъ, какъ ему хочется или какъ ему кажется выгоднымъ и удобнымъ; имъ управляетъ только личная прихоть или личные расчеты. Ни подъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, впереди никакой высокой цѣли, въ умѣ никакого высокаго помысла и при всемъ этомъ силы огромныя. Если Базаровщина *болѣзнь*, то она—болѣзнь нашего времени и ее приходится выстрадать, несмотря ни на какія ампутаціи и палліативы.

«Б. смотритъ на людей сверху внизъ и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать *свои полу-презрительныя и полу-покровительственныя*

¹⁾ Юность любитъ выражаться разными несоизмѣримостями и поражать воображеніе бесконечно великими образами. Последняя фраза имѣетъ такъ и напоминаетъ Карла Мора, Фердинанда и Донъ-Карлоса. А. И. Г.

отношенія къ тѣмъ, которые его ненавидятъ, и къ тѣмъ, которые слушаются. Онъ никого не любитъ. Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было. Въ его цинизмѣ двѣ стороны—внутренняя и внѣшняя, цинизмъ мыслей и чувствъ и цинизмъ манеръ и выражений. Ироническое отношеніе къ чувству всякаго рода, къ мечтательности, къ лиризму составляетъ сущность внутренняго цинизма. Грубое выраженіе этой ироніи, *безпричинная и безцѣльная рѣзкость* въ обращеніи относятся къ внѣшнему цинизму. Б.—не только эмпирикъ, онъ, кромѣ того, неотесанный буршъ. Въ числѣ почитателей Б. найдутся, навѣрное, такіе люди, которые будутъ восхищаться его грубыми манерами, слѣдами бурсацкой жизни, будутъ подражать этимъ манерамъ, составляющимъ во всякомъ случаѣ *недостатокъ*, а не достоинство ¹⁾).

«Такіе люди всего чаще вырабатываются при сѣрой обстановкѣ трудовой жизни; отъ суроваго труда грубѣютъ руки, грубѣютъ манеры, грубѣютъ чувства, человѣкъ крѣпнеть и прогоняетъ юношескую мечтательность, избавляется отъ слезливой чувствительности; за работой мечтать нельзя, на мечту человѣкъ смотритъ, какъ на блажь, свойственную праздности и барской изнѣженности, нравственныя страданія онъ считаетъ мечтательными, нравственныя стремленія и подвиги—придуманнми и нелѣпыми. Онъ чувствуетъ *отвращеніе къ фразистости*».

Затѣмъ Писаревъ представляетъ генеалогическое дерево Базарова: Онѣгины и Печорины родили Рудиныхъ и Бельтовыхъ, Рудины и Бельтовы—Базарова. (По волѣ или поневолѣ выпущены декабристы, не знаю).

Усталые, скучающіе люди замѣняются людьми, стремящимися къ дѣлу, жизнь бракуетъ обоихъ, какъ негодныхъ и неполныхъ. «Пострадать имъ иногда придется, но сдѣлать дѣло никогда не удастся. Общество къ нимъ глухо и неумолимо. Они не умѣютъ ужиться съ его условіями, ни одинъ изъ нихъ не дослужился до *начальниковъ*

¹⁾ Предсказаніе сбылось. Странная вещь—это взаимодѣйствіе людей на книгу и книги на людей. Книга беретъ весь складъ изъ того общества, въ которомъ возникаетъ, обобщаетъ его, дѣлаетъ болѣе нагляднымъ и рѣзкимъ и вслѣдъ за тѣмъ бываеъ обойдена реальностью. Оригиналы дѣлаютъ шаржъ своихъ рѣзко *оттѣненныхъ* портретовъ, и дѣйствительныя лица вживаются въ свои литературныя *тѣни*. Въ концѣ прошлаго вѣка всѣ нѣмцы сбивали немного на Вертера, всѣ нѣмки—на Шарлотту; въ началѣ нынѣшняго—университетскіе Вертеры стали превращаться въ «разбойниковъ», не настоящихъ, а шиллеровскихъ. Русскіе молодые люди, прѣзжавшіе послѣ 1862, почти всѣ были изъ «Что дѣлать?» съ прибаленіемъ нѣсколькихъ базаровскихъ чертъ. А. Н. Г.

отдѣленія. Иныя утѣшаются, становясь профессорами и работая для будущаго поколѣнiя». Отрицательная польза, приносимая ими, не подлежит сомнѣнiю. Они размножаютъ людей, *неспособныхъ* къ практической дѣятельности, вслѣдствiе чего самая практическая дѣятельность или, вѣрибе, тѣ формы, въ которыхъ она обыкновенно выражается теперь, медленно, но постоянно понижается въ мнѣнiи общества.

«Казалось (послѣ Крымской кампанiи), что рудинству приходитъ конецъ, что за эпохой безплодныхъ мечтанiй и стремленiй наступаетъ эпоха кипучей и полезной дѣятельности. Но миражъ разсѣялся. Рудины не сдѣлались практическими дѣятелями, изъ-за нихъ выдвинулось новое поколѣнiе, которое съ *укоромъ и насмѣшкой* отнеслось къ своимъ предшественникамъ. Объ чемъ вы поете, чего вы ищете, чего просите отъ жизни? Вамъ, небось, счастья хочется? Да, вѣдь, мало что! Счастье надо завоевать. Есть силы—берите его. Нѣтъ силъ—*молчите*, а то и безъ васъ тошно!». Мрачная, сосредоточенная энергiя сказывалась въ этомъ *недружелюбномъ* отношенiи молодого поколѣнiя къ своимъ наставникамъ. Въ своихъ понятiяхъ о добрѣ и злѣ это поколѣнiе сходилось съ лучшими людьми предыдущаго, симпатiи и антипатiи были общiя; *желали они одного и того же*, но люди прѣшлаго *метались и суетились*. Люди настоящаго не мечтаютъ, ничего не ищутъ, не поддаются ни на какiе компромиссы и *ни на что не поддаются*. Они такъ же безсильны, какъ Рудины, но они сознали свое безсилiе.

«Я не могу дѣйствовать теперь, думаетъ каждый изъ этихъ новыхъ людей, не стану и пробовать, *я призираю все, что меня окружаетъ*, и не стану скрывать моего презрѣнiя. Въ борьбу со зломъ я пойду, когда почувствую себя сильнымъ. Не имѣя возможности дѣйствовать, люди начинаютъ думать и изслѣдовать... Суевѣрiе и авторитеты разбиваются вдребезги, и мирозерцанiе совершенно очищается отъ разныхъ призрачныхъ представленiй. Имъ дѣла нѣтъ, идетъ ли за ними общество; они полны собой, своей внутренней жизнью. Словомъ, у Печориныхъ *есть воля безъ знанiя*, у Рудиныхъ—*знанiе безъ воли*, у Базаровыхъ— *и знанiе, и воля*. Мысль и дѣло сливаются въ одно твердое цѣлое».

Тутъ все есть, какъ видишь, если нѣтъ ошибки: и характеристика, и классификацiя,—все коротко и ясно, сумма подведена, счетъ поданъ и съ той точки зрѣнiя, съ которой авторъ взялъ вопросъ, совершенно вѣрно.

Но мы этого счета не принимаемъ и протестуемъ противъ него изъ нашихъ преждевременныхъ и не наступившихъ могилъ. Мы не Карлъ V и никакъ не хотимъ, чтобы насъ хоронили живыми.

Странная судьбы *отцовъ и дѣтей!* Что Тургеневъ вывелъ Базарова не для того, чтобъ поглядить по головкѣ,—это ясно; что онъ хотѣлъ что-то сдѣлать въ пользу отцовъ,—и это ясно. Но въ соприкосновеніи съ такими жалкими и ничтожными отцами, какъ Кирсановы, крутой Базаровъ увлекъ Тургенева, и, вмѣсто того, чтобъ поѣсть сына, онъ выпоролъ отцовъ.

Оттого-то и вышло, что часть молодого поколѣнія узнала себя въ Базаровѣ. Но мы вовсе не узнаемъ себя въ Кирсановыхъ, такъ, какъ не узнавали себя ни въ Маниловыхъ, ни въ Собакевичахъ, несмотря на то, что Маниловы и Собакевичи существовали сплошь да рядомъ во время нашей молодости и теперь существуютъ.

Мало ли какія стада нравственныхъ недоносковъ живутъ въ одно и то же время въ разныхъ слояхъ общества, въ разныхъ направленіяхъ его; безъ сомнѣнія, они представляютъ больше или меньше общіе типы, но не представляютъ самой рѣзкой и характеристической стороны своего поколѣнія, стороны, наиболѣе выражающей его интенсивность. Писаревскій Базаровъ въ одностороннемъ смыслѣ до нѣкоторой степени предѣльный типъ того, что Тургеневъ назвалъ *сыновьями*; въ то время, какъ Кирсановы—самые стертые и пошлые представители отцовъ.

Тургеневъ былъ больше художникъ въ своемъ романѣ, чѣмъ думаютъ, и оттого сбился съ дороги, и, по-моему, очень хорошо сдѣлалъ,—шелъ въ комнату, попалъ въ другую, зато въ лучшую.

Что бы ему было прислать Базарова въ Лондонъ? Плюгавый Писемскій не побоялся путевыхъ расходовъ для взбаламученныхъ уродцевъ своихъ. Мы, можетъ быть, доказали бы ему на берегахъ Темзы, что можно, и не дослуживаясь до *начальника отдѣленія*, приносить не меньше пользы, чѣмъ приносить любой *начальникъ департамента*; что общество не всегда глухо и неумолимо, когда протестъ попадаетъ въ тонъ; что дѣло иногда удается; что у Рудинныхъ и Бельтовыхъ иной разъ бываетъ и воля, и настойчивость, и что, видя невозможность дѣятельности, къ которой они стремились по внутреннему влеченію, они бросали *многое*, уѣзжали на чужбину и заводили, «не метавшись и не суетясь», русскую книгопечатню и русскую пропаганду.

Вліяніе лондонскаго станка отъ 1856 до конца 1863 г.—не только практической фактъ, но фактъ исторической. Стереть его нельзя, съ нимъ надобно примириться.

Базаровъ въ Лондонѣ увидѣлъ бы, что это только издали казалось, что мы размахиваемъ руками, а что на самомъ дѣлѣ мы ими

работали. Можетъ, онъ смѣнилъ бы гнѣвъ на милость и пересталъ бы относиться къ намъ «съ укоромъ и насмѣшкой».

Я признаю откровенно: мнѣ лично это метанье камнями въ своихъ предшественниковъ противно. Повторяю сказанное («Былое и думы», IV томъ): «Хотѣлось бы спасти молодое поколѣніе отъ исторической неблагодарности и даже отъ исторической ошибки. Пора отцамъ-Сатурнамъ не закусывать своими дѣтьми, но пора и дѣтямъ не брать примѣра съ тѣхъ камчадаловъ, которые убиваютъ своихъ стариковъ».

Неужели за одной природой остается право, что ея фазы и ступени развитія, отклоненія и уклоненія, даже avortements ¹⁾, изучаются, принимаются, обдумываются sine ira et studio ²⁾, а какъ дойдетъ дѣло до исторіи,—тотчасъ въ сторону методъ физиологическій и на мѣсто его уголовная палата и управа благочинія?

Онѣгины и Печорины прошли.

Рудины и Бельтовы проходятъ.

Базаровы пройдутъ... и даже очень скоро. Это—слишкомъ натянутый, школьный, взвинченный типъ, чтобъ ему долго удержаться.

На его смѣну напрашивался уже типъ, въ веснѣ дней своихъ сгнившій, типъ православнаго студента, *консерватора и казеннокоштаннаго патріота*, въ которомъ отпрыгнулось все гнусное императорской Руси и который самъ сконфузился послѣ серенады Иверской и молебна Каткову.

Всѣ возникнувшіе типы пройдутъ и всѣ, съ той неутрачиваемостью однажды возбужденныхъ силъ, которую мы научились узнавать въ физическомъ мірѣ, останутся и взойдутъ, видоизмѣняясь въ будущее движеніе Россіи и въ будущее устройство ея.

А потому не интереснѣе ли, вмѣсто того, чтобы стравлять Базарова съ Рудинымъ, разобрать, въ чемъ *красныя нитки*, ихъ связующія, и въ чемъ причины ихъ возникновеній и ихъ превращеній? Почему именно эти формы развитія вызвались нашей жизнью, и почему онѣ такъ переходили одна въ другую? Несходство ихъ очевидно, но чѣмъ-нибудь были же онѣ и близки другъ другу.

Типы легко схватываютъ различія; для рѣзкости въ нихъ увеличиваютъ углы и выпуклости, обводятъ густой краской предѣлы, обрываютъ связи, переливы теряются, и единство остается вдали, за туманами.

¹⁾ Выкидышъ, неудача.

²⁾ Безпристрастно.

номъ; какъ поле, соединяющее подошвы горъ, далекихъ другъ отъ друга, ярко освѣщенными вершинами.

Къ тому же мы грузимъ на плечи типовъ больше, чѣмъ они могутъ вынести, и придаемъ имъ въ жизни значеніе, котораго они не имѣли или имѣли въ ограниченномъ смыслѣ. Братъ Онѣгина за *положительный* типъ умственной жизни двадцатыхъ годовъ, за интеграль всѣхъ стремленій и дѣятельностей проснушагося слоя совершенно ошибочно, хотя онъ и представляетъ одну изъ сторонъ тогдашней жизни.

Типъ того времени, это—*декабристы*, а не Онѣгинъ. Русская литература не могла до него касаться цѣлыя сорокъ лѣтъ, но онъ отъ этого не сталъ меньшимъ.

Какъ у молодого поколѣнія не достало ясновидѣнія, такта сердца понять все величіе, всю силу этихъ блестящихъ юношей, выходящихъ изъ рядовъ гвардіи, этихъ баловней знатности, богатства, оставляющихъ свои гостиныя и свои груды золота для требованія человѣческихъ правъ, для протеста, для заявленія, за которое—и они знали это—ихъ ждали веревка палача и каторжная работа? Это—печальная загадка.

Сердиться на то, что эти люди явились въ единственномъ словіи, въ которомъ было какое-нибудь образованіе, какой-нибудь досугъ и какая-нибудь обезпеченность, безсмысленно. Если-бъ эти «князья, бояре, воеводы», эти статсъ-секретари и полковники не проснулись первые отъ нравственнаго голода и ждали, чтобъ ихъ разбудилъ голодъ физическій, то не было бы не только ноющихъ и безпокойныхъ Рудиныхъ, но и почившихъ въ своемъ «единствѣ воли и знанія» Базаровыхъ, а былъ бы какой-нибудь полковой лѣкарь, который морилъ бы солдатъ, обкрадывая ихъ на пайкахъ и лѣкарствахъ, и продавалъ бы приказчику Кирсанова свидѣтельства объ естественной смерти зашченныхъ крестьянъ, или былъ бы повытчикъ-взяточникъ, вѣчно пьяный, лупилъ бы четвертаки съ крестьянъ и подавалъ бы шинель и калоши его превосходительству начальнику губерніи, Кирсанову, да, сверхъ того, не было бы смертельнаго удара крѣпостному состоянію, ни всего того, что работаетъ подъ тяжелой корою власти, подтачивая императорскіе горностаи и стеганный помѣщичій халатъ.

Счастье, что рядомъ съ людьми, которыхъ барскія затѣи состояли въ псарнѣ и дворнѣ, въ насилуваніи и сѣченіи дома, въ раболѣпствѣ въ Петербургѣ, нашлись такіе, которыхъ «затѣи» состояли въ томъ, чтобъ вырвать изъ ихъ рукъ розгу и добиться простора не умарству на отъѣзжемъ полѣ, а простора уму и человѣческой жизни. Была ли эта затѣя ихъ серьезнымъ дѣломъ, ихъ страстью, они это доказали

на висѣлицѣ, на каторгѣ... они это доказали, возвратившись черезъ тридцать лѣтъ изъ Сибири.

Если въ литературѣ сколько-нибудь отразился слабо, но съ родственными чертами типъ декабриста—это въ Чацкомъ.

Въ его озлобленной, желчевой мысли, въ его молодомъ негодованіи слышится здоровый порывъ къ дѣлу, онъ чувствуетъ, чѣмъ недоволенъ, онъ головой бьетъ въ каменную стѣну общественныхъ предразсудковъ и пробуетъ, крѣпки ли казенныя рѣшетки. Чацкій шель прямой дорогой на каторжную работу, и, если онъ уцѣлѣлъ 14 декабря, то навѣрное не сдѣлался ни страдательно тоскующимъ, ни гордо презирающимъ лицомъ. Онъ скорѣе бросился бы въ какую-нибудь негодующую крайность, какъ Чаадаевъ, сдѣлался бы католикомъ, ненавистникомъ славянъ или славянофиломъ, но не оставилъ бы ни въ какомъ случаѣ своей пропаганды, которой не оставлялъ ни въ гостинной Фамусова, ни въ его сѣняхъ, и не успокоился бы на мысли, что «его часъ не насталь». У него была та безпокойная неугомонность, которая не можетъ выносить диссонанса съ окружающимъ и должна или сломить его, или сломиться. Это—то броженіе, въ силу котораго невозможны застои въ исторіи и невозможна плѣсень на текущей, но замедленной волнѣ ея.

Чацкій, если-бъ пережилъ первое поколѣніе, шедшее за 14 декабря въ страхъ и трепетъ, сплюснутое терроромъ, выросшее пониженнымъ и задавленнымъ, черезъ нихъ протянулъ бы горячую руку намъ. Съ нами Чацкій возвращался на *свою* почву. Эти *times sois-sés* ¹⁾ черезъ поколѣнія не рѣдкость даже въ зоологіи. И я глубоко убѣжденъ, что мы съ дѣтьми Базарова встрѣтимся симпатично, и они съ нами—«безъ озлобленія и насмѣшки».

Чацкій не могъ бы жить сложа руки ни въ капризной брюзгливости, ни въ надменномъ самообоготвореніи; онъ не былъ настолько старъ, чтобъ находить удовольствіе въ ворчливомъ будированіи, и не былъ такъ молодъ, чтобъ наслаждаться отроческими самоудовлетвореніями. Въ этомъ характерѣ безпокойнаго фермента, бродящихъ дрожжей вся сущность его.

Но именно эта-то сторона и не нравится Базарову, она-то его и озлобляетъ въ его гордомъ стоицизмѣ. «Молчите въ своемъ углу, коли силъ нѣтъ что-нибудь дѣлать, а то и безъ вашего хныканья тошно,—говоритъ онъ,—побиты, ну и сидите побитые... Что вамъ ѣсть, что ли, нечего, что плачете? это все—барскія затѣи», и т. д.

¹⁾ Рифмы черезъ строчку.

Писаревъ долженъ былъ такъ говорить за Базарова,—этого требовала его роль.

Не играть роли, пока она нравится, трудно. Снимите съ Базарова его мундиръ, заставьте его забыть жаргонъ, на которомъ онъ говорить, дайте ему волю *просто*, безъ *фразы* (ему, который такъ ненавидитъ *фразерство!*) сказать одно слово, дайте ему на минуту забыть свою ежевную обязанность, свой искусственно сухой языкъ, свою стегающую роль,—и мы объяснимся во всемъ остальномъ въ одинъ часъ.

«Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ новое поколѣніе сходилось съ прошедшимъ. Симпатіи и антипатіи, говоритъ Писаревъ, были общи, желали они одного и того же... въ глубинѣ души они признаютъ многое, что отрицаютъ на словахъ». Мудрено ли послѣ этого столкнуться.

Но пока облаченье не снято, Базаровъ послѣдовательно требуетъ отъ людей, сдавленныхъ всеѣмъ на свѣтѣ, оскорбленныхъ, измученныхъ, лишенныхъ и сна и возможности на яву дѣлать что-нибудь, чтобы они не говорили о боли,—это сильно сбивается на аракеевщину.

На какомъ же основаніи отнять право на горькую жалобу Лермонтова, напр., на его упреки своему поколѣнію, отъ которыхъ многіе вздрогнули? Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ бы лучше николаевскій острогъ, если-бъ въ немъ тюремные сторожа были такъ же раздражительно нервны и привязчивы, какъ Базаровъ, и подавили бы эти голоса?

— Да зачѣмъ они? Что проку?

— А зачѣмъ камень издаетъ звукъ, когда его бьютъ молотомъ?

— Онъ не можетъ иначе.

— А почему эти господа думаютъ, что люди могутъ страдать цѣлыя поколѣнія безъ словъ, жалобы, негодованія, проклятія, протеста? Если не для другихъ нужна жалоба, то для самихъ жалующихся. Высказанная скорбь утомляетъ боль. Ihm, говоритъ Гете, gab ein Gott zu sagen was er leidet ¹⁾.

— А намъ что за дѣло?

— Можетъ, вамъ и нѣтъ, такъ другимъ, можетъ, *есть*; но нельзя терять изъ виду, что каждое поколѣніе живетъ тоже и *для себя*. Съ точки зрѣнія исторіи, оно—переходъ, но въ отношеніи къ себѣ оно—цѣль и не можетъ, не должно безропотно выносить на него падаю-

¹⁾ Богъ далъ ему высказать свое горе.

щія невзгоды, особенно, не имѣя даже того утѣшенія, которое имѣлъ Израиль, ожидавшій Мессію, и вовсе не зная, что отъ сѣмени Онѣгинныхъ и Рудиныхъ родится Базаровъ.

Въ сущности, нашихъ юношей приводитъ въ ярость то, что въ нашемъ поколѣніи выражалась *наша* потребность дятельности, *наше* протестъ противъ существующаго *иначе*, чѣмъ у нихъ, и что мотивъ того и другого не всегда и не вполне зависѣлъ отъ голода и холода.

Нѣтъ ли въ этомъ пристрастіи къ однообразію того же раздражительнаго духа, который сдѣлалъ у насъ изъ канцелярской формы сущность дѣла и изъ военныхъ эволюцій шагистику? Изъ этой стороны русскаго характера развились статская и военная аракетчица. Всякое личное, индивидуальное проявленіе, отступленіе считалось непокорствомъ и возбуждало преслѣдованія и непрерывныя придирки. Базаровъ не оставляетъ никого въ покоѣ, всѣхъ задираетъ свысока. Каждое слово его—выговоръ высшаго низшему. Это не имѣетъ будущности.

«Если, говоритъ Писаревъ, базаровщина—болѣзнь нашего времени, то ее придется выстрадать».

Ну, и довольно. Болѣзнь эта къ лицу только до окончанія университетскаго курса; она, какъ прорѣзываніе зубовъ, совершеннолѣтію не пристала.

Худшая услуга, которую Тургеневъ оказалъ Базарову, состоитъ въ томъ, что, не зная, какъ съ нимъ сладить, онъ его казнилъ тифомъ. Это такая *ultima ratio* ¹⁾, противъ которой никто не устоитъ. Уцѣлѣй Базаровъ отъ тифа, онъ, навѣрное, развился бы вонъ изъ базаровщины, по крайней мѣрѣ въ науку, которую онъ любилъ и цѣнилъ въ физиологіи и которая не мѣняетъ своихъ пріемовъ, лягушка ли или человѣкъ, эмбриологія ли или исторія у нея въ передѣлѣ.

«Базаровъ выбилъ изъ своей головы всякіе предрасудки, затѣмъ онъ остался человѣкомъ крайне необразованнымъ. Онъ слыхалъ кое-что о поэзии, кое-что объ искусствѣ, *не потрудился* подумать и съ плеча произнесъ приговоръ надъ незнакомымъ предметомъ. Эта заносчивость *свойственна намъ* вообще, она имѣетъ свои хорошія стороны, какъ умственная смѣлость, но зато порой приводитъ къ грубымъ ошибкамъ».

Наука спасла бы Базарова, онъ пересталъ бы глядѣть на людей свысока, съ глубокимъ и не скрываемымъ презрѣніемъ. Наука учитъ насъ больше, чѣмъ Евангеліе, смиренію. Она не можетъ ни на что гля-

¹⁾ Крайнее средство.

дѣтъ свысока, она не знаетъ, что такое *свысока*, она ничего не притрагиваетъ, никогда не лжетъ для роли и ничего не скрываетъ изъ кокетства. Она останавливается передъ фактами, какъ изслѣдователь, иногда, какъ врачъ, никогда, какъ палачъ, еще меньше—съ враждебностью и ироніей.

Наука,—я, вѣдь, не обязанъ скрывать нѣсколько словъ въ тиши душевной,—наука—*любовь*, какъ сказалъ Спиноза о мысли и вѣдѣніи.

Письмо второе.

Прошедшее оставляетъ въ исторіи *ступню*, по которой наука, рано или поздно, восстанавливаетъ бывшее въ основныхъ чертахъ. Утрачивается одно случайное, освѣщеніе подъ тѣмъ или другимъ угломъ, подъ которымъ оно проходило. Аполоезы и клеветы, пристрастія и зависти,—все это вывѣтривается и сдувается. Легкая ступня, занесенная пескомъ, исчезаетъ; ступня, имѣвшая силу и настойчивость выдавить себя на камнѣ, воскреснетъ подъ рукой честнаго труженика.

Связи, степени родства, завѣщатели и наслѣдники и ихъ взаимныя права,—все раскроется геральдикой науки.

Безъ предшественниковъ рождаются только богини, какъ Венера изъ пѣны морской. Минерва умнѣе ея,—родилась изъ готовой головы Юпитера.

Декабристы—наши великіе отцы, Базаровы—наши блѣдныя дѣти.

Мы отъ декабристовъ получили въ наслѣдство возбужденное чувство человѣческаго достоинства, стремленіе къ независимости, ненависть къ рабству, уваженіе къ Западу и революціи, вѣру въ возможность переворота въ Россіи, страстное желаніе участвовать въ немъ, юность и непочатость силъ.

Все это переработалось, стало инымъ, но основы цѣлы.

Что же наше поколѣніе завѣщало новому?

Нигилизмъ.

Вспомнимъ немного, какъ было дѣло.

Около сороковыхъ годовъ жизнь изъ-подъ туго придавленныхъ клапановъ стала сильнѣе прорываться. Во всей Россіи прошла едва уловимая перемѣна, та перемѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманія, что въ болѣзни *есть поворотъ* къ лучшему, что силы очень слабы, но будто поднялись,—другой *тонъ*. Гдѣ-то внутри, въ нравственно-микроскопическомъ мірѣ повѣялъ иной воздухъ,

больше раздражительный, но и больше здоровый. Наружно все было мертво, но что-то пробудилось въ сознаниі, въ совѣсти—какое-то чувство неловкости, неудовольствія. Ужась притупился, людямъ надоѣло въ полумракѣ темнаго царства.

Я эту перемену видѣлъ своими глазами, пріѣхавши изъ ссылки, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Но я увидѣлъ это въ кругахъ литераторовъ и ученыхъ. Другой человѣкъ, котораго остзейская антипатія къ русскому движенію ставитъ выше подозрѣнія въ пристрастіи, рассказалъ не такъ давно, какъ онъ, возвратившись въ сороковыхъ годахъ въ петербургскую аристократію казармъ, послѣ отсутствія нѣсколькихъ лѣтъ, былъ озадаченъ послабленіемъ дисциплины. Флигель-адъютанты, гвардейскіе полковники роптали, критиковали мѣры правительства, были недовольны *самимъ Николаемъ*. Его это до того ошеломило, огорчило, испугало за будущность самодержавія, что онъ въ смятеніи духа почувствовалъ за обѣдомъ у флигель-адъютанта Б., чуть ли не въ присутствіи самого Дубельта, какъ между сыромъ и грушей родился *нигилизмъ*.

Онъ не зналъ новорожденнаго, но новорожденный былъ. Машина, завинченная Николаемъ, стала подаваться; онъ ее свинтилъ на другую сторону, и всѣ это почувствовали; одни говорили, другіе молчали,—запрещали говорить; но тѣ и другіе поняли, что въ сущности все идетъ плохо, что всему тяжело, и что отъ этой тяжести никому нѣтъ прока.

Замѣшался въ дѣло смѣхъ, дурной товарищъ всякой *религіи*, а *самодержавіе*—религія. Мерзость и запустѣніе низшей администраціи дошли до того, что правительство отдало ее на поруганье. Николай Павловичъ, помиравшій со смѣху въ своей ложѣ надъ Сквозникомъ-Дмухановскимъ и Держимордой, помогаль пропагандѣ, не догадываясь, что смѣхъ, послѣ высочайшаго одобренія, пойдетъ быстро вверхъ по табели о рангахъ.

Приложить къ этому времени во всей ихъ рѣзкости рубрики Писарева трудно. Въ жизни все состоитъ изъ переливовъ, колебаній, перекрещиваній, захватываній и перехватываній, а не изъ отломленныхъ кусковъ.

Гдѣ окончились люди безъ знанія съ волей и начались люди съ знаніемъ безъ воли?

Природа рѣшительно ускользаетъ отъ вѣводнаго ранжира, даже отъ ранжира по возрастамъ. Лермонтовъ лѣтами былъ товарищъ Вѣлиискаго, онъ былъ вмѣстѣ съ нами въ университетѣ, а умеръ въ безвыходной безнадежности печоринскаго направленія, противъ котораго возставали уже и славянофилы и мы.

Кстати я назвалъ славянофиловъ. Куда дѣтъ Хомякова и его «братчиковъ»? Что у нихъ было: воля безъ знанія или знаніе безъ воли? А мѣсто они заняли не шуточное въ новомъ развитіи Россіи, они свою мысль далеко вдавили въ современный потокъ.

Или въ какой рекрутскій приѣмъ и по какой мѣрѣ мы сдадимъ Гоголя? Знанія у него не было, была ли воля, не знаю, сомнѣваюсь, а гений былъ, и его вліяніе колоссально.

Итакъ, оставляя *lapides crescunt, planta crescunt et vivunt* ¹⁾... Писарева, пойдемъ далѣе.

Тайныхъ обществъ не было, но *тайное соглашеніе* понимающихъ было велико. Круги, составленные изъ людей, больше или меньше испытавшихъ на себѣ медвѣжью лапу правительства, смотрѣли чутко за своимъ составомъ. Всякое другое действіе, кромѣ слова, и то маскированного, было невозможно, зато слово приобрѣло мощь и, не только печатное, но еще больше живое слово, меньше уловимое полиціей.

Двѣ батареи выдвинулись скоро. Периодическая литература дѣлается пропагандой, во главѣ ея становится въ полномъ разгарѣ молодыхъ силъ Бѣлинскій. Университетскія кафедры превращаются въ налои, лекціи—въ проповѣди очеловѣченья, личность Грановскаго, окруженнаго молодыми доцентами, выдается больше и больше.

Вдругъ еще взрывъ смѣха,—страннаго смѣха, страшнаго смѣха, смѣха судорожнаго, въ которомъ былъ и стыдъ и угрызеніе совѣсти, и, пожалуй, не смѣхъ до слезъ, а слезы до смѣха. Нелѣпный, уродливый, узкій міръ «Мертвыхъ душъ» не вынесъ, осѣлъ и сталъ отодвигаться. А проповѣдь шла сильнѣй... все одна проповѣдь—и смѣхъ и плачъ, и книга и рѣчь, и Гегель ²⁾ и исторія,—все звало людей къ сознанию своего положенія, къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ и передъ собственнымъ безправіемъ, все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціоннаго хлама, на свободу совѣсти и разума.

Къ этому времени принадлежатъ первыя зарницы *нигилизма*,—зарницы той совершеннѣйшей свободы отъ всѣхъ готовыхъ понятій, отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ обструкцій и заваловъ, которые мѣшаютъ западному уму итти впередъ своимъ историческимъ ядромъ на ногахъ...

¹⁾ Камни растутъ, растенія растутъ и живутъ.

²⁾ Діалектика Гегеля—страшный таранъ; она, несмотря на свое двуличіе, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее и распускала все, мѣшавшее разуму. Къ тому же это было время Фейербаха, *der kritischen Kritik*...—А. И. Г.

Тихая работа сороковыхъ годовъ разомъ оборвалась: времена чернѣе и тяжеле начала николаевского царствованія наступили послѣ февральской революціи. Передъ началомъ гоненій умеръ Бѣлинскій. Грановскій завидовалъ ему и стремился оставить отечество.

Темная семилѣтняя ночь пала на Россію, и въ ней-то сложился, развился и окрѣпъ въ русскомъ умѣ тотъ складъ мыслей, тотъ пріемъ мышленія, который назвали *нигилизмомъ*.

Нигилизмъ (повторяю сказанное недавно въ «Колоколѣ»), это—логика безъ стриктуры, это—наука безъ догматовъ, это—безусловная покорность опыту и безропотное принятіе всѣхъ послѣдствій, какія бы они ни были, если они вытекають изъ наблюденія, требуются разумомъ. Нигилизмъ не превращаетъ *что-нибудь* въ ничего, а раскрываетъ, что *ничего*, принимаемое за *что-нибудь*,—оптической обманъ, и что всякая истина, какъ бы она ни перечила фантастическимъ представленіямъ, здоровѣе ихъ и во всякомъ случаѣ обязательна.

Идетъ это названіе къ дѣлу или нѣтъ, это все равно. Къ нему привыкли, оно принято друзьями и врагами, оно попало въ полицейскій признакъ, оно стало доносомъ, обидой у однихъ, похвалой у другихъ. Разумѣется, если подъ *нигилизмомъ* мы будемъ разумѣть обратное творчество, т.-е. превращеніе фактовъ и мыслей въ *ничто*, въ бесплодный скепттизмъ, въ надменное «сложь руки», въ отчаяніе, ведущее къ бездѣйствию, тогда настоящіе *нигилисты* всего меньше подойдутъ подъ это опредѣленіе, и одинъ изъ величайшихъ *нигилистовъ* будетъ И. Тургеневъ, бросившій въ нихъ первый камень, и, пожалуй, его любимый философъ Шопенгауэръ.

Когда Бѣлинскій, долго слушая объясненія кого-то изъ друзей о томъ, что *духъ* приходитъ къ самосознанію въ человѣкѣ, съ негодованіемъ отвѣчалъ: «такъ это я не для себя сознаю, а для духа?.. что же я ему за дуракъ достался! лучше не буду вовсе думать, чтó мнѣ за забота до его сознанія»...—онъ былъ *нигилистъ*.

Когда Бакунинъ уличалъ берлинскихъ профессоровъ въ робости отрицанія и парижскихъ революціонеровъ 1848 года—въ консерватизмѣ, онъ былъ вполне *нигилистъ*. Вообще, всѣ эти межеванія и ревнивыя отталкиванія ни къ чему не ведутъ, кромѣ насильственнаго антагонизма.

Когда петрашевцы пошли на каторжную работу за то, что «хотѣли ниспровергнуть всѣ божескіе и человѣческіе законы и разрушить основы общества», какъ говорить сентенція, выкрадывая выраженія изъ инквизиторской записки Липранди,—они были *нигилистами*.

Нигилизмъ съ тѣхъ поръ расширился, яснѣе сознавъ себя, долею, стала доктриной, принявъ въ себя многое изъ науки и вызывая дѣятелей съ огромными силами, съ огромными талантами... Все это неоспоримо.

Но новыхъ началъ, принциповъ онъ не внесъ.

Или гдѣ же они?

На это я жду отвѣта отъ тебя или, пожалуй, отъ кого-нибудь другого, и тогда буду продолжать. ¹

◆◆ 1. 15 февраля 1869 г. Бакунинъ писалъ Вырубову: «Я розниюсь съ вами не въ порицаніи герценовскаго славяно-русскаго мессіанизма. Старый на старости лѣтъ съ ума спятилъ, и очень удивился бы Герценъ молодой, какого я зналъ до 48-го года, еслибъ ему кто сказалъ, что онъ на старости лѣтъ будетъ городить такой вздоръ. Предоставляю положительной физиологіи и соціологіи объяснить причины такой грустной переменъ. Читали вы послѣднюю книжку его «Пол. Звѣзды»? Это чортъ знаетъ что. Слабый, безцвѣтный лепетъ блазировавшаго милліонера и отжившаго свой вѣкъ брюзгливаго старика» («Вѣст. Европы», 1913, II 76—77).

3440. Письмо къ М. К. Рейхель.

2 декабря (1868).

Не даромъ у меня была тяжела голова и чувствовалось не по себѣ у васъ. Приѣзжаю въ Женеву—и на желѣзной дорогѣ Тхорж., разстроенный и съ двумя телеграммами въ карманѣ. Тата занемогла какой-то сыпью съ лихорадкой, Нат. Ал. телеграфируетъ, чтобъ я ѣхалъ. Ночью мы телеграфили два раза; ей поллучше, но теперь-то умъ и умъ при уходѣ. Въ силу чего я завтра утромъ ѣду въ Ниццу... Еще мало ударовъ... Но я окрѣпъ и надѣюсь, что этотъ ударъ пройдетъ. Доктора въ Ниццѣ плохи, я готовъ и Левье позвать.

Если это летучая оспа,—не бѣда, скарлатина хуже—вы знаете. Тотчасъ буду вамъ писать.

Ну ужъ, видно, ружье Максу ¹⁾ придется посылать изъ Ниццы.

Прощайте.

Получилъ изъ Рима какую-то подлую записку, въ которой обѣщаютъ меня убить въ продолженіе 4 мѣсяцевъ, если я не поправлюсь. Въ Ниццу пока пишите: Pension Suisse, Nice (Alp. Marit.).

¹⁾ Младшій сынъ Рейхелей.

Отъ Маццини получилъ нѣсколько строкъ, написанныхъ умирающей рукой. Это меня сильно тронуло.

Не пора ли и намъ того—въ Могилевъ¹⁾, какъ говорилъ Никита Андреевичъ.

5 часовъ.

Еще телеграмма, что Татѣ не хуже. Я ѣду.

3441. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 декабря (1868), 9 утра.

Марсель. Café на желѣзной дорогѣ.

Я сейчасъ отправилъ тебѣ телеграмму и пишу отъ *stanco far niente*²⁾. Нѣтъ, Огар., тебѣ этихъ дорогъ этой методой не отламывать. Даже я усталъ и отъ усталы остался здѣсь до 12 часовъ. Поразительно нечеловѣчески устроены эти переѣзды. Въ Лионѣ мы опоздали больше получаса. «Train, объявилъ мнѣ кондукторъ, въ Ниццу идетъ *сiю минуту*»,—не даютъ времени сходить за нуждой. Я къ начальнику станціи,—говорю: «вашество, такъ и такъ въ книжкѣ написано».—«Да, говорить, но съ тѣхъ поръ, перемѣна; впрочемъ, пойдетъ другой train въ Марсель, вы можете его взять». Въ Марсель мы опоздали часомъ. До пріѣзда кондукторъ объявилъ, что train идетъ немедленно, т.-е. послѣ 18 часовъ ѣзды. Проученный въ Лионѣ, я ужъ прямо къ зрителю. «Вы человѣкъ, и ничто человѣческое не чуждо вамъ,—въ Лионѣ я имѣлъ малую нужду, здѣсь большую, виновать ли я, что train опаздываетъ?»—Онъ посмотрѣлъ милостиво на меня и сказалъ: «Я могу вамъ *позволить* ѣхать въ 12 часовъ». Онъ руку къ козырьку, и я отправился въ кафэ, гдѣ нашель знакомаго *garçon*'а, предложившаго мнѣ $\frac{1}{2}$ *perdreux*.

Зато въ Bellegard'ѣ прелесть—ни паспорта, ничего. Со мной еще лучше: комиссаръ спрашиваетъ: «ваша фамилія?» я говорю, онъ улыбается, и все кончено. Паспорта, стало, я даже не вынималъ.

Ну, вотъ и все внѣшнее. Въ Ниццу телеграфировалъ.

Наше послѣднее свиданіе было смутно. Я бываю какъ-то тупъ и оглушенъ при такихъ ударахъ съ сюрпризами и стремлюсь быть одинъ. Это прошло, ну—и *Te Deum*, а въ 1864 году операція Лели... Ты знаешь, что я до сего времени никому не имѣлъ силъ рассказать, что тогда было: «крѣпко человѣческое тѣло». Если-бъ *Nat.* поняла

¹⁾ Т.-е. въ Могилу.

²⁾ Станціоннаго ничегонедѣланія.

ту минуту и настоящую любовь къ Лизѣ, она не дергала бы за нити; боясь ихъ оборвать. Я прощать готовъ, «зана, какъ выражался Кукольникъ, одни сильные прощаютъ», но это не все.

А прогос, знаешь ли, что я ждалъ, что Бакун. пришлетъ спросить о Татѣ, для того, чтобъ примириться. Онъ не прислалъ... *é totta l'altissima colonna* ¹⁾.

Здѣсь лѣто. Все открыто. Солнце. Нѣтъ, Цюрихъ-то съ Берномъ да и съ Женевой придется похерить. Въ одномъ городѣ съ тобой было бы лучше, но трудно. Неустройство моей жизни и неустройство (въ иномъ родѣ) твоей дѣлають это нелегкимъ. Когда Туць будетъ въ пансионѣ, и ты рѣшишься опредѣлить куда-нибудь Генри, тогда потолкуемъ.

After breakfast ²⁾.

А гарсонъ (перfidный изъ слезотныхъ) говорить: «полпердро есть, но съ *трюфелями* (кормилица его уронила изъ гнѣзда, такъ онъ и родился съ трюфелями), а такъ какъ это франкомъ дороже, я не смѣлъ подать».—«Дерзайте». И онъ подаль.

Ахъ, старче, вѣдь, чудны дѣла Господни: на душѣ скребеть, а, все же, жизнь-то смѣшна. *Ihm gab ein Gott zu lachen was erleidet* ³⁾.

Тхорж. (элементъ, стихія, океанида) меня тронулъ чувевой любовью къ Татѣ. «Отчего, говорить, у поляковъ есть дочери, а всѣ ходять въ церковь; отчего ваши дочери—ангелы, а ни во что не вѣрятъ; оттого я останусь въ вами, а не съ ними». Ты смѣешься, а я чуть не расплакался.

А что до Таты, то ея потеря была бы мнѣ чортъ знаетъ что. Покойная Natalie, ты и потомъ она, при всей молодости и шероховатости, ближе всѣхъ меня понимали. Но эта туча была мнимая. Nat. любить меня, но не щадить. Именно *сестрой-то* она и не будетъ (ты помнишь ея послѣднее письмо), а Тата можетъ быть.

Затѣмъ прощай. Пожалуйста, смотри въ «Моск. Вѣд.», что будетъ о прекращеніи «Колокола». Новыя ревью посылай. Скажи Тхоржевскому, чтобъ подписался у Георга на «Вѣстникъ Европы».

У меня болѣла голова подъ конецъ отъ духоты въ вагонѣ, но теперь, выпивъ бутылку St. Julien и поѣвши, совсѣмъ оправился.

Въ «Temps» я прочелъ, что какой-то натуралистъ утверждаетъ, что каждое кольцо кольчатыхъ животныхъ—особое животное, спяня-

¹⁾ Миспровергнута высочайшая колонна.

²⁾ Послѣ завтрака.

³⁾ Богъ далъ ему смѣяться (надъ тѣмъ), что потерялъ вѣсть.

ное на жизнь и смерть со всѣми остальными; можетъ, говорить онъ, и позвонки животныхъ позвоночныхъ только спайка. Вотъ коммунизмъ съ коллективизмомъ!

3442. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 декаб. 1868.

Ницца. Hôtel et pension Suisse, Pouchettes.

Первый рапортъ будетъ коротокъ, но не изъ веселыхъ. У Таты, по-моему, просто *оспа*, и слово *variolide—terme d'argot* ¹⁾. Страдаетъ она ужасно, ее узнать нельзя: глаза почти закрыты, говорить не можетъ отъ прыщей въ горлѣ, читать не можетъ, слушать не можетъ, а всю сыпь *нарывають*. Полагаю, что лѣчить тутъ нечего. Комнаты у нихъ скверныя, но безъ вѣтра, онѣ au rez-de-chaussée. Лизу перевели на *шестой* этажъ съ Лизаветой, я—въ третьемъ. Бѣда, если и Лиза занеможетъ. Natalie ходитъ за Татой хорошо; при ней безотлучно старушка Росса (вдова бывшего нашего повара). Эта старушка, это море, этотъ воздухъ и больная въ полутемной комнатѣ,—такъ и вѣтъ 1852... Опасности нѣтъ, говорить докторъ. Осторожность соблюдается большая, лишь бы не осталось слѣдовъ. Двѣ недѣли предстоитъ собачьей жизни. Въ hôtel'ѣ бездна народу, бездна русскихъ, бездна грязи—оставаться невозможно. Я бы мѣсяца черезъ полтора вовсе уѣхалъ изъ Ниццы, хотъ въ Геную или Туринъ. «Лиси имѣютъ язвени и птицы гнѣзды» ²⁾, а сынъ человѣческій (Ивана Алекс.)—ни того, ни другого.

Черезъ день рапортъ буду писать, телеграфировать не нужно. Она ³⁾ у открытаго балкона передъ скалой, облитой солнцемъ.

3445. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 декабря (1868). Понедѣльникъ.

Оспа подсыхаетъ, жару нѣтъ, лихорадки нѣтъ, есть аппетитъ и сонъ. Теперь вся задача—въ уходѣ, въ отсутствіи пертурбацій, т.-е. вся задача внутренняя,—а внѣшняя? Минѣ сдается, что рябинъ не будетъ: болячки всасываются, а не лопаются.

¹⁾ Профессиональный терминъ.

²⁾ Такъ говорила одна изъ ихъ общихъ пріятельницъ.

³⁾ Лиза, сдѣлавшая приписку до этихъ словъ.

Не думаю, чтобъ можно было сегодня исполнить твое желаніе; чтобъ она написала. Въ комнатѣ темно и глаза сильно болятъ, хотя и лучше. Каждая пять минутъ промываютъ eau de guiseuse.

Лиза до сей минуты здорова. Nat. ходитъ за Татой безукоризненно и хорошо. Но беспорядокъ, безалаберность доходятъ до исплинскихъ вещей. И что за ужасный пансіонъ избрали онѣ: беспорядокъ, нечистота, толпа. Я сплю въ отдѣльной пристройкѣ, въ которой нѣтъ ни человѣка, нѣтъ сообщенія съ домомъ, и въ rez-de-chaussée, выходящемъ къ морю. Это для укрѣпленія нервъ. На дворѣ тяжело, тучи, теплый дождь. Nat. Лизу не выпускаетъ, боясь простуды.

О, русскіе, русскіе! Я увѣренъ, что если при N. застрѣлить человѣка, то она скажетъ, что пуля была слишкомъ холодна и простудила, къ тому же сквозной вѣтеръ дулъ въ рану. Въ домѣ прилипчивая болѣзнь—и потому сиди дома. Но лучше во всемъ это то, что на террасу ходить Лиза безпрестанно и не одѣваясь (à propos, пальто носить теплое невозможно).

Прощай. Я телеграфировалъ въ субботу *св часъ*, Nat.—въ пятницу въ 10. Обѣ тел. Тхорж—му. По письму твоему не видно, получилъ ли ты?

5 были мои именины,

6 твое рожденіе (55 лѣтъ!),

7 вспомнилъ объ этомъ.

Ты бы Чернецкому сказалъ, чтобъ онѣ Бакун. предложилъ хоть сотню «Кол.». Твое оправданіе Бак. ничего не значить. Онѣ долженъ былъ тебя или меня спросить, а не *chemin faisant*¹⁾ сказать Тхоржевскому прислать ту же особу, которая принесла тебѣ бранное письмо (оно было не по почтѣ).

3446. Письмо нъ сыну:

7 декаб. 1868.

Ницца. Pension Suisse.

Чтобъ успокоить васъ всѣхъ, пишу сегодня, чтобъ сказать, что оспа больше и больше по-сыхаетъ, и я не думаю, чтобъ остались слѣды. Теперь надобно тихое выздоровленіе обстановить страшной осторожностью. Все у нихъ устроено дурно и что за вертепъ этотъ pension!

¹⁾ Мимоходомъ.

Нат. ходить за Татой удивительно—день и ночь; она и Маленькій кофейникъ въ чепчикѣ, Росса, тутъ у ея кровати. Лизу N. едва видитъ и только по старому хлопочетъ, чтобы она не выходила со двора. Лиза здорова и къ Татѣ не ходитъ.

Тата начинаетъ немного говорить, немного смѣяться. Лихорадки и слѣдствъ нѣтъ, спать хорошо, аппетитъ возвращается.

Затѣмъ всѣмъ кланяюсь.

Доставилъ ли англичанинъ Howard Sanders Терез. Гарibaldi? Кажется, она немного пишетъ. Кланяйся.

3447. Письмо къ С. Тхоржевскому.

8 декабря (1868).
У Висконти.

ишу двѣ строки, чтобы сказать, что дѣло пошло превосходно. Силы возвращаются, лихорадки нисколько и боли нѣтъ. Завтра буду писать Огар. Терпѣніе, кротость, съ которой Тата выносила страшное мученье чесанья и выносить теперь, удивительны. Одинъ Огар. умѣетъ такъ выносить страданія (и то большія, а не крахмальный воротникъ и версту чугулки). Сыпь подсыхаетъ, но все лицо и тѣло еще покрыты. Завтра она встаетъ. Всѣ, вообще, заслуживаютъ *Violenti militari*. Нат. Ал. съ прошлаго понедѣльника не раздѣвалась и не ложилась 9 ночей. М-те Росса похожа на немый кофейникъ лѣтъ 68, бѣгаетъ день и ночь. Лиза ведетъ себя превосходно, она занимаетъ особую квартиру въ отелѣ съ Лизаветой. Всѣ въ отелѣ чрезвычайно любезны и заботятся.

Передайте Огареву.

Пришлите пять экз. «Пол. Звѣзды» *Visconti*.

Пришлю завтра статью о письмѣ изъ Рима; не нужно хлопотать о *surpl.* къ 1 января, можемъ издать даже *to*.

3448. Письмо къ Н. П. Огареву.

9 декаб. (1868). Среда.

Ты напрасно меня упрекаешь, саго *mio*, въ недостаткѣ зѣля¹⁾ въ перепискѣ. Писать къ тебѣ для меня—такая же необходимость, какъ тебѣ знать о Татѣ. Но положеніе Таты не таково, чтобы нужно было писать ежедневно. Отъ перваго письма до послѣдней записки

¹⁾ Zèle—рвеніе.

Тхор. я писалъ, что опасности неминуемой нѣтъ, но что она прошла, и прошла геройски, большими страданіями. Какъ же ты еще говоришь о приѣздѣ, и Тхор. предлагаетъ ѣхать сюда? Надобно одно—тихое выздоровленіе. Оспа, или вариолидъ, подсыхаетъ, не лопаясь, а потому весьма вѣроятно, что слѣдовъ не будетъ. Оспа ли, вариолидъ ли—не знаю, но я ужаснѣе искаженія не видалъ. *Теперь только* можно Тату узнать. Горчаковъ вретъ: никакой эпидеміи здѣсь нѣтъ, а есть частные случаи, и притомъ рѣдкіе, тифа, но всѣ страдаютъ отъ скверной осени. Ницца мнѣ противна. Я черезъ двѣ недѣли поставлю Nat. и Татѣ новый вопросъ: не ѣхать ли до апрѣля въ Геную? Тамъ же жизнь дешевле.

Болѣзнь Таты сдѣлала огромную пользу Nat. и больше сблизила меня съ ней и помирила, чѣмъ всѣ объясненія. Она, скрѣпя сердце, забыла, такъ сказать, на время объ Лизѣ, отвернулась отъ нея, боясь, что и она занеможетъ.

Что касается до Лизы—ну, это человѣчекъ совершенно *hors de ligne* ¹⁾. Что за тактъ, что за деликатность! Представь себѣ, что въ этой багарѣ ²⁾ она ходила одна обѣдать за *table d'hôte* челоуѣкъ въ 50, умѣя со всѣми поговорить, рассказать о Татѣ. Вчера *garçon* приходитъ и важно говоритъ: «*La jeune dame est déjà à salle*».—*Quelle jeune dame?* ³⁾ Вышло, что это—Лиза.

Лизавета ей не на пользу,—изъ нея выбить нельзя англійскихъ предразсудковъ. Къ тому же она, видя, чтó дѣлаетъ Nat., боится заразиться, и это хорошо для Лизы, которая смѣется надъ ней и въ силу этого вовсе не боится.

Ну, вотъ тебѣ полный деталь и реталь. Повторяю, опасности никакой на сію минуту нѣтъ и не будетъ безъ неосторожности. Стало, *grand philosophe* ⁴⁾, сиди въ своихъ *Petits philosophes*.—*Addio*.

Газеты и «Поляр. Звѣзду» получилъ.

3449, Письмо къ С. Тхоржевскому.

11 декабря (1868).

Pension Suisse.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, Огаревъ пишетъ, что вы теперь собираетесь сюда; мы вамъ всегда рады, но думаемъ, что лучше немного повременить. Тата еще недѣли двѣ будетъ не выходить изъ

¹⁾ Изъ ряда вонъ.

²⁾ *Bagarre*—сумятица.

³⁾ Молодая дама уже въ залѣ.—Какая молодая дама?

⁴⁾ Великій философъ.

комнаты, Нат. Ал. съ нею въ другомъ этажѣ; я, наконецъ, добился комнатки въ антресоли. Жизнь неустроенная и пансіонъ никуда негодный.

Съ сегодняшняго дня я буду искать квартиру или другой пансіонъ; опасности теперь нѣтъ, но переѣзжать ближе двухъ недѣль врядъ возможно ли.

Подождите дальнѣйшихъ вѣстей. Поѣдемте вмѣстѣ всѣ въ Геную (если дамы хотять); тамъ легче помѣститься, чѣмъ здѣсь.

Напишите подробности о вашемъ наслѣдствѣ, какъ, что было ¹⁾. Отдайте Огареву отобранныя бумаги изъ Долгор. для образчика, онъ выберетъ или всѣ помѣститъ ²⁾. Sup. можетъ выйти хоть 10 января.

Только-что я принесъ Visconti «Пол. Зв.»—и купили. Ему надобно приготовить новый счетъ; мы съ нимъ сосчитались *до 1 мая*, кажется, и я ему остался долженъ что-то.

Благодарите Чернецкаго за письмо. Drop ³⁾ еще есть много; она ихъ употребляетъ, но, увы, по три послѣ ѣды.

Затѣмъ прощайте.

12 часовъ утра:

3450. Письмо къ Н. П. Огареву.

11 декаб. (1868). Пятница.

Все идетъ хорошо. Теперь только одно—еще терпѣнія, еще терпѣнія, и эта тревожная страница *beseitigt* ⁴⁾. Сегодня Тата встаетъ на полчаса. Мы ей соорудили удивительный халатъ. Вчера былъ докторъ изъ Канна, говорить, что ровно ничего не дѣлать, кромѣ беречь сыпь.

Я пишу Тхор., чтобъ ему сказать, что мой совѣтъ—повременить немного приѣздомъ: мы такъ неустроенно живемъ и такъ дурно,—ни Тата, ни Нат. его почти не увидятъ.

О тебѣ я не говорю. Вѣрь, была бы нужда, я написалъ бы. За чѣмъ же и тревогъ давать такой верхъ? Что весной дѣлать, объ этомъ подумаемъ въ мартѣ. При переѣздѣ на житье (а я объ немъ говорилъ), безъ сомнѣнія, всѣ лишніе мѣшаютъ. Ты все не хочешь понять мой

¹⁾ 8 декабря нотаріусъ передалъ Тхоржевскому завѣщанныя ему кн. П. В. Долгоруковымъ 50.000 руб. и вещи.

²⁾ Нѣкоторые напечатаны въ «Supplement du Kolokol» 15 февраля 1869 г.

³⁾ Капли.

⁴⁾ Перелистывать.

простой и ясный взгляд. Туць безъ того долженъ быть въ пансионѣ. Онъ и Г. ¹⁾ вносятъ какую-то пестроту, какую-то неспѣтность и несерьезность въ твою жизнь. Ты не развилъ и не разовьешь его: не туда глаза глядятъ. Пусть же онъ идетъ на работу. Ты говорилъ, что хозяинъ его беретъ. Положи ему 500 фр. жалованья и поставь на свои ноги. Съ такимъ форшусомъ онъ можетъ легче итти многихъ. У маленькаго очага твоего диссонансы замѣтнѣе... психически тутъ постороннему нѣтъ мѣста. О Татѣ говорить нечего. Но посмотри ты, какъ теперь Ольга входитъ въ нашъ Grundton ²⁾—ея письма симпатичнѣе и симпатичнѣе. Посмотри на Лизу: дѣйствительно, это—одинъ полиптикъ, имѣющій общую душу. Туць можетъ до этого дойти черезъ десять лѣтъ, Г.—никогда, фибринъ не тотъ. Вся моя бѣда, что я ясно смотрю на дѣла и не боюсь высказывать наблюденія. Съ Мэри ты связанъ, это—неизмѣняемый фактъ жизни, его мы всѣ должны принять, но усложненій жизни я не понимаю. Вот все, что я хотѣлъ сказать. «Недѣлю» посылай.

P.-S. И еще о Бакун. Онъ поссорился изъ самолюбія, онъ поссорился изъ-за того, что я съ ироніей смотрю на ложь его рѣчей и vague ³⁾ его программы. Онъ на меня дуется, потому что я правъ. Ему былъ случай все покончить, онъ не хотѣлъ. Какъ же ты, милый Ог., и этого не признаешь?

3451. Письмо къ Рейхелямъ.

11 декабря (1868), 12 часов утра, пятница.
Nizza, Pension Suisse.

Chez Reichel,

Tout va très bien—aujourd'hui Tata se lève pour la première fois et pour une demi heure, demain elle passera dans la chambre prochaine. Il n'y aura pas de traces. Cette maladie a découvert en elle un caractère fort et eine Aussdauer magnifique—ni plainte, ni désespoir, souriant à travers les larmes. Les journées les plus terribles étaient le 4, 5, 6 où elle ne pouvait ni parler, ni regarder. Aussi elle était parfaitement bien

¹⁾ Генри.

²⁾ Основной тонъ.

³⁾ Расплывчатость, неясность.

soignée, jour et nuit, M-me O. a pour ce temps comme oublié Lisa—qui reste au cinquième ¹⁾).

Я пишу по-французски, потому что хотѣлъ, чтобъ Рейхель самъ прочелъ;

Обнимаю васъ;

Прощайте,

Алек.

12 декабря 1868.
Nice. Pension Suisse.

Ну вотъ вамъ и рапортъ о томъ, что все обстоитъ благополучно; только нужна тройная осторожность, затѣмъ мы и тутъ.

Прощайте.

3452. Письмо къ Н. П. Огареву.

13 дек. (1868). Воскресенье.
Nice, Pension Suisse.

Все идетъ тихо, но хорошо. Говорятъ, что это—особая болѣзнь, и не оспа настоящая, и не летучая, а *черная* оспа. Дѣйствительно, всѣ нарывы въ серединѣ сдѣлались черными и мало-по-малу проходятъ. Еще недѣлю терпѣнія. А жизнь очень неустроена и для Лизы вовсе не годна. Она поневолѣ должна почти весь день проводить съ Лизаветой. И къ тому, все же, страшно, чтобъ я до нея не коснулась болѣзнь.

Не пропусти въ «Моск. Вѣд.» о прекращеніи «Колокола».

Дальше на этотъ разъ ничего не имѣю.

Тата мнѣ дала еще слѣдующія записочки къ Тхор. и Чернецкой. А прогоръ къ Тхорж. Скажи ему, что я здѣсь видѣлъ одного господина, который самъ видѣлъ въ Бернѣ отказъ федеральнаго прав. княгинѣ

¹⁾ Дорогой Рейхель! Сегодня все обстоитъ вполнѣ благополучно. Тата въ первый разъ на полчаса встала съ постели, завтра она перейдетъ въ сосѣдную комнату. Слѣдовъ никакихъ не останется. Болѣзнь эта обнаружила въ ней сильный характеръ и огромную выдержку: ни жалобъ, ни отчаянія, всегда улыбка сквозь слезы. Самые ужасные дни были 4, 5 и 6, когда она ничего ни видѣла и не могла говорить. Правда, за нею днемъ и ночью былъ великолѣпный уходъ. Г-жа О. на это время забыла Лизу, которая живетъ на пятомъ этажѣ.

Долгоруковой въ ея требованіи уничтожить духовную. Департамент. дѣль отвѣчалъ ей, что на то есть судъ и что онъ административно ничего дѣлать не хочетъ. Зналъ ли это сынъ и адвокатъ? Какова? Зачѣмъ Тх. не пишеть, какъ, что было?

Далѣе, не мѣшаетъ узнать у Георга, выписаль онъ тѣ книжки «*Revue Moderne*», въ которыхъ *вторая серія* статей Андреоли ¹⁾). Если нѣтъ, то не нужно: здѣсь это дешевле сдѣлать. Если же выписаль, прошу прислать или привезти.

Я напишу, какъ только можно будетъ приѣхать Тхор.

Прощай. Кланяйся Туцу и всѣмъ. Отъ Ольги часто письма,— все благополучно.

3453. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

15 décembre (1868), Mardi.

Chérissime Malvidal

La santé de Tata revient. C'est la variole noire qu'elle avait, et elle a eu immensément à souffrir, n'en deplaise à vos docteurs.

Que voulez-vous que je réponde à votre lettre? Vous connaissez aussi bien mon opinion, que moi je connais la vôtre. Il y a un an vous m'avez écrit—«*encore un an*» et je vous remets Olga vollendet—et maintenant vous en demandez deux, trois—dans deux trois ans, si elle ne prend garde—elle se mariera—e finita la comedia—du sondage intérieur avec moi. C'est un malheur qu'elle est sortie de la maison—mais je n'ai jamais cru qu'elle sortirait tout de bon pour la vie.

Je ne suis pas pédant—et je ne tiens pas à Zurich, ni au mois d'avril—mais le séparatisme dans lequel vous voulez tenir Olga me semble injuste pour moi—et dur pour elle (au reste, Olga est aussi maintenant dans l'âge de dire son opinion). Comme remède vous proposez Florence, et la perspective qu'en mai la famille d'Alex. aura un accroissement.—Moi je désire de tout mon cœur le bonheur domestique d'Alexandre—mais en quoi puis-je être utile? Est ce que vous ne savez pas que tout a été fait contre mes conseils—et que la vie d'Alex. sera aussi séparée (preuve que vous ne demeurez pas ensemble) comme le sera celle d'Olga. Je peux venir un jour à Florence pour une semaine. Si

j'ai parlé de Turin, c'est qu'il y a aussi Moleschott et autres, et je l'ai fait comme concession pour vous. Car vos droits je ne les ai jamais contestés.

En un mot restez encore quelques mois de plus à Florence—mais pésez bien tout les pour et les contre—de prolonger outre mesure.—Tata et Lise portent le cachet d'une grande unité morale avec moi. Tata n'est pas seulement amie—mais elle comprend très sympathiquement ma manière de voir. Lise a le même tact, la même forme (croyez le moi) dans la pensée. La question est: est-ce mauvais ou non? Ou peut être vous craignez l'influence de l'esprit national russe? Mais vous n'êtes ni Karl, ni Blind et la médiocre étroitesse des autres ne vous impose pas.

That is my humble opinion et sur ce tout à vous

A. H.

Olga écrit qu'elle est tout emmaillottée en flanelle pensez vous que c'est bon? Et moi qui ne porte pas de flanelle cette année. Votre lettre est arrivée à l'instant. 12 h.

Переводъ.

15 декабря. Вторникъ.

Дражайшая Мальвида!

Здоровье Таты восстанавливается. У нея была черная оспа, и она невыразимо страдала, не въ обиду будь сказано вашимъ докторамъ.

Что мнѣ отвѣтить на ваше письмо? Вы такъ же хорошо знаете мое мнѣніе, какъ я—ваше. Годъ тому назадъ вы писали мнѣ: «Еще одинъ годъ,—и я верну вамъ Ольгу, вполне закончивъ ея воспитаніе»,—а теперь вы просите еще 2—3 года. Черезъ два-три года она, если не остережется, выйдетъ замужъ—e finita la comedia внутренняго единенія со мною. Несчастіе, что она ушла изъ дома, но я никогда не предполагалъ, что она уйдетъ на всю жизнь.

Я—не педантъ и не настаиваю ни на Цюрихѣ, ни на апрѣлѣ, но то отдаленіе, въ которомъ вы хотите держать Ольгу, кажется мнѣ несправедливымъ по отношенію ко мнѣ и жестокимъ по отношенію къ Ольгѣ (впрочемъ, она сейчасъ въ такомъ возрастѣ, когда уже можетъ высказать свое мнѣніе). Какъ на лѣкарство, вы указываете на Флоренцію и на то обстоятельство, что въ маѣ будетъ

приращеніе семейства у Александра. Я отъ всей души желаю Александру семейнаго счастья, но чѣмъ могу быть тамъ полезенъ? Развѣ вы не знаете, что все тамъ дѣлалось вопреки моимъ совѣтамъ и что жизнь Алекс. будетъ протекать столь же раздѣльно (доказательство этому то, что вы не живете вмѣстѣ), какъ и жизнь Ольги. Я, конечно, могу какъ-нибудь на недѣльку пріѣхать во Флоренцію. Если я говорилъ о Туринѣ, то потому, что тамъ Мошешоттъ и другіе и, кромѣ того, это была уступка вамъ, такъ какъ я никогда не оспаривалъ вашихъ правъ.

Словомъ, оставайтесь еще нѣсколько мѣсяцевъ во Флоренціи, но взвѣсьте хорошенько всѣ за и противъ безконечной оттяжки. На Татѣ и на Лизѣ лежитъ отпечатокъ большого нравственнаго единенія со мною. Тата—не только мой другъ, но она отлично понимаетъ, подъ какимъ угломъ зрѣнія я смотрю на вещи. У Лизы тотъ же тактъ (повѣрьте мнѣ), та же форма мышленія. Вопросъ, конечно, въ томъ, дурно это или нѣтъ? А можетъ быть, вы боитесь вліянія національнаго русскаго духа? Но вы не Карль, не слѣпы ¹⁾, и умѣренная узость другихъ не импонируетъ вамъ.

Таково мое смиренное мнѣніе, а засимъ весь-вашъ А. Г.

Ольга пишетъ, что она съ головы до ногъ закутана во фланель. Вы думаете, что это хорошо? А я въ этомъ году совсѣмъ не ношу фланели.

Сейчасъ получено ваше письмо. 12 час.

3454. Письмо къ С. Тхоржевскому.

16 декабря (1868).
Ницца.

И новое и прежнее письмо ваше получены. Поздравляю съ окончаніемъ дѣла. Насчетъ не гербоваго серебра не знаю, слѣдовало ли отдать, остальное хорошо.

У насъ все идетъ недурно, но тихо; я утомился беспорядочной жизнью и грязью въ отелѣ. Надобно же было, чтобъ Тата занемогла именно тутъ. Одна мысль, что Лиза тутъ занеможетъ, обдаетъ ужасомъ.

Домъ я нашелъ просторный съ садомъ, въ переулкѣ довольно глухомъ, но близко отъ Promenade des Anglais. Одна бѣда, что они здѣсь

¹⁾ Игра словъ: Karl Blind—нѣмецкій публицистъ, обвинявшій Герцена въ панславизмъ; blind—слѣпой,

не отдають иначе, какъ на сезонъ. Если жить до осени, выйдетъ недорого: до 1 июля—2.000, до 1 октября—2.300, т. е. послѣ сезона по 100 фр. въ мѣсяць, весь домъ мебелированъ; разумѣется, я могу передать другому. Для васъ комната есть,—собирайтесь къ карнавалу.

Вы хорошо сдѣлали, что еще 100 фр. вручили Ог.; если нужно, къ концу года передайте и еще 100, а въ январѣ я пришлю чекъ на два мѣсяца, только заплатите какъ можно скорѣе Маіору (я для него оставилъ 500). Если вы дадите впередъ что,—только напишите мнѣ.

«Приб.» набирается плохо, у меня нѣтъ ни одной корректуры; впрочемъ, можетъ опоздать до 10 янв.

Не слыхали ли вы, какъ Бакун. и пр. приняли прекращеніе «Колокола» и мое письмо? Послали Бакун. сотню «Колокола»? Или онъ и этого не хочетъ?

На этотъ разъ прошу васъ не пропустить «Peuple Polonais» и, если узнаете, что въ другихъ польскихъ газетахъ, что будетъ, на пишите. Попросите у Огар. «Недѣлю».

Прощайте.

Погода здѣсь такъ скверна и тяжела, что дышать нечѣмъ, туманъ, дождь, и это здѣсь продолжается пятый день. Вѣроятно, въ силу этого болѣзней много.

3455. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 декаб. (1868).
P-sion Suisse.

Пишу, а о чемъ—слѣдуютъ пункты: 1. Безобразіе съ телеграм. необходимо разъяснить и очень жаль, что Тхор. тотчасъ не жаловался. 2. Брошюру поляка¹⁾ непременно печатать. Я ему, пожалуй, напишу или сообщу ты. Никакихъ стѣснительныхъ мѣръ уплаты не нужно. Я Чернецк. заплачу. 3. О бакунинскомъ письмѣ я не зналъ, слѣд., и не могъ вводить его въ расчетъ. 4. Тебя я журилъ за Тату, какъ журуютъ за излишнюю любовь, за вниманіе и пр. Какъ же тебѣ было ошибиться? 5. Отъ Саши, наконецъ, письмо²⁾.

¹⁾ Ф. Вихерскій: «Письмо къ генералу Э. Э. Трепову», Женева, 1869.

²⁾ 6. Продолж. пунктов. Suppl. въ два листа не женируясь; прошу корректуры. Печатать по-русски и французски пель—мель А. И. Г. ³⁾

³⁾ По-русски напечатано не было. Pell-Mell—въ перемишку.

Домъ нанялъ и стремлюсь переѣхать: Villa Filippi, Ruelle Merlanzonne, но не надѣюсь ближе пяти дней, а потому пиши въ Pens. Suisse.

Польскую книгу, т.-е. Вихерскаго, вели сейчасъ набирать. Онъ проситъ поправить языкъ,—это ужъ ты сдѣлай.

Ужасно медленно идетъ выздоровл. Таты, т.-е. она и крѣпче, и веселѣе, но сыпь на лицѣ все еще сильна. Я уговариваю N. отпустить меня съ Лизой въ новый домъ. Я все боюсь, если она занеможетъ въ пансіонѣ,—вотъ мы и будемъ у праздника.

На сей разъ только.

Тхор. вчера писалъ. Онъ написалъ, что тебѣ еще вручилъ 100, я писалъ, чтобъ еще отдалъ 100. Затѣмъ въ январѣ получишь 500 и для Маюра есть. Его совѣтъ брать 400 полезень (и сто остав. для квартиры и дома).

3456. Письмо къ сыну.

19 декаб. (1868). Суббота.

Легчайшій способъ переслать деньги таковъ.

Если твой банкиръ приметъ отъ тебя чекъ на *твое имя* или *вексель* отъ меня, а ты *endors'ируешь* на его имя, чекъ или вексель будутъ payable ¹⁾ 1 янв. 1869 и съ моей подписью на домъ Ротшильда въ Парижѣ. Для меня это выгодно, а я тебѣ предоставлю промѣнь, ибо пошлю 2.500 фр.

Напиши ясно, потому что и иначе могу послать. Отчего у тебя квартира безъ адреса? Куда посылать страховое письмо: въ Specola или какъ?

Мнѣ адресуй: Villa Filippi, Ruelle Merlanzonne, Rue de France, Nice.

3457. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 декаб. (1868).

Pater Seraphicus, т.-е. отче благодуществующій, письмо ваше въ полученіи, но все вы меня даромъ сѣчете... Я не только не имѣлъ нужды въ шпорахъ для польской брошюры, но тотчасъ написалъ,

¹⁾ Оплачены.

чтобъ печатать. Ты не понимаешь, что у меня не капризы, не скупость, а просто границы *извнѣ* и въ силу ихъ границы *изнутри*. Когда въ началѣ года я далъ Чернецк. на его искупленіе изъ Banque Suisse 4.500, мнѣ показалось довольно. Когда я говорилъ, что надобно отказывать въ ссудахъ (а не въ помощахъ), то это оттого, что никто ни разу не платилъ. Я радъ, что могъ помочь Мерчинск., и это откровенно. Но когда ты писалъ, что онъ отдастъ 1 октяб., я не повѣрилъ. Закрытіе «Жолок.» дастъ больше возможности печатать другое. По счету Тхорж. къ 1 ноября, онъ въ типогр. заплатилъ, сверхъ выручки, 2.455 + 372 и за послѣд. №. Это выйдетъ до 4.000. Изъ нихъ врядъ вернется ли 1.500. Ergo, Огаревъ, моя совѣсть чиста, и я, дѣйствительно, не знаю, кто изъ русскихъ больше даетъ на общее дѣло, а между тѣмъ, всѣ меня «винять въ народѣ».

Что я могъ все это сдѣлать въ нынѣшнемъ году и дать Сашѣ 5.000 на обзавед. (а онъ пишетъ Татѣ, что уже занялъ 2.000),—это единственно отъ американской продажи и отъ сатинс. присылки. Въ 1869 году одной не будетъ, а, вѣроятно, не будетъ и другого: бюджетъ придется стягивать. Тебѣ и всѣмъ людямъ, умѣющимъ скорѣе страдать, чѣмъ практически распоряжаться, все это и скучно и мудрено, но что тутъ дѣлать, когда ошибка сдѣлана, и всѣ дѣти выросли съ мыслью даровой жизни? Ты ведешь къ этой же мысли невольно Генри, и я тебѣ давалъ десять предостереженій, какъ Валуевъ Аксакову, но ты даешь страдательный отпоръ.

Все это не мѣшаетъ мнѣ быть сегодня въ довольно хорошемъ расположеніи, только скучно безъ мѣры: погода скверная. Тату перевозить боюсь, Лизу боюсь здѣсь оставлять, и старушка Рокка занемогла. Отъ всего этого беспорядокъ страшный и, какъ слѣдовало ждать, N. опять въ капризной раздражительности.

Вотъ попалась полоса: въ Ниццѣ непогода, продолжающаяся двѣ недѣли, оспа, грязный пансіонъ и почти безъ прислуги.

Я, можетъ, съ Лизой и Лизаветой переѣду одинъ на новую квартиру.

Пока прощай.

Со Спиридовымъ дѣлай чтò хочешь, но зачѣмъ ты присылаешь его аутографы? Я не могу и не читаю даже того, что онъ пишетъ ко мнѣ. Найти меня всегда можно, писавши въ Женеву. Зачѣмъ же спрашивать тебя?

Документъ возвращаю.

А отчего же объ идиотахъ обязанность *больше* хлопотать? Что за монополія? Ихъ пристраиваютъ, кормятъ, отдаютъ подъ надзоръ,

но отчего же *больше*? Ужь не христіанство ли сіи теоріи воздушевляеть? И эквилибрацію нарушаеть?

Р. S. Само собою разумѣется, что я никогда не думаль, что Терез. совѣтовала Саиѣ не писать. У тебя дѣлается въ этомъ «больномъ мѣстѣ» Кетчеровски-Руссовскій взглядъ. Не совѣты,—положенія такія. За Татой будетъ хладнокровіе къ наукѣ. Я въ его прїѣздъ въ Женеву видѣль, что температура дружбы къ Татѣ понизилась. Терез. *не подниметь* ея.

Господи! да когда же ты будешь понимать мои рѣзкія замѣчанія съ твоей свѣтлостью, съ твоей гуманностью! Если блаженъ человекъ, скоты милующій, то, вѣдь, блаженъ вдвое *милующій пониманьемъ* друзей.

Ну, довольно сплетничать.

Я выдумаль въ своемъ «Докторѣ» повивальную бабу М-me Aubergins. Удачно ¹⁾.

Въ «От. Зап.» много хорошаго. Могу прислать.

Тхор. до новаго года и не собирается.

3458. Письмо къ Н. П. Огареву.

21 декаб. (1868).

Villa Filippi, Ruelle Merlanzonne.

На этотъ разъ рапортъ будетъ богатый. Тата вчера переѣхала въ закрытой каретѣ, укутанная, съ вуалемъ на лицѣ. До сихъ поръ все хорошо. У нея топятъ каминъ. Квартира не то что бы, но садъ большой и хорошъ. Для Лизы это превосходно. Только погода дивить *всѣхъ*: дождь, слякоть, ночью холодъ. Я ничего подобнаго въ Ниццѣ не видалъ и думаю, что такой сезонъ нанесетъ ей ударъ въ будущемъ году. Наканунѣ старушка Рокка занемогла оспой... Вотъ и награда за усердіе. У нея маленькая квартира, и съ ней живетъ ея дочь съ тремя дѣтьми. Опасность неминуемая. Я взялъ *всѣхъ* трехъ дѣтей къ намъ,—одному 9 лѣтъ, другой 8, третьему 2 (Тата совсѣмъ отдѣльно помѣщается), въ силу чего шумъ, пискъ, визгъ, но иначе поступить было бы безобразно.

Но букетъ былъ въ отелѣ, или *пансіонъ* Suisse. Я привезъ Лизу и Лизавету, и самъ переѣхаль. Вѣроятно, хозяинъ думаль, что я только

¹⁾ См. гл. VIII «Скуки ради».

грозили переѣздомъ. Онъ вдругъ отдалъ комнаты Таты и Nat. какимъ-то англичанамъ, и явился съ шумомъ и крикомъ изгонять насъ, говоря, что я сказалъ, что мы всѣ переѣзжаемъ. Докторъ переѣздъ позволилъ, и потому я ограничился отеческимъ наставленіемъ и разругалъ хозяина и его жену. Подобное дѣло со мной было въ первый разъ замѣтъ, что мы платили 33 фр. 50 с. въ день безъ свѣчей, service, вина и пр., да замѣтъ и то, что я не совсѣмъ безгласный человѣкъ и пол-Ниццы знаю. Что же дѣлаютъ они съ бѣдными семьями?! Трактир. и его жена—*швейцары и піэтисты*.

Что я постараюсь ему воздать по заслугамъ, это понятно; лишь бы все благополучно съ рукъ сошло.

Зри въ «Колоколъ», послѣд. листъ, въ «Cogitata et Visa», въ главѣ о Мицкевичѣ идетъ рѣчь о Рамонъ de la Sagra, испанецъ, протестовавшемъ противъ Мицкевича.

Cour de théâtre. Сѣдой старикъ говорить мнѣ:

— А вы меня сдѣлали лѣтъ пятнадцать старѣе!

— Какъ?

— Въ вашемъ описаніи обѣда или ужина въ «Tribune du Peuple»; мнѣ теперь только 73 года.

Это—Рамонъ de la Sagra, и такой же живой и бойко умный, какъ былъ. Встаётъ въ 4 утра и до 12 пишетъ, лежа на постели. Отчего я безъ умысла привралъ ему лѣта, не понимаю.

Поправленные колонны супрем. я отослалъ, чтобъ еще прислали. Ты, caro mio, вовсе не поправляешь и оставляешь грубыя ошибки. Куда же ты торопишься? Срока нѣтъ. И что дѣлаетъ Давидъ? Также не могу понять, зачѣмъ крупными буквами набраны и письмо къ Выруб., и ласасина ¹⁾?

Я до тупости измучился тревогами, опасеньями, безпокойствомъ, невозможностью покоя. Хоть бы теперь отдохнуть мѣсяца три-четыре. Нынѣшняя поѣздка въ Ниццу фламбирована ²⁾. И тутъ эта старуха въ 64 года. Ну, какъ она умреть!...

Прощай.

¹⁾ Статья Герцена «Mon assassin» и т. д. -- № 3485.

²⁾ Flambé—пропашій.

3459. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 декаб. (1868). Вторникъ.
Villa Filippi. Ruelle Merlanzonne.

Пока все обстоит благополучно, кромѣ свинцоваго неба, покрытаго густыми тучами. Я думаю, что здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, будетъ морь или не знаю что. Добъетъ всѣми гадостями насъ нынѣшняя поѣздка. Вотъ на твоей улицѣ и на улицѣ Mont Blanc (который тоже не двигается со времени потопа) праздникъ. Надобно знать, что такое мѣсяцы ненастья здѣсь: слякоть, тяжесть, сырость въ комнатахъ...

Сегодня Щербақ. ¹⁾ даетъ первый урокъ Лизѣ. I think ²⁾, это пойдетъ хорошо. Онъ будетъ учить рус. языку и саду: онъ ловко понялъ мою мысль разговора о растеніяхъ, ихъ различіяхъ, звѣряхъ, камняхъ и пр. Онъ называется Шерановъ. Ему бы просто назваться «Григорьемъ Щерб.», если онъ не Григорій (какъ совѣтовалъ Безбородко).

Почту носить сюда разъ въ день. Это печально, — Ницца во всемъ далеко отстала отъ Швейцаріи ³⁾. Прощай.

Отъ тебя письма нѣтъ, а «Голосъ» пришелъ. Я боюсь, чтобъ бандить de la pension Suisse не бросилъ съ премедитаціей.

 Если отъ Жуковскаго отвѣта нѣтъ, то напиши ему двѣ строки насчетъ книги, а то выйдетъ опять сплетня. Тхорж. могъ бы ему дать записку получить 20 руб. сер. (по курсу) съ Бенды ⁴⁾ въ Вевэ.

Сегодня мы вспомнили, что въ Виши съ 15, 16 октября началась мокрая и скверная погода, и съ тѣхъ поръ не было двухъ постоянно хорошихъ дней, — то морозъ деретъ по кожѣ при мысли о четырехъ слѣдующихъ мѣсяцахъ.

Отчего метеорологи не интересуются такими явленіями или зачѣмъ молчатъ?

23 декабря.

Вчера Natalie пролежала въ постели съ сильной головной болью и лихорадкой. На вариола ли? Докторъ будетъ сегодня.

Старушкѣ Рокка лучше; у нея, кажется, только крапивная лихорадка.

¹⁾ А. Я. Щербаковъ.

²⁾ Я думаю.

³⁾ А потому во всѣхъ важныхъ случаяхъ прошу телеграфировать. А. Н. Г.

⁴⁾ Б. Бенда, книгопродавецъ въ Вевэ.

С. Ж. Слизистыя (Mollusques).

Классъ	I	Головоногія (Céphalopodes).
»	II	Брюхоногія (Gastéropodes).
»	III	Крылоногія (Ptéropodes).
»	IV	Безголовыя (Acéphales).
»	V ¹⁾	(Tunicières).
»	VI ¹⁾	(Bryozaires).

Д. Животнорастенія (Zoorhytes).

Классъ	I	Твердокожія (Echinodermes).
»	II	Acaléphes (крапивныя жгучія).
»	III	Полипы (Polypes).
»	IV	Губчатыя (Spongiaires).
»	V	Наливчатыя (Infusoires).

Все, существующее въ природѣ, бываетъ живое, органическое, или неживое, неорганическое.

Всѣ вещества—твердыя, жидкія и воздухообразныя—принадлежать къ неживой части природы, наприм., камни, вода.

Въ природѣ живой мы находимъ двѣ степени: одна называется *растеніями*, другая животными.

Растенія отличаются отъ животныхъ вообще тѣмъ, что они не двигаются и имѣютъ корни въ землѣ. Животное почти всегда представляетъ подвижной мѣшокъ, въ которомъ переваривается пища.

Камни отличаются отъ растеній тѣмъ, что они готовы послѣ кристаллизаціи, а растенія растутъ обмѣномъ веществъ; растенія и животныя непрерывно дѣлаются, камни же измѣняются въ очень долгіе періоды.

Сарепта—нѣмецкая колонія въ Россіи.

¹⁾ Сапоги à la Souvoroff.

Свадьба—кто женатъ 25 лѣтъ, тотъ празднуетъ *серебряную* свадьбу, кто женатъ 50 лѣтъ—празднуетъ *золотую*.

Медовый мѣсяць—Lune de miel, первый мѣсяць послѣ свадьбы.

¹⁾ Слово не разобрано; вѣроятно «оболочники», а во второмъ случаѣ «манки».

²⁾ Нарисованъ ботфортъ со шпорой.

Легенда—народное сказаніе о какомъ-нибудь происшествіи.
Реформація—Лютеровъ переворотъ въ церкви два вѣка тому
назадъ.

◆◆ 1. По этимъ указаніямъ Щербаковъ и велъ свои бесѣды съ
Лизой. Словарь составленъ тоже, как образецъ объясненій неясныхъ
для нея словъ.

3461. Письмо къ Н. П. Огареву.

24 декабря (1868). Четвергъ.
Villa Filippi, Ruelle Merlanzonne.

Я больше и больше убѣждаюсь, что одно письмо не пришло.
Последнее, кажется, было отъ 17-го. У насъ не водворяется покой
и *sécurité* ¹⁾). Nat. все въ лихорадкѣ, съ сильной рвотой, съ сильной
головной болью. Такъ началась болѣзнь Таты. Лиза со мной въ
другомъ этажѣ. Если я занемогу, то концертъ будетъ на славу.

Тата выздоравливаетъ быстро, но вся еще татуирована красными
пятнами.

Я отъ постоянной тревоги и непрерывныхъ микро-досадъ глупъ,
какъ пробка, къ тому же вмѣсто дождя мистраль, который дѣйствуетъ
на нервы Левиаѳана.

«Недѣля» получена и пр. Прощай.

Лиза совершенно здорова до сей минуты. М-те Россса поправи-
лась.

Мистраль до того силенъ, что весь домъ дрожить и свищетъ.

3462. Письмо къ сыну и М. Мейзенбугъ.

25 декаб. (1868).

Тата хочетъ послать письмо, а я хотѣлъ ждать твоего отвѣта
насчетъ векселя. Я очень радъ, что не угадалъ о причинѣ молчанія;
повторяю, мнѣ было больно.

Natalie въ лихорадкѣ; сейчасъ былъ докторъ; уже, кажется,
простой вариолизъ, стало, всѣхъ болѣзнь эта перепятнаетъ. Погода

¹⁾ Прочнее спокойствіе.

сѣрашная. Я самъ распротуженъ. Солнца не бываетъ съ конца сентяб-
бря. Если я и Лиза сляжемъ, то не знаю, что и дѣлать. Такого сезона
я не помню. Усталъ отъ тревоги и всего.

Chère Malvida!

Un mot pour vous. Vous aimez Schiff, vous aimez le réalisme—
mais vous avez la religion de la flanelle et vous pensez que si l'on don-
nait à un homme de l'arsenic—il ne mourra pas s'il portait la flanelle.

Les balles de pistolet blessent parce qu'elles sont froides.

Justice—si vous avez confiance en Schiff—demandez le si les miasmes
sont des refroidissements.

La flanelle est pernicieuse—elle continue une race faible et ca-
cochyme.

(Continuation au №—proch.) ¹).

Ольгѣ буду писать завтра или послѣзавтра.

3463. Письмо къ Н. П. Огареву.

25 декабря (1868).

Villa Filippi, R. Merlanzonne.

У Natalie, дѣйствительно, летучая оспа, но въ несравненно легчай-
шей формѣ. Ей придется, вѣроятно, полежать дней пять. Я самъ
распростудился отъ мистрала. (Въ прошломъ письмѣ я ошибся,—
ненастье и бури продолжаются съ 15 сентября, а не октября). Что
возможно, для предохраненія Лизы дѣлаю, но врядъ ускользнетъ
ли и она. Она вовсе не боится и говорить, что, если я занемогу, то
непремѣнно занеможетъ и ляжетъ въ той же комнатѣ. Боюсь за
прислугу. Въ крайности, буду звать пана, а потому, если я напишу
ему, не бойся. Болѣзнь, кажется, на исходѣ и все слабѣетъ.

Тата совершенно выздоравливаетъ, но лицо и руки еще татуиро-
ваны. Она выходитъ въ садъ.

Письмо твое получилъ. Все рѣшается просто. Маіору пошли
(для круглаго счета) 450 фр., а на остальные 50 купи для Новаго

¹ Дорогая Мальвида! Теперь—словечко вамъ. Вы любите Шиффа, вы лю-
бите реализмъ, но вы вѣруете во фланель и думаете, что, если кому-нибудь
дадутъ мышьякъ, то онъ не умретъ, если носить фланель.

Пистолетныя пули ранятъ, молъ, потому, что онѣ холодны.

Будьте справедливы, и если вы довѣряете Шиффу, спросите его: одно и то
же ли мiazмы и простуда?

Фланель гибельна: она воспитываетъ слабое и худосочное поколѣніе.
(Продолженіе въ слѣд. номерѣ).

года improvement'ы ¹⁾) по хозяйству. 1 января ты получишь 600 фр. (сто Туцские), стало, все хорошо. Для порядка мнѣ надобно знать, сколько Тхор. тебѣ вручилъ съ 1 декабря: 500 или 600, или 700?

О письмѣ къ Nat. ты такъ не спрашивалъ, а говорилъ, что пришлешь мнѣ. Присылай, я очень обдуманно поступлю и, разумѣется, послѣ выздоровленія.

А если у меня будетъ летучая оспа, вѣдь, это смѣхъ.

Если что важное, буду писать завтра, а не то послѣзавтра.

Затѣмъ прощай.

Мошкаловъ строчитъ очень недурныя корреспонденціи въ «Спб. Вѣдом.» изъ Нью-Йорка. Каково Каппъ его отшлифовалъ!

3464. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 дек. (1868). Суббота.

Отписочка получена съ безсмѣннымъ извѣщеніемъ, что тебѣ писать некогда, и съ глупымъ отрывкомъ изъ «Eтаупе», на который я и не думаю отвѣчать.

Вариолидъ у Nat. идетъ своимъ порядкомъ. Нѣтъ сотой доли того, что у Таты. Тутъ-то и есть разница между вар. *черной* и простой. Должно быть, она оправится въ недѣлю. Теперь задача—сохранить Лизу; дѣлаю, что могу. Я два дня очень былъ нездоровъ, и даже лихорадка была. Ну, думалъ, рісѣ ²⁾), но нынче ничего. Принималъ англ. соль.

Въ городѣ и въ Каннѣ много больныхъ. Теперь доктора начинаютъ признаваться.

27.

Сегодня цѣлую ночь опять лихорадка и тошнота и боль въ груди. Тата, если у меня будетъ вариолидъ, сойдетъ внизъ, вмѣсто меня, съ Лизой. У Nat. идетъ болѣзнь своимъ чередомъ. Она, разумѣется, и чешется, и въ вѣчномъ волненіи. По счастью, на лицѣ мало.

Отъ Sat. письмо. Грозятъ прислать тебѣ денегъ. У нихъ тоже была сыпь на Манѣ. Они всѣ въ Москвѣ.

Сегодня первый безоблачный день. Лиза весь день въ саду, очень жалѣетъ меня. Очень можетъ быть, что это—просто катарральная лихорадка.

Прощай.

¹⁾ Лучшія принадлежности.

3465. Письмо къ С. Тхоржевскому.

28 дек. (1868).

Любезный панъ,

Вотъ закургузило насъ, такъ закургузило. Я такъ усталъ и такъ постоянно бѣшусь, что самому стыдно, а дѣлать нечего. У меня у самого лихорадка сегодня пятый день; я думалъ, что тоже болѣзнь, однако, нѣтъ, лихорадка слабѣе, а сыпи нѣтъ. Если-бъ у меня была, я сталъ бы васъ звать, но, такъ какъ нѣтъ, переждите ужасную полосу. Два дня погода лучше. Увидимъ, что будетъ.

Посылаю чекъ въ 1.500 фр.; тутъ Огар. 1.100, остальные останутся у васъ.

Что книга Мейзенб. отослана ей?

Да еще вы мнѣ не писали насчетъ «Revue Moderne», второй серіи статей Andreoli. Мнѣ легко здѣсь достать, но я не хочу вдвойнѣ, если Георгъ выписалъ.

У Нат. Ал. летучая оспа слабѣе гораздо, но все еще дней десять продолжится, а у Таты пятна не пройдутъ и въ два мѣсяца.

Лиза получила ваши книги и билетъ Чернецкаго золотой, очень рада—она здорова.

3466. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 дек. (1868). Понедѣльникъ.

Бюллетень. 1) Оспа у Нат. все такъ же идетъ своими градусами и, вѣроятно, дней въ десять пройдетъ.

2) Лихорадка у меня сегодня меньше, и я начинаю думать, что она кончится безъ оспы.

3) Лиза совершенно здорова.

Погода лучше.

Жаль, если «Прибавл.» выйдетъ прежде отзыва въ «Голосѣ» и «Моск. Вѣд.» о прекращеніи «Колокола». Это молчаніе—лучшее доказательство, что «Кол.» слѣдовало прекратить: никому въ Россіи дѣла нѣтъ, выходитъ онъ, не выходитъ. Послѣдній «Колоколь» былъ разосланъ 6, ерго, 11 дек. былъ въ Россіи, газеты есть уже отъ 22-го.

Я посылаю 1.100 фр. для тебя,—это янв. и февр. съ Туцомъ. Всего лучше, если ты не возьмешь разомъ всего, а отдѣлишь по 400 на текущій расходъ въ мѣсяцъ.

3467. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 декаб. (1868).

Скоро, батюшка Николай Пл., сказка сказывается, да не скоро и не легко дѣло дѣлается. Переѣздъ въ Монпелье, *сверхъ всего*, долженъ стоить 2.000 фр. за квартиру, которую никто не возьметъ послѣ болѣзни Таты и Nat. Я квартиру искалъ, какъ сумасшедшій, чтобъ выручить *всѣхъ* изъ Pension Suisse; нашель въ захолустьи, безъ вида, но съ большимъ садомъ. Я могу въ немъ жить годъ за 2.600, но, когда бы ни съѣхаль, долженъ заплатить 2.000. Отсюда съѣздить на недѣлю, на двѣ въ горы, въ S.-Remo, Oneglio и пр. можно потомъ. Да и что дѣлать, если въ Монпелье тоже эпидемія?

Я не могу справиться съ своей лихорадкой. Сегодня шестой день, но, кажется (именно по времени лихорадки), что оспы не будетъ, а наружный ящикъ груди весь болитъ и сильно, нынче ночью особенно, днемъ утихаетъ.

Завтра, вѣроятно, будетъ Бернацкій изъ Канна прививать оспу Лизѣ и Лизаветѣ: Саша телеграфировалъ изъ Флор., что тамъ считаютъ это необходимымъ.

Вчера послалъ тебѣ 1.100 фр. на Тхорж.

Болѣзнь Nat. идетъ такъ же правильно, какъ у Таты, но несравненно слабѣе. Я полагаю, что дней на десять осталось.

Твой эпиграфъ очень хорошъ. Но самъ ты—страшный импресарій. Тебѣ все некогда, и все ты занятъ до невозможности... Куда же ты торопишься? Зачѣмъ? И отъ какого отвѣта «ты бы могъ отвертываться»? Даже не понимаю, о чемъ рѣчь, и что нужно уяснить, но письму буду радъ.

Если завтра не буду писать, значить все идетъ хорошо.

Да напиши ты записочку Жуковскому въ томъ родѣ: «Г. просить Гельмгольца и настаиваетъ, чтобъ я вамъ выслалъ деньги за Брема, извѣстите меня, сколько».

О твоихъ книгахъ никогда рѣчи не было:

Можешь даже его спросить, не хочетъ ли онъ получить отъ Бенды.

Насчетъ писемъ это безобразно, но разница меньшая можетъ выходить такъ: письмо отъ 29, положен. до 12 утра, прид. 30, послѣ 12—31-го. Ношу я на почту всегда самъ.

Засимъ кланяюсь.

Лиза цвѣтетъ и процвѣтаетъ; ночью приходитъ меня спрашивать, какъ мое здоровье и не нужно ли чего. Она спитъ возлѣ въ комнатѣ. Мы двое въ цѣломъ этажѣ. Къ Nat. она не ходитъ и въ верхній этажъ также.

3468. Письмо къ сыну.

30 декаб. (1868), вторникъ.

Чекъ, если пропадетъ, finita la comedia—почта отвѣчаетъ 50 франк.; вексель—комедія дорогая. Я выдумалъ лучше и посылаю тебѣ письмо; ты на немъ надпишешь «Paucet à M...»¹⁾. Если твой банкиръ не плутъ, то онъ больше 10 итал. фр. не возьметъ; если онъ плутъ, не надобно у него дѣлать дѣла. Скажи ему, что я Ротшильда предупредилъ письмомъ. Затѣмъ прошу о полученіи отвѣчать *съ первой почтой*—les distractions ne sont pas reçues²⁾.

Я былъ недѣлю боленъ: лихорадка, тошнота, спалъ часовъ 14, наконецъ, потъ и въ заключеніе боль въ груди до крика. Сегодня проспалъ всю ночь (при бурѣ и дождѣ) и всталъ wie ein Fisch im Wasser³⁾. Мнѣ кажется, что все это вмѣстѣ avortement⁴⁾ оспы; всѣ ждали у меня сыпи, вышло нормальное здоровье. Если ты не забудешь, спроси Шиффа, возможно ли это,—мнѣ интересно знать.

У Natalie теперь вариола въ полной силѣ, и, хотя она гораздо слабѣе, чѣмъ у Таты, но держать ее въ постели уже двѣ недѣли да и продержитъ еще дней десять. Твоя телеграмма пришла; мы были en rougparlers⁵⁾ о прививаніи оспы и послѣ телеграммы поторопились. Лиза совершенно здорова. Помнишь ли ты, что Девиль ей три раза прививалъ безъ успѣха, и только Нефталь привилъ тогда, когда ей было два года? Умомъ она растеть и вниманіемъ, учится вообще хорошо, но капризы и дерзость въ характерѣ остались, хотя идутъ лучше. Думаю, что пройдутъ и они.

¹⁾ Уплатить такому-то.

²⁾ Разсѣянность не допускается.

³⁾ Какъ рыба въ водѣ.

⁴⁾ Неудача, несостоявшаяся.

⁵⁾ Въ переговорахъ.

Читайть описаніе о вашемъ праздникѣ (вѣроятно, на немъ пили англійское пиво, иначе ты описаніе сдѣлалъ бы на русскомъ, а не на англійскомъ языкѣ) и радуюсь. Живите весело, пока весело живется, и работайте.

А что дошелъ до тебя послѣд. «Жолоколь» и «Поляр. Зв.» и, если дошли, читалъ ты или нѣтъ? а то у меня только отзывы Мейзенбургъ, Доманже и M-me Sorrogandi изъ Пизы.

3469. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 декабря (1868). Утро.

Наконецъ, къ Новому году, съ которымъ усердно поздравляю, я рафистоклировался вмѣстѣ съ проливнымъ дождемъ и сирокю. Сегодня первую ночь я выпался безъ лихорадки, безъ грудной боли и всталъ, хотя съ тяжелой головой, но пропорціонально лучше. Я думалъ, что все кончится оспой, теперъ увѣренъ, что оспы не будетъ. Знаешь ли, что я думаю, и вѣришь ли такой думѣ: все это avortement оспы? Сильный и старый организмъ переработалъ. Всѣ признаки, т.-е. тошнота, голодъ и невозможность ѣсть, ломъ въ головѣ, затѣмъ у нихъ сыпь, а у меня грудная боль. Желая знать твое мнѣніе.

Лиза, какъ рыба въ водѣ, ѣсть за двоихъ и бѣгаетъ по саду за четырехъ.

Но у Nat. болячки еще crescendo и сильнѣе, чѣмъ я думалъ ¹⁾. Замѣтъ, болячки больше, но безъ черныхъ пятенъ въ серединѣ и число несравненно меньше. У Таты глаза были закрыты, она не могла говорить, и каждое слово, громко сказанное, производило боль. Она лежала, какъ пласть, почти неподвижно,—все это не такъ у Natalie.

Кажется, «злоба дневи» истоцилась, и съ Новаго года пойдетъ лучше. Я тупо усталъ и всякій разъ готовъ начинать опять съ тобою споръ, что люди, не умѣющіе жить одни, *telo da se* ²⁾.

What next ³⁾? Мнѣ такъ противна моя неправильная жизнь, что я тотчасъ начинаю думать о будущемъ, о «своей комнатѣ», о книгахъ и о столѣ... Съ конца 64 года я не могу нигдѣ пристроиться и, конечно, вина большею частью падаетъ на Н. Если-бъ что-нибудь можно было устроить въ Женевѣ или здѣсь (отъ Ниццы до Генуи). Во Флоренцію меня не тянетъ. Какъ ни бросаю карты, ничего не выходитъ.

¹⁾ Сдѣланъ рисунокъ болячекъ.

²⁾ Убѣгаютъ отъ себя.

³⁾ Что же дальше?

Ну, это старая пѣсня..:

а) Читалъ ли ты комедію Островскаго ¹⁾ въ «Отеч. Зап.»? Это— гнусность, тупость, зачѣмъ же печатають «От. Зап.»?

б) Читалъ ли ты рѣчи Кокорева, фонъ-Бушена и Скальковскаго о пьянствѣ? Очень интересно ²⁾.

3 часа.

Сейчасъ Лизѣ привита оспа Бернацкимъ. Все хорошо, она геройски показала *sangfroid* ³⁾. Addio.

Пока Тхоржевскаго поздравляемъ всѣ отъ мала до велика съ Новымъ годомъ и желаемъ, чтобъ и въ будущемъ году Долгоруковъ ему оставилъ капиталъ. Ура!

¹⁾ «На всякого мудреца довольно простоты», въ XI кн.

²⁾ Въ засѣданіяхъ петерб. собранія сельскихъ хозяевъ.

³⁾ Хладнокровіе.

1869

3470. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 января (1869). Воскресенье.

Твоя статья превосходна, и ты самъ это знаешь, но à la Boris Godounoff скромничаешь и кокетничаешь. Я поставилъ X на *staviator*¹⁾ при имени Мартьянова—какъ-то тяжело, и вымаралъ слово *лже-патріотизмъ*, какъ больно прѣввшееся. Я жалѣю объ этой статьѣ, потому что «Приб.» никто читать не станетъ²⁾.

Ты все воображаешь, что мы въ 1859 и что о насъ боятся говорить. Родіоновъ дѣлаетъ выписки изъ «Колокола» въ «Голосѣ». «Спб. Вѣдомости» говорятъ обо мнѣ, какъ говорятъ о Мѣрославскомъ и пр. Стало, сомнѣнія нѣтъ, что они *могли* говорить о прекращеніи—и просто пропустили.

«Прибавл.» слѣдуетъ издать, когда оно будетъ готово, лишь бы въ январѣ.

Если хочешь аккуратность въ расчетѣ, я тебя прошу ни въ чемъ никуда не авансировать ни одной копѣйки изъ твоихъ денегъ, ни Жуковскому, ни на выписку журналовъ. Я попрошу у Тхор. общій счетъ о выпискѣ журналовъ и тогда посмотримъ, нуженъ ли «Мониторъ», когда будутъ «Голосъ» и «Моск. Вѣд.»; помни, что мы теперь—не редакція, а партикулярные люди.

Я очень радъ, если Г.³⁾ поступитъ въ работники и хорошо работаетъ, но, право, не могу въ толкъ взять, по какимъ наблюденіямъ ты можешь (если это не фраза) заключать, что «прежде всего это—натура честная»; можетъ, и такъ, но намъ слѣдуетъ быть осторожнѣе въ словахъ. Я склоненъ думать, что у него характеръ дадеко не до того сложился, чтобъ такъ рѣзко характеризовать.

¹⁾ Остановись, путникъ.

²⁾ Статья Огарева «Голодь и Новый годъ» въ «Колоколѣ» 17 февраля 1869 г.

³⁾ Генри.

Книгу Мейз. погубилъ-таки Чернецкій, милѣйшій и мрачнѣйшій шутъ.

Засимъ прощай.

Два дня у насъ синее небо безъ облаковъ и солнце. Этого достаточно, чтобъ поставить на ноги.

Я здоровъ; у Лизы оспа не принялась. Тата все еще татуирована и, вѣроятно, на 2 мѣсяца хватить пятень.

Вчера былъ Бернацкій. Natalie встаетъ. Въ русскій Новый годъ, а можетъ, и прежде мы впервые вмѣстѣ объдаемъ.

Лиза, въ фартукъ и бѣломъ колпакѣ, готовитъ со старушкой Росса индѣйку къ завтраку.

3471. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 января (1869). Вторникъ.

По части госпиталя все идетъ хорошо. Вчера Nat. была въ саду и объдала внизу. Ты замѣть, что ея болѣзнь шла втрое скорѣе. Лиза здорова, я здоровъ и Тата, но она еще некрасива. У Nat. не будетъ ни одного слѣда, а у Таты и черезъ мѣсяцъ будутъ. Вотъ и бюллетень.

Повторяю еще разъ, что начало твоей статьи очень хорошо, мнѣ даже жаль, что она не по-французски.

Вѣроятно, «Народ. Дѣло» вышло два раза. Желательно было бы взглянуть; впрочемъ, у Висконти есть.

Письмо отъ З получилъ. Все ладно, и Тхоржев. блудосвиданіе съ княг. ¹⁾ лучше всего. Теперь, если иной разъ опоздаю съ письмомъ, прошу не тревожиться. Насчетъ денегъ ты знаешь, что посланное идетъ до 1-го марта.

А ргорос, что ты пишешь о Мейз., печально-справедливо, и мы повторяемъ одно и то же, а поэтому слѣдуетъ очень скупиться на писаніе, т.-е. на публичное ²⁾.

Прощай.

¹⁾ Долгоруковой.

²⁾ Т. е. воздержаться отъ похвалы въ печати ея «Мемуаровъ».

У насъ паки поднялась диссертація, куда ѣхать послѣ Ниццы. Я опять предлагаю Цюрихъ, Женеву и, наконецъ, Брюссель.

Средства образованія въ Брюсселѣ большія. Можетъ, я и предпочелъ бы Женеву, но ума не приложу, какъ устроиться; безобразная жизнь безъ естественной точки тяготѣнія.

6, среда.

Забывъ вчера послать, новаго ничего.

Нельзя ли брошюру поляка ¹⁾ разослать вмѣстѣ съ «прибавл.»? Они другъ друга двинуть.

3472. Письмо къ С. Тхоржевскому.

6 января (1869).

Любезнѣйшій Тхоржевскій, Саша пишетъ, что они не получали «Полярной Звѣзды»; потрудитесь отправить изъ моихъ пять экземпляровъ.

Кстати, была ли «Пол. Зв.» послана Маріи Каспаровнѣ?

3473. Письмо къ Э. Кинэ.

8 janvier 1869.

Nice (Alpes Mrt.), Villa Filippi, Rue de Merlanzone.

Très cher et vénérable Monsieur.

Votre lettre du 4 a été une grande consolation pour moi. Je vous en remercie beaucoup et de tout mon coeur. On se raidit, on se dessèche sans les paroles sympathiques—venant des personnes que nous sommes habitués à estimer, à aimer.

Il m'a toujours semblé que s'arrêter à temps—était une chose indispensable, sans les «memento mori» venant du chorus. Ce n'est pas l'acharnement de nos ennemis—qui nous a décidé à bâillonner notre *Cloche*—c'est l'indifférence de nos amis, c'est l'absence de tout contingent moral. J'ai lutté seul depuis 1853—après en deux—il est temps que d'autres essaient leurs forces.

Nous continuerons notre travail—nous sommes aussi prêts à reprendre le *Kolokol*—mais à d'autres conditions.

¹⁾ Вихерскаго.

Le navire russe—va fatalement heurter dans un an (см. 1870) à un formidable rocher. Il n'y a pas de pilote pour le tourner. C'est la fin du terme du rachat des terres—cela sera la couronnement de l'émancipation des paysans. Nous y attendons—le gouvernement et la noblesse. C'est beaucoup plus important pour nous que les cris de guerre et les croisades de Henri Martin—le Pierre l'Ermitte du siècle.

Je vous suis de loin—et dans le livre de Madame Quinet et dans vos «Montagnes». Avec quel immense plaisir—j'ai lu la conclusion—de l'article dans la R. de 2 mondes. Après le discours de Genève, il fallait encore une fois écraser l'orgueil par la nature. Je suis sûr que vous avez fait trembler une génération entière—de vos compatriotes. Ils n'ont jamais pensé à ces choses, ne sont jamais allés à de telles dimensions.

Dans deux semaines vous recevrez un Supl. au Kolokol—(moitié français, moitié russe). Je vous prie de jeter un coup d'oeil sur un petit article «Monte Rosa»—c'est un fragment de mes mémoires.

Malheureusement je n'ai pas ici le texte russe du petit article «Mazourka»—dès que je viendrai à Gènes (dans deux-trois mois)—je le traduirai encore une fois, pour vous—cela me fera un véritable plaisir.

Je remercie Madame Quinet pour le temps que j'ai mis à lire son «exil» et je présente à vous et à Madame—mes sympathies, mon respect, mes vœux sincères.

Votre tout dévoué

Al. Herzen.

Переводъ.

8 января 1869.

Дорогой и уважаемый другъ,

Ваше письмо отъ 4 было для меня большимъ утѣшеніемъ. Очень благодарю васъ за него и отъ всего моего сердца. Черствѣешь, сохнешь безъ этихъ словъ симпатіи со стороны лицъ, которыхъ мы привыкли уважать и любить.

Мнѣ всегда казалось, что во-время остановиться есть дѣло необходимое, безъ «memento mori» ¹⁾ со стороны хора ²⁾. Не ожесточеніе

¹⁾ «Помни о смерти»—привѣтствіе, которымъ обмѣливались монахи изъ ордена капуциновъ.

²⁾ Хоръ—неизмѣнная принадлежность древне-греческой трагедіи, назначеніе котораго состояло въ томъ, чтобы выражать общественное мнѣніе.

нашихъ враговъ заставило насъ рѣшиться завязать языкъ нашему колоколу, а равнодушіе нашихъ друзей, отсутствіе всякой моральной опоры. Я боролся одинъ съ 1853 года, потомъ вдвоемъ,—теперь пора, чтобы другіе испробовали свои силы.

Мы будемъ продолжать нашу работу, — готовы также снова взяться за «Колоколъ», но при другихъ условіяхъ.

Русскій корабль фатально натолкнется черезъ годъ (въ 1870 году) на грозную скалу. Нѣтъ рулевого, который ее обошелъ бы. Это—конецъ срока выкупа земель,—и тутъ будетъ довершеніе освобожденія крестьянъ. Здѣсь мы встрѣтимъ правительство и дворянство. Это гораздо важнѣе для насъ, чѣмъ воинственные крики и крестовые походы Анри Мартэна, «Петра Пустынника» изъ Siècl'я ¹⁾.

Издали я слѣжу за вами—и въ книгѣ m-me Кинэ ²⁾, и въ вашихъ «Горахъ». Съ какимъ огромнымъ удовольствіемъ я читалъ заключеніе статьи въ «Revue des Deux-Mondes»³⁾; послѣ женевской рѣчи слѣдовало еще разъ раздавить гордость природою. Я увѣренъ, что вы заставили вздрогнуть цѣлое поколѣніе вашихъ соотечественниковъ. Они никогда не думали объ этихъ вещахъ, никогда до такихъ размѣровъ не доходили.

Черезъ двѣ недѣли вы получите приложеніе къ «Колоколу» (наполовину—на французскомъ языкѣ, наполовину—на русскомъ). Я прошу васъ взглянуть на маленькую статью «Monte Rosa», это—отрывокъ изъ моихъ мемуаровъ.

Къ несчастію, у меня тутъ нѣтъ русскаго текста маленькой статьи «Мазурка». Какъ только приѣду въ Женеву (черезъ 2—3 мѣсяца), еще разъ переведу ее для васъ—это мнѣ доставитъ истинное удовольствіе. Благодарю M-me Кинэ за тѣ минуты, которые я провелъ за чтеніемъ ея «Ссылки» и выражаю вамъ и ей свои симпатіи, свое уваженіе и свои искреннія пожеланія.

Вашъ вполнѣ преданный

Алекс. Герценъ. ¹

◆◆ 1. По прочтеніи начала «Prolegomena» Мишле писалъ 14 января 1869 г. Герцену: «Я въ восторгѣ, перечитывая эту блестящую, удивительную статью. Почему вы помѣщаете вмѣстѣ христіанство и революцію, *сжигающихъ и сожженныхъ*? Это кажется мнѣ ужаснымъ.

¹⁾ Подъ этимъ псевдонимомъ въ названной газетѣ Анри Мартэнъ писалъ не мало статей публицистическаго характера.

²⁾ «Mémoires d'exil».

³⁾ Статья Кинэ «La nouvelle Genève», въ книжкѣ отъ 15 ноября 1868 г.

Ваша безутѣшность сильно огорчала бы меня, но я предполагаю, что вы нѣсколько болѣе довольны Франціею.

«Жму вашу руку. Ж. Мишле .Исчезновение «Колокола»—бѣдствіе для всей Европы»¹⁾.

3474. Письмо къ сыну.

16-го января 1869, суббота.

Лиза послѣ легкой лихорадки вся въ сыпи; неосторожность была въ томъ, что ее перевели вверхъ слишкомъ скорѣ. Жду доктора: на этотъ разъ я послалъ за Реманомъ (бывшій d-г велик. князя); нельзя рѣшить, то ли это или корь. Послѣзавтра я пишу Ольгѣ и Мальвидѣ; отъ нихъ узнаешь дальнѣйшее. Скучно. Я готовъ бѣжать изъ Ниццы.

3475. Письмо къ М. К. Рейхель.

22 января 1869.

Villa Filippi, Rue de Merlanzone, rue de France, Nice.

Милѣйшая и добрѣйшая матушка Марья Каспаровна, не писали мы оттого, что ужъ больно закургузило: послѣ Нат. Ал. занемогла Лиза. Болѣзнь, впрочемъ, все шла слабѣе; Тата лежала четыре недѣли, Нат. Ал.—двѣ, Лиза—одну, у нея была корь, смѣшанная съ оспой. Представьте, что у нихъ ужъ и слѣдовъ нѣтъ, а Тата еще покрыта, и d-г говорить, что это еще мѣсяца на два. Скука какая.

Саша къ маю мѣсяцу заготовляетъ новое поколѣніе.

А что Егоръ Ив. замолкъ? видно, испугался.

Обнимаю васъ всѣхъ и юнаго старого Рейхеля.

Прощайте.

3476. Письмо къ Н. П. Огареву.

24 янв. (1869). Воскресенье.

По санитарной части все исправно. Тебя поздравляю съ 2 №. зато нисколько не апробую, что ты себя лишилъ фортепьянъ. Ты ихъ держалъ мѣсяцевъ десять, не играя, и отдалъ, когда сталъ играть.

¹⁾ Переводъ сдѣланъ по подлиннику, хранящемуся въ архивѣ семьи Герцена. Г. Моно приписалъ отзывъ этого письма «Мазуркѣ», что невѣрно.

Не у одного же Мозера есть фортепьяно. Не Тхорж. ли тебя двинуль на эту нелѣпность?

«Захолустье» необычайно интересно ¹⁾. Это—поэма, отъ которой морозъ дереть по кожѣ. Разумѣется, его терапія слаба. Вѣка не своротятъ это болото на человѣческой путь.

Выруб. сегодня ѣдетъ. Ты напрасно слишкомъ нападаешь на него. Онъ даже гораздо добродушнѣе, чѣмъ кажется подъ доктринерской ваксой. Я не вижу необходимости отгонять людей чистыхъ. Вглядись-ка получше въ Утятъ ²⁾, Жуковъ ³⁾, Фыновъ и Штелекъ, тогда поймешь мою ненависть къ нимъ и снисхожденіе ко всѣмъ другимъ.

Насчетъ того, что Чернецк. остался при одномъ Даничѣ, это не совсѣмъ дурно,—работа скоро остановится совсѣмъ, но, все же, слѣдуетъ издать къ 1 числу мая⁴⁾. Пришли только взглянуть *mise en page*. Статья твоя, все-таки, хороша и хорошо заключаетъ нашъ звонъ.

Завтра отошлю тебѣ календарь, который чортъ знаетъ зачѣмъ мнѣ прислалъ Тхоржевскій.

Я пересмотрѣлъ и подчистилъ (ничего не мѣняя) мою статейку о Кельсіевѣ. Она очень можетъ быть напечатана въ «Пол. Зв.» Могу все это (т.-е. и статью *in Vak.*) прислать ⁵⁾. Въ «Отеч. Зап.» о Кельсіевѣ безмѣрно скудно и *trépané* ⁶⁾.

Отъ Шаши сегодня письмо: все ладно.

Выруб. сильно проповѣдуетъ Брюссель для воспитанія и жизни. Я ничего не понимаю, не знаю и чувствую, что во всѣхъ уѣздныхъ городишкахъ мы будемъ *Ein Fremdling überall* ⁷⁾. Ниццу я возненавидѣлъ наравнѣ съ Женевой.

Затѣмъ прощай.

Неужели вы не можете узнать, выходить или нѣтъ «Народное Дѣло» и почему не выходить? Интересно тоже знать: а) о дѣятельности Бакун. съ работниками, б) объ его отношеніяхъ къ «Народн. Дѣлу».

¹⁾ «Въ захолустыи и въ столицѣ», статья Скалдина (псевдонимъ Федора Павловича Еленева, тогда члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати) въ XI и XII кн. «Отеч. Зап.» 1868 г.

²⁾ Н. И. Утинъ.

³⁾ Н. В. Жуковскій.

⁴⁾ «Воспоминанія» Мейзенбургъ, т. II. Типографія Чернецкаго стояла вовсе безъ работы, пришлось распустить рабочихъ.

⁵⁾ Рѣчь идетъ о главѣ «Былого и думъ», при жизни Герцена не напечатанной, и о статьѣ «Между старичками».

⁶⁾ «Жертва старой русской исторіи», въ XII кн. «Отеч. Зап.» 1868 г.

⁷⁾ Посюду чужестранцами.

3477. Письмо къ С. Тхоржевскому.

24 января (1869). Воскресенье.

Секретно.

Пишу къ вамъ с просьбой, любезнѣйшій Тхоржевскій, узнать черезъ кого-нибудь, гдѣ можно нанять довольно хорошее фортепьяно для Огарева. Можно даже сдѣлать контрактъ,—что *половина* наемной цѣны пойдетъ въ уплату, если черезъ годъ захотятъ кугить. Очень жаль, что онъ именно теперь отдалъ форт., когда можетъ на нихъ играть. Не выходя, это для него необходимо. До поры ему не говорите ничего, а надобно посовѣтоваться съ музыкантомъ. Тутъ-то и вопросъ: не знаете ли кого? Объ этомъ прошу васъ особенно. Сколько онъ платилъ Мозеру?

Книги Мейз. получилъ; двѣ дамъ Visconti. Что жъ Георгъ купилъ ихъ что ли, что непечаталь: «Tous les droits réservés»¹⁾?

Лиза выздоровѣла, но еще не выходитъ. Не дворѣ холодъ.

Посылка пришла и второй «Вѣстникъ».

Такъ Катеньку²⁾ вы просватали...

3478. Письмо нъ Г. Н. Вырубову.

26 янв. 69.

Villa Filippi.

Я обѣщаль васъ извѣстить о моей статьѣ; представьте, что «Нед.» лежала у насъ, и мы не видали, что статья «Скуки ради» была въ 48 № почти безъ малѣйшаго выпуска.

Вы хотѣли справиться о «Пол. Звѣздѣ» и даже о томъ, что получилъ ли ее Ханыковъ?

Какъ вы доѣхали? Здѣсь холодно.

Я могу заключить новой формулой: искренно уважающій васъ и откровенно не согласный со многимъ. Карамзинъ назваль бы васъ мизогиньомъ³⁾ за сомнѣнiе въ писательскомъ талантѣ женщинъ и вообще въ науко-литературномъ амазонствѣ.

Жду ваши громы въ отвѣтъ и приготавлию паратонеры⁴⁾, также и книжицу Накѣ.

Прощайте и пуще всего будьте здоровы.

А. Герценъ.

¹⁾ Всѣ права сохранены.

²⁾ Володимірова.

³⁾ Женоненавистникомъ.

⁴⁾ Paratonnerre—громоотводъ.

Р. S. Когда вы уѣхали, я вспомнилъ, что Геслеръ ¹⁾ объяснялъ тѣмъ же доводомъ необходимость кланяться шляпѣ, которымъ вы— законность ареста буржуа за фонарь. «Ты знаешь, Телль, что есть— законъ»... Но Телля онъ не убѣдилъ—стало, есть двѣ логики, два ума-разума.

3479. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 янв. (1869). Среда.

Отчего ты не поставилъ у себя въ комнатѣ печь? Вѣдь, зимы-то еще хватить у васъ на четыре мѣсяца. Ненужныя страданія такъ же глупы, какъ мои жалобы.

Статейка моя ²⁾ напечатана безъ измѣненій. Стало, можно послать другую. Всего лучше, полагаю, просто адресовать (не моей рукой) въ редакцію: всякій можетъ послать всякій вздоръ, редакція не отвѣчаетъ. Послѣ нѣсколькихъ статей слѣдуетъ попробовать статьи съ именемъ. Жаль, что 48-й листъ «Недѣли» опоздалъ мѣсяца полтора. Статья давно бы была у нихъ.

Лиза совсѣмъ оправилась. Она читаетъ съ жаромъ «Записки» Мейз. и сообщила мнѣ, что, кажется, у нея былъ lover ³⁾, потому что она какого-то пастора все называетъ ardre и говоритъ, что онъ былъ très beau. Она находитъ, что «Былое и думы» лучше. «Tu as une manière gaie de raconter les choses, et chez Malvide on voit que c'est une dame sérieux» ⁴⁾. На воздухѣ она еще не была,—все отвратительная погода. D-г Ребергъ (а не Реманъ, какъ я писалъ) говоритъ, что въ 7 лѣтъ, которыя онъ всякую зиму проводитъ въ Ниццѣ, онъ ничего подобнаго не видалъ. Кстáти, посылая за нимъ, я думалъ, что онъ, узнавши, что я зову, не пойдетъ, а онъ, совсѣмъ напротивъ, очень доволенъ, проситъ фотогр. карточку etc. Онъ былъ долго хирургомъ въ Обуховской больницѣ и мастеръ рѣзать.

Выруб. уѣхалъ. Онъ еще разъ увѣрялъ, что въ Парижѣ, т.-е. въ молодомъ Парижѣ, большую сенсацію сдѣлали отрывки изъ «Был. и думъ» въ «Колоколѣ». Слѣдовало бы издать особо. Вспомни, что то же мнѣніе сказано было Шофуромъ и Шереромъ. Пусть бы Тхорж. спро-

¹⁾ Дѣйствующее лицо въ «Вильгельмѣ Теллѣ».

²⁾ «Скуки ради».

³⁾ Возлюбленный.

⁴⁾ Ты умѣешь весело разсказывать, а у Мальвиды видно, что она серьезная дама.

силъ Георга или кого хочеть. Тогда Чернецк. работы на два года. Только чтобъ издатель платилъ самъ въ типогр. и послѣ изданія далъ бы условленный гонораръ.

3480. Письмо къ С. Тхоржевскому.

27 янв. (1868). Среда.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, кажется, всѣ тревоги и хлопоты прошли, остается также пройти пятнамъ у Таты. Я думаю, что послѣ всего намъ всѣмъ недурно перегряхнуться. Если вы хотите, то лучше всего ѣхать 14—15 марта, остановиться въ Лионѣ и Марсели и ѣхать къ 20 сюда; въ началѣ апрѣля можемъ всѣ ѣхать въ Геную; вы проводите Тату во Флоренцію, воротитесь въ Геную, потомъ съ нами въ Ниццу и 15 апрѣля домой въ Женеву. Вотъ нашъ планъ. Только устройте сильное наблюдение за здоровьемъ и дѣлами Огарева такъ, чтобы мнѣ и писали и телеграфировали когда нужно. Не откажется же Чернецкій; уговаривайте, кстати, его уступить нѣмцу и скорѣе кончить. Если нужно, заплатите до слѣдующаго чека 264 фр. за Мейзенбургъ. Я, все же, не понимаю, на какомъ основаніи Георгъ взялъ изданіе. Я далъ Visconti два экз., но здѣсь врядъ пойдетъ ли. Отчего же Георгъ съ Visconti возьметъ за «Съ того берега» 6 фр., а на моемъ счетѣ 8? Я Георгомъ очень недоволенъ—шутка съ «Голосомъ» опять повторилась, я заказъ сдѣлалъ за два мѣсяца. Скажите ему очень окончательно: *если «Голосъ» не будетъ въ Ниццѣ между 10—15 февраля, я отказываюсь и не плачу.* Пусть пишетъ сейчасъ, телеграфируетъ, но пусть знаетъ, что я *послѣ 15 не приму.* Но только слѣдуетъ сдержатъ слово,—объ этомъ я васъ прошу. Деньги за «Мѣт». Мейз., если будутъ, разумѣется, пока оставьте у себя.

Очень можетъ быть, что вмѣсто Vichy я поѣду въ Карлсбадъ, но не иначе, какъ черезъ Женеву.

А Катенька-то не идетъ замужъ.

Затѣмъ будьте здоровы.

А. Г

Огаревъ пишетъ, что ваше здоровье недурно, и что вы коньякъ вовсе не оставили. Я, несмотря на сахаръ, здоровъ; пью одно бордо (за 2 фр. бут. здѣсь вино очень хорошо) и два небольшихъ пивера. Пью также воду Vichy.

NB. Огар. вамъ сообщить о новомъ планѣ насчетъ «Былого и думъ».

3481. Письмо къ сыну.

31 января (1869).
Villa Filippi.

Оттого ли, что скверная погода была мѣсяцъ цѣлый, или отъ чего другого, но вовсе не пишется писемъ. Теперь получше. Вотъ тебѣ новость: статья моя подъ заглавіемъ «Скуки ради», и притомъ очень радикальная, напечатана въ петерб. журналѣ «Недѣля» съ подписью «Ніонскій» и почти безъ малѣйшей перемѣны. Я послалъ тотчасъ другую половину. Я, пожалуй, пришлю тебѣ, но на томъ условіи, чтобъ ты возвратилъ журналъ и, главное, чтобъ перевелъ Мейзенб. и бѣдной Ольгѣ (мнѣ костью въ горлѣ, что она не знаетъ по-русски; и это была одна изъ причинъ, почему я желалъ, чтобъ она была у насъ съ лѣта, на что надежду потерялъ: по тону Мейз. я вижу, что это casus belli ¹⁾). Кстати, что же всѣ переводы П.? Программа, которую ты прислалъ, это—просто программа Бакунина.—О социализмѣ я писать въ вашъ журналъ не буду, а, если хочешь, я пришлю мое письмо къ тебѣ о *libre arbitre* ²⁾). Прочти его съ Шиффомъ и напечатай по-франц. или переведи. Но для этого надобно, чтобъ Тата и Nat. переписали.

Я написалъ длинное, дѣльное и ѣдкое письмо къ Бакун. для печати въ «Поляр. Звѣздѣ» подъ заглавіемъ «Между старичками»; онъ не названъ, но узнають всѣ.

Прислалъ ли Тхор. «Поляр. Звѣз.» для Ге, Желѣз., Забѣлло?

Лиза читаетъ съ неистовствомъ «Записки» Мальвиды (она, вообще, все читаетъ, все понимаетъ и дѣлитъ время между книгами и двумя собаками). Наконецъ, она мнѣ сообщила по секрету, что у Мальвиды «должно быть, былъ lover—молодой пасторъ, котораго она называетъ апостоломъ, и говорить, что у него волосы были хороши». «Твои мемуары—продолжаетъ она—лучше, потому что ты все весело рассказываешь, а Мальвида, видно, что *femme serieuse*» ³⁾).

Вотъ тебѣ запросъ. Тата говорить, что у тебя есть, будто, лишній микроскопъ. Правда ли и не хочешь ли его уступить Лизѣ (я заплачу тебѣ, понеже деньги тебѣ нужны, вѣроятно, больше и больше при плодородной перспективѣ)? Здѣсь Щербаковъ даетъ ей уроки и хотѣлъ

¹⁾ Поводъ къ объявленію войны.

²⁾ См. № 3344.

³⁾ Серьезная женщина.

бы микроскопъ. Выруб. говоритъ, что за 100 фр. можно купить, но если у тебя есть лишній, это лучше бы. Напиши поскорѣе.

Вѣроятно, въ концѣ марта прїѣдетъ Тхорж. (получившій все въ порядкѣ по наслѣдству) и тогда, можетъ, сдѣлаемъ rendez-vous въ Генуѣ.

Прощай. Кланяйся Терезинѣ и скажи, чтобъ отнюдь не торопилась съ дофиномъ ¹⁾. А здѣсь всѣ столы покрыты рубашечками, штанишками, выкройками и кусочками.

Ольгу цѣлую. Собираюсь ей писать давно, и все что-нибудь мѣшаеть.

Мальвидѣ, l'idealiste entre deux révolutions ²⁾, жму руку.

3482. Письмо къ сыну.

8 февр. (1869), понедѣльникъ.

Насчетъ главнаго вопроса, т.-е. о томъ, оставить ли Спеколу, отвѣчать можешь ты одинъ; вопросъ становится другимъ: «увѣренъ ли ты, что, оставляя Шиффа, ты не поведешь жизнь дилетанта въ физиологїи? Во всякомъ случаѣ надобно же завоевать свое мѣсто. Что ты сдѣлаешь съ брошюрами въ Италиі? Да и вообще безъ Спеколы зачѣмъ оставаться во Флоренці? Надобно имѣть полный планъ прежде исполненія. Что ты говоришь далѣе о непрїятномъ положенїи, я совершенно раздѣляю. Имѣя вѣрныя средства на главныя потребности и языки, ты можешь попробовать Парижъ и Лондонъ, Эдинбургъ и, пожалуй, Америку. Нефталъ мнѣ писалъ мѣсяцъ тому назадъ (онъ, между прочимъ, вылѣчилъ Каппову жену отъ тифа) съ восторгомъ о положенїи и прїемѣ. Тамъ можно читать лекціи, писать, вступить въ какой-нибудь коллегїи, музей etc. Думай... думай два раза. При серьезномъ рѣшенїи обдумаемъ и средства. Къ занятїямъ ты могъ бы прибавить и финансовое дѣло; тутъ, я полагаю, Каппъ былъ бы безмѣрно полезенъ.

Статью, т.-е. письмо, я дамъ Татѣ и пришлою; если, читая съ Шиффомъ, вы найдете, что не стоитъ печатать, не печатайте... Что касается до соціальнаго вопроса въ Россїи, всякій г-нь можетъ изъ моихъ статей во франц. «Колоколѣ» и Огар. статей состряпать статейку.

¹⁾ Т.-е. родить наслѣдника.

²⁾ Идеалисткѣ между двумя революціями.

Кстати, если Шиффовъ трудъ о мозгѣ хорошъ и такъ хорошъ, составь по-француз. популярную брошюру, выработай ее, я напечатаяю.

Исторію Реформац. для Терезины ты навѣрное найдешь у Vieusseux; есть переводъ Раумера на франц. языкѣ. Возьми Ж. Сандъ... ¹⁾ Какую нибудь монографію объ Іоаннѣ Пражскомъ, о Лютерѣ. Я, съ своей стороны, поищу. Есть ли у васъ «Tour du Monde» 2-ая полов. за 1868? Ее я могу сейчасъ прислать Терезинѣ и статьи Андреоли для Ольги. Напиши.

Деньги, можетъ, пришлю въ концѣ марта (зависитъ отъ моихъ счетовъ съ Ротш. и отъ присылки ден. Сат.).

Пока посылаю изъ экономическихъ суммъ, т.-е. изъ остатка отъ янв. и февр., *сто пятьдесятъ пять фр.*—пять на конфеты всѣмъ; изъ нихъ сто мой contingent ²⁾ въ приготовленіи дѣтскаго бѣлья, а пятьдесятъ Ольгѣ для усиленія туалета.

Прошлогодня америк. операція, все же, больше меня поставила à flot ³⁾.

У Лизы была полукорь и полувариоль, т.-е. много красной, общей сыпи, но не на всемъ тѣлѣ, и нѣсколько прыщиковъ. Повѣтріе ли ослабло или двѣ болѣзни другъ друга ослабили, но, собственно, она больна была 8 дней.

А Тата все еще покрыта пятнами,—вотъ вамъ съ Левье и легкая болѣзнь. Я ужаснулся, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ 4 декаб.; теперь третій мѣсяцъ, и я не вижу еще конца, когда пятна пройдутъ, хоть гораздо лучше.

Вчера я съ Татой былъ въ театрѣ. Это—первый выѣздъ.

Во Флоренцію, можетъ, я заѣду на недѣлю, не знаю, когда. Но тамъ намъ ни по чему не житье: слишкомъ замкнутые круги очень тѣснять въ извѣстные лѣта. Я рѣшительно не знаю, куда бы пристроиться. Нищу я покончилъ. Въ Женевѣ мнѣ не легко; мнѣ такъ бы хотѣлось провѣтрить, освѣжить жизнь Огарева, и я вижу, что ничего не сдѣлаешь. Нога его еще больше втянула въ душную жизнь. Боюсь, что въ Цюрихѣ больно скучно. Развѣ, лѣтомъ пожить гдѣ-нибудь возлѣ Генуи и въ Туринѣ. Я думаю, что въ Туринѣ все есть для образованія.

Затѣмъ прощай и кланяйся Терезинѣ.

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Пай.

³⁾ Дословно: на волну, т. е. сдвинулся съ мели.

3483. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

14 février .369.

Chère Malvida.

Commençons par le commencement. J'ai hâte de vous dire que je trouve votre projet (avec quelques amendements) aussi bon que le mien—et comme la majorité sera de votre côté—je l'accepte. Nous pouvons nous trouver à Gènes au mois de Mai—ou à Milan et aller de là à Como, Lugano, cela ser au plus jusqu'au novembre.

Mon désir n'était pas exorbitant, ma demande sincère. La lettre d'Olga m'a prouvé que c'est «troppo tardi»; c'est un coup rude, je l'avoue. Et il me semble que si j'étais à votre place je ne me serais pas hâté de l'envoyer. Au fond, qu'est ce que j'ai demandé? Un mois d'entrevue pour venir un peu à l'unisson.—Il y a une pièce française en vogue maintenant «Miss Multon». C'est une femme très coupable qui a des enfants. Son ci-devant mari s'est marié à une autre. Miss Multon veut ses enfants, le mari refuse, mais son inhumanité ne va pas plus loin: «Chaque année les enfants iront passer chez vous une partie de l'été». J'ai demandé un mois. Aussi désirai-je voir Olga seule, même sans Tata—le trop de personne ne permet pas le travail de rapprochement. Elle voit en cela un empiétement sur vos droits—je ne le pense pas. C'est moi qui lui disais qu'elle doit voir en vous sa seconde mère, mais cela n'est pas une raison pour ne pas connaître son père, et en vérité je ne conçois pas pourquoi on ne peut quitter sa mère pour un mois.

Olga est dans une position exceptionnelle elle ne parle pas ma langue, elle ne saura donc pas même en lisant ce que j'ai écrit. Elle ne pourra pas m'oublier (comme elle a complètement oublié sa mère défunte) mais elle ne pourra pas non plus me connaître. Convenez que, mérité ou non, c'est lourd. Ogareff ne croit pas an die Vergeltung. C'est que le mot est mauvais, mais il y a des conséquences, un enchaînement qui vous frappent comme le meilleur juge.

Que faire? Subir la conséquence. Vous n'avez jamais pensé, j'en suis sûr de prendre sur vous une partie de la Némésis contre moi. Et bien—tout le monde a partagé les branches de la flagellation. Je jure que je ne vous en veux pas, je suis trop juste pour moi—j'aspirais à une autre tournure de la vie, j'ai perdu trop de temps et l'expiation vient avant.

Or revenons au côté pratique. Tâchons de nous trouver à Gènes ou à Milan. Allons ensemble à Como et vedremo di poi.

Je vous serre la main.

Tata, I think, ira au commencement d'Avril à Florence.

Переводъ.

14 февраля 1869.

Дорогая Мальвида!

Начнемъ сначала. Спѣшу сказать вамъ, что я нахожу вашъ планъ (съ нѣкоторыми поправками) такимъ же хорошимъ, какъ и мой, и, такъ какъ большинство будетъ на вашей сторонѣ, то принимаю его. Мы можемъ съѣхать въ маѣ въ Генуѣ или въ Миланѣ и оттуда поѣдемъ въ Комо и Лугано—это продолжится самое большее до ноября.

Мое желаніе не было чрезмѣрнымъ, просьба моя была искренна. Письмо Ольги доказало мнѣ, что было уже слишкомъ поздно; признаюсь, это—жестокій ударъ. И мнѣ кажется, что если бы я былъ на нашемъ мѣстѣ, я бы не торопился отослать это письмо. О чемъ же я просилъ, въ сущности? О мѣсяцѣ свиданія для того, чтобы намъ сойтись немного. Въ настоящее время въ модѣ одна французская пьеса: «Миссъ Мюльтонъ». Это женщина во многомъ виновная, и у нея дѣти. Ея бывшій мужъ женится на другой. Миссъ Мюльтонъ желаетъ, чтобы ей вернули дѣтей; мужъ отказываетъ въ этомъ, но дальше его безчеловѣчность не идетъ: «Ежегодно часть лѣта дѣти будутъ проводить у васъ». Я просилъ одинъ мѣсяць. Кромѣ того, я желалъ, чтобы Ольга была у меня одна, даже безъ Таты—лишніе люди мѣшали бы дѣлу сближенія. Она видитъ въ этомъ умаленіе вашихъ правъ; я этого не думаю. Я ей сказалъ, что она должна видѣть въ васъ вторую мать, но изъ-за этого не слѣдуетъ не знать своего отца, и я на самомъ дѣлѣ не понимаю, почему нельзя на мѣсяць разстаться съ матерью.

Ольга находится въ исключительномъ положеніи: она не говорить на моемъ языкѣ; значитъ, даже читая, она не будетъ знать, чѣмъ я былъ. Меня она, конечно, не забудетъ (какъ она совершенно забыла свою покойную мать), но и знать меня не будетъ. Согласитесь, что, заслуженно или незаслуженно, но это тяжело. Огаревъ не вѣритъ въ возмездіе. Слово, дѣйствительно, скверное, но послѣдствія и сцѣпленіе обстоятельствъ поражаютъ васъ, какъ самый строгій судія.

Что дѣлать? Претерпѣть послѣдствія. Я увѣренъ, вы никогда не думали, что возьмете на себя часть обязанностей Немезиды по отношенію ко мнѣ. Ну, такъ вотъ, всѣ принимали участіе въ экзекуціи. Клянусь, что я не сержусь на васъ, я слишкомъ справедливъ къ себѣ; я стремился иначе повернуть свою жизнь, но потерялъ слишкомъ много времени, и искупленіе наступило раньше, чѣмъ я ожидалъ.

Вернемся къ дѣламъ практическимъ. Постараемся встрѣтиться въ Генуѣ или въ Миланѣ. Поѣдемъ вмѣстѣ въ Комо и тамъ увидимъ.

Жму вашу руку.

Тата, я полагаю, поѣдетъ въ началѣ апрѣля во Флоренцію. ¹

◆◆ 1. Еще одинъ рядъ тяжелыхъ переживаній вскрываетъ передъ читателемъ это письмо. Въ немъ ясно въ цѣломъ поставленъ вопросъ, уже раньше чувствовавшійся изъ переписки съ Мейзенбургъ. Герцену приходилось быть въ ея власти относительно Ольги А., которую онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ ввести въ домъ, гдѣ жила Огарева,— до того онъ боялся испортить жизнь и характеръ дѣвушки. Съ другой стороны, она сама была привязана къ Мейзенбургъ, что и вполнѣ понятно, имѣя въ виду ихъ долгую совмѣстную жизнь; О. А. постепенно отходила отъ отца и семьи. Теперь, съ женитьбой А. А., связь съ послѣдней порывалась еще больше. Мейзенбургъ ревниво относилась къ своей воспитанницѣ, всей душой ненавидѣла Огареву и потому не хотѣла приближаться къ дому отца своей воспитанницы... Такая трагедія была ясна Герцену и доставляла ему много тяжелыхъ страданій.

3484. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

16 февраля (1869).

Villa Filippi, Ruelle Merlanzone.

Какой-то фатумъ мѣшаетъ моему письму противъ васъ явиться въ послѣдней корректурѣ «прибавленія» въ русской части были такія ошибки, что я остановилъ. Пользуясь этимъ, я еще обращаюсь къ вамъ съ двумя просьбами:

1) Если можно купить у Наше или въ другомъ мѣстѣ микроскопъ отъ 70... до 80... 85 до 90 франковъ, вы меня обяжете, велѣвши прислать сюда съ почтовымъ *ordre à payer* ¹⁾.

2) Пришлите, т.-е. велите прислать, отъ Tournir—Rue Notre Dame de Nazareth, 58—преподавательную химическую лабораторію отъ 12 до 20 франковъ.

¹⁾ Маложенный платежъ.

И то и другое прислать могутъ по адресу такому-то: Nice (Alpes Mar.), Ruelle Merlanzone, Villa Filippi.

Книги Наке я не получилъ. Гдѣ живетъ его отецъ? Нельзя ли съ вашимъ книгопродавцемъ G. Val. начать переговоры объ изданіи на французскомъ языкѣ моихъ «Записокъ»?

Будьте такъ добры и напишите отвѣтъ.

Изъ редакціи русскаго журнала я получилъ любезнѣйшую просьбу продолжать.

Усердно кланяюсь вамъ

А. Герценъ.

3485. Mon assassin futur et son calendrier ¹⁾.

Depuis quelques années nous avons cessé de recevoir des lettres de menaces et d'objurgations. C'était un mauvais signe pour notre propagande; mais, comme fiche de consolation, au moment même de dernier branle de notre *Cloche* on nous envoie, de la «ville éternelle», une lettre *non signée*, que nos lecteurs apprécieront eux-mêmes.

D'abord, voila l'original dans toute la splendeur de sa syntaxe

16/28 ноября.

М. Г.

Если Вы и Ваши сообщники не перестанете писать дурнаго противъ Россіи и добрыхъ людей, клеветать *только за деньги*, точно также какъ вы пишете хорошее тоже только за деньги, то даемъ вамъ слово черезъ годъ васъ не станеть и тогда вашъ дохлый трупъ поганой скотины какъ Вы заруютъ гдѣ нибудь какъ бѣшеную собаку.

N. N.

Замѣтьте число, только четыре мѣсяца остается.

Sur l'enveloppe:

Suisse, Genève

M. le Rédacteur de la Gazette *Kolokol*

M. Herzen.

(Timbre de la poste): Roma, 27 Novem. 1868.

Tâchons de traduire mot à mot ce galimatias de notre farouche¹⁾ mais peu lettré, assassin, sans en perdre le fion et le bouquet.

¹⁾ J'ai trouvé cette lettre en venant de Zurich à Genève, le 2 décembre -- trop tard pour l'insérer dans notre dernière feuille. — А. Н.

«Monsieur,

«Si Vous et Vos complices ne cesseront d'écrire de mauvaises choses contre la Russie et calomnier les bonnes et honnêtes gens *pour de l'argent*—comme aussi les bonnes choses que Vous écrivez sont écrites pour de l'argent—nous Vous donnons notre parole que dans une année Vous n'existerez pas, et que votre cadavre d'animal impur, en putréfaction, sera enfoui dans la terre comme un chien enragé.

N. N.

«Remarquez la date, il ne reste *que quatre mois*».

Ce n'est pas beau, mais c'est fort. Nous n'avons rien à ajouter à ces lignes et pourtant il y a deux choses qui m'intriguent individuellement, moi, *le futur assassiné*. Pourquoi, lorsqu'on se met sur un tel pied d'intimité avec un individu, qu'on lui promet de l'assassiner derrière un mur et de lui préparer l'enterrement d'un chien enragé, pourquoi alors le grand V aux pronoms qui s'adressent à lui?

La seconde chose manque complètement de clé. C'est le terme *d'une année* que nous donne le tueur au service de la Russie conservatrice *dans la lettre*, et le réduit dans le *post-scriptum* à *quatre mois*, du 28 novembre. C'est mystique!

A quand donc, chers petits assassins, au 28 mars ou au 28 Novembre?

4 décembre 1868.

Переводъ.

Мой будущій убійца и его календарь ¹⁾.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы не получали писемъ съ угрозами и выговорами. Это дурно рекомендовало нашу пропаганду; но въ самую минуту послѣдняго удара нашего «Колокола» мы получили, въ качествѣ утѣшенія *не подписанное* письмо изъ «вѣчнаго города», которое наши читатели оцѣняютъ сами.

Сначала—самый оригиналь во всемъ блескѣ его синтаксиса ²⁾.

На конвертѣ: «Швейцарія, Женева, Г. Редактору газеты «Колоколъ» г. Герценъ. Почтовый штемпель: Римъ, 27 ноября 1868.

Постараемся слово въ слово перевести эту галиматью нашего сурового, но мало образованнаго убійцы, стараясь передать и изящество стилия и букеть ³⁾.

¹⁾ Я нашелъ это письмо, вернувшись изъ Цюриха въ Женеву, 2 декабря, т. е. слишкомъ поздно, чтобы напечатать въ нашемъ послѣднемъ номерѣ. А. И. Г.

²⁾ Текстъ см. выше.

³⁾ Переводъ на французскій языкъ выше.

Это не красиво, но сильно. Намъ нечего прибавить къ этому письму, но двѣ вещи, всетаки, интригуютъ меня лично, меня—будущую жертву. Зачѣмъ, при столь интимныхъ отношеніяхъ къ человѣку, что его обѣщаютъ убить изъ-за угла и зарыть, какъ бѣшеную собаку, это большое *В* въ обращенныхъ къ нему мѣстоименіяхъ?

Второе обстоятельство совсѣмъ загадочно. Въ письмѣ убійца, состоящій на службѣ у консервативной Россіи, даетъ намъ годовою¹ срокъ, а въ *post-scriptum* въ сводить его на четыре мѣсяца, отъ 28 ноября. Это таинственно!

Такъ когда же, милые мои убійцы: 28 марта или 28 ноября?

4 декабря 1868.

3486. Réponse à M. G. Wyruboff ¹).

Mon cher Wyruboff,

J'ai inséré votre lettre dans la dernière feuille du *Kolokol* — selon votre désir. Quant à moi, j'avoue que je ne partage pas vos scrupules. Le mot *nihilisme* est un mot d'argot; ce sont d'abord les ennemis du mouvement radical et réaliste, en Russie, qui l'ont mis en avant. Le mot est resté. Ne cherchez donc pas une définition du *nihilisme* dans l'étymologie. La destruction, prêchée par nos réalistes, tend par toutes ses aspirations à l'affirmation.

Vous n'exigerez pas de moi, j'en suis sûr, la répétition de ce que nous avons toujours entendu par le *nihilisme en Russie*. Cela serait de votre part un cruel aveu—de n'avoir pas lu une dizaine de nos articles, dans lesquels nous avons tâché d'élucider la question.

Quant au terme *d'homme nouveau* — il ne vous froisse que parce que vous me prêtez une manière d'entendre ce mot, qui n'est pas exactement la mienne. L'idée ne m'est jamais venue d'appliquer la division des quardrumanes (*simiae antiquae continentis, simiae novi continentis*) à nos contemporains. Il ne s'agit pas de géographie, mais de l'indépendance complète de la tradition chrétienne, monarchique, idéaliste, juridique, économique du vieux monde, il s'agit de l'Etat, «sans Dieu ni Eglise», comme vous le désirez. J'ai employé le terme *d'homme nouveau*, comme un équivalent au nouvel Adam des chrétiens.

Avais-je le droit de l'employer en parlant de vous et de Bakouline?

¹) Voir la lettre de M. G. Wyruboff dans les № 14 et 15 du «*Kolokol*». A. H.

Voyons les faits. Au Congrès de Berne, tout allait doucement dans les ornières prévues, qui permettaient d'éviter les écueils et en même temps de soulager le coeur, en exprimant de nobles sympathies pour une noble cause. Tout à coup paraissent deux individus qui, laissant de côté le désarmement théorique et la pacification *in spe*, enjambent le programme et traînent devant la barre du Congrès—l'un, le bon Dieu avec son Eglise; l'autre, la bonne propriété avec l'Etat, son souteneur.

Or, cette manière de poser carrément les questions, sans égards, sans ménagements, sans respect, a toujours été le trait distinctif de nos nihilistes, de nos hommes *nouveaux*, hommes sans tradition, sans drapeau «usé par la victoire»—mais avec une conviction forte et une énorme audace de logique, qui, ayant rompu avec la tradition, ne se sont pas embrigadés dans une école.

Aussi les libéraux, les doctrinaires, les républicains purs, les déistes de *l'ancien monde* ne se sont pas trompés et ont voté contre eux. Il s'est trouvé—et je suis loin de penser que c'était un simple hasard—que ces *deux hommes nouveaux étaient des Russes*. Si j'avais été présent, j'aurais demandé—comme Dyonise dans la ballade de Schiller—l'honneur d'être *le troisième*.

Non que je pense que l'abolition de l'Eglise abolira la guerre. Les **carassiers**, tout athées qu'ils sont, ont un militarisme très-prononcé et font une guerre acharnée, exactement comme les hommes religieux et les «peuples de braves».

Non que je pense à la possibilité de passer par un décret à la Thomas Münzer, de la propriété *individuelle* à la propriété *collective*.

Mais simplement parce que la logique, la raison l'exigent, parce que le faux et l'absurde, une fois démasqués, offensent, oppriment, humilient.

Je vous le demande, cher Wyruboff, avais-je le droit, après cela, de classer les deux champions courageux de l'athéisme et du socialisme dans la catégorie très-large du nihilisme, et de les compter parmi «les hommes nouveaux», égarés dans une réunion de représentants limitrophes du «vieux monde», du monde où *l'église* est indispensable pour absoudre *l'état* qui sévit?

Aussi Bakounine n'a pas protesté.

En associant votre nom à celui de Bakounine—il est vrai, j'ai oublié une chose—c'est que vous avez pris les ordres (passez-moi l'expression) d'une doctrine, et que vous portez **ses couleurs** avec un zèle **schismatique** et **exclusif**, qui fait la **force du prosélytisme** et **restreint** en même temps l'indépendance individuelle. Vous craignez de laisser

planer sur vous le moindre soupçon d'infidélité, c'est tout naturel. Mes quelques lignes vous ont paru un coup de canif dans votre acte de mariage philosophique.

C'est le seul terrain sur lequel vous êtes en droit de repousser les titres que je vous ai donnés avec tant de sympathie, pensant, dans la simplicité de mon âme, qu'il n'y a aucune contradiction entre le positivisme de l'école et le réalisme révolutionnaire de la Jeune-Russie.

L'homme nouveau», comme l'exigeait l'Apôtre, ne devait appartenir ni «à Apelles, ni à Paul», mais *au monde nouveau*. Certes, il n'y a pas d'offense que j'aie pensé ainsi de vous.

C'était d'autant plus pardonnable de ma part que je vous avoue une incapacité totale de me tenir à un catéchisme, auquel il faut recourir à chaque fait, à chaque pensée, pour chercher un critérium et l'appui d'une citation.

Il me semble qu'il n'y a pas de révélation dans la science, qu'il n'y a pas de doctrine fixe, que, au contraire, tout se meut en elle et progresse. La science évoque, forme ses grands conducteurs, subit leur influence et passe outre sans leur donner de brevet d'invention, sans leur constituer en majorat ses domaines libres à toute exploitation.

J'ose penser que telle était l'opinion de Comte lorsqu'il était en possession de tout son génie. Ne pouvant vous convaincre par une citation, je m'en rapporte à vous.

Si vous n'étiez pas résigné à garder une tradition, comment pourriez-vous dire, au milieu des circonstances dans lesquelles vous vous trouvez, que *le temps de la negation* est passé pour la France? Comme si la religion, l'Etat, les préjugés juridiques, militaires, ne gouvernent pas tous les esprits en France, à l'exception de quelques excen- tricités?

L'abîme qui sépare la pensée théorique de la vie pratique, qui sépare la science du peuple, donne le vertige. L'abstraction est simple, elle peut être vraie, *sub specie aeternitatis*, mais sa ligne droite ne coïncide pas du tout avec la courbe insensée de l'histoire, faisant des noeuds et se repliant sur elle-même. Pour l'application d'une formule, il faut être maître de tous les éléments, de toutes les conditions. Un élément mutin, et la formule ne s'applique pas. Il est évident que la science passe maintenant de la métaphysique au positivisme; mais peut-on affirmer que la société la suive? Il y a encore, malheureusement, pas mal de Mont-Cenis à percer; ne reniez donc pas ceux qui creusent et démolissent pour que votre altière locomotive puisse passer—non sur une carte, mais en *réalité*—de l'état de fétichisme à la science.

Ce serait un grand bonheur pour votre pays, que Girardin étonne, abasourdit par l'audace de ses propos—qu'un souffle de négation vienne balayer non les écoles, mais les rues et les cités—pourvu que le sol soit encore capable d'une nouvelle *gravité*; car le monde latin est bien vieux et usé, et passe à vue d'oeil de l'état des pâturages fertiles à la lugubre beauté de la campagne de Rome et des marais Pontins.

Vous excuserez la franchise entière, la franchise toute amicale et toute virile avec laquelle je vous écris, mon estime pour vous m'en faisait un devoir.

Notre *Cloche*, vous le savez, a cessé de sonner; si vous voulez me répondre, donnez-moi une petite place dans votre Revue pour ma réplique, et recevez mes amitiés.

P. S. Avez-vous lu que le *Golos* persiste à vous «inculper» de la rédaction du journal *la Cause du peuple*? Comme ils sont bien renseignés ses braves correspondants!

Переводъ. ¹

Отвѣтъ Г. Вырубову.

Любезный Вырубовъ!

Согласно вашему желанію, я помѣстилъ ваше письмо въ послѣднемъ номерѣ «Колоколъ». Что касается меня, то я не раздѣляю вашихъ сомнѣній. Слово *нигилизмъ* принадлежитъ къ условному языку, оно было изобрѣтено противниками радикальнаго, реалистическаго движенія въ Россіи, пустившими его въ ходъ. Слово сохранилось. Не ищите же его опредѣленія въ этимологін; разрушеніе, проповѣдуемое нашими реалистами, стремится всѣми своими побужденіями къ созиданію. Я увѣренъ, что вы не потребуете отъ меня повторенія того, что мы всегда называли *нигилизмомъ въ Россіи*; это было бы съ вашей стороны жестокимъ признаніемъ, что вы не читали ни одной изъ десятка нашихъ статей, въ которыхъ мы старались разъяснить этотъ вопросъ.

Что касается термина *новый человекъ*, то онъ обижаетъ васъ только потому, что вы приписываете мнѣ совершенно чуждое мнѣ опредѣленіе его. Мнѣ никогда не приходило въ голову прилагать дѣленіе четверорукихъ (обезьяны стараго свѣта и обезьяны новаго свѣта) къ нашимъ современникамъ. Дѣло тутъ не въ географіи, а въ полной независимости отъ христіанскихъ, монархическихъ, идеалистическихъ, юридическихъ и экономическихъ традицій стараго міра,

въ образованіи государства безъ бога и церкви, какъ вы сами говорите. Я употребилъ терминъ *новый человекъ*, какъ равнозначущій понятію христіанъ о новомъ Адамѣ. Имѣлъ ли я право употребить этотъ терминъ, говоря о васъ и о Бакунинѣ?

Припомнимъ факты. На бернскомъ конгрессѣ все шло тихо въ опредѣленной колѣѣ, позволявшей избѣгать подводныхъ рифовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчая сердце, высказывать благородныя симпатіи благородному дѣлу. Вдругъ являются два человѣка, которые, пренебрегая всѣми вопросами о теоретическомъ разоруженіи и умиротвореніи въ далекомъ будущемъ, выходятъ изъ программы и приводятъ на судъ конгресса: одинъ—Бога съ его церковью, другой—собственность съ государствомъ, ея сутенеромъ.

Такая рѣзкая постановка вопросовъ, безъ предосторожностей, безъ уваженія къ принятому, была всегда отличительной чертой нашихъ нигилистовъ, нашихъ *новыхъ людей*,—людей безъ традицій и знамени, «изношеннаго побѣдой», но съ крѣпкими убѣжденіями, огромной отвагой логики; отдѣлившись отъ традиціи, они не записались ни въ какую опредѣленную школу.

Поэтому-то всѣ либералы, доктринеры, чистые республиканцы, дейсты *старого міра* не ошиблись и вотировали противъ нихъ. Случилось такъ—и я не могу признать за случайность, что эти два «новыхъ» человѣка—русскіе. Если бы я былъ въ Бернѣ, я, какъ Діонисій въ балладѣ Шиллера ¹⁾, потребовалъ бы чести быть *третьимъ*.

Я конечно не думаю, что уничтоженіе церкви уничтожить войну. Плотоядные животныя, хотя въ бога и не вѣрятъ, имѣютъ свой милитаризмъ и ведутъ ожесточенную войну, совершенно какъ религиозные люди и «храбрые народы». Я не думаю тоже, чтобы можно было перейти отъ *личной* собственности къ собственности *коллективной* посредствомъ декрета, какъ это хотѣлъ сдѣлать Э. Мюнцеръ ²⁾. Но логика и разумъ этого требуютъ; ложь и нелѣпость, разъ обнаруженные, оскорбляютъ, подавляютъ, унижаютъ.

Спрашиваю васъ, любезный Вырубовъ, имѣлъ ли я право помѣстить въ обширную категорію нигилизма двухъ смѣлыхъ защитниковъ атеизма и социализма и считать ихъ за людей «новыхъ», затерявшихся среди представителей «старого міра»,—міра, въ которомъ *церковь* нужна для оправданія карающаго *государства*.

Потому-то Бакунинъ и не протестовалъ. Соединяя ваше имя съ именемъ Бакунина, я, правда, забылъ одно: вы приняли—простите

¹⁾ «Die Bürgschaft».

²⁾ Вождь анабаптистовъ.

мнѣ это выраженіе—схиму извѣстной доктрины, вы носите ее цвѣта съ тѣмъ рвеніемъ раскольника, которое даетъ силу проповѣди и вмѣстѣ съ тѣмъ умаляетъ личную независимость. Вы опасаетесь всякаго подозрѣнія въ невѣрности, это вполне естественно. Вы приняли нѣсколько моихъ строчекъ за покушеніе на цѣлость вашего философскаго брачнаго контракта. Это—единственная почва, на которой вы въ правѣ отвергать такъ симпатично данное мною вамъ прозвище; въ простотѣ своей души я думалъ, что нѣтъ никакого противорѣчія между позитивизмомъ и революціоннымъ реализмомъ молодой Россіи.

Новый человекъ», какъ требовалъ апостоль, долженъ быть принадлежать не Аполлосу, не Павлу, а *новому міру*. Если я такъ думалъ о васъ, въ этомъ, конечно, нѣтъ для васъ ничего обиднаго,—тѣмъ болѣе, что я, признаюсь, совершенно неспособенъ придерживаться какого бы то ни было катехизиса, къ которому надо безпрестанно прибѣгать, чтобы для каждаго факта, для каждой мысли подыскивать критерій и опору въ подходящемъ текстѣ. Мнѣ кажется, что въ наукѣ нѣтъ откровенія, нѣтъ постоянныхъ догматовъ; все въ ней, напротивъ того, движется и совершенствуется. Наука вызываетъ и созидаетъ своихъ вождей, подчиняется ихъ вліянію и проходитъ мимо, не давая имъ патента на изобрѣтеніе, не создавая имъ майоратовъ изъ своихъ всѣмъ открытыхъ областей. Смѣю думать, что таково было мнѣніе самого Конта въ блестящую эпоху его генія, но, не будучи въ состояніи убѣдить васъ цитатой, полагаюсь на васъ.

Если бы вы не подчинялись традиціи, какъ могли бы вы сказать, что при современныхъ условіяхъ время отрицанія для Франціи прошло? Какъ будто, религія, государство, юридическіе и военные предразсудки не заправляютъ во Франціи всѣми умами, за исключеніемъ нѣсколькихъ эксцентриковъ? Пропастъ, отдѣляющая теоретическую мысль отъ практики, науку отъ народа, неизмѣрима. Отвлеченіе просто, оно можетъ быть вѣрно подъ знакомъ вѣчности, но его прямая линія нисколько не соответствуетъ причудливой кривой исторіи, въ которой есть и узлы, и возвраты назадъ. Для того, чтобы прилагать на практикѣ какую-нибудь формулу, надо овладѣть всѣми элементами, всѣми имѣющимися условіями. Довольно одного упрямаго элемента—и формула неприложима. Ясно, что наука переходитъ теперь изъ метафизики въ позитивизмъ, но можно ли утверждать, что общество идетъ за ней? Есть еще, къ несчастію, не мало горъ, которыя надо прорубать, какъ Монь-Сени. Не отрекайтесь же отъ тѣхъ, которые копаютъ и разрушаютъ для того, чтобы вашъ гордый локомотивъ могъ перейти, не на картѣ, а въ дѣйствительности, отъ фетишизма въ область науки.

Большое счастье было бы для вашей страны ¹⁾, которую Жирарденъ удивляетъ, оглушаетъ своими дерзкими фразами, если-бъ по ней пронесся духъ отрицанія, но не въ школахъ, а на улицѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ. Лишь бы почва была еще способна производить; латинскій міръ очень старъ, истощенъ и на нашихъ глазахъ изъ обильныхъ пастбищъ превращается въ печально-прекрасныя окрестности Рима и Понтійскія болота.

Извините за откровенность, весьма дружественную, моего письма; на эту откровенность обязывало меня мое уваженіе къ вамъ.

Нашъ «Колоколъ», вы знаете, пересталъ звонить; если вы будете мнѣ отвѣчать, дайте мнѣ мѣстечко въ вашемъ журналѣ ²⁾ для возраженія. Дружескій привѣтъ.

Р. С. Видѣли ли вы, что «Голосъ» продолжаетъ «обвинять» васъ въ редакторствѣ «Народнаго Дѣла»? Какъ они хорошо освѣдомлены!

◆◆ 1. Въ № 14 «Колоколъ» было помѣщено слѣдующее письмо Вырубова, приводимое мною въ его собственномъ своеобразномъ переводѣ:

«Любезный Александръ Ивановичъ!»

«Позвольте мнѣ прежде всего искренно поблагодарить васъ за честь, которую вы мнѣ сдѣлали, напечатавъ въ «Колоколѣ» стенографіей весьма обиженную рѣчь, произнесенную мною въ Бернѣ. Въ виду нападокъ на меня французской и иностранной прессы по поводу моей дѣятельности на второмъ конгрессѣ мира, это воспроизведеніе моей рѣчи представляетъ для меня особый интересъ. Надо будетъ имѣть особенное желаніе сдѣлать изъ меня защитника инквизиціи, чтобы не видѣть, что я отъявленный врагъ всякого деспотизма и хочу вести пропаганду исключительно распространеніемъ знанія.

«Но, выражая вамъ благодарность за напечатаніе полнаго текста моей рѣчи, которую судили только по отдѣльнымъ искусно передѣланнымъ фразамъ, я не могу не протестовать—разумѣется, очень дружественно—противъ тѣхъ строкъ, которые вы мнѣ посвятили въ «Колоколѣ». Соединяя мое имя съ именемъ Бакунина, вы назвали насъ людьми *новаго міра*, высоко несущаго знамя *нигилизма*. Я не знаю, каково будетъ мнѣніе Бакунина, но что касается до меня,

¹⁾ То-есть Франціи, гдѣ живъ Вырубовъ и которую уже тогда считалъ своей второю родиной.

²⁾ «Philosophie Positive», которое Вырубовъ основалъ въ сотрудничествѣ съ Литтре.

то я не согласенъ принять ни этотъ эпитетъ, ни эту роль. Говорю это не для того, чтобы снять съ себя личную отвѣтственность, а для того, чтобы выгородить доктрину, которой считаю себя послѣдователемъ, и журналъ, который здѣсь редактирую. Когда дѣло идетъ о моей личной отвѣтственности, я никогда не обижаюсь названіями матеріалиста, нигилиста, атеиста (которыя мнѣ часто даютъ), хотя я не принадлежу ни къ одной изъ этихъ категорій,—потому что считаю необходимымъ приучить публику не ставить въ позоръ какую бы то ни было философію, будь это христіанство или матеріализмъ.

«Но тутъ являются совѣмъ особыя обстоятельства: тутъ уже не общій терминъ, а совершенно опредѣленная квалификація, и выражаетъ ее не противникъ, а пріятель. Странная вещь! Вы здѣсь сошлись—и вѣроятно первый разъ въ жизни—съ человѣкомъ, которому вы, конечно, не сочувствуете, съ г. Молилари; это совпаденіе—одна изъ причинъ, побудившихъ меня написать вамъ это письмо. Вы, конечно, читали его нелѣпую статью въ «Journal des Débats» и видѣли тоже въ послѣднемъ номерѣ нашего журнала мой отвѣтъ, въ которомъ, впрочемъ, я его не цитирую (этимъ господамъ не слѣдуетъ дѣлать рекламы). Когда я писалъ свою статью, я никакъ не предвидѣлъ, что буду вынужденъ отвѣчать въ томъ же смыслѣ пріятелю—человѣку, котораго глубоко уважаю. А между тѣмъ, въ общемъ я долженъ сказать вамъ то же, что сказалъ авторамъ статей въ «Débats» и другихъ газетахъ, утверждавшихъ, что меньшинство Бернскаго конгресса было «русской сектой». Нѣтъ, я не нигилистъ; не то, чтобы я былъ абсолютнымъ противникомъ нигилизма—я его одобряю, какъ направленіе, я его не признаю, какъ догматъ. Вы сами вѣрно опредѣлили его, говоря, что онъ представляетъ отрицаніе стараго порядка вещей. Я же полагаю, что время отрицанія прошло, что французская революція, этотъ послѣдній актъ вѣка Вольтера и энциклопедистовъ, положила ему конецъ, что настало время утвержденія. Безъ сомнѣнія, есть еще страны—и я согласенъ, что Россія принадлежитъ къ ихъ числу,—гдѣ старое зданіе едва поколеблено и гдѣ, слѣдовательно, возможна одна отрицательная философія. Но обращать ее въ универсальную философію и прилагать ее всегда и вездѣ въ высшей степени нерационально. Нигилизмъ—не что иное, какъ философія прошлаго вѣка, вооруженная научнымъ аппаратомъ, который тогда не существовалъ; по своей аргументаціи, по своимъ стремленіямъ она не представляетъ и не можетъ представить рѣшительно ничего оригинальнаго; передъ ней такой образецъ, до котораго трудно достигнуть и который невозможно превзойти. Я не нигилистъ, потому что нигилизмъ на всемъ

Западъ чистый анахронизмъ; я работаю по мѣрѣ силъ въ пользу философіи нашего вѣка, которая относится къ нигилизму такъ же, какъ самъ нигилизмъ относится къ теологіи, изъ которой онъ вышелъ. Вы видите такимъ образомъ, что я не человѣкъ *новаго міра* (а подъ нимъ, я знаю, вы разумѣте Россію и Америку), именно потому, что этотъ міръ находится еще въ фазѣ отрицанія, а отрицаніе меня не удовлетворяетъ. Я вовсе не пренебрегаю этимъ міромъ, которому, быть можетъ, будетъ принадлежать будущее, но я предпочитаю остаться человѣкомъ міра стараго, которому принадлежитъ прошедшее и принадлежитъ еще настоящее» («Вѣстн. Европы» 1913, I, 73—75).

Н. Жуковскій просилъ Огарева передать Герцену, что его «Отвѣтъ» производитъ восторгъ (письмо Огарева отъ 5 марта, въ Румянц. музей).

3487. Documents et papiers du prince Pierre Dolgoroukoff.

Le prince P. Dolgoroukoff a laissé après lui une assez grande quantité de matériaux collectionnés par lui avec une grande peine et un travail de quelques années. Ces matériaux, ainsi que sa correspondance, ont été légués par lui à Stanislaw. Tchorzewski.

S. Tchorzewski a l'intention de publier une partie des matériaux, servant de continuation aux *Mémoires de P. Dolgoroukoff*, publiés à Genève en 1865. Les amateurs de l'histoire «des détails» trouveront dans ce recueil des révélations extrêmement intéressantes sur divers épisodes de l'histoire de Russie au XVIII-e siècle et une partie du nôtre.

Nous donnons quelques échantillons que M. Tchorzewski a bien voulu nous communiquer.

Переводъ.

Документы и бумаги князя Петра Долгорукова.

Князь П. Долгоруковъ оставилъ послѣ себя довольно обширную коллекцію матеріаловъ, собранную имъ, съ большими усиліями, трудомъ нѣсколькихъ лѣтъ. Эти матеріалы, какъ и его переписка, завѣщаны имъ Станиславу Тхоржевскому.

С. Тхоржевскій намѣренъ обнародовать часть матеріаловъ, служащую продолженіемъ «Записокъ» П. Долгорукова, напечатанныхъ

въ Женевѣ, въ 1865. Любители «интимной» исторіи найдутъ въ этомъ собраніи въ высшей степени интересныя откровенія, касающіяся различныхъ эпизодовъ русской исторіи XVIII в. и отчасти нашего.

Ниже мы печатаемъ нѣсколько образчиковъ, любезно предоставленныхъ намъ г. Тхоржевскимъ.

3488. Письмо къ Н. П. Огареву.

20 февраля (1869). Суббота.

Все Сведенборгъ ¹⁾ и Экартсгаузенъ ²⁾—въ ту минуту, когда я тебѣ писалъ о замиреніи съ Бакунинымъ, онъ открывалъ Кучукъ-Кайнарджи. Отчего же тебѣ его визить тяжель?—*non carisco* ³⁾. А то все Чернец.—Тхор., Тхор.—Чернец., *zu langweilig* ⁴⁾, и ты тамъ какъ ни тяни изъ себя брильянтовую паутину, а иногда надобно и на людяхъ освѣжиться...

«От. Зап.», вѣроятно, сегодня получу. «Недѣлю», послан. изъ Петербурга, еще не получилъ,—до такого безобразія почта еще не доходила, получить журналы просто невозможно. Стремлюсь вырваться изъ этой среды.

Отъ Сат. письмо. Все жалобы о безденежѣ; видно, приготовленные проиграны. Зачѣмъ было писать? Впрочемъ, Ел. ⁵⁾ говорить, что постарается.

«Колоколь» пришелъ. Вотъ и аминь.

Надъ Чернецкимъ ломаю шпагу. Исторія объ Эгалитѣ и Вево ужасна, только ты вздору не вѣрь, т.-е. трамамъ М-пе Чернецк. Это—сплетня, и ты Тхорж. такую чушь не позволяй говорить.

Туцу непременно напишу. Уроки Щербак. идутъ хорошо. Онъ даже перестаетъ смотрѣть на меня, какъ на злодѣя первой величины.

Тата получила отъ Ольги длинное письмо. Въ немъ есть загадки и намеки до того ужасные, что я боюсь ихъ комментировать. Тутъ систематическая интрига Мейз., имѣющая цѣлью ее отвязать отъ всѣхъ, и главное—отъ меня,—интрига, не лишенная (если подтвердится) клеветы. Что тутъ скажешь? Я писалъ Сашѣ и жду его отвѣта.

¹⁾ Шведскій мистикъ.

²⁾ Нѣмецкій мистикъ.

³⁾ Не понимаю.

⁴⁾ Слишкомъ скучно.

⁵⁾ Елена А. Сатина.

21. Воскресенье.

«От. Зап.» пришли и письмо. Разумѣется, что твои стихи надобно печатать теперь или не печатать—даже и теперь поздновато. (Au reste ¹⁾, я тебѣ это писалъ прежде, и мнѣніе В. ничего не прибавило). Печатай, si piace ²⁾. Но куда пойдетъ? ³⁾ Мнѣ смертельно жаль, что твоя прекрасная статья о голодѣ погребена въ «Прибавленіи». Зато мнѣ совсѣмъ не жаль, что «Народное Дѣло» лопнуло, и не жаль, что «намъ нечѣмъ помочь».

Бездарные прыщи самолюбія, гной, сопровождавшій благотѣльную горячку 1856—1862 годовъ; кантонисты революціи, сдѣлавшіе себя генералами—въ десятый разъ п...ли въ лужу и доказали свое безсиліе, свою сварливость! Я не вижу, чего же ты жалѣешь? Бакунинъ можетъ жалѣть,—ему однимъ диктаторствомъ меньше. Я не вѣрю ни въ исправленіе Николадзе (о которомъ ты писалъ), ни въ дезинфектацію Серно-Солов., ни въ «историческій» слой Утина и его романа. Въ «Колоколѣ» я ихъ и «Современность» привѣтствовалъ съ ироніей, рассчитывая на паденіе, а ты наивно кручинишься.

Вотъ что Мечниковъ попалъ въ 7.000 фр., этому радуюсь. Жаль, что его надобно снова приучить къ хорошимъ нравамъ и таковымъ же франкамъ, безъ этого онъ не долго... ⁴⁾.

Хорошо, если бы въ сборникъ не забыли «Гофмана»—первую статью, помѣщенную въ «Телескопѣ» въ 1836 г. рядомъ съ чаадаевской статьёй ⁵⁾. Это—статья дѣтская, но забавна. Какъ они хотятъ, если найду здѣсь «Письма объ изученіи природы», постараюсь написать хоть двѣ-три страницы.

Сегодня отправляю въ «Недѣлю» третью статью и четвертую, какъ только получу отвѣтъ. Пока прощай.

Не нашель «Писемъ объ изученіи природы». Пусть они не забудутъ «Дилетантизмъ въ наукѣ». Нѣтъ ли въ Женевѣ въ книгахъ «Писемъ»? А прогос, чтобъ они никакъ не забыли «Писемъ изъ Avenue Marigny» и всего, что въ III части «Былого и думъ». ¹

¹⁾ Впрочемъ.

²⁾ Если угодно.

³⁾ Въ Лейпцигѣ въ 1869 г. напечатана «Лютня», собраніе свободныхъ русскихъ пѣсень и стихотвореній.

⁴⁾ Т. П. Пассекъ слово не разобрано.

⁵⁾ На два мѣсяца раньше ея.

Не хочешь ли твою эпистола къ Татѣ—въ «Недѣлю»? Стоить выдумать псевдонимъ:

Саранскій,
Акшинскій,
Бѣлоомутекій,—

последній всего лучше.

Какъ отпраздновали годовщину преломленія ногъ? Сегодня годъ, что я прибылъ въ ваши столицы.

◆◆ 1. Къ Огареву въ Женеву пріѣзжали бар. Врангель и Павелъ Ивановичъ Бларамбергъ для переговоровъ объ изданіи въ Петербургѣ сочиненій Герцена, напечатанныхъ въ Россіи. Право это авторомъ было предоставлено Бакунину, какъ матеріальный ресурсъ. Врангель предлагалъ любой % съ номинальной цѣны и получилъ согласіе (письмо Огарева отъ 11 февраля, Румянц. музей).

Бларамбергъ былъ въ это время командированъ правительствомъ въ качествѣ делегата на международный статистическій конгрессъ въ Гаагѣ; впоследствии это—многолѣтній сотрудникъ «Рус. Вѣдомостей» и пайщикъ ихъ изданія. Личность Врангеля мною не выяснена.

Въ августѣ 1870 г. Е. А. Троянъ была издана книга «Раздумье (Разныя варіаціи на старыя темы). Москва». Въ нее вошли №№ 315, 331, 363, 437, 465, 461, 457, 467, 462, 44 и 352 настоящаго изданія. Такимъ образомъ ясно, что Герценъ говоритъ именно объ этомъ сборникѣ. Неясно только одно: хлопотали ли пріѣзжіе по просьбѣ Троянъ или потомъ передали ей задуманное ими самими дѣло. Сборникъ вышелъ въ свѣтъ безпрепятственно, но, конечно, безъ имени автора.

22 октября 1870 г. отдѣльный цензоръ въ Кіевѣ Ахенбахъ донесъ начальнику глав. управленія по дѣламъ печати, что 11 іюня 1869 г. харьковскій книгопродавецъ А. Скалонъ представилъ на разсмотрѣніе рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ «Раздумье (Разныя варіаціи на старыя темы)», сборникъ статей И. Туда входили: «Записки одного молодого человѣка» и т. д. На вопросъ объ имени автора Скалонъ сообщилъ ему, что «статьи написаны политическимъ выходцемъ А. Герценомъ». Тогда же Ахенбахъ запросилъ главное управленіе и получилъ предписаніе отъ 25 августа 1869 г. о недозволеніи къ напечатанію присланной имъ рукописи. Теперь изъ № 21 «Кіевскаго Вѣстника» видно, что въ магазинѣ Рокотова продается книга «Раздумье», изданная въ Москвѣ Троянъ, совершенно тождественная съ представленной Скалономъ рукописью. Ахенбахъ просилъ указаній. Ему

было сообщено, что книга продается въ Спб. и Москвѣ и потому задерживать не слѣдуетъ.

Въ № 121 «Спб. Вѣдомостей» 1871 г. появилось объявленіе о продажѣ «Раздумья». III Отдѣленіе всполошилось, но было успокоено главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, что книга вышла въ свѣтъ еще въ августѣ 1870 г.

Изъ отношенія главнаго управленія отъ 25 августа 1869 г. видно также, что въ началѣ того же года было уничтожено безцензурное изданіе сочиненій Герцена книгопродавца Звонарева.

«Неужели—писаль рецензентъ «Раздумья» въ «Отеч. Запискахъ»—ни смерть автора, ни вполнѣ выясненное журналистикой отношеніе его къ крайностямъ недаровитой женеvской эмиграціи, ни громадный галантъ покойнаго, А. И. Герцена и неоспоримое вліяніе нѣкоторыхъ его произведеній на все живущее поколѣніе, ни то вполнѣ заслуженное имъ первостепенное положеніе въ средѣ лучшихъ современныхъ европейскихъ писателей, достигнуть чего до сихъ поръ не удавалось ни одному русскому автору—не избавятъ еще долго общество отъ какой-то странной боязни самаго его имени?... Можно быть какого угодно мнѣнія о дѣятельности покойнаго Герцена, но непризнаніе въ немъ одного изъ величайшихъ писателей своего времени служить признакомъ значительной умственной слѣпоты» (кн. XI).

26 октября 1870 г. завѣдующій главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати Шидловскій прислалъ члену совѣта управленія Д. И. Каменскому экземпляръ «Писемъ объ изученіи природы», напечатанныхъ въ Москвѣ, прося дать свое заключеніе по ея содержанію, а председателю московскаго цензурнаго комитета телеграфировалъ задержать выпускъ въ свѣтъ этой книги, срокъ котораго истекалъ 27 октября. Но это было сдѣлано еще раньше—24-го числа, въ виду письма начальника главнаго управленія къ председателю комитета отъ 12 сентября 1870 г.

30 октября издательница Екатерина Аркадьевна Троянъ телеграфировала изъ Москвы Шидловскому, находя его мѣру незаконной, и предлагала начать формальное судебное преслѣдованіе.

Председатель московскаго цензурнаго комитета И. Росковшенко 29 октября донесъ главному управленію, что «по своему содержанію «Письма» суть не что иное, какъ очеркъ исторіи философіи, разсматриваемой не во всей ея полнотѣ, не со всѣхъ точекъ ея зрѣнія, а лишь со стороны изученія ея природы». «Въ первомъ письмѣ, которое вполнѣ раскрываетъ философскія воззрѣнія автора, онъ приводитъ два господствующія въ философіи направленія—материалистическое и идеалистическое, доказываетъ односторонность, шаткость того

и другого пути изслѣдованія и указываетъ на мыслителей своего времени, стремившихся при изученіи природы слить умозрѣніе съ эмпиризмомъ. Второе письмо въ общихъ чертахъ характеризуетъ главнѣйшіе моменты въ развитіи философіи. Это письмо служитъ какъ бы введеніемъ къ письмамъ послѣдующимъ: оно раскрываетъ читателямъ точку отправленія и точку зрѣнія автора на избранный имъ предметъ. Въ остальныхъ письмахъ предполагается самый очеркъ исторіи философіи. Авторъ излагаетъ по лекціямъ Гегеля сущность философскихъ ученій въ Греціи, въ Римѣ и въ Александріи, объясняетъ постепенный переходъ древнѣйшихъ ученій въ средніе вѣка въ схоластику и сущность схоластики; далѣе, анализируетъ философскія начала, провозглашенныя Декартомъ и Бэкономъ, и разъясняетъ крайности ихъ послѣдователей, впавшихъ или въ грубый матеріализмъ или мистическій идеализмъ. Такимъ образомъ, главная, основная, проходящая черезъ всю книгу идея состоитъ въ томъ, чтобы доказать необходимость въ изслѣдованіяхъ природы держаться не одного эмпиризма, но и умозрѣнія. «Безъ эмпиріи нѣтъ науки такъ, какъ нѣтъ ея и въ одностороннемъ эмпиризмѣ», говоритъ авторъ. Идею эту нельзя не признать вполне благонамѣренною. Надъ разработкою вопроса о правильномъ отношеніи философіи къ естествовѣдѣнію или, говоря научнымъ языкомъ, мышленія къ бытію, трудятся лучшіе умы Германіи, и одно изъ сочиненій, старающихся разрѣшить этотъ вопросъ, уже переведено на русскій языкъ; это—«Микрокосмъ» Лотце. Въ частностяхъ своихъ «Письма» г. Герцена не заключаютъ въ себѣ ни началъ безнравственныхъ, ни антигосударственныхъ, ни, наконецъ, противныхъ христіанской религіи. Авторъ съ должнымъ уваженіемъ отзывается о христіанской религіи тамъ, гдѣ приходится говорить о ней. Въ книгѣ попадаются мѣста, рѣзко осуждающіе смѣшеніе чисто-философскаго мышленія съ воззрѣніями мистическими и рѣлигіозными, доказывається неумѣстность пользованія началами рѣлигіозными. въ изслѣдованіяхъ философскихъ, но всѣ подобнаго рода мысли выражены съ такою осторожностью и такъ умѣренно, что отнюдь не ведутъ къ отрицанію религіи и ея положеній. Есть въ книгѣ и рѣзкіе отзывы о римскихъ цезаряхъ, но и эти отзывы не могутъ считаться неумѣстными въ такомъ серьезномъ историко-философскомъ трудѣ, каковъ настоящій трудъ. Какъ на противорѣчіе этому взгляду на «Письма» Герцена можно было бы, можетъ быть, указать на 129 стр., гдѣ авторъ какъ бы оправдываетъ ученіе стоиковъ, отрицавшихъ необходимость положительнаго права, законовъ, и на стр. 131, гдѣ авторъ, повидимому, отрицаетъ святость долга и необходимость возмездія за его

исполненіе. Но на самомъ дѣлѣ авторъ не признаетъ въ принципѣ ученія стоиковъ: онъ прямо говоритъ, что «правила ихъ были просты, чисты, но въ своей абстрактной чистотѣ они, какъ кислородъ, не составляютъ здоровой среды дыханія, именно потому, что нѣтъ примѣси, которая бы смягчала рѣзкую чистоту». Точно такимъ же образомъ нѣтъ ничего предосудительнаго и на стр. 131. Оправдывая эпикурейцевъ отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій въ нравственной распущенности, авторъ доказываетъ, что они не принуждали человѣка отрекаться, какъ это дѣлаютъ моралисты, отъ наслажденій физическихъ и поступать добродѣтельно въ силу только долга и подъ условіемъ возмездія, но требовали отъ человѣка такого нравственнаго совершенствованія, при которомъ онъ искалъ бы своего блаженства въ добродѣтели и находилъ бы для себя награду въ совершенныхъ имъ добрыхъ дѣлахъ. Такого рода мысль высоко нравственна и никакъ не клонится къ уничтоженію религіи, обещающей наказаніе за грѣхъ и награду за исполненіе заповѣдей. Не можетъ комитетъ не высказать, наконецъ, что «Письма» Герцена могли имѣть живой интересъ въ свое время, въ сороковыхъ годахъ, когда они первоначально появились на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», но теперь, когда наука далеко ушла впередъ, когда явилось за границей множество сочиненій, извѣстныхъ русскимъ образованнымъ читателямъ по ихъ переводамъ, изданіе означенныхъ «Писемъ» отдѣльною книгою по преимуществу имѣетъ значеніе историко-библіографическое, является простымъ собраніемъ сочиненій извѣстнаго автора. На основаніи приведенныхъ данныхъ и въ виду, съ одной стороны, обращенія въ публикѣ такихъ сочиненій, каковы сочиненія Куно Фишера и Гебгардта Спенсера, а съ другой стороны—серьезности и доступности «Писемъ» Герцена исключительно лишь для вполне образованной публики, комитетъ находитъ, что настоящій трудъ Герцена, разсматриваемый со стороны содержанія, могъ бы быть дозволенъ къ выпуску въ свѣтъ безъ всякаго нарушенія нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ».

Членъ совѣта главнаго управленія Каменскій присоединился къ заключенію Расковшенка и находилъ, что «распространеніе въ нашей публикѣ подобныхъ книгъ было бы не бесполезно». «Извѣстно, что въ нашей оригинальной и переводной литературѣ обнаруживается давно уже существующая въ западной литературѣ склонность къ матеріалистическому взгляду на природу. Всякое противодѣйствіе такому направленію было бы желательно, и въ особенности со стороны писателей даровитыхъ, достаточно сильныхъ для того, чтобы оказывать вліяніе на читателей. Упомянутая книга Герцена

принадлежитъ къ числу подобныхъ сочиненій, имѣющихъ, какъ справедливо выразился московскій цензурный комитетъ, въполнѣ благонамѣренную цѣль доказать необходимость въ изслѣдованіяхъ природы держаться не одного эмпиризма, но и умозрѣнія. Сочиненіе Герцена написано въ лучшую пору его жизни, когда онъ еще не разрывалъ связей своихъ съ отечествомъ, написано такъ увлекательно, какъ рѣдко пишутся сочиненія философскаго содержанія».

18 ноября 1870 г. министръ вн. дѣлъ Тимашевъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что въ московскій цензурный комитетъ представлены отпечатанныя безъ цензуры (на основаніи закона) «Письма объ изученіи природы», сочиненіе автора «Раздумья». Имѣя въ виду, что онѣ принадлежатъ «государственному преступнику Герцену», комитетъ 24 октября задержалъ выпускъ книги въ свѣтъ, но, рассмотрѣвъ, увидѣлъ, что статьи эти писаны имъ еще въ Россіи и по содержанію своему могутъ быть дозволены къ выпуску въ свѣтъ безъ нарушенія правилъ о печати. Того же мнѣнія и совѣтъ главного управленія по дѣламъ печати. Принимая во вниманіе дѣло съ «Разказами», министръ просилъ заключенія гр. Шувалова, прибавивъ, что остановить выпускъ «Писемъ» можно не иначе, какъ начавъ противъ виновныхъ въ изданіи судебное преслѣдованіе, которое, «однако, въ виду непредосудительнаго содержанія книги, не представляется возможнымъ».

Затруднительность положенія III Отдѣленія осложнялась еще справкой, изъ которой видно, что когда, въ сентябрѣ 1869 г., А. С. Героглифовъ подаль ему записку о желаніи издать сборникъ статей Герцена и спросилъ, можно ли означить на книгѣ имя автора и не было ли на это особаго запрещенія, то ему, правда, словесно, было объявлено, что официальнаго запрещенія нѣтъ... Приказано было вызвать Героглифова въ Отдѣленіе. Онъ заявилъ, что издательница «Писемъ»—какая-то родственница Герцена, живущая въ Москвѣ. Тимашеву было сообщено, что и въ отношеніи «Писемъ» шефъ жандармовъ придерживается своего мнѣнія, высказаннаго въ 1867 г. по поводу «Разказовъ», тѣмъ болѣе, что III Отдѣленіе имѣетъ свѣдѣнія, что «деньги, выручаемыя чрезъ изданія и продажу сочиненій госуд. преступника Герцена, предназначаются для поддержанія русской эмиграціи»; на этомъ основаніи Шуваловъ «не находилъ никакой возможности дѣлать какія бы то ни было исключенія въ высказанномъ однажды мнѣніи не только въ отношеніи напечатанныхъ уже или печатаемыхъ сочиненій Герцена, въ какомъ бы видѣ ихъ ни предполагалось издать, но и въ отношеніи тѣхъ изданій названнаго автора, которыя могли

бы впослѣдствіи появиться, хотя бы изданія эти по содержанию своему и подходили подъ дѣйствующія нынѣ правила о печати.

Одновременно московскому жандарму ген. И. Л. Слезкину было предложено «постараться склонить издателя «Писемъ» не выпускать ихъ въ свѣтъ»; личность издателя легко устновить по адресу склада «Раздумья»: Арбатъ, Аванасьевскій пер., д. Спечинскаго. Слезкинъ донесъ, что издательница обѣихъ книгъ—Екатерина Аркадьевна Троянъ, находящаяся въ Спб. у родной своей тетки Ермоловой, проживающей въ квартирѣ гр. Ивелича; у родственника Троянъ, Аркадія Владиміровича Скалона, имѣется книжный магазинъ въ Харьковѣ; онъ-то и далъ Троянъ деньги на изданіе обѣихъ книгъ Герцена. Троянъ была вызвана въ III Отдѣленіе, гдѣ съ нею бесѣдовалъ Н. Д. Горемыкинъ. «Покоряясь волѣ правительства, Троянъ выразила готовность согласиться на сдѣланное ей предложеніе не выпускать въ свѣтъ отпечатанныхъ ею въ Москвѣ «Писемъ»; но при этомъ она не могла скрыть того матеріальнаго затрудненія, въ которое поставила бы ее остановка выпуска въ свѣтъ названной книги». Поэтому она просила избавить ее отъ убытка и разрѣшить выпускъ книги съ удаленіемъ лишь словъ сочиненіе автора „Раздумья“». Шуваловъ категорически отвергъ ея просьбу.

Черезъ нѣсколько дней Горемыкинъ поѣхалъ къ Троянъ; послѣдняя подтвердила свою покорность и выразила даже готовность заявить о томъ письменно, но просила дать ей раньше возможность переговорить со Скалономъ, денежно заинтересованнымъ въ изданіи. «Когда затѣмъ въ условленное время,—писалъ жандармскій дипломатъ—я вновь посѣтилъ дѣвицу Троянъ, тамъ уже находился г. Скалонъ. На этотъ разъ объясненія приняли уже другой характеръ : г. Скалонъ, отвѣчая за дѣвицу Троянъ, выразился, что если правительство признаетъ необходимымъ остановить выпускъ въ свѣтъ названной книги, то оно можетъ сдѣлать это, не спрашивая ничьего согласія на то и, конечно, дѣвицѣ Троянъ ничего болѣе не остается, какъ покориться сему распоряженію, съ какими бы матеріальными потерями для нея оно ни было сопряжено; но заявить о томъ самой Троянъ письменно значить наложить самой на себя руку». Вообще тонъ, съ которымъ объяснялся г. Скалонъ, и самыя объясненія его наводятъ на предположеніе, что не имѣлъ ли онъ въ виду напомнить о законѣ, по которому, какъ сообщаетъ и глав. управленіе по дѣламъ печати, вмѣстѣ съ остановкою выпуска въ свѣтъ какого-либо изданія должно быть возбуждено судебное преслѣдованіе противъ него. А какъ главное управленіе, по словамъ самихъ гг. Троянъ и Скалона,

объявило уже имъ, что въ упомянутой книгѣ не заключается ничего противоцензурнаго, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло будетъ рѣшено судомъ въ пользу издателей. Кажется, г. Скалонъ (человѣкъ уже не совсѣмъ молодой и видимо опытный въ дѣлахъ подобнаго рода) дурно скрылъ эту идею свою и, если я не ошибаюсь, вслѣдствіе того только какъ упорно настаивалъ, чтобы дѣвица Троянъ не давала письменнаго согласія на сдѣланное ей предложеніе, на что прежде она была согласна». Въ заключеніе Горемыкинъ считалъ Скалона главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Троянъ подала докладную записку Шидловскому и письмо Мезенцову, въ которомъ привела ее полностью. Она указывала на исключительно коммерческую цѣль изданія и на полную для него безопасность въ виду прецедентовъ, а въ письмѣ просила «отнестись нѣсколько снисходительно къ матеріальнымъ ея затратамъ и безъ лишней суровости взглянуть на все это дѣло». «Если же настоящая покорная моя просьба въ глазахъ в. п—ва не можетъ быть осуществимой; если правительство пожелаетъ матеріальнымъ ущербомъ наказать меня за излишнюю довѣрчивость къ недавнимъ фактамъ цензурной практики, въ такомъ случаѣ мнѣ остается теперь безропотно покориться волѣ в. п—ва и перенести молча всѣ матеріальныя и нравственныя невзгоды моего довѣрія».

Черезъ недѣлю Горемыкинъ донесъ Мезенцову, что Скалонъ подаль ему категорическое заявленіе въ благопріятномъ для III Отдѣленія смыслѣ, которое оставалось подписать еще и Троянъ. Текстъ заявленія гласилъ: «Издающіяся съ моего согласія дѣвицей Е. Троянъ въ Москвѣ книги подъ заглавіемъ «Письма объ изученіи природы» мы совершенно добровольно находимъ возможнымъ не выпускать въ продажу и вслѣдствіе этого она не выйдетъ въ свѣтъ. Спб. 1871 г. января 13 дня». Но... «Черезъ нѣсколько часовъ по подачѣ мнѣ г. Скалономъ означенаго заявленія, я, для подписанія его дѣвицею Троянъ, отправился къ ней и, хотя это было въ то именно время, когда она обыкновенно бываетъ дома, и когда она принимала меня прежде, однакожь, на этотъ разъ я не могъ ее видѣть; мало того, мнѣ даже не хотѣли сказать, когда я могу видѣть г-жу Троянъ, и только по настоятельному требованію моему, прислуга, послѣ длинныхъ переговоровъ съ кѣмъ-то, сказала мнѣ, что можетъ быть черезъ нѣсколько дней г-жа Троянъ приметъ меня. На другой день я повторилъ свое посѣщеніе, и произошло то же. Эта странная перемѣна въ пріемахъ поставила въ необходимость принять мѣры къ наблюденію за невыѣздомъ г-жи Троянъ, что, съ разрѣшенія в. пр—ва, и было исполнено черезъ мѣстную поли-

цію. Такимъ образомъ я видѣлъ, наконецъ, сегодня дѣвицу Троянъ, но она положительно отказалась отъ подписи заявленія, представляя правительству дѣйствовать какъ угодно и повторяя словесно готовность подчиниться распоряженіямъ его. Г-жа Троянъ тѣмъ упорнѣе становилась, чѣмъ чаще взоры ея встрѣчались съ кѣмъ-то въ другой комнатѣ, противъ дверей которой она сѣла и къ которой мнѣ пришлось быть спиной. Затѣмъ г-жа Троянъ просила освободить ее отъ взятаго съ нея полиціею обязательства не выѣзжать отсюда безъ разрѣшенія, выражая намѣреніе жаловаться на это его сіятельству». Уйдя отъ Троянъ, Горемыкинъ, однако, сообщилъ полиціи о прекращеніи надзора, на что получилъ приказаніе Мезенцова.

26 января 1871 г. Шувалову былъ присланъ проектъ всеподданнѣйшаго доклада, который Шидловскій неоднократно исправлялъ; только 8 февраля шефъ жандармовъ представилъ докладъ государю. Привожу его полностью.

«Неоднократно уже было замѣчаемо, что съ нѣкотораго времени и большею частью въ извѣстные періоды стали появляться въ печати сочиненія лицъ, признанныхъ изгнанниками изъ отечества, и государственныхъ преступниковъ. Своевременное предупрежденіе выпуска въ свѣтъ этихъ сочиненій представляется не всегда возможнымъ, такъ какъ для издателей вообще обязательно только соблюденіе условія, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ томѣ было не менѣе 10 печ. листовъ; прекращеніе же подобныхъ изданій если иногда и невозможно, то крайне затрудняется тѣмъ положеніемъ, по которому вмѣстѣ съ остановкою выпуска какого-либо изданія противъ него должно быть начато въ то же время судебное преслѣдованіе, ограничивающееся лишь одною формальною стороною дѣла и часто оканчивающееся разрѣшеніемъ изданія.

«Между тѣмъ, оказывается, что изданіе означенныхъ сочиненій или предпринимается съ цѣлью эксплуатаціи матеріальныхъ интересовъ публики именемъ лица, сдѣлавшагося извѣстнымъ противоправительственной дѣятельностью своею, или составляютъ, такъ сказать, наслѣдственную собственность родственниковъ такихъ авторовъ. Въ первомъ случаѣ прежде, чѣмъ успѣетъ появиться въ свѣтъ изданіе подобнаго лица, подъ его ли собственнымъ именемъ или подъ условленнымъ псевдонимомъ, или, наконецъ, просто подъ какимъ-нибудь знакомъ, въ публикѣ распускаются слухи о предстоящемъ появленіи изданія; бываетъ часто, что въ самомъ сочиненіи не заключается ничего противоцензурнаго, и оно не представляетъ даже по содержанию своему никакого интереса; но достаточно того, что это произведеніе

лица; враждебно относящагося къ существующему порядку, и книга расходуется съ выгодною для издателя. Въ другомъ же случаѣ, когда изданіе предпринимается родственниками помянутыхъ авторовъ, вырученные чрезъ это деньги обращаются въ пользу эмиграціи, получающей чрезъ то матеріальную поддержку. Такимъ образомъ эксплуатируется любознательность публики и ее матеріальныя средства въ пользу цѣлей, явно противоположныхъ видамъ правительства.

«Подобное направленіе дѣятельности издателей сочиненій, о которыхъ говорится выше, при извѣстныхъ условіяхъ, представляется въ высшей степени вреднымъ и поставляетъ въ необходимость спрашивать высоч. в. и. в. повелѣнія о сообщеніи изложенныхъ здѣсь соображеній статсъ-секретарю кн. Урусову для принятія ихъ къ разсмотрѣнію въ состоящемъ подъ его предсѣдательствомъ комитетѣ по пересмотру цензурнаго устава; до утвержденія же въ законодательномъ порядкѣ тѣхъ мѣръ, какія будутъ выработаны комитетомъ въ отношеніи предупрежденія злоупотребленій, возбуждающихъ настоящей вопросъ, не разрѣшать къ выпуску сочиненій лицъ, признанныхъ изгнанниками отечества, тайно покинувшихъ его и государственныхъ преступниковъ, какого бы содержанія и въ какомъ бы видѣ сочиненія эти ни были, подъ собственными ли именами авторовъ или подъ какими-либо псевдонимами и знаками». Докладъ этотъ высочайше было разрѣшено исполнить.

4 марта главное управленіе увѣдомило московскую цензуру, что «Письма» «должны оставаться подъ арестомъ», на точномъ основаніи высоч. повелѣнія 8 февраля, а 14 декабря 1872 г. министръ вн. дѣлъ приказалъ московскому ген.-губернатору уничтожить всѣ экземпляры «Писемъ», что и было сдѣлано 19 января 1873 г. съ 3.600 экз. (дѣло канц. главн. упр. по дѣламъ печати 1870 г. № 17 и архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 3 эксп. 1867, № 176). Изданіе это представляетъ большую библиографическую рѣдкость.

Одновременно создавалось и другое дѣло. 9 февраля 1871 г. Горемыкинъ представилъ Мезенцову письмо, полученное отъ Героглифова одновременно съ листами отпечатанной имъ, но еще не выпущенной въ свѣтъ книги: «О причинахъ упадка Франціи».

Письмо Героглифова:

«М. Г. Николай Дмитріевичъ, пользуясь вашимъ любезнымъ дозволеніемъ, прилагаю при семъ экземпляръ издаваемой мною книги «О причинахъ упадка Франціи (изъ соч. П.-Ж. Прудона и А. И. Герцена)». Извините, что книга неопрятна; это потому, что первый и послѣдній листы оттиснуты на корректурномъ станкѣ, какъ сомни-

тальные. Если вы признаете возможнымъ представить вопросъ объ моей книгѣ или, лучше сказать, объ имени Герцена, на усмотрѣніе его пр—ва А. В. Мезендова и, можетъ быть, графа П. А. Шувалова, то я позволяю себѣ представить при этомъ слѣдующія соображенія:

«1. Въ издаваемой книжкѣ помѣщены не какія либо цѣликомъ взятыя статьи или сочиненія Герцена, а только *извлечения*, какъ о томъ подробно объяснено въ предисловіи: а подобныя извлечения дозволяются въ журналахъ, въ критическихъ и библиографическихъ статьяхъ; именно подобная статья печатается въ журналѣ «Заря», гдѣ упоминается прямо имя автора полными буквами.

«2. Что сдѣланныя мною *извлечения* ограничиваются *исключительно* мнѣніями и замѣтками Герцена о Франціи и при этомъ опущено рѣшительно все, что не соотвѣтствуетъ требованію законовъ о печати.

«3. Сборникъ мнѣній, подобный моему, именно «Пролетаріатъ во Франціи», составленный изъ сочиненій Бабефа, Сень-Симона, Луи Блана, Кабэ и Прудона, вышель на дняхъ въ свѣтъ и, слѣд., не преслѣдуется. Сущность мнѣній этихъ писателей-соціалистовъ въ сравненіи съ мнѣніями Герцена представляетъ наибольшее уклоненіе отъ идеала цензурности.

«4. По объясненію моему съ цензурнымъ комитетомъ, вопросъ, возбуждаемый издаваемымъ мною сборникомъ, сводится къ тому, *можно ли печатать даже извлечения изъ соч. Герцена въ Россіи?* Но практика убѣждаетъ въ возможности этого еще болѣе, чѣмъ дѣйствующіе законы о печати: извлечения, даже цѣлыя сочиненія,—повѣсти и романы, уже напечатаны, а законъ 6 апрѣля не дѣлаетъ исключеній для того или другого писателя, и въ силу этого печатаются нынѣ статьи и сочиненія политическихъ преступниковъ, какъ, напр., Бестужева и т. п.

«и 5. Въ предисловіи къ моей книжкѣ прямо говорится, что сочиненія Герцена невозможны къ изданію, а извлечения его мнѣній о Франціи приспособлены къ требованіямъ закона. Между *полнымъ собраніемъ сочиненій* и *извлеченіемъ*—неизмѣримая разница; въ извлеченіяхъ издавался и издается Вольтеръ, полныя сочиненія котораго положительно въ Россіи невозможны. Да и вообще нѣтъ ни одного заграничнаго писателя, котораго можно бы было напечатать въ Россіи цѣликомъ, и наоборотъ, нѣтъ писателя, котораго не издавали бы частями или въ извлеченіяхъ.

«Какое же и во имя чего возможно исключеніе для Герцена? Есть много другихъ, которые стоятъ его и допускаются въ печати, именно—въ приспособленномъ видѣ. Герценъ *положительно* умнѣе

всѣхъ социалистовъ; сочиненія которыхъ печатаются у насъ, и единственный русскій писатель, наблюдавшій Францію и ямъющій о ней свое собственное мнѣнiе» (архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 3 эксп. 1867 г. дѣло № 176).

Цензура, конечно, не нашла возможнымъ разойтись съ мнѣнiемъ шефа жандармовъ, «Петра IV» — и изданiе Героглифова было запрещено. Въ Россiйской Публичной Библиотекѣ имѣется, и то не полная, вторая часть т. I этого изданiя (II и не печатался), посвященная извлеченiямъ изъ сочиненiй Герцена. Вся въ цѣломъ она должна считаться безусловной рѣдкостью.

Въ 1871 г. В. О. Ковалевскiй отпечаталъ новое изданiе «Кто виновать?», но и оно, разумѣется, было уничтожено (дѣло Спб. ценз. комитета 1871 г. № 32).

3489. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 февраля (1869). Суббота.

Зато вотъ въ чемъ хорошая вѣсть вчерашняго числа: Сат. вамъ прислалъ 2.550 фр., такъ что съ прежними навѣрняка almeno ¹⁾ до новаго года—в. прев. обезпечены, даже съ обычными передержками.

На-дняхъ пришло Тх. чекъ въ 1.000 фр. для твоихъ расходовъ на мартъ и апрѣль. Апрѣль, вѣроятно, Тхор. проѣздитъ (ты не думай, что его путешествiе мнѣ нужно; это—его мечта, но, если онъ ее оставилъ, то и ѣздить не стоитъ. Тату мы доведемъ до Генуи, а оттуда слѣпой доѣдетъ до Флоренци).

Отъ Саши письмо въ защиту Мейзенб. Я дѣло затушилъ, но, все же, внутри ея недоволенъ. Надобно гдѣ-нибудь осѣсть, а гдѣ? Вопросъ до того мудреный, что ты на него и не отвѣчаешь, да и я тоже. Тогда, и только тогда, можно сказать: «вотъ вашъ home ²⁾», хотите—милости просимъ, а неволить я не стану».

Книгу старыхъ статей отъ Тхорж. получилъ. Трудно написать предисловіе къ «Письмамъ объ из. пр.» въ третьемъ лицѣ; можно ли сдѣлать примѣчанiе «отъ автора»?

Вчера же получилъ письмо отъ Марка Вовчка: опять о корреспонденци въ «Недѣлю». Много шумятъ, какъ бы ни наварили каши. Вѣроятно, весь Петерб. знаетъ.

Затѣмъ на сей разъ кланяюсь и лобызаю.

¹⁾ По меньшей мѣрѣ.

²⁾ Домъ, счастъ.

3490. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 марта (1869) Понедѣльникъ.

Кто Шев.—не знаю (что за манія писать фамилію вкратцѣ). Догадываюсь, что рѣчь идетъ о Леливѣ. Но самое лучшее въ томъ, что я Клапку не видалъ и не хотѣлъ видѣть, къ нему не писалъ, не телеграфировалъ и ни одного венгерца не видалъ такоже, и послѣ выѣзда изъ Швейцаріи имени Леливы не упоминалъ. Ergo, что это за новая гадость? Пусть же этотъ господинъ (шпіонъ онъ или нѣтъ, все равно) назоветъ, кто ему сообщаетъ унгарскія утки ¹⁾).

Это скучно и гадко. Однако, кто же Шев.? Пожалуйста, впредь дописывай фамиліи.

Мордвинова проситъ второй разъ статьи своего умершаго мужа у Таты. Статья эта о духоборцахъ. Я ее ужъ искалъ и не нашель; всего вѣроятнѣе, что она давно сожжена.

2 марта.

За «Egalité» очень благодаренъ—много интереснаго и хорошаго. Только чтъ за безобразное гоненіе на колонизацію (въ статьѣ изъ Франціи) и выселенія! Какъ будто, вопросъ въ томъ, что именно на старомъ мѣстѣ слѣдуетъ начинать новую жизнь? Зачѣмъ Бак. не прибавилъ отъ себя слова два, что «высылка—вовсе не бѣгство»? Впрочемъ, общій тонъ журнала не имѣетъ того характера прорицательно-шарлатанскаго, какъ манифестъ, противъ котораго я ополчился ²⁾).

¹⁾ Шевелевъ обвинялъ Герцена въ распространеніи черезъ Клапку слуха, что онъ—русскій шпіонъ; слухъ этотъ циркулировалъ тогда за границей.

²⁾ «L'Egalité» издавалась въ Женевѣ подъ редакціей Шарля Перронъ, художника, рабочаго по эмали, съ 19 декабря 1868 г.; въ пробиномъ номерѣ была напечатана программа, названная Герценомъ «манифестомъ». Сотрудники журнала: Бакунинъ (со стороны Швейцаріи), Ж. Гильомъ, Элизе Реклю, Ж.-Ф. Беккеръ, Ц. де Папъ и др. К. Марксъ отказался «по нездоровью и многочисленнымъ дѣламъ». Бакунинъ былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ редакціонной коллегіи.

Къ «Доктору» приписалъ еще главенку. Очень желалъ бы вамъ дать прочесть. Что касается до статьи о Женевѣ, она очень измѣнена. Фази будетъ доволенъ, а остальные проклянуть, но, по счастью, никто не узнаетъ ¹⁾).

5 марта долженъ быть изъ «Недѣли» отвѣтъ.

3491. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

3 mars (1866).

Villa Filippi.

Pax vobiscum et cum spirito tuo! et laissons tous les points litigieux, non aux ides de Mars, mais aux Calendes grecques. Laissons encore plus les choses à leur développement naturel.

Je sais que chacun doit porter toutes les conséquences de ses antécédents, la logique de la vie met les points sur les «i». Pourquoi donc me le rappeler?

L'idée de vous separer d'Olga ne m'était pas venue dans la tête—c'est ein Hirngespinst. J'ai fait une invitation—elle n'allait pas—ce serait très suffisant de donner une courte explication.

Wird Olga Drang haben à me connaître, à connaître mes écrits, mon oeuvre—elle le fera maintenant, je laisse tout à sa spontanéité. Mais le tort d'un oubli complet de la langue russe sera difficile à être réparé. C'est un des coups les plus rudes que sans vouloir vous m'avez infligé. Pour moi vous êtes très cosmopolite, mais supposez les lamentations de Kinkel, apprenant qu'une de ses filles ne connaît pas l'allemand et comme vous auriez gémi sur son sort.

Pourtant:—«Te souviens-tu, disait un capitaine». Vous m'aviez promis sacro-saintement qu'Olga continuera le russe. C'est encore le temps où vous alliez pêcher avec Gregorovius—tempi passati... vous n'avez qu'à continuer la chanson: «Il m'en souvient»... mais ici je m'arrête... Bismark a pris le fort... et j'ai tort.

Adieu le russe, l'histoire russe par Domengé (il n'y a pas de français sachant le sens de cette histoire) et... et l'histoire de l'Autriche! Vous savez, carissime et docte Malvida, mon opinion sur les leçons de littérature (hindoue ancienne, classiqué et romantique) de l'histoire. Je n'ai pas changé ma manière de voir. Faites lui faire... l'arithmétique, néttoyer le subjonctif. C'est la grande chose qui manque et si elle

¹⁾ Рѣчь идетъ о концѣ «Скуки ради» и гл. IV части VII «Былого и думъ».

aime la lecture, elle lira aussi non seulement l'histoire de l'Autriche, mais l'histoire du Japon.

Sur tout cela pardonnez mes chinoiseries de vecchio Maniaco. La martine après avoir vécu trop longuement en coopération avec Troplong, ominös...

3 марта 1869.

Переводъ.

«*Миръ вамъ! и со духомъ твоимъ!*» и отложимъ всё спорные пункты не только до мартовскихъ идъ, но до греческихъ календь ¹⁾. Предоставимъ всё дѣла ихъ естественному развитію.

Я знаю, что каждый долженъ нести всё послѣдствія за свои предшествовашіе поступки; логика жизни сама ставитъ точки надъ і. Зачѣмъ же напоминать мнѣ объ этомъ?

Мнѣ никогда не приходила въ голову мысль разлучить васъ съ Ольгой, это—плодъ воображенія. Я послалъ приглашеніе—оно не подходило, достаточно было бы короткаго объясненія.

Если Ольга захочетъ поближе узнать меня, познакомиться съ моими сочиненіями, съ дѣломъ моей жизни, она это сдѣлаетъ, я предоставляю все ея доброй волѣ, но трудно будетъ исправить ошибку полнѣйшаго забвенія русскаго языка. Это—одинъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ, который вы, не желая, нанесли мнѣ. Для меня вы слишкомъ космополитка, но вообразите себѣ lamentaціи Кинкеля, если бы онъ узналъ, что одна изъ его дочерей не знаетъ нѣмецкаго языка, и какъ бы вы вздыхали объ его судьбѣ.

Тѣмъ не менѣе, «Помнишь-ли ты?» говорилъ одинъ капитанъ. Вы мнѣ клялись всёмъ святымъ, что Ольга будетъ продолжать заниматься русскимъ языкомъ. Это было еще тогда, когда вы рыбачили съ Грегоровіусомъ.—Времена мѣняются... вамъ остается только продолжать пѣсенку: «Онъ мнѣ напоминаетъ»... Но здѣсь я ставлю точку... Бисмаркъ одержалъ верхъ, а я въ отвѣтъ.

... Прощай, русскій языкъ. Русская исторія, преподаваемая Доманже (нѣтъ ни одного француза, который понималъ бы смыслъ этой исторіи) и... и исторія *Austrii!* Вы, вѣдь, знаете, дражайшая и уче-

¹⁾ Ad calendae graecas—то же, что русское «до второго пришествія»; популярное въ древнемъ Римѣ образное выраженіе, употреблявшееся обычно въ отношеніи неисправныхъ должниковъ. Дѣло въ томъ, что въ греческомъ календарѣ календь (первое число каждаго мѣсяца у римлянъ) вообще не было.

ная Мальвида, мое мнѣніе объ урокахъ литературы (индусской; древней, классической и романтической) и исторіи. Я не измѣнилъ своей точки зрѣнія. Пусть бнъ преподаетъ ариѳметику, научить ее правильно примѣнять сослагательное наклоненіе. Вотъ, что ей не хватаетъ; а если она любитъ чтеніе, то прочтетъ не только исторію Австріи, но и Японіи.

Послѣ всего этого простите старому маниаку его преувеличенныя требованія.

Ламартинъ, послѣ того, какъ прожилъ слишкомъ долго въ сотрудничествѣ съ Тролонгомъ, злоѣще... ¹⁾

3482. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 марта (1869). Четвергъ.

Отвѣчаю вкратцѣ на все частное и общее. Начинаю съ мелочи—фортеп. необходимо. При куплѣ и при наймѣ расходъ ничтоженъ (14 фр. въ мѣсяцъ), и, если бы черезъ полгода ѣхать, коли хороши, можно купить; все это—не уменьшая ни лиаромъ твой доходъ. Это необходимо даже для того, чтобъ у меня не скребло на сердцѣ. Тхорж. я писалъ фортеп. привезти и не болтать: онъ болталъ, и ихъ не привезъ. Но я считаю дѣло конченнымъ. Чекъ на мартъ и апрѣль¹ (1.000... которую опять не совѣтую брать сразу) посланъ вчера Тхор. Объ общей жизни я и не думалъ: она невозможна. Переѣздъ твой изъ Женевы, прежде чѣмъ у насъ что-нибудь устроится, былъ бы нелѣпъ. Я хотѣлъ знать твое мнѣніе о насъ. Но всякое соединеніе, по послѣдней перепискѣ съ Мал. и Ольгой и даже съ Сашей, не близко. Nat. и тогда, когда хочеть помочь, дѣлаетъ неловко да къ тому же все портить наружной раздражительностью отъ самолюбія. Симпатіи Таты и блестящее развитіе Лизы (растущее сквозь всего баловства) составляютъ одно положительно хорошее. Въ остальномъ мы жизнь ухлопали и завязли. Это—не новость.

Жить слѣдовало бы въ Парижѣ; если тамъ гадко, то нѣтъ причины бѣжать отъ бѣды; можно затѣмъ, но уже мелководно, жить въ Брюсселѣ или Женевѣ. Затѣмъ я вижу одно—*уединеніе въ тепломъ климатѣ*, и, конечно, не въ Ниццѣ. Мы ѣдемъ на мѣсяцъ въ Геную. Изучу и посмотрю. Если что можно, къ зимѣ рѣшимъ, и тогда твои

¹⁾ Каламбуръ: trop long—слишкомъ долго, Trolong—фамилія; фраза не окончена.

полгода von roids ¹⁾ остаются. Еще, caro mio; ты отчисли себя из умирающих и еще больше—Мэри. Къ такимъ штукамъ легко при-выкаетъ воображеніе. Было время, напр., въ концѣ 63... 65 и до твоей ноги, когда я ждалъ ежедневно страшнаго результата твоего питья. Мой послѣдній прїѣздъ въ октябрѣ убѣдилъ меня, что переломъ твой спасъ тебя, и что ты отъ смерти дальше, чѣмъ въ Буасьерѣ. Но съ чего же М. ты зачислилъ по веніеринскому легіону безсмѣнно умирающихъ? Сомнѣнія нѣтъ, что всѣ родившіеся имѣютъ шансъ умереть, но шансъ этотъ ставится внѣ игры, или игру придется забастовать. На улицѣ des Petits Philosophes надобно быть ббльшимъ философомъ.

Теперь къ статьѣ. Никакъ не полагаю, чтобъ было плозибельно издать еще «Приб.» къ «Колоколу». Стихи должны итти особо, хотя они и опоздали. Если наберется нѣсколько листовъ, лучше издать «Поляр. Звѣзду». Теперь о самой статьѣ. Я часто нападаю на форму у тебя. Она шероховата, тяжела мѣстами, и отъ этого мысль тускнѣетъ. Чтобъ показать тебѣ разницу, я сошлюсь на статью въ «Приб.» о голодѣ. По-моему, она *превосходна и написана хорошо*. О новомъ письмѣ я не могу сказать того же. Зачѣмъ тяжелый приступъ о подлыхъ и неподлыхъ доктринерскихъ журналахъ? Зачѣмъ развлекать подстр. замѣчаніемъ? И зачѣмъ тамъ-сямъ брани, Скарятини, незвучныя слова? (Все это прїѣлось и далеко уступаетъ холодному дигнитету строгой цензуры). Ну, кто въ наше время серьезно думаетъ, что это валуевщина, шуваловщ... и что госуд. не знаетъ? И что за старый оборотъ насчетъ «быть или не быть»? Вся система, все сплетенье обществъ и правительствъ виновато, и, разумѣется, тотъ, кто во главѣ стоитъ.

... Ну, а затѣмъ, само собой разумѣется, что фондовая мысль справедлива и ясна, и что, измѣнивши тонъ, можно продолжать. Я думаю, ты слишкомъ мало бранишься словесно; а такъ какъ чело-вѣку отпускается непременно извѣстный вѣсь *ругистики*, то она (въ контру твоему характеру) выходитъ въ письменахъ. Время идетъ, сильно мѣняя оружія, стороны атаки. Совершенно случайно старикъ Бернацкій ошибкой занесъ ко мнѣ французс. переводъ извѣстной польской книги «Rossya i Eugora», X. Y. Z., напечат. въ 1858. Безъ сомнѣнія, умнѣйшая вещь, писанная полякомъ в Россіи (тогда много толковали о ней). Я ее прочелъ... и знаешь ли, чему удивился? Огромному прогрессу, сдѣланному нами и русской мыслью въ эти десять

¹⁾ Съ походомъ, т. е. слишкомъ.

лѣтъ. Бѣды и несчастья, преслѣдованія и гадость въ обществѣ, а дѣло шло... Вотъ для того-то, чтобъ собрать все въ фокусъ, и мужья досугъ.

Щербаковъ все больше становится ручнымъ. Я хочу ему предложить ѣхать на мѣсяць съ нами въ Геную. Лизѣ онъ полезенъ, и полезенъ даже своимъ раскольнически-стоическимъ нигилизмомъ. *Omni casu*, промѣнь на него Гулев. ¹⁾ выгоденъ. А странные люди,— для нихъ исторія не существуетъ. Вчера я ему толковалъ, и не растолковалъ, значеніе декабристовъ. Впрочемъ, онъ смилосердился и исторію русскаго движенія начинаетъ съ Бѣлинскаго.

Засимъ кланяюсь.

Стихи надобно продавать по 10 сант. и цѣну напечатать.

Пришли Visconti 50 экз.

3493. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹

5 марта 1869.

Nice (Villa Filippi).

У меня въ душѣ, вообще, нѣтъ никакихъ зимующихъ злобъ, я ужъ и физически теряю зубъ за зубомъ, а потому ты повѣришь, что радъ былъ видѣть твою венерательную фигуру, и благодарю за нее. На сію минуту у меня нѣтъ ни одного порядочнаго портрета; для отмщенія изъ Женевы пришлю послѣдній Левицкаго (дѣлалъ въ 65).

Конечно, страшно, что люди, шедшіе часть своего проселка вмѣстѣ, расходятся подъ конецъ и чуть ли не кокетничаютъ своимъ безучастіемъ. Я серьезно задавалъ себѣ задачу: неужели полемики и контроверзы могутъ итти до того, что въ бѣдѣ и горѣ люди, нѣкогда близкіе,—люди, которые не могутъ отказать другъ другу въ уваженіи, не находятъ въ себѣ даже вопроса участія? А по несчастью, оно такъ; это я очень видѣлъ, когда Огаревъ чуть не умеръ отъ сломленной ноги, пролежавши цѣлую ночь въ февралѣ на холодѣ въ полѣ... Я не могъ не сѣтовать на бывшихъ знакомыхъ (а на тебя въ особенности), особенно видя вниманіе иностранцевъ. Для того, чтобы спросить послѣ бѣды, на это не нужно ни интимности, ни дружбы, а—то чувство, по которому ты такъ человѣчественно жалѣешь о Боткинѣ и пр. Кстати, я тебя утѣшу: онъ не въ параличѣ, а въ сильномъ рев-

¹⁾ Гулевичъ.

матизмъ въ суставахъ. Я вчера видѣлъ одного русскаго изъ Рима да видѣлъ Боткина въ Парижѣ: что за видъ Гарпагона! милый бездушникъ въ 60 лѣтъ, онъ на меня произвелъ гадкое впечатлѣніе. Считая падшихъ на полѣ жизни, неважно забывать Долгорука. Я былъ съ нимъ въ ссорѣ, но на его требованія и просьбы прѣхалъ къ нему въ Бернъ и видѣлъ его агонію (при самой смерти я не былъ, а за нѣсколько дней). Ничего ужаснѣе не выдумывалъ ни одинъ трагикъ. Можетъ, когда-нибудь я напишу эту смерть.

Вѣроятно, ты можешь достать, если не читалъ, «Le Колоко» и декаб., тамъ письмо, которымъ я извѣстилъ о прекращеніи «Колок». Tempora mutantur ¹⁾). Разныя времена требуютъ разныхъ оружій.

Бакунинъ въ Женевѣ и имѣетъ, дѣйствительно, сильное вліяніе на работничье движеніе въ Швейцаріи.

Твоего «Бѣлинскаго» жду. «Вѣст.» ²⁾, разумѣется, получаю. Поздравляю, что ты пересталъ печатать на съѣзжей Каткова.

По запросу относительно дѣтей слѣдуютъ пункты:

1. D-г Alex. H. во Флоренціи, читаетъ иногда лекціи (могу прислать его диссертацию о libre arbitre), женился, находится въ ожиданіи скораго потомства. Жена 18 лѣтъ, простая флорентинка.

2. Тата со мною здѣсь и, вѣроятно, будетъ черезъ мѣсяцъ во Флоренціи.

3. Ольга во Флоренціи. Meuzenbourg издала книжку «Mém. d'une idéaliste» (Georg, Genève), I vol.; рекомендую кому-нибудь изъ нѣмецкихъ дамъ,—ты же, говорятъ, пріятель съ прус. королевой.

Я былъ въ Виши по поводу діабета; съѣзжу въ Италію въ апрѣль и далѣе не знаю. **Вездѣ** скучно.

Прощай. Готовъ всегда тотчасъ отвѣчать; до 10 апрѣля не двинусь, потому письмо дойдетъ и такъ—D-г Al. Herzen, Alla Specola, via Romane, Florence.

P. S. Если будешь писать, скажи, что ты думаешь о ... ³⁾ прусской нѣмечины для нашего брата. Миѣ придется съѣздить въ Виши или въ Карлсбадъ. Виши надоѣло. Ну, а изъ Карлсбада можно бы на обратномъ пути по Германіи прокатиться.

«Гдѣ нашъ старецъ Ламартинъ?» Послѣдній опусъ ⁴⁾ его жизни—панегирикъ тебѣ; послѣ этого онъ жилъ уже жизнью лиліи и бабочки.

¹⁾ Времена мѣняются.

²⁾ «Вѣстникъ Европы».

³⁾ Слово не разобрано.

⁴⁾ Трудъ; А. Ламартинъ, написавшій статью о Тургеневѣ, умеръ 1 марта 1869 г.

◆◆ 1. 2 марта (18 февраля) 1869 г. Тургеневъ писалъ Герцену изъ Карлсруэ, куда переѣхалъ съ семействомъ Виардо:

«Любезный другъ Александръ Ивановичъ, прочелъ я на-дняхъ твою послѣднюю «Полярную Звѣзду» и захотѣлось мнѣ опять перекинуться съ тобой двумя словами,—узнать, что ты дѣлаешь, какъ твоѣ здоровье, что твои дѣти? Именно сегодня мнѣ это захотѣлось, такъ какъ сегодня годовщина смерти Николая и начала хотя нѣсколько новой жизни у насъ. Время летитъ быстро и какъ оглянешься, сильно начинаетъ насъ пощелкивать. Вотъ Боткинъ лежитъ, какъ пласть, въ параличѣ въ Римѣ; Милютинъ доживаетъ послѣдніе дни въ Швейцаріи; у меня уже было два припадка подагры... Ты скажешь мнѣ, что съ этими людьми у тебя нѣтъ ничего общаго (или, можетъ быть, ты для меня сдѣлаешь исключеніе?). Но все равно, это были товарищи, и какъ видишь, что начинаетъ разлагаться *современная* ячейка, покрывшая подъ иго своей отдѣльности разные газы земли и соли, такъ и за свою ячейку начинаешь нѣсколько беспокоиться. Перевалившись за 50 лѣтъ, человекъ живетъ, какъ въ крѣпости, которую осаждаетъ и рано или поздно возьметъ смерть... Надо защищаться, и не по-тотлебенски, безъ вылазокъ.

«Ты, вѣроятно, получаешь русскіе журналы; прочти въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» мои «Воспоминанія о Бѣлинскомъ»; быть можетъ, это тебя заинтересуетъ («Письма», 199).

При письмѣ была приложена фотографическая карточка.

3494. Письмо къ А. П. Пятковскому.

5-го марта (1869).

Ницца. Villa Filippi.

Письмо Ваше отъ 1 февраля *опоздало*: статью, мною посланную и продолженіе *этого ряда* редація «Н.»¹⁾ имѣетъ полное право помѣстить. Потомъ я желалъ бы присмотрѣться къ дальнѣйшему духу изданія. Мнѣ не хотѣлось бы съ самаго начала входить во внутреннія несогласія лабораторій²⁾. Вы оцѣните это желаніе: даль и особенность положенія дѣлаютъ это необходимымъ, да и не одна верстовая

¹⁾ «Недѣлю».

²⁾ Съ января 1869 г. редакторомъ была Ев. И. Конрадъ при ближайшемъ участіи П. А. Гайдебурова и Ю. А. Росселя; Пятковский сталъ въ сторонѣ отъ изданія и предлагалъ Герцену давать свои статьи въ другой органъ.

даль, а и даль отъ днѣя рожденія. Первый фельетонъ явился въ «Недѣлю», и остальные пусть будутъ въ ней.

При свиданіи потолкуемъ обо всемъ. Я ѣду въ апрѣль въ Италію, но, такъ какъ я вѣчно скитаюсь, то, вѣроятно, буду позднимъ лѣтомъ въ Женевѣ. Помните palazzo-трактиръ, гдѣ мы жили на берегу озера? К. ¹⁾ кланяйтесь дружески. Скажите ему, что сынъ мой женился на полуробенкѣ, итальянской уврїеркѣ ²⁾, написалъ диссертацию о libre arbitre и такъ практически занялся физиологіей, что ждетъ въ маѣ сына или... дочь, потому что другой альтернативы нѣтъ. Прощайте.

Я предпочитаю писать на Брюссель. Отъ почты на сѣверъ я дрожу даже въ Ниццѣ. У насъ, кстатѣ (чтобъ Васъ подразнить!), днемъ всѣ окна настезъ, а на солнцѣ совсѣмъ іюнь.

Если хотите, деньги пришлите: Georg, 10 Corratierie, Librairie, для передачи à Monsieur I. Nionsky.

3495. Письмо къ Н. П. Огареву.

6 марта (1869). Суббота.

Письмо Пятк. меня не убѣдило. Я отвѣчалъ въ Брюссель. Таюже и это лишнее, что онъ за меня получилъ 41 р.; я сказала, чтобъ онъ ихъ прислалъ на имя М-г Nionsky Georg'у въ Женеву. Платятъ они не сердито. Намъ лишь бы поставить ноги въ стремена. Вѣроятно, крикомъ и сплетнями они все изгадятъ, и начальство прихлопнетъ.

Далѣе, вдругъ письмо отъ Тургенева съ приложеніемъ фотографіи; говорить, что читалъ «Пол. Зв.» и расчувствовался, въ силу чего избралъ день смерти Ник. Павл. ³⁾, чтобъ снова завести корреспонденцію. Я ему отвѣчалъ довольно длинно,—все-таки, кой за что побранилъ. По лицу онъ состарился, совсѣмъ сѣдой, но ничего, черты благородныя. Вырубовъ писалъ—не сердится за письмо печатное, но говорить, что отвѣчать не будетъ: съ вами, моль, не столкуешь.

¿ Во французскихъ журналахъ говорятъ о государевомъ рескриптѣ спб. университету, объ учрежденіи имъ 300 стипендій? Въ «Голосѣ» не видаль. Недостаетъ только одного №. Хотъ изъ «Московскихъ» напиши, что это: вздоръ или нѣтъ? ⁴⁾

¹⁾ Николай Степановичъ Курочкинъ, тоже оставилъ «Недѣлю».

²⁾ Ouvrière—работница.

³⁾ Николая I.

⁴⁾ Конечно, вздоръ.

Вчера въ кафе подошелъ ко мнѣ какой-то г-нъ и спросилъ, я ли я? На мой отвѣтъ объяснилъ, что онъ Евгений Сатинъ, знаетъ всѣхъ. Станиславъ ¹⁾ живетъ постоянно въ Вѣнѣ—тоже вкусъ. Видѣлъ Боткина въ Римѣ: лежитъ безъ заднихъ ногъ.

7, воскресенье.

Щербакъ. ъдетъ въ пятницу въ Женеву и Вевэ—зачѣмъ, не знаю. Вдругъ собрался—должно быть, все амуръ проклятый! Для Лизы потеря большая. Онъ явится къ тебѣ съ живыми вѣстями.

8, понедѣльникъ.

И ваша отписочка отъ субботы. 1) Шевелева я по фамиліи не слыхалъ, и это только тебѣ урокъ—писать фамиліи просто. Извиняться передъ ними не нужно—не стоять; объ немъ я, съ разговора въ Женевѣ съ Мечникъ (два года назадъ), ни слова не говорилъ. Но отчего же и онъ «добрый человекъ»? 2) А что же еще больше добрый Бакъ. общалъ да и не былъ? 3) У Ольги, т.-е. во Флоренціи, есть превосходный инструментъ, стоившій 900 фр., ergo, до Плейеля ²⁾ долго не дождемъ. 4) Какъ же это въ Брюссель-то ѣхать на зиму? Вѣдь, это одинъ изъ гнусѣйшихъ климатовъ. Но за Брюссель я имѣю многое.

Хотѣлъ еще прибавить, но некогда. Прощай.

3496. Письмо къ Г. И. Вырубову.

10 марта 1869.

Villa Filippi, R. Merlanozone.

Благодарю васъ за микроскопъ, «а за старанье вдвое», какъ говорить Софья Павловна въ «Горѣ отъ ума». Я его еще не получилъ, но, вѣроятно, Наше пришлетъ. Я очень радъ и тому, что волешика наша жила, какъ розы живутъ—одинъ день, и что вы не вознегодовали на меня. Только, пожалуйста, оставьте мысль, что я ненавижу Францію и Парижъ,—я просто *вижу* и, не обязанный какому-нибудь ордену или какому-нибудь папѣ, *говорю истинно*, что *живу*. Если-бъ моя борьба, мое ремесло жизни было въ Парижѣ, я не задумался бы

¹⁾ Родственникъ Огарева.

²⁾ Фертеніанная фабрика въ Парижѣ.

ни на минуту и переселился бы туда—я съ поля битвы или опасности по слабости нервъ нигдѣ не уходиль. Но добровольно, безъ пользы, нанять квартиру возлѣ полицейской сѣкальни и слушать, какъ сѣкутъ другихъ, не хочу. Вы какъ-то привыкли; васъ, напр., оскорбило бы ужасно, если-бъ таскали въ тюрьму людей изъ католической контроверзы или если-бъ сажали въ кутузку контистовъ, а что людей, врущихъ вздоръ, ежедневно осуждаютъ на 6, 4, 3 мѣсяца съ разореніемъ, вы принимаете философски и, можетъ, хорошо дѣлаете, да мнѣ дѣлать это не нужно.

Послѣд. книжку вашего «Revue» прочель отъ трезвости Литтре до пьянства въ Россіи. Старичокъ уморительный, всю статью писалъ безъ *reclam*'ы Конту, но *au bout du compte* ¹⁾ въ подстрочномъ замѣчаніи не удержался. Ужъ и Фихте свою идею науки наукъ не взялъ ли у Конта? Вы не повѣрите, какъ портить эта манера ученическаго неистовства серьезность статей. Даже милый авторъ (и очень хорошо дѣйствующій на нравственность) статьи объ Кондорсе сблудилъ подъ конецъ. Къ тому же всѣ эти господа подражаютъ тяжелому, утомительно-длинно-парантезо-доктринерскому слогу учителя, и это врядъ облегчаетъ ли трудъ чтенія. А ргороз, я добрался до текста «писанія» о женщинахъ и женскомъ вопросѣ; теперь у меня есть ключъ къ 309 стр. V тома. Итакъ, даже протестантскій разводъ—большой дебош!

Я хочу въ маѣ съѣздить въ Брюссель (если орда западная не займетъ его до тѣхъ поръ въ отместку, что белги не уступили дорогу); есть у васъ знакомые тамъ? Если есть, скажите. Можетъ, я на годъ останусь тамъ. Здѣсь, т.-е. въ Ниццѣ, я до 10 апрѣля; далѣе поѣду въ Геную для свиданія съ своими и не знаю еще черезъ *Mont-Cenis* или обратно поѣду въ Брюссель.

Думаю, что если вы не посылали химической лабор., то и не очень нужно теперь на отъѣздѣ, а *Tougniez* я писалъ; пришлеть—хорошо, не пришлеть—все равно.

И. С. Тургеневъ вдругъ написалъ мнѣ премилое письмо и прислалъ свой портретъ. Онъ ѣдетъ въ Карлсруэ на зиму.

Прощайте; не сердитесь на замѣчанія и вѣрьте, что я искренно уважаю васъ.

А. Герцена.

«*Liberté*» бельгійское не получилъ. Пришлите, если стоить, а я васъ угощу стихами, которые получилъ.

Всѣ наши вамъ дружески кланяются.

¹⁾ Въ концѣ. Игра словъ: *Контъ* и *счетъ* по-французски произносятся одинаково.

3497. Письмо къ Н. П. Огареву.

11 марта (1869). Четвергъ.

Я твоей пи́мы не получаю; и если она была послана мнѣ на мое имя, то перехвачена. Visconti получилъ. Въ печати она еще лучше, потому что живѣе читается.

Насчетъ всѣхъ переѣздовъ я, наконецъ, порѣшилъ самодержавно такъ, и, наконецъ, Н. согласилась. Въ апрѣлѣ (10... 15) мы ѣдемъ въ Геную и оттуда, тѣмъ или другимъ путемъ, въ Брюссель, ибо сколько я ни ломалъ головы, а другого центра настолько удобнаго не вижу. Тамъ я тотчасъ займусь устройствомъ, almeno на годъ или два. Главное остается инвариабельно ¹⁾. Но въ случаѣ крайности, поѣду прежде въ Vichy, даже въ Карлсбадъ. Геную можно тогда по боку. Война можетъ—и все по боку; я отвѣчаю за зависящее отъ меня. Выруб. (съ которымъ, все же, идетъ полемика) сильно за Брюссель, говоря, что средства ученыхъ и учебныя несравненно больше тамъ, чѣмъ въ Женевѣ.

Изъ «Недѣли» ни слова, т.-е. на два письма нѣтъ отвѣта; можетъ, перехвачены. Теперь на мнѣ нѣтъ никакой отвѣтственности. Посылаю тебѣ статью по поводу Бак. Прочти ее со вниманіемъ ²⁾. Она можетъ напечататься въ «Пол. Зв.», если таковая будетъ, или совсѣмъ не печататься. Но мое мнѣніе о дѣлѣ таково. Когда же твой Кучукъ-Кайнарджи съ нимъ?

Я написалъ новую главу къ моей «недѣльной» болтовнѣ. Кажется, очень удачно.

Есть книга Вермореля «Les hommes de 48»... Прокроемъ главы наши убрусами.

Письмо это и статья ѣдутъ съ Щербаковымъ. О полученіи напиши.

3498. Письмо къ Н. П. Огареву.

14 марта (1869). Воскресенье.

Сегодня, вѣроятно, у тебя будетъ Щербак. Я съ нимъ послалъ статью о контроверзѣ съ Бакунинымъ и письмо, въ которомъ говорилъ о томъ, что балансъ склоняется на Брюссель.

¹⁾ Измѣнно.

²⁾ «Между старичками», № 3580.

Теперь иное дѣло. Отовсюду меня осыпають вопросами, правда ли, что я и ты ѣдемъ въ Россію. Мало, что спрашиваютъ,—получаю второе письмо отъ Марка Вовчка и второе отъ Тургенева съ тѣми же вопросами. Наконецъ, я поймалъ Гулевича и, въ свою очередь, спрашиваю, откуда? «Да во всѣхъ газетахъ сказано, а въ «Биржев. Вѣд.» большая статья».—Еще гдѣ?—«Въ Моск. Вѣд.».—(Неужели ты могъ пропустить?)—«Можете достать?»—и онъ прислалъ мнѣ отъ Филиппсона ¹⁾. «Биржев. Вѣд.», которыя я пришлю и *прошу, прочитавши, возвратить*. Это—цѣлая интрига. Безъ отвѣта оставить нельзя, и я сегодня же думаю дать отвѣдъ очень короткую и написать Раевскому въ Вѣну. ¹ Тург. письмо ничего; говорить, что давно было пора прекратить «Колоколь». ²

«От. Зап.» читаю. Комедія Потѣхина—сухая 'дрянь, и дрянь подлая по времени—теперь ругать нѣмцевъ гадко; будто русскія помѣщицы и пройдохи лучше ³⁾? Характеры грубы, завязка пошлая, все экзажерировано, чѣмъ же хорошо? Береги твой вкусъ и будь неліцепріятенъ, потому что и романъ Утина тебѣ нравился, и ты вѣрилъ, что въ Петербургѣ говорятъ речъ «миленькой». А читалъ ли ты въ «От. З.» «Исторію двухъ генераловъ»? Это—прелесть ³⁾.

Изъ «Недѣли» ничего—напакостили. Да и какъ это они №—овъ не высылають?

У меня вчера былъ одесскій банкиръ Рафаловичъ, умный и образованный грекъ, въ силу чего я снабдилъ его греческ. вопросами ⁴⁾. Мнѣ кажется, что ты напрасно напечаталъ свою фамилію. Такія затрещинки должны итти анонимно.

А ргорос. Вся эта штука съ Раевскимъ не есть ли тонкій намекъ изъ Шуваловки, что, де, мы готовы васъ прикельсить? И давно не слѣдуетъ ли мотать это на усъ и зондировать terrain ⁵⁾?

Мнѣ кажется, что Тхорж. не сильно хочется ѣхать, зачѣмъ же онъ ѣдетъ? Omnī casu, до 10 апрѣля—нечего ѣздить. Погода опять отвратительная.

◆◆ 1. Первымъ источникомъ слуховъ о переговорахъ Герцена съ свящ. Раевскимъ была «Kölnische Zeitung», сообщившая объ этомъ

¹⁾ Григорій Ивановичъ, бывший попечитель Спб. учебнаго округа.

²⁾ Комедія «Рыцари нашего времени», во II кн. «Отеч. Записокъ» 1869 г.

³⁾ М. Салтыкова «Повѣсть о томъ, какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ, тамъ же.

⁴⁾ Книжка по поводу Греции.

⁵⁾ Почву.

въ статьѣ «Russland und Polen» (№ 67). Затѣмъ такое же извѣстіе было повторено въ «Neue Freie Presse», съ прибавленіемъ, что Герценъ пробылъ въ Вѣнѣ нѣсколько часовъ, не показавшись въ русскомъ посольствѣ.

Въ № 44 «Биржевыхъ Вѣдомостей» 1869 г., въ статьѣ «Дневникъ», между прочимъ, было сказано: «Безполезность продолженія своей литературной дѣятельности г. Герценъ уже созналъ, что мы съ достаточною ясностію и видѣли изъ напечатаннаго въ «Nord» письма его къ его другу, г. Огареву. Затѣмъ нашъ варшавскій корреспондентъ недавно сообщилъ намъ, со словъ газеты «Славянинъ», что г. Герценъ близокъ къ самоосужденію и находится на поворотѣ въ другую сторону отъ той, куда шель съ перваго дня своей эмиграціи. Г. Герценъ явился въ Вѣну и имѣлъ свиданіе съ извѣстнымъ священникомъ нашего посольства въ Австріи, отцомъ Раевскимъ. Въ какихъ соображеніяхъ и цѣляхъ Искандеръ искалъ свиданія съ отцомъ Раевскимъ, корреспондентъ нашъ утвердительно сказать не могъ и новыхъ свѣдѣній этимъ путемъ о г. Герценѣ мы не получали... Нѣкоторыя данныя оставляютъ очень мало сомнѣній, что г. Герценъ рѣшилъ принять повинную и будетъ просить позволенія возвратиться въ отечество... Русское сердце заговорило въ груди старика! Въ письмѣ изъ Вѣны прибавляютъ, что г. Герценъ, кажется, будетъ искать милостиваго дозволенія возвратиться на родину одновременно себѣ съ семьею и г. Огареву; а если и ему и г. Огареву не будетъ оказано этой милости, то онъ будетъ ходатайствовать о дарованіи ея хотя однимъ его дѣтямъ, неповиннымъ въ отцовскихъ увлеченіяхъ»...

Вслѣдъ затѣмъ нѣкоторыя русскія газеты перепечатали эти извѣстія («Спб. Вѣдомости», «Голось» и др.), а «Новое Время» добавило: «Молва утверждаетъ, что г. Герценъ видѣлся съ отцомъ Раевскимъ именно для того, чтобъ повѣрить ему свое желаніе просить всемилостивѣйшаго соизволенія возвратиться ему въ Россію. Утверждаютъ даже опредѣленно, что о. Раевскій избранъ г. Герценомъ въ ходатаи за него передъ правительствомъ, и что о. Раевскій принялъ на себя такое ходатайство и, будто, уже писалъ объ этомъ въ Петербургъ одному изъ уважаемыхъ духовныхъ лицъ, пользующихся довѣріемъ всего августѣйшаго русскаго дома» (№ 35).

Въ № 39 «Москов. Вѣдомостей» нѣтъ ничего интереснаго, кромѣ цитаты изъ № 44 «Биржев. Вѣдомостей».

2. 11 марта Тургеневъ отвѣчалъ:

«Любезный другъ Александръ Ивановичъ! Отвѣчаю на твое письмо. Позволь мнѣ тотчасъ же удивиться слову «злоба», которымъ оно начи-

нается. Ты бы былъ весьма несправедливъ, еслибъ питаль ко мнѣ какую либо злобу; ибо я передъ тобой, какъ говорится, какъ Христось передъ жидами; вотъ ужъ точно: ни дѣломъ, ни помышленіемъ. Во мнѣніяжъ мы расходились и расходимся, но это бываетъ между самыми близкими пріятелями. Сожалѣю о томъ, что не освѣдомился объ Н. П. Огаревѣ: извини этотъ «lapsus calami» (описку—М. Л.). Я à tort ou à raison (правильно или неправильно—М. Л.) никогда не былъ высокаго мнѣнія объ его литературной дѣятельности, но всегда искренно уважалъ его и знаю, какое у него золотое сердце. Узналъ я о несчастномъ случаѣ, его постигшемъ, только въ началѣ нынѣшней зимы, т.-е. чуть не годъ спустя; при томъ мы тогда не переписывались. Скажи мнѣ, гдѣ онъ теперь и что съ нимъ?

«Я прочелъ твои «Adieux de Fontainebleau ¹⁾ въ «Колоколѣ». Я всегда сожалѣлъ о томъ, что ты не кончилъ разомъ, а какъ Рейнъ, разбивающійся на множество мелкихъ ручьевъ при впаденіи въ море; и особенно мнѣ было досадно, что ты могъ вообразить, будто французамъ нужно знать правду о чемъ бы то ни было, не говоря уже о Россіи! Наши дѣла и мы сами отнесены въ прошедшее; хоть бы тамъ остаться на время!

«Не предвижу никакого затрудненія твоему вояжу въ Германію; я увѣренъ, что никому въ голову не придетъ тебя беспокоить. Если на возвратномъ пути изъ Карлсбада тебѣ бы вздумалось завернуть въ Баденъ, я надѣюсь, ты у меня остановишься, и я могу тебя посадить на самое то кресло, на которомъ возсѣдала прусская королева. Оно мягкое, ничего!

«Кстати, тебѣ уже, вѣроятно, извѣстны слухи, которые ходятъ о тебѣ, о твоей перепискѣ съ о. Раевскимъ въ Вѣнѣ и т. д. Всѣ русскіе журналы объ этомъ толковали, а вотъ тебѣ вырѣзка изъ «Kölnische Zeitung» (67 №, понедѣльникъ, 8 марта). Я этому не вѣрю ни на волосъ, но, можетъ быть, ты сочтешь нужнымъ сказать публично два слова?

«Увы! я не вполне заслуживаю твою похвалу насчетъ того, что болѣе не печатаюсь у Каткова. Въ 1 № «Русскаго Вѣстника» помещена моя повѣсть подъ заглавіемъ «Несчастная». Если хочешь, я пришлю тебѣ экземпляръ. Катковъ платитъ очень дорого, а меня мой почтенный дядюшка, управляя моимъ имѣніемъ, чуть по міру не пустилъ.

¹⁾ «Прощаніе въ Фонтенблѣ». Такъ Тургеневъ называлъ франц. письм. Горькова къ Огареву, № 3431.

«Будешь писать твоимъ дѣтямъ, напомни имъ обо мнѣ. Сынъ твой прислалъ мнѣ свою диссертацию, которую я прочелъ съ интересомъ. Итакъ, онъ женился, и ты скоро дѣдушка? Esemprе bene ¹⁾!»

«Дружески жму тебѣ руку и остаюсь преданный тебѣ *Ив. Тургеневъ*» («Письма», 200—202).

3499. Письмо къ И. С. Тургеневу.

14 марта (1869).

Ницца, Villa Filippi, R. Merlanzone.

Оставимъ всѣ полемики; я совершенно согласенъ, что слово «злоба» мною употреблено глупо и неумѣстно. Сдѣлай одолженіе, оборони меня языкомъ, перомъ, негодованіемъ, авторитетомъ отъ уморительнаго нареканія, что я хлопочу черезъ Раевского, попа въ Вѣнѣ, о возвращеніи. Въ «Биржев. Вѣд.» цѣлая статья съ нравственными разсужденіями и ободреніями. Что я имъ за Кельсіевъ II достался! Разумѣется, я въ Россію ѣхать хочу и когда можно будетъ туда ѣхать безъ каудинскихъ фурукулъ, поѣду, но въ Вѣнѣ я не былъ, ни Краевского, ни Раевского, ни Евскаго не просилъ. Откуда это? Или это тонкій намекъ... со стороны Шуваловки? Погодинъ меня уговаривалъ въ «Монтряхъ» и увѣщаль перспективой года или двухъ въ Соловец. монастырѣ, а потомъ «на житье пошлютъ куда-нибудь—вотъ и все». Вы, говорить, напишите исторію революціи—никто лучше не напишетъ, поднесите ее государю и напишите: «Отпусти прегрѣшенія молодости моей». «Ну, конечно, я въ сравненіи съ Маусиломъ грудной ребенокъ, однако, Михаилъ Петр. въ сравненіи съ Алекс. Никол., который моложе меня 6 годами, не очень молодъ».

Я послалъ письмо въ «Бирж. Вѣд.», замѣтку въ Кельнс. и пошлю въ Парижъ; если ты кой-кому скажешь, будетъ хорошо.

Совѣтую достать «Бирж. Вѣд.» 44 листъ и самолично прочесть.

Засимъ желаю здоровья. Бак. бога обижаетъ, о чемъ посылаю вырѣзку.

Если у тебя есть знакомые издатели, пожалуйста, скажи имъ, чтобъ напечатали, что вся эта сплетня о Вѣнѣ—бранье.

3500. Письмо къ сыну.

«M. le Rédacteur,

Quelques feuilles russes ont inséré la nouvelle parfaitement fautive d'un prétendu voyage que j'ai fait à Vienne dans le but de solliciter par l'intermédiaire du révérend P. Raevsky, le droit de retourner en Russie. Vous m'obligerez infiniment M-r le rédacteur en donnant place dans votre estimable feuille à un démenti formel de ma part. Je n'ai jamais été à Vienne, je n'ai jamais vu le révérend P. Raevsky, je ne lui ai jamais écrit—en général je n'ai fait aucune démarche pour obtenir le droit de rentrer, en Russie. Je désire ardemment, comme tout émigré, revoir mon pays natal, mais je ne pense pas que les circonstances actuelles soient propices à la réalisation de ce désir.

Recevez etc. *Alex. Herzen.*16 mars 1869.
Nice ¹⁾.

Прошу тебя сейчас перевести и послать от моего имени въ двѣ-три редакцій самыя радикальныхъ газетъ и, главное—пошли непременно *Квадрио* въ Лугано. Это—интрига или ловушка, а, можетъ, просто приглашеніе съ указаніемъ Раевского—какъ chargé de cette mission ²⁾. Но я не могу позволить, чтобъ надо мной шутили. Сдѣлай это тотчасъ; если занять—еще скорѣе.

Отъ тебя писемъ нѣтъ недѣли три или четыре. Я послалъ тебѣ печатную статью «Скуки ради»; ты не отвѣчалъ.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ письмо переведено такъ: «Г. редакторъ! Нѣкоторыя изъ русскихъ газетъ напечатали совершенно ложное извѣстіе о поѣздѣ, будто бы предпринятой мной въ Вѣну съ цѣлью выхлопотать себѣ черезъ г. Раевского позволеніе возвратиться въ Россію. Вы крайне обижаете меня, г. редакторъ, напечатавъ въ вашей почтенной газетѣ формальное опроверженіе этого извѣстія. Подобно всѣмъ эмигрантамъ, я пламенно желаю вновь увидѣть родную землю, но не думаю, чтобы нынѣшнія обстоятельства способствовали исполненію этого желанія. Александръ Герценъ, редакторъ «Колокола». 16 марта 1869. Ницца».

Такимъ образомъ, передъ «подобно всѣмъ», конечно, не случайно пропущена фраза: «я никогда не былъ въ Вѣнѣ, никогда не видѣлъ протоіерая Раевского, никогда не писалъ ему, вообще, не сдѣлалъ ни одного шага съ цѣлью добиться права возвращенія въ Россію».

²⁾ Пользующаго въ этомъ дѣлѣ.

А заѣмъ желаю, чтобъ тебя и Терезину письмо застало въ здравіи.
Мнѣніе Шиффа о моемъ письмѣ желать бы знать.

Прощай.

Письмо отдай Мейзенб.

Я ѣду въ іюнѣ въ Брюссель.

3501. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

16 mars 1869.

Villa Filippi.

Après un complot de silence, vous Spezzi-fiez une villa avec jardin, domination du golfe—et vous voulez me faire Confalonieri tandis que Schurz est sénateur et Adla Kinnel—femme de Sprudevitz.

Les affaires restent beim Alten.—Tchorzewski vient vers le 10—12 Avril—nous irons vers le 20 à Gènes... de là on peut facilement voir le Golfe et concerter pour *une partie* de l'été. Car au mois de Juillet, le plus tard, je serai à Bruxelles, que j'ai définitivement choisi pour résidence—jusqu'à ma rentrée à Paris ou en Russie... Qu'en dites vous de cette saloperie de tous les journaux? Et encore le révérend Raevski?

«Ah c'est bien, c'est très bien».

«Quel bonheur est le mien...» on a commencé à m'oublier. Le gouvernement russe me remet à, flot... Est ce qu'Alexandre vous a dit qu'on imprime mes articles dans un journal russe? Je lui ai envoyé un spécimen.

Donc les «Gueux» vont à Bruxelles, Ogareff aussi vers l'hiver. C'est la nouvelle capitale de la lettre.

J'octroie encore 50 francs pour lu gouffre Panoffka—que vous recevrez avec la grande somme. Est ce qu'Olga a elle même «sua sponte» offert à cet holocauste sa cinquantaine? Dites-le franchement.

Quelle est l'opinion de Schiff—sur ma lettre sur «le libre arbitre»?

Saluez Loug. de ma part et dites lui que c'est impardonnable qu'il ne m'a rien écrit.

Priez M-me Walter—de regarder dans la presse de Vienne—si elle insère ou non ma lettre—et dites à Alex. d'envoyer de suite une traduction de la lettre que je lui envoie (ci inclus) dans deux trois feuilles italiennes.

J'embrasse Olga—j'attends l'occasion de lui répondre—mais elle ne se presse pas.

Adieu.

Переводъ.

16 марта 1869.

Послѣ заговора молчанія вы точно описываете виллу съ садомъ, съ господствомъ залива и хотите сдѣлать изъ меня Конфалоніери ¹⁾ въ то время, какъ Шурць—сенаторъ, а Адла Кинкель—жена Спру-девича.

Дѣла—по старому. Тхоржевскій пріѣзжаетъ числа 10—12 апрѣля, около 20-го мы поѣдемъ въ Геную... оттуда прекрасно виденъ заливъ, и тамъ можно обдумать, какъ провести часть лѣта, такъ какъ, самое позднее, въ июль я буду въ Брюсселѣ, который рѣшительно избралъ своимъ мѣстопребываніемъ до возвращенія въ Парижъ или въ Россію... Что скажете о грязи всѣхъ газетъ? А тутъ еще преподобный Раевскій?

«О, это хорошо, это очень хорошо!»
«Какъ я счастливъ!»

::: начали уже забывать меня. Русское правительство опять сдвинуло меня съ мели... Сказалъ ли вамъ Александръ, что моя статья печатаются въ русской газетѣ? Я ему послалъ пробный листъ.

Итакъ, «гѣзы» ѣдутъ въ Брюссель. Огаревъ къ зимѣ пріѣдетъ туда же. Это—новая глава письма.

Жалую еще 50 франковъ для прорвы Пановки—вы получите ихъ вмѣстѣ съ крупной суммой. Развѣ Ольга сама «sua sponte» ²⁾ пожертвовала свои пятьдесятъ? Скажите откровенно.

Какое мнѣніе Шиффа о моемъ письмѣ о «свободѣ воли»?

Поклонитесь отъ меня Луг. и скажите ему, что непростительно, что онъ ничего не написалъ мнѣ.

Попросите г-жу Вальтеръ, чтобы она справилась въ «La Presse de Vienne», напечатаетъ ли та или не напечатаетъ мое письмо, А Александру скажите, чтобы онъ тотчасъ послалъ въ двѣ или три итальянскія газеты переводъ письма, которое я ему посылаю (прилагаю тутъ же).

Цѣлую Ольгу. Жду случая, чтобы отвѣтить ей, но она не торопится.

Прощайте.

¹⁾ Федерико, итальянскій патриотъ.

²⁾ Добровольно.

3502. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 марта (1869). Среда.

На оборотѣ ты прочтешь мой ультиматумъ Чернецкому; отошли его ему и пригласи гуманно потолковать. Я готовъ ему сейчасъ прислать 500 и по окончаніи ликвидаціи 500—разумѣется, въ полный квитъ. Уговори его продать или итти въ типографію къ другому. Онъ не вынырнетъ. Все, что мы печатаемъ за границей по-русски,—филантропія и себяобманъ,—ничего не идетъ.

Вчера, наконецъ, я получилъ «Недѣлю» въ 10 листовъ—вторая часть моей статьи, съ опечатками, но безъ малѣйшаго выпуска. Черезъ недѣлю будетъ 3-я, черезъ двѣ—4-я; гонораръ они платятъ смѣшной (150 за статью, т. е. за каждый отрывокъ), но весь Петерб. читаетъ. Изъ-за чего же мы здѣсь будемъ харчиться на самочитательное печатаніе. Вчера же явился Черкесовъ съ новой посьбой, отъ «Недѣли», чтобъ я ея не покидалъ, и съ жалобами на Пятк. Черкесовъ такъ же добродушно глупъ и съ русскою хитростью. Я его надуль славно, сказавши, что я въ самомъ дѣлѣ просилъ Раевского о возвращеніи. Онъ говорилъ, что при его отъѣздѣ изъ Петерб. только и рѣчи тамъ, что о моемъ возвращеніи. Все это заставляетъ думать о многомъ.

Слѣдовало бы написать статью: «На какихъ условіяхъ мы можемъ возвратиться».

Есть у насъ «Русскій Вѣстникъ» или нѣтъ? Помнится, онъ былъ въ спискѣ. Тамъ повѣсть Тургенева и, по словамъ Черкесова, отвратительная статья Кельсиева объ Абихтѣ, надъ которымъ онъ издѣвается ¹⁾. У Висконти на нынѣшній годъ нѣтъ. Объ этомъ *напиши*. Можеть, «Вѣстникъ» важнѣе «Космоса». Я могу выписывать теперь черезъ Генкеля ²⁾.

- Что у васъ за «Journal des Femmes»? Нельзя ли прислать 1-й № или первые?

Ты правъ насчетъ замѣчанія о войскѣ, помѣшающемъ сдѣлкѣ—но гдѣ же сила противъ войска? Опять въ пропагандѣ, ученіи и экономическомъ устройствѣ коммуннаго труда. Отчего ты не видался съ Бакунъ? Я ничего не имѣю противъ того, чтобъ онъ прочелъ, не теряя (у меня нѣтъ черновой). Готовъ и печатать.

Прислали тебѣ «Недѣлю» или нѣтъ?

Тхорж. ждемъ къ 15 апрѣля, и все готово и расположено ad hoc. Прощай.

¹⁾ «Рус. Вѣстникъ» 1869 г., кн. I.

²⁾ Издателя «Недѣли».

Р. С. Сатина отдала, по моему порученію, 50 руб. сер. Тат. Алекс. Астраковой; я ей велѣлъ сказать, что приписалъ ихъ къ тебѣ при-
сланнымъ 2.550.

NB. Если Чернецкій возьметъ работу срочную съ уступкой, ~~я~~
я готовъ взять на себя уступку на цѣлый годъ. Отвѣчай.

К. Шурцъ выбранъ сенаторомъ и не нынче-завтра будетъ мини-
стромъ!

3503. Письмо нъ Н. П. Огареву.

20 марта (1869). Суббота.

Молитву получилъ. Конечно, смѣшно, но perchè¹⁾? Т. е. какъ
Талейрана спрашивали: «mais que gagne tu à cela²⁾?» Новъ будетъ
старый напѣвъ, а мотивъ и пародія не новы. Миѣ кажется, это не
нашъ родъ и не нашъ ажъ³⁾.

На-дняхъ пришлю «Космосъ»⁴⁾.—sehr gelehrt⁵⁾. Статьи въ «От.
Зап.» о Спенсерѣ *одолеълъ*, но что за ужасный языкъ⁶⁾! Сущность хо-
роша. Если ты «Недѣли» не получилъ, я *10 листъ* пришлю и буду
ждать отзыва. Новый отдѣлъ, который я теперь пишу, очень удаченъ.

Рекификація въ «Петерб. Вѣд.» очень важна. Ругаться въ от-
вѣтъ я и не думалъ, надобно холодно сказать: «все это ложь, и оставить
такъ.¹ Увидимъ, что сдѣлаютъ «Бирж. Вѣд.»; Трубникова жена
здѣсь и порывается къ намъ. Черкесъ ѣдетъ во Флоренцію, Римъ
и Одессу, гдѣ заводитъ контору для книгъ. Онъ могъ бы быть очень
полезенъ, но сквозь фальшиваго «туранскаго» добродушія у него
затаенная ненависть или, вѣрнѣе, злоба противъ насъ. Впрочемъ,
я ее питаю, сколько могу, немилосердно остря надъ ними. Скажи
Тхорж., что «Петерб. Вѣд.» можетъ спросить отъ Черкесова у Аран-
желовича, табачника. Это должно быть въ 54... 56 №№ или около
(пришли сюда, если поѣдутъ).

Рубинштейна непремѣнно послушай. Я очень радъ, что ты попалъ
на эту мысль.

¹⁾ Зачѣмъ?

²⁾ «Но что ты отъ этого выиграешь?»

³⁾ Аге—вѣкъ.

⁴⁾ Журналъ популярно-научный при участіи М. А. Антоновича и нѣкото-
рыхъ сотрудниковъ «Современника».

⁵⁾ Очень учено.

⁶⁾ Статьи Н. К. Михайловскаго «Что такое прогрессъ?».

21. Воскресенье.

Письмо отъ Тургенева *третье*; онъ сильно хлопочетъ объ опроверженіи слуха насчетъ Раевского—вѣроятно, долю для примиренія исполнѣ. «Кельн. Газета» напечатала. А знаешь ли, кто, по моему предположенію, сдѣлалъ поправку въ «Пет. Вѣд.»? Мерчин.,—у него братъ въ Вѣнѣ при посольствѣ.

Далѣе, явился Ауэрбахъ¹⁾; говоритъ, что въ Россіи некрасиво, грабежи по концессіямъ желѣзныхъ дорогъ, старое взяточничество и разореніе мужиковъ.

«Temps» отъ 20 марта помѣстилъ мое письмо. У Вересова, вѣроятно, достать можно—the matter is dropped²⁾. Для чего все это было сдѣлано? А честно возвратиться было бы лучше Брюсселя.

Въ «Космосѣ» обругали Некрасова; его обвиняютъ въ безнравственномъ противорѣчій поведеніи и стихами—вотъ, батюшка Ник. П.! Немезида-то дѣлаетъ свое; по тону статьи это—опытъ; «отвѣчай, моль, мы не то скажемъ»³⁾.

Прощай.

22. Понедѣльникъ.

Вчера помѣшали Ауэрб., Черкес. и Гулевичъ. Новаго, впрочемъ,—ничего. Черкес. ѣдетъ въ Неаполь, и Ауэрб. тоже. Послѣдній черезъ десять дней. Они черезъ Флоренцію, и Тата, можетъ, поѣдетъ съ ними. Тхорж. ждемъ между 15 апрѣля и въ концѣ апрѣля съѣздимъ въ Геную.

Когда Лугининъ отправился за границу, отецъ его провожалъ и, разставаясь, снялъ съ него *клятву*, что онъ не будетъ имѣть сношенія съ нами, ни жить въ одномъ городѣ—и онъ далъ ее!

Что дѣлается по части погоды, неслыханно. Недѣли три непрерывная буря съ ливнями, вдругъ съ жаромъ, вдругъ съ холодомъ, вьюга, вѣтеръ и тяжесть. Вотъ зима-то!

◆◆ 1. Въ хроникѣ № 57 «Спб. Вѣдомостей» 1869 г. было напечатано:

«Недѣлю назадъ въ газетахъ было помѣщено извѣстіе о томъ, что издатель нынѣ прекратившагося «Колокола», извѣстный русскій

¹⁾ А. Н. Бахъ.

²⁾ Вопросъ исчерпанъ.

³⁾ Анонимная статья «Вопросъ, представляемый на разрѣшеніе легкой литературы», «Космосъ» 1869 г. I полугодіе № 4; въ № 1 II полугодія была еще статья «По поводу письма Бѣлинскаго, напечатаннаго въ Спб. Вѣд.»

эмигрантъ г. Герценъ, ходатайствуетъ черезъ состоящаго при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ священника Раевского о дозволеніи ему возвратиться въ Россію. По дошедшимъ до насъ слухамъ, это извѣстіе не подтверждается. Достоверно только то, что сынъ г. Герцена, живущій нынѣ во Флоренціи и занимающій въ тамошнемъ университетѣ кафедру профессора физиологіи, обратился къ русскому правительству съ просьбою дозволить ему пріѣхать въ Россію на короткое время съ цѣлью устройства поземельныхъ дѣлъ отца своего, за которыми и понынѣ числится большое имѣніе въ семи верстахъ отъ Костромы, находящееся, со времени отъѣзда владѣльца за границу, въ опекуномъ вѣдѣніи. Чѣмъ разрѣшилось это ходатайство, намъ неизвѣстно.

3504. Письмо къ И. С. Тургеневу.

23 марта 1869.

Villa Filippi.

Очень благодарю тебя за помощь въ омовеніи меня отъ биржевой клеветы. Послать не могу № «Бирж. В.»—онѣ принадлежатъ Филиппону, знаменитому куратору. Въ «Nord'ѣ» было въ сокращеніи то же.

«Temp» напечатали мой отвѣтъ (20 марта); я писалъ въ вѣнскую «Presse», въ «Кельнскую», въ «Indep.», въ «Nord» и въ Спб. «Бирж. В.». Это—самая курьезная штука, помѣстятъ ли.

Кто меня защитилъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ», не постигаю; не Раевскій ли? И о сынѣ моемъ все переверано, и онъ въ Вѣнѣ не былъ, а въ Берлинѣ онъ спросилъ сына канцл. Горчакова, могъ ли бы онъ съѣздить въ Россію, какъ натуралистъ. Горчаковъ сказалъ: «да, я вамъ сейчасъ визирую паспортъ».—А назадъ?—«Ну этого не знаю; хотите я спрошу?»—Да.—И затѣмъ мѣсяца черезъ два официальный отказъ черезъ флорент. посольство. Это я напечаталъ въ «Кол.» (декабрь).

Я въ Россію поѣхалъ бы, но не заднимъ проходомъ, особенно постно-заднимъ—черезъ попа, тоже «объѣвшагося кутьи». Здѣсь очень скучно вездѣ, кромѣ Парижа, гдѣ жить нельзя. Думаю испытать Брюссель. Я никогда не понималъ, почему и ты и Віардо живете по нѣмецкимъ водянымъ мѣстамъ.

Еще два пункта.

1. Я завелъ рядъ картинокъ подъ заглавіемъ «Скуки ради», и двѣ напечатаны въ «Недѣлѣ» (48 № и 10) съ псевдоним. «Ніонскій»; постороннимъ этого не говори, но, если можешь достать, прочти и похлестай.

2. Увѣряю тебя, что ты насчетъ богословія Бакунина ошибаешься. Не только въ Лондонѣ, но въ 48, 47 году въ Парижѣ у него искры деизма не было. Такъ, развѣ, сказалося что-нибудь *sub. rosa* ¹⁾. Я съ его дѣятельностью не совсѣмъ согласенъ, но, все же, онъ—замѣчательная сила. И я думаю, что вопросъ объ индивидуальности и комму-нальности не такъ ставится, какъ ты до него коснулся. ¹

Видѣлъ ли ты, какъ «Космосъ» начинаетъ заголять Некрасову спину, чтобъ пороть за воровство, мошенничество?.. Немезида, какъ слѣдствіе былого, все таки, свое возьметъ.

Засимъ прощай. Еще твоего «Бѣлинскаго» не имѣю.

А. Герценъ.

◆◆ 1. 23 марта Тургеневъ писалъ Герцену: «А Бакунинъ, видно перемѣнилъ свои убѣжденія: онъ въ Лондонѣ, въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ, еще вѣрилъ въ личнаго бога, и въ разговорѣ со мной на старый романтической лады, ходя ночью при лунѣ по улицѣ, осуждалъ тебя за невѣріе. Что жъ? отчего не открыть глаза передъ истиной, но весь вопросъ въ томъ, представляетъ ли подобная демонстрація практическую пользу? Это ли нужно говорить теперь рабочимъ? Одну, развѣ, выгоду онъ представляетъ: если въ цѣломъ мірѣ вообще не существуетъ *gouvernement fort*, то какъ же ему существовать въ социализмѣ? Да, но что же останется тогда отъ социализма? Лассальянцы были и здѣсь, въ Карлсруэ, собирали митинги въ пивоварняхъ и проповѣдывали, но успѣха не получили. Что дѣлать? Я останусь индивидуалистомъ до конца; и новое слово, выдуманное Бакунинымъ,—«*congregationiste*», меня не подкупаетъ; нарушеніе личной свободы я вижу также и въ томъ, что онъ довольно смутно желаетъ представить» («Письма», 202—203).

3505. Письмо къ Н. П. Огареву.

24 марта (1869). Среда.

Хотя я сильно подозрѣваю, что твое письмо, полученное вчера, писано и не 23, и не во вторникъ, но, все же, я его получилъ и зато посылаю вырѣзку изъ «Nord». Смыслъ моей статьи противъ Бакун. простъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты или я написали ему другое, т.-е. *допросъ* (не лично, а общій), для того, чтобъ вытянуть отъ него опре-

¹⁾ Подъ жмелькомъ.

дѣленіе, *въ чемъ* его идеаль? Еслибъ я имѣлъ его рѣчи или что другое, я сдѣлалъ бы. Говорятъ, что онъ проповѣдуетъ совершенное уничтоженіе собственности и семьи (à la Platon, чтобъ родители не знали дѣтей). Но, вѣдь, это вздоръ. И это было бы, дѣйствительно, возвращеніе въ обезьяны и въ скуку однообразія, которую человѣчество, по своему фантастическому элементу, не вынесетъ. Какъ же онъ развиваетъ это?

Жду съ нетерпѣніемъ прочесть тебѣ новый рассказецъ, написанный мной (все тотъ же): докторъ на водахъ повѣствуетъ о смерти якобинца Люкаса Ральера на рукахъ у сына своего, Исидора Ральера, нотариуса, въ день февральской революціи ¹⁾. Это—французамъ орѣшекъ съ горькимъ миндалемъ.

Если ты думаешь полезнымъ, пошли мое письмо «нордовское» въ «*Vind*» или другую газету, въ «*Confédéré de Fribourg*», и прибавь строку въ родъ: «*Comme mon nom a été mentionné dans la même correspondance, je m'associe à la déclaration de monsieur H... etc.*» ²⁾

Тхорж. пишетъ, что возлѣ тебя открываютъ бойню. Это скверно. Сдавай скорѣе Генри, помѣсти Туца и *hâte vom lendement* ³⁾ къ плаванью по сушѣ.

3506. Письмо въ редакцію.

14 марта, 1869. Ницца.

Г. редактору и издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ С.-Петербурѣ.

Милостивый Государь.

Мнѣ только вчера указали въ 44 № «Биржевыхъ Вѣдомостей» довольно длинную статью, въ которой рассказывается о томъ, какъ я въ началѣ года былъ у священника Раевского въ Вѣнѣ и какъ хлопоту чрезъ него о возвращеніи въ Россію. Корреспондентъ вашъ и вы были введены въ заблужденіе. Я въ Вѣнѣ никогда не бывалъ, изъ Ниццы съ 4 декабря дальше Монако не ѣздилъ, съ о. Раевскимъ никакихъ сношеній—*ни личныхъ, ни письменныхъ, ни чрезъ чье-нибудь посредство* не имѣлъ и вообще никакихъ шаговъ, чтобы возвратиться

¹⁾ См. № 3582.

²⁾ Въ виду того, что мое имя упомянуто въ той же корреспонденціи, я присоединяюсь къ заявленію.

³⁾ Готовься съ завтрашняго дня.

въ Россію, не предпринималъ; несмотря на то, что возвращеніе на родину для меня, какъ для всякаго человѣка, находящагося въ моемъ положеніи, было бы однимъ изъ счастливейшихъ событій въ жизни.

Я увѣренъ, милостивый государь, что условія, въ которыхъ поставлена русская печать, не помѣшаютъ вамъ помѣстить мое письмо въ ближайшемъ листкѣ вашей газеты. Вы меня одолжите, приславши на мое имя тотъ № «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ которомъ оно будетъ, по адресу: France, Nice (Alpes Marit.), librairie Visconti.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ

Алекс. Герценъ. ¹

◆◆ 1. Одновременно съ появленіемъ этого письма, 14 марта ст. ст.; въ передовой статьѣ № 71 «Бирж. Вѣдомостей» было, между прочимъ, сказано: «Частное письмо, которое мы имѣли въ рукахъ, говорило, что Герцена сильно понажали собравшіеся въ Швейцаріи русскіе социалисты... Желаніе г. Герцена возвратиться на родину для нѣкоторыхъ кружковъ уже давно не новость: г. Герценъ, около двухъ лѣтъ тому назадъ, положительно высказывался въ этомъ духѣ двумъ почетнѣйшимъ русскимъ писателямъ, свидѣтельства которыхъ нельзя было считать легковѣсными... Мы не хотимъ думать, чтобы Герценъ, посылая свое письмо, думалъ, что опубликованіе его можетъ имѣть какое-нибудь воздѣйствіе на правительство и послужить нашему эмигранту средствомъ опредѣлить состояніе горизонта тѣхъ сферъ, гдѣ должно разрѣшиться: *быть или не быть* «счастливейшему событію въ жизни Герцена»... Много виновный передъ Россіею неоплатными и для многихъ изъ насъ уголовными, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, винами, Герценъ, все таки, человѣкъ, и въ добавокъ въ эти минуты несчастный человѣкъ»...

Письмо Герцена, посланное на имя редактора «Бирж. Вѣд.», попало въ перлюстрацію и затѣмъ было вручено ему черезъ III Отдѣленіе...

Черезъ день въ той же газетѣ была помѣщена громадная передовая статья, происхожденіемъ своимъ обязанная не только перу анонимнаго публициста, но и финансовой прикосновенности газеты къ правительству. Статья очень характерна для своего момента, и потому привожу ее полностью.

«Г. Герцена бесполезно было бы упрекать въ недостатокъ любви къ родинѣ, въ недоброжелательствѣ ей: всѣ подобныя упреки онъ положительно отвергаетъ. Онъ увѣренъ, и не скрываетъ своей увѣрен-

ности, что если кто-нибудь из русских умѣетъ любить Россію и желаетъ ей добра, то это онъ, г. Герценъ, и тѣ, кого «воспиталь» онъ. Стало быть, мы никакъ не можемъ обращаться съ г. Герценомъ, какъ съ сознательнымъ врагомъ страны, въ которой мы рождены, живемъ и желаемъ здѣсь умереть, смѣненные нашими дѣтьми. Г. Герценъ бывалъ строгъ и суровъ съ нами, онъ часто бранилъ насъ съ того берега; но наша родная пословица именно и завѣщаетъ намъ: «Не люби друга поноровщика, а люби друга стрѣчника». Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы свести съ Герценомъ счеты, относительно его работы на пользу Россіи, и въ итогѣ узнать, во что намъ обошлась своеобразная служба его любимой имъ родинѣ. Постараемся это сдѣлать, чтобы дать знать Герцену, какъ новая Россія смотритъ на его прошлую дѣятельность. Заслуги, оказанныя Герценомъ Россіи, по неоднократно напечатаннымъ имъ счетамъ, заключаются главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что онъ «звонилъ въ свой «Колоколъ» въ то время, когда печать въ Россіи безмолвствовала», и что онъ «воспиталь въ Россіи поколѣніе безповоротно социалистическое». Вещь неоспоримая, что Герценъ, дѣйствительно, поднялъ трезвонъ въ то время, когда благовѣсть въ Россіи былъ невозможенъ, и воспиталь хотя не поколѣніе, но очень много людей, бредившихъ социализмомъ и безповоротно погибшихъ для своихъ семействъ, отечества и всякой полезной дѣятельности.

«Герценъ полагаетъ, что онъ имѣетъ для русской цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, такое же значеніе, какое имѣлъ Мартинъ Лютеръ для западной Европы. Онъ считаетъ себя реформаторомъ, и даже великимъ реформаторомъ. Отрицаться отъ этого г. Герценъ, вѣроятно, не захочетъ, да это ему было бы и неудобно, потому что каждому изъ насъ извѣстно, какую большую цѣну и значеніе придавалъ Герценъ и себѣ, и своимъ словамъ, которыя онъ распространялъ посредствомъ «свободнаго типографскаго станка». Мы даже вовсе не хотимъ много и упрекать г. Герцена за его заносчивость и гордыню,—въ нихъ гораздо болѣе повинны обстоятельства, чѣмъ самъ г. Герценъ. Г. Герценъ, человѣкъ съ способностями довольно быстрыми и блестящими, но до крайности односторонними и не глубокими, не могъ не впасть въ ту пѣтушиную спѣсь, которую онъ, повидимому, сохраняетъ до старости лѣтъ. Рожденный въ эпоху нашествія французовъ на Россію, г. Герценъ созрѣлъ для дѣйствованія въ ту пору, когда слово въ Россіи было сковано, и за какіе-нибудь задирательные стишки или за шаловливую пѣсенку людей посылали въ ссылку, какъ за государственное или криминальное преступленіе. Разъ г. Герценъ, подкутивъ съ товари-

щами на какой-то пирушкѣ, спѣлъ весьма глупую пѣсенку, впоследствии напечатанную имъ въ одной изъ книжекъ его *Полярной Звѣзды*. За это пѣніе г. Герцена въ числѣ прочихъ взяли на съѣзжую, а потомъ послали въ Вятку, гдѣ онъ служилъ у мѣстнаго губернатора, былъ членомъ губернскаго общества, мечталъ въ огромномъ саду своей квартиры о своемъ будущемъ величіи и не безъ успѣха ухаживалъ за дамами, а потомъ назвалъ всю эту эпоху своей жизни эпохою «Тюрьмы и ссылки» и, поставивъ въ Лондонѣ печатный русскій станокъ, сочинилъ обо всемъ этомъ іереміаду, которая пробралась контрабанднымъ путемъ въ Россію, и имѣла здѣсь свой успѣхъ. Г. Герценъ, сочиняя и выпуская въ свѣтъ «Тюрьму и ссылку», имѣлъ, конечно, въ виду увѣковѣчить исторію страданій, претерпѣнныхъ имъ въ отечествѣ, и пристыдить то правительство, которое такъ серьезно считалось съ нимъ за его школьническую шалость. По счастью для г. Герцена, ему и въ томъ, и въ другомъ случаѣ была полная удача: общество къ нему разжалобилось и обличило полную готовность говорить о правительствѣ со стороны весьма нелестной. Обстоятельства благоприятствовали г. Герцену неимоверно: цензурный гнетъ не только давилъ, но просто уничтожалъ всякую, сколько нибудь независимую, мысль въ Россіи; читать было рѣшительно нечего. Это было время, когда у насъ, по мѣткому выраженію одного талантливаго современника, «обдумывался и частію уже осуществлялся *проектъ введенія единомыслія въ Россію*». Разномысліе преслѣдовалось съ неумытною строгостью, въ которой дѣятели различныхъ вѣдомствъ соперничали другъ передъ другомъ съ азартомъ, и нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, отличились большими подвигами. Газеты печатали новости, не смѣя полагать своего заключенія ни по одному сообщаемому извѣстію; благороднѣйшіе профессора университетовъ получали безпрестанныя замѣчанія и читали лекціи подъ страхомъ, окончивъ одну изъ нихъ, не попасть на другую, а оттуда еще далѣе. Бѣлинскому, по словамъ извѣстнаго русскаго инвалида Скобелева, «давно была готова казенная квартира въ крѣпости»; москвичи дрожали за судьбу Грановскаго и Кудрявцева. Услужливые послужки размножались, какъ нечисть, и проникали всюду. Покойный «Русскій Златоустъ», высокопреосвященный Иннокентій таврической, однажды, говоря, послѣ своей проповѣди долженъ былъ давать объясненіе по обвиненію въ коммунизмѣ. Всякая тѣнь мысли преслѣдовалась уже до того усердно, что подвергались предварительной цензурѣ транспаранты для письма, на томъ только основаніи, что на нихъ печаталось слово «транспарантъ». Духъ строжайшаго и придирчивѣйшаго надзора

цариль надъ страною, и она бесполезно цѣпенѣла отъ ужаса, навѣ-
ваемого на нее его темными крыльями. Но какъ все это ни было тяжело,
а Бѣлинскій продолжалъ писать свои критики, а Кудрявцевъ съ
Грановскимъ читали свои лекціи, московскій университетъ находился,
говоря словами Герцена, въ апогеѣ своей славы, и Иннокентій, многія
сочиненія котораго были найдены крайне nepозволительными и оста-
вались запрещенными до самаго недавняго времени, продолжалъ
проповѣдывать, и никто изъ этихъ достойныхъ всегдашней доброй
памяти русскихъ людей не искалъ спасенія бѣгствомъ, и не уходилъ
изъ Россіи. Всѣ они продолжали итти своими дорогами, не измѣняя
своимъ благороднымъ убѣжденіямъ: они несли «тяготу другъ друга
и такъ исполняли законъ», котораго Герценъ исполнять не захотѣлъ.

«Отсюда начало возникавшаго величія «дилетанта въ наукѣ и
неисправимаго социалиста».

«Г. Герцену обыкновенный способъ служенія Россіи былъ не по
характеру; ему нуженъ былъ необыкновенный способъ. Мы не го-
воримъ *не по средствамъ*, а именно *не по характеру*. Если мы обратимъ
вниманіе на произведенія г. Герцена, писанныя имъ при наestro-
жайшей цензурѣ въ Россіи, то увидимъ, что цензура тогдашняя ока-
зывалась безсильною противъ него. Преимущество отрицательнаго
пріема въ литературѣ живо сказывалось и тогда уже; обманывая стро-
гость цензуры, Герценъ почти свободно проводилъ свои идеи въ то
время, когда цензоръ подписывалъ транспаранты. Можетъ быть, ему
казалось мало этой свободы, но тѣмъ не менѣе стѣсненіе для г. Герцена
было какъ будто полезно: писавши подъ цензурою, онъ былъ сдер-
жаннѣе и говорилъ дѣла больше, чѣмъ на свободѣ. Лучшія, талант-
ливѣйшія его вещи: «*Кто виноватъ?*», «*Сорока-воровка*», «*Записки док-
тора Крупова*» и «*Письма объ изученіи природы*», написаны имъ здѣсь
подъ тяжестью цензурнаго давленія; на свободѣ онъ не написалъ
ни одной строки, которую ждало бы какое-нибудь долговѣчье, кромѣ
тѣхъ, впрочемъ, строкъ, которыми г. Герценъ оскандализировался
на долгіе вѣка. Его «*Былое и думы*» есть наилучшее, что имъ написано
на свободѣ,—но и оно относительно ниже всѣхъ работъ, сдѣланныхъ
въ отечествѣ,—въ остальномъ же, гдѣ надъ всѣмъ преобладаетъ *мы*,
да *я*, да *фигура моя*, Герценъ просто жалокъ и скученъ.

«Г. Герценъ о себѣ, кажется, не устанетъ говорить вѣчно, что
заимствовали у него и нѣкоторые изъ его учениковъ, на примѣръ,
г. Кельсіевъ.

«Недостатокъ чувства мѣры такъ великъ въ г. Герценѣ, что дѣлаегь
этого человѣка неспособнымъ ни къ какой серьезной дѣятельности.

Его всегда, въ каждую рѣшительно минуту, занимаетъ его собственная позитура, и, бросая свои чернильные перуны царямъ и народамъ, онъ, кажется, самъ, какъ Нарцизь, смотрится въ свою чернильницу. Чуть онъ увидить себя, ему сейчасъ хочется немножко приподнять себя повыше, и у него пойдуть самая смѣшныя и надутыя преувеличенія. Точно такъ же, какъ изъ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ сѣзжемъ домѣ одной изъ московскихъ частей и изъ благополучнаго служенія у вятскаго губернатора, сумѣлъ сдѣлать *тюрьму и ссылку*, онъ на первыхъ же порахъ, какъ только очутился за границую Россіи, сдѣлалъ изъ этого побѣга цѣлую исторію. Г. Герценъ ушелъ изъ Россіи такъ-себѣ, по баловству, по неспособности тянуть домашнюю тягу, какъ тянули ее другіе, не менѣе его честные, не менѣе его умные и ужь, конечно, гораздо болѣе его серіозные, люди: онъ ушелъ, какъ говорится, «ни за что, ни про что», и даже самъ, при всей своей склонности ставить себя на ходули, ни разу не могъ толкомъ объяснить причины и цѣли своей комической экспатріаціи.

«Но что комично теперь, то, при ярмѣ, стѣснявшемъ Россію въ то время, такимъ не казалось, по крайней мѣрѣ, оно не казалось такимъ весьма многимъ. Г. Герценъ возвѣстилъ печатнымъ образомъ о своемъ *разрывѣ съ Россією*, и стѣсненная въ своей свободѣ Россія, вмѣсто того, чтобы захохотать въ глаза этому новому Курбскому, удостоила его окрикъ на отечество вниманіемъ. Административныя лица всполошились, словно ни вѣсть чѣмъ, этою *дорогою* пропажею, и устремили свои взоры на то, чтобы наипаче всего оберечь Россію отъ внушеній этого *ужаснаго* чловѣка. Россія, какъ она ни была сжата и маловоспитана, почуяла, однако, этотъ всполохъ и въ пику власти, скывавшей здѣсь, дома, всякое свободное и резонное слово, распустила уши и начала слушать заграничный бредъ г. Искандера.

«Надворный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Герценъ прямо изъ совѣтниковъ новгородскаго губернскаго правленія попалъ въ «мощные» враги русскаго правительства, во всей его совокупности, и всѣмъ этимъ новымъ значеніемъ своимъ онъ, конечно, прежде всего обязанъ тѣмъ порядкамъ, которые существовали въ Россіи, а потомъ характеру и такту тѣхъ, кто, давая всякую мысль дома, запугался первой пустопорожней угрозы, когда она раздалась изъ-за границы. Одно время въ административныхъ сферахъ просто боялись Герцена. Быть обличеннымъ въ «Колоколѣ» почиталось ужаснымъ несчастіемъ не только для «рядового» чловѣка, но даже для губернаторовъ, директоровъ департаментовъ и другихъ высшихъ чиновъ. Происходили вещи необъяснимыя въ администраціи: ненавидѣли г. Герцена,

не уважали его — и его слушались. Извѣстны случаи, что люди черезъ одно недружелюбное слово, сказанное о нихъ Герценомъ, утрачивали свою репутацію и теряли карьеру. Власть Герцена все усиливалась и усиливалась наперекоръ всякой логикѣ, и тутъ вдругъ съ нимъ случилось то несчастіе, которое съ тѣхъ поръ неустанно преслѣдуетъ его во всей его дальнѣйшей дѣятельности. У г. Герцена закружилась отъ обаянія голова, онъ потерялъ уже совершенно чувство мѣры и понесъ вздоръ. Онъ заговорилъ о назначеніи Россіи, которой не зналъ тогда, какъ и нынче не знаетъ; откапывалъ въ «мужикѣ» прирожденные свойства западнаго социалиста; отождествлялъ социализмъ съ «общиною», однимъ словомъ, что называется, мололъ вздоръ. Ему вѣрили или не вѣрили, но спорить съ нимъ не позволяли: это было внѣ господствующаго порядка. Герцена боялись и слушались, но хотѣли показывать, что его игнорируютъ. Это было наименее несчастнѣйшее изъ многихъ несчастныхъ мѣропріятій тогдашней системы. Герценъ во все это время укрѣплялся, несъ чушь и околесицу, точно древняя пифія, и извергалъ пророчества и прещенія...

«Но настоящую силу г. Герцена составляли не руководящія статьи его химерическаго журнала, а печатаемая въ немъ корреспонденція изъ Россіи. Эти корреспонденціи всегда были свойства обличительнаго и печатались съ уснащеніями и съ такою подправою, что тутъ и великіе, и малые, читая ихъ, чуть не захлебывались отъ удовольствія и повторяли изъ устъ въ уста прозванія, которыми г. Герценъ надѣлялъ государственныхъ людей изъ своего особаго словаря. Харчевенные вокабулы, вошедшіе въ употребленіе у нѣкоторыхъ писателей послѣдняго цикла, всѣ пришли къ намъ съ «того берега», откуда такъ же позаимствованъ и способ обращаться съ имѣнами и репутаціями людей, ни мало не стѣсняясь никакою совѣстливостію. Г. Герценъ одного министра называлъ «трехполѣннымъ», другого «трехпрогоннымъ», третьяго «преобразовавшимся на Фаворѣ»; всѣхъ не согласныхъ съ нимъ писателей называлъ, не стѣняясь, «доносчиками и шпионами», «бульдогоми», «ордынцами», «жалкими лакеями», «тупыми рабами», «стрѣльцами-попами»; всю нашу печать, дружно заговорившую противъ польскаго мятежа, обозвалъ «развратною литературою сбировъ и помощниковъ палачей»; надъ всѣмъ острилъ, шутилъ, иногда плоско, иногда ѣдко, но никогда не церемонился ни съ какими заслугами. Напротивъ, чѣмъ авторитетнѣе было какое-нибудь лицо, тѣмъ больше разыгрывался на него зубъ у г. Герцена. Онъ съ особеннымъ наслажденіемъ набрасывался на личности, пользовавшіяся въ отечествѣ доброю репутаціею, и топталъ въ грязь эти репутаціи съ какимъ-то

сатанинскимъ остервенѣнiемъ. Все это было необыкновенно, непри-
вычно и въ силу этого нравилось. Въ невоспитанномъ обществѣ,
къ которому принадлежали чиновники, подвѣдомые выводимымъ
на позорище государственнымъ людямъ, наглые выходки Герцена
были встрѣчаемы съ восторгомъ. Число невѣжественныхъ почитателей
и корреспондентовъ Герцена росло. Всякій, кто хотѣлъ посчитаться
съ ближнимъ такъ, чтобы этотъ ближній помнилъ этотъ счетъ, писалъ
на него доносъ въ «Колоколь», доносъ иногда основательный, а гораздо
чаще клевету, вздоръ, сплетню, но всегда живую и злую сплетню.
Герценъ все это собиралъ изъ всѣхъ источниковъ и, не справляясь,
чисты ли, грязны ли они, все это печаталъ... Эта неразборчивость,
это незнаніе мѣры въ нападкахъ и погубили Герцена.

«Серіозные люди, которыхъ, разумѣется, было очень мало, смо-
трѣли на это съ ужасомъ. Они давно уже потеряли уваженіе къ дѣя-
тельности Герцена и видѣли, что разсѣиваемая имъ *смута* не поведетъ
ни къ чему доброму, но они не могли этому противодействовать.
Всякое серіозное слово не получало никакого мѣста, ни на нашихъ
кафедрахъ, ни въ печати. Когда г. Герценъ только-что ушелъ изъ
Россіи, умныхъ русскихъ людей удивила та ребячья торопливость,
съ которою «неисправимый социалистъ» спѣшилъ заявить, что онъ
назадъ не возвратится. Этого никто у него не вымогалъ, но у него
у самого это не держалось. Думали, что Герценъ станетъ, можетъ
быть, печатать за границею сочиненія, которыя освѣщали бы русскому
обществу истинное его положеніе и указывали на высшіе идеалы,
къ которымъ оно должно было стремиться въ своей тогдашней задухѣ.
И это была ошибка. Ничего также не послѣдовало: Герценъ только
ругался съ плеча направо и налѣво; обвинялъ въ безчестности
всѣхъ, про кого ему тотъ или другой благопріятель присылалъ какое
нибудь письмецо. Дальше, въ области науки и изслѣдованій, онъ скоро
и безъ всякихъ разсужденій порѣшилъ все разомъ: онъ просто объ-
явилъ, что существующій порядокъ на землѣ вообще никуда не го-
дится, что нужны «новая земля и новое небо», что идеаль его—дере-
вуха Нью-Ленарка...

«Судьба была къ г. Герцену непомерно добра, или ужъ такъ не-
милосердно лукавила съ нимъ, что ему все шло на пользу, но шло на
пользу какъ бы нарочно для того, чтобы онъ забирался все дальше
и дальше и, наконецъ, дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ смѣшного
задора. Герценъ пошелъ смѣлѣе и смѣлѣе: вскорѣ же онъ извѣстилъ,
что чуть было не выпилъ вина за здоровье нашего императора,—
что, конечно, имѣло въ его глазахъ огромное значеніе,—но что онъ

потомъ раздумался и, взявшись за стаканъ, не сталъ пить. Раздумье это напало на г. Герцена потому, что императоръ нашъ неодобрительно держитъ себя по отношенію къ полякамъ, и ужь тутъ пошпи и клеветы на русскихъ дѣятелей, и проклятія за управу съ польскимъ мятежемъ, и призывъ «мужиковъ къ топорамъ», и всякая ложь, пригодная для того, чтобы безчестить Россію, устраивавшую быть польскихъ крестьянъ. «Неисправимый социалистъ» и демократъ окончательно рехнулся и понесъ вздоръ въ защиту тѣхъ самыхъ началъ въ Польшѣ, которая считалъ подлежащими уничтоженію заурядъ во всемъ мірѣ; тутъ онъ стоялъ и за національность (польскую), и за права собственности (у помѣщиковъ), и за неприкосновенность религій (у ксендзовъ). Наконецъ, все это заключилось новою колоссальнѣйшею глупостію: кто-то, вѣроятно, какой нибудь полячекъ,—такъ какъ они большіе охотники распускать ложные слухи,—сообщилъ г. Герцену, что въ Лондонѣ проживаютъ русскіе агенты, имѣющіе порученіе похитить его, г. Герцена, на улицѣ, «какъ Прозерпину», и увезть въ Россію. Г. Герцену, издавна приучившемуся считать себя немаловажнымъ человѣкомъ въ мірѣ вообще, и въ русскомъ въ особенности, не показалось въ этомъ ничего невѣроятнаго, и онъ сдѣлался игралищемъ самой пошлой шутки. Онъ все это напечаталъ безтрепетною рукою и въ азартнѣйшемъ духѣ началъ грозить, что государь будетъ отвѣчать «за каждый волосъ» г. Герцена *«передъ цѣлою Европою»*.

Этимъ было закончено политическое служеніе г. Герцена Россіи *«Россія надъ нимъ расхохоталась»*.

«Несчастное для г. Герцена событіе это имѣло у насъ въ Россіи послѣдствія, весьма благопріятныя для нашего общества; чиновники, видя пошатнувшуюся репутацію «Колокола», перестали выкрадать для него матеріалы секретныхъ дѣлъ канцелярій и писали менѣе сплетенъ; «Колоколь» терялъ интересъ, и для вѣрныхъ слугъ правительства наступила эмансипація отъ далекаго и безцеремоннаго клеветника.

«Вслѣдъ затѣмъ отблагодарила г. Герцена Польша. Польскіе эмигранты въ своихъ заграничныхъ брошюрахъ и парижскомъ журналѣ «*Wacznosc*» предостерегали своихъ не довѣрять ученію г. Герцена, такъ какъ этотъ «росцейскій москаль не знаетъ даже простыхъ правъ человѣка на собственность».

«Для нихъ г. Герценъ съ той поры потерялъ всякое значеніе; и онъ еще значилъ кое что для другихъ, которые, въ свою очередь, имѣли значеніе для насъ, какъ «кость отъ нашихъ костей и плоть отъ плоти нашей».

«Сочиненія г. Герцена; никому нынѣ ненужныя и никого не интересующія съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи печатное слово получило нѣкоторую льготу, расходясь у насъ во время гнета предварительной цензуры, внушили довольно большому числу невоспитанныхъ людей надежду уничтожить нашъ государственный порядокъ, бракъ, вѣру и права собственности. Съ тѣхъ поръ пустыя и несбыточныя надежды эти не переставали занимать ничтожное число головъ, которыя считаютъ себя передовыми. Одни изъ нихъ вѣрили въ это искренно и попали за свои попытки осуществить свои вѣрованія въ каторжныя норы Сибири; другіе, и этихъ больше, притаились, поворотили на службу и служатъ, забывъ многое уже изъ герценовскаго катехизиса; третьи, наконецъ, самые легковѣрнѣйшіе и робкіе, неспособные итти по дорогѣ, выводящей въ Сибирь, и, полные страха оставаться въ Россіи, ударились за границу. Планъ всѣхъ этихъ людей былъ подобенъ планамъ г. Кельсіева: они хотѣли что-то писать и какъ-то дѣйствовать оттуда на Россію. Сбѣжало такимъ образомъ за границу въ разное время немало людей. Всѣ они не умѣли ни работать, ни подчиняться долгу и принципу, и въ самое же первое время своего бродяжничества образовали различныя секты одного и того же ученія, появились соловьицы по Серно-Соловьевичу, позитивисты и даже какіе-то матреновцы. Последняя группа въ нѣсколько человѣкъ шла за нѣкоюю русскою дамою, желавшею основать русскую республику за Пириніями. Между всѣми этими группами не было никакого согласія, и всѣ онѣ носили въ себѣ всѣ задатки самоуничтоженія, но прежде чѣмъ имъ уничтожиться самимъ, они пожелали свести счеты свои съ г. Герценомъ, котораго они за границею увидѣли лицомъ къ лицу, каковъ онъ есть, а не зеркаломъ въ гаданіи. Заграничныя русскіе социалисты придрались къ состоянію г. Герцена и, сопоставивъ достаточную жизнь его съ своимъ горегорькимъ житьемъ, потребовали, чтобы онъ первый показалъ, какъ долженъ вести себя по отношенію къ обществу истый социалистъ. Они пожелали, чтобы г. Герценъ далъ имъ свое состояніе *на общее дѣло*. Требованіе это проповѣдникъ коммунизма нашель почему-то неумѣстнымъ и не исполниль его. Социалисты за это разсердились (что и весьма понятно), и одинъ изъ нихъ, г. Серно-Соловьевичъ, описаль все это въ книжкѣ, въ которой и доказываль, что г. Герценъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *фразеръ, а не социалистъ и что социализму отъ него ожидать нечего*. Жалкое положеніе! Россіи Герценъ сталъ смѣшонъ, поляки выражаютъ, вмѣсто благодарности, недовѣріе, кучка его учениковъ обвиняеть его въ недобросовѣстности: всѣ отступились, всѣ бросили

его, этого пророка Россіи и учителя міра, бросили, какъ пустомелю, ни на какое дѣло неспособнаго.

«Г. Герценъ не выдержалъ. И вотъ въ его послѣднихъ объясненіяхъ передъ закрытіемъ «Колокола» слышатся глухіе и темные упреки собственно своимъ послѣдователямъ. Вообще жизненный путь г. Герцена представляется намъ трагикомичнымъ и въ концѣ больше плачевнымъ, чѣмъ смѣшнымъ: Но, повидимому, онъ еще далекъ отъ того, чтобы выразумѣть всю безвыходность своего настоящаго положенія, которое онъ самъ же себѣ приготовилъ, чтобы принять на себя смиренный, покаянный видъ, единственный, какой только ему къ лицу теперь, въ Россіи. Мы дополнимъ исторію его злоключеній послѣдними извѣстіями. Г. Герценъ пишетъ къ намъ, что онъ имѣетъ желаніе возвратиться на родину. Но прежде, чѣмъ успѣло появиться въ печати письмо, присланное г. Герценомъ редактору «Биржевыхъ Вѣдомостей», другія газеты уже перепечатали письмо Герцена, помѣщенное въ «Кельнской Газетѣ». Въ этомъ письмѣ г. Герценъ пишетъ какъ будто то же самое, что редактору «Биржевыхъ Вѣдомостей», т. е. что онъ имѣетъ желаніе возвратиться, *но* «сомнѣвается, едва ли теперь еще удобно къ тому время въ Россіи». Это уже новость, это опять забавная попытка договариваться съ державою. Но и это все падаетъ прахомъ, когда мы скажемъ (а это вѣрно), что сынъ г. Герцена, прося русское правительство дозволить ему пріѣхать въ Россію для устройства дѣлъ своего отца по его костромскому имѣнію, счелъ своимъ долгомъ прибавить, «что во время своего пребыванія въ Россіи онъ не измѣнитъ убѣжденій своего отца, хотя и не будетъ ихъ пропагандировать».

«Что за непостижимые и удивительные люди—эти господа *«Герценъ и сынъ»!* Что за несчастные болтливые языки у этихъ людей, изъ коихъ старшій считаетъ себя въ правѣ читать нотации государямъ, издавать манифесты и предписывать повелѣнія народамъ, а второй гордо объщаетъ не пропагандировать во время своей поѣздки въ Россію убѣжденій своего отца! Кто проситъ ихъ заявлять объ ихъ политическихъ, экономическихъ и какихъ бы то ни было иныхъ убѣжденіяхъ? Какая безконечно большая охота у этихъ людей гоняться за эффектами, и какой недостатокъ самой нехитрой ловкости избѣгать забавнѣйшихъ положеній, по которымъ они такъ и прыгаютъ изъ одного въ другое! Намъ удивляетъ, и немало удивляетъ, что старшій Герценъ, отвергавшій весь строй государственнаго порядка въ Россіи, даже не знаетъ основныхъ положеній этого порядка. Старшій Герценъ долженъ бы знать, что сынъ его, *до своего никому не нужнаго заявленія о своемъ*

образъ мыслей, даже не имѣлъ никакой нужды въ испрашиваніи особаго разрѣшенія на возвращеніе на родину, такъ какъ, по законамъ нашимъ, сынъ нисколько за поведеніе своего отца не отвѣтствуетъ. Съ него достаточно было простого заявленія о желаніи пріѣхать, и, мы въ томъ увѣрены, онъ не встрѣтилъ бы къ этому никакихъ препятствій. Иное дѣло, когда младшій Герценъ, просясь на родину, съ такою ребяческою наглостью машетъ передъ глазами правительства отцовскимъ знаменемъ, на которомъ написано и «съ топорамъ», и другіе завѣтные зовы «неисправимаго социалиста».

«Приходится краснѣть до ногтей не за этихъ Герцена и сына, до которыхъ нынѣшней Россіи нѣтъ никакого дѣла, а за тѣхъ русскихъ людей, которые нѣкогда вѣрили въ умъ и политическія способности «неисправимаго социалиста», не умѣющаго сдѣлать одного шага, чтобы не насмѣшить цѣлаго царства. Смѣхотворный вождь этотъ не могъ даже не перепортить въ конецъ такого простого дѣла, какъ полученіе собственности, которой не забыла его социалистическая память, и которую Россія такъ обязагательно сохранила въ цѣлости этому «неисправимому социалисту», оскорблявшему имя ея государя и надѣлившему тысячи русскихъ семействъ горестію и срамомъ за дѣтей, погибшихъ подъ выстрѣлами его остроумнаго краснбайства. Краска гнѣва за учителя и стыда за свою близорукость должны остаться на вѣки на лицахъ тѣхъ людей, въ преступныхъ помыслахъ которыхъ таилось желаніе осуществить эффектная фразы, которыя они считали заповѣдями, когда они узнаютъ, до какого смѣшного и нелѣпаго положенія довелъ себя ихъ бывший вождь, именемъ котораго они нѣкогда готовы были клясться.

«Мы кончили. И съ тою же готовностью, съ какою мы исполнили первую просьбу Герцена о напечатаніи его письма, исполнимъ и вторую о присылкѣ ему листа нашей газеты; мы пошлемъ ему, вмѣсто одного, даже два нумера. Какъ одинъ изъ органовъ общественнаго мнѣнія *новой* Россіи, *«уже не нуждающейся въ словѣ»* Герцена, мы высказали *свой судъ* о немъ съ прямою, которая, можетъ быть, будетъ и тяжела и горька «неисправимому социалисту», но которая можетъ поотрезвить его, и съ тою (смѣемъ увѣрить его въ этомъ) независимостью, которой, конечно, бывший диктаторъ русской молодежи не привыкъ признавать въ другихъ. Пусть онъ узнаетъ, что время фарсовъ, эффектовъ, фразъ для Россіи миновало, что для ней смѣшны теперь, не больше, и прежнія и послѣднія проявленія его страсти драматизировать свое положеніе; что въ ней уважаются теперь люди дѣла, а не пустые, хотя и высоко даровитые, фразы. Нашъ судъ

суровъ и строгъ надъ печальною, отчасти вредною, а больше смѣшною заграничною дѣятельностью Герцена, мы сознаемся въ этомъ; но это потому, между прочимъ, что онъ обладалъ счастливыми природными дарами, что отъ него многого можно было бы ожидать родинѣ, если бы онъ, подобно Грановскому, Бѣлинскому и многимъ другимъ честнымъ, хотя и безвѣстнымъ, работникамъ «продолжалъ истинный трудъ и работу на родинѣ и не размѣнялъ своихъ даровъ на мелкую монету проповѣдника и агитатора». Предоставляемъ самому ему рѣшить, въ какой мѣрѣ онъ *психически* приготовленъ къ тому, чтобы перенести то—больше, чѣмъ скромное, и хуже, чѣмъ не блестящее,—положеніе, какое онъ самъ приготовилъ себѣ въ русскомъ современномъ обществѣ. Вотъ нашъ отзывъ на его вызовъ» («Бирж. Вѣд» № 73).

Въ № 95 «Бирж. Вѣд.», цитируя письмо Герцена изъ «Голоса», редакція добавила:

«... Просимъ нашихъ читателей вспомнить, что «Биржевыя Вѣдомости», говоря о г. Герценѣ по поводу присланнаго имъ къ намъ письма, не сдѣлали ни одного, ни умышленнаго, ни неумышленнаго, намека, изъ котораго человѣкъ, не лишенный способности мыслить логически, могъ бы вывести, что мы для г. Герцена «государственный институтъ, черезъ который редакторъ „Колокола“ ходатайствуетъ о правѣ возвращенія». Это одинъ изъ давно всѣмъ знакомыхъ солидныхъ приемовъ г. Герцена по отношенію къ тѣмъ, кто навлечетъ на себя его неудовольствіе»...

3507. Письмо къ сыну.

26 марта (1864)
V. Filippi.

«Похвальный листъ—ведешь себя исправно».

Твое и очень дружеское письмо Мейзенб. и приписочку Ольги я получилъ съ искреннимъ и большимъ удовольствіемъ. Жду подробностей. Какъ же это никто изъ васъ не писалъ, *о чѣмъ* предметъ чтенія? Далѣе, для меня остается загадкой, подать ты въ отставку или тебя заставляютъ подать, и въ какомъ случаѣ *Parlatore* тебя ругаль. Подавать не слѣдуетъ, *à les parguer* ¹⁾ и потомъ отдать, въ случаѣ отставки, все на судъ общественный. Помни одно: всякая строка должна быть написана съ величайшимъ тактомъ и учтивостью.

¹⁾ Чтобъ подразнить.

Посылаю письмо къ Ротшильдъ. Ты, кажется, ошибаешься въ расчетѣ; если у тебя деньги на исходѣ, то ты за цѣлый мѣсяцъ истратилъ впередъ. Тебѣ за полученіемъ этихъ 2,500 фр. въ 69 году придется получить еще 2,500—и баста. 2,050 отдай, послѣ полученія, *тотчасъ* Мейз., 50—Ольгѣ; имъ, разумѣется, съ тѣмъ же промѣномъ въ ихъ полвзу.

Если ты оставишь Spocol'u, зачѣмъ же тебѣ жить во Флоренціи? Поѣзжай къ осени, что ли, въ Германію, попробуй лекціи; я даже бы сѣзидилъ въ Америку. Я хочу пробовать Брюссель вотъ на какомъ основаніи: хочется начать серьезное изданіе всѣхъ моихъ большихъ opus'овъ на французскомъ языкѣ,—въ Швейцаріи ничего не сдѣлаешь, Парижъ антипатиченъ. Въ Брюсселѣ богатые средства для всего и жизнь не такъ Kleinstädtisch¹⁾, даль съ желѣзн. дорогами не существуетъ: Парижъ отъ Брюсселя въ 11 часахъ. Не пожить ли тебѣ въ Парижѣ? Тогда я посовѣтовалъ бы и Татѣ провести время тамъ, хоть два-три мѣсяца. Въ Брюсселѣ Татѣ университетъ, галлерей и пр. Когда Ольга истинно захочетъ, мы найдемъ средства гдѣ-нибудь встрѣчаться, но нельзя же регулироваться по здоровью Мейзенбургъ.

Огар. тоже, если моя рекогносцировка удастся, къ осени собирается переѣзжать. Его здоровье хорошо, т. е. далеко не хуже. Тургеневъ опять въ перепискѣ со мной, интересуется тобой; пошли ему лекцію въ Carlsruhe: Baden, Hotel Prinz Max.

Русскіе журналы говорятъ, что это ты былъ въ Вѣнѣ у Раевского. Странно, что кто-то прежде меня напечаталъ dementi. Мое письмо было въ «Temps», въ «Nord», въ «Siècle», въ «Кельнской Газетѣ».

Продолженіе «Скуки ради» гораздо длиннѣе, уже напечатано, и будутъ еще *четыре* мои статьи.

Терезину цѣлую.

P. S. О полученіи письма сейчасъ пиши.

3508. Письмо къ сыну.

Dr. Herzen.

27 марта (1869). Суббота.

Вчера я тебѣ послалъ письмо страховое и въ немъ цидулка Ротшильдъ въ 4,505 fr.; если ты не получилъ, справься и тотчасъ увѣдомь. Теперь два ?

¹⁾ Маленькій городокъ.

§ 1. А что думаетъ Шиффъ насчетъ Vichy или Carlsbad'a? Щербакоръ разлагаль опять урину; говорить, что сахару довольно, но здоровъ я совсѣмъ. Діеты почти не соблюдаю, однако, ни пива, ни шампанскаго, ни сладкихъ ликеровъ не пью, и, все же, въ $\frac{3}{4}$ на мясной діетѣ. Я, пожалуй, съ Тхорж. пришлю бутылку. Если нужно въ Carlsbad, то я Брюссель отдаю, но, мнѣ кажется, что годъ подождать можно.

§ 2. Заѣхать въ Геную или не заѣхать (изъ Генуи въ Сомо и черезъ Сплюгенъ)? Въ Генуѣ могу осмотрѣться еще—природа тамъ хороша, но есть ли что-нибудь? Кто тамъ изъ общихъ знакомыхъ, кто хорошій докторъ и главнос—*правда ли*, что тамъ безпрестанно эпидемія какъ въ Марсели? Знаетъ же кто-нибудь? Объ этомъ отвѣчай непременно.

Въ Генуѣ я могъ бы остаться мѣсяць или полтора, если Ольга захотѣла бы въ самомъ дѣлѣ пріѣхать недѣли на двѣ, хоть одна (это даже лучше), но все это должно дѣлаться *sua sponte* ¹⁾. Я на годъ все откладываю.

Наконецъ, еслибъ я думаль, что въ Туринѣ можно жить, я пріѣхаль бы туда осенью изъ Брюсселя. Въ Брюсселѣ я надѣюсь крѣпко на толчокъ въ работѣ.

Если тебѣ будетъ опять досугъ полѣ Spescol'ы, принимайся опять за переводъ «Был. и думъ»; я написалъ еще одну злую штуку въ 4-ое продолженіе «Скуки ради».

Во Флоренцію позову Мейз.; не думаю, чтобы поѣхала. Совсѣмъ не то расположеніе у всѣхъ и къ особенному добру это не приведетъ, какъ я видѣлъ по послѣднему инциденту.

Затѣмъ прощай,

Отвѣтъ сейчасъ.

3509. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

29 марта (1869).

Villa Filippi.

Я нѣсколько дней собирался къ вамъ писать, не по дѣлу, а по желанію поболтать. Вы, вѣрно, видѣли, какую штуку надо мною стрясли «Биржевыя Вѣдомости» et comr. Въ «Бир. Вѣд.» была даже длинная статья о моемъ раскаяніи, о томъ, что меня ужаснула «литература

¹⁾ Добровольно.

нѣкогого Эллидина)... Увѣрю васъ: съ фамиліей и съ словомъ «нѣкогого». И намекнуто, что, вѣроятно, меня простятъ.... и жаль, что не прибавили: съ условіемъ принять титуль Кельсіева II. Одна изъ замѣчательныхъ вещей, это то, что прежде моихъ отвѣтовъ (вы, вѣрно, читали въ «Temps», въ «Siècle», «Nord»....) отвѣчала кто-то въ «СПбург. Вѣдомостяхъ», что это—не правда. Видно, еще есть друзья.

Вѣроятно, ваша возьметъ, и я къ лѣту поѣду на рекогносцировку въ Брюссель. Говорятъ, только климатъ болыо скверенъ и вѣчная лихорадка и тифы (а ргорос, правда ли это? Вы выдаете медиц. авторитеты).

Въ Брюссель меня манить, собственно, желаніе заняться изданіемъ «Былого и думъ» и еще кой-кикихъ моихъ штифтовъ на французск. языкѣ. Поговорю съ Ласгоіх; Дантю важень, глупъ и скученъ. Что вамъ Бальеръ? Я даже былъ бы готовъ начать печатать въ «Revue Moderne». Для «R. des Deux-Mondes», несмотря на однажды писанное мнѣ очень учтивое письмо Бюлоза, я думаю, цвѣтъ не подходящій. Какъ ваше мнѣніе?

Я остаюсь здѣсь до 20 апрѣля, потомъ въ Генуѣ и, медленно торопясь, черезъ Сплугенъ.

Сынъ мой имѣлъ публичную схватку съ Парлаторе (который на мѣстѣ Матеуччи) и до того одержалъ викторію (онъ въ отвѣтъ ему читалъ публичную лекцію), что, вѣроятно, долженъ подать въ отставку. У него серьезный талантъ фортрага ¹⁾ и популярнаго изложенія. Я совѣтую ему пожить въ Парижѣ, послушать вашихъ профессоровъ и потомъ махнуть въ Нью-Йоркъ. Онъ по-англ. говорить и пишетъ совершенно свободно.

Нат. Ал. и Тата вамъ кланяются. Весна отвратительная. Представьте, что еще слѣды вариолита остались у Т.

Какую глупость сдѣлалъ Чернецкій, подписавъ со стороны хозяевъ типографовъ свое имя въ дѣлѣ гревы ²⁾. Бакунинъ преуспѣваетъ. Отъ Тургенева вдругъ получилъ *соур сиг соур* ³⁾ три письма совершенно мирныя; онъ въ Карлсруэ.

Загѣмъ прощайте. Наше прислалъ микроскопъ,—хорошъ; я ему написалъ, чтобъ онъ тирировалъ на меня вексель (по его же предложенію), но векселя никто не представлялъ. Можетъ, потому что я его спросилъ, отчего у васъ написано 80 фр., а у него 90?

Будьте здоровы.

А. Герценъ.

¹⁾ Докладъ, лекція.

²⁾ La grève—локаутъ.

³⁾ Разъ за разомъ.

Здѣсь проѣзжалъ Черкесовъ съ не похудѣвшей супругой и домашними; поѣхалъ къ папѣ Пію IX на куличъ и пасху. Я и не зналъ, что онъ вамъ доводится какъ-то сродни. ¹

Въ «Недѣлѣ» № 10 вторая статья Ніонскаго и довольно длинная, безъ малѣйшаго пропуса.

◆◆ 1. Въ августѣ 1866 г. книжный магазинъ Н. А. Серно-Соловьевича былъ закрытъ правительствомъ. Между тѣмъ, рѣшеніемъ третейскаго суда А. А. Черкесовъ былъ признанъ собственникомъ магазина и библіотеки, какъ вложившій въ дѣло, послѣ ареста своего друга, 10,000 р. Въ ноябрѣ 1867 г. Черкесовъ просилъ открыть магазинъ и библіотеку, чтобы постепенно ихъ ликвидировать и уплатить долги (около 20.000 руб.), соглашаясь даже вознаграждать особое лицо, поставленное для этого со стороны власти.

Справка III Отдѣленія показала, что къ тому времени «Черкесовъ разошелся съ Герценомъ», поэтому оно полагало, что магазинъ можетъ быть открытъ, а библіотеку надлежало держать закрытой, иначе «по приобрѣтенной ею извѣстности, конечно, будетъ привлекать къ себѣ разные двусмысленныя личности».

Съ редактора-издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей» Трубникова (женатаго съ Черкесовымъ на родныхъ сестрахъ) была взята подписка въ томъ, что онъ ручается за законность дѣйствій Черкесова и принимаетъ на себя отвѣтственность за него. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ компромиссъ и для библіотеки: книги должны были быть выдаваемы только для чтенія на дому. III Отдѣленіе не возражало, и потому магазинъ и библіотека были открыты въ январѣ 1868 г. временно, до ликвидаціи.

Въ апрѣлѣ 1868 г. новгородскій жандармъ сообщилъ, что на выборахъ земскихъ гласныхъ Череповецкаго у. Черкесовъ организовалъ свою партію, былъ выбранъ подавляющимъ большинствомъ крестьянъ на волостныхъ собраніяхъ нѣсколькихъ волостей и провелъ своихъ единомышленниковъ. «Консервативная часть общества очень возмущена, прибавляя, что правительство скоро раскается и въ томъ, что дозволило ему на Невскомъ пр. открыть книжную лавку и даже съ читальней». Шуваловъ рѣшилъ библіотеку закрыть, а для магазина дать опредѣленный срокъ существованія. Министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ достаточнымъ имѣть за предпріятіемъ Черкесова наблюденіе и, если будетъ замѣчено желаніе его уклониться отъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, то назначить срокъ окончательной ликвидаціи.

Въ октябрѣ, послѣ личной бесѣды съ Черкесовымъ въ Киссингенѣ, Шуваловъ разрѣшилъ ему открыть книжный магазинъ и библиотеку съ читальней въ Москвѣ для обезпеченія долга живущей тамъ его сестры, а въ Спб.—кабинетъ для чтенія; тогда же съ Черкесова были сняты и политическій надзоръ. Въ маѣ 1869 г. III Отдѣленію стало извѣстно, что Черкесовъ съ А. С. Суворинымъ разрабатываютъ проектъ общедоступной народной читальни въ Москвѣ. «Читальня эта, если она состоится, вѣроятно, будетъ не что иное, какъ новое и исправленное изданіе прежней читальни Серно-Соловьевича». «Имѣть въ виду»—помѣтилъ на донесеніи агента Мезенцовъ. Въ июлѣ, въ виду избранія его въ столичныя мировыя судьи, Черкесовъ просилъ разрѣшенія передать отвѣтственное завѣдываніе своимъ дѣломъ своему компаніону отстав. подпоручику Василю Яковлевичу Евдокимову. Спб. оберъ-полицейстеръ Треповъ аттестовалъ послѣдняго съ хорошей стороны, но III Отдѣленіе имѣло о немъ другія свѣдѣнія. Въ 1866 г. Евдокимовъ былъ «совершеннымъ представителемъ типа, извѣстнаго подъ именемъ «нигилистъ». Идеи свои Евдокимовъ выражалъ открыто и распространялъ всюду, еъ видахъ чего занимался легковымъ извозомъ, не нуждаясь въ насущномъ хлѣбѣ. Являлся въ Думу за полученіемъ билета самъ, одѣтымъ въ бархатной поддевку и шелковыхъ шароварахъ. Евдокимовъ находился въ 1866 г. въ дружескихъ отношеніяхъ съ Павломъ Михайловымъ, братомъ политическаго преступника, былъ участникомъ въ его бесплатной школѣ, швейной мастерской и въ издательской артели и по образу мыслей своихъ и поведенію признавался тогда рѣшительно вреднѣе другихъ своихъ сотоварищей нигилистовъ».

Въ декабрѣ 1869 г. Черкесовъ сидѣлъ въ крѣпости: у него въ московскомъ магазинѣ были найдены воззванія, бумаги революціоннаго характера и шрифтъ (такъ сказано въ бумагѣ) «Московскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго союза» и «комитетъ» (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 3 эксп. 1867 г., дѣло № 168).

3510. Письмо къ Н. П. Огареву.

31 марта (1869). Среда.

«Голось» помѣстилъ (№ 70) *цѣликомъ* мое письмо изъ «Кельнской Газеты». Вотъ тебѣ и доказательство, что *слѣдовало* писать умѣренно. За это ему спасибо. Я зналъ, что свиданіе съ Бакун. тебѣ будетъ и весело и полезно. Получая свѣдѣнія о мірѣ и вселенной только отъ

Тхор., ты не написал бы даже и Соколовскаго «Мірозданія». Еі т.-е. Бак., мнѣніе о статьѣ интересно; онъ бы написалъ, я бы отвѣчалъ. Молодые бы учились полемикѣ безъ потасовки, а можетъ, и еще кое-чему.

Употреби все: лесть, подкупъ, богу свѣчку, молитву, чтобы Чернецкаго уткнуть въ кооперацію, а тамъ—не только Серно - Солов., но, если Соловей-разбойникъ дастъ капиталъ. И отчего же онъ не будетъ имѣть голосъ, внося типографіей? (А ргорос, онъ же такъ ясно видѣль, что значить имѣть свой голосъ по дѣлу гревы!). Требуи, чтобы Бакун. уладилъ, только сними его съ меня, съ насъ...

Здѣсь содержатель Pension Russe изъ ревности посадилъ какому-то молодому человѣку *четыре* пули въ грудь, пятую—своей супругѣ (а она была публичная женщина), но ее не убилъ, а тотъ тутъ же умеръ. И это ночью съ субботы на Пасху. Вотъ какіе отел'чьи нравы здѣсь.

Н. В. и џ Не могу ли я какъ помочь моимъ финансовымъ авторитетомъ Чернецкому для вступленія въ ассоц.? Ех. gr., отвѣтственностью за него до такой-то суммы и пр.?

Къ вашимъ снѣжнымъ утесамъ идутъ и здѣшніе. Такой зимы на югѣ я не видалъ: дождь, туманъ, тучи и тяжесть, мѣшающая спать и мѣшающая не спать. Я дошелъ до новой истины: не климатъ слѣдуетъ искать, а просто теплую, хорошо устроенную квартиру. Ты въ Женевѣ, я въ Ниццѣ не выходимъ изъ анжелюръ¹⁾. Устроить себѣ слѣдуетъ берлоги.

На его отвѣтъ
требуется!

1 апрѣля.

Отъ Тх. получилъ 640 фр.; это до 1 іюня, скоро тебѣ придется еще за Туца; не лучше ли ихъ припасти къ концу года? Вычеты за Астрак. не принимаю; это не хорошо и деньги ей отданы отъ меня. Засимъ твоихъ денегъ 4.600.

Если твои сапоги хороши, закажи тотчасъ другіе.

Прощай.

2 апрѣля.

Отъ Сат. письмо; въ немъ о твоихъ дѣлахъ. Сат—на считаетъ, что они тебѣ должны 63,000 руб., стало, 220,000 фр.; могли же бы, стало, посылать ашпенэ 10.000, ну, наконецъ, 8. У тебя, стало, за всѣми

¹⁾ Опухали отъ холода.

долгами останется немного. Но она пишетъ, что дѣла идутъ плохо, и даже для Мишель ¹⁾ не прислала 300 фр.

Саша пишетъ, что остается въ Спеколѣ и имѣеть разныя надежды.

Прощай.

3511. Письмо къ сыну.

1 апрѣля (1869). Четвергъ.

Въ ожиданіи твоего письма я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу того, что ты писалъ Татѣ. Начну съ того, что Брюссель я выбралъ не по карпизу и не по вкусу (кто выберетъ *par goût* ²⁾ такой климатъ?), но потому, что для меня ясно, что работать слѣдуетъ, хоть бы для большого изданія съ поправками всего писаннаго и для продолженія начатаго. Мнѣ нужно то, чего Огар. совсѣмъ не нужно: *Anpegung* ³⁾ со стороны среды; ее ни въ Швейцаріи, ни въ Италиі нѣтъ, а въ Брюсселѣ и Парижѣ есть. Къ тому же это—книпродавческій центръ. Теперь спрашивается, неужели Ольга и Мейз. не могутъ прожить мѣсяцевъ 8 въ году въ Парижѣ? Это будетъ дороже стоить, но это—настоящая страница воспитанія; изъ Парижа пріѣхать имъ ко мнѣ, мнѣ къ нимъ и даже Татѣ къ нимъ нетрудно. Какъ же можно жизнь Ольги располагать исключительно по здоровью Мейз.? Къ тому же дома вездѣ лучше устроены, чѣмъ въ Италиі. Наконецъ, я думаю, что и тебѣ не истинное мѣсто во Флоренціи. Помни, что въ наше время нѣтъ серьезной собственности, кромѣ той, которая основана на работѣ. Гдѣ работа въ Италиі? Думай объ этомъ очень и напиши.

За Туца я Ог. заплатилъ часть и остальное заплачу, но, все же считаю, что его лучше бы отдать въ школу. У васъ будетъ Черкесовъ съ женой, Гулевичъ съ женой (Ольга очень могла бы брать уроки у его жены; кстати, онъ ѣздитъ подъ псевдонимомъ Дольмеръ), Ауэрбахъ съ женой. Далѣе Тхорж. является сюда 15 и тогда опредѣлимъ цѣль пріѣзда Таты. Ею я все также доволенъ; она лучше всѣхъ знаетъ меня и знаетъ симпатично; жаль, что въ ея характерѣ такая *Ttägheit* ⁴⁾. Пусть она поживетъ съ вами и, когда захочетъ, возвратится. До письма прощай.

¹⁾ Гувернантка Тучковых.

²⁾ По вкусу.

³⁾ Возбужденіе.

⁴⁾ Вялость, медлительность.

Что за L. D. Canossa проживаетъ въ Генуѣ въ какой то Associazione dei Reduci delle Patrie Battaglie (я даже этого заглавія въ толкъ не возьму)? Онъ проситъ у меня указать источники для исторіи политической литературы въ Россіи. Если ты объ немъ что-нибудь знаешь, напиши. Ему слѣдовало бы дать «Du dévelop. des idées» и «Kолокол». 1 апрѣля здѣсь стужа; зима была ужасная вся; въ чемъ же выгода этой полосы? Надобно теплыя квартиры и не бояться мороза.

2 апрѣля.

Твое письмо отъ 29 мѣняетъ дѣло. Конечно, если ты можешь получить высшее назначеніе,—надобно остаться, да, сверхъ того, надобно и очень серьезно работать. Я очень желаю, чтобы тебѣ удалось. Никакихъ журналовъ ты не присылалъ ни о себѣ, ни о моемъ возвращеніи. Было? и гдѣ было?

Съ Ольгой я могу гораздо лучше столкнуться письменно; я ей пришлю первое посланіе съ Татой. Заѣзжать на двѣ недѣли—такой же вздоръ, какъ и Prangins. Въ ней съ развитіемъ мысли разовьется потребность узнать меня, и я не боюсь. И если чего боюсь, такъ это, что Мальв. будетъ ее инфлиансировать на бракъ, несмотря на всѣ протестаціи. Что она ее сдѣлала больше чужой, чѣмъ слѣдовало, это ясно; что она хотѣла этого, это вырывалось нѣсколько разъ.

Въ силу всего этого легко можетъ быть, что я отсюда прямо проѣду Марселью въ Брюссель, *sonder le terrain*¹⁾. О Парижѣ ты съ Мальв. поговори; давно ли Парижъ ей казался раемъ? Весь кругъ Вырубова, Реклю и Мишле имъ открытъ, и Бамбергера. Можно переѣхать въ самые жары, въ іюль. Впрочемъ, на *детали* я не имѣю точнаго плана, а главная линія такъ, какъ писалъ.

Помѣсти Тхоржевс. не въ очень дорогой трактиръ, въ нашъ Pension Americain, въ новомъ Викѣ.

Вы его поласкайте *roso rochino*²⁾; вѣроятно, онъ пробудетъ дней 8—10. Пойте его флорентинск. *Rochino*, чтобы добромъ *поминалъ*.

Прощай.

Терезину и Ольгу обнимаю.

Напиши, получили ли деньги и сколько промѣну. Жить вамъ на эти деньги до 1 сентября,—вытягивай. Тата будетъ приплачивать свои *contingent*³⁾.

¹⁾ Пробовать почву.

²⁾ Немножко.

³⁾ Пай, доля.

3512. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 апрѣля (1869). Суббота.

Въ 6 часовъ ваше письмо, а въ 9 Мечниковъ вождельно прибылъ,— Мечниковъ въ сопровожденіи двухъ малороссовъ большого роста. Сегодня мы съ нимъ объдаемъ въ русскомъ трахтирѣ (который, увы, для Тхорж. закрывается 15-го). Что же ты это наморозилъ о его мѣстѣ у Шувалова? Что за женская школа у m-me Goegg ¹⁾? Въ Женевѣ были слухи насчетъ того, что Nat. туда хочетъ отдать Лизу. Это мнѣ показалось ороскопически. Я теперь *противъ всякой отдачи*—талантливая натура ея побѣдила препятствіе,—но за хожденіе. Прошу Тхорж. сообщить мнѣ всѣ подробности; можетъ, и въ самомъ дѣлѣ нѣчто.

Very important ²⁾.
 Деньги, т. е. чекъ, отправилъ вчера къ Тхорж.; для тебя 500 + 140. У всѣхъ болитъ голова. Солнце жогетъ, въ тѣни ледяной вѣтеръ, въ комнатахъ стужа.

Саша и не думаетъ выходить въ отставку, ждетъ вышшаго назначенія. Пока все.

Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ время печати въ Россіи не пришло? («Недѣлю» я не получаю, и на послѣднее письмо отвѣта нѣтъ). Но что заграничной печати время прошло,—это тоже ясно. Если ты можешь поставить на ноги утячій журналъ старыми «Московскими Вѣд.», это хорошо. Но какъ сдѣлать, чтобъ утятамъ передать гусиный умъ и лебединую бѣлизну? Мнѣ кажется, что всѣ они представляютъ помойную яму самолюбія и бездарности. Желая ошибиться. Мечниковъ, разумѣется, умнѣе ихъ и образованнѣе.

Приб. къ «Колоколу», будто, возможно? Не лучше ли такъ пустить листкомъ или сказать въ подстр. зам.: «Намъ прислали въ «Колок.»... etc.»?

Что «Конфедере» не прислалъ—хорошо: ни одинъ № не проходить. Предпослѣдній «Пуншъ», «Голось» и 8 «Эгалите» не пришли.

Съ почтеніемъ.

Очень прошу подробностей о Гѣговомъ пансіонѣ.

¹⁾ Ея мужъ Armand Goegg былъ представителемъ буржуазной мысли на конгрессѣ Интернаціонала.

²⁾ Очень важно.

3513. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 апрѣля (1869). Понедѣльникъ.

Пошло писать: 1) Въ Петерб. закрыта Медико-Хир. академія за безпорядки. 2) 4.000 подписей требуютъ у васъ въ Генфѣ ¹⁾ мѣры строгости противъ работниковъ и 3) въ Парижѣ группа социалистовъ вызываетъ на публичное состязаніе 1.500 человекъ по назначенію депутатовъ камеры, изъ купцовъ, адвокатовъ, профессоровъ. Es geht bunt zu ²⁾. Къ этому снова слухи о войнѣ.

6. Вторникъ.

Пятьдесятъ семь лѣтъ начались странно и хаотически. Вчера я былъ съ Мечник. и его макаронами въ Монако. Его пріятель ³⁾, выигравшій 65.000, отправилъ 50 т. въ Россію и пожелалъ рискнуть 8 т. Съ неимовѣрнымъ счастьемъ онъ выигралъ въ рулетку—и въ 30—40 въ четверть часа 18 т. и въ слѣдующую четверть проигралъ 28.000. Мечниковъ не утерпѣлъ—пустился съ 200, что-ли-то, выигралъ 3.000 и спустилъ все. Я отъ скуки поставилъ 50 фр. и сейчасъ убили. Затѣмъ я купилъ отличныхъ сигаръ и всѣ потерялъ. Пріѣзжаю въ часъ ночи домой—Nat., Тата, всѣ сконфужены: Черкесова дочь (они близко живутъ) при смерти, ни отца, ни матери нѣтъ; Трубникова телеграфировала въ Римъ, Неаполь, Флоренцію,—нѣтъ отвѣта. Мы телеграфировали Ольгѣ и ждемъ. Робертъ говоритъ, что надежды мало; бѣдныя, какъ ихъ будетъ мучить совѣсть. И зачѣмъ они не взяли ребенка съ собой?

Я случайно пересмотрѣлъ свои «Концы и начала»—и пришелъ къ заключенію, что сборникъ новый необходимъ съ исправленнымъ слогомъ (бездна неясныхъ оборотовъ). Если у Тхорж. есть подъ рукой «За пять лѣтъ» 1-я часть (мои статьи) или у тебя, я попрошу его привезти.

Сегодня первый ясный день. Вотъ весна-то была!

Прощай.

Мудрено созданъ свѣтъ: только-что мы всѣ показали готовность помогать Трубниковой, узнали, что она по телеграфу выписываетъ Серно-Соловьевича сюда, въ силу чего я, конечно, отрегируюсь. ¹

¹⁾ Женева.

²⁾ Идетъ суматоха.

³⁾ Ковалевскій.

Окончаніе Сашиной брошюры весьма хорошо. Я только-что получилъ.

Письмо отъ 5-го получилъ. «Доктора» за то, что онъ нравится Бакунину, пришли съ Тхоржевскимъ, а Бак. скажи, что продолженіе «D-g» несравненно лучше.

Прокламація къ студентству не того, просто шлехтердыревато ¹⁾

◆◆ 1. Для историковъ польскаго революціоннаго движенія отъбчу сообщеніе Огарева Герцену отъ 30 марта, что Цверцякевичъ былъ въ одной изъ женевскихъ больницъ, убѣжалъ оттуда, еще разъ попалъ и снова убѣжалъ (Румянц. музей).

3514. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 апрѣля (1869). Среда.

Ребенку Черкесова лучше. Онъ, вѣроятно, приѣдетъ сегодня, и сегодня же, вѣроятно, уѣдетъ Мечниковъ.

Пошлю тебѣ сегодня или завтра «Биржев. Вѣдом.» съ длиннѣйшей статьей обо мнѣ. Пожалуйста, успокойся насчетъ ея толкованія. Кромѣ пользы, отъ этого ничего не выйдетъ: 1-ое, я буду отвѣчать; 2-ое, я поясню, на какихъ основаніяхъ я могу возвратиться; 3-е, все же, русскому обществу будетъ извѣстно, что я хочу возвратиться—и 4-ое, для меня теперь ясно, что все вмѣстѣ—грубое предложеніе, сдѣланное съ вѣдома правительства. Переписка объ этомъ будетъ насъ безъ «Колок.» держать à flot ²⁾). Отвѣтъ я напишу ему въ нѣсколько словъ для Петер.; другой напечатаю, но въ формѣ ли письма или «Приб.» къ «Колоколу», это—вопросъ.

Въ «Вѣстникѣ» Каткова есть мнѣ отвѣтъ на мою статью. Ее необходимо имѣть.

Засимъ прощай.

3515. Письмо къ сыну.

7 апрѣля (1869). Среда.

Во-первыхъ, о твоей лекціи: она превосходна, ясна и мастерски закончена. Я ее прочелъ in un tratto ³⁾ и замѣтилъ въ ней одинъ lapsus linguae ⁴⁾, который необходимо исправить и который сильно портитъ

¹⁾ Schlechter—слабый, дурной. Рѣчь идетъ о прокламаціи, напечатанной на стр. 461—463 «Писемъ» Бакунина. См. далѣе.

²⁾ На виду.

³⁾ Въ одинъ приемъ.

⁴⁾ Оговорка.

единство. Къ чему нелѣпное выраженіе на 27 стр. «la providenza ha così ordinato»¹⁾—для того, чтобъ дѣльно замѣтить на 28, что Дарвина *ingiustamente*²⁾ обвиняли въ введѣ providenzы въ природу? Я понимаю, что это—оборотъ, *une manière de dire*³⁾, но въ положительной лекціи оно не идетъ. Остальное хорошо, хотя и коротко. По-моему, одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, это именно—воспроизведеніе типовъ, натуральная *eredità*⁴⁾. Итакъ, поздравляю отъ души и обнимаю. Совѣтую послать экзempl. Выруб. и въ «Pensée Nouvelle» Фогту. Пришли мнѣ съ Тхорж. 5 экз., я ихъ употреблю на дѣло.

На-дняхъ ты увидишь Мечникова; онъ поумнѣлъ и пишетъ очень хорошія вещи. Его пріятель выигралъ въ Монако 65,000, потомъ 12... потомъ проигралъ (при мнѣ) 28 и выписалъ его изъ Женевы, чтобъ вмѣстѣ проѣхаться по Италіи и потомъ, вѣроятно, проиграть *les beaux restes*⁵⁾.

Прими Мечникова *sympatisch*. Въ Россіи опять студентская исторія. Академія (Медиц.) въ Петербургѣ закрыта, много студентовъ арестовано.

Тхорж. пріѣдетъ 15 числа; я, *omni casu*⁶⁾, ѣду въ Брюссель, если не для того, чтобы остаться дольше осени, то для того, чтобъ тамъ основать прочныя книгопродавческія связи—это дѣло рѣшенное. Но стоять ли ѣхать Генуей—не знаю. Если бы Ольга особенно хотѣла въ маѣ провести у насъ *недѣли двѣ*, въ Геную она могла бы пріѣхать безъ Meusen. съ Тхоржев.; если же она не больно желаетъ, то я отложу все это, можетъ, до весны и поѣду прямо на Дижонъ въ Брюссель. Помни, что я тебѣ писалъ о Парижѣ; я берусь ихъ устроить и желалъ бы, чтобъ ты мнѣ написалъ просто и ясно, какъ твоя лекція, и скоро, какъ путешествуетъ Касаткина; отвѣтъ мнѣ нуженъ до Тхоржевскаго. Всѣ объясненія потомъ сдѣлаетъ Тата. Мы всѣ видѣлись слишкомъ недавно, чтобъ натягивать и дѣлать большія траты. Пусть Тата поживетъ съ вами и пусть, когда захочетъ, пріѣдетъ назадъ. Я почти увѣренъ, что ей со мной хорошо.

Затѣмъ обнимаю.

¹⁾ Провидѣнье такъ устроило.

²⁾ Несправедливо.

³⁾ Способъ изложенія.

⁴⁾ Наслѣдственность.

⁵⁾ Прекрасные остатки.

⁶⁾ Во всякомъ случаѣ.

3516. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 апрѣля (1869). Четвергъ.

Чудеса да и только: черезъ часъ послѣ отправленія письма и «Бирж. Вѣд.», я получилъ 73 № той же газеты, тамъ статья колоннѣ въ 5 ругательствъ à mon adresse. Это ужъ за то, что я не возвращаюсь; между прочимъ, они говорятъ, что моему сыну не было препятствій ѣхать въ Россію, и что русское правительство не мститъ дѣтямъ за преступленіе отца, доказательствомъ тому,—что оно сохранило мое имѣніе. Далѣе я представленъ какимъ-то безумнымъ диктаторомъ и шутомъ. Замѣть, что я ничѣмъ не вызвалъ со стороны «Бирж. В.» этихъ статей. Вчера (по несчастію, до полученія 73 №) я писалъ въ редакцію «Голоса» нѣсколько сухихъ строкъ съ просьбой помѣстить. Придется писать длинный отвѣтъ. Но для этого мнѣ необходимъ «Рус. Вѣстникъ».

Это—одна сторона. Посмотримъ другую. Я замѣчу только, что такія статьи, въ концѣ концовъ, полезны и совершенно противоположно дѣйствуютъ на публику. Вторая сторона покажетъ тебѣ, какъ я былъ правъ въ злости, исполненной ненависти къ намъ эмигрантовъ второго порядка.

Вчера, какъ только ребенку Черкесова стало лучше, m-me Трубникова имѣла объясненіе съ Nat., смыслъ котораго тотъ, что такъ какъ Серно-Сол. пріѣзжаетъ сегодня, то, зная его отношенія ко мнѣ, она думаетъ, что ему и намъ будетъ неприятно, что мы видаемся; что она, уважая меня, знаетъ, что я передъ Сер.-Сол. очень виноватъ, и что онъ, Сер.-Сол.,—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашего времени... Время, должно быть, настанетъ для объясненія съ чужими и своими. Я обдумываю двуглавую статью.

Мечникъ сегодня уѣзжаетъ во Флоренцію и Неаполь. Ковалъ. взялъ-таки всѣ деньги съ собой—его, онъ ихъ проиграетъ.

Отъ Выруб. письмо. Тургеневъ былъ въ Парижѣ. Выруб. и Фонтень въ ликованіи, что я хочу зондировать Брюссель (7 часовъ отъ Парижа). Выруб. пишетъ, что въ одной вѣнской газетѣ означенъ отель, въ которомъ я жилъ, и число, когда я былъ въ посольствѣ. Экъ ихъ! Антоновичъ и Ю. Жуковскій напечатали обвинительную книгу на Некрасова¹⁾. Смотри, какъ бы его воровство у тебя не

¹⁾ «Матеріалы для характеристики современной русской литературы», Сиб., 1869.

вышло. Въ «Бирж. Вѣд.» уже былъ намекъ. Сенаторъ графъ Ламбрускини написалъ противъ Саши статью ¹⁾. Левъ Алекс. ²⁾ никогда не писалъ статей.

Прощай.

Р. S. Вложенное письмо отдай тоже Тхоржевскому.

Щебальскій напечаталъ отрывки изъ «Записокъ» Екатерины по нашему изданію.

3517. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

9 апрѣля (1869).
Villa Filippi.

Благодарю васъ за ваше письмо и за всѣ сообщенія. Я хотѣлъ бы издать на франц. три вещи, пожалуй, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: 1-ое—«Былое и думы», начиная съ трехъ томовъ перев. Делаво (я его поправлю) и прибавляя къ нимъ еще три или два; 2-ое—сборникъ повѣстей—«Кто виноватъ?», «Сорока-воровка», «Круповъ» etc, etc, изъ которыхъ часть переведена уже—изъ этого выйдутъ два тома. 3-е—Выборъ политическихъ и социальныхъ статей—два тома: 1) «Съ того берега», 2) *Varia* ³⁾). Къ концу я приложилъ бы эпилогъ и къ началу политической части—предисловіе. Пока только. Это выйдеть 7 или 8 томовъ обыкновеннаго формата. Редакцію перевода я могу взять на себя, но переводить всего не могу, стало, за переводъ надобно платить (париж. цѣнъ я не знаю, но думаю, что онѣ не меньше 75 фр.). Нельзя же, наконецъ, на всемъ изданіи не выговорить и себѣ, если не львиную часть, то скромную *taxa laborum* ⁴⁾).

Остервѣненіе русской офиціозной прессы противъ меня заставляетъ меня думать, что это—отеческое приглашеніе домой, какъ *carpatio benevolentiae* ⁵⁾; они бьютъ сначала въ рыло, это національно.

Уговаривалъ же меня М. П. Погодинъ возвратиться, представляя Соловецкій монастырь въ перспективѣ. Если вы можете достать 71 и 73 №№ «Бирж. Вѣдом.», вы увидите статьи въ 4, 5 колоннѣ, исполненныя ругательствъ. Я не читалъ еще статьи въ янв. «Русскомъ Вѣ-

¹⁾ Рафаэль, итальянскій педагогъ и политич. дѣятель; статья помѣщена въ его журналѣ «Le Nouvelle Anthologie».

²⁾ Яковлевъ, «Сенаторъ».

³⁾ Разное, смѣсь.

⁴⁾ Оплата труда.

⁵⁾ Домогательство благоволенія.

стникѣ»—нѣкоего Ренненкампа; говорятъ, тоже хороша. Придется помакнуть перо въ этотъ ватеръ-клозетъ и написать отвѣтъ. Я, однако, не понимаю, что ихъ прорвало вдругъ. ¹

Я раньше послѣднихъ чиселъ апрѣля не уберусь и проѣду въ Брюссель, вѣроятно, не Парижемъ, а черезъ Сплюгенъ и Куаръ. Но всякое письмо, адресованное въ Женеву (40, Pré l'Evêque) или во Флоренцію (—alla Sposola, Via Romana), дойдетъ. Сынъ мой пока остается во Флоренціи. Противъ него сенаторъ Ламбрускини написалъ піэтистически-натурфилософическую діатрибу. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣло о libre arbitre было внесено въ вашу правительствующій сенатъ, сенаторы полагаютъ, что они призваны на рѣшеніе философскихъ процессовъ ¹). Книги Наке не получалъ. Я спрашивалъ здѣсь, гдѣ его отецъ, никто не знаетъ. Лугинина поклонъ мнѣ очень пріятенъ; я думалъ, что онъ совсѣмъ забылъ меня или отвернулся. Говорили, что онъ ѣдетъ къ Гуго Шиффу; конечно, это лучше, чѣмъ къ Виктору Гюго. Жму ему руку.

Видѣли ли вы, какая травля идетъ у «Отеч. Зап.» съ одной стороны и у Антоновича + Жуковского—съ другой? Попался бѣдный Некрасовъ—свои загрызуть; вотъ послѣ этого и воруй цѣлую жизнь и лги на себя стоны и слезы народные.

Затѣмъ прощайте. А. Герценъ.

Если я здѣсь не найду «Вѣст». Каткова, не легко ли вамъ достать? Я не могу писать, не прочитавши, а намъ, по какой-то ошибкѣ Георга, не посылаютъ.

Что это вашъ Боборыкъ.²) говорилъ рѣчь въ Вѣнѣ на панславянскомъ пиру?

Наши вамъ усердно кланяются. Дочь моя ѣдетъ мѣсяца на два во Флоренцію тоже въ концѣ мѣсяца.

Nachet счетъ заплатилъ—но 90, а не 80.

◆◆ 1. Статья Н. К. Ренненкампа, доктора государственнаго права и одринарнаго профессора юридической энциклопедіи кіевскаго университета, командированнаго въ 1868 г. на полгода за границу, озаглавлена «Невольное объясненіе съ издателемъ *Колокола*».

¹) Во франц. сенатѣ были очень шумныя пренія о допущеніи въ медич. факультетѣ диссертациі Гренсье, отрицавшаго свободную волю.

²) Петръ Дмитриевичъ.

Возражая на надежду Герцена, что русское юношество склонно къ социализму, авторъ говоритъ: «изъ всѣхъ грѣховъ, которыми страдаетъ наше отечество, его можно упрекнуть менѣе всего въ социализмъ»; «нынѣшнее поколѣніе стоитъ совершенно на другой почвѣ, въ другихъ условіяхъ, имѣетъ передъ собой инныя задачи и смотритъ на социализмъ, а еще болѣе на коммунизмъ, какъ на грезы былыхъ лѣтъ, не имѣющія творческой будущности». Ренненкампфъ находитъ, что прощальное слово французскаго «Колоколъ» «отличается искренностью и даже значительнымъ пониманіемъ своего положенія». Относительно оцѣнки Герценомъ его предшествовавшей статьи о русской печати за границей, помѣщенной въ VIII кн. «Русс. Вѣстника», докторъ права полагаетъ, что редакторъ «Колоколъ» нашель «болѣе выгоднымъ остановиться на той сторонѣ своей дѣятельности, которая открывала широкое поле для изображенія трагическими чертами страданій, борьбы и, наконецъ, сладкихъ минутъ торжества, роли, и роли политической, имѣвшей entourage и едва ли не посланниковъ».

«Прежде всего выскажемъ, что мы никогда не смѣшивали издателя «Колокола» съ большею частью другихъ русскихъ эмигрантовъ, поучающихъ издалика русскій народъ. Какъ ни печальна, а въ послѣдствіи какъ ни вредна была его дѣятельность, нельзя, однако же, не признать въ немъ многихъ весьма счастливыхъ даровъ, которые при другихъ условіяхъ могли бы дать прекрасные плоды. Его «Письма объ изученіи природы», «Кто виноватъ?», «Записки Крупова», многія главы «Былого и думъ» показали, чего можно было бы ожидать отъ него, если-бы онъ продолжалъ истинный трудъ и работу и не промѣнялъ своихъ даровъ на мелкую монету проповѣдника и агитатора; нельзя не признать въ немъ и извѣстной искренности мнѣній и страстной жажды къ дѣятельности, увлекавшихъ его неудержимо и приведшихъ къ концу, котораго онъ, конечно, не ожидалъ и не желалъ вначалѣ». «Слабыя стороны людей сороковыхъ годовъ съ теченіемъ времени стали преобладать у него надъ сторонами свѣтлыми: жажда дѣйствовать на массы, стоять на пьедесталѣ реформатора, бойца и мученика, страсть увлекаться фразой, представлять незначительныя событія въ трагическомъ видѣ, сближать свои личныя положенія съ ходомъ исторической жизни, разрослись у него тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе жизнь заявляла новыя условія и требованія». «Страсть драматизировать свое положеніе, долгая привычка смотрѣть на себя, какъ на вѣстника и вождя новой жизни, обнаруживается у г. Герцена даже въ нынѣшнемъ прощальномъ его словѣ съ читателями *Колокола*».

На требованіе Герцена указать жертвы, которыхъ онъ посылалъ на гибель, «ординарный» по тому времени профессоръ говоритъ: «Не нужно понимать гибели въ ограниченномъ смыслѣ, какъ дѣлаетъ это издатель «Колокола», говоря, напр., о Михайловѣ. Погибли и потерялись не только отдѣльные лица, но цѣлые разряды лицъ; погибли не одни тѣ, кого несчастная судьба увлекла къ преступнымъ затѣямъ, но несравненно большее число такихъ (а это важнѣе), которые, подъ вліяніемъ жалкихъ идей и страстной агитаціи, отвыкли отъ труда; лишились способности понимать дѣйствительность, приносить ей свою долю пользы и тратить жизнь и средства въ бесплодныхъ шатаніяхъ по разнымъ концамъ свѣта. А такихъ было довольно; остатки есть еще и нынѣ: для доказательства достаточно взглянуть хоть бы и въ одну изъ модныхъ кофеенъ Женевы; тамъ можно встрѣтить не только мужчинъ, но и дѣвицъ, бросившихъ тихій и вѣрный пріютъ своей семьи и свою скромную роль и отправившихся, подъ призывные звуки «Колокола», искать неосуществимыхъ благъ. И какую тягостную жизнь ведутъ онѣ!» «Да ужъ если высказывать нашу мысль до конца, то въ существѣ дѣла пропаганда г. Герцена едва ли была и такъ наивна, какъ онъ старается представить ее, говоря, что у него былъ «не заговоръ, но типографія, свободныя двери для вольныхъ людей и что онъ никого не подстрекалъ непосредственно!» Издателю «Колокола» была извѣстна почва, на которой онъ работалъ: онъ зналъ, что главный контингентъ его учениковъ состоитъ изъ юношей, учившихся мало или и совсѣмъ не учившихся и не имѣвшихъ силъ отнестись критически къ его проповѣди; онъ могъ бы легко понять результаты, къ которымъ должны привести такихъ адептовъ страстные и раздражающіе поученія. И несмотря на то, рѣзкая и острая рѣчь редактора «Колокола» лилась, щедро расточая свои богатства!»

Переходя къ роли Герцена въ польскомъ вопросѣ, Ренненкамплѣ утверждаетъ то же, что позже силился доказывать Драгомановъ— незнакомство Герцена съ событіями въ Польшѣ, благодаря чему онъ «повторялъ лишь, какъ вѣрное эхо, небывалыя или преувеличенныя исторіи, изобрѣтаемыя парижскою и краковскою печатью, приправляя ихъ страстными воззваніями да горячими слезами». «Мы утверждаемъ, что непрерывный плачь лондонскаго Іереміи о бѣдствіяхъ Польши и смѣлыя увѣренія, которыми наполнены страницы «Колокола» *о новомъ настроеніи русскаго образованнаго общества*, имѣли возбудительный характеръ и, конечно, въ извѣстной степени содѣйствовали поднятію оружія, хотя г. Герценъ и не хотѣлъ этого». «Въ отношеніяхъ издателя «Колокола» къ польскому вопросу съ особенной силой

рисуется отвлеченный утопистъ; увлекающіеся скорѣе картинностью положенія и широтой въ смыслѣ, нежели истиннымъ положеніемъ дѣла».

«Истинная преданность и любовь всегда соединены съ уваженіемъ не только къ свѣтлымъ сторонамъ, но даже и къ извѣстнымъ человѣческимъ слабостямъ любимаго лица. Этого-то уваженія къ Россіи мы и не замѣтили въ дѣятельности издателя «Колокола». Ни одно имя, ни одно дѣло, если только они не соответствовали вполнѣ воззрѣніямъ г. Герцена, не встрѣчали у него истиннаго признанія заслугъ, снисхожденія къ невольнымъ погрѣшностямъ».

Въ заключеніе не могу не привести пяти строкъ изъ письма министра просвѣщенія гр. Д. Толстого къ начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати М. Н. Похвисневу отъ 24 ноября 1868 г.: «Въ лицѣ Ренненкампа литература получаетъ новаго, возрожденнаго Каткова. Онъ отлично исполнилъ данную мною задачу—не даромъ жить въ Швейцаріи и прислать сюда горячее блюдо для г.г. Герценовъ и К^о, которое «Русскій Вѣстникъ» обѣщаль подать на новогоднемъ блюдѣ» (копія получена мною отъ А. А. Стѣпцова).

Для доказательства «самостоятельности и независимости» кievскаго профессора этого вполнѣ достаточно...

3518. Письмо къ сыну.

12 апрѣля (1869). Понедѣльникъ.

Сейчасъ прочиталь твой отвѣтъ Ламбрускини. Имъ я меньше доволенъ, чѣмъ лекціей. Зачѣмъ съ самаго начала тонъ *cassant*¹⁾? Онъ неприятно дѣйствуетъ и можно все то же сказать и еще злѣе подъ лакомъ и *romme d'апопговымъ*²⁾ соусомъ. Вѣроятно, ты и Шиффъ разочли всѣ могущія быть послѣдствія; не надѣлайте бѣдъ реальному направленію естественныхъ наукъ въ преподаваніи. Ты, вѣроятно, долженъ будешь, все таки, оставить свое мѣсто (видѣлъ ли ты, какъ Дюрюи³⁾ прогналъ Пиша⁴⁾ изъ службы за одну статью?), и тогда снова пойдетъ мое предложеніе о Парижѣ. Я тебѣ предлагаль переводить только въ случаѣ, если не будетъ срочной работы. Рекомендую

¹⁾ Боевой.

²⁾ Помидоровый.

³⁾ Викторъ, франц. министр народнаго просвѣщенія и историкъ.

⁴⁾ Leon Laurent-Pichat—публицистъ и политическій дѣятель; съ 1871 г. депутатъ національнаго собранія крайней лѣвой.

большую урбанность и *courtoisie* ¹⁾ въ большомъ письмѣ. Для этого надобно тактъ, но почему же его не имѣть?

Я остаюсь при старомъ планѣ насчетъ Брюсселя. Выруб. и Фонтэнъ въ восхищеніи отъ этого; пришли мнѣ съ Тхоржевскимъ всю перепалку съ Ламбрус. и лекціи; Выруб. я укажу для замѣтки въ «*Revue*». Я же самъ собираюсь издать 8 частей *Opera omnia* ²⁾ свои на французс. языкѣ.

«Биржевыя Вѣдомости» помѣстили третью длиннѣйшую статью противъ меня. Въ ней досталось и тебѣ. Отвѣчай мнѣ на слѣдующіе вопросы: 1-ое. Когда ты говорилъ съ Горчаковымъ, сказывалъ ты ему, что ты ѣдешь устраивать дѣло по костромскому имѣнію, что ты давалъ ему слово не дѣлать пропаганды, хотя и прибавлялъ, что моимъ принципамъ не измѣнишь?

2. Говорилъ ли ты съ кѣмъ-нибудь, кромѣ Горчакова? Мнѣ необходимо знать для отвѣта. Мнѣ кажется, что сначала все это было *ballon d'essai* ³⁾, не возвращусь ли я, а потомъ, увидѣвши, что не удалось, они принялись ругаться. Между прочимъ, говорятъ, что русское правит. не наказываетъ дѣтей за грѣхи отцовъ, и потому имѣніе, вѣрно, отдадутъ. Это—чисто приманка. Я не пишу отвѣта только потому, что не могу достать «Русс. Вѣстника», гдѣ я тоже обруганъ. И въ то же время два книгопродавца просятъ моего разрѣшенія издать въ Россіи все прежде напечатанное мною.

Въ Петерб. опять исторія со студентами; Медиц. академія закрыта; безпорядки были въ универс., Технологич. институтѣ и Земледѣл. академіи. Недурно.

~~Если~~ Если у тебя нѣтъ мѣста, нельзя ли Тхор. помѣстить у Фрикена? Онъ какъ-то говорилъ мнѣ тогда.

Если Тата останется мѣсяца на два, на три, не лучше ли ей потомъ помѣститься съ Ольгой? Скажи это Мейзенбургъ. Я ей пока буду давать 200 фр. въ мѣсяць на все (кромѣ путевыхъ издержекъ).

Черкесовъ возвратился; ребенокъ внѣ опасности; они выписали изъ Женева Серно-Соловьевича—*des goûts et des couleurs* ⁴⁾...

Я тебѣ послалъ *sous bande* вторую статью «Доктора»; получили ли? И что?

¹⁾ Бѣжливость.

²⁾ Полное собраніе сочиненій.

³⁾ Пробный шаръ.

⁴⁾ На вкусъ и цвѣтъ...

Затѣмъ обнимаю васъ обоихъ и также Ольгу, которой паки и паки предоставляю рѣшить, нужно ли и хочется ли теперь пріѣхать въ Геную или отложить до больше продолжительнаго свиданія.

Панъ является 15 апрѣля.

3519. Письмо къ Н. П. Огареву.

16 апрѣля (1869). Пятница.

Наконецъ, я таки получилъ письмо, адресованное къ Лизѣ. Какъ это случилось, что оно пришло позже, вещь хитрая. Причина ли тому *статья* или адресъ, не знаю; лучше всегда просто адресовать ко мнѣ.

Что же сказать о статьѣ? Если вы порѣшили и сдѣлали, *такъ и быть*; если же нѣтъ, пусти ее вовсе безъ подписей. Вѣрь, Огаревъ, моему такту: статья эта—журнальная *diatriba comporte ras* ¹⁾—трехъ подписей, трехъ старыхъ бойцовъ. Мы можемъ втроемъ ходить на Алекс. Ник., но не на Андрея Александровича ²⁾. Можетъ, воззваніе къ юношамъ было бы хорошо, но ужъ, конечно, *не это*. Нашъ голосъ издали и изъ другого поколѣнья опять-таки долженъ раздаться благовѣстомъ широкимъ, сильнымъ, а не «благосвѣтловскимъ» тономъ. Дѣйствительно, ты поддѣлался даже къ ихъ тону: «облопаться», «верхобокое начальство», «воровской умъ», «жидовскія уста» etc. etc. И потомъ старая фикція о шляхетной и нешляхетной Польшѣ, дѣ народная Литва? Да и что сдѣлаетъ сама по себѣ народная Россія? Это жаргонъ 1863 и Бакунина. Трезвость обязываетъ! Не сердись на меня, а просто обдумай спокойно дѣло ³⁾.

Студентская прокламація (въ «Siècl'ъ») очень проста, очень хороша ⁴⁾, статью 82 «Гол.» можно осмѣять и опозорить съ выраженіемъ «византійскихъ» представителей и пр., но не твоей наскоро выброшенной статьѣй. Попробуй перевести твою статью на француз., и ты увидишь, что она лопнетъ. Практической результатъ тотъ: безъ

¹⁾ Недопустимо, не стоитъ.

²⁾ Краевскій, издатель «Голоса»; въ № 82 послѣдняго помѣщена пошлая передовая статья о студентахъ.

³⁾ Очевидно, прокламація, приписанная Драгомановымъ Бакунину (стр. 461—463), составлена Огаревымъ.

⁴⁾ Прокламація петербургскихъ студентовъ «Къ обществу!» напечатана на стр. 460 «Писемъ» Бакунина.

подписей статью можно послать; если она не разослана, вели перепечатать, вымарывая подписи; если разослана—головы не снимать, но тогда говорить не стоит.

Чего ты не понялъ о Брюссель? Я не помню, что я писалъ, но смыслъ знаю. Мнѣ можно заѣхать въ Женеву до Брюсселя и осмотрѣвши его. Думаю, что второе рациональнѣе, потому что, если Брюссель окажется не того, а тебѣ все равно, то еще чего же и переѣзжать? Тогда надобно придумать иную комбинацію. Женева мудрена, но я готовъ подчинить маленькія шероховатости и углы близости.

Отвѣчай какъ можно скорѣе на первую половину. Статью противъ «Бирж. Вѣд.» я началъ, получилъ ли ты «Недѣлю» (послѣ 13 №)? Статью Долгор. по почтѣ посылать не стоило,

Прощай.

3520. Письмо въ редакцію „Голоса“.

М. Г.;

«Биржевыя Вѣдомости», помѣстивъ мое письмо въ 71-мъ №, перетолковываютъ смыслъ моихъ словъ. Я не знаю, чѣмъ я могъ заслужить такое вниманіе ихъ: во мнѣ нѣтъ ничего биржевого, я ихъ никогда не читаю, кромѣ исключительныхъ случаевъ, и, признаюсь, былъ бы доволенъ, еслибъ могъ какъ-нибудь охладить ихъ интересъ ко мнѣ. Я не сталъ бы писать объ этомъ, но не могу же я оставить читателей въ мысли, что я «Биржевыя Вѣдомости» принимаю за государственннй институтъ и ходатайствую черезъ нихъ о правѣ возвращенія. Я, вообще, не ходатайствую ни о чемъ нигдѣ. Чего удивились «Биржевыя Вѣдомости», что я считалъ бы за счастье возвратиться въ Россію? Развѣ любой эмигрантъ, отъ Виктора Гюго до герцога Орлеанскаго, не скажетъ того же, и развѣ это будетъ значить, что они интригуютъ чрезъ отца Гіацинта или Гренъе де Кассаньяка-сына?

«Помѣщеніе моего письма въ «Голосъ» я сочту за особенное одолженіе съ вашей стороны. Примите и пр.

Алекс. Герценъ.

7 апрѣля 1869. Nice, Librairie Visconti.

352г. Письмо къ сыну.

17 апрѣля (1869). Суббота.

Статейка, написанная обезьяной изъ Кашина, очень мила; я хоталаь отъ души, читая ее. Будь остороженъ въ полемикѣ, какъ я писалъ, и продолжай подвизаться. Здѣсь у меня нѣтъ той «Поляр. Звѣз.», въ которой статья объ Оуэнѣ. Статья эта изъ лучшихъ моихъ статей, но въ ней не столько найдешь фактовъ. Изъ Женевы можно прислать, жаль, что ты поздно спросилъ. Тхорж., опоздавшій, является сегодня вечеромъ—и черезъ недѣлю Тата ѣдетъ съ нимъ. *Point super court*—поп *pronunciament'*амъ ¹⁾ Ольги я дѣлаю свое: 3 мая я ѣду отсюда въ Марсель, Лионъ и Брюссель. Что и какъ устроится потомъ, мы увидимъ.

Сто франк. уже заплачены Тхорж.

Студентская исторія очень важна; Земледѣльч. академія, Медиц. академ., Технологическій институтъ и Петерб. университетъ участвуютъ въ ней. Студенты требуютъ тѣхъ правъ, которыя имъ были уступлены послѣ смерти Николая: права кассы, сходокъ и совѣщаній etc. Правительство стало закрывать, студенты разослали очень умѣренную прокламацію по городу,—говорятъ, лучше пойдутъ въ Сибирь и крѣпость, чѣмъ уступить.

Затѣмъ арестаціи; назначена коммисія; разумѣется, часть ихъ будетъ исключена, нѣсколько погибнуть, но борьба, всякая историческая борьба и выработываніе идетъ этимъ путемъ. Собственно въ жизни, кромѣ пониманія борьбы и *eingreifen* ²⁾ въ современное дѣло, и нѣтъ ничего, кромѣ личныхъ счастлихъ. *That is my humble philosophy* ³⁾.

18 апр. Воскр.

Панъ Тхорж. держалъ свой торжественный вѣздъ въ Ниццу вчера вечеромъ, въ 9 часовъ. Встрѣченный префектомъ *Villa Filippi*, изволилъ занять апартаментъ, для него изготовленный, и кушалъ гречневую кашу.

Можетъ, въ пятницу, можетъ, въ суб. онъ ѣдетъ съ Татой, а я принимаюсь за укладку.

Отъ тебя жду отвѣта насчетъ разговора съ кн. Горчаковымъ.

Прощай.

¹⁾ Чтобы порвать съ необъявленіемъ возстанія.

²⁾ Вмѣшательство.

³⁾ Вотъ моя старинная философія.

19.

Опять была буря, холодъ и мерзость. Тата простужена, и я не знаю, можетъ ли она ѣхать въ четвергъ,—скорѣе въ субботу.

Вотъ и твое письмо отъ 16-го. All right. Я не противъ борьбы; ты хорошо дѣлаешь, но чисти всякій разъ штыкъ, которымъ хочешь ткнуть, чтобъ на солнцѣ блестѣлъ.

Есть опять вѣсти о Нефталѣ; онъ имѣетъ колоссальную практику въ Нью-Йоркѣ. Карлъ Фогтъ собирается туда; онъ хочетъ за поѣздку по главнымъ городамъ 50,000 дол. (250,000 fr.), что скажете? А про-рос, до него откуда-то дошелъ слухъ, что ты оставляешь мѣсто, и онъ говорилъ Тхорж., что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ бросать. —

Твой отвѣтъ о Берлинѣ важенъ ужь потому, что теперь ясно, откуда все идетъ; ergo, князь Горчаковъ, сынъ министра, не только сдѣлалъ доносъ, но сообщилъ это литературнымъ шпионамъ. И отсюда вся исторія. Ну, и я ихъ обламбрускину.

Обнимаю васъ и Ольгу.

О моемъ путешествіи, кажется, послѣ написаннаго и говорить не стоитъ. Ъду 3 мая въ Брюссель.

3522. Письмо къ Н. П. Огареву.

24 апрѣля (1869). Суббота.

Ну вотъ и Тата отправилась по прекраснѣйшему морю и на прекрасномъ пароходѣ. Мы ее провожали, и я съ Лизой сейчасъ возвратились. Въ 5 вечера она будетъ въ Генуѣ, и, если хочетъ, можетъ въ 9 вечеромъ ѣхать въ Спецію, а завтра утромъ по чугункѣ во Флоренцію, гдѣ, вѣроятно, и можетъ быть къ обѣду. Тхор. будетъ ждать въ Генуѣ.

То, что Тата будетъ во Флоренціи, полезно для Ольги: ее Мейзенб. совсѣмъ отчуждаетъ, и сознательно и безсознательно. Наѣ. ничего не хочетъ сдѣлать для поправки всего надѣланнаго ею, даже не сознаетъ и вины. Она положительно ихъ не любитъ, и, можетъ, хуже того. Я рѣшительно не дѣлаю больше никакихъ иллюзій на будущее. Поправлять поздно и нельзя. Я предоставилъ Татѣ остаться 3, 4, 5 мѣсяцевъ во Флоренціи или ѣхать оттуда черезъ мѣсяць. Провожатыхъ ей не нужно. Я предлагаю Мейз. и Ольгѣ ѣхать лѣтомъ въ Парижъ и устроиться тамъ на годъ (изъ Брюсс. въ Парижъ 8 часовъ —и 9), въ теплой квартирѣ. Это будетъ дороже стоить, но пока дѣла

идуть недурно—(доллары поднялись въ курсѣ до 5,15; годъ тому назадъ были еще 4,50), я готовъ платить за то, чтобъ онѣ были въ больше дѣятельной средѣ и не въ провинціальной. Изъ Брюсселя я могу dann und wann ¹⁾ навѣстить.

Въ сущности, все печально, но пора привыкнуть. Дикихъ сценъ и выходовъ меньше, но внутри тѣ же злобы и то же терзаніе себя и другихъ. Для Н. объективно ничего не существуетъ, все отнесено безпрестанно къ себѣ и съ вѣчной готовностью отдѣливаться. Лиза выработается (хотя порчи довольно) сильнымъ умомъ.

Затѣмъ жди окончательнаго маршрута; черезъ недѣлю, много 10 дней, мы будемъ на дорогѣ. Прощай.

Что это надристалъ *Соллогубъ!* Экая дура, Булгарина подгузка, греч...евая каша съ саломъ! ²⁾ Шиффъ прочелъ героическую лекцію! онъ прямо и открыто бросилъ перчатку клерикальной партіи. «Одинъ святой духъ въ наукѣ и есть, это—разумъ человѣческій»; онъ явился апостоломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Галилей и Савонарола ломили изуверство. Молодецъ!

◆◆ 1. Статья гр. В. А. Соллогуба очень обширна, но вовсе не оригинальна для тогдашняго общественнаго мнѣнія. Вотъ ея основная мысль:

«Да будетъ намъ позволено вымолвить наше старческое слово молодому поколѣнію. Это слово будетъ совѣтомъ—уважать себя въ законѣ, законъ въ себѣ. Другой житейской мудрости нѣтъ, другой гражданственности нѣтъ. Станемъ ломать существующее—себя не переломимъ и толку, все-таки, не будетъ. Время сдѣлаетъ свое независимо отъ насъ».

3523. Письмо къ сыну.

25 апрѣля (1869).

D-r,

Тебѣ только нѣсколько словъ. 1-ое, новымъ изданіемъ письма къ Ламбускини я больше доволенъ, хотя долю перца вынулъ бы. Хорошо, что ты ему сказалъ, что на опытѣ никто не видалъ, какъ дѣлаютъ Адама изъ лимона зеленого и барышень—изъ реберъ.

¹⁾ Кое когда.

²⁾ «Молодость и будущность» въ № 91 «Голоса» 1869 г. Намекъ на студента Булгарина—Греча. ¹

Пришли мнѣ тотчасъ, какъ узнаешь адресъ, т. е. новый, лекцію Шиффа. Я въ умилениі передъ его подвигомъ. Ессе homo! ¹⁾ Если онъ потеряетъ мѣсто, это будетъ ужасно, но подвигъ святой. Странно, что почти только въ европейской натурѣ лежатъ такія аскетически-несокрушимыя доблести—и равно противоположныя имъ страсти. Пожми ему руку. Если бы съ нимъ что случилось, прошу на меня считать роиг ии соир d'êraule ²⁾).

Мнѣ думается, что вамъ не сдобровать, но дѣлать нечего—«Скорымъ шагомъ, впередъ! Аршгъ!»,—какъ командуютъ на атаку.

Тата тебѣ расскажетъ о письмѣ Мейз. Я буду до 4 ждать отвѣта; онъ можетъ быть здѣсь 3-го, если же не будетъ, велю прислать въ Брюссель или Ліонъ.

Обнимаю васъ и кланяюсь Пану. Фрикену желаю счастливаго пути ³⁾).

3524. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 апрѣля (1869). Вечеръ, 8 часовъ.
Visconti.

Воля твоя, телеграфировать не стану. Ты все порешь горячку. Къ 10-му мая буду въ Женевѣ, если не встрѣтятся бѣды.

Я зарѣзаю неимѣниемъ «Рус. Вѣстника» за январь. Можешь справиться у Георга. До 7 врядъ уѣду ли.

Подробности въ слѣдующемъ письмѣ.

Да въ чемъ дѣло? Что за таинственность?

12 часовъ.

Перечитывая статью, съ грустью вижу, что не могу сбавить ничего. Отчего ты, поэтъ и музыкантъ, потерялъ чутье формы и мѣры? Зачѣмъ искусственное vulgare въ словахъ и выраженіяхъ? Что за битая вещь о Треповѣ и о томъ, что имъ гадко сходиться? Оно же и вздоръ; имъ очень пріятно вмѣстѣ потолковать объ атласныхъ жопкахъ и выгодныхъ акціяхъ. Нѣтъ, саго mio, это не тѣ звуки, которыми юный «Колоколь» потрясалъ молодежь. Послѣднія строки хороши.

Еще разъ прими въ любовь, а не гнѣвъ замѣчанія.

¹⁾ Се человекъ!

²⁾ Помощь, опера.

³⁾ Возвращался въ Россію.

Сейчас получилъ 14 № «Недѣли». Моего нѣтъ ничего, ergo, запрещено подь рукой. Рвусь въ Брюссель устроиться и приняться серьезно за работу.

3525. Письмо къ сыну.

2 мая (1869), Воскресенье.

Очень благодаренъ тебѣ, caro Dottore, за письмо. Въ Винни я не прочь, но желалъ бы лучше ѣхать середь лѣта (хотя могу ѣхать и въ концѣ мая) и это вотъ почему. Мнѣ, вѣроятно, нужно будетъ и для финансовыхъ и для другихъ дѣлъ, т.-е. книжныхъ, побывать въ Парижѣ, но не прежде 1 июля; непосредственно прежде или послѣ я могъ бы съѣздить на 3 недѣли въ Vichy (3 недѣли тамъ считаютъ достаточнымъ). Теперь прошу внимательно выслушать дальнѣйшій діагнозъ.

1-ое. Я продолжаю быть здоровымъ; могу много ходить; ѣмъ много и пищевареніе отлично. Пью меньше прежняго, но довольно. Работаю меньше, но тутъ много зависитъ отъ обстоятельствъ и среды; оттого-то я и бѣгу изъ южныхъ странъ. Сплю побольше обыкновеннаго—7 часовъ или около.

2-ое. Діету я подтяну. Не нужно утромъ кофе съ сахаромъ и пр. (Пива и шамп. я вовсе не употребляю). Меньше ляпомовъ ¹⁾ (помни, что въ Prangins я свелъ сахаръ на половину діетой), вино—бордо и коньякъ птиверъ (одинъ и иногда одинъ купно съ сельтер. водой).

3-ье. Бот. находилъ регулярное уринированье въ полночь болѣзненнымъ признакомъ. Оно возобновилась; вообще, урины больше, но жажды прошлогодней вовсе нѣтъ.

4. Что думаетъ Шиффъ о предварительной куръ—ваннами съ солью Vichy? я могу мѣсяцъ ихъ брать въ Брюсселѣ и пить Grande grille, а потомъ ѣхать туда. Объ этомъ особенно отпиши.

На это отвѣчай въ Женеву на адресъ Огарева. Мы ѣдемъ 5, въ 4 часа—Valence Grenoble въ Шамбери. 10 я въ Женевѣ.

Прощай.

Сказывала тебѣ Тата, что у меня еще зубъ выпалъ?

Вчера получилъ 16 № «Недѣли»; тамъ третья статья моя «Скуки ради»,—забавна. Если у Огар. есть, я пришлю.

¹⁾ La pomme de terre—картофель.

А что же Р. съ переводами? вотъ пустили въ дымъ—*Omne exit in fumo* ¹⁾). Представь себѣ (попроси Тату представить), Турген. ставилъ въ Веймарѣ оперу Viardot «*Le dernier sorcier*» у герцога. Либретто его. Герцогъ «въ восторгѣ нѣкомъ пламенномъ», *a commandé au célèbre* «*Muss et russe—un autre libretto*» ²⁾). Это—слово въ слово. Поркерія! ³⁾)

Должно быть, Доманже не очень балуетъ тебя. Эрдонъ, который пишетъ всякую всячину о блюдахъ у Виктора-Эммануила и о брюкахъ и Менабрень, ни слова не сказалъ о твоёмъ единоборствѣ съ Lambgu-sckini??

Жаль ужасно разставаться съ южной природой и моремъ, и я *in petto* ⁴⁾), все таки, думаю «до свиданья».

НВ. Еслибъ Шифръ считалъ *совершенно необходимымъ* ѣхать въ Карлсбадъ, я поѣду до Брюсселя.

Огаревъ все шалить. Закусилъ удила да и только—шумить, бранится, еще написалъ манифестъ. Что съ нимъ это? Вѣдаетъ богъ да Бакунинъ.

Ну, а ваше миланско-флорентинское дѣло, кажется, все вздоръ.

Въ Россіи не вздоръ то, что уже мужики въ Архангельской губ. начинаютъ возставать отъ голода.

3, понедельникъ.

Письмо отъ Таты пришло и на него отвѣчать буду послѣ, а теперь думаю, и очень положительно, что ея, т. е. *Таты, присутствіе для Ольги необходимѣе моего*, но, если хочетъ имѣть вліяніе, пусть сосредоточится и займется дѣятельно.

А *propos*, между портретами и уроками пѣнія непереходимое разстояніе. Уроки музыки, это—старый ресурсъ праздныхъ женщинъ.

Идѣ записка отдача.

Теплякова была два раза. Хочетъ брать нашъ домъ на мѣсяць, но еще сама не знаетъ.

Присылай скорѣе мнѣніе Шиффа.

¹⁾ Все изошло дымомъ.

²⁾ Заказалъ знаменитому поэту (муза) и русскому другое либретто.

³⁾ Свинство.

⁴⁾ Втайнѣ.

3526. Письмо къ дѣтямъ.

2 мая (1869).

ВСѢМЪ!

Вы всѣ помните, что сегодня восемнадцатая ¹⁾ годовщина кончины мамы—2 мая. На могилахъ все покрыто цвѣтами—я былъ въ 6 утрѣмъ.

Кстати какъ нельзя больше я получилъ записочку, которую прочитайте вмѣстѣ и потомъ вручите Татѣ на храненіе. Это отъ Тат. Алекс. Астраковой, о которой вы слышали. Состарилась она; ей теперъ лѣтъ за 50, бѣдна, но какая юность души сохранилась и какая религиозная любовь къ мамашѣ. Вотъ вамъ еще свидѣтельство, что она была изъ необыкновенныхъ женщинъ.

Она хочетъ имѣть портретъ Терезины; пришли ко мнѣ, я постараюсь доставить.

Зачеркнутое слово я не могъ разобрать, но вѣроятно, Т. Ал. хотѣла сказать «то, что вы были ея мужъ».

Разскажите о письмѣ Ольгѣ или переведите его.

Затѣмъ будьте здоровы.

3 мая.

Цѣлую всѣхъ.

За твое письмо очень благодарю, Тата, пиши еще; о Парижѣ успѣешь наговориться до 1 октября.

Мейз. немного слѣдовало на табакъ.

Прощайте.

3527. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 мая 1869. Воскресенье.

Былъ утрѣмъ рано на кладбищѣ. Все въ цвѣтахъ, покойно, роскошно-покойно... Сегодня русская Пасха.

Душевно желаю окончить поскорѣе полемику съ тобой.

Затѣмъ новости. 1-ое. Я съ Тхорж. послалъ Шиффу стклянку урины; Шиффъ нашелъ *увеличеніе*, и значительное, количества

¹⁾ Семнадцатая.

сахара; а потому ~~советует~~ съѣздить въ продолженіе лѣта въ Vichy недѣли на три. Я могу это сдѣлать одинъ, учредивши N. и Лизу въ Брюсселѣ, но особеннаго удовольствія это мнѣ не дѣлаетъ.

2. Вчера получилъ «Недѣлю» 16 № съ *третьей* статьей. Нѣсколько строкъ выпущено, но и то, что есть, съ каенскимъ перчикомъ. Ergo, печатать можно; у нихъ есть еще 4-ая да у меня готовы 5 и 6-ая, а когда ты отдашь письмо о Бакун. (или статью) будетъ и 7. Получилъ ли ты 16 №? Иначе я пришлю или привезу.

3. Во франц. журналѣ рассказываютъ, что на-дняхъ «Le célèbre *Mus et gusse*» (безцѣнное выраженіе) *ставилъ* самъ въ Веймарѣ свою оперу, музыка Viardot, на сценѣ. Заглавіе «Le dernier sorcier». Герцогъ былъ въ восторгѣ и тутъ же заказалъ (а commandé!) русскому Мюссу новое либретто. Succès et triomphe ¹⁾. Какъ же тутъ хорошо писать о Бѣлинскомъ.

О Бѣлинскомъ, можетъ, я и напишу, но гдѣ и какъ? Видно, мой проектъ у тебя еще не взошелъ къ докладу насчетъ листовой выдачи «Пол. Звѣзды»—ты ни разу не отвѣчалъ.

4-го. Утро, 8 часовъ.

Письма отъ 30 апр. и отъ 2 мая пришли. Твоя *статья*, разумѣется, лучше манифеста, но эта статья и можетъ быть подписана только однимъ: она субъективна по языку, по формѣ, потому что она—вовсе не званіе и не манифестъ. Я думаю, лучше къ ней приписать мою adhésion ²⁾, что я и сдѣлаю, чѣмъ подписываться à la F. Puat ³⁾ съ своими,—все это битый путь. Я буду непременно писать и печатать. Сдѣлай, пожалуй, изъ этого пробный листъ «Пол. Звѣзды». Но что же будетъ Бакун. прокламація? Если тебѣ хочется, для контраста можно. Я въ текстѣ, какъ ты увидишь, ничего не поправлялъ—это лишнее, потому что ты, все же, не поправишь. Но нѣсколько замѣчаній долженъ сдѣлать: 1-ое. Всѣ жарты о молебнахъ купцовъ выбросилъ бы я; 2-ое, пошлыя выраженія, въ родѣ 2-раза повторенныхъ «разсылочекъ», «пѣхгуры» и «впехать» (это не по-русски—отъ пихать не выйдетъ впехать), я бы выбросилъ. Далѣе. Часть литературы—«Спб. Вѣд.», «Голосъ», «Недѣля», «От. Зап.» etc. отстаивала храбро реальныя школы...

¹⁾ Успѣхъ и торжество.

²⁾ Подтвержденіе.

³⁾ Въ родѣ Ф. Пиа.

Кто считаль 500 въ разсылочку?.. Что за исторія извозчиковъ? Миѣ и заглавіе «Наша повѣсть» не нравится.

Лиза здорова, весела и ужасно умна; зато и шалить очень. О Россіи писала Тат. Ал. Астр.

3528. Данииль-Тьеръ.

Двадцать одинъ годъ тому назадъ ¹⁾ социализмъ былъ побить на голову и похороненъ рядомъ съ анабаптизмомъ и другими утопіями, имѣвшими цѣлью благосостояніе большинства и общественное пересозданіе на его основахъ. Увѣренность въ побѣдѣ была велика, и не мудрено—*побѣдили больше, чѣмъ хотѣли*: побѣдили вмѣстѣ съ врагомъ самихъ себя. Хотѣли усмирить, подавить *химеру* социализма, а усмирили всякое свободное движеніе и подавили всякую независимость, всякое человѣческое достоинство.

Надъ тѣми, которые утверждали, что социализмъ только оглушенъ, и указывали на растущій ропотъ заѣдаемыхъ индустріей работниковъ, смѣялись; смѣялись даже у насъ въ Россіи, несмотря на то, что социальный вопросъ у насъ совсѣмъ иначе поставленъ? Ни колоссальныя соединенія англійскихъ работниковъ, ни движеніе работниковъ въ Германіи, ни лиги, ни грѣвы, ни международные союзы не могли увѣрить счастливыхъ побѣдителей, что ихъ побѣда не въ самомъ дѣлѣ такъ полна, какъ имъ кажется. Правительствующее сословіе продолжало заниматься своимъ дѣломъ и призрачными вопросами.

А между тѣмъ, достаточно было слабого перелетнаго вѣтра выборовъ, чтобъ мѣстами сдунуть золу и показать надъ садовыми клумбами и гладко убитыми дорожками рдѣющіе волчьими глазами угли... И кто ихъ увидѣлъ и заявилъ, кто Данииломъ вышелъ впередъ испугать пирующихъ, сказать второй разъ въ жизни свое «приливъ подымается» и признаться, что онъ опять обойденъ событіями? Тотъ же маленькій, тотъ же большой Тьеръ; гениальный Фигаро тридцатыхъ годовъ, ораторъ парламентаризма, либераль, убившій двадцать лѣтъ тому назадъ социализмъ въ образѣ Прудона,—Тьеръ вдругъ превратился изъ Іоанна Златоуста буржуазіи, въ Іоанна Предтечу социализма.

«Европа идетъ къ республикѣ,—сказаль онъ передъ выборами 1869,—но молодые люди не должны ошибаться. По винѣ правительство, которыя то уступаютъ, когда слѣдовало бы твердо противодѣйство

¹⁾ 1848 г.

вать; то противодѣйствуютъ, когда слѣдовало бы направлять и умѣрять, нашъ вѣкъ увидитъ только періодъ крутого, кроваваго, грознаго для всѣхъ перехода, который, благодаря бога, я не призванъ видѣть.

«Заступленіе (l'enchevêtrement) другъ въ друга социальныхъ и политическихъ, международныхъ и внутреннихъ вопросовъ таково, что народы роковой необходимостью приводятся къ тому, чтобъ все разрѣшать, уничтожая все. Но насильственное уничтоженіе и рѣшеніе—не одно и то же, и переставленные вопросы останутся угрожающими попрежнему. Надобно, чтобъ новый міръ, который уже раздираетъ лоно Европы, приобрѣлъ много совершеннѣйшаго и мудрости для того, чтобъ республика экономическая привела снова порядокъ и миръ въ общество.

«Вы молоды, господа, но еслибъ вы достигли до послѣдняго предѣла жизни, то и тогда вы ничего не увидите, кромѣ пролога будущей цивилизаціи».

Поздно старый дѣлецъ разглядѣлъ будущее, невольно признался въ ошибкѣ, продолжавшейся цѣлую жизнь, и жизнь очень длинную. Что за трагическое безсиліе въ упованіи на близкую смерть, какъ на средство ускользнуть отъ неминуемаго будущаго! Старый человѣкъ и новое человѣчество, лицо и исторія, настоящее и будущее такъ разошлись, что нѣтъ перехода, кромѣ бѣгства въ могилу.

Суетный даже въ эту минуту отчаяннаго пророчества, Тьеръ пытается *промахами правительства* объяснить опасность, грозящую государственному строю.

Какъ будто міровыя явленія зависятъ отъ канцелярскихъ ошибокъ и полицейскихъ распоряженій! Къ звукамъ трубы, зовущей на послѣдній судъ цѣлую цивилизацію, двѣ цивилизаціи, онъ прибавилъ звукъ театральнаго свистка, и музыка вышла еще ужаснѣе. Хорошо Тьеру, что онъ старъ и скоро умереть. Цѣлое поколѣніе, цѣлыхъ два поколѣнія не могутъ бѣжать въ смерть отъ совершенія необходимыхъ судьбъ: на кладбищѣ будетъ слишкомъ тѣсно—что же имъ дѣлать? Чѣмъ же, наконецъ, будить людей, если и это предостереженіе пройдетъ даромъ, какими еще зарницами и молніями?.. Заспанные, отяжелѣвшіе, они не умѣютъ никогда во-время проснуться; они тогда придутъ въ себя, когда бѣда разразится надъ головой, т. е. когда не только поздно понимать, уступать, но поздно спастись.

Можетъ, на насъ, людей, принадлежащихъ къ обоимъ мірамъ, къ одному—по случайности рожденія, къ другому—по избирательству сродства, лежитъ долгъ повторять сторожевой крикъ и призывъ

къ разуму упорствующихъ. Если онъ не устранить страшное столкновеніе, то можетъ смягчить его удары, а это само по себѣ великое дѣло.

Пока вы спали съ закрытыми ставнями, все перемѣнилось, новый міръ переросъ васъ, не вѣрять въ ваши права и скоро не будетъ вѣрять въ силу. Вглядитесь, хочется имъ сказать, въ то, что дѣлается, и не отстаивайте того, чего нельзя отстоять, для того, чтобъ уцѣлѣла хоть часть изъ того, что не должно погибнуть, но погибнуть можетъ.

3529. Письмо къ Н. А. Огаревой.

11 мая (1869).

Genève, Hôtel de la Couronne, ch. № 24.

Вотъ опять Леманъ передъ глазами. Я взялъ крошечную комнату съ превосходнымъ видомъ. Можете прямо писать сюда по адресу. Ну что вы, мои сердобольные, то-есть, собственно, ты? Лиза—совсѣмъ свѣтлое существо, а у тебя все по душѣ идутъ облака и *chair de poux* ¹⁾. Мнѣ было такъ удушливо тяжело и такъ жаль тебя, что ты ломаешь и коверкаешь безъ нужды жизнь, что и сказать не могу. Въ этомъ расположеніи я и приѣхалъ въ 4 въ Женеву. Дождь лилъ все время, въ Женевѣ онъ превратился въ проливной, но сегодня посвѣтлѣй, и я опять (живучь, какъ кошка) поправился.

Огарева я не нашелъ такъ здоровымъ, какъ прошлый разъ; онъ что-то былъ красенъ и *fatigué* ²⁾, но это, можетъ, отъ сильной простуды. Ходитъ онъ гораздо лучше, и это рѣшительный вздоръ, чтобъ онъ не могъ ходить по улицѣ.

Всѣ недоразумѣнія *окончились въ полчаса*. Съ Бак. будетъ труднѣе,—онъ совсѣмъ закусилъ удила, и я привезу его новую статью, которая надѣлаетъ страшныхъ бѣдъ. Я буду протестовать и снимаю всякую солидарность.

Негрескуль ³⁾ надѣлалъ неприятныхъ сплетенъ насчетъ этой дамы, которую онъ отыскивалъ; она, перепуганная, написала мнѣ изъ Парижа письмо, но онъ—человѣкъ вѣрный. Онъ женатъ (какъ же это Труб. и Черк. не знали, что онъ женатъ на дочери знаменитаго Лаврова?) ⁴⁾.

¹⁾ Морозъ по кожѣ.

²⁾ Утомленъ.

³⁾ Михаилъ Федоровичъ.

⁴⁾ Марія Петровна.

Тхоржевскаго еще нѣтъ:

Огар. *страстно* желаетъ видѣть Лизу до Брюсселя. Еслибъ только можно было какъ-нибудь покойно провести хоть двѣ недѣли здѣсь, я бы за вами съѣздилъ. Подумаю. Онъ даже готовъ ѣхать въ Бельгардъ, но до Aix боится (а какъ же въ Брюссель??).

Видѣлъ вчера Чернецкаго,—ничего. Утинскій клоповникъ весь въ ссорѣ, и Щербаковъ въ ссорѣ, но ужъ не знаю, съ кѣмъ.

Нельзя себѣ представить, какъ я привыкъ видѣть постоянно Лизу: мнѣ, словно, недостаетъ ея крику. Это ужъ не старчество ли?

Огар. думаетъ, что журналы Gau ¹⁾ прекратили, а потому извѣсти Теплякова.

Пока все... Сведи же на душу покой разума и ту ширь, сквозь которую мелочи должны просѣяться. Если-бъ меня не сердило это, я, право, и теперь бы хохоталъ надъ англійскимъ заговоромъ, въ которомъ участвуютъ поляки, тайныя каверзы... и бѣдный Тхоржевскій, чистый, какъ его черепъ, внутри и снаружи... Да это болѣзнь.

Ну, дай руку и не поминай лихомъ, а хорошимъ.

Лизу цѣлую отъ себя и Ага. Жду вашей рапортички.

II мая.

Бакунинъ, какъ старья нянюшки и попы всѣхъ возрастовъ, любить пугать *букой*, самъ очень хорошо зная, что бука не придетъ. Для чего все это дѣлается, non lo so ²⁾; думаю, что на томъ основаніи, на которомъ купецъ, строившій на свой счетъ Симоновскую колокольню, поставилъ одно условіе—быть выше Ивана Великаго хоть вершкомъ. Бакун. хотѣлъ за поясъ заткнуть утячій клоповникъ и пустить такую дрожь на всю Россію, что тамъ за университетомъ закроютъ типографіи... «Этого-то и надобно, зачѣмъ слова?... дѣла»... И Бакунинъ-то не понимаетъ того, что понималъ Іоаннъ Богословъ и Іоаннъ Биронъ: что «слово и дѣло»—одно или, лучше, два вида одного. Вещь эта произведетъ бездну бѣды. Но, разумѣется, Бакунинъ имѣетъ полное право поступать по своему убѣжденію; я только въ одномъ не сомнѣваюсь, что онъ *подпишетъ* этотъ фактумъ.

О сущности я и не говорю. Разумѣется, я совершенно несогласенъ.

Вообще, этимъ оружіемъ я не бьюсь и думаю, что каждый долженъ итти самъ по себѣ, чтобъ потомъ не слышать такихъ упрековъ, какъ уже Бакун. дѣлалъ по пол. ³⁾ вопросу.

¹⁾ Издатель.

²⁾ Неизвѣстно.

³⁾ Польскому.

3530. Письмо къ сыну.

11 мая (1869).
Женева.

Любезный Саша, лекцію Шиффа я прочелъ. Хотя мѣстами есть длинныя вещи, но она превосходна по энергіи. Скажи русскому, который хочетъ тебя переводить, чтобы онъ ужъ и эту лекцію перевелъ.

Claude Бернаръ—сенаторомъ.

Ты, все же, мало читаешь французовъ; тебѣ, какъ популяризатору, это необходимо—*audiatur et altera pars*¹⁾. Въ «*Révue de D.-M.*» за 15 апр. и 1 мая статья Вашро (Коровкинъ²⁾ прямой) о *libre arbitre*. Я ее такъ просмотрѣлъ во 2 книжкѣ; что это за милѣйшіе скоты, а таковы, за исключеніемъ Жирард., всѣ французы, зато Жирарденъ—плутъ. Вотъ если бы я такъ защищалъ *libre arbitre*, ты былъ бы правъ. Мнѣ хочется Коровкина отдѣлать.

Жду непременно, и очень скоро, 2-го совѣта Шиффа о Vichy. Вотъ еще вопросъ: не годятся ли алкалинныя воды Aix-les-Bains? Это была бы большая экономія и денегъ и времени, иначе придется сдѣлать двѣ дороги. Для ревматизма Meys., я воображаю, Aix—чудо.

Еще слово о здоровьѣ. У меня возвращаются мои прежнія головныя боли (татинскія, твои)³⁾.

О рожденіи Туца II извѣсти телеграммой, если мы еще будемъ въ Aix'ѣ (до 22 тамъ да могу и подождать).

Тезину цѣлую.

Туць миль и рѣзвъ, но глаза совсѣмъ разные.

Прощай.

3531. Письмо къ сыну.

12 мая (1869).

Вотъ пошла переписка кватидаанная⁴⁾.

Я не писалъ, что невозможно ѣхать въ Виши, а только о томъ, все ли равно теперь или позже; въ Карлсбадъ далеко. Я думаю сдѣ-

¹⁾ Выслушать противную сторону.

²⁾ Каламбуръ: *Vacherot*—фамилія франц. философа и политическаго дѣятеля (Этьенъ), *vache*—корова.

³⁾ Замѣчательно, что особыми головными болями, частыми и сильными, страдали и почти всѣ дѣти Герцена.

⁴⁾ Обычная, будничная.

латъ такъ: въ Prangins я одной діэтой уменьшилъ сахаръ на 3%; попробую теперь иное—велю сдѣлать квантитативное разложеніе, стану пить Vichy и брать ванны; черезъ 3 недѣли опять разложеніе и, если разница будетъ незначительна, поѣду, а значительна—буду продолжать.

Поѣду ли черезъ Парижъ теперь, не знаю, но omni casu, въ Парижѣ буду.

Здѣсь дѣлаются чудеса. Бакунинъ, это—локомотивъ слишкомъ натопленный и внѣ рельсовъ, несется безъ удержу и несетъ съ собой все на свѣтѣ.

Онъ поздоровѣлъ и очень, спустилъ 50 швейц. фун. жира на діэтѣ, но мяса и вина поглощаетъ запасы.

Прощай. Желая много хорошаго финала и жду извѣщенія.

3532. Письмо къ Н. А. Огаревой.

14 мая (1869). Пятница.

Hôtel de la Couronne, № 24, Genève.

Вотъ я опять въ моемъ старомъ положеніи съ той глухой болью въ груди, съ смѣсью печали и негодованія, отъ которыхъ люди старѣютъ. А тутъ заботы: не ѣшь картофеля, не пей пива... Мнѣ ни въ одну сторону до мира и гармоніи не добраться. Я писалъ во вторникъ, что жду отвѣта, писалъ вопросъ въ среду. Почта не можетъ ходить больше. 10 часовъ,—что же это наказаніе?..

Я завтра, въ субб., не ѣду, потому что иду къ Бакун. на лекцію. Вообще, я подожду письма; если не будетъ, постараюсь получить отвѣтъ телеграфомъ и буду ждать, чѣмъ окончится эта игра.

Мы смотрѣли разные пансіоны и отели; мѣста много, цѣны тѣ же—7 и 8 въ панс., въ от. выйдетъ дороже, но удобнѣе.

Что я скажу Чернецкой?

Дум. ¹⁾ еще нѣтъ. Видѣть его мнѣ бы очень хотѣлось; можетъ; подожду.

Ящикъ перегруженъ.

Если до 4 часовъ не получу письма, пошлю на твое имя poste restante. Меня все это, какъ и слѣдуетъ, кладетъ въ лоскъ.

¹⁾ Или «Дул.»—сокращеніе чьего-то имени.

Часъ.

Письма нѣтъ. Это безобразно. Случайности никакой не можетъ быть. *Я остаюсь здѣсь ждать письма.* Къ тому же и головная боль и очень не хорошо... За все это благодарю.*

3533. Письмо къ Н. А. Огаревой.

Письмо 5.

15 мая (1869). Суббота.

Ну, все объяснилось: я получилъ *два письма разомъ* (какъ это случилось, не понимаю). Дай руку и не будемъ объ этомъ толковать.

Я непременно приѣду самъ и для того, чтобъ все уладить здѣсь, останусь до *понедѣльника; вѣроятно, приѣду ровно въ 7.*

Да, Огар. очень хочетъ видѣть и не одну Лизу, а и тебя. У него осталось при всемъ какое-то мѣсто въ сердцѣ для тебя (то, чего я такъ тщетно искалъ для него въ твоёмъ).

Если-бъ рѣшиться провести здѣсь дольше, можно бъ теперь найти *chambres garnies* въ *rez-de-chaussée*, но на недѣлю ничего не сдѣлаешь, и надобно итти въ отель. Ближе Огар. нѣтъ ничего. Его бѣда въ томъ, онъ посадилъ себѣ въ голову, что онъ не можетъ ходить, даже трудно ѣздить. Коляска отъ него до всякаго отеля стоитъ 1 ф. 25 или 1 ф. 50, столько же назадъ, стало, за 25 фр. онъ могъ бы ѣздить всякій день цѣлую недѣлю.

Что онъ сталъ слабѣе и попустился, это очевидно. Надолго его покидать трудно. Сегодня М. ¹⁾ ждетъ припадка.

Въ ста шагахъ отъ главной школы стоитъ теперь пустой домъ Устинова, въ саду, его отдали бы. Подальше—«*Délices*» Фази; еслибъ можно было надѣяться на общую жизнь, тамъ можно бы устроить для Огар. совсѣмъ отдѣльно; наконецъ, въ домѣ Жеребцова отдають весь *rez-de-chaussée*.

Гораздо лучше, чтобъ ты просто взяла мое имя. Возвращаться къ прежнему также неловко и до того натянуто, что и я не привыкну. Лизѣ надобно называться *Herzen-Ogareff*; это, какъ памятникъ, на это я согласенъ. Въ дѣлахъ это не помѣха. Какъ ты думаешь?

¹⁾ Мэри Сутерландъ.

Все писанное о дѣлахъ пишется въ предположеніи прожить въ Женевѣ хоть годъ. Тогда Брюссель по боку, а Виши?.. Шиффъ сказалъ Тхорж., что сахару очень много. Здѣсь есть бани *viçhu*, въ томъ же домѣ, гдѣ школа; можно попробовать. Майора я не засталъ. Пойду еще. Сѣрныхъ ваннъ не совѣтую брать, а легко алюминиевыхъ и не слишкомъ горячихъ—совѣтую и увѣренъ, что ничего.

Чеки ненужны ¹⁾.

Теплякова поступила, какъ безумная. Мнѣ надобно просить прощенія у *Lesconi*.

Чернецкая (я былъ у нея) фервентно ²⁾ желаетъ тебя видѣть. Черная конспирація, которую ты открыла, до того невѣрна, что обѣ англичанки другъ друга терпѣть не могутъ.

Бѣды нѣтъ, что ты читала Толстого... Алекс. письмо принялъ и отвѣтилъ на него. Толстой не читалъ, стало, ни «Быт. и думы»—ни... ³⁾

Итакъ, сегодня на проповѣдь Бакун.

А ты, пока на досугѣ, думай и думай объ усмирениі, усмирениі души. Истинно пора; если теперь ты не дойдешь до покоя совершеннолѣтія, то такъ и умрешь, хоть черезъ двадцать лѣтъ, въ ребячьи... ⁴⁾.

Шаги-то сдѣланы, но какъ до дѣла дойдетъ, старый Адамъ или Ева налицо.

Дум. пріѣдетъ только въ четвергъ, но останется дней десять.

Прощай.

Обнимаю Лизу.

Писать буду только въ томъ случаѣ, если не поѣду въ понедѣльникъ.

Тхорж. (не имѣющій тѣни чего-нибудь противъ тебя) давалъ мнѣ обѣдъ. Вотъ каково!

Я *Lesconi* написалъ такое умиленное письмо, что онъ все простилъ и всю жизнь будетъ читать своимъ клиентамъ письмо «*de l'illustre exilé*» ⁵⁾.

¹⁾ Дальше слѣдуетъ планъ мѣстности, иллюстрирующій мѣста, указаннаыя выше.

²⁾ Горячо.

³⁾ Слово не разобрано. Рѣчь идетъ о какомъ-то Толстомъ, писавшемъ о Герценѣ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». См. № 3539.

⁴⁾ Слово не разобрано.

⁵⁾ Знаменитаго ссыльнаго.

3534. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

17 mai (1869). Lundi.

Genève. Hôtel de la Couronne.

J'ai reçu—chère Malvida—votre lettre du 12—hier à Genève. Je pars dans quelques heures pour Aix—les—bains—je reviens à Genève et de là je pense que j'irai à Vichy et Bruxelles. Ecrivez encore ici à l'adresse de Tchorzewsky. Je me porte bien—je me suis remis à la diète de prangins et il me semble que les bains de Vichy—seraient suffisantes. Je n'ai pas de furoncles.

Tchorzewski ne finit pas dans ces récits de Florence, del vino santo, des mérites d'Olga etc. Il n'a pas de doute que les livres imprimés à Genève (comme en Italie) ne vont pas—ce ne sont que les éditions de Bruxelles et de Paris. Je parlerai à Lacroix. Je suis vraiment tout content du succès de vos mémoires.—J'ai été sévère pour votre livre—et je vous dirai la raison. Ce n'est pas l'idéalisme—qui m'a un peu brouillé c'est le familisme, l'apothéose et la transfiguration de tous les membres de la famille, c'est le soleil sans taches—le public a, comme vous voyez, un autre diapason. Le public est moins réaliste—mais il est meilleur juge. Les hommes qui s'habituent aux rochers et aux épines—s'étonnent quelquefois en voyant les fleurs. Il faut les plaindre.

Un temps de lutte recommence partout—les dernières sondures, les dernières poutres—s'ébranlent. J'ai longtemps pensé que la famille—résistera comme Naturgewalt—elle résistera aussi plus que l'état—mais elle aussi sera absorbée comme une forme historique dépassée—comme dernier refuge du conservatisme.

Nous avons porté le deuil

du bon Dieu
de l'âme
du libre arbitre

préparons nous de porter le deuil—de la famille.

Quant au monde extérieur il n'y a qu'un seul intérêt c'est le combat électif à Paris. Vous me saurez peut être gré de ce que je vous prépare un nid bien chaud là.—Mais je laisse cela à l'avenir.

Faites votre cure—Schiff—et pensons aux grandes villes—savez vous que j'ai de la nostalgie pour Londres.—Oh inconstance humaine—il n'y a qu'une exception—elle est faite pour l'amitié

ainsi tout à vous.

17 мая (1869).

Переводъ.

Ваше письмо отъ 12 числа я получилъ, дорогая Мальвида, вчера, въ Женевѣ. Черезъ нѣсколько часовъ я уѣзжаю въ Aix-les-Bains, вернусь въ Женеву и оттуда намѣреваюсь проѣхать въ Виши и въ Брюссель. Пишите еще сюда, по адресу Тхоржевскаго. Здоровье мое удовлетворительно, я поправился, соблюдая пранжэнскую діету, и думаю, что ваннъ изъ виши мнѣ будетъ достаточно. Фурункуловъ у меня нѣтъ.

Тхоржевскій безъ конца говоритъ о Флоренці, о святомъ винѣ, о достоинствахъ Ольги и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что книги, напечатанныя въ Женевѣ (такъ же, какъ и въ Итали), не имѣютъ сбыта. Идутъ только брюссельскія и парижскія изданія. Поговорю съ Лакруа. Я, въ самомъ дѣлѣ, очень радъ успѣху вашихъ мемуаровъ. Я строго отнесся къ вашей книгѣ и объясню вамъ почему. Не идеализмъ разсердилъ меня, а фамилизмъ, апофеозъ и преображеніе всѣхъ членовъ семьи, это солнце безъ пятенъ... У публики, какъ видите, другой масштабъ. Публика менѣе реалистична, но она—лучшій судья. Люди, привыкшіе къ скаламъ и къ терніямъ. удивляются при видѣ цвѣтовъ. Надо ихъ жалѣть.

Всюду опять начинается періодъ борьбы. Сотрясаются послѣднія спайки, послѣдніе столбы. Я долго думалъ, что семья устоитъ въ качествѣ силы природы. Она устоитъ дольше, чѣмъ государство, но и она будетъ поглощена, какъ историческій пережитокъ, какъ послѣднее убѣжище консерватизма.

Мы уже носили трауръ по богѣ,
по душѣ,
по свободной волѣ.

Приготовимся носить трауръ и по семьѣ.

Что касается внѣшняго міра, то единственное, что представляетъ интересъ, это—выборная борьба въ Парижѣ. Можетъ быть, вы будете мнѣ благодарны за то, что я przygotowляю вамъ тамъ теплое гнѣздышко, но предоставляю это будущему.

Продѣлайте предписанный вамъ Шиффомъ курсъ лѣченія и подумайте о большихъ городахъ; знаете-ли вы, что у меня форменная ностальгія къ Лондону. О, человѣческое непостоянство! Существуетъ только одно исключеніе—для дружбы.

Поэтому весь вашъ.

3535. Письмо къ сыну.

18 мая (1869).

Aix-les-Bains, H-1 Gaillard.

Пишу къ тебѣ поскорѣе для того, чтобъ тебя предотвратить отъ величайшей ошибки. Вотъ что значитъ не слѣдить нисколько за совершающеюся исторіей. Эм. Жирарденъ, всегда дрянной человѣкъ, хотя и очень умный (Доманже на широкихъ ногахъ), покрылъ себя позоромъ именно теперь, снова передавшись на другую сторону, подерживая войну и пр. и пр. Ему посвятить книгу—тебя положить въ лоскъ. Другое дѣло Кетлэ¹⁾, это—серьезный ученый. Если посвященіе Жир. напечатано, сейчасъ вырви его, сожги и никому не показывай. Я за то-то и ненавижу исключительные круги и провинціальныя города въ сторонѣ, что въ нихъ люди выходятъ изъ настоящаго дня, если нѣтъ своего дѣятельнаго фибра, требующаго (какія бы ни были занятія: химіей или астрономіей) знать, что дѣлается.

Что можно, сдѣлаю, но когда буду въ Парижѣ, порядкомъ не знаю.

Жду твою телеграмму и надѣюсь, что все сошло съ рукъ или сойдетъ при здоровѣ Терезины легко.

К. Фогта я не видалъ. Онъ былъ на экскурсіи. Жена сказывала, что поѣздка въ Нью-Йоркъ не удалась.

Я все думаю, ѣхать теперь или середь лѣта въ Vichy, но полагаю, что торопиться не нужно. Я здоровъ. Въ дѣтѣ уменьшили на половину коньякъ (1/2 рюм. и 1/2 рюмки малаго калибра съ сельт. водой); утромъ пью одинъ кофе безъ сахара. Хлѣба и пирожнаго мало, картоф. и горохъ вовсе не ѣмъ. Мнѣ въ Парижѣ необходимо быть послѣ 1 іюля, и тогда я могъ бы ѣхать на 21 въ Vichy одинъ. До тѣхъ поръ буду пить и брать ванны. Но, еслибъ нужно, поѣду теперь. До 25 я буду въ Женевѣ. Ѣдемъ туда 20-го или 21, стало, писать сюда лишнее, а туда необходимо.

Прощай.

Успѣхъ позитивной и реалистической науки и философіи во Франціи растетъ. Бакун. читаетъ въ родѣ лекцій работникамъ въ Женевѣ и имѣетъ огромное вліяніе. Онъ много куралесить, но, все же, сильное явленіе.

Мечниковъ-зоологъ, говорятъ, въ Петерб. отличается.

¹⁾ Ламберъ-Адольфъ, франц. ученый, основатель научной статистики.
Герценъ, т. XXI.

Pour Alexandre ¹⁾).

Вотъ разложение, сдѣланное
у Brun.

La quantité de glucose anhydr.—en 1 gr. 33 sur 1,000 gr.—1 gr.
46—de glucose hydraté.

Pesanteur spécif. est de 1009 (l'eau pure à 15°=1,000).

Présence d'une légère quant. d'albumine ²⁾).

Онъ мнѣ показывалъ въ курсѣ химіи рядъ разложеній диабетической урины отъ 7 до 8 и 8½%. Теперь замѣть, что *tauxim.* сахара былъ въ Люцернѣ при *fungi*'ахъ (4,6). Уже въ Prangins я діетой свелъ на 1,8, а потому, придерживаясь діеты и съ помощью ваннъ Vichy, которыя брать можно вездѣ, я надѣюсь до будущаго года быть *quitte* (въ концѣ августа сдѣлаю другое разложение).

Замѣть, что первое мнѣніе Шиффа подтвердилось—сахаръ былъ послѣдствіемъ чирьевъ.

3536. Письмо къ Н. П. Огареву.

18 мая (1869). Вторникъ.

Aix-les-Bains. N-1 Gaillard (3 maison).

Имѣю счастье повергнуть къ стопамъ вашимъ рапортъ о благополучномъ пріѣздѣ въ Бани.

На таможенѣ въ Бельгардѣ встрѣтился (я его вездѣ встрѣчаю: въ Лугано, въ Нионѣ, въ Марсели) Каншинъ, который безъ жены меня не боится. Онъ пересѣлъ ко мнѣ въ вагонъ. Изъ Петерб. онъ уѣхалъ въ концѣ апрѣля и ѣдетъ прямо туда черезъ Парижъ (пять ночей въ вагонѣ!). Говоритъ, что въ Россіи больно плохо, а самъ все богачѣетъ.

Н. и Лизу засталъ въ вождѣлѣннѣйшемъ здравіи, отдалъ письма и пр. Вѣроятно, въ пятницу или субботу пріѣдемъ. Пока онѣ приве-

¹⁾ Для Александра.

²⁾ Содержаніе безводной глюкозы—1 гр. 33 на 1.000 гр., гидрато-глюкозы—1 гр. 46.

Удѣльный вѣсъ—1009 (чистая вода при 15°=1,000).

Присутствие небольшого количества бѣлка.

дуть себя въ порядокъ, панъ съѣздитъ за тобой. Я полагаю, что больше *четырёхъ* дней тебя утомить (предполагая, что ты всякій день будешь приѣзжать въ третьемъ часу и уѣзжать въ десятомъ), а потому къ 25 мы бы могли Вишами или чѣмъ инымъ ѣхать. Мнѣ кажется, что во всѣхъ случаяхъ Брюссель основательно изучить, въ виду переѣзда, стоитъ.

Я вчера говорилъ съ N. и, дѣйствительно, вижу, что въ Женевѣ трудно что-нибудь сладить. Но, приготавлиаясь мѣсяцевъ *шесть*, можно изыскать удобный путь для тебя въ Брюссель. Отъ Женевы до Брюсселя, собственно, 30 часовъ ѣзды. Разбивши путь на три дня и постоянно бравши купе, сладить можно. Но можно ли безъ Тхоржевскаго или эквивалента? До тѣхъ поръ и Туцу пансіонъ можно сыскать, да и Генри, наконецъ, ты освободишь въ работу (à propos, кто именно тебѣ говорилъ, что онъ лѣтомъ поступитъ въ работники? Мнѣ кажется, что это говорилъ только онъ, и тогда не мѣшаетъ справиться).

Еще слово. Я отдалъ Чернецкому 118 фр. за напечатанное. Это будетъ отнесено на Бахм. ¹⁾ Но Тхорж. говорилъ, что, кажется, и ты за свое ему что-то платилъ. За что? И сколько? Если за послѣд. статью и двѣ, то это подлежитъ возврату.

У меня нѣтъ ни одного экземпляра деклараціи «Отъ издат. Колокола» ²⁾. Не можешь ли припасти? Посылать не нужно.

Остальное передай пану.

Здѣсь необычайно хорошо.

~~Въ~~ NB.—3 часа. Сейчасъ телеграмма: у Саши сынъ Владимиръ. Скажи пану.

3537. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 мая (1869).

Прежде, чѣмъ я пойду въ домъ Жеребцовой, мнѣ необходимо имѣть съ тобой конференцію и прошу тебя приготовить *ответы* по совѣсти, по дружбѣ и по мудрости безпристрастія.

1. Выкупается ли выгода и удовольствіе жизни въ Женевѣ, т.-е. вблизи съ тобой, на 6 мѣсяцевъ большими невыгодами?

¹⁾ На фонд Бахметева.

²⁾ Въ № 3369.

2. Не лучше ли ѣхать въ Брюссель на лѣто и Женевою къ зимѣ куда-нибудь на югъ?

3. Не слѣдуетъ ли вовсе оставить мысль тебѣ переселиться куда бы то ни было, а мнѣ поселиться гдѣ бы то ни было?

Напиши обдуманно и поговоримъ. Если у тебя будутъ гости, предупреди, что у тебя есть частное дѣло.

До разговора съ тобой я не рѣшусь ни на что.

Постараюсь прійти въ два.

3538. Lettre à Monsieur Edgar Quinet.

Mon cher et vénérable Monsieur,

Il y a deux ans de cela, je lisais en votre présence à Veytaux, chez notre vénérable ami J. Michelet, un petit article que je venais de traduire du *Kolokol*. Vous deux vous m'avez donné le conseil de l'envoyer à une feuille de Paris. Le vent n'était pas favorable—le journal s'est abstenu de l'admettre.

Depuis, je n'ai plus pensé à l'article, et j'étais tout étonné en voyant dans une lettre (qui m'est bien chère) et que vous m'avez adressée au commencement de cette année—pour me dire votre regret sur la suspension du *Kolokol*—une nouvelle mention du petit article ¹⁾.

Vous exprimiez le désir d'en avoir la traduction, je ne l'avais pas.

Un de ces derniers jours, à Genève, vous me la demandiez encore une fois. Je commençais involontairement à croire que mon article n'était pas sans mérite, et je me suis mis à le retraduire. C'était une exhumation. Deux ans pour un article de circonstance, c'est une éternité.

Malheureusement ce cri d'indignation n'est pas un anachronisme. Les deux années qui se sont écoulées depuis les sifflets de l'Opéra n'ont

¹⁾ Voici la lettre mentionnée:

Mon cher Monsieur,

Un mot seulement et mille vœux pour vous.

Personne ne regrette plus que moi le *Kolokol*. Rien ne le remplacera. J'ai besoin de vous remercier des bonnes heures que je vous dois. Chacun de vos numéros était pour moi une splendide *aurora boreale* dans notre muet occident.

Ah! je vous prie au moins de nous donner la traduction de l'incomparable *Mazourka* que vous nous avez lue à Veytaux.

Joies et prospérité.

Votre tout dévoué

E. Quinet.

Veytaux, 4 janvier 1869.

pas émoussé les sentiments durs et altiers de l'égoïsme national, n'ont pas amené la paix et la douceur dans l'âme du vainqueur. Aussi l'alliance slave ne marche pas. Tout s'est borné aux mannequins en papier mâché de l'exposition *ethographique* et aux dîners succulents à chaque halte. On ne crée rien de stable en laissant parmi les matériaux de construction des éléments de haine; on ne se réconcilie pas en gardant avec insolence des chapeaux de Gessler, pour faire courber la tête aux plus faibles¹⁾.

Ces quelques pages, Monsieur, vous appartiennent, veuillez les recevoir comme un bien petit témoignage de ma reconnaissance et un faible hommage d'un homme dont le cœur a tressailli lorsque, du haut de la tribune du Congrès de la Paix, *vous seul* vous avez rappelé à la conscience une génération... permettez-moi de dire—une génération qui commence à en avoir.

Votre tout dévoué,

Alexandre Herzen.

Genève, 29 mai 1869.

Переводъ.

Письмо г. Эдгару Кинэ.

Дорогой и глубокоуважаемый г. Кинэ.

Прошло два года, какъ я читалъ въ Vevey, въ вашемъ присутствіи, у нашего уважаемаго друга Ж. Мишле, маленькую статью, которую тогда только-что перевелъ изъ «Колокола». Вы оба совѣтовали мнѣ послать ее въ какую-нибудь парижскую газету. Время было неблагоприятное—газета не приняла ея.

Съ тѣхъ поръ я больше не думалъ о статьѣ и былъ очень удивленъ, найдя новое упоминаніе объ этой замѣткѣ въ вашемъ письмѣ (которое

¹⁾ Un rapprochement se présente involontairement à mon souvenir. En 1851, j'ai adressé une longue lettre à J. Michelet, imprimée sous ce titre: *Le Peuple russe et le socialisme*, dans laquelle j'ai hasardé de prendre la défense du peuple russe contre l'auteur de la légende de Kosciusko, pour lequel j'avais un profond respect. Je maintiens absolument tout ce que je disais, et il serait absurde de chercher une contradiction entre ma lettre de 1850 et mon article de 1867. Dans le dernier, il ne s'agit pas du tout du peuple russe, mais du cancer qui le ronge.—A. H.

мнѣ очень дорого), посланномъ вами въ началѣ этого года съ цѣлью выразить мнѣ сочувствіе по случаю прекращенія «Колокола»¹⁾.

Вы выражали желаніе имѣть переводъ. Его у меня не было.

На-дняхъ въ Женевѣ, вы опять попросили его у меня; я неволью подумалъ, что статья моя имѣетъ нѣкоторыя достоинства, и сталъ вторично переводить ее. Это было похоже на выкапываніе мертваго тѣла. Два года, это—цѣлая вѣчность для статьи, написанной на случай.

Къ сожалѣнію, этотъ крикъ негодованія не сталъ анахронизмомъ. Два года, протекшіе со времени свистковъ въ Оперѣ, не смятили суровыхъ и горделивыхъ чувствъ національнаго эгоизма, не внесли мира и кротости въ душу побѣдителя. Славянскій союзъ тоже не подвигается. Все ограничивается манекенами изъ папье-маше на этнографической выставкѣ и обильными обѣдами на каждой останковѣ. Нельзя построить ничего прочнаго, если между строительнымъ матеріаломъ оставлять элементы ненависти; нельзя помириться, когда нагло сохраняютъ Геслеровскія шляпы, чтобы заставить болѣе слабыхъ согнуть головы²⁾.

Эти нѣсколько страничекъ принадлежатъ вамъ; примите ихъ, какъ слабое свидѣтельство моей признательности и какъ дань ува-

1) Вотъ вышеупомянутое письмо:

Дорогой другъ!

Обращаюсь къ вамъ съ однимъ только словомъ и съ тысячею пожеланій.

Никто больше меня не сожалѣетъ о прекращеніи «Колокола». Ничто не замѣнитъ его. Я чувствую потребность поблагодарить васъ за тѣ пріятныя часы, которыми я ему обязанъ. Каждый изъ вашихъ номеровъ былъ для меня ослѣпительнымъ сверкающимъ сіяніемъ посреди нашей западной ночи.

Ахъ, прошу васъ дать намъ, по крайней мѣрѣ, переводъ вашей несравненной «Мазурки», которую вы прочли намъ въ Vevey.

Желаю вамъ радостей и благополучія.

Совершенно вамъ преданный

Э. Кинэ.

Vevey, 4 января 1869.

2) У меня неволью напрашивается сравненіе. Въ 1851 г. я написалъ большое письмо Мишлѣ, напечатанное подъ заглавіемъ «Русскій народъ и социализмъ», въ которомъ осмѣлился взять подъ свою защиту русскій народъ противъ автора легенды о Костюшко, хотя и питалъ къ нему глубокое уваженіе. Я подтверждаю абсолютно все, что говорилъ тогда, и было бы желаніе искать противорѣчій между моимъ письмомъ 1851 г. и моею статьею 1867 г. Въ послѣдней рѣчь идетъ вовсе не о русскомъ народѣ, а о язвѣ, разъѣдающей его.—А. И. Г.

женія со стороны челоуѣка, сердце котораго вдрогнуло, когда, съ вы-
соты трибуны мирнаго конгресса, *вы одинъ* призвали къ совѣсти
поколѣніе, которое, позвольте мнѣ сказать это, начинается ее имѣть.

Преданный вамъ

Александръ Герценъ.

Женева, 29 мая 1869.

3539. [Изъ отвѣта «Биржовичъ Вѣдомостямъ»].

Какимъ же образомъ мой біографъ, такъ пристально читая «Былое и думы», что не забылъ *ни вятскихъ дѣлъ, ни сада при квартирѣ, игнорируетъ*, что я никогда ни на какой пирушкѣ не пѣлъ, подгулявши, никакой пѣсни, и что дѣло студентскаго праздника, устроеннаго подлымъ агентомъ неблагороднаго правительства, Скареткой, было полицейской ловушкой, на которую мы не попались и, всетаки, были сосланы? Я протестовалъ противъ этой лжи въ присутствіи всей коммисіи, судившей насъ. Все это очень неважно, давно забыто, но не могло быть неизвѣстно челоуѣку, принявшемуся разказывать въ карикатурѣ мою жизнь. На какомъ основаніи біографъ или слѣдопроизводитель повѣрилъ больше полицейской версіи, чѣмъ моей? Не потому ли, что онъ съ полиціей дружище, чѣмъ со мной?

Затѣмъ послѣ преувеличенной картины вліянія лондонскаго станка (В) стряпчій правительства продолжаетъ (С).

Приходится опять разказать, какъ дѣло было и какой «полячокъ» подшутилъ надо мной.

Я нѣсколько разъ получалъ ругательные письма, всякій разъ безъ подписи, но съ угрозами. Я ихъ бросалъ. Но въ 59 году случилось вотъ что. Утромъ мнѣ принесли письмо изъ Петербурга, посланное черезъ Бельгію. Въ немъ мнѣ *совѣтовали* быть осторожнымъ, не выѣзжать изъ Англіи и говорили, что Шуваловъ хочетъ, во что бы то ни стало, уничтожить нашу прессу или меня, хотя бы для этого пришлось убить меня и пр. Мнѣ надобно было повидаться въ тотъ день съ лондонскимъ Ротшильдомъ. Выходя изъ его кабинета, я вверху встрѣтилъ его секретаря Кестнера. Онъ мнѣ сказалъ, что на мое имя получено письмо, и что оно лежитъ на каминѣ. Я возвратился, взялъ письмо и, раскрывъ, увидѣлъ слово въ слово такую же записку. Я подалъ ее Ротшильду и попросилъ его прочесть, прибавляя, на всякій случай, что я буду очень благодаренъ, если онъ подтвердитъ, что

только-что я получилъ у него въ кабинетѣ и при немъ распечаталъ. При этомъ я ему показалъ и другое письмо, полученное утромъ,—оба были писаны по-французски. Дня черезъ три одинъ *изъ наиболѣе уважаемыхъ людей* въ Россіи,—надѣюсь, что читатель не сдѣлаетъ надо мной шалости, не спроситъ имени и повѣритъ моему слову,—сообщилъ мнѣ то же и добавлялъ, что не мѣшаетъ взять свои мѣры противъ какой-нибудь скандальной попытки. Последнее мнѣ показалось вѣроятнѣе, чѣмъ угроза убить изъ-за угла: при мнѣ были примѣры подобной расправы между французами. Чтобы кончить разомъ эти полицейскія забавы, я написалъ шуточное письмо къ Бруннову. Смѣхъ былъ не со стороны моихъ противниковъ. Это письмо, какъ прежде мое письмо къ франкфуртскому сенату, было перепечатано въ десяти журналахъ. Ему придали такую важность, что Шедо-Ферроти взошелъ въ роль Бруннова и печатно отвѣчалъ мнѣ. Его отвѣтъ позволили продавать въ Россіи.

«Биржевыя Вѣдомости», воспользовавшіяся очень любезно моею шуткой о «Прозерпинѣ», страннымъ образомъ не знаютъ вовсе никакихъ отечественныхъ традицій, ни того, какъ поступали съ дѣтьми великихъ мучениковъ, какъ Трубецкіе, Ивашевы и пр., ни того, до чего доходили посягательства нашихъ дипломатическихъ агентовъ и шпионовъ *in partibus*. Испытавъ страшнѣйшее оскорбленіе отъ англійскаго министерства по случаю просьбы о выдачѣ Н. И. Тургенева, они старались его увезти, если не какъ Прозерпину, то какъ княжну Тараканову или какъ Войнаровскаго.

Кстати къ дѣтямъ нашихъ мучениковъ. Вотъ въ какомъ дѣвственномъ невѣдѣннѣ живутъ «Бирж. Вѣд.». Невѣдѣніе это очень мило, но тогда надобно называться «Вѣдомостями Смольнаго Монастыря» или «Троицко-Сергіевской Лавры», а не «Биржевыми».

3540. Письмо къ Э. Кинэ.

12 juin 1869.

Genève. 19 Prè l'Evêque. Pens. Kraass.

Cher Monsieur,

J'ai reçu avec la plus vive reconnaissance les trois lettres pour Bruxelles, que Vous avez eu la bonté de m'envoyer.

Vous trouverez sur l'autre page de ma lettre les strophes citées dans mon article de la «Spigolatrice di Sapri»—je les ai copiées pour les offrir à Madame Quinet. C'est admirable de naïveté—la première fois

lorsque je lisai ces vers, la belle figure de Pisacane était comme présente—
et j'ai pleuré comme un enfant.

... E sono morti

Vous recevrez en même temps quelques exemplaires de la «Mazourka»
ressuscitée pour Vous.

Je Vous salue de tout mon coeur et reste votre tout dévoué.

Alex. Herzen.

Sceser con l'armi e a noi non fecer guerra,
Ma s'inchinaron per bacciar la terra:
Ad uno, ad uno li gardai nel viso:
Tutti avean una lagrima e un sorriso,
Li disser ladri, usciti dalle tane,
Ma non portaron via nemmeno un pane;
E li sentii mandare un solo grido:
Siam venuti a morir pel nostro lido—
Eran trecento, eran giovani e forti:
E sono morti!

Con gli occhi azzuri, e coi capelli d'oro,
Un giovin camminava innanzi a loro;
Mi feci ardita, e preso'l per la mano,—
Gli chiesi: Dove vai bel capitano?
Guardommi e mi rispose: O mia sorella,
Vado a morir per la mia patria bella!
Io me sentii tremare tutto il core,
Nè potei dirgli: V'ajuti il Signore!
Eran trecento, eran giovani e fort:
E sono morti!

L. Mercantini

(La Spigolatrice di Sapri).

12 juin 1869 ¹⁾.

Переводъ.

12 июня 1869.

Женева, 19, Пре l'Eveque. Pens. Kraass.

Cher Monsieur.

Я получилъ съ живѣйшею признательностью три письма для
Брюсселя, которыя,—вы были такъ добры,—что прислали мнѣ.

¹⁾ Переводъ см. стр. 337, т. XIII.

Вы найдете на другой страницѣ моего письма цитированныя въ моей статьѣ строфы изъ «Spigolatrice di Sapri»,—я ихъ переписалъ, чтобы предложить ихъ m-me Кинэ. Это восхитительно въ своей наивности, въ первый разъ, когда я читалъ эти стихи, прекрасный образъ Пизакане какъ будто стоялъ предо мною—и я плакалъ, какъ дитя.

. . . E sono morti!

Вы получите вмѣстѣ съ этимъ нѣсколько экземпляровъ воскрешенной вами «Мазурки».

Привѣтствую васъ отъ всего сердца и остаюсь всецѣло вамъ преданный

Алекс. Герцень.¹

◆◆ 1. 16 іюня Кинэ отвѣтили сердечнымъ письмомъ изъ Vevey: «Дорогой Герцень, еще разъ—моя благодарность за героическую «Мазурку». Письмо, которое вы написали въ началѣ, есть дружественный договоръ между нами. Я поищу отголоска въ нашихъ газетахъ, но они слишкомъ напуганы своею побѣдою. Я совсѣмъ недавно испыталъ это. Моя жена очень признательна за восхитительныя строфы, которыя вы потрудились переписать. Ничего нѣтъ болѣе захватывающаго, болѣе энергичнаго. Онѣ заслуживаютъ того, чтобы быть—вашими. Какимъ вечеромъ мы вамъ обязаны! Какими разсказами! Какою жизнью! Все это продолжаетъ вибрировать во мнѣ поминутно. Если въ Брюсселѣ я могу вамъ быть для чего-нибудь полезнымъ, это для меня было бы честью. Только извѣстите меня. Добраго здоровья, хорошаго пути и возвращайтесь къ намъ скоро» («Lettre d'exil», IV, 126).

3541. Письмо къ сыну.

12 іюня (1869).

Вотъ, г. Докторъ, и 500 fr.; о распредѣленіи я писалъ въ прошломъ письмѣ.

Передай Татѣ письмо отъ N.

Ольгѣ буду и будемъ писать.

Надѣюсь, что газеты читаете.

Посылаю русскую штуку; они еще дальше идутъ.

Сейчасъ отвѣчай на адресъ Тхоржевскаго.

Жду миѣніе докторовъ о минеральной курѣ ¹⁾ Ольги.

Я ѣду черезъ недѣлю.

¹⁾ Лѣченіе.

3542 Письмо къ О. А. Герценъ.

13 juin 1869.

Chère Olga; je te demande toute ton attention et tout ton cœur pour une communication très grave et qui doit immensément influencer sur nos rapports. Elle fera une ligne entre le passé et l'avenir. Elle doit nous rapprocher, serrer les liens. Il y a des années un bandeau pèse sur moi—ton âge et les petites considérations qui gatent tout, m'ont fait garder de toi un secret—c'est que Lise est ta soeur, c'est que Natalie, vous et Lise vous formez une famille—et une famille dans laquelle—comme frère et père, comme ami et proche parent reste Ogareff—qui vous aime tous, comme il m'a aimé, moi et votre mère. Il t'écrit lui même. Nous avons longuement discuté en trois à Genève, et Natalie a pris l'initiative de te dire le secret qui nous pesait à tous. Je me sentais malheureux en pensant à une nouvelle réunion avec toi (que je veux et désire de tout mon cœur)—sans t'avoir dit la vérité.

Ma franchise doit te servir de preuve que je ne te traite plus comme un enfant, que je t'aime avec estime—c'est pour cela que j'ai voulu finir une fausse position qui ne pourrait que jeter de l'ombre et du trouble sur nos rapports. Tu le sais bien, je déteste le sentimentalisme français—je n'ajouterai pas de phrases, je me borne de te dire la vérité—et le reste doit se faire par ton cœur.

Mon idéal serait de ne jamais amoindrir l'amour qu'a Ogareff pour Lise et elle pour lui. Lise doit réunir nos deux noms et s'appeller Herzen-Ogareff, lier et confondre à travers toute notre existence. Lise nous réunira, nous représentera au-delà de la tombe, et continuera la tradition de notre amitié.—Ma conscience est maintenant tranquille. J'ai fait ce que j'ai voulu des années.—Je t'embrasse sur cela de tout mon cœur—et attends ta réponse—chère Olga,

ton père.

Je n'ai, chère Olga, rien à ajouter, maintenant le dernier nuage entre toi et moi—nuage apporté par les circonstances—a disparu. Loin de nous—près de nous—tu resteras ma fille—je n'ai plus de mystère à te cacher. Tata—qui m'aime beaucoup et me connaît—t'expliquera tout. Ecris moi et écris à Natalie et à «Aga», écris aussi à Lise.

Je t'embrasse sur le front.

Comme Lise ne sait pas encore le tout, soit un peu prudente dans ta lettre.

Переводъ:

13 июня 1869.

Дорогая Ольга!

Прошу двоюго полнаго вниманія и открытаго сердца, такъ какъ собираюсь сообщить тебѣ весьма важное обстоятельство, которое должно оказать невѣроятно большое вліяніе на наши отношенія. Оно проведетъ черту между прошедшимъ и будущимъ. Оно должно насъ сблизить, сдѣлать болѣе тѣсными узы, связывающія насъ. Годы цѣлые тяготить меня бремя,—твой возрастъ и нѣкоторыя мелкія соображенія, которыя все портятъ, заставили меня держать отъ тебя въ секретѣ, что Лиза—твоя сестра, и что Натали, вы и Лиза составляете одну семью, въ которой, какъ братъ и отецъ, какъ другъ и близкій родственникъ, остается Огаревъ, любящій васъ всѣхъ, какъ онъ любилъ меня и вашу мать. Онъ самъ тоже пишетъ тебѣ. Мы, всѣ трое, долго обсуждали въ Женевѣ этотъ вопросъ, и Натали взяла на себя инициативу открыть тебѣ тайну, тяготившую насъ всѣхъ. Я чувствовалъ себя несчастнымъ при мысли жить вмѣстѣ съ тобою (чего я отъ всей души желаю), не рассказавши тебѣ правды.

Моя откровенность должна послужить тебѣ доказательствомъ, что я уже не обращаюсь съ тобою, какъ съ ребенкомъ, что я тебя не только люблю, но и уважаю. Вотъ почему я желалъ прекращенія ложнаго положенія, которое не могло не омрачить нашихъ отношеній. Ты отлично знаешь, что я терпѣть не могу французскаго сентиментализма, прибавлять фразъ я не буду. Ограничиваюсь тѣмъ, что сказалъ тебѣ правду, а остальное—дѣло твоего сердца.

Моимъ идеаломъ было бы, чтобы никогда не уменьшалась взаимная любовь Огарева и Лизы. Лиза должна соединить оба нашихъ имени и называться Герценъ-Огаревой, она должна проникнуть сквозь все наше существованіе. Лиза насъ соединитъ и будетъ нашей представительницей по ту сторону гроба, она продолжитъ традицію нашей дружбы. Теперь совѣсть моя спокойна. Я сдѣлалъ то, что годы цѣлые хотѣлъ сдѣлать. Затѣмъ, дорогая Ольга, цѣлую тебя отъ всего сердца и жду твоего отвѣта.

Твой отецъ ¹⁾.

¹⁾ Слѣдуютъ строки Огарева, послѣ которыхъ писалъ опять Герценъ.

Мнѣ нечего прибавить, дорогая Ольга. Последнее облачко между мною и тобою,—облачко, вызванное обстоятельствами, исчезло. Вдали ли отъ насъ, вблизи ли насъ, ты остаешься моей дочерью, у меня нѣтъ больше тайнъ отъ тебя. Тата, которая знаетъ меня и очень любить, объяснить тебѣ все. Пиши мнѣ, пиши Натали и «Ага», напиши также Лизѣ.

Цѣлую тебя въ лобъ.

Такъ какъ Лиза еще не знаетъ всего, то будь немного осторожна въ письмѣ къ ней.

3543. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(15—18 іюня 1869).

Съ выѣзда изъ Женевы *мы назовемъ однимъ именемъ*. Лизѣ надобно здѣсь еще втроемъ сказать, не поражая воображенія; она должна любить также Ага, пусть она и его называетъ папой, какъ прежде, пусть (это моя фантазія) она привыкнетъ называться Герцень-Огарева (я даже и Ольгу готовъ съ Татой такъ назвать, но, кажется, поздно).

Затѣмъ ѣдемъ рѣшительно въ среду или четвергъ въ Брюссель. Ну, дай руку—согласна?—да и кончено.

3544. Письмо къ сыну.

18 іюня (1869). Пятница.
Genève.

Несмотря на то, что ты почти совсѣмъ не пишешь, я пишу о разныхъ дѣлахъ и начну съ самаго важнаго, о чемъ прошу очень обдумать и отвѣчать очень внимательно. Есть нѣкій Gau, издатель библиографическихкихъ книгъ. Онъ печатаетъ уже четыре года у Чернецкаго и теперь заводитъ книжную лавку или издательскую въ Генуѣ, куда и ѣдетъ черезъ мѣсяцъ съ семействомъ. Этотъ Gau предлагаетъ Чернецкому перевести типографію въ Геную и ассоціироваться съ нимъ. Работы у него на два года впередъ есть. Чернецкій можетъ ассоціироваться или начать на свои деньги. Теперь вотъ въ чемъ мои вопросы и предложенія:

1-ое. Ты легко можешь узнать отъ Бергана или кого другого, точно ли въ Генуѣ типографій мало, точно ли работа дешаяа, словомъ, можно ли положиться на то, что переѣздъ будетъ выгоденъ.

2-ое. Не хочешь ли ты вступитъ особо въ ассоціацію съ Чернецкимъ и тѣмъ отстранить меня вовсе и самому вести дѣло съ нимъ на торговомъ основаніи? Я могъ бы тогда сдѣлать опытъ и выдѣлить сначала 5,000 тебѣ... потомъ усилить, если дойдетъ. Контроль и участіе въ веденіи типогр. непременно должны равно принадлежать тебѣ и ему.

Боюсь для Чернецк. незнанія языка и его непривычки къ дѣламъ, зато за честность его можно отвѣчать.

Хочешь ты или нѣтъ, это отъ тебя зависитъ, но узнать о Генуѣ я очень прошу.

Мы все еще здѣсь; лѣта совсѣмъ нѣтъ, постоянно холодно, но живется здѣсь на этотъ разъ покойнѣе. Огар. выдаемъ всякій вечеръ. Бакун. ошпарилъ ногу и потому дома. Еще задержала Лиза—она упала съ лѣстницы и зашибла палецъ на ногѣ. Однако, думаю, все же, на-дняхъ дустится черезъ Невшатель въ Страсбургъ и оттуда черезъ Монсальбургъ въ Брюссель. Огар. я очень доволенъ и кой чѣмъ не совсѣмъ. Онъ овецъ, кажется мнѣ, подпадаетъ въ зависимость М¹)..., а она становится требовательнѣе. О Туцѣ я писалъ уже. Вчера я встрѣтилъ М-ле Прогеръ.

Она мнѣ говорила, что теперь пансіонъ у нея готовъ, т.-е. Туцъ можетъ и жить; но М. этому противодѣйствуетъ.

3545. Письмо къ М. К. Рейхель.

18 июня 1869. Пятница.
Genève.

Вотъ я, любезнѣйшая Марья Каспаровна, и паки въ сосѣдствѣ, хоть и не надолго. Больно скучно въ нашей милой Швейцаріи; хочу съѣздить въ Брюссель, посмотрѣть. Есть два плана: одинъ—стативаться къ Брюсселю, другой—типографитъ въ Генуѣ. Второе лучше для дѣтей и климата, первое дѣльнѣе.

Что вы и ваши, что старшіе и дѣти? Да, главное, напишите о себѣ и о Егорѣ Ив. Онъ мнѣ не отвѣчалъ, а самъ вызвался на письмо. Я недавно имѣлъ письмо отъ Тат. Алексѣевны, очень теплое и милое. Она въ страшной бѣдности и совсѣмъ больна.

¹) Мэри.

Объ нашихъ вы, вѣроятно, знаете. У Саши родился сынъ—Владимиръ и онъ, т.-е. не новорожденный, а промежуточный, ведетъ большую войну съ попами. Тата яичится съ Волдыремъ, Ольга съ Мейзенбургъ, которая все кричитъ отъ здоровья. Тата, вѣроятно, къ зимѣ придетъ, объ Ольгѣ не знаю. Я вамъ предлагаю всѣмъ переѣхать года на два въ Парижъ для послѣдней отшлифовки; не знаю, уговорю ли Мейзенб. Что въ Парижѣ начинается новая жизнь, въ этомъ трудно сомнѣваться. Да, вѣдь, 20 лѣтъ съ 13 июня 1849 г., когда вы жили въ Ville d'Avray... Знаете ли вы, что Ник. П. Боткинъ, вѣроятно, выпивши, упалъ въ отелѣ за окно и убится?

Скажите Ад. Vogt'у, что, по совѣту Карла, я дѣлалъ разложеніе у Вилп и что оказалось такъ мало сахара, что я въ Vichy до будущаго года не поѣду. Прибавьте, что я нашла Огар. ногу гораздо лучше, онъ ходитъ плохо, но ходитъ съ тростью.

Мастодонтъ Бакунинъ шумитъ и громитъ, зоветъ работниковъ на уничтоженіе городовъ, документовъ—ну, Атилла да и только. Не вполне съ нимъ согласный, я очень въ хорошихъ ладахъ.

Рейхеля обнимаю. Я вамъ послалъ неважную статейку, въ которую влюбленъ Кинэ¹⁾.

Прощайте.

Пишите просто: Genève или Pension Краазъ.

P. S. Я ѣду съ Нат. Ал. и Лизой во вторникъ или среду; онѣ вамъ кланяются.

3546. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 июня (1869).

Женева. 19, Pré l'Evêque, Pension Kraass.

За отпочку сильно благодарю. Отправляемся въ субботу вечеромъ или въ воскресенье утромъ. Вѣроятно, къ зимѣ я побываю въ Женевѣ и, можетъ, къ вамъ загляну.

Что же вы Алекса мучите за Гомеромъ и Китомъ Ливіемъ? Все старая метода. Пусть учится математикѣ, физикѣ, химіи и пр.,—ему не въ Мюллеръ-Стрюбинги опредѣляться.

У меня на душѣ лежитъ, что я обѣщала дѣтямъ въ прошломъ году какой-нибудь подарокъ, да и подарилъ Татину оспу. А потому не отриньте просьбу старика и передайте внучатамъ прилагаемые

¹⁾ «Мазурка» на франц. языкѣ.

50 фр., Ал. 25 изъ нихъ на extra въ путешествіи, а меньшимъ—какъ сердце и умъ на разумъ положить.

Усердно кланяюсь и обнимаю всѣхъ.

Будьте здоровы.

Бакунинъ шумить...—и слонъ и Этна Ніагаровна... бѣда, подходит опасно: сейчасъ на висѣлицу, а потомъ въ уничтоженіе для блага людского. Меня еще милуетъ.

3547. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

23 juin (1869).
Genève.

Très chère Malvida, vous ne pouvez pas vous imaginer comme je suis content que je me suis défait d'un mensonge qui m'a été imposé non par un sentiment moral, mais par des considérations de convenances—que je n'accepte pas, que je combats. Il fallait trancher le noeud, et la lettre d'Olga m'a extrêmement touchée par le ton simple et tranquille. J'attends maintenant votre lettre. Cela ne change rien, et change pourtant l'éclairage.

Nous allons dans quelques jours, peut être Samedi, à Bruxelles. C'est un essai. On suffoque d'ennui à Genève. Zurich n'a pour moi de charme que Kinkel. Si cela n'ira pas—nous descendrons au mois de Décembre, et par attraction calorique—peut être nous nous rapprocherons quelque part. Votre idée d'aller près du lac de Garde est bonne. On m'a dit que c'est très beau. Quant aux eaux minérales pour Olga—ne faites rien sans un conseil de Schiff gründlich. Sa santé m'étonne... peut être il faudrait plus de mouvement, plus de viande, de l'eau froide. Moi, comme vous savez, je n'irai pas à Vichy.

E. Quinet me pousse de toutes les forces à publier la continuation de mes mémoires en français. Il me prédit beaucoup de succès. Je verrai ce que l'on peut faire à Paris ou à Bruxelles. Je viens de recevoir une lettre de Michelet. Les deux sont très contents des élections. Et il n'y aura rien de changé... C'est évident que l'émeute des rues était une invention de la police et une manière de punir Paris. Il y a un tas de poltrons qui l'ont quitté.

Avant de recevoir une nouvelle adresse, écrivez toujours au nom de Tchorzewski ou Ogareff à Genève. J'embrasse et je remercie Olga, peut être je lui écrirai demain.

Adieu.

Переводъ.

23 юня.

Дорогая Мальвида!

Вы не можете себѣ представить, какъ я доволенъ тѣмъ, что избавился отъ лжи, которая была навязана мнѣ не моральнымъ чувствомъ, но соображеніями приличія, которыхъ я не признаю и съ которыми воюю. Надо было разрубить узелъ, и письмо Ольги очень растрогало меня своимъ естественнымъ и спокойнымъ тономъ. Жду теперь вашего письма. Это ничего не измѣнитъ, но освѣщеніе, все-таки, измѣнится.

Черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, въ субботу, мы поѣдемъ въ Брюссель. Это будетъ опытъ. Въ Женевѣ задыхаешься отъ скуки. Цюрихъ для меня привлекателенъ только присутствіемъ Кинкеля. Если дѣло не пойдетъ, мы въ декабрѣ уѣдемъ, и, при посредствѣ теплого притяженія, можетъ быть, гдѣ-нибудь и встрѣтимся. Ваше намѣреніе отправиться на Гардское озеро прекрасно. Мнѣ говорили, что тамъ очень красиво. Что касается минеральныхъ водъ для Ольги, то не предпринимайте ничего, не посоветовавшись основательно съ Шиффомъ. Здоровье ея удивляетъ меня... Можетъ быть, нужно было бы побольше движенія, побольше мяса, побольше холодной воды. Я, какъ вы уже знаете, не поѣду въ Виши.

Э. Кинэ всячески настаиваетъ на томъ, чтобы я издалъ на французскомъ языкѣ продолженіе моихъ воспоминаній. Онъ предсказываетъ большой успѣхъ. Посмотрю въ Парижѣ или въ Брюсселѣ, что можно будетъ сдѣлать. Недавно отъ Мишле письмо получилъ. Оба очень довольны выборами ¹⁾. А перемѣны никакой не будетъ. Теперь ясно, что возмущеніе на улицахъ было изобрѣтено полиціею, и что оно явилось способомъ возмездія Парижу. Куча трусовъ покинула Парижъ.

Ранѣе полученія новаго адреса пишите на имя Тхоржевскаго или Огарева въ Женеву. Обнимаю Ольгу и благодарю ее; завтра, можетъ быть, напишу ей.

Прощайте.

¹⁾ Выборы 1869 г. во французскій Законодательный корпусъ, давшіе оппозиціи столько мѣсть, сколько она ни разу не имѣла за весь періодъ второй имперіи. Подавляющее большинство, конечно, осталось, все-таки, за правительствомъ.

3548. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 июня (1869).

Strasbourg, Hôtel de Paris.

Пиши въ Bruxelles, poste-restante. Здѣсь дѣлать нечего, и, вѣроятно, 2 утромъ мы тамъ будемъ. Nat. была послѣдніе два дня нездорова,—сильныя головныя боли и вообще ревматизмъ. Она, кажется, не выносить сквозныхъ вѣтровъ (и это—наслѣдство Ал. Ал.). Лиза ѣстъ, спитъ и въ самомъ веселомъ уморѣ. Вотъ и все.

Жду отъ тебя твою нравственную смѣту по части новаго «Колокола». Не взять ли ему эпитафю Пугачева: «Redivivus est ultor»¹⁾? Вотъ былъ бы радъ Нечаевъ! Но одно не забудь: «Колоколь» невозможенъ въ направленіи, которое ты и Бак. приняли. Онъ можетъ только издаваться въ духѣ прежняго. Сверхъ того, voleo vedere²⁾ корреспонденціи. Я, можетъ, напечатаю гдѣ-нибудь въ Брюсселѣ нашихъ часть препинаній (по части социализма, можетъ, формы слѣдуетъ измѣнить).

Затѣмъ прощай.

Не забудь послать Саши отвѣтъ для Penisi; сдѣлай его не пространнѣмъ.

Прощай.

◆◆ 1. Сергѣй Геннадіевичъ Нечаевъ пріѣхалъ въ Женеву въ мартѣ 1869 г., сейчасъ же познакомился съ Бакунинымъ и увлекъ его своей желѣзной волей, темпераментомъ и преданностью революціонному дѣлу. Онъ убѣждалъ въ томъ другихъ и Герцена, что мужицкая Россія готова возстать, что представляемый имъ Комитетъ имѣетъ серьезныя связи съ арміей, и захватъ власти Комитетомъ—дѣло времени. «Отношеніе Герцена къ Нечаеву было съ самаго начала крайне скептическое, и А. И. хотя и признавалъ въ Нечаевѣ человѣка съ желѣзнымъ характеромъ, однако, не довѣрялъ ему, предполагая, что онъ въ увлеченіи своемъ преувеличиваетъ значеніе задуманнаго имъ и его прозелитами дѣла. Однако, какъ Бакунинъ, такъ и Огаревъ неоднократно завѣряли насъ, что и Герценъ также вѣрилъ въ существованіе комитета въ Россіи. «Подождемъ,—говорилъ Герценъ,—не можетъ же быть, чтобы къ намъ не обратились письменно. Нечаевъ—лишь первая ласточка, прилетѣвшая сюда. Навѣрное, вскорѣ получимъ

¹⁾ Вновь ожилъ мстителъ.

²⁾ Желая видѣть.

«обстоятельныя свидѣнія, тогда и рѣшимъ, какъ быть». Таково было мнѣніе Герцена въ первое пребываніе Нечаева въ Женевѣ» (З. Ралли «М. А. Бакунинъ», «Минувш. Годы», 1908, X, 157, 158). Огарева говоритъ, что «рѣдко кто-нибудь былъ такъ антипатиченъ Герцену, какъ Нечаевъ» (стр. 265 «Воспоминаній»).

3548 bis. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 іюля. 6 утра.

Метцъ. Grand Hôtel de l'Europe.

Думаль ли я, когда Бушо меня училъ и рассказывалъ, какъ онъ въ 93 упражнялся въ террорѣ въ Метцѣ, что мнѣ придется здѣсь ночь ночевать? Въ письмѣ, присланномъ Тхор. въ Страсбургъ, была записка отъ консьержи m-lle Michel, что у нея былъ ударъ; а намъ было ѣхать черезъ Метцъ,—ну, N. и хотѣла ее навѣстить,—а тутъ спутались поѣздами и должны были ночевать. N. отправилась теперъ (въ 6 съ чѣмъ-то утра,—для тебя все это баснословно). Я стерегу Лизу (она кашляетъ—съ Базеля стужа, дождь... ну, лѣто!), а въ 9 всѣ должны быть въ амбаркадерѣ. Къ вечеру (если не опоздаемъ) въ Брюсселѣ.

Твое письмо, разумѣется, получилъ и обязанъ протестовать, 1-ое; противъ непризнанія коренной въ тройкѣ. *Considérant*, ¹⁾ что тройки безъ коренной не бываетъ; *considérant*, что ямщики кричатъ: «по всѣмъ по тремъ, коренной не тронь»,—я же сказалъ: «такую тройку, въ которой ты коренной, стоитъ изучить». Протестую, что ты отнесъ и это къ фонду и потому пристегнулъ Чернецъ. Я же говорилъ о «психѣ»—Бакун., Нечаевъ на пристяжкѣ и о тебѣ въ корню.

Примусь писать въ Брюсселѣ; много набралось матеріала; не знаю, напишу ли что-нибудь, но надобно было на волю. У васъ, отцы-тріумвиры, воли не можетъ быть да и у всѣхъ террористовъ не можетъ быть. Бакун. тяготитъ массой, юной страстью, безтолковой мудростью. Нечаевъ, какъ абсентъ, крѣпко бьетъ въ голову. И то же дѣлаетъ безмѣрно тихая-тихая и платонически террористическая жила, въ которой ты себя поддерживаешь.

Мнѣ, наконецъ, и эта государственная дѣятельность на уничтоженіе государства и это казенно-бюрократическое устройство уничто-

¹⁾ Принимая во вниманіе.

женія вещей сдается какимъ-то *delirium'омъ tremens* ¹⁾. Въ Nancy я посмотрѣлъ, какъ и въ Страсбургѣ, на изуродованные статуи-памятники и мнѣ жаль стало якобинцевъ, что они такъ пакостничали.

Далѣе ничего. У тебя есть отъ кашля превосходный рецептъ, который я привезъ изъ Флоренціи.

Настоящій ты мой Робеспьеръ—съ одной стороны грозный, съ другой—и пасторальный и сентиментальный... Это насчетъ фантазіи о фамильномъ пансіонѣ. Я привыкъ отъ N. слышать такого рода проекты—безъ базы и фундамента. Что касается до Туца, мое мнѣніе инвариабельно, что его слѣдуетъ отдать въ пансіонъ или школу, если хотѣтъ его пустить по суровому, но здоровому пути работы. Что я это говорю по полному убѣжденію и уже, конечно, не для того, чтобы дразнить тебя, ты повѣришь—открой глаза и подумай.

Мишель N. не видѣла; она безъ языка и очень плоха. D-ра не пускаютъ, а говорятъ, что прожить можетъ.

3549. Письмо къ сыну.

5 іюля (1869). Поведѣльничь.
Брюссель.

Любезный Саша, письмо о болѣзни, Влад. пришло вчера, послѣ обѣда. Мнѣ нечего тебя звать на мужество, потому что, кажется, ты себя вель умно. Съ нетерпѣніемъ жду и ждемъ дальнѣйшихъ вѣстей. Кажется, Левье вынесъ дѣло геройски.

Ты еще только начинаешь семейную жизнь. Она имѣетъ хорошіе дни, свѣтлыя полоски, но фонъ ея страшенъ; много сильныхъ людей истерзалось въ ней; она по куску отрываетъ сердце до тѣхъ поръ, пока его морально не будетъ (равнодушіе) или физически.

Надѣюсь и еще разъ жду писемъ. Обнимаю васъ.

Спроси у Таты, что Nat. писала о Туцѣ. Я совершенно съ ней согласенъ. Мэри за него уцѣпилась съ какими-то надеждами, а вести его не умѣетъ. Огар. любить его страстно, а видѣтъ, что возлѣ дѣлается, не умѣетъ. Надобно кротко, тихо и передать его въ пансіонъ. Надобно сдѣлать изъ него работника такого, который, если способенъ, можетъ итти дальше. Напиши, когда ты зимой можешь быть въ Женевѣ (декабрь или январь).

Жму руку Левье.

¹⁾ Бѣлая горячка.

3550. Письмо къ сыну.

13 іюля 1869.

Bruxelles, 18, Rue de Paris.

Письмо отъ Таты какъ-то грустно посмѣшило меня; что это за милая старушка Мейзенб. Изъ чего она бьется и беспокоится, чтобы куда-нибудь ѣхать, когда нѣтъ необходимости и когда сама восхищается квартирой съ садомъ. Объ ея книгѣ одинъ отзывъ строгъ и довольно сходенъ съ тѣмъ, что я писалъ, помѣщенъ въ «Solidarité»; посылаю его тебѣ и Татѣ. Нужно ли показывать, не знаю. Въ «Journal des Débats» тоже статья Гильдебранта, но это хвалебная.

Насчетъ денегъ сдѣлай вотъ что, чтобы сколько-нибудь опять поставить въ рамы и не быть вамъ всѣмъ безъ гроша къ новому году,

я пришло тебѣ	1.250
Въ хозяйство Ольга—Мейз.	500
На уроки Ольгѣ	150
Татѣ	100

2.000+250 ¹⁾

Затѣмъ въ сентябрѣ я пришло:

Мейзенб., Ольгѣ	1.500	} 3.000
Тебѣ (безъ вычета)	1.250	
Если Тата ост.	250	

Пожалуйста, затѣмъ наблюдайте бюджетъ. Ты видишь, что я непрерывно понемногу прибавляю, но надобно знать края и границы. А тутъ еще у Сатина сгорѣло на 30 т. вина на заводѣ,—опять разстройство дѣламъ Огар. Вы получаете слишкомъ 15 т. въ годъ,—это достаточно. Но зачѣмъ ты не думаешь о другихъ средствахъ? Въ Америкѣ курсъ нашихъ денегъ очень высокъ; можно было бы узнать отъ Каппа и тамъ сдѣлать приобрѣтеніе на капиталъ, который я охотно отдѣлю. Тебѣ 30 лѣтъ,—полная сила и время дѣятельности.

Ну что Франція васъ утѣшила? Бокетка ²⁾ пишетъ ко мнѣ, чтобы я его рекомендовалъ всѣмъ Стансфильдамъ на мѣсто Эскироса, избраннаго въ депутаты. Онъ, видно, собой доволенъ, но писать не могу.

Обнимаю тебя и Терезину.

Что Волдырчикъ?

¹⁾ См. прибав.—А. И. Г

²⁾ Бокэ.

15 іюля.

Письмо. Какъ глупо; что васъ обокрали.

Прибавл. на это еще 250 Мейзенб. и ей на хозяйство.

15 іюля.

Я придумаль и посылаю 3,250—оставьте 1,000 въ общую экономію—я ее вычту—ты получишь деньги отъ агента Rotschild въ Снеколѣ—и *тотчасъ напиши*—по полученіи.

3551. Письмо къ сыну.

19 іюля (1869).

18, Rue de Paris.

Напиши мнѣ сейчасъ двѣ вещи. 1-ое, продавая деньги Тхоржевскаго, я написалъ, чтобъ вамъ послали 2,250; потомъ подумаль, что для простоты пересылокъ теперь же послать еще 1,000. Они отсюда дѣло передали Ротшильду, и я остался въ недоумѣніи, что жъ, 2,250 или 3,250 послано, а мнѣ ихъ надобно возвратить въ капиталъ Тхоржевскаго. Итакъ, напиши ~~копѣйка~~ *въ копѣйку*, сколько получено.

Далѣе, отъ Нефталя письмо. Онъ блаженствуетъ въ Нью-Йоркѣ; говоритъ, что Votta ему рассказывалъ о твоихъ лекціяхъ. При этомъ онъ говоритъ, что ты, вѣрно, знаешь объ опытахъ Санковскаго насчетъ полезнаго дѣйствія мышьяка въ диабетѣ. «Важнѣе всего наблюденія Leube „Zur Path. et thérapie des Diabètes (Deutsches Arch. f. Klin. Med. 1869, V, 372—381)». Спроси у Шиффа, что онъ думаетъ о мышьякѣ, и справься. Въ этомъ второй вопросъ.

Вѣроятно, дофинъ выздоровѣлъ, и вы покойны.

А Америка-то такъ и тянетъ! Нефталь совсѣмъ сталъ другимъ человѣкомъ.

Здѣсь жить можно и несравненно лучше и шире, чѣмъ въ Швейцаріи, и дѣятельнѣе, чѣмъ у васъ; нравы, т.-е. ихъ *aménité*, замѣчательно разнятся отъ женевцевъ, но *sécurité* ¹⁾ никакой, того и гляди, что прогнать по пряжкѣ.

Со мной всѣ очень любезны. Но какъ нанять на годъ домъ; имѣя передъ глазами, какъ отсюда изгоняють иностранцевъ!

Перешли прилаг. листъ Татѣ. Ну, какъ она съ Мальвид.? и Ольга что? Я снова начинаю бояться, чтобъ и Тата не сдѣлала какой-нибудь

¹⁾ Увѣренность.

coup d'état бессмысленный. Какъ ты думаешь? Вопросъ этотъ между нами.

Я ѣду послѣ 1 августа на недѣлю въ Парижъ.

Деньги посланы 15 июля—Alla Spicola! Должны быть лично доставлены агентомъ Ротшильда.

3552. Письмо къ Э. Кинэ.

22 juillet 1869.

Bruxelles. 18 Rue, de Paris.

Cher et vénérable Monsieur,

Je me proposais de vous remercier pour vos bonnes lettres et pour l'accueil parfait de M-rs von Meenen, Laussedat et Baune, et vous dire quelques mots sur la première impression que m'a faite Bruxelles, lorsqu'un cas tout particulier et qui peint mieux que mon récit l'état de choses me force à vous adresser une prière.

Un jeune savant français, s'occupant de sciences exactes, M. Robin, vient d'être expulsé de la Belgique pour ses opinions socialistes. J'ai fait sa connaissance à Paris chez le rédacteur de *la Philosophie positive*. C'est un homme marié et sans moyens. Il va en Suisse chercher des leçons ou une occupation quelconque. Je prends la liberté de lui donner cette lettre. Un mot en sa faveur peut lui être très utile. Peut être Monsieur Barni ne lui refusera pas une recommandation.

J'avoue que cet incident a versé de l'eau froide sur ma tête et je ne sais plus si je reste ici l'hiver, ou non.

J'ai reçu votre article sur les élections avec beaucoup de reconnaissance. Maintenant pourtant le résultat ne m'est pas aussi clair. Vers le 5 Août, j'irai pour une dizaine de jours à Paris. Je veux voir si l'on peut faire quelque chose avec De la Croix ou la Revue des deux Mondes.

Recevez encore et encore une fois le témoignage de ma plus haute estime pour vous et Madame Quinet et permettez moi de vous serrer les mains.

Al. Herzen.

Переводъ.

22 июля 1869.

Дорогой и уважаемый другъ;

Я намѣревался поблагодарить васъ за ваши хорошія письма и за прекрасный приемъ со стороны гг. Meenen ¹⁾, Laussedat ²⁾

¹⁾ Брюссельскій книгопродавецъ.

²⁾ Французскій эмигрантъ.

и Ваине ¹⁾) и сказать вамъ нѣсколько словъ о первомъ впечатлѣніи, которое произвелъ на меня Брюссель, — какъ вдругъ одинъ совсѣмъ особенный случай, который лучше моего разказа рисуетъ положеніе вещей, заставляетъ меня обратиться къ вамъ съ просьбою.

Молодой французскій ученый, занимающійся точными науками, г. Робэнъ, только что высланъ изъ Бельгіи за свои социалистическія убѣжденія. Я съ нимъ познакомился въ Парижѣ у редактора «Philosophie Positive». Это человекъ женатый и безъ средствъ. Онъ отправляется въ Швейцарію искать уроковъ или какого-нибудь занятія. Беру на себя смѣлость дать ему настоящее письмо. Одно слово въ его пользу можетъ быть для него очень полезно; можетъ быть, г. Барни ²⁾) не откажетъ ему въ рекомендаціи.

Сознаюсь, что этотъ инцидентъ пролилъ холодную воду на мою голову, и я уже не знаю, останусь ли здѣсь на зиму.

Я получилъ вашу статью о выборахъ съ большою признательностью. Теперь, впрочемъ, результатъ не такъ для меня ясенъ. Около 5 августа я дней на десять поѣду въ Парижъ; хочу посмотрѣть, возможно ли что-нибудь сдѣлать съ «De la Croix» ³⁾) или съ «Revue des Deux-Mondes».

Еще и еще разъ примите увѣреніе въ величайшемъ моемъ уваженіи къ вамъ и m-me Кинэ и позвольте мнѣ пожать вамъ руки.

Ал. Герценъ.

3553. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 июля (1869).
18, Rue de Paris.

Вчера письмо + письмо Кинкеля получилъ. Сегодня въ 7 утра, «телеграммъ», ergo, ты мое предложеніе принялъ. Такъ какъ, не побывавъ въ Парижѣ, я не могу выставить на трату остальные 7.950 фр., то прошу требованія дѣлать заблаговременно, almeno за 15 дней. Ты знаешь, что я протестую. Ты долженъ взять на свою *полную* *единичную* отвѣтственность всѣ подобныя траты.

¹⁾ Французскій эмигрантъ.

²⁾ Профессоръ женевского университета.

³⁾ Лакруа, издатель сочиненій Кинэ.

О раздѣлѣ капитала и о томъ, что я употреблю, для спасенія 10-т., ихъ всѣ на типографію, которая и будетъ представлять помѣщенный капиталъ, но не легко убакуниваемый, я составлю записку, и ее мы напечатаемъ, какъ отчетъ ¹⁾.

Тебѣ никто не мѣшаетъ изъ твоей половины тоже спасти тысячъ 5 въ типографіи.

Кашлямя лучше. Лиза сегодня отправляется въ школу.

Чекъ, посылаемый мною Тхор., въ 1.500 фр.; изъ нихъ онъ возьметъ себѣ 450 и 1.050 вручить тебѣ.

Не могу ли я получить послѣд. печатную затрещину, которую поправлялъ Бакун. въ «языкѣ»?

Будь здоровъ.

Инженеръ ²⁾ рассказывалъ много интереснаго о желѣзныхъ дорогахъ. Концессіи, вообще, въ рукахъ Каткова. Одну только рыбинскую провель Конст. Никол., но и за это Катковъ теревить.

3554. Письмо къ сыну.

29 іюля (1869).

18, Rue de Paris.

Важности нѣтъ, что ты иначе распорядился съ деньгами, но оно потому неудобнѣе, что ни Татѣ, ни Ольгѣ на уроки такъ не выйдетъ, а потому я совѣтую сдѣлать прежній распорядокъ. Я воображаю, что Мальв., отдавая все Пановкѣ, водить Ольгу въ лохмотьяхъ.

Трудно сказать, какую газету выписывать и лучше брать, хоть «Second», «Hand», двѣ, три. Конечно, «Inder. Belge» полнѣе другихъ, но что за подлѣйшая газета. Не мѣшаетъ читать и «Revue des Deux-Mondes». Парижской газеты ни одной нельзя рекомендовать.

Прочти мое письмо къ Татѣ—узнаешь все о Брюсселѣ—и тотчасъ ей пошли. Напиши Лизѣ; она, зная все, сохраняетъ религіозную любовь къ Огар.; я этимъ очень доволенъ.

Прощай.

Кланяйся Терезинѣ.

¹⁾ Не мѣшаетъ помнить, что о смерти Б. ²⁾ никто не говорилъ, и что онъ въ правѣ потребовать. А: И. Г.

³⁾ Бартошевскій.

⁴⁾ Бахметевъ.

3555. Письмо къ сыну.

31 июля 1869. Суббота.

Принимаюсь писать къ тебѣ такъ скоро, потому что хочу еще разъ объяснить тебѣ мой взглядъ на вопросъ о Татѣ, который я, кажется, затронулъ очень кстати. Во-первыхъ, я не былъ бы противъ всякаго брака; противъ Л. ¹⁾ была Тата, противъ М. ²⁾ я ничего не имѣлъ, противъ Ш. ³⁾—все, несмотря на то, что онъ, можетъ быть, замѣчательнѣйшій ученый.

За что всѣ мои справедливейшія желанія, мечты... одна за другой лопаются, какъ мыльные пузыри, этого я не понимаю, но оно такъ. Я имѣю дѣло, которое должно продолжаться послѣ моей смерти. Я изъ ссылки создалъ вамъ имя, въ силу котораго вы были бы приняты съ распростертыми объятіями въ странѣ, въ которой, при всѣхъ мелочахъ и темныхъ сторонахъ, будущность закипаетъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Наконецъ, въ то время, какъ другіе торгуютъ, работаютъ, ищутъ приданое, я указываю на капиталъ, лежащій въ лапахъ русскаго правительства.

Ты первый отошелъ и пошелъ своей дорогой, она тебѣ удалась, и ты доволенъ. Ольга, по милости Мейзенб.,—иностранка. На Тату я полагаю сильнѣйшую надежду; у ней наши симпатіи, *notre génie* (въ томъ смыслѣ, какъ говорятъ *génie de la langue* ⁴⁾); она, вообще, была ближе со мной и, признаюсь, потерю ея я буду считать однимъ изъ тяжелыхъ ударовъ. Да, любезный Саша, ты не дивись слову *потеря*; я въ вашемъ иностранномъ кругѣ—иностранецъ, вѣчно чужой. Что дѣлать... Мы такъ круто сложились, что, развѣ, съ одними ультра-соціалистами въ Европѣ мы не чужіе. А Шиффы къ тому же оригинальны и чудачи; ты когда-то сравнивалъ съ Мор. Огарева; ты ошибался: Морицъ Ш. ⁵⁾, можетъ, имѣетъ гораздо серьезнѣйшіе качества и таланты, чѣмъ Огар., но ту эстетическую, спѣтую натуру онъ не имѣетъ. Все несчастіе Огар. и всей его жизни—вино; онъ пропиль себя—но и остатки, все же, грандіозны.

Теперь что же за будущность ждетъ Тату въ этомъ кругѣ?

Словомъ, «да мимо идетъ чаша сія». Письмо мое сбереги; если придетъ къ слову, покажи Татѣ его, ей я буду писать, когда буду еще

¹⁾ В. Ф. Лугининъ.

²⁾ А. Мещерскій.

³⁾ Гуго Шиффъ.

⁴⁾ Духъ языка.

⁵⁾ Шиффъ.

больше бояться. Если это не такъ, я со слезами радости прочту,— напиши тотчасъ. Если поздно совѣтовать, запрясь еще больше самъ въ себѣ—да и 57 лѣтъ и старость.

Тяжелое время. Я и съ Ог. во многомъ расхожусь... даже насчетъ Туца. На него, странное дѣло, Бак. имѣетъ сильное вліяніе.

Я теперь читаю «Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen». Это писалъ баронъ Розень, бывший въ Сибири; интересно—и я пришлю Ольгѣ.

Купили ли ей 3 первыхъ livraisons иллюстр. «Histoire d'un paysan» (продолженіе) Эркмана? Если нѣтъ, приказываю сейчасъ купить. Да и тебѣ съ Терезиной не мѣшаетъ читать. Это—самая живая исторія революціи.

Если Ольгѣ нужно на уроки и платья, ты ей пошли 250 фр. изъ взятыхъ тобой. Напиши Мейзембургъ, что я въ октябрѣ пришлю ей для хозяйства еще 1,000 н, сверхъ того, Ольгѣ на уроки и Татѣ на житье—быть 500, и тебѣ 400 (сто пойдутъ Туцу). Сверхъ того, я отдамъ¹ особо, если ты пошлешь Ольгѣ. Дѣла идутъ порядкомъ, я могу дѣлать эти прибавки, grâce¹ Америкѣ.

Странна твоя отмѣтка о критикѣ на «Записки» Меус.; ты говоришь, что «многіе хвалятъ»; ну, а у тебя развѣ своего сужденія нѣтъ? Вспомни, что я и Огар. говорили до изданія.

Затѣмъ прощай.

Послалъ я въ прошломъ письмѣ вырѣзку или нѣтъ изъ газетъ о томъ, что Полина Левидкая отличается въ Парижѣ?

Получилъ ли ты мое письмо, писанное три дня назадъ? Я написалъ «villa Fancy»?

3556. Письмо къ Н. А. Огареву.

31 июля (1869). Суббота.

На дѣло фонда не будемъ возвращаться. Половина его *минусъ* взятыя—въ твоемъ распоряженіи. Изъ возможныхъ случаевъ предвидь и случай возвращенія² съ Маркизскихъ острововъ.

Мнѣ не совсѣмъ нравится, что ты, не знаю почему и изъ какихъ источниковъ, ставишь не ту цифру, какъ я. Я писалъ, что всего

¹) Благодаря.

²) Бахметева.

выходить 2.050, а ты—что всего вышло 1.650. Не бывши увѣреннымъ, я не сдѣлалъ бы «этой корректы», какъ говорить Чернецкій, а посему прилагаю счетъ. Я ошибкой послалъ 45 фр. лишнихъ Тх.: у меня оставались 105, а не 150. Аминь.

Куда ѣдетъ Бакун. и какую работу онъ ищетъ? Онъ работать не хочетъ. Бакунинъ—великія дрожжи, ferment, если надобно приводитъ въ броженіе, и великій міазмъ, если не нужно. Проповѣдникъ наипразднѣйшей работы. Каждый день его—въ разрѣзъ всѣмъ его ученіямъ. Его бывшее даетъ ему права на исключенье, но, можетъ, было бы лучше не пользоваться имъ. Работа у него подъ носомъ, напрашивается, но онъ не хочетъ ея, онъ свыкъся съ жизнію «вагабунда». А чтобъ доказать тебѣ, что это такъ, вотъ опытъ. Я дней черезъ десять увижусь съ Bulloz и Lacroix. Bulloz предлагалъ Бакун. большую цѣну за отрывки изъ его записокъ для «Rev. M.». Записать исторію своего заключенія въ Дрезденъ, Ольмюцъ, Грачинъ и т. д. менѣе трудно, чѣмъ статьи, которыя онъ началъ для «писова» конгресса. Я ему предлагаю вступить вновь въ переговоры съ Мазадомъ или Бюлоцомъ черезъ меня, но для этого нуженъ срокъ доставки работы. Или онъ откажется, или не сдержитъ слова,—въ обоихъ случаяхъ ясно, что работать онъ не хочетъ. Посмотри, какъ работаетъ Льюисъ да какъ работаютъ у насъ, по словамъ Пятк.

Письмо Лизы было не отвѣтъ, а такъ, вздоръ. Она очень не экспансивна на этотъ счетъ. Письмо твое имѣло, впрочемъ, трудные обороты: «наши отношенія не мѣняются». И еще разъ, Огаревъ, скажу тебѣ, что я рѣшительно не понимаю, о какой *откровенности* ты говоришь. Все именно теперь такъ и дѣлается, какъ ты говоришь. Ни отъ кого здѣсь не было скрыто настоящее положеніе. Имѣть право людямъ несогласнымъ говорить: «ступайте къ чорту» я не признаю такъ, какъ не признаю всѣхъ ихъ (несогласныхъ) «подлецами»,—это, другъ мой, все неистовства,—но отходить отъ нихъ буду. Въ чемъ же недостатокъ откровенности?

Я начинаю, и очень, бояться, что Тата кончитъ тѣмъ, что выйдетъ замужъ за Гуго Шиффа. Замѣтивъ кое что въ письмахъ, я зондировалъ Сашу; вижу, что онъ далеко не противъ. Мнѣ бы не хотѣлось, но что тутъ мое хотѣніе. Конечно, Мецкерскій былъ бы мнѣ ближе.

Возвращеніе въ Россію дѣтей съ тѣмъ именемъ, которое я имъ приобрѣлъ, было моею мечтою. Да и въ финансовомъ отношеніи: русскій мужъ вытребовалъ бы костр. деньги ¹⁾.

Но я все принимаю, какъ фатумъ, и желалъ бы спокойно провести немного времени, записать еще кое-что людямъ на память и потухнуть безъ особой боли.

У тебя есть какая-то теорія pro domo sua, по которой слѣдуетъ любить всѣхъ дѣтей, кромѣ своихъ. Если-бъ это было такъ, надобно было бы, по крайней мѣрѣ, выбирать ихъ, чтобъ молодое поколѣніе въ новомъ и преображенномъ видѣ изящно продолжало хорошую сторону нашей жизни. Отчего же всѣ уйдутъ и затянутся мелкой западной жизнью, и не будетъ никого представителя нашей русской дѣятельности? Я на Тату надѣялся.

И это все вздоръ.

А ты пишешь, что «тебѣ скверно». Отчего тебѣ скверно? Оттого, что фондъ не лежалъ передъ тобой, какъ открытая табакерка, оттого что у меня нѣтъ вѣры въ невѣроятное? Огаревъ, не клевети на судьбу! У тебя двѣ вещи тяжелы: ты укралъ (я употребляю твое нелѣпое слово) свое здоровье и ограбилъ самого себя. Это важно, но помимо ты на судьбу не пеняй.

По послѣднему, т.-е. о Татѣ, ни слова никому, ни даже ей.

Книгу декабриста досталъ.

Н. В. Насчетъ Тхорж. помни, что я его подбилъ ѣхать изъ Лондона, ergo, обязанъ выдѣлать.

◆◆ 1. Пятковскій разсказалъ, что посѣщалъ Герцена въ Брюсселѣ «чуть не ежедневно во все время своего пребыванія тамъ» и былъ «весьма радушно встрѣчаемъ гостепріимнымъ хозяиномъ». «Никогда не ломаясь, «какъ вызванная пѣвица» (по его собственному выраженію), Герценъ недолго заставилъ меня упрашивать, чтобъ онъ прочелъ что-нибудь изъ ненапечатанныхъ своихъ произведеній. У него уже лежали готовыми въ рукописи письма къ Бакунину, которыя потомъ въ печати были озаглавленными «Письмами къ старому товарищу»,— и онъ предложилъ мнѣ начать съ нихъ чтеніе. Читалъ Герценъ превосходно, безъ всякой театральности и декламации, съ большимъ искусствомъ выдвигая и отбѣняя существенныя мѣста читаемаго». «Когда Герценъ кончилъ чтеніе этихъ замѣчательныхъ писемъ, представлявшихъ собой какъ бы его послѣднюю политическую исповѣдь, голо-

¹⁾ Деньги за имѣніе Герцена въ Костромской губ.

сомъ d'outre tombe (они и появились въ печати уже послѣ его смерти), мнѣ пришло въ голову предложить ему напечатаніе этихъ писемъ въ «Отеч. Запискахъ», гдѣ я работалъ, — какъ постоянный сотрудникъ, — съ тѣми же предосторожностями, которыя были приняты для помѣщенія фельетоновъ Ніонскаго въ «Недѣльнѣ»... Но когда, по возвращеніи въ Спб. я предложилъ Некрасову помѣстить въ «От. Зап.» какъ эти письма, такъ и другія статьи, преслушанныя мною въ чтеніи Герцена, — то сейчасъ же наткнулся на противодѣйствіе съ его стороны... Помню, что и Герценъ не сразу согласился на предложеніе сотрудничать въ «От. Запискахъ», вмѣняя Некрасову кое-какія обстоятельства его литературной карьеры, но я старался выставить на видъ его несомнѣнный поэтическій талантъ и сильныя, такъ сказать, «грудныя ноты» его поэзіи» («Наблюдатель» 1900, III).

3557. Письмо къ неизвѣстному.

(Іюль 1869).

На копію вашего письма, которую мнѣ сообщилъ г. Трусовъ,¹ позвольте мнѣ отвѣчать, не какъ въѣдомство, а какъ старый знакомый, частно и лично. Обстоятельства относительно типографіи во многомъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писалъ. Я, съ своей стороны, и теперь считаю непоследовательнымъ, что люди, понимающіе экономическую сторону вопросовъ, дробятъ матеріальныя силы, вмѣсто того, чтобы ихъ соединять. Мысль о соединеніи типографіи не Бакунина, а моя. Можетъ, было бы хорошо, если бы Трусовъ еще поговорилъ съ Чернецкимъ.

Не могъ я не улыбнуться, встрѣтивъ въ письмѣ вашемъ знакомую «тѣнь Банко», въ которомъ мирно почиваетъ знакомый вамъ капиталъ (только не 25 т., а 20, т.-е. 800 фунт. стерл.). Капиталъ этотъ сдѣлали оселкомъ, на которомъ пробуется наша честность и сила себяизбирающаго контроля. Деньги эти даны на полное, безусловное распоряженіе насъ двоихъ, Огарева и меня. Мы обяваны въ нихъ отчетомъ давшему господину и своей совѣсти. Отданы они были не ошибкой, не по незнанію, какъ и кому отдать, а de propos délibéré¹). Выборъ не совсѣмъ былъ неудаченъ, потому что капиталъ, ввѣренный намъ въ 1859, къ 1 іюля 1869 г. *интегрально цѣль*.

¹) Сознательно, послѣ обсужденія.

Въ важныхъ случаяхъ мы его употребляли (напр., когда вы, обѣщая молчаніемъ покрыть дѣло, брали для спасенія товарища) и тотчасъ дополняли. Но, если бы капиталъ былъ весь растроченъ, то и въ такомъ случаѣ мы вовсе не были бы повинны отчетомъ какой-нибудь вемѣ ¹⁾ или каморрѣ, избирающей себя, потому-то я и рассказываю вамъ дѣло.

Примите это, какъ знакъ уваженія; мнѣ просто пріятно заявить, что безпокоящій капиталъ цѣль, и мы всегда готовы его употребить согласно съ желаніемъ даваго и съ нашимъ убѣжденіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ вы понимаете, съ какимъ отпоромъ мы приняли бы всякое требованіе отчета, какъ это предполагалось.

Я не могу согласиться съ вашимъ мнѣніемъ, очень враждебнымъ, относительно Бакунина. Бакунинъ слишкомъ крупень, чтобы съ нимъ поступать *sommairement* ²⁾. У него есть небольшіе недостатки и огромныя достоинства. У него есть прошедшее, и онъ—сила въ настоящемъ. Не полагайтесь на то, чтобы всякое смѣняющее поколѣніе интенсивно было лучше предыдущаго. Еслибы это было такъ, то англичане при Георгахъ были бы далеко выше кромвельцевъ, и французы реставраціи заткнули бы за поясъ якобинцевъ. Въ людяхъ, какъ въ винахъ, есть *сиг* ³⁾. Я думаю, что Бакунинъ родился подъ кометой.

◆◆ 1. Свѣдѣнія объ Антонѣ Трусовѣ изъ X главы «Исторіи соц.-револ. движенія въ Россіи»: «Братъ отстав. кол. совѣтника Болеслава Трусова, судившагося по каракозовскому дѣлу и присужденнаго къ содержанію въ крѣпости въ теченіе 8 мѣсяцевъ. Свою революціонную карьеру началъ онъ личнымъ участіемъ въ польскомъ мятежѣ 1863 г., затѣмъ бѣжалъ и съ 1869 г. поселился въ Швейцаріи. Въ Парижѣ вмѣстѣ съ Нечаевымъ онъ посѣщаль политехническую школу; принадлежность его къ «нечаевцамъ» подтвердилась находженіемъ его адреса въ бумагахъ Александровской. Въ январѣ мѣсяцѣ 1870 г. онъ сопровождалъ послѣднюю въ Швейцарію до русской границы, и самъ намѣревался пробраться въ Россію. Въ Швейцаріи состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Нечаевымъ и Бонгаромъ, занимался изданіемъ «Народнаго Дѣла», органа бакунистовъ, и поручилъ Владимиру Лебедеву собирать матеріалы для этого изданія въ Россіи. Одно время онъ былъ секретаремъ славянской секціи «Интернаціонала» и т. д.

¹⁾ Вема (Wehme)—тайное судилище, бывшее очень грознымъ въ Германіи XV вѣка.

²⁾ Суммарно, кратко (и, слѣдовательно, безцеремонно).

³⁾ Собственное свойство.

3558. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

6 августа 1869.

Bruxelles, 18, rue de Paris.

За мѣсяць до отъѣзда изъ Ниццы (въ апрѣлѣ, помнится) я писалъ къ вамъ, почтеннѣйшій Вырубовъ,¹⁾ письмо, на которое отвѣта не было. Если вы не получили его, я очень радъ. Если получили, и я не получилъ отвѣта,—очень не радъ. Если же вы получили и не отвѣчали, очень извиняюсь, что пишу, не дождавшись отвѣта.

Г. Пятковскій—литераторъ, участвующій въ «От. Зап.», «Дѣлѣ» и участвовавшій въ «не-Дѣлѣ», просилъ меня *положительно* дать ему нѣсколько строкъ къ вамъ, какъ къ извѣстному представителю всего *положительнаго*. Онъ—человѣкъ добрый, и вы мнѣ, вѣрно, отпустите грѣхъ вмѣшательства.

Я съ 1 юля въ Брюсселѣ. И здѣсь не того.

Думаю побывать въ вашихъ краяхъ и искренно желаю, чтобъ мое письмоцо застало васъ здоровымъ.

А. Герценъ.

3559. Надпись для А. П. Пятковского.

(Августъ 1869).

Будьте ошуюю, но не какъ В.—одесную.

3560. Письмо къ Н. П. Огареву.

6 августа (1869). Пятница.

И оттого, что писемъ не было, и оттого, что не о чемъ было писать, я откладывалъ до сегодняшняго утра. Во-первыхъ, пунктъ за пунктъ отвѣты.

1-ое. Если Бакун. очень узломъ съ гузку¹⁾, то я готовъ всегда тебя уполномочить ему вручить 100 и до 200 фр., которые ты получишь къ 1 сентября *плюсомъ* къ твоимъ 400. Тхор. можетъ занять, если нѣтъ налицо, хоть у Касаткиной, для меня.

2-ое. Не зная обстоятельствъ, не слѣдовало меня винить за Тхорж. Если онъ тебѣ покажетъ мое письмо сегодняшнее, ты узнаешь

¹⁾ Не точно употребленное великорусское выраженіе, означающее очень затруднительное положеніе.

дѣло вѣрнѣе. *Не я, а онъ* десять разъ говорилъ, что онъ теперь ничего не дѣлаеть, а деньги получаетъ даромъ. Это—правда, и я отдавалъ полную справедливость его честности. По несчастію, это была фраза. Онъ ее говорилъ искренно, но съ задней мыслью, что я ничего не сдѣлаю, и попался. За что же ты бранишь меня? Тебя несчастія научили знать цѣну деньгамъ. Разочти же положеніе Тхорж. Онъ, помимо квартиры, получалъ около 1.200 фр. и, пока у него не было куска хлѣба, я, какъ виноватый приглашеніемъ, молчалъ. Обстоятельства перемѣнились, наслѣдство (полученное косвенно черезъ меня, какъ онъ самъ мнѣ сто разъ говорилъ) обезпечило ему хлѣбъ. Онъ пишетъ, что ему въ Женевѣ *скучно*. Я ему пишу: отдайте мнѣ вашъ капиталъ на сохраненіе, я буду вамъ платить 2.500 въ годъ, и капиталъ къ вашимъ услугамъ по первому требованію. Одна мысль, что я эти деньги употреблю долею на Чернецкаго, его испугала (а ему что за дѣло, хотя бы я въ море бросилъ), и между прочимъ онъ написалъ мнѣ, что 2.500 на прожитокъ ему мало, что ему жизнь стоитъ до 5 фр. въ день, помимо квартиры. Зачѣмъ же онъ тратитъ 5 фр., когда всѣ небогатые люди живутъ въ пансіонахъ по 4 (съ квартирой и прислугой)? Онъ пишетъ, что надѣется получить 5.000 въ годъ. Дай богъ 50 т., но это все вздоръ. Я тогда ему сказалъ: вы будете получать процентами 1.800—1.900; я охотно буду платить вамъ 600 за исполненіе порученій, а 2.500 вамъ довольно (это-то и оскорбило). И не только онъ по шляхетскому гонору, но ты на меня же и вскинулся. Да что же это за комедія? Я прямо говорю, что, съ прекращен. «Колокола», Тхорж. работа=0. Къ тому же онъ облѣнился, ему, вѣроятно, хочется жить, какъ *gentier*. Можно ли это отъ 25 т.?

Работа на словахъ у всѣхъ, а на дѣлѣ? Ты называешь работой *охоту* Бакунина редижировать журналы. Но работать надобно то, что доставляетъ *auskommen*¹⁾. «Записки» требовали у него съ 1863... Семь лѣтъ!

Увѣряю тебя, что быть одному съ капиталомъ тягостно. Ты *облегчилъ* себя. Я долженъ быть министромъ финансовъ за всѣхъ, но справедливости не жду. Ты видѣлъ по отчету Rots., что къ 1 іюля у него 19 т. Я уже послалъ 3.500 во Флор. и взялъ 2.500. Остальныя, сверхъ того, что пойдетъ на домострой, я готовъ употребить на машину Чернецк. (изъ фонда). Но кто французъ и какія гарантіи? Можетъ ли онъ поправлять? Я самъ буду въ Парижѣ на-дняхъ и могу узнать о машинѣ. Спроси его адресъ. Но смотри, надобно и Чернецкаго хорошенько побрать.

¹⁾ Выходъ.

Я готовъ ждать до 11-го отвѣта на это письмо. Конечно, вдвое лучше видѣть Ботк. въ Парижѣ, чѣмъ въ Трувилѣ. Мнѣ же въ Парижѣ быть необходимо. Да не поѣдетъ ли Ботк. Брюсселемъ? Сроки и пр. мнѣ нужны подробно и ясно. Съ Мерч. успѣю видѣться. Ольгѣ ѣхать нельзя, но Татѣ можно: лѣта не серьезная помѣха. Пят. ужасно пусть, ужасно некрасовець и все толкуеть о журнальных сплетняхъ.

Вчера были у насъ гости и длинный споръ. О, какъ туманно и невыработанно новое воззрѣніе, а туда же говорятъ о практическомъ началѣ дѣла! Пятк. игралъ очень смѣшную роль наивностью, наивнымъ французскимъ языкомъ и боязнью жабы, потому что горло болѣло.

Прощай.

Отвѣтъ легко можетъ быть 10 вечеромъ или 11, если во-время пошлешь. Я, дѣйствительно, по всему *ретроградъ*. Даже твое безпардонное сужденіе насчетъ того, что я писалъ о Татѣ, возмутило меня.

3561. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 августа (1869). Суббота.

Одна новость, но лучше двадцати одной: вчера получилъ повѣстку, чтобъ явиться сегодня въ министерство юстиціи, въ *sécurité publique*¹⁾ и пр.

Недолго ждали.

(Продолженіе послѣ).

Фонтанъ знаетъ одинъ французскій языкъ, и тотъ плохо. По-русски онъ знаетъ только два слова: «*Колоколъ*» и *Устиновъ*,—«*Колоколъ*», къ которому онъ приплачивалъ, и *Устиновъ*, который приплачивалъ ему. Если Бак. въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ печатать, то слѣдовало бы прислать не *два* экз. русскихъ, а одинъ переводъ. Сумлѣваюсь, чтобъ нашелся здѣсь журналистъ, который бы напечаталъ, но постараюсь, когда будетъ переводъ (могу и изъ Парижа и отовсюду переслать). Ужаси, какіе вы практическіе люди!

Сообщи Тхорж. новость. Вотъ и переѣхна въ зодіакѣ. А *propos*, изъ денегъ, полученныхъ отъ Мерч., возьми, какъ я писалъ, для Бачунина.

¹⁾ Общественной безопасности.

6 часовъ.—*Tout finit par des chansons* ¹⁾). Говорили, говорили: зачѣмъ, къ чему, будетъ ли «Колок.» изд. въ Брюсселѣ, и что другое, буду ли я писать въ журналахъ, а кончили, что просто жить. Учтивости страшныя; детали послѣ. А, все же, остаться не хочу надолго.

3562. Письмо къ сыну.

9 августа 1869. Понедѣльникъ.

Herr Professor, поздравляю съ титуломъ и желаю, чтобъ ты тотчасъ началъ что-нибудь другое на мѣсто ассистентства. Дольфи безконечно жаль, и что за ужасная смерть. Я прежде читалъ въ газетахъ, но безъ подробностей.

Вотъ тебѣ важнѣйшая новость объ насъ. Меня приглашалъ къ себѣ начальникъ здѣшной тайной полици; съ разными учтивостями онъ меня разспросилъ, почему, зачѣмъ, для чего, *cur, quando, quibus auxiliis* ²⁾ и пр.? Былъ очень радъ, что я не намѣренъ ничего въ Брюсселѣ печатать. Это заставило меня принять иное рѣшеніе и ѣхать черезъ нѣкоторое время обратно въ Швейцарію, а, можетъ, на зиму въ Туринъ или Комо. Изъ писемъ Ольги я вижу, что она бы очень хотѣла побыть съ нами. Я считаю безнравственнымъ эгоизмомъ (или, вѣрнѣе, помѣшательствомъ), что Мейз. этому препятствуетъ.

Въ Туринѣ или Комо не будетъ причины.

Ты пишешь, что имъ въ Antiniano деньги не нужны, а Тата пишетъ, что нужны ей. Пошли изъ *тысячи* такъ, какъ я прежде писалъ, Татѣ и Ольгѣ и напиши мнѣ, сколько послалъ.

Я, можетъ, поѣду въ Гавръ или Трувиль для того, чтобъ встрѣтить Боткина d-г и снова съ нимъ потолковать. Я на здоровье не жалуясь, но здѣсь у меня очень часто ломитъ голову, чисто ревматически, à la Meus. Климать скверный, а, признаюсь, мнѣ Брюсс., какъ городъ, жаль; что за квартиры, что за чистота, да и всѣ удобства, къ тому же социальное движеніе здѣсь очень сильно. Брюссель—то, чѣмъ бы могла быть Женева, если-бъ не гнусный характеръ женевацевъ.

Прилагаемое письмо тотчасъ отправь въ Antiniano; прочти въ немъ, что я пишу о юрисконсультѣ.

Насчетъ писемъ, т.-е. адреса, помни, что *очень скоро* вы можете написать еще разъ. Сегодня 9, письмо придетъ во Флоренцію 12, въ Antiniano 13; если вы напишете 14, то 17 или 18 письмо будетъ здѣсь, и я поѣду 19 или навѣрное 20.

¹⁾ Все кончилось пѣснями.

²⁾ Зачѣмъ, когда, на какой предметъ?

3563. Письмо къ Н. П. Огареву.

9 августа (1869). Понедѣльникъ.

Отъ Саши получилъ вчера письмо: совѣтъ народн. просвѣщ. прислалъ ему титулъ профессора-libero, т.-е. доцента съ званіемъ профессора. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ перестаетъ быть ассистентомъ Шиффа и хочетъ сдѣлать опытъ читать лекціи; жалованья не будетъ. Увидимъ, что сдѣлаетъ.

Ольга все не очень здорова.

Бѣдный Дольфи, гигантъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, вдругъ почувствовалъ себя сумасшедшимъ, пошелъ въ полицію, прося, чтобъ его заперли, а то надѣлаетъ бѣдъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ въ полномъ бѣшенствѣ.

Подробности моей *conversazione* ¹⁾ напишу на досугѣ. Я могу здѣсь жить, сколько хочу, но хочу не много. Съ нетерпѣніемъ жду вѣстей о Б—нѣ, и, можетъ, поѣду съ Н. и Лизой въ Гавръ (это возлѣ Трувиля, но не такое людное мѣсто), оставлю ихъ тамъ и поѣду въ Парижъ. Я отложилъ именно по новымъ планамъ мою поѣзду. Можетъ, начало зимы и осень я проведу въ Женевѣ. Объ этомъ яснаго рѣшенія нѣтъ.

Пятк. въ сильномъ конфузѣ уѣхалъ въ Парижъ. Его и мой казусъ сконфузилъ,—онъ же ходилъ ежедневно,— а главное то, что твое письмо, посланное на имя Бартошевскаго, никогда не приходило въ Ліежъ. Вспомни, кто носилъ и какъ было подписано; оно некрасиво. Это было послѣ ихъ телеграммы.

Представъ себѣ, что за извращеніе нравовъ. Бельгійскіе фабриканты инженеру Барт. уступали 70 т. фр., и онъ чуть за это не съѣздилъ палкой, а уступку сдѣлалъ въ пользу своей компаніи. *Où va le monde?* ²⁾

Отъ Таты Сат. письмо. Она, дѣйствительно, съ перышкомъ квасокъ. Умъ положительный и свѣжій. Недовольна «ансетрами» ³⁾, какъ выражаются парижскіе мальчики. Она съ негодованіемъ и порицаніемъ говоритъ о томъ, что они въ Москвѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ прожили 20 т. руб. Каково? это почти вдвое противъ годовыхъ издер-

¹⁾ Бесѣда съ брюссельской полиціей.

²⁾ Куда идетъ свѣтъ?

³⁾ Ancêtres—предки, здѣсь—родители.

жекъ моихъ. Оттого-то я и браню за то ихъ, что тебѣ не могли и до пожара высылать. Сат. пишеть, что пришлють что-то.

Прощай. Бельгію, стало, по боку.

P. S. Прежде чѣмъ писать къ Нефталю или Каппу о Кельсіевѣ, дай прочеть статью. Затѣмъ, я не подписываюсь подъ письмами, въ которыхъ есть слова gascal, ... мать и пр. Вообще, твое англійское письмо писано тяжелымъ британски-канцелярскимъ слогомъ. «Вѣстника» еще не получилъ.

Пиши еще разъ сюда. Вообще, до перемѣны адреса пиши.

Надѣюсь, что ты утѣшилъ Тхорж. Его жаль, но онъ, все же, не правъ.

◆◆ 1. 6 августа Бакунинъ писалъ Огареву: «Насчетъ Кельсіева написать хорошо и можно еще крѣпче. Пошлю Герцену; онъ, вѣроятно, согласится, подпишетъ, да, кстати, вѣдь, у него есть друзья въ Америкѣ: Шурцъ, Каппъ и другіе. Почему Герцену не написать имъ? Слѣдуетъ, надо обнаружить этого мерзавца въ Америкѣ» («Письма», стр. 188).

3564. Письмо къ Н. П. Огареву.

10 августа (1869). Вторникъ.

«Вѣстникъ» получилъ и, разумѣется, тотчасъ прочелъ Кельсіева; есть мерзости и сплетни, но не больше, какъ въ его статьѣ объ Абихтѣ. Загибать за это «раскалей» я не согласенъ, а холодно и просто сказать, что онъ «рenegать», можно. Въ «Вѣстникѣ» есть статьи важнѣе: 1) «Литературный типъ», гдѣ Грановскій выставленъ сторонникомъ классицизма; 2) Студентская исторія со всѣми подробностями (1862) въ трехъ главахъ «Панургова стада». Я совѣтую прочеть.

Сегодня будетъ у меня де-Грефъ, адвокатъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и дѣятельныхъ людей здѣсь. Жду вашихъ писемъ. До завтра.

11 августа.

Де-Грефъ не былъ: дождь льетъ три дня, холодъ и срамъ.

Письмо твое отъ 9 пришло. Какъ случилось, что мои два пришли въ одинъ день? Я ѣду отсюда не по приглашенію, а по чувству дигнитета. Жалбію внѣшнюю часть очень—я думаю (помимо климата),

врядь можно ли гдѣ-нибудь такъ легко, подь рукой, имѣть всѣ удобства—видно, рано на покой.

Полагаю, что, наконецъ, дѣло съ Тхор. dropped ¹⁾). Зачѣмъ онъ задралъ вопросъ да и теперъ пишетъ, что хочетъ ѣхать изъ Женевы? Тогда это будетъ пенсія, т.-е. что я даю. Во всемъ нѣтъ здраваго смысла. Конечно, онъ можетъ рисковать своимъ капиталомъ, но, конечно, и то, что я долженъ отсовѣтовать. Если онъ его ухнетъ, развѣ такъ позволить ему умирать съ голоду? А не позволить... Кто будетъ платить—опять я? Ты, вѣроятно, объ этихъ вещахъ не думаешь.

Чернецкому 3.000 (и больше) дать готовъ, *но изъ фонда* и подь залогъ, съ пятью 5%. И для него я сдѣлалъ все до сатураціи ²⁾). Если хочеть, пусть пишетъ подробно. Почему я радъ былъ бы консолидировать одну половину фонда, ты знаешь.

Утинъ говорилъ, что Бакун. хвалился тѣмъ, что фондъ употребить, и дѣло пошло. Въ 1862 г. И. Тургеневъ говорилъ, что Бакун., недовольный «Колок.», увѣрялъ, что дастъ ему иное направленіе. Онъ пріѣхалъ 1 января 1862 г.; черезъ годъ «Колоколь» сталъ падать, какъ кирпичъ, брошенный въ воду. У него глазъ дурень. Въ дѣлѣ «Колокола» и въ дѣлѣ фонда онъ больше дѣйствуетъ на тебя и тобой. Вообрази, что будетъ, когда онъ унесеть десятую тысячу и нужны будутъ 100 фр. на дѣло, не ясное для меня. Ты первый будешь уговаривать ихъ дать, а эти 100 заставятъ отдать и остальные 9.900. Отличная русская типографія въ Женевѣ можетъ быть заведена на 10.000—вотъ и центръ пропаганды и обезпеченье хоть вполонину Б. Никто не мѣшаетъ отдать долгъ въ 3 т. въ фондъ Чернец. и снова взять потомъ, но исключительно для типографіи, а не для уплаты долговъ. Кажется, это ясно.

Куда я буду телеграфировать Б. ³⁾) или Мерч.? Я адреса не знаю. Если Б. долго (съ мѣсяцъ) пробудеть въ Трувилѣ, мнѣ все равно, теперъ ли, черезъ мѣсяцъ ли его увижу. Въ Парижъ я собирался одинъ; теперъ все измѣнилось и, вѣроятно, въ октябрѣ увидимся. Иду пить настой. А prorsus, я пью черный и безъ сахара по утрамъ—это проще.

Робэнь—человѣкъ дѣльный и дѣятельный, съ нимъ можно бы школу заводить. Такъ ты боишься утячей полиціи, а нѣтъ того, чтобъ послать, хоть отъ меня, узнать о «Народномъ Дѣлѣ» у Трусова. Вели

¹⁾ Закончено.

²⁾ Saturation—насыщеніе.

³⁾ С. П. Боткинъ.

ему сказать, что, за минованіемъ интереса, я прошу возвратить мою статью. О, бездарники... Ну-съ, кто же былъ правъ въ ихъ оцѣнкѣ: Бакунинъ до ссоры, ты или я? Подумай и прощай.

3565. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 августа (1869). Воскресенье.

Всего хуже это то, что у тебя поселилась какая-то «русская стерва» въ домѣ. Это скучно и опасно. А въ твоихъ исторіяхъ о шпионажѣ нѣтъ ли фантазій? Можно себя настроить такъ à la Pavloff ¹⁾; и откуда у дѣвочки талантъ узнавать?.. Это все поддерживаетъ тревогу. Ты пишешь: пришелъ нѣмецъ, принесъ письмо, ты его обругалъ. За что? За письмо? За то, что онъ нѣмецъ, или за то, что принесъ? Отъ кого письмо?..

Есть и еще пунктъ въ твоемъ письмѣ, который нельзя пропустить, саго пію. Ты давно желалъ, чтобъ отношенія домашнія стали откровенно; Н.—требовала; я думалъ, что всего лучше оставить все по старому. А теперь, когда я исполнилъ то, что хотѣли, и Н. чувствуетъ неудобство, и тебя смутилъ Робэнь. Ты тутъ-то и воспользовался бы, чтобъ просто сказать Бак. и Мерч., а потомъ другимъ. Или въ чемъ ты полагалъ откровенность?

Письмо Тхорж. свидѣтельствуетъ о размягченіи и раздраженіи мозга; онъ только и твердитъ о томъ, что ему въ Женевѣ скучно и что онъ хочетъ ѣхать... Куда? Зачѣмъ?.. Но воля его.

Въ «Голосѣ» безконечно дрянная статья, должно быть, самого Краевского—оправдательная для него и обвинительная Бѣлинскому и его друзьямъ; если ты не читалъ, я пришлю ²⁾).

Затѣмъ отгадай, у кого я сидѣлъ третьяго дня утромъ, у кого вчера обѣдалъ и къ кому иду обѣдать завтра и читать отрывокъ изъ «Был. и думъ»... Не оставитъ ли отгадку до слѣдующаго письма, какъ дѣлаютъ съ ребенкомъ... Самолично у Виктора Гюго. Я нашелъ въ немъ любезнѣйшаго старика; принялъ онъ меня превосходно; говоритъ много, но чрезвычайно умно и слогомъ, который лучше его печатныхъ фейерверковъ. Онъ пріѣхалъ сюда недѣли на двѣ съ

¹⁾ Проф. Платонъ Васильевичъ страдалъ маніей полицейскаго преслѣдованія.

²⁾ «Кто правъ? Кто виноватъ? Замѣтка для петербургскихъ недруговъ Бѣлинскаго» въ № 204 и «Послѣднее слово по поводу «Письма Бѣлинскаго его московскимъ друзьямъ», № 242; обѣ статьи безъ подписи, но написаны, несомнѣнно, Краевскимъ.

сыновьями. У него я познакомился съ Клараномъ, который написалъ славную книжку «Les derniers Montagnards» (1796), и еще кое съ кѣмъ; вообще, вечеръ провель хорошо. Гюго 67 лѣтъ, но онъ свѣжъ. Тхоржевскому скажи, что и даму видѣлъ, о которой онъ рассказываль. Теперь она совсѣмъ ... ¹⁾. О Пьерѣ Леру онъ рассказываль много очень дурного. Самое забавное въ томъ, что онъ увѣряетъ меня, что въ «предстоящемъ» конвентѣ меня выберуть членомъ. Затѣмъ безмѣрно хвалиль французскій языкъ моихъ статей такъ же рѣшительно, какъ Кинэ, совѣтуетъ мнѣ издавать «Былое и думы». Сыновья его—ничего. ¹

Нефталю писалъ и сказалъ, чтобъ онъ Каппу и Шурцу передалъ наше желаніе, чтобъ въ газетахъ заявили, что Кельсиевъ ренегатъ и chien galeux ²⁾ нашего стада.

Очень ли мнѣ нужно видѣться съ Ботк., я не знаю,—мнѣ кажется, что особаго лѣченья начинать не нужно въ нынѣшнемъ году, но, если безъ особенныхъ затрудненій случится, буду радъ. Да и Мерчинскаго видѣть очень хотѣлъ бы. Ты объ немъ ничего не пишешь. Что онъ и какъ?

Я ѣду въ Парижъ 18 и, если успѣю все обдѣлать съ Ротшильдомъ, Лакруа и «Revue de 2 Mondes», до 28 возвратиться въ Брюссель. Въ началѣ сентября сдѣлаю экскурсію Anvers—Rotterdam—Amsterdam и, вѣроятно, къ 15 сентября опять буду дня на два здѣсь, а тамъ... а тамъ увидимъ. Времена бойкія. Еще разъ долженъ сказать, что покидаю Брюссель не безъ сожалѣнія... Здѣсь въ жизни масло пущено и легко живется. Ты кажется, все принимаешь это за бредъ, но, вѣдь, ты живешь, какъ улитка, невысовывающая рога, а внутри раковины—такія алгамбры и Самарканды, что упадешь. У Бак., если денегъ нѣтъ, есть интернаціоналка, ржечь посполитая, карлморровка, а у меня—Тхоржевскій и Чернецкій съ типографіей, въ которой ничего не печатается, и съ швейцарами, стоящими у цоѣзда къ Альпамъ... Прощай, что-то заврался.

Пиши постепенно до перемѣны адреса: 18, Rue de Paris, откуда перешлютъ.

Хорошо, если (послѣ 3-лѣтняго или 5-лѣтняго обѣщанія) исполнишь просьбу Лизы.

 Скажи Тхоржевскому, что черезъ недѣлю онъ получить письма на имя Nat. poste restante, Женева изъ Россіи.

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Паршивая собака.

◆◆ 1. Огарева рассказываетъ, какъ Герценъ увидѣлся случайно въ Брюсселѣ съ В. Гюго. вмѣстѣ съ нею и Лизой Герценъ отправился въ театръ, взявъ мѣста въ партерѣ. «В. Гюго былъ тоже въ театрѣ въ бель-этажѣ въ директорской ложѣ. Увидѣвъ Герцена, онъ послалъ своихъ сыновей звать насъ въ ложу; мы очень благодарили, но не пошли. Однако, В. Гюго послалъ сыновей вторично за нами; тогда Герценъ мнѣ сказалъ по-русски: «Нечего дѣлать, надо итти»... «В. Гюго былъ очень любезенъ. Въ ложѣ, кромѣ его сыновей, находилась бывшая гувернантка его дѣтей, которая сопровождала его повсюду. Черезъ нѣсколько дней В. Гюго прислалъ Герцену приглашеніе на обѣдъ и звалъ меня съ дочерью... Обѣдъ былъ очень оживленъ. В. Гюго рассказывалъ о своемъ многолѣтнемъ пребываніи на о. Джерси. («Воспоминанія», 262—263). О свиданіи въ театрѣ говоритъ Пятковский («Наблюдатель» 1900 г., III, 237). Невѣрно, однако, указаніе Огаревой, что это было первое личное свиданіе Герцена съ Гюго, никогда раньше не видѣвшихся.

3568. Письмо къ Н. А. Огаревой.

21 августа (1869). Суббота.

Сегодня, возвратясь от Мейрарга, который меня звалъ въ 8 утра, я нашель твое письмо. Все хорошо, но зачѣмъ же ты попала на Клас-сена книжный магазинъ,—ихъ милліонъ въ Брюсселѣ, а Классенъ извѣстный (и столько о немъ говорили) издатель всякихъ гадостей и въ томъ числѣ «Ешо». Я очень доволенъ письмомъ Вырубова и сегодня пойду къ нему.

Финансовая дѣла кончилъ быстро и очень хорошо. Какъ я зналъ, вся поѣздка будетъ покрыта, и останется барышъ. Тхоржевскаго деньги, т. е. билеты, Ротшильдъ отказался взять; онъ беретъ только у старыхъ знакомыхъ; я долженъ былъ положить ихъ на мое имя. Тхор. можетъ черезъ полгода продать и взять большой барышъ, около 800 фр.

Что касается до изданій, это не такъ бойко идетъ, и я еще ничего не знаю.

Мейраргъ въ восторгѣ отъ моего отрывка и принимаетъ самое дѣятельное участіе. Ласроіхъ не засталъ, писалъ ему и жду отвѣта. Въ «La Revue des 2 Mondes» ѣду сегодня. Но съ письмомъ Г.¹⁾ приостановился. Говорять, что помѣщеніе въ этомъ журналѣ съ самого начала

отстрашаетъ и «Revue», и Lacroix. Пятковскаго нашель—забавень; ѣхать еще не собирается. Медальоновъ здѣсь сотни прекрасныхъ, но у Мейрарга (онъ щеголь) точно такой, какъ твой, только безъ жемчужины. Къ 28 я навѣрное кончу все и въ субботу приѣду. Отъ Г. можно скрыть и уѣхать въ Антверпенъ. Назначъ Lejeune сдачу 29 (хотя и воскресенья). Тесье не могъ найти, пойду еще искать. Исторія Оболенскихъ здѣсь всѣмъ извѣстна. Въ Парижѣ темно, вечеромъ пахнетъ дурно. Пойду сегодня въ Palais Royal смотрѣть фарсы. Завтра нечего дѣлать весь день. Погода превосходная. Боткинъ въ Трувилѣ, а жену его ждутъ ежедневно въ hôtel'ѣ.

А, все же, слѣдовало бы жить здѣсь; что ни толкуй—только Парижъ да Лондонъ.

А ргороз, Озеровъ и Пятковскій ходили обѣдать въ Vouillon Dival. Теперь его отдѣленія во всемъ Парижѣ, во всѣхъ кварталахъ. Это превышаетъ воображеніе: супъ 20 с., котлета 20 с., четверть пуле 50 с., вино 1 фр. 50 с. бутылка; такъ что обѣдъ не можетъ стоить больше 3 фр., и все превосходно.

Лизу цѣлую, завтра ей буду писать длинное письмо.

3569. Записка къ А. П. Пятковскому.

21 августа 1869.

Я васъ жду отъ половины 7 до 7—и въ своемъ 169 №. Получилъ отъ В. милое письмо.

3570. Письмо къ Н. А. Огаревой.

22 августа (1869).

Gr. Hôtel du Louvre, № 169.

Пишу, Natalie, сегодня опять, чтобы сказать разныя вещи, хорошія и нехорошія.

1) Давыдовъ здѣсь проѣздомъ; онъ ѣдетъ черезъ двѣ недѣли въ Москву и Петербургъ и съ удовольствіемъ беретъ доставить медальонъ. Но тогда не лучше ли дать адресъ въ Москву Мар. Алекс.; напиши сейчасъ, потому что онъ можетъ уѣхать въ Лондонъ.

2) У Огарева была m-me Ertel и привезла записку къ тебѣ и кольца для Лизы; она спрашиваетъ, куда послать; я думаю, можно подождать. Если же что хочешь сказать, пиши Огареву.

Затѣмъ слушай швейцарскія драмы:

1) На квартирѣ Серно-Соловьевича ¹⁾ нашли его трупъ, уже разлагающійся. Думаютъ, что онъ асфиксировался.

Прошу тебя поставить свѣчку Гудуль ²⁾ за то, что тебя миновала чаша жирарская ³⁾. Денежныя дѣла кончили отлично. Завтра свиданье съ Мазадомъ. Ласгоіх не могъ еще выбрать времени — каково? Меугарге говоритъ, что его дѣла идутъ плохо.

Пятковский скученъ и фланеръ, безъ серьезнаго интереса.

На желѣзной дорогѣ нѣтъ для Чернецкаго мѣста: Ротшильдъ не опредѣляетъ никого старѣе 35 лѣтъ.

Въ «Сорокъ-воровкѣ» много ошибокъ.

3572. Письмо къ Лизѣ.

22 августа 1869.

Милый другъ мой Лиза! Жаль мнѣ, что тебя здѣсь нѣтъ; погода удивительная и ты посмотрѣла бы Парижъ, а онъ стоитъ того. Каждый afternoon ⁴⁾ отъ 4 до 6 играетъ музыка въ Тюльерійскомъ саду, и тысячи дѣтей прыгаютъ, пляшутъ. Всѣхъ пособій учиться бездна, здѣсь и Татъ, и Ольгъ, и тебѣ было бы приволье.

Вѣроятно, если ничего не помѣшаетъ, въ субботу я приѣду, но объ этомъ не говори. Я сегодня тебя видѣлъ во снѣ и будто Ольгу отдають въ пансіонъ. Прощай, люби меня и люби Ага такъ, какъ мы тебя любимъ; дай намъ на старости радоваться твоему развитію. Цѣлую тебя много. Я видѣлъ здѣсь огромные воланы, но трудно ихъ везти. Чего бы ты хотѣла?

3573. Письмо къ сыну.

24 августа 1869.

Paris, Gr. Hôtel du Louvre, № 169.

Любезный Саша, прочти сперва это письмо, потомъ тотчасъ пошли его Татъ; въ немъ много интересныхъ фактовъ. Переписка съ вами никакъ не налаживается по страшной медленности, съ которой вы

¹⁾ Александръ Александровичъ; покончилъ съ собой 16 августа; подробности его біографіи читатель найдетъ въ моей книгѣ «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

²⁾ Gidule—святая, патронесса Брюсселя, памяти которой тамъ построена церковь.

³⁾ Mlle Gigard—дѣвушка, которую Огарева хотѣла спасти.

⁴⁾ Пополуденное время.

отвѣчаете, и, все же, я въ толкъ не возьму, чѣмъ Тата до такой степени занята въ Antiniano.

Березовскій умеръ въ новой Каледоніи.

Тѣло Серно-Соловьевича было найдено уже разлагающимся на его квартирѣ какимъ-то посѣтителемъ. Онъ асфиксировался.

Но вотъ романъ à la Radclif и характеристика швейцарскихъ властей. Кн. Оболенскій съ эскадой жандармовъ водскаго кантона ворвался въ домъ жены, силой выгнали дѣтей и подъ охраной полиціи увезъ. Дочь ушла. Обол. бросился съ полиціей къ Утину и комп. искать; вышли брани и крики. Утина, Мрочк., Щерб. и др. бросили въ тюрьму; Щерб. выпустили на поруки, но тѣхъ оставили au secret.

Затѣмъ генераль-адъютантъ отправился въ Женеву, ворвался въ типографію Трусова. Его и Бонгара жандармы держали, и сержантъ сказалъ, что первому, который двинется, онъ посадитъ пулю въ лобъ. Затѣмъ русскій генераль все обшарилъ въ типографіи *по подозрѣнію!* что его дочь спрятана тамъ (хорошъ и отецъ). Что скажете?.. какова республика?

Теперь возвращаюсь къ себѣ и Парижу. Денежныя дѣла я устроилъ, въ этомъ отношеніи все идетъ ладно. Для облегченія пересылокъ я отправлю тебѣ передъ отъѣздомъ 2.000 фр. Если ты прошлый разъ распредѣлил такъ, какъ писалъ, то эти должны итти слѣдующ. образомъ:

1.000	—	Мейз. на хозяйство,—это финаль на 1869.
250	—	Ольгѣ на уроки, книги и т. д.
100	—	На туалетъ.
250	—	Тебѣ.
400	—	Татѣ.
<hr/>		
2.000		

и больше ничего въ нынѣшнемъ году. Ты видишь, во всемъ прибавки и за Туца заплачено.

Видѣлся здѣсь со многими, имѣлъ переговоры съ «Revue de Deux-Mondes». Сегодня иду къ Лакруа; письма твоего къ доктору Летурно не могъ найти. Мазадъ обѣщаетъ многое; вообще, если здѣсь пожить, можно многое сдѣлать; я очень хорошо поставленъ здѣсь. Вѣроятно, увижу Monod . . . ¹⁾ Тесье, а съ Масолемъ обѣдаю у Вырубова завтра; старикъ хочетъ непременно меня видѣть.

Дальнѣйшее напишу послѣ. Я 29 ѣду въ Брюссель,—что потомъ, не знаю; во всякомъ случаѣ возвращусь сюда за издательскими дѣлами.

¹⁾ Слово не разобрано.

Конечно, теперь въ Парижѣ было бы лучше жить, чѣмъ гдѣ-нибудь (кромя Лондона).

Вы можете себѣ представить, какъ всѣ женевскія исторіи мучать Огар., даже дикая смерть С.-Сол.

Что твой маленькій? Цѣлую его и Терезину. Обнимаю Ольгу; думаю, что она опять наладила русскую грамоту, что можетъ понимать мои письма.

Мальвидѣ доношу, что видѣлъ Elysée Reclus; добрый, но не дальній. Дома ѣсть траву, а со мной завтракалъ, какъ всегда—и рыбкой и уткой; ну, что за шалости...

Прощай.

А что ты все еще въ Спеколѣ?

Чекенди ¹⁾ Левье.

3574. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(25 августа 1869).

9 часовъ утра.

Письмо твое отъ 23 принесли. Насчетъ климата и здоровья—истинно, это рулетка. Яздѣсь видѣлъ улицы совершенно ажированныя²⁾, но 2 мил. жителей...—Вся 2 мил. Швейцарія невозможна, если вся эмиграція не отмститъ, и чиновники не будутъ наказаны. Утина и Мроч. выпустили.

Уложены ли ящики?

Д. ³⁾ будетъ раньше въ Москвѣ; слѣд. медальонъ ему дамъ; мы съ нимъ увидимся у Вырубова или занесу ему. Онъ, т. е. Д., совершенно согласенъ съ Гецо, что акціи желѣзн. дороги его и еще другой очень выгодны—можно удвоить состояніе, во-время продавши.

Медальонъ будетъ.

Тхорж. опять взъярился на меня за ошибку; онъ не газетахъ писалъ, а о твоёмъ будущемъ письмѣ. Что за шутъ!

Да, у тебя ребусъ:

«N. ты не написалъ?»

Кто это N?

¹⁾ Кивокъ головой.

²⁾ Покрытыя хлопчущимъ народомъ.

³⁾ Давыдовъ.

Архимандрить Никодимъ?
 Нееловъ исторіографъ?
 Сейчасъ отъ Delacroix, дѣло идетъ.

3575. Письмо къ Н. А. Огаревой.

26 августа (1869), четвергъ.

Окончательно дѣла книжныя невозможно окончить, но сегодня я узнаю и припишу à quoi se tenir ¹⁾). Лакруа вовсе не отказалъ съ самаго начала, напротивъ, онъ только хочетъ наилучшія кондичіи. Онъ былъ очень любезенъ. Въ воскресенье я поѣду, но придется возвратиться. Огар. пишетъ, что въ журналѣ *Якобія* ²⁾) меня обругали въ длинныхъ трехъ статьяхъ и назыв. русскимъ агентомъ, а въ Парижѣ я встрѣчаю самый дружескій пріемъ. Якобій, который лично меня знаетъ!

Новыя подробности о дѣлѣ Обол. заставляють волосы становиться дыбомъ. Утина въ Ольтенѣ вытащили изъ вагона, такъ что онъ упалъ на рельсы. Жандармы держали Обол. за руки, пока дѣлали обыски. Я вчера былъ въ «Liberté», и сегодня будетъ въ ней статейка. Огар. пишетъ, что Робэнъ возненавидѣлъ Швейцарію, и есть отчего. Обол. просила дѣтей оставить подъ покровительствомъ федеральнаго совѣта въ Бернѣ, въ домѣ, который назначить совѣтъ и мужъ; ей отвѣчали, что поздно, и дѣтей отправили въ Россію.

Съ девяти часовъ я на воздухѣ; хожу, конечно, въ суммѣ 15 верстъ, ложусь позже 12 и совершенно здоровъ, даже голова не болитъ. Эта судорожная дѣятельность стоитъ Vichy. У меня нѣтъ свободной минуты.

Давид. уѣхалъ вчера *прямо* въ Москву и медал. взялъ.

Тесье отлично устроился, получаетъ 44.000 жалованья и директоръ компаніи, имѣетъ и розетку въ петлицѣ...Онъ меня вчера угостилъ великолѣпнымъ завтракомъ.

Сію минуту получилъ письмецо твое отъ 25—очень скоро. Ну, ладно и ладно и за письмо искренно обнимаю тебя. Мнѣ надобно знать, что вы цѣлы. Помни, что я ѣду въ воскресенье и, стало, послѣ субботы *утра* (первой почты) писать не слѣдуетъ.

Прощай.

Вѣроятно, Леженъ позволилъ переночевать, и мы поѣдемъ въ понед. въ Опель.

¹⁾ На чемъ остановиться.

²⁾ Павелъ Ивановичъ.

Я Тесье сказалъ; онъ съ дружбой говорить о тебѣ, велѣлъ сказать, что климатъ здѣсь здоровѣ Лондона и что найдется домъ намъ, если нужно здоровѣйшій.

Огар. такъ огорченъ этой истор., что пишеть, не ѣхать ли ужъ въ Лондонъ.

3576. Письмо къ Лизѣ.

26 августа (1869).

Милая Лиза, тебѣ, мой дружокъ и другъ, расскажу вещь забавную. Я по всему городу искалъ Тесье, наконецъ, нашель его бюро въ Rue Lafitte и узналъ, что онъ живетъ въ Gr. Hôtel du Louvre № 42... такъ что я всякій день ходилъ мимо его коридора. Онъ меня вчера водилъ смотрѣть его новое освѣщеніе въ театрѣ «Gaité»—прелесть, ярче дня; даютъ преглупую пьесу «La chatte blanche» ¹⁾, но что за роскошь,—этого представить нельзя; я тебя свожу въ Парижѣ. Тамъ люди превращаются въ птицъ, всякое féerie, и въ концѣ танцовщицы летаютъ десятками по воздуху. Медальонъ твой очень удался. О портретѣ спросу Тесье; не знаю, успѣю ли сдѣлать.

Цѣлую тебя много,

3577. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(27 августа 1869). Вечерь, 6¼ часовъ.

Вездѣ былъ, но дѣло споро не идетъ, и я, немного сердившись, наговорилъ всѣмъ кисло-сладкихъ любезностей. Lacroix говоритъ, что не успѣлъ *обдумать* дѣло; «Revue de Monde» говоритъ, что печатать *готовы*, но отрывокъ не имѣетъ цѣлости—надобно прибавить. Я общалъ.

Тесье очень милъ. Я, дѣйствительно, думаю, что придется сюда возвратиться, иначе все останется такъ.

20 сентября Боткинъ пріѣдетъ на недѣлю въ Парижъ. Консерважка сказывала, будто В. Боткинъ умеръ. Я ей говорилъ, не Ник. ли? «Нѣтъ, другой, старшій».

Сегодня я давалъ завтракъ Тесье и иду объѣдать къ Выруб. Пятк. два дня не видалъ; онъ мнѣ надоѣлъ.

Прощай.

¹⁾ Бѣлая кошка.

Р. С. Тесье не нарадуется на мое здоровье и смѣется надъ диабетомъ. Онъ самъ свѣжъ и веселъ. Мнѣ жаль, что у него ленточка, но дѣла — дѣла.

3578. Письмо къ Н. А. Огаревой.

27 августа (1869), пятница, 7 вечера.

Пишу только для того, чтобы сказать, что время отъѣзда отсюда необычайно глупо: в 7 утра и 3¹/₂, а потому, если я какъ-нибудь опоздаю *въ воскресенье*, въ 7, я поѣду въ 3¹/₂ и тогда приѣду въ Брюссель въ 10 съ чѣмъ-то, т.-е. домой *въ 11 вечеромъ*.

Кончить ничего не успѣемъ,—вотъ оно и выходитъ, необходимо возвратиться сюда.

Новостей много, но все при свиданіи.

Для развлечения: Лугининъ женился на француженкѣ въ русской церкви и поѣхалъ въ Римъ просить у папы *dispense* ¹⁾ для жены. Хороши радикалы!

Прощай.

3579. Письмо къ Н. П. Огареву.

(28 августа 1869). Суббота.
Gr. N-1 du Louvre.

Дѣла литературныя идутъ медленно. Я начинаю грызться, но со всѣмъ тѣмъ меня связалъ срокъ пуще всего, т.-е. сдача квартиры въ Брюсселѣ. Поѣду завтра утромъ; надобно будетъ опять приѣхать, пожалуй, къ тому времени, когда будетъ Боткинъ, т.-е. къ 20.

Дѣло ваше ²⁾ я, можетъ, лучше и подробнѣе знаю, чѣмъ ты.

Сегодня опять свиданье съ Мазадомъ и съ Лакруа,—припишу.

Былъ у меня Озеровъ; онъ, кажется, малый хорошій. Съ Вырубовымъ у него послѣ обѣда поспорилъ до колкостей. Онъ, т.-е. Вырубовъ, просто ненавидитъ все русское и унижаетъ въ глазахъ французовъ. Что же за тактъ, позвать меня и еще трехъ господъ и начать неприятный споръ. Ну, да я въ долгу не остался...

¹⁾ Разрѣшеніе, освобожденіе.

²⁾ Т.-е. кн. Оболенской.

Лугининъ женился на французкѣ—со всей помпой, въ русской церкви и тотчасъ поѣхалъ съ женой и ея матерью въ Римъ, просить *dispense* папы и увѣнчаться католици. Вотъ что послѣдовательно, то послѣдовательно. Теперь онъ, вѣроятно, на дорогѣ въ Россію.

Здѣсь Шиффъ *le grand* ¹⁾, но не знаю гдѣ. Досадно.

О результатахъ припишу у Ротшильда. Мейрагъ оказался самымъ усерднымъ пріятелемъ и даже о дѣлѣ Обол. хлопочеть, т.-е. чтобъ журналы говорили.

Здравіе процвѣтаетъ. Тесъе упитываетъ и упиваетъ меня формидельно.

3580. КЪ СТАРОМУ ТОВАРИЦУ ²⁾.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Одни мотивы, какъ бы они ни были достаточны, не могутъ быть дѣйствительны безъ достаточныхъ средствъ.

Іеремія Бентамъ.

(Письмо къ Александру I).

Насъ занимаетъ одинъ и тотъ же вопросъ,—впрочемъ, одинъ *серьезный вопросъ* и существуетъ на историческомъ череду. Все остальное—или его растущія силы, или болѣзни, сопровождающія его развитіе, т.-е. страданія, которыми новый и болѣе совершенный организмъ вырабатывается изъ отжившихъ и тѣсныхъ формъ, примѣшивая ихъ къ высшимъ потребностямъ. Конечное разрѣшеніе у насъ обоихъ *одно*. Дѣло между нами вовсе не въ разныхъ началахъ и теоріяхъ, а въ разныхъ методахъ и практикахъ, въ оцѣнкѣ силъ, средствъ, времени, въ оцѣнкѣ историческаго матеріала. Тяжелыя испытанія съ 1848 г. разнo отозвались на насъ. Ты больше остался, какъ былъ, тебя жизнь сильно помучила,—меня только помяла, но ты былъ вдали,—я стоялъ возлѣ. Но если я измѣнился, то вспомни, что *измѣнилось* все. Экономически-соціальный вопросъ становится теперь иначе, чѣмъ онъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ пережилъ свой религиозный и идеальный, юношескій возрастъ такъ же, какъ возрастъ натянутыхъ опытовъ и экспериментацій въ маломъ видѣ,

¹⁾ Т.-е. Морницъ.

²⁾ М. А. Бакунину.

самый періодъ жалобъ; протеста, исключительной критики и обличенія приближается къ концу. Въ этомъ великое знаменіе его совершеннолѣтія. Оно достигается наглядно, *но не достигнуто*, не отъ однихъ вѣшнихъ препятствій, не отъ одного отпора, но и отъ внутреннихъ причинъ. Меньшинство, идущее впередъ, не доработалось до ясныхъ истинъ, до практическихъ путей, до полныхъ формулъ будущаго экономическаго быта. Большинство, наиболѣе страдающее, стремится одною частью городскихъ работниковъ выйти изъ него, но удержано старымъ, традиціоннымъ міросозерцаніемъ другой, и самой многочисленной части. Знанія и пониманія не возьмешь никакими *soup d'état* и никакими *soup de tête* ¹⁾. Медленность, сбивчивость историческаго хода пониманія насъ бѣситъ и душитъ, она намъ невыносима, и многіе изъ насъ, измѣняя собственному разуму, торопятся и торопятъ другихъ. Хорошо ли это, или нѣтъ? Въ этомъ весь вопросъ.

Слѣдуетъ ли толчками возмущать съ цѣлью ускоренія внутренней работы, которая очевидна? Сомнѣнія нѣтъ, что акушеръ можетъ ускорять, облегчать, устранять препятствія, но въ извѣстныхъ предѣлахъ, а ихъ трудно установить и страшно переступить. На это, сверхъ логическаго самоотверженія, надобенъ тактъ и вдохновенная импровизація. Сверхъ того, не вездѣ одинаковая работа и одни предѣлы. Петръ I, конвентъ научили насъ шагать семимильными сапогами, шагать изъ перваго мѣсяца беременности въ девятый, и ломать безъ разбора все, что попадется на дорогѣ. *Die Zerstörende Lust ist eine schaffende Lust* ²⁾—и впередъ за неизвѣстнымъ богомъ-истребителемъ, спотыкаясь на разбитыя сокровища вмѣстѣ со всякимъ мусоромъ и хламомъ.

... Мы видѣли грозный примѣръ кроваваго возстанія, въ минуту отчаянія и гнѣва сошедшаго на площадь и спохватившагося на баррикадахъ, что у него нѣтъ знамени. Сплоченный въ одну дружину, міръ консервативный побилъ его, вслѣдствіе этого было то ретроградное движеніе, котораго слѣдовало ожидать. Но что было бы, если-бъ побѣда стала на сторону баррикадъ? Въ двадцать лѣтъ грозные бойцы высказали ли все, что у нихъ было за душой? Ни одной построющей, органической мысли мы не находимъ въ ихъ завѣтѣ, а экономическіе промахи, не косвенно, какъ политическіе, а прямо и глубже ведутъ къ разоренію, къ застою, къ голодной смерти.

¹⁾ Государственными переворотами и ударами по головѣ.

²⁾ Неудовлетворенное желаніе есть творческое желаніе.

Наше время—именно время окончательнаго изученія, того изученія, которое должно предшествовать работѣ осуществленія такъ, какъ теорія паровъ предшествовала желѣзнымъ дорогамъ. Прежде дѣло хотѣли взять грудью, усердіемъ, отвагой и шли зря на авось; **мы на авось не поидемъ.**

Ясно видимъ мы, что дальше дѣла не могутъ итти такъ, какъ шли, что, наконецъ, исключительному царству капитала и безусловному праву собственности такъ же пришелъ конецъ, какъ нѣкогда пришелъ конецъ царству феодальному и аристократическому. Какъ передъ 1789 обмираніе міра средневѣковаго началось съ сознанія несправедливаго подчиненія средняго сословія, такъ и теперь переворотъ экономической начался сознаніемъ общественной неправды относительно работниковъ. Какъ тогда упрямство и вырожденіе дворянства помогло собственной гибели, такъ и теперь упрямая и выродившаяся буржуазія тянетъ сама себя въ могилу.

Но общее постановленіе задачи не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насиліемъ ихъ не завоеешь. Подорванный порохомъ, весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями *какой-нибудь буржуазный міръ*, потому что онъ внутри *не конченъ и потому еще, что ни міръ строяющій*, ни новая организація не настолько готовы, чтобъ пополниться, осуществляясь. Ни одна основа изъ тѣхъ, на которыхъ покоится современный порядокъ, изъ тѣхъ, которыя должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтобъ ее достаточно было вырвать силой, чтобъ исключить изъ жизни.

Пусть каждый добросовѣстный человекъ самъ себя спроситъ, готовъ ли онъ? Такъ ли ясна для него новая организація, къ которой **мы идемъ**, какъ общіе идеалы коллективной собственности, солидарности, и знаетъ ли онъ процессъ (кромѣ простаго ломанія), которымъ должно совершиться превращеніе въ нее старыхъ формъ? Пусть, если онъ лично доволенъ собой, пусть скажетъ, готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ дѣло.

Знаніе неотразимо, но оно не имѣетъ принудительныхъ средствъ. Излѣченіе отъ предрасудковъ медленно, имѣетъ свои фазы и кризисы. Насиліемъ и терроромъ распространяются религіи и политики, учреждаются самодержавныя имперіи и нераздѣльныя республики; насиліемъ можно разрушать и расчищать мѣсто—не больше. Петроградизмомъ ¹⁾ **соціальный переворотъ дальше каторжнаго**

¹⁾ Т.-е. способомъ Петра Великаго.

равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет. Новые формы должны все обнять и вмѣстить всѣ элементы современной дѣятельности и всѣхъ человѣческихъ стремленій. Изъ нашего міра не сдѣлаешь ни Спарту, ни бенедиктинскій монастырь. Не душить одни стихіи въ пользу другихъ слѣдуетъ грядущему перевороту, а умѣть всѣ согласовать къ общему благу.

Экономическій переворотъ имѣетъ необъятное преимущество передъ всѣми религіозными и политическими революціями въ трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его, таково обращеніе съ данными. По мѣрѣ того, какъ онъ вырастаетъ изъ состоянія неопредѣленнаго страданія и недовольства, онъ невольно становится на *реальную почву*. Тогда какъ всѣ другіе перевороты постоянно оставались одной ногой въ фантазіяхъ, мистицизмахъ, вѣрованіяхъ и неоправданныхъ предразсудкахъ патріотическихъ, юридическихъ и пр., экономическіе вопросы подлежатъ математическимъ законамъ.

Конечно, математическій, какъ и всякій научный, законъ носитъ доказательство въ самомъ себѣ и не нуждается ни въ эмпирическомъ оправданіи, ни въ большинствѣ голосовъ. Но для *приложенія*, эмпирическая сторона и всѣ внѣшнія условія осуществленія выступаютъ на первый планъ. «Мотивы могутъ быть истинны, но безъ достаточныхъ средствъ они не осуществляются». Все это принято во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ и обходится слишкомъ сангвиническими людьми въ дѣлѣ такого значенія, какъ общественное пересозданіе. Какой механикъ не знаетъ, что его выкладка, формула не перейдетъ въ дѣйствительность, пока въ ряду явленій, захватываемыхъ имъ, будутъ элементы не подчиняющіеся, посторонніе или подлежащіе другимъ законамъ. Большею частью въ физическомъ мірѣ эти возмущающіе элементы не сложны и легко вводятся въ формулу, какъ вѣсъ линіи маятника, упругость среды, въ которой дѣлаются его размахи, и пр. Въ мірѣ историческаго развитія это не такъ просто. Процессы общественнаго роста, ихъ отклоненія и уклоненія, ихъ послѣдніе результаты до того переплелись, до того неразымчато вошли въ глубочайшую глубь народнаго сознанія, что приступъ къ нимъ вовсе не легокъ, что съ ними надобно очень считаться и однимъ реестромъ отрицаемаго, отданнаго, какъ въ «приказѣ по соціальной арміи», ничего, кромѣ путаницы, не сдѣлаешь.

Противъ ложныхъ догматовъ, противъ вѣрованій, какъ бы они ни были безумны, однимъ отрицаніемъ, какъ бы оно ни было умно, бороться нельзя. Сказать «не вѣрь» такъ же авторитетно и, въ сущности, нелѣпо, какъ сказать «вѣрь». Старый порядокъ вещей крѣпче

признаніемъ его, чѣмъ матеріально силой, его поддерживающей. Это всего яснѣ тамъ, гдѣ у него нѣтъ ни карательной, ни принудительной силы, гдѣ онъ твердо покоится на невольной совѣсти, на неразвитости ума и на незрѣлости новыхъ воззрѣній ¹⁾, какъ въ Швейцаріи и Англіи.

Народное сознаніе такъ, какъ оно выработалось, представляетъ естественное, само собой сложившееся, безотвѣтственное сырое произведеніе разныхъ усилій, попытокъ, событій, удачъ и неудачъ людскаго сознанія, разныхъ инстинктовъ и столкновеній; его надобно принимать за естественный фактъ и бороться съ нимъ, какъ мы боремся со всѣмъ бессознательнымъ, изучая его, овладѣвая имъ и направляя его же средства сообразно нашей цѣли.

Вообще, въ социальныхъ нелѣпостяхъ современнаго быта никто не виноватъ и никто не можетъ быть казненъ съ большей справедливостью, чѣмъ море, которое съкъ персидскій царь, или вѣчевой колоколь, наказанный Іоанномъ Грознымъ. Винить, наказывать, отдавать на копье,—все это становится ниже нашего пониманія. Надобно проще смотрѣть, физиологичнѣе и окончательно пожертвовать уголовной точкой зрѣнія, а она, по несчастью, прорывается и мѣшаетъ понятія, вводя личныя страсти въ общее дѣло и превратную перестановку невольныхъ событій въ преднамѣренный заговоръ. Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными формами человѣческаго освобожденія и развитія; мы выходили изъ нихъ по минованіи надобности.

Обрушивать отвѣтственность за бывшее и современное на послѣднихъ представителей «прежней правды», дѣлающей «настоящей неправдой», такъ же нелѣпо, какъ было нелѣпо и несправедливо казнить французскихъ маркизовъ за то, что они не якобинцы; и еще хуже, потому что мы за себя не имѣемъ якобинскаго оправданія: наивной вѣры въ свою правоту, въ свое право. Мы измѣняемъ основнымъ началамъ нашего воззрѣнія, осуждая цѣлыя сословія и въ то же время отвергая уголовную отвѣтственность отдѣльнаго лица. Это мимоходомъ, для того, чтобъ не возвращаться.

¹⁾ Что говорить о папскихъ силлабусахъ и индексахъ, о полицейскихъ наказаніяхъ за такія-то и такія-то мнѣнія, о сенатскихъ рѣшеніяхъ философскихъ вопросовъ, когда неясность, сбивчивость самыхъ элементарныхъ понятій поражаютъ въ мірѣ *свободнаго мышленія*, въ высшихъ сферахъ оппозиціи и революціи... Вспомни старый споръ Маццини противъ Прудона и новое *прокламаторство* о вѣреніи, о волѣ, объ идеалахъ, о позитивнахъ Жирардена, Луи Блана, Жюль Симона. А. И. Г.

Прежніе перевороты дѣлались въ сумеркахъ, сбивались съ пути, шли назадъ, спотыкались и, въ силу внутренней неясности, требовали бездну всякой всячины, разныхъ вѣръ и геройствъ, множества выпренихъ добродѣтелей, патріотизмовъ, піэтизовъ. Соціальному перевороту ничего ненужно, кромѣ *пониманія и силы, знанія и средствъ*.

Но пониманіе страшно обязываетъ. Оно имѣетъ свои неотступныя угрызения разума и неумолимые упреки логики.

Пока социальная мысль была неопредѣленная, ея проповѣдники, сами вѣрующіе и фанатики, обращались къ страстямъ и фантазіи столько же, сколько къ уму; они грозили собственникамъ карой и разореніемъ, позорили, стыдили ихъ богатствомъ, склоняли ихъ на добровольную бѣдность страшной картиной страданій. (Странная *captatio benevolentiae* ¹⁾—согласенъ). Изъ этихъ средствъ социализмъ выросъ. Не то надобно доказать собственникамъ и капиталистамъ, что ихъ обладаніе грѣшно, безнравственно (понятія, взятыя изъ совѣмъ иного міросозерцанія, чѣмъ наше), а то, что нелѣпость его контрафорсовъ ²⁾ пришла къ сознанію неимущихъ, въ силу чего оно становится *невозможнымъ*. Имъ надобно показать, что борьба противъ неотвратимаго—безсмысленное истощеніе силъ и что чѣмъ она упорнѣе и длиннѣе, тѣмъ къ большимъ потерямъ и гибелямъ она приведетъ. Твердыню собственности и капитала надобно потрясти расчетомъ, двойной бухгалтеріей, яснымъ балансомъ дебета и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтетъ утонуть со всѣми богатствами, если можетъ спасти часть ихъ и самого себя, бросая другую за бортъ. Для этого необходимо только, чтобъ опасность была *такъ же* очевидна для него, какъ *возможность спасенія*.

Новый водворяющийся порядокъ долженъ являться не только мечомъ рубящимъ, но и силой хранительной. Нанося ударъ старому міру, онъ не только долженъ спасти все, что въ немъ достойно спасенія, но оставить на свою судьбу все не мѣшающее, разнообразное, сгсѣобычное. Горе бѣдному духомъ и тощему художественнымъ смысломъ перевороту, который изъ всего былого и нажитаго сдѣлаетъ скучную мастерскую, которой вся выгода будетъ состоять въ одномъ пропитаніи, и только въ пропитаніи. Но этого и не будетъ. Человѣчество во всѣ времена, самая худшія, показывало, что у него *potentialiter* ³⁾ больше потребностей и больше силъ, чѣмъ надобно на одно

¹⁾ Демогательство благоволенія.

²⁾ Противорѣчіе, противодѣйствіе.

³⁾ Въ возможности.

завоеваніе жизни; развитіе не можетъ ихъ заглушить. Есть для людей драгоцѣнности, которыми они не поступятся и которыя у нихъ изъ рукъ можетъ вырвать одно деспотическое насиліе, и то на минуты горячки и катаклизма. И кто не скажетъ безъ вопіющей несправедливости, чтобъ и въ быломъ и въ отходящемъ не было много прекраснаго, и что оно должно погибнуть вмѣстѣ съ старымъ кораблемъ?

Ницца, 15 января 1869.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Международные работничьи съѣзды ¹⁾ становятся ассизами, передъ которыми вызывается одинъ социальный вопросъ за другимъ; они получаютъ больше и больше организующій складъ, ихъ члены—эксперты и слѣдопроизводители. Они самую стачку и остановку работъ допускаютъ, какъ тяжелую необходимость, какъ *pis aller* ²⁾, какъ средство сосчитать свою силу, какъ боевую организацію. Серьезный характеръ ихъ поразилъ враговъ. Сильное *ихъ покоя* испугало фабрикантовъ и заводчиковъ. Было бы огромное несчастье, если-бъ они преждевременно вышли изъ этого строя.

Работники, соединяясь между собой, выдѣляясь въ особое «государство въ государствѣ», достигающее своего устройства и своихъ правъ помимо капиталистовъ и собственниковъ, составляютъ первую сѣть и первый всходъ будущаго экономическаго устройства. Международный союзъ можетъ вырасти въ Авентинскую гору à l'intérieur ³⁾. Отступая на нее, міръ рабочій, сплоченный между собой, покинетъ міръ, пользующійся безъ работы, и онъ, отлученный, *polens volens* пойдетъ на сдѣлки. А не пойдетъ, тѣмъ хуже для него, тогда гибель его отстранится только настолько, насколько у новаго міра нѣтъ силъ. Угроза при безсиліи вредна. Подавленный взрывъ двинетъ назадъ. Досугъ нуженъ для двойной работы серьезнаго изученія и вербованія пониманіемъ; а настороженный врагъ, имѣющій силу въ рукахъ, схватится за оружіе для своей обороны прежде, чѣмъ противный станъ успѣетъ построиться. Уничтожать и топтать всходы легче, чѣмъ торопить ихъ ростъ. Тотъ, кто не хочетъ ждать и работать, тотъ идетъ по старой колесѣ пророковъ и прорицателей, іересіарховъ, фанатиковъ

¹⁾ Т.-е. конгрессы Интернаціонала, которыхъ ко времени написанія «Письма» было уже два.

²⁾ Наихудшій выходъ, крайній случай.

³⁾ Внутри, т. е. въ нѣдрахъ буржуазнаго міра.

и цѣловыхъ революціонеровъ. А всякое дѣло, совершающееся при пособіи элементовъ безумныхъ, мистическихъ, фантастическихъ, въ послѣднихъ выводахъ своихъ непремѣнно будетъ имѣть и безумные результаты рядомъ съ дѣльными. Сверхъ того, пути эти все больше и больше заростають для насъ травой, пониманіе и обсуживаніе—наше единственное оружіе. Теократическіе и политическіе догматы не требуютъ пониманія, они даже тверже и крѣпче покоятся на вѣрѣ безъ духа критики и анализа. Папу надобно считать непогрѣшимымъ, отечество защищать, писанія и предписанія исполнять...

Все прошлое, изъ котораго мы хотимъ выйти, такъ и шло. Мѣнялись формы, образы, обряды,—сущность оставалась та же. Человѣкъ, склонявшій голову передъ капуциномъ, идущимъ съ крестомъ, дѣлалъ то же, что человѣкъ, склоняющій голову передъ рѣшеніемъ суда, какъ бы оно нелѣпо ни было.

Изъ этого-то міра нравственной неволи и подавторитетности, повторяю, мы и бьемся выйти въ ширь пониманья, въ міръ *свободы въ разумъ*. Всякія попытки обойти, перескочить сразу отъ нетерпѣнія, увлечь авторитетомъ или страстью приведуть къ страшнѣйшимъ столкновеніямъ и, что хуже, къ почти неминуемымъ пораженіямъ. Обойти процессъ пониманія такъ же невозможно, какъ обойти вопросъ о силѣ. Навязываемое предрѣшеніе всего, что *составляетъ вопросъ*, поступаетъ очень безцеремонно съ *освобожденнымъ веществомъ*. Взять вдругъ человѣка, умственно дремавшего, и огорошить его въ первую минуту, спросонья рядомъ мыслей, сбивающихъ всѣ его нравственныя понятія и къ которымъ ему не поставлено лѣстницы, врядъ ли много послужитъ развитію, а скорѣе смутитъ, собьетъ съ толку оглушеннаго или обратнымъ дѣйствіемъ оттолкнетъ его въ свирѣпый консерватизмъ.

Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленнаго шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность такъ, какъ непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разумнѣя. Математика передается постепенно; отчего же конечные выводы, мысли о социологіи могутъ прививаться, какъ оспа, или вливаться въ мозги такъ, какъ вливають лошадамъ сразу лѣкарство въ ротъ? Между конечными выводами и современнымъ состояніемъ есть практическія облегченія, пути, компромиссы, діагонали. Понять, которыя изъ нихъ короче, удобнѣе и возможнѣе, дѣло практическаго такта, дѣло стратегіи. Идя безъ оглядки впередъ, можно затесаться, какъ Наполеонъ въ Москву, и погибнуть, отступая отъ нея, не доходя даже до Егерезины. Международное соединеніе работ-

никовъ, всевозможныя соединенія ихъ; ихъ органы и представители должны всѣми силами достигать того невѣшательства власти въ *работу*, котораго оно не дѣлаетъ въ *управленіи собственностію*. Формы, сдерживающія людей въ полунасильственныхъ ковахъ, à la longue ¹⁾ не вынесутъ напора логики и развитія общественнаго пониманія. Однѣ изъ нихъ до того внутри сгнили, что имъ—дать толчокъ ногой, другія, какъ ракъ, держатся корнями въ дурной крови. Ломая одинакимъ образомъ тѣ и другія, можно убить организмъ и, навѣрное, заставить огромное большинство отпрянуть. Всего яростнѣе возстануть за «ракъ» наиболѣе страдающіе отъ него.

Это очень глупо, но пора съ глушостью считаться, какъ съ громадной силой.

Во всей Европѣ подымется за старые порядки сплошь все крестьянское населеніе. А развѣ мы не знаемъ, что такое сельское населеніе, какова его упорная сила и упорная косность? Отобравъ изъ рукъ революціи земли эмигрантовъ, оно-то и подсидѣло республику и революцію. Конечно, оно отпрянетъ и накинется по неразумію и невѣжеству, но въ этомъ-то вся важность.

На неразуміи и невѣжествѣ зиждется вся прочность существующаго порядка; на нихъ покоятся устарѣлыя воспитательныя формы, въ которыхъ люди выросли изъ несовершеннolѣтія и которыя жмутъ теперь меньшинство, но которыхъ вредной ненужности не понимаетъ большинство. Мы знаемъ, что значитъ ошибаться въ возрастѣ и въ степени пониманія. Всеобщая подача голосовъ, навязанная неприготовленному народу, послужила для него бритвой, которой онъ чуть не зарѣзался.

Но если понятія государства, суда сильны и крѣпки, то еще крѣпче укоренены понятія о семьѣ, о собственности, о наслѣдствѣ. Отрицаніе собственности—само по себѣ бессмыслица; «собственность не погибнетъ», скажу, перефразируя извѣстную фразу Людовика-Филиппа. Видоизмѣненіе ея, въ родѣ перехода изъ *личной* въ *коллективную*, неясно и неопредѣленно. Крестьянину на Западѣ такъ же необходимо привилась его любовь къ *своей* землѣ, какъ въ Россіи легко понимается крестьянствомъ общинное владѣніе. Нелѣпаго тутъ ничего нѣтъ. Собственность, и особенно поземельная, для западнаго человѣка представлялась освобожденіемъ, его самобытностью, его достоинствомъ и величайшимъ гражданскимъ значеніемъ. Можетъ быть, онъ убѣдится въ невыгодѣ непрерывно крошащихся и дробя-

¹⁾ Долго.

мыхъ участковъ и въ выгодѣ свободного хозяйства общинныхъ запашекъ полей; но какъ же его «безъ пристрастія» уломать, чтобъ онъ спервоначала отказался отъ вѣками взлелѣянной мечты, которую онъ жилъ и тѣшилъ и которая, дѣйствительно, поставила его на ноги, прикрѣпила къ нему землю, къ которой онъ былъ прежде крѣпокъ?—

Вопросъ, прямо идущій затѣмъ, — вопросъ о наслѣдствѣ, еще труднѣе. Кромѣ холостыхъ фанатиковъ въ родѣ монаховъ, раскольниковъ, икаріанъ ¹⁾ и пр., никакая масса не согласится на безусловное отреченіе отъ права завѣщать какую-нибудь часть своего достоянія своимъ наслѣдникамъ. Я не знаю довода, по которому было бы можно противодѣйствовать этой формѣ любви избирательной или кровной, передачѣ вмѣстѣ съ жизнію, съ чертами, даже съ болѣзнями вещей, служившихъ мнѣ орудіемъ. Развѣ, во имя обязательнаго *братства* и любви ко всѣмъ? Въ худшемъ человѣческомъ положеніи—у дворовыхъ крѣпостныхъ людей были кой-какія тряпки, которыя они оставляли своимъ и которыя почти никогда не отбирались помѣщиками. Отнимите у самаго бѣднаго мужика право завѣщать,—и онъ возьметъ колъ въ руки и пойдетъ защищать своихъ, свою семью и свою волю.

Что же тогда?... Или свернуть свое знамя и отступить, потому что сила, очевидно, будетъ съ ихъ стороны, или ринуться въ бой и, въ случаѣ мѣстной, временной побѣды, начать водвореніе новаго порядка, новаго освобожденія избіеніемъ?

Аракчееву было сполгоря вводить свои военно-экономическія утопіи, имѣя за себя войско, да и то ничего не сдѣлалъ. А за упраздненіемъ государства, откуда брать «экзекуцію», палачей и пуще всего—фискаловъ? А въ нихъ будетъ огромная потребность. Не начать ли новую жизнь съ сохраненіемъ соціальнаго корпуса жандармовъ? Неужели цивилизація кнутомъ, освобожденіе гильотиной составляютъ вѣчную необходимость всякаго шага впередъ?

Дальше я не пойду теперь, а скажу въ заключеніе вотъ что. Стоя возлѣ труповъ, возлѣ ядрами разрушенныхъ домовъ, слушая въ лихорадкѣ, какъ разстрѣливали плѣнныхъ, я всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями звалъ дикія силы на месть, на разрушеніе старой преступной вѣсы,—звалъ, даже не очень думая, чѣмъ она замѣнится.

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Мечь пришла съ другой стороны: месть пришла сверху. Народы все вынесли, потому что ничего не понимали ни тогда, ни послѣ. Середина вся растоптана и втоптана въ грязь... Длинное, тяжелое время дало досугъ страстямъ

¹⁾ Отъ Икарія.

успокоиться и мыслямъ отстояться, дало досугъ на обдуманіе и наблюденіе.

Ни ты, ни я, мы не измѣнили нашихъ убѣжденій, но разнo стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ попрежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, для того, чтобъ знать, какъ итти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мной, не могутъ итти.

И еще слово. Высказать это въ томъ кругу, въ которомъ мы живемъ, требуетъ, если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, чѣмъ брать во всѣхъ вопросахъ самую крайнюю крайность.

Я думаю, ты самъ согласишься въ этомъ...

Ницца, 25 января 1869.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Нѣтъ, любезные друзья, мозгъ мой отказывается понимать многое изъ того, что вамъ кажется яснымъ, изъ того, что вы допускаете и противъ чего я имѣю тысячи возраженій.

Мозгъ старѣетъ, можетъ быть, и я беру въ свою защиту то, что одинъ изъ нашихъ друзей писалъ обо мнѣ или противъ меня.

«Человѣку очень мудрено втолковать что-нибудь, о чемъ этотъ человѣкъ думаетъ иначе. Тутъ, дѣйствительно, физиологическій процессъ, о которомъ столько говорятъ общими мѣстами и котораго никто не хочетъ принять въ расчетъ, какъ скоро дѣло доходитъ до дѣла. Мозгъ ничего не вырабатываетъ произвольно, а всегда вырабатываетъ результатъ соотношенія принятыхъ имъ впечатлѣній. Слѣдственно, если впечатлѣнія одного разнятся отъ впечатлѣній другого на какой-нибудь дифференціалъ, то дальнѣйшее развитіе соотношенія впечатлѣній и результата, изъ нихъ выводимаго, т.-е. постановка и дальнѣйшее развитіе уравненія (которое есть единственная форма мозговыхъ дѣйствій), можетъ разойтись у одного отъ другого на разстояніе, невозможное къ совпаденію.

«Въ этомъ вся мудрость доказательствъ, доходящихъ почти до тщетныхъ усилій».

Эти строки, писанныя противъ меня, совершенно справедливы, печально справедливы.

Отрывокъ этотъ, приведенный изъ отвѣта Огарева на мое письмо къ Бакунину, оканчивается такъ:

«Каждый отдѣльный мозгъ, вслѣдствіе нарощенія въ себѣ своихъ впечатлѣній, встрѣчаетъ отъ нихъ уклоняющіяся новыя впечатлѣнія или вовсе мимоходно, или не съ достодолжной емкостью, или совсѣмъ отрицательно (т.-е. враждебно). Отсюда каждый человѣкъ убѣжденъ или предубѣжденъ, что онъ правъ, что положительно не можетъ быть доказано даже въ такихъ абстрактныхъ спеціальностяхъ, какъ математическія построения (теорія Тихо-де-Браге такъ же была построена на математическихъ построенияхъ, какъ и теорія Галилея); и потому, дѣйствительное признаніе истины требуетъ новыхъ мозговъ, не увлеченныхъ предыдущими впечатлѣніями. На этомъ даже зиждется знаменитое историческое развитіе, или прогрессъ».

Мои возраженія такъ, какъ и вообще возраженія, нетерпѣливымъ людямъ начинаютъ надоѣдать. «Время слова, говорятъ они, прошло; время дѣла наступило». Какъ будто *слово* не есть *дѣло*? Какъ будто время слова можетъ пройти? Враги наши никогда не отдѣляли *слово* и *дѣло* и казнили за *слово* не только одинакимъ образомъ, но часто свирѣпѣе, чѣмъ за *дѣло*. Да и дѣйствительно, какое-нибудь «*Allez dire à votre maître*» ¹⁾ Мирабо не уступить по вліянію никакому *coup de main* ²⁾.

Расчлененіе *слова съ дѣломъ* и ихъ натянутое противоположеніе не выносить критики, но имѣетъ печальный смыслъ, какъ признаніе, что все уяснено и понято, что толковать не о чемъ, а нужно исполнять. Боевой порядокъ не терпитъ разсужденій и колебаній. Но кто же, кромѣ нашихъ враговъ, готовъ на бой и силенъ *на дѣло*? Наша сила въ силѣ мысли, въ силѣ правды, въ силѣ слова, въ исторической *попутности*. Международные сходы только сильны пропбвѣдью; матеріально дальше отрицательной силы грѣвы ³⁾ они не могутъ ити.

Стало быть, остается попрежнему сидѣть сложа руки весь вѣкъ, довольствуясь прекрасными рѣчами?

Не знаю, весь ли вѣкъ или часть его, но навѣрное до тѣхъ поръ не входитъ въ рукопашную, пока нѣтъ ни единства убѣжденій, ни оосредоточенныхъ силъ. Быть правымъ въ бою немного значить:

¹⁾ Ступайте, скажите вашему господину.

²⁾ Переворотъ, захватъ власти.

³⁾ Забастовки, стачки,

право давала побѣду только въ судѣ божіемъ; у насъ на небесное вмѣшательство надежды мало.

Чѣмъ кончилось польское возстаніе, невозможное по несоразмѣрности силъ?

Каково теперь на совѣсти тѣмъ, которые подталкивали поляковъ?

На это говорятъ наши противники съ какимъ-то философскимъ фатализмомъ:

«Избраніе путей исторіи не въ личной власти; не событія зависятъ отъ лицъ, а лица—отъ событій. Мы только мнимо заправляемъ движеніемъ, но въ сущности плывемъ, куда волна несетъ, не зная, до чего доплывемъ».

Пути вовсе не неизмѣнимы. Напротивъ, они-то и измѣняются съ обстоятельствами, съ пониманіемъ, съ личной энергіей. Личность создается средой и событіями, но и событія осуществляются личностями и носятъ на себѣ ихъ печать; тутъ—взаимодѣйствіе. Быть страдательнымъ орудіемъ какихъ-то независимыхъ отъ насъ силъ намъ не по росту. Чтобъ стать слѣпымъ орудіемъ судебъ, бичемъ, палачемъ божіимъ, надобно наивную вѣру, простоту невѣдѣнія, дикій фанатизмъ и своего рода непчатое младенчество мысли. Честно мы не можемъ брать на себя ни роль Аттилы, ни даже роль Антона Петрова ¹⁾. Принимая ихъ, мы должны будемъ обманывать другихъ или самихъ себя. За эту ложь намъ придется отвѣчать передъ своей совѣстью и передъ судомъ близкихъ намъ по духу.

То, что мыслящіе люди прощали Аттилѣ, комитету общественнаго спасенія и даже Петру, не простятъ намъ. Мы не слышали голоса, призывавшаго насъ свыше къ исполненію судебъ, и не слышали подземнаго голоса снизу, который указалъ бы путь. Для насъ существуетъ одинъ голосъ и одна власть—*власть разума и пониманія*. Отвергая ихъ, мы становимся разстригами науки и ренегатами цивилизаціи. Самыя массы, на которыхъ лежитъ вся тяжесть быта, съ своей македонской фалангой работниковъ, ищутъ слова и пониманія и съ недоверіемъ смотрятъ на людей, проповѣдующихъ аристократію науки и призывающихъ къ оружію. И замѣтьте,—проповѣдники не изъ народа, а изъ школы, изъ книгъ, изъ литературы, жившіе въ отвлеченностяхъ. Старые студенты, они ушли отъ народа дальше, чѣмъ его враги. Попъ и аристократъ, полицейскій и купецъ, хозяинъ и солдатъ имѣютъ больше прямыхъ связей съ массами, чѣмъ они. Оттого-то они и полагаютъ возможнымъ начать экономическій переворотъ съ *tabula rasa*,

¹⁾ Крестьянинъ, поднявшій народный бунтъ въ с. Безднѣ Казанской губ. въ 1862 г.

съ выжиганія до тла всего историческаго поля, не догадываясь, что поле это съ своими полосами и плезелами составляетъ всю непосредственную почву народа, всю его нравственную жизнь, всю его привычку и все его утѣшеніе.

Народъ—консерваторъ по инстинкту и потому, что онъ не знаетъ ничего другого, у него нѣтъ идеаловъ внѣ существующихъ условий; его идеаль—буржуазное довольство такъ, какъ идеаль Агга-Троля у Гейне—абсолютно бѣлый медвѣдь. Онъ держится за удручающій бытъ, за тѣсныя рамы, въ которыя онъ вколочень; онъ вѣритъ въ ихъ прочность и обезпеченіе, не понимая, что эту прочность онъ-то имъ и даетъ. Чѣмъ народъ дальше отъ движенія исторіи, тѣмъ онъ упорнѣе держится за усвоенное, за знакомое. Онъ даже новое понимаетъ только въ старыхъ одеждахъ. Пророки, провозглашавшіе соціальныя перевороты анабаптизма, облачались въ архіерейскія ризы. Пугачевъ, для низложенія нѣмецкаго дѣла, самъ назвался Петромъ, да еще самымъ нѣмецкимъ, и окружилъ себя андреевскими кавалерами изъ казаковъ и разными псевдо-Воронцовыми и Чернышевыми.

Государственныя формы, церковь и судъ выполняютъ оврагъ между непониманіемъ массъ и односторонней цивилизаціей вершинъ. Ихъ сила и размѣръ въ прямомъ отношеніи съ неразвитіемъ ихъ. Взять неразвитіе силы невозможно. Ни республика Робеспьера, ни республика Анахарсиса Клоотса, оставленныя на себя, не удержались, а вандейство надобно было годы вырубать изъ жизни. Терроръ такъ же мало уничтожаетъ предрасудки, какъ завоеваніе народности. Страхъ, вообще, вгоняетъ внутрь бытъ, формы, пріостанавливаетъ ихъ отправленіе и не касается содержанія. Иудеевъ гнали вѣка; одни гибли, другіе прятались и послѣ грозы являлись и богаче, и сильнѣе, и тверже въ своей вѣрѣ.

Нельзя людей освобождать въ наружной жизни больше, чѣмъ они освобождены *внутри*. Какъ ни странно, но опытъ показываетъ, что народамъ легче выносить насильственное бремя рабства, чѣмъ даръ излишней свободы. Въ сущности, всѣ формы историческія, *potens volens*, ведутъ отъ одного освобожденія къ другому. Гегель въ самомъ рабствѣ находитъ (и очень вѣрно) шагъ къ свободѣ; то же явнымъ образомъ должно сказать о государствѣ,—и оно, какъ рабство, идетъ къ самоуничтоженію, и его нельзя сбросить съ себя, какъ грязное рубище, до извѣстнаго возраста. Государство—форма, черезъ которую проходитъ всякое человѣческое сожитіе, принимающее значительныя размѣры. Оно постоянно измѣняется съ обстоятельствами и прилаживается къ потребностямъ. Государство вездѣ начи-

нается съ полного порабощенія лица и вездѣ стремится, перейдя извѣстное развитіе, къ полному освобожденію его. Сословность—огромный шагъ впередъ, какъ разъясненіе и выходъ изъ животнаго однообразія, какъ раздѣлъ труда. Уничтоженіе сословности—шагъ еще большій. Каждый восходящій или воплощающійся принципъ въ исторической жизни представляетъ *высшую правду* своего времени, и тогда онъ поглощаетъ лучшихъ людей; за него льется кровь и ведутся войны; потомъ онъ дѣлается *ложью* и, наконецъ, воспоминаніемъ. Государство не имѣетъ собственнаго опредѣленнаго содержанія; оно служитъ одинаково реакціи и революціи, тому, съ чьей стороны сила; это—сочетаніе колесъ около общей оси; ихъ удобно направлять туда или сюда, потому что единство движенія дано, потому что оно примкнуто къ одному центру. Комитетъ общественнаго спасенія представлялъ сильнѣйшую государственную власть, направленную на разрушеніе монархіи. Министръ юстиціи Дантонъ былъ министръ революціи. Инициатива освобожденія крестьянъ принадлежитъ самодержавному царю. Этой государственной силой хотѣлъ воспользоваться Лассаль для введенія соціального устройства. Что же, думалось ему, ломать мельницу, когда ея жернова могутъ молоть и нашу муку? На томъ же самомъ основаніи и я не вижу разумной примѣнимости въ отреченіи.

Между мнѣніемъ Лассалья и проповѣдью о неминуемомъ распущеніи государства въ федерально-коммунную жизнь лежитъ вся разница обыкновеннаго рожденія и выкидыванія. Изъ того, что женщина беременна, никакъ не слѣдуетъ, что ей завтра слѣдуетъ родить. Изъ того, что государство—форма *преходящая*, не слѣдуетъ, что эта форма уже *прошедшая*. Съ какого народа, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть снята государственная опека, какъ лишняя перевязка, безъ раскрытія такихъ артерій и внутренностей, которыя *теперь* надѣлають страшныхъ бѣдствій, а *потомъ* спадутъ сами?

Да и будто какой-нибудь народъ можетъ безнаказанно начать такой опытъ, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, какъ Франція, Пруссія и проч. Можно ли говорить о скорой неминуемости безгосударственнаго устройства, когда уничтоженіе постоянныхъ войскъ и обезоруженіе составляютъ дальніе идеалы? И что значитъ *отрицать* государство, когда главное условіе выхода изъ него *совершеннолѣтіе* большинства. Посмотрѣли бы вы, что дѣлается теперь въ просыпающемся Парижѣ. Какъ тѣсны грани, о которыя бьется движеніе, и какъ онѣ никѣмъ не построены и сами выросли, какъ изъ земли. Маленькіе города, тѣсные круги страшно

портятъ глазомѣрь. Ежедневно повторяя *со своими одно и то же*, естественно дойдешь до убѣжденія, что вездѣ говорятъ одно и то же. Долгое время убѣждая въ своей силѣ другихъ, можно убѣдиться въ ней самому и остаться при этомъ убѣжденіи до перваго пораженія.

Bruxelles, Paris.
Августъ 1869 года.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Иконоборцы наши не останавливаются на обыденномъ отрицаніи государства и разрушеніи церкви; ихъ усердіе идетъ до гоненія науки. Тутъ умъ оставляетъ ихъ окончательно.

Робеспьеровской нелѣпости, что атеизмъ аристократичень, только и не доставало объявленія науки аристократію.

Никто не спрашиваетъ, насколько вообще подобныя опредѣленія идутъ или нѣтъ къ предмету. Вообще, весь споръ о «наукѣ для науки» и о наукѣ только, какъ пользѣ, основанъ на чрезвычайно дурной постановкѣ вопросовъ.

Безъ науки *научной* не было бы науки прикладной.

Наука—сила; она раскрываетъ отношенія вещей, ихъ законы и взаимодействія и ей до употребленія нѣтъ дѣла. Если наука въ рукахъ правительства и капитала такъ, какъ въ ихъ рукахъ войско, судъ, управленіе, то это не ея вина. Механика равно служитъ для постройки желѣзныхъ дорогъ и всякихъ пушекъ и *Zündnadelgewähr*¹⁾.

Нельзя остановить умъ и сказать ему: дальше не изслѣдуй, погоди, пока мы освободимся.

Нельзя же остановить умъ, основываясь на томъ, что большинство не понимаетъ, а меньшинство злоупотребляетъ пониманіемъ.

Дикіе призывы къ тому, чтобъ закрыть книги, оставить науку и идти на какой-то бессмысленный бой разрушенія, принадлежать къ самой неистовой демагогіи и къ самой вредной. За ними такъ и слѣдуетъ разнузданіе дикихъ страстей, *le dechainement des mauvaises passions*²⁾. Этими страшными словами мы шутимъ, нисколько не считая, насколько они вредны для дѣла и для слушающихъ.

Нѣтъ, великіе перевороты не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей. Христіанство проповѣдывалось чистыми и строгими въ жизни апостолами и ихъ послѣдователями, аскетами и постниками,

¹⁾ Ружья съ зажигательными иглами.

²⁾ Разнузданіе низкихъ страстей.

людьми, замаривавшими всё страсти, кромѣ одной. Таковы были гугеноты и реформаторы, таковы были якобинцы 93 года. Бойцы за свободу въ серьезныхъ поднятiяхъ оружія всегда были святы, какъ воины Кромвеля, и оттого сильны.

Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная, ежеминутная; проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардныхъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушенiя,—апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и противникамъ.

Проповѣдь къ врагу—великое дѣло любви: они не виноваты, что живутъ внѣ современнаго потока каими-то просроченными векселями прежней нравственности. Я ихъ жалѣю, какъ больныхъ, какъ поврежденныхъ, стоящихъ на краю пропасти съ грузомъ богатствъ, который ихъ стянетъ въ нее. Имъ надобно раскрыть глаза, а не вырывать ихъ, чтобъ и они спаслись, если хотять.

Греки радикальнѣе насъ говорили: «Мудрому законъ ненуженъ, его разумъ—законъ». Ну, такъ и начнемъ съ того, что «сдѣлаемъ» сами себя и другъ друга мудрыми. Я не только жалѣю людей, но жалѣю и вещи, и *иныя вещи больше иныхъ людей*.

Дико-необузданный взрывъ, вынужденный упорствомъ, ничего не пощадить; онъ за личныя лишенiя отмститъ самому безличному достоянію. Съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, погибнетъ другой капиталъ, идущій отъ поколѣнiя въ поколѣнiе и отъ народа къ народу,—капиталъ, въ которомъ осѣдала личность и творчество разныхъ временъ, въ которомъ сама собой наслоилась лѣтопись людской жизни и кристаллизовалась исторiя. Разгулявшаяся сила истребленiя уничтожитъ вмѣстѣ съ межевыми знаками и тѣ *предѣлы* силъ человѣческихъ, до которыхъ люди достигали во всѣхъ направленiяхъ съ начала цивилизаціи.

Довольно христiанство и исламизмъ наломали древняго міра, довольно французская революція наказала статуи, картинъ, памятниковъ,—намъ не приходится играть въ иконоборцевъ.

Я это такъ живо чувствовалъ, стоя съ тупою грустью и чуть не со стыдомъ передъ какимъ-нибудь кустодомъ, указывающимъ на пустую стѣну, на разбитое изваяніе, на выброшенный гробъ, повторяя: «все это истреблено во время революціи»... ¹

◆◆ 1. По мнѣнію страстнаго врага революціи и влюбленнаго въ буржуазную «эволюцію» П. Струве, «Письмамъ къ старому товарищу» была суждена до сихъ поръ гораздо меньшая извѣстность, чѣмъ «Съ того берега». «Но ничего лучшаго, болѣе глубокаго и болѣе мудраго Герценъ не писалъ—и эта вещь, а не «Съ того берега», должна по праву войти въ міровую исторію социализма... По силѣ эволюціоннаго пониманія «Письма стараго товарища» можно поставить рядо́мъ съ предисловіемъ Маркса къ 1-му изданію «Капитала», съ произведеніемъ, въ которомъ теоретическая мысль Маркса достигла наибольшей твердости. По моему глубокому убѣжденію, на социологическихъ идеяхъ «Писемъ къ старому товарищу» уже отразилось вліяніе историческаго, эволюціоннаго социализма Маркса и его практическихъ приложеній въ организаціи Интернаціонала и въ дѣятельности Лассаля. Герценъ гениально уловилъ эволюціонное ядро марксизма и смѣло отбросилъ ложь революціонной фразеологіи. Но полузабытое посмертное произведеніе русскаго мыслителя безконечно выше всего Маркса и марксизма тѣмъ благороднымъ моральнымъ духомъ, который въ немъ разлитъ. Этотъ морализмъ вылить въ форму поразительно искренней, глубоко интимной и въ то же время цѣломудренно-сдержанной исповѣди чело́вѣка, пережившаго въ своей жизни великія побѣды и великія пораженія» («Рус. Мысль» 1912, IV, 136, 138). Надо ли говорить, что эти благоглупости эмигрантскаго божка приведены мною только для того, чтобы иллюстрировать глубокое его непониманіе и Герцена, и Маркса.

Гершензонъ говоритъ: «Съ нашей точки зрѣнія, это—завѣщаніе Герцена представляетъ собою какъ разъ систематическую сводку его основныхъ идей, многократно враздробь излагавшихся имъ съ 1849 года и въ существенномъ почти не измѣнившихся за все это время» («Научное Слово» 1904, VIII, 147).

Ю. М. Стекловъ находитъ, что въ этихъ «Письмахъ» «разсѣяно много мѣткихъ замѣчаній, заставляющихъ насъ сожалѣть о томъ, что этотъ большой и проницательный умъ отошелъ отъ рабочаго движенія, которому онъ могъ бы принести много пользы своими знаніями и практической мудростью. Въ своей критикѣ анархическихъ увлеченій Бакунина Герценъ почти вплотную подходитъ къ марксизму, повторяя много аргументовъ послѣдняго противъ анархическаго бунтарства... Возражая противъ антигосударственной программы Бакунина, Герценъ высказываетъ цѣлый рядъ глубокихъ замѣчаній объ историческомъ характерѣ государства и показываетъ, что оно, подобно другимъ формамъ угнетенія, подходитъ къ своему

самоуничтоженію и самоотричанію... Наряду съ здравымъ критическимъ духомъ чувствуется также невѣріе, скептицизмъ и усталость. Другія мѣста этихъ интересныхъ писемъ окончательно убѣждаютъ насъ въ томъ, что Герценъ остался въ нихъ на прежней оппортунистической позиціи и критиковалъ положенія Бакунина не только съ точки зрѣнія строгаго историческаго объективизма, сколько поды угломъ отрицанія революціонныхъ путей и классовой борьбы» («Борцы за социализмъ», 74—75).

3581. [Замѣчанія на «Отвѣты» Н. П. Огарева].

Огаревъ находитъ «Письма» Герцена замѣчательными, но не соглашается въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Онъ приводитъ мнѣніе Г. о томъ, что «прежде разрушенія стараго политическаго построенія, основаннаго на сословности (т.-е. на *экономическомъ промахѣ*, какъ ты очень хорошо выразился), новое политическое построеніе на экономическомъ основаніи невозможно». Герценъ дѣлаетъ выноску къ этому выраженію:

Нѣтъ, сословность—не промахъ, а возрастъ. Первые зубы—не промахъ, а выпастъ должны.

Взявъ у меня выраженіе «экономическій промахъ», ты его относишь къ современному политическому настроенію... Словно, оно по ошибкѣ было сословнымъ (а я думаю, что сословность, это—расчлененіе, выходъ изъ безразличія въ органическое единство.) Все, исторически выработавшееся обстоятельствами, толчками и переворотами, — *naturprodukt*. Называть продуктъ исторіи, хотя бы онъ и устарѣлъ, политическимъ промахомъ—тоже, что считать лягушку зоологическимъ промахомъ. Ты говоришь, что если теорія паровъ предшествовала желѣзнымъ дорогамъ, то что пары были до теоріи. Стало, ты полагаешь, что современный государственный бытъ былъ политической *безъ экономическихъ основаній*? Это противно тому, что ты сказалъ, и самой дѣйствительности: еслибъ не было неразвитыхъ, дурно развитыхъ, изуродованныхъ экономическихъ отношеній, то не было бы и желанія выпутаться изъ нихъ и дойти до разумныхъ.

Огаревъ цитируетъ фразу Герцена: «Слѣдуетъ ли толчками возмущать творческую тишину внутренней работы, инкубации, непрерывной, неудовимой? Герценъ пишетъ рядомъ:

Можетъ, дурно сказано; слѣдуетъ «очевидной», «явнобрачной»—не.

Огаревъ возражаетъ на цитированную фразу: «Я не вижу въ историческомъ ходѣ рода людскаго «этой непрерывной, неудовимой инкубации». Г. подчеркиваетъ слово *«безпрерывной»* и пишетъ рядомъ:

Я не говорилъ о безпрерывности, а говорю о теперешней минутѣ.

Къ этой же страницѣ огаревской статьи отнесено замѣчаніе:

Все это очень хорошо, но относится къ Вырубову, а не ко мнѣ.

Далѣе О. пишетъ: «Я не вижу въ исторіи ни одного примѣра такого развитія пониманія, которому властвующее меньшинство уступало бы добровольно». Г. отмѣчаетъ:

Да и пониманія исторіи вовсе не было.

О. продолжаетъ: «Подвинулись ли мы въ 1869 году настолько; чтобы развитіе народнаго пониманія могло итти, какъ координаты, съ народнымъ терпѣніемъ? Или прежде должно лопнуть народное терпѣніе» и т. д.

И то и другое, во взаимодѣйствіи.

О. пишетъ далѣе: «Какія бы ни были вспышки, каждая вспышка ставитъ новымъ запросомъ на пересозданіе общественности, который безъ этой вспышки; хотя бы вспышка и рухнула, не проснулся бы». Г. отмѣчаетъ:

Люди могутъ очень задерживать (съ хорошей и худой цѣлью) вспышки и пихать на нихъ à la Mazzini.

О. пишетъ: «Реальное движеніе можетъ быть только мѣстное и, въ случаѣ удачи, социализмъ, созданный на новыхъ реальныхъ отношеніяхъ, на новой реальной почвѣ, можетъ быть только своеобразный, а нисколько не единый».

Безъ сомнѣнія.

О. заключаетъ тѣмъ; что никакая «предвзятая социологія» не можетъ построить общины. Г. пишетъ:

Роли измѣнились: я тебѣ именно это доказывалъ или въ томъ же родѣ при Мерч.¹⁾ у тебя тогда была какая, то алгебра полит. экономіи, и ты въ ней искалъ предзнаніе. Я думаю, Мерч. помнитъ нашъ споръ. Теперь ты читаешь Нечаева и Бакунина.

«Спроси себя и отвѣчай себѣ искренно: ты самъ-то понимаешь; что такое значить «соціальный элементъ?» Г. отвѣчаетъ:

Освобожденіе лица отъ одной части авторитета государственнаго и ея опеки, которая не касается ни до экономическаго факта, принятаго за оправданный, ни до юридическаго быта, основаннаго на идеализмѣ и дуализмѣ, называется политическимъ. Освобожденіе innerhalb²⁾ государства, патриотизма,—соціальное освобожденіе начинается отсюда—оно не подтверждаетъ по давности экон. фактъ и беретъ иное отношеніе къ вещи.

О. протестуетъ противъ сравненія общественности съ зоологіей: «Вѣдь, если Саша правъ, и обезьяна переродилась въ человѣка, тѣмъ не менѣ обезьяна

¹⁾ Мерчинскій.

²⁾ Внутри.

въ природѣ не умерла; а историческія общественныя формы, отживши; вымирають». Г. отвѣчаетъ:

Этого мы не знаемъ. Можетъ, и человѣчество остановится, и не на одномъ, а на нѣсколькихъ типахъ, на всегда или на время. Это по мѣрѣ достиженія предѣла—la limite¹⁾—напр., Китай—или и Европа на буржуазію частями, какъ Голландія. И звѣрь не замкнуть; у пчелы до окончат. посадки и у муравья можетъ были миліоны попытокъ, и кто отвѣчаетъ, что у звѣрей не были и не будутъ разные прогрессы.

3582. ДОКТОРЪ, УМИРАЮЩІЙ И МЕРТВЫЕ.

I.

ДОКТОРЪ.

— Ну, что новаго, любезный гипербореецъ? (Выраженія въ родѣ «любезный гипербореецъ» принадлежали у доктора къ послѣднимъ запоздалымъ листочкамъ старо-французскаго древа познанія добра и зла).

— Новаго ничего нѣтъ; кромѣ того, что въ журналахъ ваше правительство такъ чествятъ, какъ этого со 2 декабря²⁾ не бывало. Да не зовите вы меня, бога ради, гиперборейцемъ. Во-первыхъ, мнѣ отъ этого слова всякій разъ становится холодно, а во-вторыхъ, жутко: такъ и кажется, что мы живемъ во времена Монтескье, близъ отель Ледисьеръ, гдѣ останавливался le Grand Tzar hyperboréen!³⁾

— Все забываю, что, по новымъ учебникамъ, васъ слѣдуетъ называть не гиперборейцами, а *туранцами*.

— Это, все же, лучше.

— Еще-бъ....туть, сверхъ моды, комплиментъ.

— Конечно, не предумышленный!

— Въ этомъ-то и букеть. Наши мудрецы выдумали это имя вамъ на смѣхъ, на зло, чтобъ васъ филологически сбругать. Это была единственная помощь, которую Франція оказала Польшѣ. Нечего сказать, ловко придумали. Назвать васъ туранцами, имѣющими аріанскіе элементы, значитъ признать ваши притязанія на Азію и на Европу.

¹⁾ Граница, предѣлъ.

²⁾ 1851 г.— день государоваго переворота Наполеона III.

³⁾ Великій гиперборейскій царь.

Вотъ обидѣли-то! Въ одномъ мы съ вами никогда не спорили,—это въ томъ, что люди еще очень глупы. Какъ у васъ должны хотеть надъ нами. Все, что мы противъ васъ дѣлаемъ, вамъ же идетъ впрокъ. Наша ненависть полезнѣе для васъ всѣхъ союзовъ. Мы вамъ не можемъ простить взятія Парижа, хотя себя никогда не упрекали за вступленіе въ Москву; это еще понятно, но не удивительно ли, что и нѣмцы, взявшіе съ вами Парижъ, тоже сердятся на васъ за это. Изъ нелюбви къ вамъ, Европа всклепала на васъ неслыханную силу, а вы и повѣрили ей. Англія до того болтала о вашихъ замыслахъ въ Индіи, что вы, въ самомъ дѣлѣ, пошли въ какую-то Самарканду...Гдѣ же здравый смыслъ?...Стоить петербургскому кабинету забыть на недѣлю Турцію, —двадцать европейскихъ газетъ напомнять ему восточный вопросъ и поддразнять Константинополь и всевозможными сербами и болгарами. Въ отмщеніе за Польшу выдумали, что у васъ съ поляками нѣтъ славянскаго сродства, что вамъ, стало, и жалѣтъ ихъ нечего. Я завидую вамъ, мой милый монголь.

— Вы таки придерживаетесь «grattez un Russe ¹⁾»...

— И скоблить ненадобно. Татарскія степи такъ и сквозятъ сквозь французскія обои et cela a son charme ²⁾). Я это не въ вину вамъ ставлю; напротивъ, съ вами, т.-е. съ удавшимися, оттого и легко, что ступай, куда хочешь: ни забора, ни запрета, ни надгробнаго креста, ни верстового столба, однѣ пустоты да размѣры...

— Добавьте: кое-гдѣ вѣхи, кое-гдѣ верблюды съ европейской кладью второй руки, немного подсохнувшей, немного подмоченной... кругомъ спитъ какое-то многое множество непобуднымъ сномъ.

— Спящіе еще проснутся. Вотъ мы такъ на яву бредимъ, это плохо; мозги такъ *парализованы*, что новой мысли прохода нѣтъ. Голова загружена, какъ мѣняльная лавка; все, что не идетъ вмѣстѣ, навалено рядомъ; чего не набито тутъ! Дѣйствительныя богатства и курьезная ненужная мебель, неудавшіяся машины воспоминаній, заклинаній, прорицаній, химическіе сосуды и церковные снаряды, микроскопы, ороскопы, допотопные звѣри, нежившіе уродцы; мыльные пузыри, надутые утопіями, лопаются въ облакахъ архивной пыли...Кабы у насъ въ головѣ да ваши пустыри!...Вы извините меня, вы—еще народъ лѣнивый, не умѣете ими пользоваться. Съ нашей дѣятельностью, съ нашей привычкой мы чудеса бы настроили...

— Если-бъ посчастливилось не наткнуться на дикихъ звѣрей.

¹⁾ «Грасскребите русскаго».

²⁾ Въ этомъ есть своя прелесть.

— Дикіе звѣри выведутся, они отступаютъ передъ образованіемъ. Много ли у васъ осталось бѣловѣжскихъ зубровъ?

— Бѣда въ томъ, что наши дикіе звѣри—все звѣри высоко образованные.

— Это-то и хорошо. Опасно не то, когда звѣрь остается звѣремъ; а когда онъ отъ образованія становится скотиной и бьется между двумя крайними типами—русскаго плута и кроткаго дурака. Цивилизація подчистила у насъ все дикое, по крайней мѣрѣ, засыпала песочкомъ да землицей, изъ нихъ и образовался толстый пластъ грязи, въ которомъ пропадаетъ всякое движеніе и вязнуть всякія колеса. Кое-гдѣ по этимъ болотамъ есть дощечки; но горе, если вы ступили возлѣ: васъ затащитъ съ головой, и вы незамѣтно сдѣлаетесь лягушкой, и вамъ покажется хорошо, какъ дома, въ этой вязкой глинѣ; въ ней все есть: своя глупость и свой умъ, свои герои и свои геніи, свои интересы и заботы. Можетъ, дренажъ и возможенъ, но поди, расчищай такія Понтійскія болота. Исторія не крѣпка землѣ. Если-бъ это было не такъ, цивилизація не переѣзжала бы съ мѣста на мѣсто. Старые мозги труднѣе двигать, чѣмъ города и народы: новый умъ на нихъ не дѣйствуетъ. Особенно трудно двигать нравственныхъ людей, знающихъ, что они нравственны и честны. Подите, объясните какому-нибудь нелицепріятному судѣ, что глупо, закрывши книгу Кетлэ ¹⁾, прикидывать на своемъ безменѣ справедливости, сколько годовъ каторжной работы вытягиваетъ какой-нибудь бѣшенный или отчаянный поступокъ. Эти господа опаснѣе всѣхъ дикихъ звѣрей вмѣстѣ. Будь у насъ въ 1848 году дикіе звѣри на мѣсто *честнѣйшаго* Ламартина и *честнѣйшихъ* товарищей его, не то бы было.

— Возвратились докторъ, къ вашимъ баранамъ.

— Ужъ, конечно, въ этомъ случаѣ не къ козламъ. Ха, ха, ха! Вотъ вы меня и сбили. О чемъ, бишь, рѣчь-то шла? Какъ этотъ Ламартинъ попадется на языкъ, такъ нить мысли и потеряна. Ну, да оно и хорошо: я что-то заврался. Кстати...ну, т. е. оно не совсѣмъ кстати, но такъ и быть, я лучше расскажу вамъ по поводу Ламартина пресмѣшную вещь. Вы знаете, что осенью 1848 я былъ на югѣ Франціи. Какъ-то въ торговый день сижу я послѣ завтрака въ маленькомъ кафэ и читаю; крестьянъ бездна, толкуютъ о выборахъ, о политикѣ. Услышавъ, что я докторъ и изъ Парижа, одинъ высокій старикъ, въ вязаномъ колпакѣ, должно быть, человѣкъ солидный и съ авторитетомъ, подсѣлъ ко мнѣ и сталъ спрашивать меня о новостяхъ. Выслушавъ, онъ под-

¹⁾ Т.-е. его статистическія изслѣдованія.

винулся поближе, чокнулся стаканомъ, утеръ носъ и, понизивъ голосъ, сказалъ мнѣ, вполслуха и глядя на меня испытующими глазами:

«У насъ поговариваютъ, что все дѣло мутить *одна особа*... Самъ-то дюк»...

Я посмотрѣлъ на него.

«Ну, *le duc Rollin* ¹⁾ очень хорошій человекъ, да его-то полюбовница, что ли, очень забрала силу и сбиваетъ его».

«Не слыхалъ я,—говорю ему: ни разу не слыхалъ».

Старикъ хитро улыбнулся и прибавилъ:

«А мы вотъ и вдали живемъ, да не только слышали объ этомъ, но и имя этой Иродіады знаемъ,—ее прозываютъ *la Martine*» ²⁾).

Не выдержалъ я и, какъ старика ни жаль было, расхохотался. Что мнѣ пуще всего понравилось, это названіе Иродіады «Ла Мартинъ». Иродіада,—добро бы уже Нинонъ де Ланкло ³⁾. Да-съ, милостивый государь, этотъ вопросъ былъ сдѣланъ не въ Рязани, не въ Казани, а въ какихъ-нибудь ста километрахъ отъ Марсели и Авиньона. И это въ то самое время, когда у тѣхъ же крестьянъ готовились спрашивать, нуженъ ли республикѣ президентъ и, если нуженъ, то кого они хотятъ въ президенты... Ну, какъ же послѣ этого не бросить весь политическій хламъ...А что вы давеча поминали о газетахъ?

— Старая пѣсня, только голоса погромче. Винятъ правительство за все: за послабленія и за деспотизмъ, за разливы и за засухи.

— То-то, чай, доволенъ ⁴⁾, потираетъ себѣ руки.

— Ну, не думаю, ужъ очень бранятся.

— Что ему браня, когда отъ него ждуть урожая и теплой погоды? Религія правительства и страсть къ опека были-бъ цѣлы. Вѣра во власть—вотъ въ чемъ все дѣло и вся сила. Я разъ посадилъ блоху въ голову одной старушкѣ, у которой лѣчилъ золотушныхъ внучатъ. Жаль, говорю ей, что наши короли утратили цѣлебную силу лѣчить золотуху; будь по старому, вмѣсто того, чтобъ меня звать да на аптеку тратиться, добѣжали бы со внучатами до Оперы, сегодня король ѣдетъ слушать Малибранъ ⁵⁾)... дѣтей посадили бы на столбики да на ступеньки. Онъ бы передъ «*Figaro qua, Figaro la*», погладилъ бы ихъ по головкѣ и снялъ бы золотуху, какъ рукой.—Что вы?—отвѣчаетъ мнѣ

¹⁾ Ледрю Ролленъ.

²⁾ Ламартинъ.

³⁾ Француженка, извѣстная своей красотой и умомъ, хозяйка интеллигентскаго салона XVII ст.

⁴⁾ Наполеонъ III.

⁵⁾ Гарсія, изв. испанская пѣвица.

старушка,—развѣ тогда короли были *такіе*, развѣ они ѣздили въ оперу?! тогда какое житье-то ихъ было!—Это, говорю я, извините; я не большой охотникъ до Людовика-Филиппа, ну, а, все же, ведетъ онъ себя почище. Тѣ-то, матушка, были все страшные блудники да норовили все съ насиліемъ, съ убійствомъ. Старушка только качаетъ головой. Я тогда молодъ былъ, языкъ-то чесался...

— Ну, докторъ, я не замѣчаю, чтобъ и теперь пересталъ.

— Досада беретъ Кричатъ себѣ о рабствѣ, о притѣсненіяхъ, а сами-то такъ и наклевываютъ на него. Интеграль, взятый отъ тридцати милліоновъ безконечно малыхъ бонапартистовъ, поневолѣ, долженъ быть Наполеономъ. Поговорите четверть часа съ любымъ французомъ о чемъ хотите, что его занимаетъ: О Рейнѣ, о Почетномъ легионѣ, о будущемъ его дочери, о притязаніяхъ его работниковъ,— и вы возстановите по зубу, по косточкѣ, по волоску, по чешуйкѣ и допотопныхъ маршаловъ, и флечовыхъ архіереевъ, и легистовъ *diluviei testes* ¹⁾, и трепетныхъ мѣщанъ либераловъ, и весь кодексъ, писанный Камбасересомъ ²⁾ съ компаніей раскаявшихся якобинцевъ, и *соур д'ѣтат*, и вчерашній день. Отъ чешуйки до чешуйки, отъ плембисцита до плембисцита, отъ сенатскаго рѣшенія до сенатскаго рѣшенія вы невольно дойдете до постоянного соотвѣтствія правительства или полиціи съ темпераментомъ французовъ такъ, какъ онъ выработался революціонными горячками, военными кровопусканіями *à la Бруссе* ³⁾, романтическимъ постомъ и діетой во время реставраціи, и жирнымъ разговоріемъ при королѣ-гражданинѣ и при пѣсняхъ Беранже.

— Вы хотите сказать, что Франція имѣетъ право на имперію такъ, какъ виновный на наказаніе?

— Нѣтъ, не хочу и вамъ не совѣтую употреблять этотъ жаргонъ уголовныхъ палатъ и прокурорскихъ рѣчей. Какія тутъ наказанія, какія вины: простая логическая, фактическая послѣдовательность, идущая по пятамъ за событіями и дѣлами. Человѣкъ напился пьянъ, на другой день у него болитъ голова: это—вовсе не наказаніе, а послѣдствіе. Откуда это, изъ какой нѣмецкой философіи откопали вы такое чудовище, какъ «право на казнь»?

— Докторъ, вы забыли вашихъ классиковъ: это сказалъ не нѣмецъ, а Платонъ.

¹⁾ Дословно: свидѣтелей потопа.

²⁾ Членъ конвента, одинъ изъ редакторовъ гражданскаго кодекса.

³⁾ Франсуа-Жозефъ, зраменитый франц. медикъ, основатель физиологической школы.

— «Божественный», такъ и видно, что не простой смертный. Онъ совѣтоваль поэтовъ выгонять изъ своего воспитательнаго дома, возведеннаго въ образцовую республику, а, небось, не догадался дать имъ въ безвозвратныхъ провожатыхъ всѣхъ идеалистовъ, Любомудровъ. Я сколько ни принимался читать философскіе тракты, изданные послѣ Вольтера и Дидро,—все вздоръ. Они мнѣ всегда напоминаютъ *философскій камень*, худшій изъ всѣхъ камней, потому что онъ вовсе не существуетъ, а его ищутъ. Въ наукѣ ли, въ засѣданіи какомъ, если человѣкъ хочеть городить пустяки, общіе взгляды, недосказанныя гипотезы, онъ сейчасъ оговаривается тѣмъ, что это только философское, т. е. не дѣльное воззрѣніе.

— Какія вамъ книги, докторъ! Вы величайшій философъ безъ книгъ, вы все по зубу да по косточкѣ.

— А какъ же иначе? Геологи не берутъ цѣлый Монбланъ въ лабораторію, а такъ, верешки да осколочки. Мелочь-то, мелочь-то надобно обсудить да понять, а крупное само дается. Къ этому-то и ведетъ врачебная наука. Медицинская практика—великое дѣло. Насъ зовутъ, когда машина совсѣмъ испортилась, такъ, какъ часы отдають чистить, когда колеса свинтились да перетерлись; а съ нами не худо бы было совѣтоваться прежде болѣзни, да и не объ однихъ завалахъ да почечныхъ разстройствахъ.

Если-бъ передъ революціями, вмѣсто того, чтобъ собирать адвокатовъ и журналистовъ, дѣлали консиліумы, не было бы столько промаховъ! Люди, видящіе сотни человѣкъ въ день не одѣтыхъ, а раздѣтыхъ,—люди, щупающіе сотни разныхъ рукъ, ручекъ, рученокъ и ручищъ, повѣрьте мнѣ, знаютъ лучше всѣхъ, какъ бьется общественный пульсъ. Публично на банкетахъ и собраніяхъ, въ камерахъ и академіяхъ, все—театральные греки и римляне ¹⁾, что тутъ узнаешь? Посмотрите-ка на нихъ съ точки зрѣнія врача. Куда дѣнутся ваши Бруты и Фабриціи! Гнилого зуба, мигрени достаточно, чтобъ ихъ свести *au naturel*. Доктору все раскрыто; что больной не доскажетъ, то здоровые добавятъ; что и здоровые умолчатъ—стѣны, мебель, лица дополняютъ. Духовника боятся, съ нимъ и умирающей и всѣ другіе кокетничаютъ,—съ докторомъ никто. Ему ничего не говорятъ на духу, но во всемъ исповѣдуются.

Подумайте, какіе медики нашли бы вамъ пульсъ девяностыхъ годовъ у нашихъ либераловъ сорокъ восьмого? Возьмите портреты тѣхъ... Мирабо, Дантонъ — *felis leo* ²⁾)... Марратъ — собака, бульдогъ,

¹⁾ Т. е. ораторы.

²⁾ Левъ.

Робеспьеръ—*felis catus* ¹⁾)...барсъ, кошка да какая кошка! Черты, глаза, разъ замѣченные, остаются на вѣки въ мозгу! Гошъ, Марсо... въ этихъ лицахъ горитъ огонь, эти люди объаты страстью; они отдались, они всё *туда*, у нихъ нѣтъ дома, семьи, неба; у нихъ нераздѣльная республика и отечество въ опасности, у нихъ все въ общемъ ураганѣ, на трибунѣ, на полѣ битвы. Дантонъ погибъ за то, что на мигъ забылъ со своей молодой красавицей женой, что «отечество въ опасности». Ропеспьеръ, усталый отъ казней, приостановился на минуту, призадумался, пошелъ прогуляться въ поле, за городъ и очутился безъ головы. Какъ въ такой горячкѣ не надѣлать чудесъ, не разрушить міръ и не сотворить другой. Головы валяются, ряды солдатъ валяются, стѣны валяются, а небосклоны становятся все шире и шире...Одно преступленіе за другимъ, одно безуміе за другимъ, и ихъ никто не замѣчаетъ изъ-за величія лицъ, изъ-за свѣта событій. Всѣ диссонансы, все свирѣпое, кровавое, темное тонетъ въ яркихъ краскахъ восходящаго солнца.

— Докторъ, дайте вашу руку,—я пульса шупать не буду.

— Вспомните теперь, напримѣръ, сводный портретъ временнаго правительства 48 года. Людямъ этимъ надобно было себѣ сшить бѣлые жилеты съ отворотами à la Robespierre, чтобъ ихъ приняли за якобинцевъ; одинъ крошечный Луи Бланъ по-человѣчески одѣтъ, а тѣ—круглая шляпа, сюртукъ и по *сюртуку* трехцвѣтный шарфъ...Вмѣсто «отцовъ отечества», вышли какіе-то квартальные на слѣдствіи. Впереди сухая фигура Ламартина...Зачѣмъ онъ тутъ? Какого «падшаго ангела» пришелъ отвѣвать или подымать старый Нарцисъ? А тутъ эти не *сами*, а *братья*...Съ кѣмъ имѣю честь говорить, съ вами или съ вашимъ братомъ?—Съ моимъ братомъ, отвѣчаетъ Гарнье-Пажесъ jun. ²⁾, Кавеньякъ не Годафруа ³⁾)... Вы не подумайте, что я врагъ этихъ людей. Я ихъ почти всѣхъ зналъ, кого *дѣйствительно* съ кѣмъ спорилъ, съ кѣмъ соглашался. Честные люди, добрые люди, но люди, попавшіе не на мѣсто, люди, ну, знаете, люди безъ *sacré feu* ⁴⁾, какъ выражается одинъ нѣмецкій потентатъ, пьющій съ нами воды. У иныхъ сердце было золотое, да золотое-то для домашняго обихода, для жены, для пріятелей. Дѣти нашли брошенное безъ надзора ружье и храбро схватились за него, никакъ не думая, что оно заряжено; ружье выстрѣлило, они переполошились; сперва испугались шума,—надзиратели

¹⁾ Дикая кошка.

²⁾ Этьенъ-Жозефъ, умеръ въ 1841 г.; Луи-Ангуанъ—дѣятель революціи 1848 г.

³⁾ Луи-Эжень, генераль, братъ Годафруа Кавеньяка.

⁴⁾ Священнаго огня.

какъ бы ни услышали; потомъ испугались другъ друга, что выдадутъ. Это не я!—кричать одни. И не я!—кричать другіе. Ружье само выстрѣлило!—кричать третьи. И въ голову ни одному не пришло, что старые надзиратели сами давно убѣжали и что надзирателей, кромѣ ихъ, совсѣмъ нѣтъ. Ну, какъ же имъ было дѣлать республики? Вы когда-нибудь на досугѣ почитайте двѣ книжки: изъ нихъ многому научитесь. Она изъ нихъ называется «Буржскій процессъ», а другая—«Донесеніе слѣдственной комисіи».

— Господи, какое русское заглавіе! ¹⁾

— Составленное Бошаромъ объ іюньскихъ дняхъ. Прочитавши ихъ, вы перестанете многому удивляться, а это очень важно. Человѣкъ дивится только тому, чего не понимаетъ; а, вѣдь, сознаться надобно, какъ ни горько, намъ только остается, что *кой-что* понять.

— И другимъ объяснить, докторъ.

— Это дѣлается само собою. Вы зажигаете спичку для себя, а человѣкъ посмотритъ, который часъ...Кстати, дайте-ка посмотрѣть и на свои. Поздно. Прощайте. Доброй вамъ ночи.

— И вамъ, докторъ, хорошаго сна.

II.

УМИРАЮЩІЙ.

1.

— Докторъ, а вы все время февральской революціи были въ Парижѣ?

— Все время.

— Вотъ бы рассказали.

— Что я могу рассказать? Я никогда не бралъ прямого участія въ политикѣ.

— Тѣмъ лучше, вы-то и можете рассказывать, какъ безпристрастный свидѣтель.

— Я не говорилъ, что я не имѣлъ своихъ пристрастій...Впрочемъ, я какъ-то печально встрѣтился съ 24 февраля. Совершенная случайность, но она имѣла на меня вліяніе, ее-то я вамъ и расскажу вмѣсто исторической лекціи.

Сильно не въ духѣ пробирался я между камнями баррикады. На моихъ рукахъ часъ тому назадъ умеръ старикъ, котораго я очень

¹⁾ Намекъ на правительственный документъ о декабристахъ.

любилъ, очень уважалъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ умеръ, перевернули всю внутренность мою. Нашего брата трудно удивить агоніей. Мы съ молодыхъ лѣтъ привыкаемъ къ смерти, нервы крѣпнуть, притупляются въ больницахъ, на военныхъ перевязкахъ, во время заразы; а смерть соего пациента такъ перетряхнула меня, что я нѣсколь- сколько дней не могъ съ ней справиться, потомъ махнулъ рукой, какъ человѣкъ машеть на все, когда видитъ свое безсиліе.

Пока я искалъ, куда поставить ногу между камнями, гляжу— бѣжитъ нашъ лаборантъ изъ Hôtel Dieu ¹⁾, съ веселымъ лицомъ, безъ шляпы, съ пукомъ какихъ-то листовъ. Увидѣвъ меня, онъ прокричалъ мнѣ: «Побѣда, докторъ, побѣда! Nous l'avons! Вотъ читайте, и знаете, кто набиралъ? Самъ Прудонъ, въ типографіи «Реформъ». Я сейчасъ оттуда, несу раздавать нашимъ! Прощайте!». Онъ, было, ударился бѣжать, но наткнулся въ упоръ на двухъ всадниковъ, которые хотѣли тоже проѣхать по разгороженному мѣсту баррикады. Одинъ былъ въ кэпи и кабанъ; другой въ круглой шляпѣ, надвинутой на брови. «Vive la République!» закричалъ имъ во всю горловую мочь лаборантъ и приставилъ пальцы къ носу. Военный схватился за рукоятку сабли; всадникъ въ круглой шляпѣ остановилъ его руку; оба пожалы плечами. Лаборантъ громко и звонко хохоталъ. Всадники, словно, передумали, повертели лошадей и тихо поѣхали назадъ. Военный показывалъ что-то пальцемъ вдали и объяснялъ; штатскій слегка качалъ головой.

Исхудалое, мрачное лицо, мѣстами почернѣвшее, какъ бронза, умирающаго старика не выходило у меня изъ головы.

Прежде, чѣмъ продолжать, я васъ вотъ что спрошу: вы, вѣрно, встрѣчали въ Россіи послѣднихъ могиканъ нашей революціи, непримиримыхъ, неисправимыхъ стариковъ девяностыхъ годовъ?

— Встрѣчалъ и не одного, и признаюсь вамъ, имѣю къ нимъ пристрастіе...

— Тѣмъ лучше... я ихъ ставлю ужасно высоко. Такихъ людей больше нѣтъ. Должно быть, на людей бываетъ урожай, какъ на вино-градъ. Кажется, условія тѣ же, а одинъ годъ изъ десяти вино лучше,— говорятъ, отъ кометы. Въ Англіи комета на людей была во время Кром-веля, а у насъ въ концѣ XVIII вѣка. И замѣтите, что люди этихъ двухъ стис ²⁾ похожи другъ на друга. Пуритане, доканчивавшіе свой вѣкъ въ Швейцаріи и Голландіи, сильно сбивались на старыхъ якобинцевъ, только что одни все говорили по Исаію и Езекиилу, а другіе по Тациту

¹⁾ Больница.

²⁾ Почва, мѣстность.

и Плутарху. Въ началѣ моей практики нашихъ стариковъ еще было много, теперь чуть ли не всѣ ушли, да и пора: новая Франція для нихъ чужая. Они страдали, были въ тягость другимъ, были просто не на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что они, въ сущности, были моложе внучать. Тѣ все ихъ учили уму-разуму, а старики учились дурно. Какъ сохранили эти люди свѣжесть души, своего рода наивность и вѣру? Это—потерянный секретъ. Я, бывало, смотрю и дивлюсь, какъ сѣдой, пожелтѣлый старикъ, едва двигающій ноги, а туда же, какъ влюбленный мальчикъ, хранить свою святыню, имѣть свои завѣтныя на памяти и свои завѣтныя слова, отъ которыхъ въ семьдесятъ, въ восемьдесятъ лѣтъ ихъ глаза горятъ, и голосъ дрожить. Привычные утописты, они вѣрили въ свой практическій смыслъ и, отдавши все общему дѣлу, серьезно считали себя эгоистами. Ихъ жиденскіе наслѣдники скучали съ ними, думали, что они позируютъ; а этотъ поднятый тонъ происходилъ просто оттого, что душа ихъ была поднята и привыкла гордо хранить свое убѣжденіе въ тяжелое время.

... Теперь я долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ о жизни человѣка, со смерти котораго я началъ мой рассказъ. Умершаго пациента моего звали по крещенію и метрицѣ Люкасомъ Ральеромъ, но по собственному усовершенствованію—гражданиномъ Тразеасъ-Гракомъ Ральеромъ. Лѣтъ двадцати онъ попался въ тюрьму по дѣлу «послѣднихъ римлянъ»; это было въ 1795, какъ вы знаете. Судъ, приговорившій Ромма и Гужона ¹⁾ съ товарищами къ гильотинѣ, испугался ихъ великаго самоубійства и на скорую руку объявилъ Тразеаса-Грака, вмѣстѣ съ множествомъ людей захваченныхъ для уголовного *corps de ballet*, невинными. Ральеръ вовсе не хотѣлъ быть оправданнымъ, а—самъ явиться обвинителемъ. Съ этой цѣлью онъ писалъ судьямъ записки съ разными нѣжностями, въ родѣ: «убійцы республики, изверги и измѣнники рода человѣческаго»; но его не слушала, — жертвъ было больше не нужно. Ральера вытолкали противъ воли изъ тюрьмы. Онъ бросился въ журнализмъ и мстил своимъ перомъ за смерть Ромма и его друзей, à la séquelle *corrompue de l'infâme Sabarus* ²⁾. Барраса и Тальена онъ не подорвалъ, а самъ посидѣлъ еще два раза въ тюрьмѣ и чуть не отправился въ одну изъ депортацій, которая дѣлалась тогда на томъ расчетѣ, на которомъ давали элексиръ Леруа: для героическаго очищенія общественнаго организма. Призадумался мой Тразеасъ-Гракъ, видя, какъ всякій день «Наполеонъ

¹⁾ Жанъ-Мари, членъ конвента, былъ вмѣстѣ съ Роммомъ приговоренъ къ смерти и первый вмѣстѣ съ нимъ и другими закололъ себя кинжаломъ.

²⁾ Развращенной шайкѣ безчестнаго Кабарю.

больше и больше просвѣчивалъ сквозь Бонапарта», и, наконецъ, какого-то нивоза ап. VIII или IX взялъ паспортъ во имя «единой и нераздѣльной республики» и оставилъ Францію. Паспортъ этотъ онъ потомъ переплелъ въ сафьянъ, берегъ всю жизнь, иногда показывая близкимъ знакомымъ. Ральеръ отправился прямо въ Петербургъ. Въ оригинальномъ рѣшеніи этомъ помогъ ему опять-таки указующій персть *du grand maître* ¹⁾. Какъ-то вечеромъ въ 92 году Ральеръ сидѣлъ у Теруанъ-де-Мерикуръ; туда пришелъ Роммъ и съ нимъ какой-то юноша ²⁾. Юношу Роммъ воспитывалъ и любилъ, какъ сына. Онъ говорилъ объ немъ съ восторгомъ, какъ о будущемъ представителѣ безсмертныхъ началъ революціи въ Россіи. Мальчикъ этотъ долженъ былъ получить тысячь тридцать крестьянъ и клялся Ромму ихъ освободить. Ральеръ сблизился съ нимъ. Молодой человекъ много разъ звалъ Ральера въ Россію просвѣщать полуварваровъ; онъ рѣшился воспользоваться его приглашеніемъ.

Это было въ концѣ царствованія Павла. Прежде, чѣмъ Ральеръ отыскалъ *le citoyen comte Stroganoff*, онъ однимъ добрымъ утромъ встрѣтилъ на улицѣ Павла. Замѣтивъ что-то якобинское въ покроѣ его кафтана, онъ осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и велѣлъ узнать, кто онъ такой. Узнавъ, что онъ гражданинъ французской республики, Тразеасъ-Гракхъ по имени, императоръ тутъ же велѣлъ отставить одного генерала, одного полковника, двухъ таможенныхъ приставовъ и десятокъ квартальныхъ за допущеніе въ столицу такого Тразеаса-Гракха. Ральера схватили, свезли въ крѣпость. Черезъ часъ въ крѣпость явился оберъ-полицмейстеръ, черезъ часъ и пять минутъ—тройка съ фельдъегеремъ. Оберъ-полицмейстеръ объявилъ, что государь приказалъ его отправить на житье въ Пермь, и потомъ сталъ допрашивать его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, какого званія и проч. «Справедливѣе было бы, замѣтилъ Ральеръ, сперва спросить, а потомъ сослать». Полицмейстеръ испугался, писарь записалъ. Ральера усадили въ кибитку, адъютантъ проводилъ до заставы, и они помчались... На другой день они были километровъ за триста отъ Петербурга, когда нагнала ихъ другая тройка, скакавшая во весь опоръ. Адъютантъ, сидѣвшій въ ней, кричалъ фельдъегерю, чтобъ онъ остановился, и билъ ямщика, чтобъ тотъ обгонялъ. Подскакавши, онъ соскочилъ съ телѣги, велѣлъ Ральеру выйти и объявилъ ему слѣдующее отъ имени императора: государь находитъ замѣчаніе французскаго подданнаго Ральера совер-

¹⁾ Божій.

²⁾ Гр. Павелъ Александровичъ Стрегановъ.

шенно вѣрнымъ, относить къ глупости и нерадѣнію по службѣ оберъ-полицмейстера, что онъ сперва не допросилъ его, въ силу чего приказываетъ выслать означеннаго Ральера за границу, давъ ему сто червонцевъ на дорогу. Ральеръ отказался отъ денегъ и помчался тѣмъ же порядкомъ въ Петербургъ. На заставѣ его уже ждалъ третій адъютантъ съ третьимъ приказомъ Павла. «За отказъ отъ денегъ слѣдовало бы иностранца Ральера строжайше наказать, но, такъ какъ онъ показываетъ столько же безкорыстія, сколько первое замѣчаніе—разсудительности, предложитъ ему на выборъ: ѣхать въ ссылку въ Сибирь или опредѣлиться въ женское учебное заведеніе учителемъ французскаго языка съ обязанностью носить армейскій прапорщичій мундиръ». Онъ не поѣхалъ и заказалъ себѣ мундиръ. Послѣ смерти Павла Ральеръ добрался до Строганова. Онъ тотчасъ сообщилъ ему проектъ преобразованія Россіи, основанный на уничтоженіи крѣпостного состоянія, дворянства, чиновъ, привилегій, на превращеніи церквей въ школы, а архиновъ въ метры.

Строгановъ находилъ его проектъ замѣчательнымъ, но преждевременнымъ. Ральеръ надулся и воспользовался первой войной съ Франціей, чтобъ уѣхать въ Молдо-Валахію. Тамъ онъ проповѣдывалъ Ромма и монтаньяровъ дѣтямъ какого-то владѣтельнаго принца, обучалъ ясскихъ аристократовъ французскому языку и пѣнію марсельезы. Изъ Яссъ онъ поѣхалъ въ Польшу, къ какому-то магнату, князю и поклоннику Робеспьера; въ его домѣ онъ встрѣтилъ сироту французенку; ея красота тронула моего героя, онъ предложилъ ей руку и сердце на томъ условіи, чтобъ въ церкви не вѣнчаться. *La belle enfant* ¹⁾ разсудила, что чѣмъ менѣе цѣпей, тѣмъ лучше, и согласилась. Черезъ три года она его бросила, уѣхавъ съ сыномъ поклонника Робеспьера, оставляя въ знакъ памяти новорожденнаго; черезъ тринадцать лѣтъ она сама, брошенная магнatomъ, поселилась въ Парижѣ и упросила Ральера отпустить къ ней *le cher fils* ²⁾ для воспитанія въ *la belle France* ³⁾. Въ Парижѣ она умерла, обобранная до нитки какимъ-то высокимъ итальянскимъ баритономъ и двумя тощими аббатами. Сынъ остался въ школѣ.

• Наконецъ, послѣ всѣхъ скитаній и Ральеръ, какъ настоящій французъ, все-таки, очутился въ Парижѣ послѣ 1830 года, смягченный возстановленіемъ *трехъ цвѣтовъ*. Онъ свысока смотрѣлъ на конституціонную монархію и былъ увѣренъ, что новая измѣна Мотье

¹⁾ Прекрасное дитя.

²⁾ Дорогого сына.

³⁾ Прекрасной Франціи.

(онъ иначе не называлъ Лафайета) и «узурпація» старшаго сына Филиппа-Эгалите непрочны, и что республика настоящая, la bonne et la vraie ¹⁾, за плечами. Но, видно, интриги Барраса и Кабаргосъ пережили ихъ, и Ральера, замѣшаннаго въ дѣло Барбеса и Бланки, усадили въ Mont Saint Michel. Ему было тогда уже за шестьдесятъ.

... А propos къ Mont Saint Michel—я помню въ старые годы, въ Версали или въ Сень-Клу, въ комнатѣ Маріи-Амеліи, висѣлъ превосходный видъ Mont Saint Michel. Для меня всегда было странно, почему она выбрала именно этотъ видъ, а не что-нибудь другое...морское и гористое, ну Сень-Мало, что ли? Какъ будто, приятно засыпать съ такими *memento* власти передъ глазами и просыпаться, думая: а вотъ нашъ добрый *cousin* Пакье еще вчера законопатилъ въ это птичье гнѣздо на скалѣ двѣ-три безпокойныя головы, а Барбесъ тамъ сидитъ столько-то; мой мужъ можетъ выпустить ихъ всѣхъ, онъ добрый человѣкъ, но затрудняется въ выборѣ и, чтобъ не сдѣлать несправедливости, не выпускаетъ никого...

— А мнѣ кажется, докторъ, она вовсе этого не думала, а просто смотрѣла да любовалась на волны и камни такъ, какъ люди, ѣдящіе страбургскіе пироги, не думаютъ о разныхъ неприятностяхъ, принимаемыхъ гусьямъ для ожиренія ихъ печени.

— *J'aime ça...*²⁾ вы правы; и это—уже чистый туранизмъ: въ самомъ дѣлѣ, ей и въ голову, вѣроятно, не приходило, что за этими стѣнами томятся люди,—она все на чаекъ смотрѣла.

Итакъ, снабдивши старика ревматизмомъ во всѣхъ суставахъ, правительство лѣтъ черезъ шесть возвратило, сколько его осталось, «семьѣ и обществу». Старика взялъ къ себѣ его сынъ, который уже успѣлъ сдѣлаться большимъ дѣльцомъ и извѣстнымъ нотаріусомъ въ Парижѣ. Я лѣчилъ у него въ домѣ и меня призвали къ старику. Старикъ очень привязался ко мнѣ—ему не съ кѣмъ было души отвести, а я слушалъ его съ любовью. Зато могу васъ увѣрить, рѣдко кто знаетъ больше меня подробностей о процессѣ Ромма и Гужона. Молодой Ральеръ, Изидоръ, былъ не глупый, не злой человѣкъ, даже либеральничалъ, но при этомъ онъ, все же, былъ больше нотаріусъ, чѣмъ что-нибудь другое. Ему и въ голову не приходило становиться на дорогѣ реакціи; онъ сторонился передъ ней, пожимая плечами и предоставляя исторіи самой вырабатываться, какъ знаетъ. Къ тому же онъ былъ въ ложномъ положеніи. Онъ ничего не имѣлъ, кромѣ кой-

¹⁾ Добрая и истинная.

²⁾ Вотъ это я люблю.

какихъ знаній и того *пятна*, которое въ глазахъ честныхъ и умѣренныхъ людей положилъ на него нераскаянный старикъ. Мѣсто свое, тепло насиженное со всей кліентелою тества, онъ получилъ въ приданое за женой. Жена его во всю жизнь имѣла одинъ капризъ: ей вздумалось выйти замужъ за Изидора. Ральеръ былъ хорошъ собой, какъ-то удачно чесался à la Louis-Phillippe и могъ танцовать отъ 10 вечера безъ усталы до 5 утра. Капризъ былъ не силенъ, но отецъ сначала поперечилъ; тогда она рѣшила, во что бѣ ни стало, поставить на своемъ и поставила. Это была чистая парижанка средняго круга, не хуже, не лучше тысячи другихъ. Она была правильно красива, имѣла видъ образованія, большой эгоизмъ, бездну тщеславія и совершеннѣйшую пустоту внутри. Мужу она не позволяла ни на минуту забывать, что она ему вмѣстѣ съ своей персоной, сладкой и холодной, какъ *meringue russe* ¹⁾, съ своей правильной любовью, безъ излишествъ и отказовъ, принесла очень «хорошее общественное положеніе».

Мысль поселить старика у нихъ въ домѣ принадлежала ей; она смертельно боялась, что онъ на волѣ скомпрометируетъ опять ея Изидора и его общественное положеніе. Матеріально она ему все приготовила, обчистила его и пріодѣла. Она, понимая, что между старикомъ и ею не было ничего общаго, высказывала тѣмъ сильнѣе свои чувства. Мнѣ приходилось не разъ внутренне улыбаться, когда *м-те* Матильда, провожая послѣ обѣда прищуренными глазами старика, ухидившаго къ себѣ, опираясь на костыль, подъ предлогомъ трубки, говорила мнѣ: «Какъ это мило имѣть въ домѣ такого почтеннаго старика, *vénérable vieillard* ²⁾); я такъ люблю, когда «рара» за столомъ, это такъ трогательно, такъ патріархально. Старикъ съ почтенными сѣдинами такъ же необходимъ для семейной картины, какъ дѣтскія бѣлокурыя головки. Жаль, что у папа такіе нехорошіе принципы, но онъ жилъ въ ужасное время, когда все было ниспровергнуто—и тронъ, и алтарь. Мнѣ, знаете, просто страшно, когда онъ говоритъ о религіи и о всемъ такомъ; я стараюсь просто не слушать. Это такъ прекрасно имѣть религію, неправда ли?» Нотариусъ не перечилъ ей, не перечилъ и отцу. Онъ сидѣлъ весь день и часть вечера въ своемъ студіумѣ, искалъ законы, писалъ черновые и принималъ разныхъ княгинь и маркизъ въ первую минуту зачатія подложной духовной, исправленнаго брачнаго контракта и безъ шума откладывая плоды своихъ совѣтовъ въ разныя желѣзные дороги. Старикъ было не по себѣ у нихъ, онъ не шель ни

¹⁾ Меренги.

²⁾ Почтенный старецъ.

къ кабинету сына, ни къ гостиной его жены, скучаль, слабѣль, становился мрачнѣе и, мнѣ кажется, жалѣль Mont Saint Michel. Раза два ему хотѣлось уйти куда-нибудь на свободу и покой, но жена нотариуса и слышать не хотѣла; она рѣшительно находила неприличнымъ имѣть старика отца на сторонѣ. «То положеніе, которое занимаетъ (и съ такимъ достоинствомъ) мой Изидоръ,—говорила она,—положеніе, которое создать и упрочить стоило жизни моему бѣдному отцу, обязываетъ ко многому; оно требуетъ des ménagements ¹⁾ и великій тактъ поведенія. Это не капиталъ, съ котораго рента растетъ, какъ трава, пока мы спимъ; тутъ все зависитъ отъ нравственнаго кредита. Что же вы думаете, хорошо, когда пальцемъ укажутъ на рара, прибавляя, что это отецъ Изидора, и тутъ пойдутъ всѣ эти комментаріи, разспросы: отчего онъ не ужился у своего сына, и какъ онъ его отпустилъ, вѣрно, его сноха выжила? Къ тому же нашъ добрый старикъ, онъ опасенъ внѣ дома съ своими идеями съ того свѣта и фразами изъ «Chevaliers de la maison rouge» ²⁾ Дюма. Его посадятъ, если не опять въ тюрьму, то въ сумасшедшій домъ. За нимъ надобно смотрѣть, какъ за ребенкомъ, и я со всей охотой, со всей преданностью дѣлаю все это для отца моего Изидора». Жена плакала, Изидоръ принимался умолять старика; старикъ угрюмо соглашался и шель къ себѣ читать по новому изданію «Монитера» девяностыхъ годовъ процессъ Ромма, дѣлая на маржахъ отмѣтки, поправки и собираясь торжественно уличить въ криводушіи редакторовъ, изъ которыхъ ни одного не было въ живыхъ.

2.

Пока старикъ собиралъ неопровержимыя доказательства, что гарантіи, даваемая закономъ всякому преступнику, не были взяты въ уваженіе при процессѣ послѣднихъ римлянъ «и великихъ патриотовъ», онъ получилъ первое предостереженіе: у него отнялись рука и нога. Немного спустя, какъ всегда бываетъ, когда судьба или ея представители хотятъ прекратить челоуѣка или журналъ,—второе предостереженіе. Я намекнулъ m-me Ральеръ, что положеніе не безъ опасности; она вскочила съ какимъ-то ужасомъ. «Боже мой! я всегда этого боялась».—Разсудите, замѣтилъ я: семьдесятъ шестой годъ.—«Нѣтъ, нѣтъ, вы этого, докторъ, не поймете, онъ кончитъ такъ». И она побѣжала къ мужу въ какомъ-то истерическомъ раздраженіи.

¹⁾ Осторожность.

²⁾ Рыцарь изъ краснаго дома.

Пріѣзжаю я разъ къ старику утромъ и застаю его очень печальнымъ и беспокойнымъ.

— Мнѣ,—говорить онъ,—съ вами надобно особо поговорить.

— Къ услугамъ вашимъ, у меня времени довольно.

— Посмотрите сперва, не подслушиваетъ ли кто?

Я посмотрѣлъ; разумѣется, никто не подслушивалъ.

— Теперь закройте дверь и сядьте ко мнѣ поближе. Вотъ въ чемъ дѣло: я думаю, почти увѣренъ...

— Ваше положеніе,—замѣтилъ я,—не безъ опасности (старикъ презрительно улыбнулся); но живутъ и не такіе больные годы цѣлые у насъ теперь въ Hôtel Dieu.

Ральеръ строго посмотрѣлъ на меня изъ-подъ нависшихъ бровей:

— Извините, сказалъ онъ, у меня нѣтъ достаточно силъ и времени, чтобъ дослушать эту, вѣроятно, очень интересную исторію о вашемъ пациентѣ. Вы, докторъ, кажется, человѣкъ умный и меня немного знаете; не можете же вы думать, что я не умѣю покориться неизмѣннымъ законамъ естества. Я пожилъ довольно, слишкомъ довольно. Меня занимаетъ совсѣмъ другое. Съ того дня, когда великій учитель мой Роммъ прижалъ меня къ своей груди и сказалъ мнѣ: «Храни эти чувства», я ихъ хранилъ во всѣхъ обстоятельствахъ моей трудной скитальческой жизни. Съ ними я хотѣлъ бы отойти. Пока машина исправна, я ничего не боюсь; ну, а сломается (онъ указалъ пальцемъ на свой высокій, покрытый морщинами лобъ)—что же я сдѣлаю? Изидоръ—хорошій человѣкъ, но слабый, и не туда направленъ умъ... Матильда—женщина добрая, хорошая мать, но женщина не свободная отъ фанатическихъ предрасудковъ и еще меньше отъ мнѣнія пустыхъ людей. Послѣ перваго случая со мной, я какъ-то послѣ обѣда возвратился опять въ столовую; дверь въ гостиную была открыта, тамъ сидѣлъ молодой откормленный аббатъ; Матильда съ жаромъ говорила съ нимъ и наливала ему въ рюмку ликеру. Аббатъ слегка качалъ головой и то закрывалъ глаза, то поднималъ ихъ къ небу. Увидя меня, Матильда сконфузилась да сконфузился и я, показавъ ей пальцемъ, чтобъ она меня не замѣчала, и ушелъ къ себѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я подхожу къ окну. Аббатъ стоялъ на тротуарѣ и дружески толковалъ съ нашей Бабетой. Вы знаете?

— Какъ же не знать.

— Аббатъ благословилъ ее и подарилъ ей какую-то медальку. Эге, да это комплотъ, подумалъ я, и комплотъ противъ меня: они хотятъ загнать въ папское стадо потерянную овцу. Дѣло лестное.

овца недюжинная... Но они считаютъ безъ хозяина...меня смертью не испугаешь.

Старикъ началъ сердиться и повторялъ: «Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь, я не принцъ Беневентскій, я никогда не примирялся съ конкордатомъ,— нѣтъ, я не принцъ Беневентскій». И, выбившись изъ силъ, онъ заснулъ середь рѣчи. Во снѣ больной, вѣроятно, продолжалъ ту же нить мыслей... Раскрывши глаза, онъ сказалъ мнѣ: «Докторъ, вы честный человѣкъ, вы не были равнодушны ни ко мнѣ, ни къ великимъ началамъ революціи. Могу ли я считать на васъ, что вы не оставите меня въ послѣднія минуты, что вы будете здѣсь...возлѣ моей кровати, что вы не допустите къ моему одру чернаго таракана (Safard) ¹⁾...

— Здѣсь я буду,—сказалъ я ему,—за это я вамъ отвѣчаю и сдѣлаю все человѣчески возможное, чтобъ желаніе ваше исполнилось. Но теперь успокойтесь; вамъ необходимо отдохнуть, вы очень взволнованы. Вечеромъ я опять заѣду.

Больной взялъ меня за руку и, сколько могъ, сжалъ ее, чтобъ поблагодарить.

— Не беспокойтесь объ усталости; скоро я буду имѣть досугъ для того, чтобъ отдохнуть отъ всего. А теперь дайте мнѣ вотъ эту шкапулку, что стоитъ на комодѣ.

Я подаль; онъ съ уваженіемъ отперъ, вынулъ изъ нея черепаховую табакерку, портретъ въ этюи и еще что-то въ кожаномъ мѣшечкѣ.

— Табакерка Ромма, его портретъ, дѣланный ученикомъ измѣнника Давида, «барона Давида», и шейный платокъ Гужона, покрытый его кровью...Это всѣ мои сокровища. Я съ ними не разлучался съ 95 года; я ихъ завѣщаю вамъ, докторъ, берегите ихъ и оставьте при мнѣ до тѣхъ поръ, пока не потухнетъ мое зрѣніе.

Старикъ отеръ слезы, да, признаюсь вамъ, и не одинъ старикъ... Я опять старался его успокоить, но уговорить его было трудно; онъ не отпуская меня и держалъ то за руку, то за сюртукъ.

— Ну, спасибо вамъ; что я безъ васъ могъ бы сдѣлать въ моемъ положеніи противъ заговора, въ которомъ участвуютъ всѣ?! Вчера Бабета приносить мнѣ изображеніе казни одного великаго мученика и говоритъ мнѣ: «Я пришилю это изображеніе къ вашей занавѣси; это облегчитъ васъ и заставитъ подумать о спасеніи души вашей. Когда мой отецъ былъ очень боленъ, ему бабушка положила такое изображеніе на подушку и ему стало легче».—Бабета, сказалъ я ей, искренно жалѣю, что вашъ родитель кончилъ жизнь въ мракѣ пред-

¹⁾ Тараканъ, ханжа, лицемѣръ.

разсудковъ. Я этого казненнаго человѣка уважаю: онъ твердо умеръ за свои убѣжденія, убитый судейскими Баррасами и римскими военно-судными комиссіями; но, когда вы приносите его изображеніе, какъ лѣкарство или колдовство, я прошу васъ удалиться съ нимъ; у меня въ комнатѣ не мѣсто знакамъ фанатизма, ниспровергающимъ право ума человѣческаго и гармоніи законовъ природы... На мои слова Бабета отвѣчаетъ мнѣ: «Ужъ хоть бы богъ передъ смертью раскрылъ ваше сердце. Я вамъ изъ жалости говорю: вы кончите безъ покаянія и попадете въ адъ, словно, вы не крещеный».— М-те Куртилье, говорю я ей, человѣкъ отвѣчаетъ за свою старость и смерть, пока не сошелъ съ ума. Что касается до бога и ада, это—вопросы нерѣшенные и вовсе меня не занимающіе, какъ выходящіе изъ круга нашей дѣятельности. «Такъ вы еретикомъ и пойдете туда», прибавила она, ворча и убираясь вонь. Это все аббатъ ее научилъ; иезуиты вездѣ ищутъ себѣ агентовъ и соглядатаевъ.

Старикъ уснулъ, бормоча что-то о Лойолѣ...а я на цыпочкахъ вышелъ вонъ, тихо, тихо притворивши дверь.

3.

Прямо отъ старика я прошелъ въ студию нотариуса. Въ канцеляріи былъ величайшій беспорядокъ. Ни одного ожидающаго, зѣвющаго, скучающаго посѣтителя на лавкахъ, ни одного писца на своемъ мѣстѣ. Самаго Изидора не было въ кабинетѣ, несмотря на то, что это былъ пріемный часъ. Я имѣю неопределимое отвращеніе къ конторамъ, канцеляріямъ и всякимъ мастерскимъ и людскимъ бюрократіи, и самое ненавистное для меня въ нихъ, это ихъ бездушный порядокъ, ихъ запыленное и потертое однообразіе; потому я почти обрадовался, увидя анархію Изидоровой готовальни. Молодой клеркъ стоялъ на столѣ и читалъ громко газету; около него собрались всѣ писцы, положивъ перья свои за ухо, въ томъ родѣ, какъ ружья берутъ отъ дождя. Одинъ старшій письмоводитель, старичокъ крошечнаго роста, съ сморщившимися мелкими складочками, которыя придавали ему видъ печенаго яблока, сидѣлъ поодаль. Беззубый, въ красномъ парикѣ, подобранномъ полосками всѣхъ рыжихъ цвѣтовъ, отъ темно-бураго до красно-желтаго, онъ постоянно жевалъ какія-то зернышки и журилъ молодыхъ писарей. Теперь онъ для сохраненія уваженія къ своему общественному положенію сидѣлъ одинъ на своемъ мѣстѣ и говорилъ иамшая: «Шалунъ, перестань читать; здѣсь не кафе. Перестань, сорванецъ! Сейчасъ воротится самъ и увидитъ...»

Мое появленіе остановило чтеніе и смѣхъ.

— Что у васъ за *mardi gras* ¹⁾ сегодня?

— Вы, докторъ, развѣ не знаете, что творится на свѣтѣ?—замѣтилъ стоявшій на столѣ, соскочилъ на полъ и подаль мнѣ торжественно газету.—Я вамъ совѣтую ѣхать домой, вы, вѣрно, найдете приглашеніе. Тюльерійскій дворець занемогъ.

— Перестанешь ли ты, проклятый болтунъ! Совсѣмъ отъ рукъ отбился. Вотъ, докторъ, что значить подрывать авторитеты,—замѣтилъ старикъ, сердясь, какъ сердятся нянюшки на рѣзвыхъ дѣтей.

Я взялъ газету. Съ утра дѣло банкета разыгралось и приняло огромные размѣры. Оппозиція требовала отдать министровъ подъ судъ. Гизо шпынялъ надъ ней, президентъ камеры бросилъ петицію подъ столъ, а тонъ журналовъ и оппозиціи поднимался, грозилъ. На улицахъ, на перекресткахъ собирались группы.

— И вотъ, докторъ, эдакой праздникъ *doyen d'âge* ²⁾ не позволяетъ намъ праздновать,—болталъ клеркъ.

— Вѣрно, нашъ рѣге Бонкокъ,—подхватилъ другой,—въ половинѣ съ Гизо въ какихъ-нибудь акціяхъ и боится потерять. Какъ нашъ Бертранъ совсѣмъ оборвется со своимъ Роберъ Макеромъ...

— Кто, кто, Роберъ Макеръ?—спрашивалъ не на шутку разсердившійся и испугавшійся старикъ.

— Будто бы не знаете, рѣге Бонкокъ: Фредерикъ Леметръ ³⁾.

Снова взрывъ смѣха, и вдругъ все умолкло; вошелъ Изидоръ. Онъ хотѣлъ быстро пройти въ кабинетъ, но, увидя меня, остановился и, мягко указывая рукой на дверь, пропустилъ меня впередъ. Тамъ онъ устало опустился въ большое сафьянное кресло, указалъ мнѣ на другое и, пробормотавъ:

— Что за день! что за день!—спросилъ объ отцѣ.

— Я не скрою отъ васъ,—отвѣчалъ я,—больной плохъ. Всего хуже то, что онъ поддерживаетъ себя въ тревожномъ состояніи, въ раздраженіи; на это быстро потратятся очень сочтенныя силы его.

— Какъ такъ?

Я рассказалъ ему, что счелъ нужнымъ. Нотаріусъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, потомъ остановился передо мной и, скрепивши руки на груди, сказалъ:

— Ей богу, голова идетъ кругомъ, есть отъ чего съ ума сойти. Кажется, я привыкъ ко всякаго рода самымъ запутаннымъ положе-

¹⁾ Последній день масленицы.

²⁾ Староста, старѣйшій по возрасту.

³⁾ Извѣстный актеръ.

нїямъ, но это слишкомъ; все разомъ и нѣтъ времени сообразить... Тутъ разваливается цѣлый общественный строй отъ упрямства двухъ стариковъ: уличный беспорядокъ и шумъ грозитъ богъ знаетъ чѣмъ. Дома умираетъ отецъ, котораго я люблю, но котораго несчастный ригоризмъ, совсѣмъ не принадлежащій нашему времени, ставитъ меня въ страшнѣйшую альтернативу. Я съ вами, докторъ, буду откровененъ, мы люди нашего вѣка; вы не можете думать, чтобъ у меня были какіе-нибудь предрасудки...Между нами будь сказано, я полагаю, что во всемъ домѣ одна Бабета въ самомъ дѣлѣ имѣетъ дѣтскую вѣру и держится церкви; но тутъ одно проклятое обстоятельство... Если я могу его устранить, я сдѣлаю все такъ, чтобъ кончина старика была тиха и покойна, только сладить трудно.

— Въ чемъ же дѣло?

— Какъ въ чемъ, любезный докторъ? Слухъ о тяжелой болѣзни отца разнесся; не могу же я сказать тогда, что онъ кончилъ *скоропостижно*, не успѣвъ исполнить обряды. Его прошедшее, его мнѣнія слишкомъ извѣстны, чтобъ *они* захотѣли смотрѣть сквозь пальцы. Будь это просто такъ кто-нибудь, я поѣхалъ бы къ Афру ¹⁾,—прекраснѣйшій и прелюбезнѣйшій человекъ. Я сладилъ бы съ нимъ въ четверть часа; но тутъ онъ упрется: почитатель Ромма, нераскаянный якобинецъ, умеръ безъ отреченія, безъ примиренія,—онъ для примѣра другимъ, для угрозы не позволить его хоронить съ должной церемонїей.

— Что же, отецъ вашъ этого-то хочетъ.

Нотариусъ поднялъ голову наверхъ, какъ это дѣлаютъ лошади въ упряжи.

— Въ моемъ общественномъ положеніи это безусловно невозможно, *безусловно*. Есть обязанности, которымъ слѣдуетъ подчинять самыя справедливыя стремленія сердца. У меня дѣти, я долженъ съ нихъ думать, и это далеко не все: мое положеніе, мое достоиніе, это *депо*, ввѣренное мнѣ женщиной, ихъ матерью; я его именно потому долженъ хранить, какъ святыню, что съ меня нельзя требовать никакого отчета. Понимаете теперь?...

— Нѣтъ, не понимаю.

— Вамъ хорошо: вы одни и васъ зовутъ, когда тѣло нездорово; отъ васъ хотятъ *только* физической помощи. Наши пациенты посложнѣе: отъ насъ требуютъ не одного знанія, но неукоризненной нравственности, огромнаго такта въ поведеніи и самаго строгаго соблюденія

¹⁾ Архіепископъ парижскій.

приличій. Ну; какъ же мнѣ, особенно женское, аристократическое, пойдетъ въ мою студию послѣ гражданскихъ похоронъ моего отца? Вы не подозреваете чудовищную силу предрасудковъ въ нашемъ обществѣ! На словахъ мы всѣ кощунствуемъ, а на дѣлѣ—величайшіе трусы. Назаконнорожденному, подкидыву скорѣе простятъ его рожденіе, чѣмъ отцу, который бы не окрестилъ своихъ дѣтей. Да что тутъ толковать, я душевные немощи знаю столько, сколько вы тѣлесныя. Отца я люблю, уважаю, хотя и не дѣлю его эксцентричностей, и сдѣлаю все, что могу—*nul n'est tenu a l'impossible* ¹⁾).

Я всталъ.

— А что отецъ не говорилъ вамъ, что онъ писалъ свою волю? Вы понимаете,—добавилъ нотаріусъ, подымая плечи,—я не за наследство боюсь: оно, кажется, состоитъ изъ Роммовой табакерки и его портрета.

— Ими вашъ отецъ распорядился, онъ ихъ завѣщаль мнѣ...

— Спорить изъ-за наследства, надѣюсь, мы не будемъ,—замѣтилъ онъ съ невыразимо сдержанной улыбкой. Нѣтъ, я насчетъ писемнаго заявленія о похоронахъ.

— Можеть, и писалъ,—замѣтилъ я, желая его помучить.

Туча пробѣжала по лицу нотаріуса.

— Онъ вамъ читалъ?

— Нѣтъ.

Лицо нотаріуса прояснилось; мы разстались.

4.

... На другой день весь Парижъ былъ на ногахъ, били раппель ²⁾, все шло и двигалось. Министерство Одилона Барро было смыто мгновенно, какъ глина и грязь, первой волной. Правительство уступало, никто не зналъ, куда итти, и всѣ шли скорыми шагами. Приемный часъ мой проходилъ; ни одного больного: въ такіе дни, я всегда замѣчалъ, всѣ бываютъ здоровы. Въ 49 году 13 іюня сдѣлало перерывъ въ холерѣ. Я хотѣлъ выйти взглянуть, взявъ уже шляпу, вдругъ—колокольчикъ и самъ Изидоръ *in propria persona* ³⁾ явился передо мной. Онъ никогда не бывалъ у меня.

— Я къ вамъ заѣхалъ,—говорить онъ,—на минуту, чтобъ сказать, что дѣло я почти уладилъ и легче, чѣмъ думалъ. Вотъ что намъ

¹⁾ На нѣтъ и суда нѣтъ.

²⁾ Барабанная дробь, сборъ.

³⁾ Собственной персоной.

помогло—и онъ указаль пальцемъ на улицу, по которой шли колонны вооруженныхъ людей, громко покрикивая: «Vive la réforme! A bas Guizot!»—Духовенство сконфужено до высочайшей степени, боится революціи, какъ огня, и со страху кокетничаетъ съ нами. Если *наша* возьметъ, а въ этомъ почти нѣтъ сомнѣнія, все сойдетъ съ рукъ безъ хлопотъ. «Успокойтесь, сказалъ мнѣ самъ архіерей, я поговорю съ вашимъ священникомъ и постараюсь убѣдить его. Если состояніе больного препятствуетъ, мы охотно возьмемъ на себя спасеніе его души. Церковь *volentem ducit, nolentem trahit* ¹⁾. Скажите вашей доброй супругѣ, что я молюсь за него и чтобъ и она молилась; скажите, что я посылаю ей пастырское благословеніе и очень цѣню, что въ нашъ суетный вѣкъ она прибѣжна къ храму Господню. Вклады ея мнѣ извѣстны и такъ же то, что ея мѣсто въ церкви рѣдко бываетъ пусто въ воскресные дни». Онъ очень, очень милый человѣкъ.

— А хорошо,—сказаль я ему,—что вашъ батюшка не будетъ присутствовать на своихъ похоронахъ.

— Вы не къ намъ ли? Мой экипажъ у вашего подъѣзда, я васъ доведу.

— Благодарю васъ, мнѣ хочется пройтись.

— Ходить теперь не совсѣмъ удобно: il y a trop de peuple souverain ²⁾ на улицахъ. До свиданія.

Утромъ я засталъ старика въ забытїи. Жизнь отступала тихо, надежды не было никакой. Мнѣ говорили, что онъ слышалъ шумъ на улицѣ, раппель, спрашиваль, что такое, узналъ марсельезу, билъ тактъ и двигаль губами, потомъ опять заснулъ. Я поѣхаль къ двумъ-тремъ больнымъ, съѣлъ котлету и воротился въ сумеркахъ къ старику. У дверей больного стояла добрая Бабета и горько плакала. Этотъ агентъ римской церкви и алгвазилъ ордена Игнатія Лойолы любила старика и жалѣла его отъ чистаго сердца.

— Докторъ,—говорила она мнѣ,—онъ отходить; не берите на вашу душу часть грѣха; уговорите его, пока время есть, покаяться и примириться со святой церковью. У него, вѣдь, было золотое сердце, онъ любилъ насъ, бѣдныхъ, и безъ всякой гордости, сколько могъ, всегда помогаль. За что же, помилуйте, за что же его праведная душа должна итти въ адъ? Неужели вы такой безчувственный, что вамъ не жаль?

— Бабета, успокойтесь, *chère enfant*; душа его въ адъ не поидеть; сами же говорите, что она праведная.

¹⁾ Желаящаго ведеть, нежелающаго тащить.

²⁾ Слишкомъ много суетвѣрнаго (имѣющаго верховную власть) народа.

— Безъ отпущенія никакая не войдетъ въ рай,—говорила она, и бѣдная заливалась слезами. Во время моего отсутствія у старика былъ ударъ. Сынъ сидѣлъ возлѣ на креслахъ и, все что-то обдумывая, глядѣлъ на потолокъ. Онъ во время моего отсутствія привелъ въ порядокъ бумаги отца. Я, осмотрѣвши больного, сказалъ Изидору, что остаюсь, по обѣщанію, до послѣдняго дыханія старика, что надежды нѣтъ никакой и что это—вопросъ нѣсколькихъ часовъ, больше или меньше....

Изидоръ замѣтилъ, что онъ ничего письменнаго насчетъ распоряженій не нашель.

Старикъ только минутами приходилъ въ себя, и то не совсѣмъ. Разъ, всмотрѣвшись въ меня, онъ узналъ, обрадовался и сказалъ:

— А вы слышали марсельезу на улицѣ и барабанъ? Ихъ оправдаютъ!—съ торжествомъ прибавилъ онъ.

Въ комнатѣ было совершенно тихо; вдругъ брякнулъ залпъ—и за нимъ опять тишина. Старикъ раскрылъ мутные глаза, прислушался и сказалъ:

— Вандемьеръ; я не вѣрю корсиканцу.

Это былъ знаменитый залпъ на бульварѣ. Часа черезъ два народное море заревѣло по улицамъ. Изидоръ пошелъ узнать, что дѣлается. Старикъ много разъ раскрывалъ глаза, будто припоминалъ что-то... Изидоръ возвратился взволнованный. Онъ мнѣ сказалъ, что строятъ баррикады и покрикиваютъ: «Да здравствуетъ республика!». Мнѣ хотѣлось сообщить это умирающему и въ минуту, когда онъ снова услышалъ шумъ и барабанъ, я сказалъ ему:

— Республика, республика!

— *Une et indivisible* ¹⁾),—повторилъ онъ слабо, но внятно.

Затѣмъ началась послѣдняя борьба жизни. Сынъ подошелъ къ кровати, опустилсѣ на колѣни и взялъ старика за руку. Бабета тихо вошла въ комнату и плакала, удерживая рыданія; Матильды, по нашему обычаю, не было въ комнатѣ. Изидоръ сдѣлалъ какой-то знакъ, Бабета бросилась вонъ и забыла затворить дверь.

Послѣ сильнаго вздоха больной открылъ большіе глаза; видно было, что сознаніе на минуту возвратилось. Онъ узналъ опять меня и сына. Толпы народа шумѣли больше прежняго; старикъ указалъ головой и потомъ обвелъ глазами комнату и вдругъ, какъ ужаленный змѣей или преслѣдуемый звѣремъ, вскрикнулъ; лицо его исказилось

¹⁾ Единая и нераздѣльная.

отъ ужаса, онъ вырвалъ руку у сына и, усиливаясь спрятаться подалше въ постели, указывалъ мнѣ въ противоположную сторону.

— Черный! черный!—проговорилъ онъ, и голова его склонилась, рука повисла, пульса не было.

Я взглянулъ на то мѣсто, на которое онъ указалъ. Въ дверяхъ, не входя въ комнату, стоялъ аббать, за нимъ Матильда; Бабета держала свѣчу. Сынъ показалъ, что все кончено, и покрылъ глаза платкомъ. Аббать развернулъ маленькую книжку, которая у него была въ рукахъ, и сталъ въ носъ бормотать по-латыни...

Привыкнувшій ко всему, этого я не могъ выдержать и, глядя въ упоръ на Изидора, сказалъ ему:

— Это уже изъ «Лукреціи Борджіа», только постановка не удалась, поторопились!

Я закрылъ покойнику глаза, поцѣловалъ его лобъ; на лицѣ его осталось выраженіе гнѣва и отвращенія; можетъ, умирая, онъ и меня считалъ однимъ изъ заговорщиковъ, однимъ изъ негодяевъ!

Съ плитой на сердцѣ вышелъ я на улицу и встрѣтилъ, какъ вамъ сказалъ, лаборанта и двухъ всадниковъ.

II.

МЕРТВЫЕ.

1.

— Вчера,—началъ докторъ,—разставшись съ вами, я долго рылся въ бумагахъ и нашелъ тамъ, наконецъ, старую газету, которую искалъ. Статья клерикальнаго журнала и моя назидательная бесѣда съ Маррастомъ хорошо замкнутъ мой рассказъ о старомъ яacobинцѣ.

Докторъ развернулъ листъ и прибавилъ:

— Позвольте прочесть? Я ужасно люблю эту статейку.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Чего стоитъ одно заглавіе: «Le catholicisme est-il démocratique et républicain?» ¹⁾. «Католическая церковь не можетъ быть связана ни съ какой формой земной и преходящей власти; она связана съ небомъ и властью, которая не проходитъ. Католическая церковь не враждуетъ съ *свободой*, она сама основана на высшемъ изъ всѣхъ

¹⁾ За демократію ли и за республику ли капитализмъ?

освобожденій,—на освобожденіи отъ грѣхопаденія; она не враждуетъ съ равенствомъ, призывая малыхъ, сирыхъ и неимущихъ рядомъ съ сильными міра сего; она не враждуетъ съ братствомъ, называя братомъ во Христѣ каждого христіанина и повелѣвая любить ближняго и врага. Нечестивыя стѣны, отдѣлявшія жизнь гражданскую отъ жизни церкви, разлетаются, какъ прахъ, въ такіе великіе дни, въ которые гласъ божій смѣшивается съ гласомъ народнымъ. И вотъ почему для насъ не было ничего удивительнаго въ томъ, что вожди народнаго движенія послѣ побѣды пришли къ алтарю воздать богу богово и нашли архипастыря, возносящаго къ небу теплыя молитвы о народѣ и народныхъ властяхъ. «Domine fac salvam Rempublicam»¹⁾ раздалось въ то же время во всѣхъ церквахъ великаго града.

«Да, времена, въ которыя мы живемъ, глубоко знаменательны, и еще на-дняхъ мы видѣли торжественное зрѣлище, которое сильно потрясло насъ и надолго запечатлѣлось въ сердцахъ нашихъ. Едва бушующее народное море отступило съ львинымъ ревомъ своимъ въ берега, какъ на Монмартрскую пажить Господню постучался новый гость, сопровождаемый неутѣшнымъ сыномъ, опиравшимся на руку подруги своей. Она-то примирила почившаго старца съ тѣмъ, который принимаетъ всякое раскаяніе и прощаетъ всякій грѣхъ за ревность о дѣлѣ ближняго. Хоронили по всѣмъ правиламъ католическаго культа Люкаса Ральера, отца извѣстнаго въ Парижѣ нотариуса и легиста. Родившись въ тѣ несчастныя времена, когда легкомысліе Аруэта²⁾ и вѣрующее невѣріе Жанъ-Жака³⁾ считались наукой, а ненависть къ церкви—любовью къ народу и образованію, Ральеръ въ молодыхъ годахъ дерзко закрылъ себѣ врата церкви. Гордость полвѣка воспрещала ему сознаться въ своей ошибкѣ, и только въ послѣдніе дни, благодаря кроткому вліянію добродѣтельной жены своего сына, старецъ смирился передъ Искупителемъ, и церковь поспѣшила принять духъ его съ миромъ. Отецъ Амарантъ произнесъ нѣсколько (но какихъ!) словъ на текстъ: «Онъ сказалъ вертоградарю, что не пойдетъ на работу,—и пошелъ»...—Да, заключилъ краснорѣчивый аббатъ С.-Сульпиція: усопшій гражданинъ работалъ въ вертоградѣ Христа, зане работалъ для страждущихъ... Ты былъ нашъ, враждуя на ны. Мы ждали тебя долготерпѣливо и дождались, гряди же, какъ невѣста Ливанская, на приуготованное ложе... А мы повторимъ отъ всей души

¹⁾ Спаси, Господи республику.

²⁾ Вольтеръ.

³⁾ Руссо.

и всего помышленія литію архипастыря... И еще помолимся о державномъ народѣ французскомъ и испросимъ благословенія Господня на нашу христіюлюбивую республику, на ея градоначальниковъ, военачальниковъ и представителей». Народъ, сильно тронутый словами Амаранта, разошелся съ крикомъ: «Vive la République! Vive l'église».

2.

— Мѣсяца три спустя, мнѣ было нужно повидаться по очень важному дѣлу съ Маррастомъ. Я былъ съ нимъ хорошо знакомъ и помѣщаль время отъ времени обзорнія медицинскіихъ книгъ и отчеты о засѣданіяхъ Медицинской академіи въ «National¹». Это былъ медовый мѣсяць его президентства; добратся до президента было не легко. Приѣзжаю въ первый разъ,—отказываютъ; приѣзжаю во второй—дома нѣтъ.

— А какъ вы думаете, гдѣ онъ?

— Въ собраніи.

— Я сейчасъ оттуда, его тамъ нѣтъ.

— Стало, уѣхалъ.

— Очень вѣроятно, а когда онъ воротится?

— Да вамъ который часъ назначенъ?

— Никакого; мнѣ нужно видѣть Марраста по дѣлу, я—докторъ такой-то. Одинъ huissier ¹⁾ съ цѣпью позвалъ другого huissier съ дѣпью; этотъ былъ важнѣе и, слѣдственно, грубѣе: высокій, плѣщивый, рыхлый подагрикъ, навѣшій на ноги, въ замшевыхъ сапогахъ, съ тѣмъ театральнымъ величіемъ, за которымъ человекъ прячетъ совершенную пустоту своего ремесла, онъ объявилъ, глядя не на меня, а куда-то въ уголь, что у Monsieur le Président надобно письменно просить свиданія, и прибавилъ:

— Если-бъ президентъ всѣхъ принималъ, ему надобно было бы 48 часовъ въ сутки, да и тѣхъ, можетъ, не хватило бы. Хотите бумаги и чернилъ? вотъ все, что нужно,—прибавилъ онъ и указалъ маленькимъ пальцемъ на столъ. Я вынулъ изъ кармана свою карточку и написалъ на ней: «Мнѣ васъ нужно по дѣлу; меня къ вамъ не пускаютъ. Я приду завтра въ девять утра узнать, когда васъ можно видѣть». Huissier улыбнулся и не могъ удержаться, чтобъ не сказать: это не дѣлается такъ.

¹⁾ Слуга у дверей, приставъ.

На другое утро та же исторія. *Huissier* говорилъ, что онъ карточку положилъ съ другими, что приказа никакого не было. Шутка эта стала мнѣ надоѣдать.

— Позовите кого-нибудь изъ секретарей,—сказаль я, немного приподнявъ голосъ.

— Ни одного еще нѣтъ.

— Зачѣмъ нѣтъ? долженъ быть дежурный; что за беспорядокъ! Я сажусь здѣсь и буду ждать часъ, два; а потомъ, прошу покорно замѣтить, что, если не придетъ секретарь, я не возвращусь, а послѣдствіе этого вы возьмете на себя.

Подагрикъ, нѣсколько огорошенный, отправился во внутреннія комнаты, беззвучно ступая по паркету съ осторожностью слона, идущаго по льду. Черезъ минуту онъ воротился съ чернымъ фраккомъ, видимо заряженнымъ на всякую дерзость; онъ еще издали, для тону, громко сморкаясь, спросилъ:

— Гдѣ онъ? *que diable...*—и срѣзлся: я его зналъ корректоромъ въ «Националь» и вмѣстѣ съ нимъ поправлялъ мои статьи.

— Зачѣмъ,—говорю я ему,—Маррасть играетъ въ прятки и поставилъ какихъ-то гиппопотамовъ съ цѣпями въ свою охрану? Мнѣ его нужно видѣть по дѣлу, которое столько же интересуеть его, какъ меня.

— Видѣть теперь президента невозможно; у него Ламартинъ и Гарнье-Пажесь; поѣзжайте домой; я черезъ два часа пришлю вамъ отвѣтъ. Черезъ два часа, даю честное слово. Вы слышали, что затѣваютъ Коссидьеръ и Луи Бланъ?

— Не слыхалъ, но не хочу у васъ отнимать времени. Итакъ, черезъ два часа...

Эксъ-корректоръ сдержаль слово. Хоть не черезъ два часа, но въ тотъ же день явился ко мнѣ, гремя палашомъ и шпорами, зацѣпляясь каской за двери, драгунъ и подалъ огромный пакетъ, въ которомъ лежала крошечная бумажка, и на ней: «Г. президентъ просить васъ пріѣхать завтра, въ 11 часовъ утра,—время его утренней закуски».

Когда я на другой день вошелъ въ пріемную залу, тамъ стояли, сидѣли, ходили, говорили, молчали обычные лица всѣхъ официальныхъ переднихъ. У дверей во внутреннія комнаты красовались часовые изъ національной гвардіи съ ружьями у ногъ; лакеи въ ливреяхъ сновали взадъ и впередъ; какіе-то офицеры главнаго штаба пробѣгали въ такомъ вооруженіи и такъ озабоченно и быстро по залѣ, какъ будто сейчасъ начнется канонада и непріятель уже занялъ Монмартрскія высоты. Нѣсколько человѣкъ въ нечищенныхъ пальто и ярко красныхъ

шейныхъ платкахъ сильно ораторствовали; полагаю, что эти представители демократическаго равенства сословій были просто шпионы, которыхъ Маррасть захватилъ съ собой изъ Hôtel de Ville. Словомъ, это была пріемная временщика, Меттерниха при царѣ-народѣ, но пріемная не обходившаяся, не обтершаяся; словно, въ ней пахло краской и двери скрипѣли на петляхъ.

Официантъ громко назвалъ меня по фамиліи и пригласилъ въ столовую. Въ углу большой залы былъ накрытъ столъ на четыре прибора, ломившійся отъ тяжелаго серебрянаго плато. У окна стоялъ Паньеръ; я подошелъ къ нему и едва успѣлъ, улыбаясь, сказать: *tempora mutantur* ¹⁾, какъ двери открылись *à deux battants* ²⁾ и, предшествуемый главнымъ *huissier*, сопровождаемый секретаремъ и официантами, вошелъ Маррасть. Часовые брякнули на-карауль; щегольски одѣтый, въ небрежномъ утреннемъ костюмѣ, раздушенный, съ пышно-взбитыми сѣдыми волосами, Маррасть былъ свѣжъ и румянь, какъ американское яблоко; въ лицѣ его, отъ природы очень красивомъ, была какая-то фосфоричность отъ упоенія собою. Онъ слегка извинился передо мной и, указавъ рукой на стулъ, прибавилъ:

— Мы, любезный докторъ, переговоримъ за котлеткой, если вы думаете, что дѣло не повредитъ пищеваренію.

Официантъ торжественно снялъ какую-то крышку и передалъ ее другому, который торжественно понесъ ее на другой столъ. Я взглянулъ на Паньера и подумалъ: съ какимъ, бывало, веселымъ аппетитомъ ужинали мы съ нимъ въ небольшой столовой третьяго этажа, у издателя «Националя» и какъ интересно болтали съ милой, умной *M-me Marrast*, которой, видно, не по этикету было являться такъ рано...

О дѣлѣ мы переговорили.—«*Romanée gelée*» ³⁾, сказалъ хозяинъ, тихо и ни къ кому не обращаясь, и въ ту же минуту выросъ, какъ изъ-подъ земли, мажордомъ, у котораго въ рукахъ была бутылка, покоившаяся на боку въ тростниковой колыбели.

— Знаете, докторъ, кого я часто поминаю и кого ужасно жаль? это нашего папа Ральера. И какъ странно, что онъ умеръ въ ту самую минуту, когда воскресала республика, которой онъ такъ ждалъ, которую такъ любилъ. Славный былъ старикъ, и какъ бы онъ былъ счастливъ—мѣсяцъ бы пожить какой-нибудь. Это былъ удивительный человекъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Паньеру,—вы его знали?

¹⁾ Времена мѣняются.

²⁾ На обѣ половины.

³⁾ Замороженной романей.

— Очень,—отвѣчалъ Паньеръ.

— Такихъ-то людей, непоколебимыхъ и сильныхъ, намъ теперь очень, очень нужно.

— Будто?—замѣтилъ я, улыбаясь.

Едва уловимое движеніе пробѣжало по лицу Марраста.

— А вы знаете подробности о его кончинѣ и похоронахъ?

— Ничего не знаю, кромѣ того, что онъ умеръ въ ночь 24 февраля. Что же особеннаго?

Я передалъ ему вамъ извѣстныя подробности, не забывъ даже упомянуть и о статьѣ въ клерикальномъ журналѣ.

По мѣрѣ того, какъ я рассказывалъ, фосфоричность Марраста исчезла, онъ успокоился, дѣлалъ видъ, что у него припадокъ мигрени, и, наконецъ, нетерпѣливо кроша двумя пальцами хлѣбъ, сказалъ:

— Вы мнѣ позвольте замѣтить, любезнѣйшій докторъ, мнѣ кажется, что вы напрасно такъ обвиняете Изидора Ральера. Вы, дѣйствительно, не вошли въ его положеніе; я его знаю очень хорошо за прекраснаго человѣка и преданнаго республиканца...

Я улыбнулся.

— Я говорю, что я его знаю,—сказалъ, нѣсколько прищуривая глаза, Маррастъ.

— Въ нашемъ царствѣ всеобщей подачи голосовъ позвольте мнѣ имѣть мое смиренное мнѣніе.

— У васъ взглядъ непрактическій, докторъ. Исполненіе религиозныхъ обрядовъ большинства народа до нѣкоторой степени обязательно для всѣхъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о притѣсненіи совѣсти, это—дѣло декорума. Зачѣмъ человѣку высокомѣрно выдѣлять себя въ какое-то оскорбительное *à parte* ¹⁾... Это очень хорошо понимая человѣкъ, котораго авторитетъ трудно отвести—Робеспьеръ. Онъ говорилъ, что атеизмъ—аристократія.

— И выдумалъ свою церковь, въ которую вербовалъ гильотиной, да и то не навербовалъ...

— Вы знаете, что я гильотину не оправдываю, но, все же, его религія была лучше атеизма Эберта.

— Какъ кому, это—дѣло вкуса; а послѣдній крикъ умирающаго Ральера у меня въ ушахъ.

— Что же, вы думаете, что мы могли бы, какъ въ 93-мъ, закрыть церкви, дѣйствительно насилуя совѣсть огромнаго большинства французовъ? Хороши мы были бы, еслибъ съ самаго начала затронули

¹⁾ Изолированность.

такую опасную струну съ народомъ, который надобно всѣми средствами приучить къ республикѣ, воспитать къ свободѣ и пониманію права.

— Вы были не совсѣмъ того мнѣнія о немъ три мѣсяца тому назадъ въ вашихъ энергическихъ premiers Paris ¹⁾).

— Три мѣсяца—немного времени, а посмотрите, сколько у меня прибавилось сѣдыхъ волосъ. Перо публициста и дѣятельность государственнаго человѣка могутъ имѣть общую цѣль, но они далеки, какъ практика и теорія; а эту даль только тотъ можетъ измѣрить, кто самъ окунулся въ омутъ дѣлъ.

Затѣмъ Маррасть быстро всталъ и пригласилъ меня въ кабинетъ. Когда мы прошли въ двери, часовые опять взяли на-карауль. Вѣроятно, Маррасту это не было непріятно: имѣлъ же онъ, вѣроятно, право сказать имъ, чтобъ они стояли смирно и не дурачились.

Ему было совѣстно и досадно; онъ подаль Паньеру и мнѣ сигары и, потрепавъ меня дружески по плечу, сказалъ ему:

— Что намъ дѣлать съ нашимъ неисправимымъ эскулапомъ? Вотъ enfant terrible съ сѣдыми волосами.

— Скажите,—спросилъ я, смѣясь,—гражданинъ Паньеръ, давно ли это нашъ президентъ сдѣлался изъ вольтеріанцевъ клерикаломъ и проповѣдуетъ церковные обряды?

— Что вы дурачитесь докторъ! Ну, какой тутъ клерикализмъ; а вотъ вамъ что за охота говорить при секретарѣ? Онъ очень хорошій молодой человѣкъ, но въ душу не заглянешь, а въ нашемъ положеніи надобна осторожность и осторожность; да тутъ официанты еще. Неужели вы не понимаете, что мое общественное положеніе, которое только и держится на нравственномъ вліяніи...

— И священное депо, ввѣренное вамъ,—сказалъ я, невольно вспоминая фразеологию Изидора.

— Да, да, депо, ввѣренное самимъ народомъ мнѣ и моимъ товарищамъ, накладываетъ на меня обязанности и, во-первыхъ, не дозволяетъ мнѣ ссориться съ духовенствомъ.

— Я не подумалъ объ этомъ за столомъ,—сказалъ я, откланиваясь.

Маррасть любезно проводилъ меня за двери. Часовые брякнули на-карауль.

25 марта 1869. Ницца.

¹⁾ Передовыхъ статьяяхъ.

IV.

ЭПИЛОГЪ

— Мнѣ, докторъ, хочется вамъ повторить вопросъ, который сдѣлалъ какой-то математикъ, прослушавши очень внимательно симфонію: что же это доказываетъ?

— И музыкантъ не умѣлъ ему, вѣроятно, ничего отвѣтить. Не легко и мнѣ, а все-таки, я думаю, что моя симфонія или *marche funèbre* ¹⁾ доказываетъ кое-что; доказываетъ хоть бы, на примѣръ, и то, что Франція совсѣмъ не такая уже революціонная страна, какой себѣ представляли ее иностранцы и мы сами,—мы взбалмошные консерваторы и капризные рутинисты. Мы часто стоимъ на одномъ мѣстѣ съ видомъ скорого марша и отступаемъ съ крикомъ атаки. Малѣйшій вѣтеръ колышетъ и рябитъ наше море, но на вершокъ, не больше. Девяностые годы захватили глубже; такъ мы восемьдесятъ лѣтъ пятимся, чтобъ войти въ старое, узкое и жесткое русло. Революціонная пьеса доиграна, но костюмы намъ понравились, и мы мирно ходили въ нихъ по улицамъ, какъ дѣти въ мундирахъ. Входъ за кулисы только легокъ въ театрахъ. Нигдѣ не хранять лучше семейныя тайны и физическіе недостатки, какъ у насъ. Насъ ужасно трудно застать врасплохъ. Что мудренаго узнать англичанина, не дающаго себѣ труда играть роль, или нѣмца, довѣряющаго свои чувствованія знакомому по *table d'hôte*? Раскусите-ка насъ. Мы для ближайшихъ знакомыхъ дѣлаемъ туалетъ, и такія неглиже всегда по модѣ и къ лицу. Бываютъ иногда «дурные четверть часа», когда все, спрятанное подъ манишки, выступаетъ наружу; тутъ и ловите. Пропустили—ваша бѣда. Я самъ дожилъ до сѣдинъ, плохо понимая, что дѣлается во-кругъ, и потомъ въ три дня выучился больше, чѣмъ во всю жизнь, и выучился на всю жизнь.

— Вы говорите?...

— Разумѣется, объ іюньскихъ дняхъ.

— Вы социалистъ?

— Я—докторъ медицины.

— Это не мѣшаетъ.

— Мѣшаетъ, и очень. Быть разомъ больнымъ и врачомъ—дѣло плохое. Одилонъ Барро говорилъ, что законъ не знаетъ бога, а ужъ

¹⁾ Похоронный маршъ.

врачъ и подавно не долженъ имѣть никакой религіи, иначе онъ неодинаково будетъ относиться къ больнымъ.

— Вольно вамъ социализмъ считать религіей.

— А какъ же? Можетъ, онъ когда-нибудь и вырастетъ изъ стихаря, даже есть обѣщающіе зачаточки, но это еще нерѣшенное дѣло; великая революція имѣла не меньше его зачатковъ, а такъ и состарилась на своихъ цивическихъ литургіяхъ и политическихъ процессіяхъ. Все тѣ же идолопоклонники и иконоборцы, только иконы другія, а средства защиты и нападенія, какъ встарь, чисто богословскія, основанныя на вѣрѣ во что-нибудь невѣроятное, подтверждаемой доказательствами, ничего не доказывающими, и силой, доказывающей, что разсужденіемъ ничего не сдѣлаешь, а кулакомъ—очень много.

— Ничего подобнаго нѣтъ въ современной борьбѣ капитала съ работой. Какія тутъ литургіи да крестныя ходы?

— Помилуйте, да тутъ все литургія, кромѣ самого предмета. Одни хотятъ увѣрить другихъ, что эти другіе... не имѣютъ права на необходимое, тогда какъ они сами имѣютъ лишнее и дивятся, какъ тѣ не понимаютъ, что въ этомъ-то и состоитъ свобода. Другіе укоряютъ въ грабежѣ тѣхъ, которые такъ же безсознательно имѣютъ деньги, какъ укоряющіе ихъ не имѣютъ. Гдѣ же тутъ логика? Одно богословіе, примѣненное къ земнымъ предметамъ. Иконоборцы капитала и его идолопоклонники такъ и стоятъ на своемъ диспутѣ, все больше и больше отравляя его и поддразнивая другъ друга.

— Куда же это приведетъ?

— Туда, куда приводятъ всѣ религіозныя препинанія: не къ дѣлу, а къ крови.

— И будто это такъ неминуемо?

— Я не фаталистъ, но, кажется, миновать трудно. Одинъ станъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, другой свирѣпѣетъ, и оба не понимаютъ другъ друга...

— Надобно посредниковъ.

— А гдѣ же ихъ взять? Примирившихся и непримиримыхъ бездна, но примирителей нѣтъ. Примирившіеся резонеры всего хуже; что они примутся объяснять, то остается на вѣки мутнымъ и безжизненнымъ, какъ замерзнувшая лужа. Это—наша язва; вы ее найдете почти во всѣхъ журналахъ. Мишле говоритъ о томъ, какъ схоластика и монашеское воспитаніе образовали цѣлую породу *дураковъ*. Журнализмъ, парламентаризмъ, неудавшіяся революціи и революціонное похмелье выростили въ наше время слой умниковъ, заговаривающихъ всякое дѣло до безсмыслія. Они все объясняютъ, все

понимають; но всякій жизненный вопросъ выходитъ изъ ихъ мозговой реторты, какъ зеленый листъ, опущенный въ хлоръ: блѣднымъ, увядшимъ. Ихъ неистощимая верва ¹⁾, запугивающее умничанье однихъ, дѣловая наторѣлость другихъ дѣлають изъ нихъ казовый конецъ нашего времени; и это большое несчастье. Это не дилетанты, а адвокаты всего на свѣтѣ. Ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы одержать верхъ въ преніи, выиграть дѣло, а въ чемъ оно, имъ все равно...

... Я прерываю философствованіе моего доктора или, лучше, не продолжаю его, потому что и тутъ, какъ почти во всемъ, обстоятельство нагнали насъ и опередили...

Разсказъ доктора о гражданинѣ Ральерѣ я писалъ въ началѣ марта 1869 г. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, гроза, давно собиравшаяся, разразилась безъ ударовъ и потрясеній. Удушливая тяжесть атмосферы Парижа и Франціи измѣнилась. Равновѣсіе, устроившееся отъ начала реакціи послѣ 1849 г., нарушилось окончательно.

Явились новыя силы и люди.

3583. Письмо къ А. Лакруа.

3 septembre 1869.
Bruxelles.

Monsieur,

Je viens de recevoir votre lettre du 27—comme nous nous sommes entretenus de l'affaire le 29 août je ne sais dois-je me tenir au texte ou à l'entretien. Vous m'obligerez infiniment en me donnant une réponse.

Si vous ne déclinez pas ma proposition—je la fais encore une fois—aux mêmes conditions—en donnant tout le temps nécessaire pour l'étude de la question. Donnez moi vos conditions, vos observations—et je viendrai encore une fois pour traiter la question.

Au contraire—si mon offre ne vous va pas—dîtes le moi—je ne viendrai plus ôter votre temps, en restant toujours avec les sentiments de haute considération.

A. H

Pourrai-je prier une réponse entre le 5 et 8 de ce mois?

¹⁾ Verve—пыль, вдохновеніе.

Переводъ.

3 сентября 1869.

Милостивый Государи!

Только-что получилъ ваше письмо отъ 27. Не знаю теперь, чего мнѣ держаться въ этомъ дѣлѣ: нашего ли разговора о немъ 29 августа или текста письма. Вы меня безконечно обяжете, приславъ отвѣтъ.

Если вы не отклоняете моего предложенія на прежнихъ условіяхъ, то я возобновляю его, давая время, какое потребуется для изученія вопроса. Предъявите ваши условія, ваши замѣчанія, и я приѣду еще разъ, чтобы обсудить вопросъ.

Въ противномъ случаѣ, если предложеніе мое вамъ не подходитъ, скажите мнѣ прямо, и я больше не отниму у васъ времени, пребывая всегда съ чувствомъ глубокаго къ вамъ уваженія.

А. Г.

Могу ли я просить отвѣта между 5 и 8 этого мѣсяца?

3584. Въ другую сторону.

I.

Я такъ же мало могу отстать отъ привычки записывать на дорогѣ встрѣчное-поперечное всякій разъ, когда это встрѣчное останавливаетъ, какъ—отъ привычки смотрѣть раскрытыми глазами. Въ моихъ «Швейцарскихъ видахъ» одинъ изъ нашихъ друзей нашель что-то усталое, скучное... Можетъ, въ нихъ и есть что-нибудь такое, но это не все. Глаза стараго пріятели до того сосредоточены на одну точку; что все, выходящее изъ нее, больше мѣшало ему, чѣмъ занимало. Раскрывая свои нервныя пропасти и глубины, религія исподволь заколачиваетъ окно за окномъ въ душѣ и тамъ, гдѣ нельзя было не оставить отверстіе, вставляетъ въ него цвѣтныя стекла, чтобы суетная жизнь за стѣнами церкви не развлекала. Развлеченіе внѣшнимъ и шумъ жизни мѣшаютъ мономаніи.

Я придерживаюсь моего стараго учителя Шиллера.

Sollst in's Breite dich enthalten

Sollst sich der du (die) Welt gestelben

говорить Шиллеръ. Ну, а если, зачерпывая изъ разныхъ ручьевъ и прудовъ, въ самомъ дѣлѣ, мало выходитъ путнаго,—конечно, моя вина: или ковшъ малъ или рука дрожить.

Голландія—образчикъ Европы до-индустріальной, тяжелое ... ¹⁾, островъ не островъ, но не такъ пошлое, какъ истасканная Бельгія. (Зачѣмъ она отдѣлилась?). Въ людяхъ больше добродушія, бѣдные люди живутъ лучше. Нѣтъ дураковъ въ модѣ, какъ въ Лондонѣ; этроновъ, какъ въ Парижѣ, не замѣтно. Посторонніе обращаются гуманно съ иностранцами въ вагонахъ. Французъ, особенно парижскій, воспитавшійся на ужасѣ передъ шпионами, меньше говоритъ съ посторонними, чѣмъ англичанинъ; онъ считаетъ провинціаломъ говорящаго. Въ Голландіи на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ знакомятся скоро. Говорятъ они совершенно смѣло, не боясь несколько властей.

Города и здѣсь перерастаютъ свое назначеніе; они не строены для такого количества людей; новый вѣкъ съ своими потребностями не укладывается въ нихъ. Что были города прежде, это съ ужасомъ видно по остановившимся.

Большая бѣда, если Германія поглотитъ Голландію. Она стубитъ ея оригинальность, въ которой она довольна и можетъ перейти въ республику очень легко. Пусть она останется образчикомъ старыхъ городовъ времени *renaissance*'а, —рядомъ съ идеалами будущаго это не дурно. Здѣсь купцы, батраки и крестьяне—элементъ коми, индустріаль меньше представленъ. Свободны они по нравамъ, какъ старые кантоны Швейцаріи, по привычкѣ и инстинкту, вѣроятно, могутъ дѣлать глупыя несправедливости, но систематическаго полицейскаго государства изъ нихъ не сдѣлаешь.

3585. Письмо къ Н. П. Огареву.

18 сентября 1869.
Bruxelles.

Здѣшній журналъ «Liberté» и женевскій «Egalité» помѣстили почти въ одно время статьи объ отношеніи социализма къ положительной наукѣ. Я ими доволенъ и желалъ бы, чтобы ты прочелъ. Есть же люди, которые понимаютъ точно такъ, какъ я хотѣлъ высказать въ письмахъ Бакун. (я теперь ужасно жалѣю, что они не были напечатаны) ²⁾). Только повѣсти и художества могутъ ждать. А мысль новая или Standpunkt особый долженъ тотчасъ печататься, а то завтра слѣ-

¹⁾ Слово неразбрано.

²⁾ См. № 3580.

дующій станетъ на мѣсто—а кѣ ¹⁾ (безконечное). Можетъ, Бакунъ самъ и писалъ въ «Egalité» (объ отношеніяхъ къ коопераціямъ), тогда это прогрессъ или *bal masqué* ²⁾. Впрочемъ, измѣнять ошибки должно. Бакунъ былъ отчаяннымъ панславистомъ, націоналистомъ, хотѣлъ Амурскимъ-Муравьевымъ Австрію заполнить. Ну, а отвѣтъ его о крестьянахъ былъ неудаченъ въ Базелѣ. Повыспрошу у д-ра Папа, какъ и чтò было.

Какъ я ни прикидываю, не могу понять, изъ чего ты думаешь составить «Колоколь». «Полярная Звѣзда» еще можетъ пробиваться «задами», т.-е. статьями, писанными заранѣе. Но «Колоколь»? и гдѣ же корреспонденціи? Какъ я теперь поставилъ себя относительно журналовъ въ Парижѣ, я легко могу имѣть постоянное мѣсто для русскаго отдѣла въ «Siècle», «Liberté» или «Temps». И для кого же издавать «Колоколь»? Гдѣ его публика? Пят. мнѣ сдѣлалъ предложеніе посылать въ новый журналъ, который собираются издавать,—а границы ты знаешь по дѣлу Шапова и «Писемъ» Луи Блана ³⁾. Вѣдь, что ни толкуй, а Шаповъ акитированъ (читалъ ли ты рѣчь Спасовича?), на этомъ основаніи я три четверти «Колокола» могъ бы перепечатать въ Москвѣ. Я, Огаревъ, не возражаю и очень радъ убѣдиться въ противномъ, но навожу тебя на производство слѣдствія и діагнозы. Помни и то, что рабочія силы наши уменьшились, и силы Чернецкой печати тоже. Если мнѣ рѣшится издавать на свой страхъ переводы моихъ орегъ—конечно, это дало бы два года жизни типографіи. Но рѣшить это, не поговоривши съ Гашетомъ, Этцелемъ и Данило, нельзя.

Итакъ, дѣло кн. Оболенской похоронено. А я съ этой травлей хотѣлъ примириться на общую травлю швейцарской гнусности. Вотъ люди-то! И что за резонъ вся эта исторія тому, что «Народ. Дѣло» не выходитъ.

Мы ѣдемъ 23, въ четвергъ, въ 9 часовъ утра въ Парижъ и, слѣд., въ 4 часа того же дня бросимъ якорь въ Grand Hôtel du Louvre. Стало, ты можешь писать, адресуя туда. Что дальше—истинно не знаю. Что я побываю въ Женевѣ, это вѣрно, но что мы всѣ сдѣлаемъ, не знаю. Въ Парижѣ центръ дѣятельности, но и дороговизна. Я снова долженъ сказать, что въ Брюсселѣ легко живется—я не знаю почему, и какъ-то діапазонъ не такъ давить, какъ въ Швейцаріи, но гадко послѣ

¹⁾ Въ хвостѣ.

²⁾ Маскарадъ.

³⁾ Намекъ на тогдашніе два судебныхъ процесса, возбужденные цензурой.

avertissement ¹⁾). Устроиться здѣсь можно очень недорого. Въ Женевѣ можно гостить, но жить—мудреное дѣло.

Прощай.

1000 фр., вѣроятно, уже получилъ.

Ну, а «Zukunft», видно, запрещенъ въ Швейцаріи. А propos, какая же польза въ jugу Бакун. Либкнехта, если это не напечатано, а если напечатано—пришли. Во Францію не такъ будетъ легко посылать. Но это не относится къ «Zukunft».

3587. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 сент. (1869).

Парижъ, N-1 du Louvre. № 328.

Я вчера хотѣлъ приписать, но Лиза и N. сразу бросили письмо въ ящикъ, не сказавъ мнѣ. Впрочемъ, писать, собственно, не о чемъ, кромѣ того, что *sain et sauf* ²⁾ пріѣхали сюда. Боткина видѣлъ и объдалъ вчера у него. Онъ немного недоволенъ тѣмъ, что я не былъ въ Vichy. Хочетъ завтра специально осмотрѣть. Мерч. уѣхалъ въ Дрезденъ въ тотъ день, когда я пріѣхалъ.

Сегодня получилъ письмо Тх. (отъ 24) и газету лозаннскую. Если они не отвѣчаютъ, дѣлать нечего. Моя антипатія къ нимъ еще разъ оправдывается.

Жду Вихерскаго. Онъ мнѣ не очень нравится, но человекъ умный. Съ нимъ придетъ Крамеръ, дѣйств. ст. сов. и кавалеръ.

Ты сколько далъ Бакун.: 100 или 200 фр.? Если 100, то дай еще на дорогу, если нужно, 100—я вышло. Ты знаешь или нѣтъ, кто долженъ тебѣ вручить 500?

Въ доказательство того, что я здѣсь не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать, а, все же, числюсь по лвамъ, посылаю вырѣзку изъ газетъ. Въ театрѣ я былъ, но ни одного знакомаго лица не видалъ. У нихъ своя полиція, а, можетъ, одна и та же. Вырѣзку эту подношу Тхоржевскому вмѣстѣ со слѣдующими строками.

Прощай.

¹⁾ Увѣдомленіе.

²⁾ Здравые и невредимые.

3588. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 сентября (1869).

N-1 du Louvre.

На этотъ разъ новостей довольно частныхъ. Сатинъ прислалъ 1540 фр., изъ нихъ подобаеъ Мишель 400, остальное тебѣ и съ примѣчаніемъ Сат., что «еще пришлетъ» (Это во всякомъ письмѣ, какъ твое обѣщаніе длинныхъ посланій). По поводу этой присылки у меня твоихъ денегъ будетъ 2500. Ими, мой совѣтъ, распорядиться такъ: взять въ ноябрѣ 300 ф., въ дек. 300 и въ концѣ года для счетовъ 300. Такимъ образомъ выйдетъ весь твой расходъ въ 6500, а съ Туцомъ— въ 7.000. Къ новому году останутся 1.600 и будемъ ждать отъ Сатина. Оставляй всякій разъ не у себя, а у меня въ запасѣ. Это—единственно вѣрный способъ, чтобъ не было задержекъ.

Далѣе, Тата пишетъ, что онѣ всѣ, т.-е. Тата и Ольга и Мейз., собираются на-дняхъ въ Парижъ. Для этого надобно приготовить. Я писалъ Татѣ, чтобъ она ѣхала, если хочетъ, сюда, а Ольгѣ писалъ только, что странно, когда я звалъ ее изъ Флоренціи въ Геную, она не могла пріѣхать, а на Вагнерову оперу поѣхала изъ Ливорно въ Мюнхенъ. Я писалъ Татѣ и Сашѣ, что мнѣ очень прискорбно систематическое удаленіе и отчужденіе Ольги; нашъ кругъ, при всѣхъ его недостаткахъ и неспѣlostяхъ, все же, лучше исто-нѣмецкаго; вѣроятно, все это подѣйствовало. Но учредится ли лучше общая жизнь, я не знаю. Внутри Н. и Мейз. ненавидятъ другъ друга. Надобно квартиру попросторнѣе, а квартиры здѣсь всего дороже. Квартиры, которыя въ 1850 г. были по 400 фр. въ мѣсяцъ, теперь по 750 и 800 въ мѣсяцъ. Я пріѣзда, впрочемъ, не отклоню, но главный вопросъ въ томъ, сами-то мы останемся ли здѣсь? Выгодъ, съ одной стороны, и невыгодъ—съ другой, много; все же подчиняется одному.

Боткинъ дѣлалъ осмотръ, общимъ доволенъ. Урину отдалъ въ лабораторію Тесье. Онѣ совѣтуетъ пить селестинскую воду (тоже Vichy, но крѣпче) и въ маѣ ѣхать дней на 20 туда.

Дай богъ успѣха Бакун. переводу Маркса; я одного не понимаю: почему же онѣ держалъ подъ сурдинкой свои сношенія съ нимъ? Вся вражда моя съ марксидами изъ-за Бакунина; такъ же, какъ въ дѣлѣ Ковалевскаго и въ дѣлѣ Оболенской, я ушелъ дальше бенефициантовъ,—такая судьба.¹

Утѣшь Бак. и себя въ кончинѣ Голынскаго, о которой Б. такъ утвердительно говорилъ: онѣ вчера встрѣтился мнѣ на бульварѣ: красенъ и здоровъ, толстѣ и свѣжѣ.

Получилъ письмо Тхоржевскаго. *Передай ему, что я безусловно совѣтую ему продавать бумаги Долгор. или даже уничтожить. Рейнахъ, который здѣсь, говорилъ мнѣ, что у него много работы для Чернецкаго съ 1 января и что онъ объ этомъ толковалъ съ Тхорж. Что это? И зачѣмъ Чернец. такъ упорно не говорить, чего онъ хочетъ? Мейраргъ уѣхалъ съ дѣтьми Ротшильда; онъ не имѣетъ больше протекціи въ ихъ домѣ, стало, и мѣста черезъ него не добудешь.*

Прощай.

NB. Газеты и «От. Зап.» получили.

◆◆ 1. Бакунинъ взялъ на себя переводъ перваго тома «Капитала» Маркса, но, конечно, работы не кончилъ, остановившись на началѣ. «Переводъ страшно трудный,—писалъ онъ Огареву 16 декабря. Сначала я не могъ перевести болѣе трехъ страницъ въ утро, теперь дошелъ до пяти, надѣюсь скоро дойти до десяти,—тогда дѣло будетъ въ шляпѣ». 4 января 1870 г. онъ писалъ: «А я, братъ, перевожу экономическую метафизику Маркса» («Письма», 247, 252). Очевидно, при такомъ отношеніи къ этому труду гениальнаго социолога изъ перевода и не могло ничего выйти.

3589. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 октября 1869.

Hôtel du Louvre, № 328.

Письмо твое отъ 28-го пришло, но я не имѣлъ времени отъ парижской суеты отвѣчать на его теоретически-террористическую часть, но отвѣчать буду непременно. На другія части вотъ что.

Осмотръ Ботк. и разложеніе, сдѣланное въ лабораторіи Тессе, подтвердили, что состояніе относительно діабета такъ же хорошо, какъ было въ Женевѣ. Ботк. стучалъ и раздѣвалъ и заключилъ тѣмъ, что «еще поживемъ-съ!». Онъ совѣтовалъ пить здѣсь въ Парижѣ 15 дней селестинскую воду. Это—то же Vichy, но самая сильная; ваннъ не брать, а въ началѣ мая съѣздить на три недѣли въ Vichy. Единственная вещь, которую я замѣтилъ, и Б. подтвердилъ, состоитъ въ усиленіи глухоты. Вотъ и все. Мер. уѣхалъ въ Дрезденъ къ женѣ. У Бот. умеръ меньшей братъ (богачъ въ Москвѣ), а не Вас. Петр., который цвѣтетъ. Ко мнѣ ходятъ незнакомые русскіе: Крамеръ, потомъ генералъ Бугуяльскій; все это такъ,—посмотрѣть звѣря.

Вчера въ «Presse» была статейка о русскихъ Flugschrift'ахъ ¹⁾, печатаемыхъ въ Женевѣ и найденныхъ въ большомъ количествѣ, будто бы, въ Тверской губерніи и между студентами. Авторами всего этого «La Presse» называетъ Бакунина и меня. Что тутъ правда, что вздоръ? А прогос, чтобъ не возвращаться къ старому, меня какъ-то конфузить и огорчаетъ, когда я нахожу у тебя въ письмахъ такія фразы объ «языкахъ»: «было напечатано такъ—да бѣда не велика». По-моему, это страшная бѣда, но, что всего хуже, тогда, когда мы читали и возражали, тогда это не было отпечатано, а только набрано, во что же послужило возраженіе? Я тутъ тебя не понимаю, какъ и во многомъ; можетъ, радіусы глазъ измѣнились. Напр., я получилъ «Zukunft» (глупо, три письма о Россіи, а ихъ *девять*); за эти три письма кошки не за что выпоротъ, старая марксовская манера: такія статьи были въ «Leader», въ «Morning Advertiser'ѣ». Я приготовился отвѣчать и хотѣлъ писать Якобію, но передъ этимъ *fatras* ²⁾ остановился. Итакъ, г. г., вы всѣмъ комитетомъ не въ состояніи были выписать изъ Берлина, а сами придали статьямъ важность...

А вотъ и твое письмо съ вырѣзкой изъ газетъ. Полемику оставляю... Ты пишешь Чернецкому «должны изъ фонда—пришли»... Очень радъ... но 10, 100, 1000 или 10.000 слѣдуетъ прислать? Сколько онъ получилъ? Итакъ, ты не согласенъ на мою ясную программу о распредѣленіи твоихъ денегъ. Передъ этимъ остается молчать и исполнять. А потому напиши, сколько именно тебѣ нужно еще и сколько у меня должно остаться на три послѣднихъ мѣсяца. Отъ тѣхъ, которые я пришлю, разумѣется, не останется ничего.

Озеровъ привезъ колечко и пр.

Отъ Мейзенбургъ я получилъ письмо и писалъ, что вовсе не звалъ ихъ такъ упорно и такъ скоро.

Прощай.

Тхоржевскаго прошу сильно выписать черезъ Георга недостающіе №№ «Zukunft'a»—не богъ же знаетъ, чего они стоятъ. Присланы: № 167, 21 июля 1869 г., 187, 189.—Въ 167-мъ VIII статья о Россіи, неужели невозможно имѣть прежнія VII?

¹⁾ Летучихъ листкахъ.

²⁾ Наборъ словъ.

3590. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 октября (1869). Воскресенье.

Получилъ отъ Таты телеграмму, очень успокаивающую. Она проситъ никому не сообщать. Но я полагаю, что ты сдѣлалъ превосходно, написавши ей. Я знаю, какъ ты пишешь, и знаю, какъ ее любишь. Одно жаль,—если ты писалъ и Сашѣ о томъ же. Но тутъ и я скажу—«бѣды нѣтъ».

Озеровъ уже успѣлъ попросить займы 600 фр. Я отвѣчалъ, что готовъ ему помочь и прислать 100, но такихъ авансовъ не дѣлаю.

500, о которыхъ я писалъ, ты долженъ получить отъ Жук.

Въ журналахъ мудрено начать снова шумъ о дѣлѣ Обол., но я постараюсь. Отвѣчать Мрочк. нечего, если онъ самъ прїѣдетъ. Я зналъ, что, пропустивши время, дураки все потеряли.

Пришлю тебѣ статью Гесса противъ Бакунина. Гесса этого я когда-то зналъ хорошо (извѣстный споръ пентархистовъ съ триархистами въ сороковыхъ годахъ). Видно, марксиды не такъ-то примирились съ Бакун., какъ онъ съ ними. Но, въ сущности, отними гнусныя инсинуаціи, Гессъ говоритъ то, что я говорю, и, стало, по всѣмъ статьямъ, которыя я цитировалъ въ прежнихъ письмахъ, и по этой я констатирую, что есть не только патологическая разница отъ остановки мозга, но и разница логическая между вашей безпардонностью на словахъ и откровеннымъ скрутаторствомъ моимъ и другихъ. Разница въ опредѣленіи моментовъ, разница въ опредѣленіи средствъ и... по-моему, это вовсе не шуточное дѣло,—совершенная разница языка, глоссологіи. Тебѣ, напр., кажется хирургическая фраза—не бѣда, а мнѣ—бѣда. Ты думаешь, что призывъ къ сквернымъ страстямъ—отместка за скверну дѣлающъяся, а я думаю, что это—самоубійство партіи, и что никогда, нигдѣ не поставится на знамени эта фраза. Всѣ возстанія въ исторіи—ты все ссылаешься на прошедшіе перевороты—были сдѣланы монахами, суровыми аскетами, у которыхъ за всѣ страсти была одна. Возьми Кромвелевыхъ солдатъ, дѣятелей XVIII столѣтія. «Да это фраза». Зачѣмъ же употреблять дерзкія и вредныя фразы?

Что ты не понялъ, что я сказалъ «о наслѣдствѣ», это не моя вина,—видно, другіе были счастливыѣ. Гессъ начинаетъ свою статью тѣмъ, что удиьллется, какъ конгрессъ коллективную собственность принялъ, а наслѣдство помиловалъ. Ясно, что нѣтъ логики. Отчего же ты издѣваешься надъ моимъ замѣчаніемъ? Я и первый декретъ (о соб-

ственности) не считаю вполне оправданнымъ, и въ самомъ проектѣ бездна государственнаго бабувизма. И за что же никто не помянулъ русскую общину, которая показываетъ коллективное владѣніе органично? Это бы я назвалъ дѣломъ, и только за это жалѣю, что меня не было. Языкъ Бак. точно наканунѣ катастрофы. Его тѣшить быть пугаломъ однихъ, подавлять другихъ смѣлостью безпардонности. А въ сущности, кромѣ силы мысли и исторической попутности, еще ничего нѣтъ. Вглядывался я раскрытыми глазами въ Брюссель и здѣсь вглядываюсь,—думаю, что до этой поѣздки у меня былъ излишній пессимизмъ, особенно къ Парижу. Но сангвиническихъ упований я не дѣлю. Ни единства, ни соглашенья въ началахъ, ни денегъ, ни матеріальныхъ силъ. Противъ—не одна громадная сила. ¹

P.-S. Журналъ со статьей Гесса я послалъ на имя Тхорж.

Завтра Reclus (Elyse—умный) даетъ первый урокъ Лизѣ, но, по несчастію, онъ черезъ мѣсяць ѣдетъ. Онъ дѣльный ученый.

Передъ обѣдомъ. Воскресенье.

Пожалуйста, дай окончательное рѣшеніе по дѣлу бакстовскаго шрифта. Мнѣ все равно. Чернецк. мнѣ пишетъ, что ему онъ вовсе ненуженъ. Изъ фонда я готовъ выдать, но рѣшите сами,—спорить и прекословить не буду.

◆◆ 1. Въ номерѣ парижской газеты «Réveil» отъ 2 октября 1869 г. «органъ демократіи стараго и новаго свѣта», появилась статья члена Интернаціонала, нѣмецкаго публициста Мозеса Гесса. Другъ Маркса, раздѣлявшій его антипатію къ русскимъ социалистамъ и въ частности, къ Бакунину, онъ дѣлилъ всѣхъ депутатовъ базельскаго конгресса на двѣ части: «русскихъ коммунистовъ» и «коллективистовъ Интернаціонала». Между послѣдними, къ числу которыхъ онъ причислилъ и себя, и «русскими коммунистами» такая же разница, какъ между цивилизаціей и варварствомъ, свободой и деспотизмомъ, гражданами, осуждающими всякій видъ насилія, и рабами, привыкшими къ дѣйствіямъ исключительно грубой силой. Къ этому онъ прибавлялъ: «Коллективисты Интернаціонала полагаютъ, что политическая революція и радикальная демократія должны предшествовать революціи и демократіи социальнымъ». Легкость, съ которою «Réveil» принялъ статью Гесса, возмутила Бакунина, и онъ взялся за перо, чтобы написать отвѣтъ, обращенный къ «Aux citoyens rédacteurs du

Réveil», т.-е., къ «Гражданамъ редакторамъ «Réveil». Но этотъ отвѣтъ, въ которомъ, послѣ нѣсколькихъ общихъ размышлений о русскомъ народѣ, онъ перечисляетъ клеветническія нападки, предметомъ которыхъ сталъ со стороны нѣмецкихъ журналистовъ—исключительно евреевъ, а именно Гесса и Боргкейма,—скоро принялъ такіе размѣры, что Бакунинъ принужденъ былъ отказаться отъ мысли опубликовать его въ газетѣ. Тогда онъ рѣшилъ передѣлать его въ брошюру, которая должна была называться «Profession de foi d'un démocrate socialiste russe précédée d'une étude sur les juifs allemands», т.-е. «Исповѣданіе вѣры русскаго демократа социалиста, предшествуемое этюдомъ о нѣмецкихъ евреяхъ». Онъ успѣшилъ переписать набѣло эти 37 страницъ и послать копію въ Парижъ своему молодому другу Аристиду Рею при письмѣ на имя Герцена отъ 18 октября:

«Любезный Герцень. Я послалъ черезъ О(зеро)ва къ моему хорошему пріятелю Aristide Rey начало писанія, пожалуй, небольшой книжки съ разными апендиксами подъ громкимъ названіемъ «Profession de foi d'un démocrate socialiste russe précédée d'une étude sur les juifs allemands».

«1-й chapître готовъ, 2-й, 3-й и 4-й пишутся и пойдутъ, какъ по маслу. Первая глава, полемическая противъ нѣмецкихъ жидовъ, покажется тебѣ, можетъ быть, слишкомъ сыра, слишкомъ груба. Предоставляю тебѣ полное право, не измѣняя, разумѣется, содержанія и смысла, перемѣнить форму, кой гдѣ смягчить, а кой гдѣ и посолить,—вѣдь, у тебя аѣинской, злой соли больше, чѣмъ у меня,—увѣренный, что жидамъ сдѣлается отъ этого не легче, а хуже. Ну, остальные главы будутъ гораздо серьезнѣе. Это—родъ мемуаровъ или, скорѣе, отчета за послѣднія шесть лѣтъ. Что жъ касается до безпардоннаго направленія, то оно должно остаться всецѣло не только по содержанію, но и по формѣ. Вѣдь, ты давно знаешь, что это—моя природа, а природы не перемѣнишь. Жиль и умру, какъ генераль Костинцкій.

«Теперь вотъ еще въ чемъ дѣло: Rolin, твой знакомый, обнадеживаетъ меня, что книгоиздатель Dentu возьмется съ радостью издать эту книжку и, можетъ быть, даже кое-что заплатитъ.

«Я подробно писалъ объ этомъ Рею и просилъ его пойти къ тебѣ отъ моего имени съ О(зеров)ымъ, дабы потолковать съ тобой объ этомъ предметѣ. Помоги, Герцень, и приложи совѣтъ и руку. Рей тебѣ понравится, онъ малый умный и честный. Направь же его и научи, какъ лучше устроить дѣло» («Письма», 229—230 и М. Bakouline «Oeuvres», t. V, 221—228).

Въ «Обращеніи къ гражданамъ редакторамъ Réveil», передѣланномъ позже въ «Этюдь о нѣмецкихъ евреяхъ», Бакунинъ заявилъ, что послѣ него предметомъ самыхъ яростныхъ атакъ со стороны нѣмецкихъ журналистовъ явился Герценъ. «Вотъ уже десять лѣтъ, какъ Герценъ и я являемся мишенью самой гнусной клеветы съ ихъ стороны. Герценъ, который до сихъ поръ хранилъ молчаніе, отвѣчалъ лишь глубокимъ презрѣніемъ на ихъ выходки, въ концѣ концовъ, заговорить, и тогда онъ расскажетъ лучше, чѣмъ я, обо всей лжи, которой былъ не жертвой, но предметомъ». Анонимъ въ англійскихъ газетахъ обвинялъ Бакунина въ томъ, что русское правительство, создавъ ему положеніе изгнанника и мученика за свободу, дало ему тѣмъ самымъ возможность оказывать ему услугу, т.-е. другими словами, сдѣлаться шпіономъ. Когда на подобную уже другую, тоже англійскую и тоже анонимную статью Бакунинъ отвѣтилъ, что онъ предпочелъ бы возразить на нее не съ перомъ въ рукѣ, но рукою безъ пера, авторъ второй статьи заявилъ, что онъ вовсе не хотѣлъ назвать Б. шпіономъ, но что Бакунинъ такъ преданъ имперіи, что добровольно подвергъ себя мученіямъ и тюрьмамъ, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность оказывать услуги ея политикѣ. По этому поводу Бакунинъ писалъ: «На такія глупости нечего было отвѣчать. Это было таже мнѣніе знаменитаго итальянскаго изгнанника Маццини, Огарева и Герцена. Чтобы меня утѣшить, Маццини и Герценъ сказали мнѣ, что и они подверглись нападкамъ приблизительно такого же характера и, вѣроятно, со стороны тѣхъ же господъ и что на нихъ они отвѣчали только презрительнымъ молчаніемъ».

«Въ 1868 г. г. Боркгеймъ снова напалъ на насъ, на Герцена и меня, въ газетѣ, наполовину политической, наполовину соціалистической, наполовину буржуазной и наполовину рабочей, которая выходила въ Лейпцигѣ подъ названіемъ «Demokratisches Wochenblatt», а въ настоящее время, переименовавшись въ «Volksstaat», является органомъ партіи соціалистической демократіи Германіи, которая только что конституировалась на конгрессѣ въ Эйзенахѣ».

«Съ тѣхъ поръ какъ нѣмецкіе евреи ведутъ противъ меня клеветническую кампанію, имъ ни разу не удалось открыть хоть тѣнь какого-нибудь факта, который могъ бы подтвердить ихъ низкія обвиненія противъ насъ,—конечно, не вслѣдствіе отсутствія доброй воли съ ихъ стороны, но вслѣдствіе отсутствія фактовъ. Впрочемъ, я ошибаюсь: они нашли одинъ фактъ, говорящій противъ меня. И знаете, какой? Я—другъ Александра Герцена, признаннаго панслависта и защитника политики русскаго правительства. Слѣдовательно,

я, неизбежно, русскій шпионъ. Какъ видите, эти господа не теряютъ надежды убѣдить европейское общество, что Герценъ—панславистъ и другъ русскаго императора» (тамъ же, 245—267). Отсылаю такоже къ стр. 342—343 русскаго перевода Ф. Меринга «Карль Марксъ», Петербургъ, 1920 г.

3591. Письмо къ редакторамъ «Le Siècle».

(4—5 октября 1869).

Messieurs les rédacteurs,

Je Vous offre une série de fragments et d'articles que je serais enchanté de voir dans le Siècle. Je sais très bien que ma manière de voir n'est pas la vôtre et cela spécialement dans les deux questions angulaires de toute mon activité. Je pars de la question sociale et de celle du peuple russe. Loin d'avoir la présomption de Vous convertir je ne demande que l'hospitalité que l'on accorde aux étrangers sans les naturaliser.

Vous pouvez, Messieurs, me demander pourquoi je frappe nommément à Votre porte et je Vous dirai franchement la cause. L'air est pur chez Vous, Vous combattez à visière découverte et, permettez moi de le croire, Vous saurez apprécier avec sympathie—un lutteur qui appartient à un autre camp.

J'attendrai Votre réponse en Vous priant de recevoir mes salutations respectueuses et sympathiques.

Al. Herzen.

Переводъ.

Господа редакторы!

Предлагаю вамъ рядъ отрывковъ и статей, которые съ восторгомъ увидаль бы на страницахъ «Siècle'я». Я отлично знаю, что моя точка зрѣнія не совпадаетъ съ вашей, и въ частности по двумъ краеугольнымъ вопросамъ моей дѣятельности. Я исхожу изъ социальнаго вопроса и изъ вопроса о русскомъ народѣ. Далекій отъ желанія совратить васъ, я прошу только о гостепрѣимствѣ, оказываемомъ иностранцамъ, которыхъ не натурализируютъ.

Вы можете меня спросить, почему я стучусь именно въ вашу дверь, и я вамъ откровенно объясню причину. У васъ чистый воздухъ, вы сражаетесь съ открытымъ забраломъ и, позвольте мнѣ вѣрить,

сумѣете оцѣнить съ симпатіей борца, принадлежащаго къ другому лагерю.

Буду ожидать вашего отвѣта, свидѣтельствуя вамъ свое почтеніе и симпатію.

Ал. Герценъ.

3592. Письмо къ Н. П. Огареву.

6 октября, (1869).
N-1 du Louvre, № 328.

Письма получены и пр. Вчера я былъ у Таксиль Делора ¹⁾ и, кажется, всего ближе и вѣрнѣе, что я почти цѣликомъ IV т. «Былого и думъ» напечатаю въ «Siècle». «Siècle» управляется совѣтомъ и поэтому имъ слѣдуетъ дѣло обсудить сообща. Я предпосылаю письмо, въ которомъ говорю, что съ ихъ направленіемъ *не согласенъ*. Они принимаютъ. Далѣе,—и это прямо касается тебя, насъ,—они не только безусловно принимаютъ нашу корреспонденцію объ Россіи, но просятъ объ ней. Напиши мнѣ какъ-нибудь (только по-французски) о крестьянскомъ дѣлѣ къ марту 70-го года, и что хочешь. Я изъ «Голоса» кое-что составлю.

Былъ у меня Выруб. Необыкновенно любезенъ и по-своему уменъ, но ненависть страшная и дѣтская ко всему русскому меня просто дивить. Онъ придетъ на-дняхъ съ Боборыкинымъ и какимъ-то Рагозинымъ ²⁾, котораго очень хвалить.

Если можно, пришли на-дняхъ, ех. гр., къ средѣ, какую-нибудь корреспонденцію. (Не замѣнить ли это «Колоколь»?).

Селестинскую воду пью. Изъ всѣхъ докторовъ, разумѣется, правѣе Шиффъ, говорившій, что диабетъ—случайный, и что при чирьяхъ всегда много сахара. Чирьевъ теперь годъ цѣлый нѣтъ и сахару ничтожное количество—0,99 на 1.000 гр.

3593. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

7 oct. 1869.
Hôtel du Louvre, № 328.

Chère Malvida,

Il y a beaucoup de vrai dans votre lettre, et notamment tout ce qui me regarde. Quant au général c'est matière discutable. La véritable activité de l'histoire n'est pas en Italie—elle est à Paris et à Londres -

¹⁾ Франц. журналистъ, членъ редакціи «Le Siècle».

²⁾ Евгеній Ивановичъ.

un peu à Bruxelles et en Suisse. C'est bon de Schwelgen en Italie—mais il faut vivre et agir ailleurs.

Laissons le passé—je pense que la vie au large et dans une grande cité sera très bonne pour Olga. La réclusion ne va pas pour son âge. L'éloignement de moi commence à peser. Maintenant si vous deviez une fois la quitter pour l'hiver, si une autre fois elle va avec vous, si nous allons tous—il n'y a rien de plus simple et rien de moins tragique. Je n'ai jamais eu la moindre intention de vous séparer d'Olga. Mais je ne compte pas du tout pour séparation si vous allez à Vichy ou à Munich et Olga restait à Paris.

Passons au positif—je répète que rien n'est encore organisé chez nous—vous devez dans tous les cas attendre une lettre définitive. Vous pouvez si on vous le conseille (ex. gr. Schiff) rester jusqu'au printemps. Une fois la maison montée, nous pouvons nous réunir. Je voudrais voir Tata, même dans le cas de délai de votre part.

Mais c'est mieux de nous réunir vers la fin du mois à Paris. Allez par mer—Marseille, Lyon. Votre chambre sera au soleil.—Seulement donnez le temps pour chercher. Si vous vous êtes décidée, télégraphiez immédiatement et écrivez une lettre.

Laissons tous les sentiments d'exclusivisme et donnons nous la main pour camionner tanto poco le reste.

J'ai vu Monod, il est bien, mais soyez sûre—il est et doctrinaire et conservateur ce qui était en herbe, —pousse. — Cela n'empêche pas qu'il soit comme j'ai dit très bien.

Переводъ.

7 окт. 1869.

Дорогая Мальвида!

Въ вашемъ письмѣ много правды, именно—все то, что касается меня. Ну, а объ общемъ можно еще поспорить. Истинная дѣятельность исторіи протекаетъ не въ Италіи, а въ Парижѣ и Лондонѣ, немного также въ Брюсселѣ и Швейцаріи. Въ Италіи хорошо сибаритствовать, но жить и дѣйствовать нужно въ другихъ мѣстахъ.

Оставимъ прошлое. Я думаю, что для Ольги было бы очень полезно окупиться въ жизнь, и при томъ, въ большомъ городѣ. Заключение не подходитъ для ея возраста, а удаленіе отъ меня начинается тяготить. Если иной разъ вамъ пришлось бы покинуть ее на зиму, если бы въ другой разъ она поѣхала съ вами, а иногда мы все вмѣстѣ, то, при такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего болѣе

простого и менѣе трагичнаго. У меня никогда не было ни малѣйшаго намѣренія разлучить васъ съ Ольгою, но я не считаю разлукою, если вы уѣзжаете въ Виши или въ Мюнхень, а Ольга остается въ Парижѣ.

Перейдемъ къ дѣламъ серьезнымъ. Повторяю, что у насъ еще ничего не организовано; ждите во всякомъ случаѣ болѣе опредѣленнаго письма. Вы можете, если вамъ посовѣтуютъ (скажемъ, Шиффъ) оставаться до весны. Разъ домъ будетъ устроенъ, мы всегда можемъ соединиться. Я хотѣлъ бы видѣть Тату, даже въ случаѣ отсрочки съ вашей стороны.

Но лучше было бы, если бы къ концу мѣсяца мы соединились въ Парижѣ. Поѣзжайте моремъ, на Марсель—Лионъ. Комната ваша будетъ на солнечной сторонѣ, только дайте время подыскать. Если вы рѣшились, немедленно телеграфируйте и пишите.

Оставимъ всѣ исключительныя чувства и подадимъ другъ другу руку, чтобы тянуть помаленьку остальное.

Видѣлъ Моно; онъ очень милъ, но будьте увѣрены, что онъ и доктеринеръ и консерваторъ: то, что предвидѣлось, теперь осуществляется. Это не мѣшаетъ ему быть очень симпатичнымъ, какъ я уже сказалъ.

3594. Письмо къ М. К. Рѣйхель.

9 октября 1869.

Hôtel du Louvre, № 328.

Любезная Марья Каспаровна,

Тата переслала мнѣ ваше письмо. Я едва могу вѣрить тому, что тамъ сказано о Егорѣ Ивановичѣ. Какъ же онъ разстратилъ свои дома, зачѣмъ ихъ закладывалъ? Это изъ рукъ вонъ. Что я могу тутъ сдѣлать? Послать тысячу, другую фр.?—Нельзя ли напомнить Тат. Петр. ¹⁾, чтобъ она отдала ему долгъ, взятый у меня въ Лондонѣ? Впрочемъ, мнѣ кажется все это преувеличеннымъ. Насчетъ того, что я бы могъ возвратиться, это вздоръ (сверхъ того, я и не собираюсь), но вѣроятно, Татѣ отдали бы имѣнiе или доходъ. Надобно рискнуть; я почти увѣренъ, что ее даже выпустили бы, но почти. Объ этомъ стоило бы разузнать.

¹⁾ Пассекъ.

Я думалъ, было, поселиться года на два здѣсь, но врядь возможно ли это: дороговизна убійственная, съ вашего времени все удвоилось.

Я звалъ, было, всѣхъ сюда, т. е. Тату и Ольгу, но задумался. Вообразите, что этажъ дома за *Люксембургскимъ* садомъ съ 5-ю большими спальнями, безъ мебели—6.500 фр.

Въ *chambres garnies* меньше 10 фр. въ день и думать нечего съ плохой ѣдой.—Пока я здѣсь съ Лизой и Н. Ал. Хотя я никогда съ вами объ этомъ не говорилъ, но я полагаю, вы знаете, что Лиза—моя дочь. Все это хранилось въ тайнѣ по общему соглашенію и въ виду русскихъ родныхъ. Ог. первый зналъ все, все было откровенно и чисто, и наши отношенія скорѣе тѣснѣе сблизились отъ общаго довѣрія, чѣмъ потряслись. Но мнѣ подъ конецъ стало тяжело, что вы и пять-шесть близкихъ людей или не знаете или думаете, что я не довѣряю, скрываю. Вотъ почему я и пишу объ этомъ. Лиза развивается необыкновенно талантливо, у ней рѣдко сильныя способности и, конечно, въ Парижѣ для всѣхъ рессурсовъ нашлось бы больше, но врядь хватить ли возможности.

Сегодня ѣдетъ D-г Боткинъ отсюда. А, вѣдь, Ад. Фогтъ сильно увеличилъ мою болѣзнь. Опять дѣлали разложеніе и опять сахару оказалось очень мало. Я его видѣлъ вскользь въ Амстердамѣ—онъ обѣщаль зайти и не зашелъ, и не зашелъ. Можетъ, онъ былъ недоволенъ, что я бросилъ Швейцарію за гнусные поступки съ Оболенской, за подкупленныхъ адвокатовъ и жандармовъ. Я въ Парижѣ это дѣло поднималъ, но наши революціонные утяты и бараны ничего не умѣють дѣлать и пропустили все сквозъ руки.

Обнимите Рейхеля и дѣтей.

Не хотите ли съѣздить съ Татой къ Егору Иванов? Привезите его сюда, только въ другой городъ, а то мы черезъ пять дней надоѣдимъ другъ другу.

Прощайте. Черкните строку. Адр.: Paris, Hôtel du Louvre, ch. № 328. Все же, до 1 ноября останусь здѣсь.

А каковъ Вакуинне? Отличается на всѣхъ соборахъ.

3595. Письмо къ Н. П. Огареву.

12 октября (1869). Вторникъ.

Не знаю, гдѣ Шурцъ, но навѣрное не въ New-York'ѣ. Каппъ тамъ, и я ему напишу. Но, милѣйшіе юноши, если вы думаете, что это легко, потому что Б. *хотѣлъ* натурализоваться въ Бостонѣ, то вы ошибаетесь,

даже если бы онъ хотѣлъ натур. въ «вистъ»¹⁾). Желаніе правъ не даетъ по старому міроустройству. Далѣе, паспорта не нужно мѣнять. У меня паспортъ 63-го года, régime 6 лѣтъ. Затѣмъ, завтра напишу Каппу и отвѣтъ попросу отправить въ Женеву, по адресу Тхорж.

Вчера я обѣдалъ у романиста и историка Кларти. Онъ очень милый и дѣльный человѣкъ. У него былъ Степанъ Араго и безъ умолку говорилъ... Саперлоты!²⁾—съ 1848 году ни шагу впередъ, ни тѣни пониманія новыхъ стремленій, даже старые ранкюны³⁾ остались. Я попробовалъ поспорить, но, видя ненужность, оставилъ. Самое поразительное дѣло здѣсь—это совершенное отсутствіе единства. Ну, что же можетъ выйти? Сумбуру бездна. Разумѣется, главное теченіе пробьется, но какъ—*chi lo sa?*⁴⁾

А до вашего свирѣпенства еще, какъ до луны. И оттого объявленія объ уничтоженіи права собственности и устраненія политическихъ вопросовъ—такая же нелѣпость съ другой стороны, какъ попытки возстановить сорокъ восьмой сюпризъ. Выруб.—самый счастливый человѣкъ послѣ Голынскаго: всѣмъ доволенъ, все объясняетъ, все понимаетъ, ни въ чемъ не сомнѣвается, ни о чемъ не печалится.

Мрочковскій былъ. Разсказъ его смутенъ. Уѣхалъ, пріѣдетъ, уѣдетъ. Я отказываюсь отъ дальнѣйшаго участія, но брошюру ихъ разошлю, если дадутъ экз. 20⁵⁾.

Въ четвергъ иду знакомиться съ Littré⁶⁾.

М-те В. не видалъ еще (сначала я и догадаться не могъ, что за генеральша; эта метода ребусовъ не забавна). Не давай просто адреса моего,—застанутъ врасплохъ, одѣться негдѣ, дверь прямо изъ коридора,—а говори, чтобъ присылали сперва: дамы за мной, а кавалеры узнать, когда я дома.

¿ Читаешь ли о «грѣвахъ» здѣсь и о бойнѣ?

Прощай.

Отчего же Бакунинъ вдругъ идетъ на покой? Что Туць шалить,—не бѣда. Присматривай за репрессивными мѣрами: онѣ всегда дѣлаютъ вредъ.

¹⁾ Шутка въ связи съ карточными играми того времени.

²⁾ Чортъ возьми!

³⁾ Rapscall—злопамятство.

⁴⁾ Кто (это) знаетъ?

⁵⁾ Рѣчь идетъ о брошюрѣ «Протестъ противъ русскаго правительства кн. Э. С. Оболенской», Женева, 1870 г.

⁶⁾ У Вырубова.

3596. Письмо къ К.-А. I. Роману. ¹

(Октябрь 1869).

Я полагаю, что Тхорж. продаетъ не безусловно въ вашу собственность бумаги, а съ опредѣленнымъ условіемъ *всѣ ихъ издать* и въ особенности издать все, относящееся къ двумъ послѣднимъ царствованіямъ. Вы, вѣроятно, ему дадите удостовѣреніе въ томъ, что начнете печатать черезъ два мѣсяца послѣ покупки, и въ обезпеченіе положите условленную сумму въ какой-нибудь банкъ безъ права ее брать до окончанія печати. Если изъ бумагъ, относящихся къ прошлому столѣтію, что-нибудь окажется негоднымъ для печати или мало интереснымъ, то вы можете не печатать ихъ, по взаимному соглашенію съ Тхорж.

Всѣ бумаги и письма, относящіяся къ семейнымъ дѣламъ Долг.; исключаются.

З § принять можно, но деньги не послѣ принятія, а тотчасъ.

◆◆ 1. Карль-Арвидъ Иоганновичъ Романъ—одинъ изъ выдающихся агентовъ русскаго правительства. Къ Огареву, Герцену и Бакунину онъ подошелъ въ качествѣ издателя «Николая Васильевича Постникова». Интересующихся этой личностью и дѣловой его связью съ Герценомъ отсылаю къ брошюрѣ Р. Кантора «Въ погонѣ за Нечаевымъ», Петр., 1922.

3597. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 октября 1869. Воскресенье.

Министръ Толстой сказалъ одному изъ своихъ пріятелей: «еще шесть лѣтъ латыни—и вы увидите, какъ угомонится наша молодежь». Что хорошо, то хорошо. А это ты знаешь, что никто изъ профессоровъ по выбору не пошелъ въ члены катковскаго лица, такъ что упали въ Любимова, который никогда о Катковѣ не говоритъ иначе, какъ «они» и «ихъ превосходительство»? Общая сумма слуховъ изъ Россіи очень разношерстна. Столичное образованное общество, говорятъ, падаетъ видимо тономъ, взглядомъ. Фрикенъ, пишетъ Саша, съ ужасомъ рассказываетъ о голодѣ и о томъ, что богатые крестьяне, пользуясь имъ, скупаютъ землю бѣдняковъ. Въ высшихъ слояхъ не заботится никто о 1870 и переселеніяхъ. Женщинъ хвалятъ—занимаются и

рвутся на волю. Б—нь—уже въ Петербургѣ, семья его ѣдетъ въ Римъ, жена больна грудью.

Ну что Тхорж. съ бумагами? этотъ Постниковъ меня мучиль, какъ кошмаръ. Бралъ бы Т. деньги, благо даютъ и—баста.

18. Понедѣльникъ.

Вопросъ о Парижѣ или о не Парижѣ становится премучительнымъ.

Трудно повѣрить дороговизнѣ всего...да, вѣдь, всего—отъ дома и шляпы до мяса и башмаковъ. Начинается холодъ...Между тѣмъ, не могу добиться *kategorisch* отъ Мейз., что она больше хочетъ: остаться ли еще зиму во Флоренціи или нѣтъ.

Насчетъ Н. и Америки одно затрудненіе: здѣсь нѣтъ ни одного русскаго, который бы зналъ о существованіи Н. гдѣ-бъ то ни было. Вчера вечеромъ были всѣ здѣшніе знакомые.

Отъ Тхор. получилъ письмо. Вы разучились по-русски. Ну гдѣ я писалъ, чтобъ онъ положилъ деньги *закупью* въ банкъ? И къ чему? Я писалъ: «и положить условленную сумму» *за неустойку*, если не будутъ печатать. Ясно, что это не та сумма, а иная.

Сейчасъ ушелъ, просидѣвши часа три, путешественникъ Дилке¹⁾ изъ Сибири и Петербурга (тотъ самый, который хотѣлъ меня видѣть въ маѣ)—очень интересенъ и уменъ, онъ ѣдетъ 2 ноября въ Петербургъ.

3598. Письмо къ Н. П. Огареву.

21 октября 1869. Четвергъ.

Сейчасъ получилъ вѣсть отъ Тхоржевскаго, что онъ бумаги Дол. продалъ,—очень радъ за него,—и въ то же время твою записку и Бак. Онъ съ ней опоздалъ, да она мнѣ что-то не нравится (зачѣмъ-то толкъ о расахъ, жидахъ...). Впрочемъ, если Рей снесетъ и напечатаютъ—пусть себѣ. Дѣло въ томъ, что, написавши *холодно и сдержанно* письмо, я отправился вчера въ Ревель²⁾ съ Бакунин. статьей «Къ юношамъ». Делеклюза, какъ всѣхъ редакт., *не было дома*; я сталъ объяснять какому-то NN дѣло, какъ вдругъ отворилась дверь, и вылетѣлъ изъ алтаря Делеклюзъ съ видомъ П. И. Озерова сенатора и Осипа Иван. диктатора—желчевой, худой; онъ, не говоря худого слова, пошелъ

¹⁾ Charles-Wentworth Dilke, англ. публицистъ, умеръ въ СПБ. въ 1870 г.

²⁾ Въ которомъ Зонненбергъ не родился. А. И. Г. ³⁾

³⁾ «Le Réveil», журналъ.

костить Бакун. Я, не говоря ни одного хорошаго, замѣтилъ, что дѣло совсѣмъ не въ его мнѣнїи, а въ томъ, что въ статьѣ Гесса имсинуація. (Хотя, право, изъ-за этой статьи не стоило ершиться).

«Я,—говорить сенаторъ Озер.,—не намѣренъ печатать элюкубрацію Бакун., онъ дѣлаетъ страшный вредъ; какой онъ представитель французскихъ работниковъ? Мы будемъ до конца силъ бороться съ этими теорїями. Пусть у васъ онъ хороши, но Европѣ не идутъ. Вы, т.е. русскіе, умѣете какъ-то согласовать коммунизмъ съ царскимъ самодержавіемъ etc».

—Гдѣ же вы это видѣли?—Разумѣется, онъ ничего не видѣлъ, кромѣ Ледрю. Стали приходиться разныя «надежды» Франціи и, наконецъ, какой-то цырульникъ, обритый и тощій, который бросился ко мнѣ, Камиль Боне...Dio Santo...тѣ же фразы, тѣ же ужимки. А la fin des fins¹⁾), Делеклюзъ сказалъ, что онъ никогда не думалъ лично оскорблять Бакун., что если «онъ», т. е. Бакун., такъ думаетъ, то *напечатаетъ мое письмо*; я —въ карманъ и отдаю ему «Liberté». Глядь, это не тотъ №... У меня внутри сдѣлались судороги бѣшенства; но, не желая передъ непрїателемъ показать слабость памяти и характера, я гордо скрылъ и пошелъ домой за другой «Liberté».

Да и въ самомъ дѣлѣ, я хочу не ихъ свободы.

Здѣсь хаосъ, и мы бродимъ на вулканѣ; жалѣю, что всѣхъ впечатлѣній не передать—эта страница парижской жизни стѣбитъ томовъ. Положеніе гораздо больше натянуто, чѣмъ издали кажется. Лѣвая сторона окончательно въ параличѣ и не встанетъ, но и побившіе ее другъ друга ненавидятъ до...до героизма, т.е. до сумасшедшей отваги—и тутъ опять эти люди становятся хороши до поэзіи, и въ этомъ пеклѣ, въ той электрической атмосферѣ, близкой къ грозѣ, глазъ прїятно останавливается на не тающей, свѣтлой, ледяной фигурѣ Вырубова, который обо всемъ разсудилъ, привелъ въ порядокъ, радуется прогрессу, не печалится регрессу.

Я очень благодаренъ Бакун., что онъ мнѣ далъ случай видѣть еще львиную пещеру. Если эти лѣвшаи одержатъ верхъ когда-нибудь, то я на другой день уѣду изъ Парижа на недѣлю, потому что черезъ недѣлю отъ нихъ останутся только косточки и, развѣ, Боне. О немъ еще при свиданьи.

Умоляю читать внимательно газеты.

¹⁾ Въ концѣ концовъ.

Путешественникомъ Дилке я безконечно доволенъ. Свѣтлый, прямой, образованный англичанинъ. Онъ нарочно останавливался здѣсь и въ томъ же отелѣ, на день, чтобъ со мной познакомиться. Онъ изучаетъ Россію серьезно, ѣдетъ 2-го ноября въ Петербургъ и общается черезъ 10 мѣсяцевъ говорить по-русски. Онъ былъ въ Сибири и у донскихъ казаковъ, въ Таганрогѣ и на сѣверѣ. Наблюдатель, ученый и *sim grano salis* ¹⁾. Я увѣренъ, что его книга о Россіи будетъ хороша.

— «Образованное общество вмѣстѣ съ правительствомъ вашимъ ужасно мнѣ напоминаетъ,—говорилъ онъ,—Остъ-Индскую компанію съ англійскимъ обществомъ въ Индіи. Только у насъ меньше воруютъ»; и еще: «Польша—ваше проклятіе, съ ней на ногахъ у васъ не можетъ быть прогресса, она—стѣна между Россіей и Европою». О 1870 годѣ онъ говоритъ, что правительству не заботится, оно полицейски такъ затруднить переходъ, что ни одинъ крестьянинъ не двинется.

Онъ въ Tobolskѣ получилъ мое письмо, посланное изъ Брюсселя въ Лондонъ. Это курьезно.

Вотъ тебѣ безъ обѣщаній длинное письмо. Прочти Бакун. 25 фр. ему отдай, я Оз. не видалъ. Тж. отдасть тебѣ 500...но, все же, не мѣшаетъ справиться у Перрона.

Прощай.

Не могу добиться отъ Мейз., ѣдетъ она или нѣтъ; это скучно и мѣшаетъ искать фатеру. Что же ты не отвѣчалъ о паспортахъ? Я жду, чтобы писать Каппу.

3599. A Monsieur le rédacteur en chef du journal «Le Réveil».

Monsieur le rédacteur,

Vous avez inséré dans un des numéros, de votre estimable feuille un article de M. Hess qui fait supposer une étrange connivence entre les doctrines de Bakounine et les vues du gouvernement de Pétersbourg. Ce n'est pas pour la première fois que les Allemands attaquent par cette arme notre ami et nous tous.

Je ne perdrai pas un mot pour défendre notre ami contre ces insinuations clair-obscur. Mais je vous offre l'occasion de faire mieux connaître Bakounine à vos lecteurs. Je vous envoie une épître qu'il a adres-

¹⁾ Остроумный.

séc, il y a quelques mois, à la jeunesse russe. Je suis sûr que les convictions énergiques de Bakounine ne seront pas partagées par tout le monde, mais beaucoup plus sûr que ces convictions ne sont pas celles du gouvernement de Pétersbourg.

Recevez, Monsieur le rédacteur, mes salutations empressées.

Alex. Herzen,
Rédacteur du «Kolokol».

Paris, 19 octobre 1869 (Hôtel du Louvre).

Переводъ.

Господину главному редактору газеты «Le Réveil».

Господинъ Редакторъ,

Въ одномъ изъ нумеровъ вашей уважаемой газеты была напечатана статья г. Гесса, которая заставляетъ предполагать странное совпаденіе между ученіемъ Бакунина и взглядами петербургскаго правительства; это не первый разъ, что нѣмцы нападаютъ на нашего друга и на всѣхъ насъ, пользуясь подобнаго рода оружіемъ.

Я не потерялъ бы ни минуты для защиты нашего друга противъ этихъ явно нечистыхъ инсинуаций, но я хочу дать вамъ случай ближе познакомиться вашихъ читателей съ Бакунинимъ. Посылаю вамъ письмо, которое онъ написалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ русской молодежи. Я увѣренъ, что не весь міръ раздѣлитъ убѣжденія Бакунина, но еще болѣе того увѣренъ, что ихъ не раздѣляетъ петербургское правительство.

Примите, господинъ редакторъ, мои самыя искреннія привѣтствія.

Алекс. Герценъ,
Редакторъ «Колокола».

Парижъ, 19 октября 1869, Hôtel du Louvre. ¹

◆◆ 1. Однако, было необходимо, чтобы до обнародованія брошюры появился предварительный отвѣтъ Бакунина на страницахъ «Réveil». Бакунинъ въ тотъ же день отправилъ Рею письмо, предназначенное для газеты, въ которомъ имѣются слѣдующія строки, относящіяся къ Герцену:

«...Эти послѣдніе (нѣмецкіе евреи), не только одинъ Морицъ Гессъ, вотъ уже десять лѣтъ, сдѣлали изъ оклеветанія моего друга и сооте-

чественника Александра Герцена и меня какъ бы ежедневное занятіе, своего рода ремесло).

19-го октября Рей былъ у Герцена; послѣдній рѣшилъ лично посѣтить Делеклюза, чтобы непосредственнымъ участіемъ привести дѣло къ желанному концу. Считаю, что письмо Бакунина редактировано въ выраженіяхъ, которыя, вѣроятно, послужили бы препятствіемъ къ его появленію въ «Réveil», онъ тутъ же, на мѣстѣ, написалъ письмо за своей собственной подписью и на слѣдующій день отвезъ его въ редакцію. Оно, появилось въ «Réveil» 22 октября.

3600. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 октября (1869), четверг.

Письма были бы еще интереснѣе, если бь между ними не сидѣлъ Шпекинъ ¹⁾). Климатеричный день сошелъ съ рукъ отлично и показалъ, что движеніе глубже и оттого вовсе не такъ быстро выступаетъ на кожу. Реешь я очень доволенъ, онъ прекрасный и умный человѣкъ. Я буду тебѣ посылать *dann und wann* ²⁾) газеты, ты ихъ нихъ узнаешь многое и, главное, тебя удивитъ *sans façon*...Смотрю и присматриваюсь къ зрѣлищу очень интересному.

Теперь о частныхъ дѣлахъ. Кажется, Мейзен. рѣшилась, наконецъ, двинуться. Я нашелъ провизуарно квартиру въ небольшомъ, но чистомъ отелѣ, въ *Champs, Elysées, Avenue d'Antin, 33*. По-здѣшнему недорого. Затѣмъ у меня въ виду очень хорошая немеблированная квартира, противъ самага Люксембургскаго сада. Я думаю, что, повертѣвшись во всемъ мірѣ, все же, надобно разбить гдѣ-нибудь свой инвалидный домъ и въ немъ помѣстить большихъ и дѣтей. Если я рискну взять домъ *изъ три года*, я предложу тебѣ черезъ годъ переѣхать сюда. Пока, думаю, лучше остаться въ Женевѣ. До тѣхъ поръ ты, вѣроятно, рѣшишься Туца отдать въ пансіонъ, а Генри будетъ въ самомъ дѣлѣ работникомъ...Квартиру съ двумя спальнями, салончикомъ и кухней возлѣ Люкс. сада я найду. Главное, надобно суворовскую храбрость, чтобъ подписать на три года контрактъ...Саша пишетъ, что Тата въ очень нервномъ состояніи...

Насчетъ костромскаго имѣнія замѣть одно, что публикаціи были въ 1863 г., и у насъ не было ни одного знакомаго, не говорю—друга, который бы извѣстилъ; по несчастію, это—черта русская.

¹⁾ Т.-е. почтовый полицейскій цензоръ.

²⁾ Кое-когда.

Перешли остальное Бакунину, прочитавши.

Прощай.

У тебя очень часто обмороки. Это заставляетъ меня осведомиться о количествѣ алкоголя....

3601. Письмо къ М. А. Бакунину.

Бакунину.

28 октября (1869).

Письмо, которымъ изволили почтить, получилъ. Отвѣтъ пишу сейчасъ. Политика твоя мнѣ не нравится. Въ Маккиавелли ты не годишься съ твоими *divide* ¹⁾. Я никакъ не могу согласиться на то, чтобъ, по примѣру русской цензуры, дозволять ругань титул. совѣтн. и не бранить генераловъ. Маркса просто ты не хочешь зацѣпить, чтобъ не попортить свое отношеніе. Хорошо, ну, такъ оставь же и Гесса, и к—нію. Это—совѣтъ и мнѣніе. Далѣе, что ты такъ кипятишься? Статья Гесса никѣмъ не была замѣчена и безслѣдно ухнула. Письмо мое (надѣюсь, ты получилъ) къ Делеклюзу покончило вопросъ. Рей (который мнѣ очень нравится) снесъ твою статью къ молодежи въ «Реформу» (она не то, что умна, но благородна, смѣла); тамъ обѣщали ее помѣстить завтра или послѣзавтра. Нумеръ «Progrès», гдѣ о тебѣ, я отдалъ, на чемъ и все кончилось. Ходить къ Дантю можно только въ очистку совѣсти. Совѣтъ мой таковъ. Рукопись (она теперь у Рея) со всѣми приложениями я тебѣ пришло; переправь въ прохолодъ первую часть, выдумай всему громкое заглавіе, не обижая Маккавея и Ротшильда, и потомъ передай Чернецкому; печатай не все вдругъ, а ливрезонами...это легче для расхода и платы. Когда будетъ все на мази, я помѣщу въ десяти журналахъ аппопсы.

Доволенъ, что ли?

Пожалуй, оставь жидовскую улицу, какъ она есть, но совѣтъ мой, все же, обдумай.

Здѣсь много хорошаго и серьезнаго. Но что за жалкіе мандарины и брамины, что за жалкіе журналы! Я думаю просто остаться пока здѣсь.

Вырубовъ меня не тѣшитъ, а бѣситъ. Чистый и добрый человѣкъ, онъ доктринерствомъ съѣлъ свое сердце и къ окружающему относится, какъ адвокатъ или прокуроръ. Минутами онъ мнѣ ненавистенъ.

Прощай. ¹

¹⁾ Раздѣляя.

◆◆ 1. Вскорѣ Бакунинъ отвѣчалъ Герцену: «Насчетъ Маркса вотъ мой отвѣтъ: Я знаю такъ же хорошо, какъ и ты, что Марксъ точно такъ же виноватъ противъ насъ, какъ и всѣ другіе, и даже, что онъ былъ зачинщикомъ и подстрекателемъ всѣхъ гадостей, взводимыхъ на насъ. Почему же я его пощадилъ и даже похвалилъ, назвалъ великаномъ? По двумъ причинамъ, Герценъ. *Первая причина—справедливость.* Оставивъ въ сторонѣ всѣ его гадости противъ насъ, нельзя не признать, я, по крайней мѣрѣ, не могу не признать за нимъ огромныхъ заслугъ по дѣлу социализма, которому онъ служилъ умно, энергически и вѣрно вотъ уже скоро 25 лѣтъ, съ моего ? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ Интернац. общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

«*Вторая же причина—политика и, по-моему, совершенно вѣрная тактика.* Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизованномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и, въ самомъ дѣлѣ, я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго расчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, *безпардонною* откровенностью...

«Я пощадилъ и превознесъ его также изъ *тактики*, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: *Divide et impera.* Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти интернац. міра обратились бы противъ меня, и я былъ бы въ накладѣ, потерялъ бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начавъ же войну нападеніемъ на его сволочь, я буду имѣть за себя большинство, да и самъ Марксъ, въ которомъ, какъ тебѣ извѣстно, злостной радости, *Schadenfreude* тьма тмущая, будетъ очень доволенъ, что я задѣлъ и отдѣлалъ его друзей. Ну, а когда я ошибусь въ расчетѣ, и онъ за нихъ вступится, то, вѣдь, онъ первый начнетъ открытую войну, ну, тогда и я покачусь назадъ et j'aurai le beau rôle. Зачѣмъ я напалъ такъ жестоко на Гесса? А потому, что онъ написалъ противъ меня злостно подлую статью, а главное, потому, что онъ сдѣлалъ первую попытку перенести пакостныя клеветы противъ насъ во французскую журналистику.

«Ну, теперь поговоримъ о моемъ писаніи, брошюрѣ-книгѣ. Батюшка Александръ Ивановичъ, будьте крестнымъ отцомъ этого безобразнаго

сочиненія, его умывателемъ и устройтелемъ. Издать его сдѣлалось для меня, по всему настоящему положенію, просто необходимостью.

«Но я не художникъ, и литературная архитектура мнѣ совсѣмъ не далась, такъ что я одинъ, пожалуй, съ задуманнымъ зданіемъ не справлюсь или выйдетъ такъ, какъ разсказываютъ про кого-то, что онъ построилъ сначала домъ, а потомъ сталъ выбивать въ немъ двери и окна» («Письма», 233—236).

3602. Письмо къ сыну.

28 октября (1869).

N-1 du Louvre.

Любезный Саша,

Сейчасъ иду телеграфировать, какъ обѣщаль, Мальвидѣ, чтобъ онѣ ѣхали сюда не откладывая; все будетъ готово для нихъ. Я переѣду въ небольшой отельчикъ, очень уютный и теплый, на Ch. Elysées, Avenue d'Antin, 33; тамъ будетъ всѣмъ мѣсто. Имѣю въ виду квартиру не меблированную и, можетъ, возьму ее на три года.

Ѣхать я совѣтую на Геную и Марсель (разумѣется, выждавъ хорошій день). Въ Ліонѣ слѣдуетъ переночевать. Изъ Марсели или Ліона непременно телеграфировать. Пока до слѣдующаго письма адресовать N-1 du Louvre.

Неужели ты не понялъ, почему я не хотѣлъ рѣшать вопросъ прежде 26?

Я очень радъ, что ты, наконецъ, сказалъ свое слово о семейномъ дѣлѣ. Твои письма были такъ наскоро писаны, что никакого мнѣнія о нашихъ дѣлахъ ты не говорилъ.

Теперь одно слово еще. Я съ самага начала писалъ, чтобъ *Тата* сейчасъ ѣхала; я ей совѣтоваль ѣхать съ *Тесе*, ѣхать одной, ѣхать, какъ хочется, но ѣхать безусловно. Не ей, а Мейз. я предоставлялъ право ждать весны, потому что ей этого хотѣлось, а мнѣ было все равно. Вотъ почему я и хотѣлъ знать отъ нея. Разница въ квартирѣ съ 4 спальнями и въ квар. съ 6 спальнями колоссальна. Квартиры всего дороже здѣсь.

Лучше, если онѣ поѣдутъ скоро, не дожидая холодовъ. Но я просто требую (хотя въ послѣднее время на мои требованія телеграфировать и не было обращено никакого вниманія)...требую отъ тебя, чтобъ они ѣхали моремъ въ Messageries Impériales (напиши, кстати, о деньгахъ, сколько у нихъ осталось отъ послѣдней посылки). Ты можешь телеграфировать о выѣздѣ, а я, если нужно, — о квартирѣ.

Сегодня писать ни о чемъ не хочу.

Была ли у васъ Боткина и привезла ли Волдырю бибронъ ¹⁾?

Цѣлую Терезу.

Прощай.

Если въ Парижѣ останемся, фортепьяно надобно прислать. Какъ случилось, что Мейз. и Ольга ѣдутъ въ скверной trattoria ²⁾? Неужели вы не могли сдѣлать общій обѣдъ у тебя? И какъ ты это допустилъ съ гигиенической стороны?

Р. С. Костромское имѣніе взято въ казну, стало, и хлопотать больше не о чемъ...

3603. Письмо къ Н. А. Огаревой. ¹

2 ноября (1869).

Флоренція. Casa Fumì.

Наскоро первое впечатлѣніе. Бѣдная, бѣдная Тата,—меня она узнала и обрадовалась очень, но въ ея разговорѣ ничего нѣтъ связнаго. Она меня спросила о Долгорукомъ и о Стеллѣ. Все дѣло въ ужасѣ, который на нее нагнали. Положеніе ея до сихъ поръ печально. Шиффъ надѣется и будетъ лѣчить гальванизмомъ.

Далѣе слѣдующій разъ.

Виновать ужасно Левье, а *Пенизи*—подлецъ невѣроятный.

◆◆ 1. Огарева рассказываетъ, въ какомъ настроеніи поѣхалъ Герценъ къ дочери, Наталіи А., узнавъ изъ телеграммы сына, у котораго она жила, о ея внезапномъ психическомъ заболѣваніи. «Онъ сидѣлъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, блѣдный и не думалъ собираться: очевидно, нельзя было отпустить его одного, да и самъ онъ сказалъ: «Лучше поѣдемъ всѣ вмѣстѣ».

«Я живо уложила самые необходимыя вещи, и мы, расплатившись въ отелѣ и не успѣвъ проститься ни съ кѣмъ въ Парижѣ, поѣхали на удачу на дебаркадеръ южныхъ дорогъ,—тамъ поѣзда ходятъ часто. Намъ пришлось не ждать, а спѣшить; Герценъ взялъ билеты, я сдала чемоданы, а моя дочь, тогда десяти лѣтъ, взяла въ буфетѣ съѣстные припасы на дорогу и сумѣла сама расплатиться. Мы ѣхали безостановочно. Это было очень тяжело для насъ всѣхъ, но въ особенности для ребенка... Герценъ ѣхалъ почти всю дорогу молча; внутренняя тревога, нетерпѣніе видѣлись на его измученномъ лицѣ. Наконецъ,

¹⁾ Виброн—рожекъ, соска.

²⁾ Ресторанъ.

мы добрались до Генуи; оттуда Герценъ продолжалъ путь уже одинъ, а мнѣ велѣлъ подождать въ Генуѣ вѣсти отъ него: если больная въ состояніи ѣхать, то Герценъ привезетъ ее сюда и вмѣстѣ вернемся въ Парижъ, если же докторъ предпишетъ ей пробыть еще нѣкоторое время во Флоренціи, то Герценъ намъ дастъ знать, и мы отправимся тоже во Флоренцію. Черезъ день, по предъявленіи карточки, намъ въ почтамтѣ подали письмо и телеграмму. Въ телеграммѣ было только сказано—ждать письма, а въ письмѣ говорилось, чтобъ мы ѣхали немедленно во Флоренцію. Такъ мы и сдѣлали... Потомъ мы пошли къ больной; она намъ очень обрадовалась, однако, Герценъ нашель, что для больной и для насъ всѣхъ удобнѣе жить теперь въ городѣ, и потому на другой день мы переѣхали съ больной въ Hôtel de France, гдѣ Герценъ взялъ уже нѣсколько комнатъ въ ожиданіи насъ» («Воспоминанія», 267—268). Здѣсь есть неточности въ мелочахъ, но въ общемъ рассказъ вѣренъ.

3604. Письмо къ Н. А. Огаревой.

2 ноября (1869).

Флоренція. Casa Fumi fuori di P. Romana.

Часъ,—ничего еще не могу ясно сказать. Положеніе Таты тише, но страшно. Меня она узнала и рада была безконечно, но спросила только о Долгорукомъ и Стеллѣ. Она Пен. не любитъ, но онъ ее застрашалъ до того, что она вездѣ боится убійцъ и его самого. Связи въ разговорѣ никакой.

Ее лѣчить Шиффъ, съ которымъ я говорилъ сейчасъ. Онъ думаетъ, что дней десять ей надобно прожить во Флоренціи для гальваническаго лѣченія, которое онъ еще не начиналъ. Онъ надѣется.

Я до того сломанъ и усталъ, что ничего сегодня не скажу больше, кромѣ того, что Саша и Мальвида ни въ чемъ не виноваты. Зато Левье—ужасный скотъ или злодѣй, да и Пенизи—презрительная бестія. Шиффъ совѣтуетъ, чтобъ за ней былъ особый уходъ, и Саша предлагаетъ взять *M-me Raymond*. Я согласенъ. Завтра больше. Ночь я не спалъ, и нервы разстроились до слезъ и рыданья.

Прощай, жди второго письма.

Лизу обнимаю и благодарю за умъ и доброе сердце и волю, съ которой она вынесла дорогу.

Пишите на адресъ Саши: я взялъ квар. въ отелѣ.

Завтра только напишу о дальнѣйшемъ.

3605. Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де Турнемиръ.

3 ноября (1869).
Firenze. N-1 New-York.

Почтеннѣйшая Елизавета Александровна ¹⁾, вчера получилъ я ваше письмо здѣсь, во Флоренціи, и въ немъ письмо къ кн. Оболю. Меня вдругъ вызвали изъ Парижа: старшая дочь моя очень больна. Я бросилъ все и поскакалъ сюда. Иначе я былъ бы у васъ (воображая, впрочемъ, что вы въ Версали).

Я совершенно переконфуженъ болѣзнию Таты. Простите меня, что, не читая вашего письма, я машинально распечаталъ письмо кн. Об. Честное слово, что даже не развертывалъ его.

Прощайте. Жизнь посылаетъ безпрестанно горькія испытанія.

Преданный вамъ

А. Герценъ;

3606. Письмо къ Н. А. Огаревой.

3 ноября (1869).
N-1 New-York.

Наконецъ, я настолько сладилъ съ собой, что могу обдуманно писать. Положеніе Таты ужасно. Она теперь тиха, но постоянно подъ вліяніемъ ужаса и страха; она ничего не понимаетъ. Слушается меня и madame Raymond—последнюю, какъ гонимый звѣрекъ. Она меня спрашивала два-три раза, правда ли, что Леля-бой и Леля-герль живы въ Ниццѣ, что ихъ спасла изъ моря M-me George и что правда ли, что M-me George—Луиза Ивановна... Разъ она хотѣла броситься съ терассы, и Саша ее удержалъ силой. Наконецъ, сверхъ мнѣнія Шиффа; она доказала ясно, что объ отъѣздѣ теперь и думать нечего. Я повезъ ее кататься въ каретѣ съ Ольгой и Мейз. за городомъ; сначала все шло хорошо, но вдругъ она спросила, куда она ѣдетъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ хотѣла схватить кучера за полупальто, чтобъ остановить; я и Мейз. держали, улыбаясь и шутя, ея руку. Все это вмѣстѣ до того мучительно, что я только при ней могу удерживать слезы.

Ко мнѣ она страстно привязана и просто говоритъ при всѣхъ: «Выгони ихъ вонъ, я буду съ тобой». Въ каретѣ она вдругъ говоритъ

¹⁾ Описка—Васильевна.

Ольгѣ и Мейз.: «вамъ пора выйти или я съ шапой выйду. Я ему буду служить зонтикомъ отъ солнца».

Сашу я совершенно напрасно винилъ. Онъ тотчасъ отстранилъ Левье. Шиффъ лѣчитъ ее серьезно и имѣетъ на нее вліяніе. Онъ говоритъ, что съ самаго пріѣзда изъ Ниццы онъ въ ней замѣтилъ болѣзненную разсѣянность. Онъ ждетъ извѣстныхъ критическихъ дней, чтобъ посмотрѣть, что будетъ, и тогда хочетъ начать лѣченіе гальваническими струями. Везти теперь онъ рѣшительно не позволяетъ и говоритъ, что на дорогѣ ее можно испугать до бѣшенства. Теперь онъ не совѣтуетъ разсѣянье, а совершенную тишину. Если пойдетъ лучше, онъ совѣтуетъ ѣхать вонъ изъ Флоренціи, но только въ такой городъ, гдѣ былъ бы одинъ изъ извѣстныхъ психіатровъ. Поэтому въ Италіи онъ избираетъ Миланъ. Строгой медицинскій надзоръ долженъ продолжаться долго, мѣсяцы.

Мейзен. только теперь оправилась. Саша говоритъ, что первые дни она до того была поражена, что сама походила на сумасшедшую, поэтому отъ нея нѣтъ серьезной помощи для больной. Далѣе Шиффъ именно сказалъ, что *теперь* слишкомъ тѣсная жизнь Таты съ Ольгой и Лизой можетъ обѣимъ потрясти нервы значительно; что видѣть ее можно и должно, но что проводить дни не слѣдуетъ. Вообще, онъ той мысли, что ее лучше изолировать съ Раймонъ... Къ тому же она охотно остается въ своей комнатѣ. Шиффъ велѣлъ ее класть спать въ 6 часовъ вечера, и она вчера, какъ дитя, дала себя раздѣть, легла и горько заплакала. Видъ у нея совершенно кроткій, особенно, когда она смотритъ на меня. Въ постели она взяла мою руку, прижала къ губамъ и такъ продержала четверть часа,—потомъ шопотомъ повторяла: «увези меня... здѣсь тебя убьютъ и Сашу...»

Пенизи оказался просто негодяемъ, распустилъ о Татѣ клеветы и довель это до нея. Тата сказала съ грустью: «Вотъ и я нашла своего Герв. ¹⁾».

Еще подробнѣе: когда она начала заговариваться и постоянно боялась убійць, передъ ихъ окнами какой-то человѣкъ пырнулъ ножомъ дѣвушку; она упала въ крови, и ее замертво унесла полиція. Тата пошла потомъ къ Шиффу съ Сашей. Саша остановился съ кѣмъ-то... Она взошла одна и, когда Саша взошелъ, онъ ее нашель на диванѣ. Шиффъ примачивалъ холодную воду, и съ этой дурноты умъ не просыпался. Ей показалось, что подкупленные Пенизи люди Сашу зарѣзали. Ночью она десять разъ встаетъ и прислушивается.

¹⁾ Гервегъ.

М-me Raymond приказывает ложиться въ ту же минуту, и она ложится.

Вотъ пока все.

Ясно, что тебѣ слѣдуетъ прїѣхать сюда. Учивость и порядокъ на дорогѣ удивительные. Карета мѣняется одинъ разъ въ Alessandri'a (Cambia di vettura), вагоны большіе; всего лучше ѣхать изъ Генуи вечеромъ въ 6,20; вы прїѣдете ровно въ 8 (есть небольшая перемѣна); мы будемъ на амбаркадерѣ съ Сашей ждать. Въ случаѣ, что ты рѣшишься, телеграфируй подробно на Сашинъ адресъ; достаточно писать: «Casa Fumi, Porta Romana, Firenze». Здѣсь пока слѣдуетъ остановиться въ Hôtel New-York, Lungarno.

3607. Письмо къ Лизѣ.

(3 ноября 1869).

Милая Лиза, укладывайся и уложи мамашу, прїѣзжайте сюда. Тата очень больна и ѣхать не можетъ дней десять, а можетъ, и больше. Мама расскажетъ тебѣ. Я очень грустенъ, и мы всѣ. Прїѣзжай насъ развеселить. Ольгѣ ѣхать теперь не зачѣмъ. У нихъ квартира маленькая, но очень мила, а у Саши прекрасная. Мы остановимся вмѣстѣ (гдѣ я теперь): Hôtel New-York, Lungarno. Только большую комнату сейчасъ заняли, но когда вы телеграфируете, я все приготовлю. Скажи мамѣ, чтобъ она взяла комиссіонера изъ отеля до желѣзной дороги и промѣняла бы деньги на итал., потому что на желѣзн. дорогѣ франц. ассигнаціи не возьмутъ.

Ждемъ телеграмму.

3608. Письмо къ Н. П. Огареву.

11 ноября 1869. Четвергъ.

Ахъ, ты мой безпокойный антикъ! Ты, какъ Николай Павловичъ, хочешь изъ Петербурга завѣдывать Крымской кампаніей, а антикъ ты потому, что воображаешь *по-старому*, что удобно ѣздить съ ветуринами по *брошеннымъ* дорогамъ, не безопаснымъ отъ воровъ и намѣренныхъ засадъ, да еще тихо, чтобъ дать случай и время приготовить,—и все-то возлѣ желѣзной дороги. Это—сущій вздоръ. На-добно брать цѣлое купѣ и въ немъ сажать Н., Тату и горничную, а мы особю; въ четыре часа выходить не нужно ни разу. И почему ты

думаешь, что я не уѣхалъ бы, если-бъ было можно? Я пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ ее спасти, и дѣлаю все. Если улучшение пойдетъ такъ, какъ оно идетъ, я гальванизацию не допущу и увезу ее, хоть въ Спецію. Теперь везти становится возможно. Никто не имѣлъ на ея болѣзнь лучшаго вліянія, какъ я и Нат. Тхоржевскаго не нужно. Сегодня дѣлаю опытъ оставить ее ночью безъ *garde-malade* ¹⁾; это рѣшить, скоро ли можно ѣхать. Консультации съ Бифи, по совѣту Шиффа, еще не дѣлали.

Если все пойдетъ, какъ теперь, то можно надѣяться ѣхать изъ Специи черезъ недѣлю въ Геную и, пожалуй, 20 числа (*Pleine Lune*) на пароходѣ въ Ниццу.

Путь въ дилижансѣ ужасенъ и, вообще, путь въ каретѣ не годится. Тамъ я оставилъ бы ихъ въ тишинѣ, а самъ заѣхалъ бы къ тебѣ и въ Парижъ устроить квартиру.

Самое страшное—неожиданный испугъ и вслѣдъ затѣмъ рецидивъ. Противъ этого средствъ нѣтъ въ силѣ человѣка.

Саша, разумѣется, поѣдетъ провожать. Вообще, онъ дѣлаетъ все, что нужно.

Наконецъ-то, поздравляю Тхоржевскаго съ окончаніемъ дѣла. И еще, и еще разъ жму его руку и благодарю. Когда будетъ нужно, я выпишу его. Чѣмъ меньше людей, тѣмъ лучше теперь.

NB. ~~Въ~~ Nat. просить Тхорж. справиться о письмѣ изъ Россіи *poste restante*, посланномъ уже съ мѣсяцъ отъ Сатиной.

3609. Письмо къ Н. П. Огареву.

12 ноября (1869). Пятница.

Опытъ удался совершенно. Тата спала безъ *garde-malade*, у нея въ комнатѣ спала *Natalie*,—я возлѣ, черезъ комнату. Всю ночь все было покойно. Утромъ, въ семь часовъ, пошла неистовая пальба изъ пушекъ; это Тату разбудило; она послушала и сказала: «охота имъ даромъ тратить порохъ»,—однако, спать больше не могла.

Шиффъ никакъ не хотѣлъ дѣлать этого опыта, я настоялъ—и побѣда полная. Дѣло не въ томъ, что *garde-malade* за ночь брала 10 фр., а въ томъ, что, будучи превосходной женщиной, она привыкла обхо-

¹⁾ Сидѣлка, Раѣмонъ.

диться сурово и деспотически. Сначала это было *необходимо*, теперь вредно; Тата мнѣ говорила нѣсколько разъ: «зачѣмъ она меня притѣсняетъ? развѣ я совсѣмъ безумная?» и пр. Гальванизмъ, если такъ пойдетъ, я тоже устраню. Словомъ, все идетъ хорошо. Н. дѣйствуетъ прекрасно, даже не видитъ почти Лизу, которая съ Мейз. и Ольгой живутъ какъ разъ противъ Питти, т.-е. короля.

Мы вчера съ Сашей (который тебя безмѣрно любитъ) немного посмѣялись надъ твоимъ проектомъ ѣхать въ двухъ каретахъ. Вызывая всѣ возможныя опасности, оставалось взять ип drappello берсалеровъ для охраны. Ахъ, ты! На желѣзныхъ дорогахъ здѣсь учтивость удивительная. Надобно впередъ занять купэ, впередъ уѣсться и не выходить до мѣста назначенія (а мѣсто назначать не дальше 3¼ и 4 часовъ). Погода превосходная, попробую прокатиться съ Татой за городъ; если удастся совсѣмъ хорошо, то дня черезъ три можно ѣхать. Г. Шиффъ увѣренъ, что Т. имѣетъ сильную привязанность, и сильно скрытую, къ Мещерскому. Можетъ, и правда. Онъ на-дняхъ писалъ къ Сашѣ и ѣдетъ въ Россію. Гуго Шиффъ, который очень неравнодушенъ къ Т., ведетъ себя удивительно и заслужилъ мое полное уваженіе.

Вотъ и все.

Содержатель пансіона лупить съ насъ троихъ (изъ троихъ двое почти ничего не ѣдятъ) и съ горничной по 50 фр. въ день, а со свѣчами, виномъ и extra выходитъ до 70, зато все дурно. Онъ смекнулъ, что переѣзжать намъ не легко. Humanum est...¹⁾

Р. S. Еще слово; во-первыхъ, пиши «Пенизи», а не «Пинези»; во-вторыхъ, Квадріо написать можно и какая же это тайна, когда человѣкъ сто знаетъ? Но что же онъ сдѣлаетъ? Помни, что если *Пенизи* виноватъ, то Тата не права,—это очень важно. Напиши Бакунину.¹⁾

11 часовъ. Твое письмо съ гейневской элегіей сейчасъ получилъ. Я писалъ и пишу часто.

◆◆ 1. Повидимому, Огаревъ ограничился письмомъ къ Бакунину, а Квадріо специально о поступкѣ его соотечественника Пенизи не писалъ.

Для иллюстраціи отношеній Герцена въ концѣ своей жизни съ итальянскими революціонерами, приведу нѣсколько писемъ.

29 ноября 1868 г. М. Квадріо писалъ Герцену изъ Лугано: «Дорогой г. Герценъ! Мы очень благодарны Огареву и вамъ за добрую память, которую вы храните о насъ. Уже давно мы не имѣли прямыхъ извѣ-

¹⁾ Человѣкъ.

стій отъ васъ, но не можемъ забыть такихъ людей, такихъ друзей, какъ вы, и имена ваши частенько упоминались въ нашихъ бесѣдахъ. Впрочемъ, былъ и нѣкто третій, кто время отъ времени являлся рассказывать намъ о васъ, это—вашъ «Kolokol-Cloche», который въ качествѣ полиглота, умѣлъ быть понятнымъ и Маццини.

«Счастливъ извѣститъ васъ, что Маццини находится на пути къ полному выздоровленію. Онъ былъ серьезно боленъ, и мы въ теченіе цѣлыхъ недѣль пребывали въ жесточайшемъ страхѣ. Онъ еще очень слабъ, ему все еще трудно писать, и онъ поручилъ мнѣ поблагодарить васъ за добрую память.

«Очень досадно, что «Kolokol» прекратить свое существованіе, и мы очень жалѣемъ, что не услышимъ больше его трезвона. Почему это: сталъ ли труднѣе и дороже ввозъ газеты въ Россію? Или русская молодежь увлечена инымъ потокомъ идей? На долго ли это? На всегда ли? Его гудѣніе заунывно, но мы убѣждены, что онъ вызоветъ воскресеніе. Это—вашъ призывъ живыхъ.

«Прощайте, г.г. Герценъ и Огаревъ. Нѣтъ, не надо прощаній, потому что мы надѣмся, что время отъ времени вы будете подавать намъ вѣсточку о себѣ и повторять, что по-прежнему любите насъ. Мы, я—въ частности, будемъ вамъ очень благодарны.

Преданный вамъ *Мауриціо Квадріо*.

P. S. Будьте добры, напомнить обо мнѣ г. Александру и вашимъ дочерямъ».

(Приписано рукою Маццини):

«Изъ глубины моего сердца благодарю васъ и Огарева за выраженіе вашей дружбы. Она дорога мнѣ. Я очень слабъ, и не могу долго писать. Но я уважаю и люблю васъ.

Джузеппе.

(По подлиннику, хранящемуся въ архивѣ семьи Герцена; Гершензономъ напечатано въ V кн. «Былого» 1907 г. не полно).

9 мая 1869 г. Квадріо писалъ Герцену изъ Лугано: «Маццини уже нѣсколько дней въ постели по причинѣ болѣзни, которая время отъ времени мучаетъ его. Она не такъ серьезна, какъ послѣдней осенью, но, все-таки, онъ принужденъ лежать въ постели и не можетъ писать. Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за добрую память и просить васъ напомнить о немъ вашей семьѣ и Огареву. Швейцарія сгибается передъ итальянскимъ королемъ и требуетъ отъ Маццини, чтобы онъ оставилъ территорію республики; какъ только будетъ въ силахъ, онъ уѣдетъ назадъ въ Лондонъ. Римъ хочетъ избавиться

отъ опасности, которую ему грозитъ Ганнибалъ. Ничтожный царекъ Пруссіа съ покидаетъ его. Ганнибалъ... Исторія, эта болтливая старуха, любитъ ворошить старыя приключенія. Ни Маццини, ни я никогда, ни на минуту не усомнились въ васъ или въ Огаревъ въ отношеніи борьбы за свободу, и когда до насъ дошли слухи о вашемъ возвращеніи въ Россію, мы только смѣялись. Мы въ восторгъ, что борьба не утомила васъ и что вы опять взялись за ваше славное перо. Не устали и мы, и ужъ, разумѣется, не пали духомъ, а будемъ стойки до конца. Г-жа Натанъ проситъ напомнить вамъ о ней; тоже и я. Извѣщайте насъ о вашемъ здоровьѣ и о здоровьѣ г-жи Герценъ. Г. Тхоржевскій посѣтилъ насъ, и мы говорили о васъ, мой старый другъ. Мы очень благодарны ему за это. Преданный вамъ *Мауриціо Квадрио*».

(Привожу переводъ Гершензона изъ V кн. «Былого» 1907 г., дополненный и исправленный по подлиннику, хранящемуся въ архивѣ семьи Герцена).

Въ маѣ 1869 г. Маццини писалъ Герцену:

«Любезный другъ, я получилъ ваше милое письмо изъ Ниццы. Я былъ боленъ и не могъ видѣть Т., который проѣхалъ, не останавливаясь. Теперь, больной или здоровый, я долженъ уѣхать, по требованію Сень-Готардской лиги, которой нужны итальянскіе капиталы. Я остался бы наперекоръ правительству, если бы у меня была цѣль; но я не люблю рисоваться своей скромной личностью, поэтому уѣду куда-нибудь не слишкомъ далеко. Что бы они ни дѣлали, мы быстро подвигаемся къ республикѣ въ Италіи, и я чувствую потребность по мѣрѣ силъ помочь поставить локомотивъ на рельсы; разъ онъ станеть на рельсы, найдется довольно людей, чтобы толкать его. Мое здоровье разрушено. Какъ подкопанное дерево, я стою, потому что стою, но первое дуновеніе вѣтра опрокинетъ меня; и если при моей жизни что-нибудь совершится въ Италіи, одна недѣля дѣятельности убьетъ меня. Да и пора; каждый годъ уноситъ кого-нибудь изъ моихъ друзей... И безпрестанно вспоминается мнѣ одинъ стихъ Оссіана, т.-е. въ переводѣ Чезаротти: «Слышу, какъ годы шепчуть, проходя: почему поетъ этотъ?».

«А пока прошу васъ напомнить обо мнѣ вашимъ дочерямъ и г-жѣ Огаревой, которой я, повидимому, скоро надоѣлъ. Гдѣ она? Саффи мнѣ почти не пишутъ. Я ни одной минуты не вѣрилъ въ просьбу объ амнистіи. Мы глубоко расходимся на религіозной почвѣ и частью даже на политической, и я сожалѣю объ этомъ, но знаю васъ и никогда не сомнѣвался въ васъ съ точки зрѣнія характера. Я ни съ М. (Брославскій—М. Л.), ни съ Чр. (Чарторижскимъ—М. Л.), но націо-

нальное чувство, даже доведенное до крайности,—залогъ польской побѣды; поэзія—другой залогъ. Впрочемъ, что бы вы ни говорили, всѣ великія революціи въ Европѣ совершить національное чувство; вы знаете, что это для меня—идея коллективной миссіи, общаго долга—и только. Безъ этой идеи возможны только рабскіе мятежи, спартанскія войны и ничего больше. Вы видите только социальный вопросъ; и я не хуже васъ чувствую, что основная цѣль—освобожденіе труда, но нельзя быть одновременно и цѣлью и средствомъ; ради социального вопроса, слава богу, никогда не возникало крупной революціи. Я говорю «слава богу», потому что въ такомъ движеніи доминировала бы корысть, и оно дало бы намъ въ итогѣ *буржуа* въ *блузахъ*, новый эгоизмъ взамѣнъ стараго. Со времени Маравона всѣ великія событія вызывались національнымъ чувствомъ или религіей: англійская революція, сѣверо-американская, возстаніе Нидерландовъ противъ Испаніи, Испаніи противъ Наполеона въ 1808 г., греческая революція и т. д. Но оставимъ это. Обнимемъ другъ друга во имя Свободы; это—не *цѣль*, но великая исходная точка. Пишите мнѣ время отъ времени; я хотѣлъ бы слѣдить за вами въ вашихъ скитаніяхъ, знать—въ Женевѣ вы или въ Брюсселѣ. Я стараюсь всегда читать, что вы пишете. Вашъ другъ *Д. Маццини*.

(Воспроизвожу переводъ Гершензона изъ V кн. «Былого» 1907 г. съ нѣсколькими поправками, вызываемыми сличеніемъ съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ семьи Герцена).

6 ноября 1869 г. Квадрио писалъ Огареву изъ Лугано: «Нашъ дорогой другъ, только сегодня утромъ получилъ я ваше письмо отъ 3-го. Г. Бакунинъ пріѣхалъ на прошлой недѣлѣ въ добромъ здравіи. Онъ не нашелъ здѣсь подходящаго для себя помѣщенія и вернулся въ Локарно, на берега Лаго Маджіоре, но, все-таки, въ Тессинскій кантонъ. Указанія, которыя далъ ему одинъ изъ моихъ друзей, помогутъ ему, я надѣюсь, подыскать подходящее жилище. Я полагаю, что тамошній климатъ окажется для него благопріятнѣе здѣшняго, ибо Локарно прислонилось къ горамъ, защищающимъ его отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Онъ остановился въ *Hôtel Suisse*, Локарно, и сегодня я пишу ему, что вы ждете отъ него извѣстій.

«Бакунинъ привезъ мнѣ ваше письмо, и я благодарю васъ за память. Въ мои годы человекъ живетъ воспоминаніями, хорошія же хранитъ тщательно, а кто зналъ васъ, тотъ не можетъ не хранить память о васъ и о Герценѣ. Мнѣ 70-й годъ, и старость даетъ себя чувствовать всѣми своими неприятными предостереженіями; но я могу работать, сохранилъ мою вѣру въ торжество справедливости: она такъ же жива

во мнѣ, какъ была въ 20 лѣтъ. У меня есть добрые друзья, которые меня любятъ; я бѣденъ, но доволенъ немногимъ,—мой закатъ озаренъ блѣднымъ солнечнымъ лучомъ, и я не могу пенять на свою долю¹⁾.

«Я замѣчаю, что сбиваюсь съ одного языка на другой. Угодно вамъ третій? Это докажетъ вамъ, что я вѣренъ воспоминаніямъ. Слушайте же!»

По улицѣ мостовой
Пошла дѣвка за водой

или

Не садись на ету вѣтку;
Легковерній соловей,
Слой ловець поставилъ клѣтку
На погибели твоей

etc. etc. и проч. и проч...

«Недавно я взялъ басню о соловѣѣ и его клѣткѣ (кажется, Крылова) темою для статьи или проповѣди итальянцамъ, которые довѣрились злему охотнику—монархіи.

«Если моя болтовня васъ раздражаетъ, подумайте о моихъ 70 годахъ.

«Нѣтъ, я не болтаю, это воспоминаетъ сердце; вотъ слово «соловей» напомнило мнѣ славнаго Соловьевича. Я видѣлъ его въ 1860 г. и любилъ его. И сердце мое наполняется печалью, потому что уже нѣтъ дорогого энтузіаста.

«Но вотъ и дошли уже до конца страницы. Каждое ваше письмо доставитъ радость вашему старому другу *Маурицію Квадріо*».

(Съ подлинника, хранящегося въ архивѣ семьи Герцена).

3610. Письмо къ Н. П. Огареву.

13 ноября (1869). Суббота.

Теперь на досугѣ скажу нѣсколько словъ о твоёмъ намѣреніи писать къ Кв. ¹⁾. Что онъ можетъ сдѣлать? То же, что онъ и Ос. Ив. ²⁾ сдѣлали съ Гервегомъ, т.-е. ничего. Такой человекъ отъ словъ не покраснѣетъ, а отъ дѣлъ спасенъ слѣпотой. Глубже вникая, особенно

¹⁾ Послѣднія двѣ фразы написаны не по-французски, а по-итальянски,

²⁾ Квадріо.

³⁾ Маццини.

въ груди писемъ, я полагаю, что онъ; дѣйствительно; былъ увлеченъ; и сначала склонялъ угрозой самоубійства, а когда не удалось—угрозой скандала, клеветы и мести. Такъ, вообще, поступаютъ подлая природы. Замѣть, что это—совершенное повтореніе исторіи Гервега. У нихъ своя логика. Наказывать ихъ платоническими оружіями невозможно. Стоитъ ему переѣхать изъ Флоренціи въ Венецію, въ Неаполь—и все кончено, но онъ и этого не сдѣлаетъ. Я даже остановилъ Сашу отъ нѣкоторыхъ демаршей. Позорное поведеніе *Левы* гораздо легче усчитывается, и онъ самъ потерялъ голову отъ раскаянія и отъ положенія, въ которомъ очутился, отталкиваемый близкими ему людьми. Онъ вздиралъ къ Пен. и въ глаза сказалъ ему, что онъ «подлый комедантъ»; вѣроятно, тотъ похоталъ и назвалъ его «подлый идиотъ».—Я, Огаревъ, холодно и съ пассивностью смотрю на жизнь. Какъ тутъ мстить на выборъ, когда виноваты *все*. Ты подумай лучше вотъ о чемъ, почему мелодраматическіе Лео Леони, *Оривы* завязанные негодия имѣютъ не въ однихъ романахъ, а въ самой реальности самое сильное вліяніе на лучшихъ женщинъ. Да, кстати, вмѣстѣ со *всеми* нечаявками отрекись отъ *абортивныхъ* освобожденій,—въ исторіи можно забвгать, но ужъ тогда отвыкни жалѣть погибающихъ, жалѣть личности. И, дѣйствительно, ни Пугачевъ, ни Марратъ ихъ не жалѣли. Что за вздоръ проповѣдывалъ ты (и я) о полной свободѣ не только въ выборѣ, но и перемѣнѣ—особенно прежде, чѣмъ ты, какъ въ раму, улегся въ фамилизмъ. Смотри теперь кругомъ на развалины. (И только не цитируй крайности съ противоположной стороны,—я ихъ знаю). Даже послѣдней исторіи вовсе не было бы, еслибъ Саша выждалъ свой годъ (обѣщанный мнѣ). Ни въ какомъ домѣ, гдѣ есть серьезная женщина, все случившееся съ Пен. было бы невозможно. *Терезина*—милая проказка, которая, конечно, меньше Мэри знаетъ предѣлы, грани; Тата къ ней не могла имѣть довѣрія; невнимательность Сашы ее оскорбляла (все это я тебѣ предсказывалъ письменно). Идеалистическое тупомудріе Мейзенбургъ, ея нравственная слѣпота и хватаніе звѣздъ сдѣлало легкими притворство и ложь. Тата рѣшилась сказать Сашѣ правду, когда оборвалась, когда испугалась, видя, что изъ уступокъ и игры въ великодушное потворство вырастаетъ чудовище съ угрозами. Она постоянно говорила Пен., что ни на что не рѣшилась, что подождетъ еще годъ и два, и тогда скажетъ отвѣтъ, что она не равнодушна къ его страданію и любви. Мои письма заставили ее одуматься. Пен., видя сборы въ Парижъ, потребовалъ прямого отвѣта; она отказала. Кандидатъ въ самоубійцы явился холоднымъ палачемъ и злодѣемъ.

Ну, а если-бъ я не писалъ писемъ и не звалъ въ Парижъ (а Тата намѣренно оттягивала отъѣздъ), она была бы теперь женой Пен., и онъ точно такъ же обличилъ бы свою гнусную натуру. Левье даже торопиль, чтобъ все покончить въ Antignano. Она поступила бы *свободно*; въ 24 года, кажется, можно знать, что дѣлаешь... А Г. Шиффъ совершенно правду говорить: «Конечно, лучше умереть, чѣмъ быть женой этого негодяя».

Я строго сужу и безъ пощады. Спасать правыхъ еще не фигура; спасать любовью неправыхъ — безъ упрека и . . . ¹⁾ — иное дѣло. Я его сдѣлаю, но признанія своего, своего суда и мысли не пере-мѣню. Я въ общемъ и частномъ не останавливался передъ выводами и правдами. Вотъ тебѣ и еще разъ вся исторія; какъ же мстить?

Кстати, спасти надобно Ольгу: какое довѣріе къ глазамъ Мейз. можно имѣть послѣ бывшаго и какое довѣріе къ Сашѣ? Я, съ божіей споспѣшествующей милостью и съ молитвами святыхъ отецъ, это и сдѣлаю. Наконецъ, пора и мнѣ платить старые долги.

Улучшеніе идетъ все лучше и лучше, но ѣхать еще страшно, и потому дня я не назначаю.

14 ноября. Воскресенье.

Сегодня еще лучше; многое сдѣлала безусловная тишина; можетъ, къ концу недѣли ѣхать можно—до Спеціи. Сегодня *три недѣли*, какъ болѣзнь совершенно обличилась, дурнота у Шиффа была *23 октября, въ субботу*. Нельзя сказать, чтобъ было время потеряно.

Саша принесъ мнѣ тетрадь мелкаго шрифта—оправданье Левье. Я прочелъ; дуракъ дуракомъ и остался, но и эта тетрадь бросаетъ много тѣни на тайну. Я начинаю думать, что Шиффъ старшій правъ; онъ говоритъ, что умственная способность ея уже тогда, т.-е. съ августа, сентября, была не въ порядкѣ, и что она дѣйствовала подъ болѣзненными кошмарами.

Лиза здорова, весела, живетъ съ Ольгой.

Прощай.

Я рѣшительно ничего не дѣлаю, ничего не хочу дѣлать и ничего не читаю, оттого пишу длинныя письма.

¹⁾ Слово не равнобрано.

3611. Письмо къ Н. П. Огареву.

(14 ноября 1869). Воскресенье, 12 часовъ.

Письмо твое отъ 11 получилъ сейчасъ, 14-го, въ 9 утра. Я полагаю, задержка отъ дороги, снѣга и такихъ вещей. Да полно те же писать о нелѣпомъ путешествіи въ каретѣ. Гдѣ же останавливаться, гдѣ же ночевать? Вѣдь, *osteria* ¹⁾ остались только для крестьянъ. И кто мѣшаетъ подойти къ каретѣ и выстрѣлить холостымъ зарядомъ или подь окномъ? Шиффъ ждалъ регуль и былъ правъ. Прошли дня три за срокъ, мы ждемъ еще три дня,—и ѣдемъ.

Типографіи покупать не хочу; я просилъ пока Тхор. дать Чернецк. авансу 500 фр., потомъ увидимъ. Да пусть онъ продаетъ, если можетъ, все за 4000.

Тхорж. прошу ждать насчетъ денегъ; у меня до половины декабря хватить, но тамъ предстоитъ бездна тратъ. Я потому и продалъ 7%, что—это процентъ, который онъ получилъ бы за ломбард. бумаги.

NB. Всѣ письма пока и газеты адресуй: Casa Fumi, Porta Romana, 2° р^o, Сашѣ.

3612. Письмо къ С. Тхоржевскому.

18 ноября (1869), четвергъ.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, если вы на-дняхъ получите изъ Флоренціи вексель за моимъ подписомъ въ 800 франковъ, вы его уплатите.

Я васъ прошу больше (кромѣ Чернецкаго 500, Огар. 400 + 100 и себѣ на расходъ) пока до другого письма не посылать. Проценты вы должны считать такъ, чтобы непременно были 7%; если вы положили по 4%, я приплачиваю до Парижа; тамъ переведу вамъ Lombard'sкія или что другое. Въ Парижѣ мы увидимся легче, даже можемъ съѣхаться въ Ліонѣ.

Здоровье Таты поправляется колоссально. Сегодня ѣдемъ черезъ Пизу въ Спецію; тамъ посмотрю, сколько надобно отдыха. Если все хорошо, то поѣдемъ, напр., 22 въ Геную. Тамъ будемъ ждать Ольгу и Мейз. и оттуда на пароходѣ въ Ниццу; очень желалъ бы быть тамъ въ концѣ ноября.

¹⁾ Трактиръ.

Вчера я вамъ послалъ бакунинскія печатныя статьи; отдайте ихъ Огар. и, если Бак. захочетъ, пусть начинаетъ печатать; о рукописи я писалъ А. Рею, чтобъ онъ прислалъ.

3613. Письмо къ И. С. Тургеневу.

18 нояб. 1869.

Флоренція.

Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, отвѣчаю тебѣ вмѣсто моего сына, который припишетъ и пояснитъ флор. Я сегодня ѣду изъ Флоренціи, гдѣ былъ влѣдствіе такого удара судьбы, который, несмотря на мою каменную силу, потрясъ и меня. Представь себѣ, что я въ Парижѣ вдругъ получилъ телеграмму о томъ, что Тата (самое свѣтлое и прекрасное существо изъ всей семьи) въ какомъ-то помѣшателствѣ. Дрянная личность Пенизи, — слѣпой, о которомъ ты слышалъ, фразеръ и итальянскій мелодраматическій Ногасе, — вздумалъ предлагать ей руку, говорилъ о самоубійствѣ... Тата не знала, что дѣлать, боялась за него, показывала ему дружбу, вниманіе и, наконецъ, все же, отказала. Тогда негодяй этотъ повелъ иную атаку: онъ ее застращаль угрозами, мстью намъ всѣмъ, клеветами, дерзкими письмами. Это дошло до того, что въ одну ночь Тата вскочила съ постели совершенно поврежденная... Я прискакалъ съ Нат. Ал. сюда, какъ express, и нашель ее въ этомъ положеніи; я увезъ ее изъ дома Саша, отдѣлилъ отъ всѣхъ и уходомъ моимъ и Нат. Ал. мы успѣли успокоить ея мучившуюся мнимыми страхами душу. Теперь ей лучше, я везу ее въ Спецію и оттуда въ Ниццу. Я слишкомъ здоровъ и зазнался, — вотъ иногда судьба и бьетъ меня со всего размаха. Что я вынесъ въ эти дни, когда со своимъ кроткимъ и прекраснымъ лицомъ Тата въ слезахъ не выпускала меня за дверь, боясь убійцы, и совершенно сбиваясь въ словахъ и вопросахъ, представь самъ.

Усталъ, очень усталъ.

Прощай.

Пиши ко мнѣ на адресъ моего сына, если захочется; онъ перешлетъ.

3614. Письмо къ сыну.

19 nov. (1869). 8 heures.

Spezia, N-I Croce di Malta.

Пріѣхали тихо и хорошо, не останавливаясь въ Пизѣ. Ночь Тата спала безпокойно, но встала хорошо. Все здѣсь свѣтло и залито солнцемъ, но утро было холодно, и рѣзко холодно.

Пришли письма, журналы и все, что есть. Сходи *непретънно* въ Hotel New-York и спроси, нѣтъ ли мнѣ или Nat. писемъ.

Отдалъ ли ты half 2 франка?

Ветурино ¹⁾ обѣщаетъ достать хозяинъ за двойную цѣну противъ омнибуса (фр. 70—75), совѣтуетъ ѣхать на пароходъ (тотъ же, что ходитъ изъ Генуи въ Ниццу).

Я думаю, что Гуго Шиффъ сердится на меня и на тебя; я напишу ему; все мы какъ-то дѣлали смутно. Какъ это Ольга не была? Неужели это была демонстрація? Я ей телеграфирую. Три дня здѣсь довольно.

Прощай.

Проси Мейз. торопиться съ укладкой. Купи ей маленький сакъ (не больше 15 фр.) по ольгиному вкусу. Каждый потерянный день отзовется холодомъ.

Передай сейчасъ записочку Шиффу.

Мантильи окончательно испорчены; пусть Ольга протестуетъ и, главное, скажетъ въ магазинъ, гдѣ заказаны. Подлое мошенничество во Флоренціи показываетъ, какъ вы еще отстали отъ цивилизаціи. Я прошу Н. написать въ лѳонскій вертепъ письмо. А Ольга, если ей такой же бархатъ, можетъ показать въ магаз.; это—чистое воровство.

Ты комиссіи исполняешь туго, но на этотъ разъ необходимо сходить въ New-York, въ Sougonne d'Italie за письмами.

Завтра пришли письма. Больше трехъ дней не останемся.

Не платить деньги за чулки, пока не разберется, кто виноватъ въ бархатѣ.

3615. Письмо къ М. К. Рейхель.

22 ноября (1869).

Spezia, Croce di Malta.

За ваше доброе письмо обнимаю васъ, старый другъ, и еще больше сообщу вамъ хорошія вѣсти. Тату мы привели почти въ нормальное состояніе; мы ее отходили и отласкали отъ черной болѣзни. Я просто возсталъ противъ всей методы обыкновеннаго ухода, увезъ ее къ себѣ, потомъ сюда и — торжество полное. Хотя, вслѣдъ за сознаниемъ, явилась грусть и подавленность, но успѣхъ былъ такъ колоссаленъ, что Шиффъ не могъ надивиться. Она меня очень любитъ и вѣрить мнѣ,—на этомъ я и Н. А. основали все лѣченье. Въ Спеція я и не ду-

¹⁾ Коляска.

маю оставаться, напротивъ, ѣду сегодня или завтра въ Парижъ черезъ Геную, останусь въ Ниццѣ для ея отдыха. Сразу везти ее было невозможно. Здѣсь тишина монастыря, и море и горы... Мы вздохнули... ну, а въ эти три недѣли что было, судите сами. Только такое колоссальное здоровье, какъ мое, все вынесло.

Довольно съ васъ, черезъ недѣльку напишу о дальнѣйшемъ ходѣ. Лишь бы не было испуга или какой бѣды, и я отвѣчаю за излѣченіе.

Читали ли вы книгу Станк. о Грановскомъ? Плохъ онъ, т.-е. Станк., и плохо написалъ и много напуталъ, но мнѣ напомнилъ время лекцій и свѣтлые годы 45, 46. Но не такого біографа нужно было Грановскому.

Кланяюсь Рейхелю и Фогту.

Прощайте.

Несмотря на противоѣйствіе Мейзенб., разумѣется, я Ольгу не оставилъ. Онѣ пріѣдутъ въ Геную на-дняхъ.

Писать можете въ Ниццу, *poste restante*.

23, Chiavari.

Черезъ два часа будемъ въ Генуѣ, все идетъ отлично. Путь и хлопоты скорѣе помогаютъ.

Пишите сейчасъ въ Геную, *posta ferma*.

3616. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 ноября (1869).
Spezia.

Дневной рапортъ.

Все обстоитъ благополучно. Сегодня здѣсь была Барановская, Тату она не видѣла—посторонніе ее тревожатъ. Сегодня и я отправляюсь въ каретѣ, по твоему совѣту и потому, что здѣсь есть еще большой трактъ въ Кіавари и, переночевавши тамъ, поѣду въ Геную по желѣз. дорогѣ.

Ты, вѣрно, получилъ записочку отъ Таты, совсѣмъ хорошо написанную. Тѣмъ не менѣе, еще много труднаго осталось; чѣмъ яснѣе ея голова, тѣмъ больше она впадаетъ въ черную грусть и тоску. Это труднѣе лѣчить болѣзни.

Дорога, хлопоты, усталъ ей скорѣе полезны.

Затѣмъ прощай.

23.

Генуя, Hôtel Feder.

Послѣ безконечно безпокойной ѣзды съ ветурино, я изъ Кіавари послалъ телеграмму въ 10 часовъ.

Все благополучно. Дождь льетъ третій день.

3617. Письмо къ сыну.

23 ноября (1869).
Genova, H-l Feder.

Мы пріѣхали по проливному дождю и по труднѣйшему пути съ ветурино. Тата вчера очень устала, но сегодня совсѣмъ отдохнула. Путь очень красивъ, но Италія отстала на вѣка въ комфортѣ и удобствахъ.

Тата хотѣла еще вчера писать къ тебѣ и Терезинѣ, но не успѣла; не знаю, успѣетъ ли сегодня. Я буду еще писать подробно къ Мейзенбургъ. Если она здорова, ждатель нечего, телеграфируй, когда она ѣдетъ и по какому train. Я дней 5 здѣсь пробуду. Если же въ самомъ дѣлѣ она больна (это по секрету), то она можетъ ѣхать и послѣ, прямо въ Ниццу или прямо въ Парижъ. Сочти, достаточно ли денегъ,—это въ крайности. Я очень недоволенъ ея¹⁾ слезливыми жалобами; въ этомъ столько же болѣзни, сколько эгоизма.

Узнай отъ Шиффовой сестры насчетъ отправки; этимъ ты долженъ заняться, но лучше, чѣмъ ты мнѣ размѣнялъ деньги: толковалъ я тебѣ, что ассигнац. надобны общія, а ты мнѣ намѣнялъ тосканской дряни, съ которой я долженъ былъ биться.

Пиши сюда и скорѣе.

3618. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 ноября (1869).
H-l Feder.

Почта изъ Франціи не приходила: за Montcenis все покрыто снѣгомъ. Дорога въ Ниццу размыта дождями, остается пароходъ, а погода только сегодня устанавливается и качать, все же, будетъ сильно. А тутъ

¹⁾ Мальвиды.
Герцень, т. XXI.

Суэцы да Панама перерывають—въ то время, какъ между Италией и Швейцарией, между югомъ Швейцаріи и Италиі и къ Франціи столько же сообщеній зимой, какъ между Саранскомъ и Тюменью.

Тата въ томъ же положеніи, конечно, не хуже, но долго надобно ее будетъ и вести и отхоловать. Я говорю еще разъ: *мы ее спасли*; безъ моего приѣзда она была бы въ сумасшедшемъ домѣ; но хватитъ ли силъ у N. на дальнѣйшее и что будетъ, это—тъма кромешная. Я очень недоволенъ Мейзенб., въ ней гнѣздится тупой эгоизмъ подъ покрываломъ прекраснодушія. Она *не хочетъ* сближенія Ольги ни съ нами, ни съ Татой, ни съ Сашей—и она не близка. Саша... честный, добрый и слабый—для него существуетъ Терезина и Спекола, въ немъ много хорошаго, даже въ практической жизни, напр., твердое и на дѣлѣ исполненное желаніе не брать больше денегъ и не тратить, какъ что получаетъ. При всей молодости обоихъ и ребенкѣ онъ строго поставилъ себя въ раму 7,500 fr. Онъ любитъ сестеръ и меня... и ничего не умѣлъ ни поправить, ни предупредить. Терезина—совсѣмъ другое дѣло; это—плебейская *durch und durch* ¹⁾, практическая натура,—*холодная* и умная. Она считаетъ на наслѣдство и поклоняется деньгамъ въ память прежней нищеты. Ей все равно. Ольга ее не любитъ, Тата любитъ въ ней жену Саши.

Мнѣ страшно, *саго тіо*, но я такъ вижу *предѣлы всѣхъ (и тебя... и себя)*; увѣряю тебя, что я себя знаю до самопрезрѣнія и знаю, что теперь, наконецъ, я—*прошедшее*; итакъ, я вижу, что все идетъ, какъ шестерня лошадей, привязанныхъ къ дышлу, но безъ возжей, что иногда закрываю глаза. Я пью и жалѣю, что не могу пить, какъ ты, просто потому, что голова болитъ; у тебя *Katzenjammer*—въ припадкѣ, а у меня въ мигрени, я ее и боюсь, а ты припадка не боишься,—вотъ и разница.

Боткинъ страшный пророкъ медицины. Онъ мнѣ говорилъ: «все пойдетъ хорошо, если не будетъ сильныхъ толчковъ».—Вотъ и толчокъ. Казалось все, благодаря нашему провидѣнію, т.-е. желудку, сошло съ рукъ, анъ, нѣтъ,—*Боткинъ правъ*: у меня показался *чирій*, и я ночью сталъ, какъ было до *Vichy*, раза три-четыре мочиться. Теперь разложеніе, я увѣренъ, вмѣсто 99-сотыхъ и единицы, даетъ 4,5%. Тутъ безъ *Vichy* весной не отдѣлаешься.

Отпі саи, мы плывемъ въ понедѣльникъ въ Ниццу и отправимся въ 9 вечера, будемъ тамъ въ 6 утра.

¹⁾ Насквозь.

3619. Письмо къ Н. П. Огареву.

(29—30 ноября 1869).

Я ѣду съ тяжелой головой, почти всю ночь не спалъ; скажу тебѣ одно слово à la Mazzini: «Oggi o moi!». Я писалъ Natalie, умолялъ ее исповѣдываться тебѣ; не могу я сдѣлать одного: не могу *въ тысячный разъ* сказать, что *вѣрю*; тутъ есть униженіе слова—обманъ. Приосанься ты самъ, стань выше преокупаций ¹⁾, выше самой болѣзни и помоги теперь ей. Пиши обо всемъ. Я буду писать.

3620. Письмо къ С. Тхоржевскому.

1 декабря (1869).
Nice, N-1 de l'Europe.

Вотъ мы и въ Ниццѣ. Тата очень устала отъ дилижанса (7 часовъ жел. дороги и 16 дилиж.) и говорить, что были все дурные сны,—она спить. Завтра напишу еще. Мальвиду довезъ въ цѣлости. Теперь всѣ труды сзади, остальной путь легкокъ. Сообщите сейчасъ Огареву.

А сами вышлите сейчасъ 2.000 фр. французскими ассигнаціями въ страховомъ письмѣ на мое имя: France, Nice (Alpes Mar.), A. N., Hôtel de l'Europe et d'Amerique. Застрахуйте (или векселемъ), но скорѣе, какъ можно.

Прощайте.

3621. Изъ дневника.

2 декабря 1869.

Выздоровленіе Т. меня больше облегчаетъ, чѣмъ радость,—впереди завѣса, все черно, и я не могу ни обманывать себя, ни понять, въ чемъ мы несогласны. Мы сложились разрушителями; наше дѣло было полоть и ломать, отрицать и иронизировать. Мы и дѣлали его. А теперь, послѣ 15—20 ударовъ, мы видѣли, что мы ничего *не создали*, не воспитали. Послѣдствіе непростительно—нигилизмъ въ окружающіхъ людяхъ въ отношеніи къ семьѣ, къ дѣтямъ.

Вопреки опытамъ я имѣлъ въ Т. *вѣру*, основанную на симпатіи и психическомъ сходствѣ съ Н.,—ѣру имѣлъ, а вести не успѣлъ

1) Préoccupation—чрезмѣрная занятость.

по безобразію прошлыхъ годовъ. Пусть эта вѣра обломилась. Я ее люблю, можетъ, больше, но вѣры нѣтъ. Кажется, что она, давши ударъ въ 1852, дастъ еще.

Въ дѣтяхъ главное—жизнь,—О., Л.

Поздно дѣйствовать силой и авторитетомъ послѣ того, какъ мы подпилили ихъ. Я не могу по праву остановить О., потому что не вѣрю въ право.

И вотъ я остаюсь разъ, другой свидѣтелемъ, который видитъ тройную ошибку—и не можетъ остановить, какъ болѣзнь пьяницы.

3 декабря 1869.

Я думалъ, что новыхъ ударовъ не будетъ... Жизнь, словно утомленная порогами, пошла покойнѣе, и, вдругъ новый обрывъ—и какой!

3622. Письмо къ И. С. Тургеневу.

3 декаб. 1869.

Ницца.

Письмо твое я получилъ въ Специи; теперь мы въ Ниццѣ и ѣдемъ черезъ два-три дня въ Парижъ.

Успѣхъ моего лѣченья—я говорю «моего», потому что я во всемъ поступилъ вопреки медицинскихъ совѣтовъ—до настоящей минуты огромень. Она еще не совсѣмъ пришла въ нормальное положеніе, но страхи прошли, и возвратился кроткій и по временамъ свѣтлый взглядъ. Зато съ воспоминаніемъ развились грусть, мрачное расположеніе и желаніе удалиться ото всѣхъ, чего допустить нельзя. Это ее раздражаетъ. Помнить она всѣ подробности худшаго времени болѣзни, и это еще больше раздражаетъ. Долгій разговоръ, долгое чтеніе ее утомляетъ, но мысль совершенно свѣтла. (Я не знаю, замѣчалъ ли ты, она очень умна и очень глубоко понимаетъ вещи). Зато она рисуешь карандашомъ портреты лицъ за table d'hôte'омъ и пишетъ по-англійски, по-нѣмецки и по-франц. разныя ноты и бросаетъ ихъ, смѣясь. Огар., котораго она безпредѣльно любитъ, и Сашѣ она писала нѣсколько писемъ. Ну, вотъ тебѣ вся исторія.

А пророс, ты постороннимъ лучше не говори обо всей исторіи. Я сильно надѣюсь, что она пройдетъ безслѣдно.

Ну, братъ, жизнь-то посложнѣе и помрачнѣе тебя творить свои повѣсти. Самый плохой драматургъ побоялся бы употребить такой

грубый механизмъ, какъ этотъ злодѣй при помощи яда (котораго никогда у него не было) и револьвера, въ которомъ тоже сомнѣваюсь. Онъ угрозой надѣлать чудеса злодѣйствъ и убить себя, стенаньями и нервными припадками держалъ несчастную Т. подъ страшнѣйшимъ Дамокловымъ ножомъ, и когда она, наконецъ, въ отчаяннѣйшій ринулась спасаться, онъ ее оклеветалъ, пошелъ оправдываться передъ посторонними, но ужъ было поздно. Душа ея, сильная и молодая, не выдержала, полное сумасшествіе покрыло для нея на цѣлыхъ три недѣли все какимъ-то дикимъ сномъ, изъ котораго она теперь просыпается. Неужели этотъ извергъ не хуже десятерыхъ Троппмановъ ¹⁾, а огражденный щитомъ слѣпоты, онъ остается неприкосновеннымъ.

Прощай. Будь здоровъ. До 15 декаб. я буду въ Ліонѣ (Lyon, poste restante).

А. Г.

3623. Письмо къ С. Тхоржевскому.

6 декабря (1869). Понедѣльникъ.
Nice.

Любезный Тхоржевскій. Вчера вечеромъ получилъ ваше застрах. письмо съ 2.000 фр., за которое благодарю. Къ новому году сочтемся въ порядкѣ; мнѣ нужно знать, что вы тратили въ Женевѣ.

8 декаб., если ничего не помѣшаетъ, поѣдемъ въ Марсель и, вѣроятно, тамъ переночуемъ, а 9 будемъ въ Ліонѣ. Остановимся въ hôtel'ѣ за самой желѣзной дорогой (не Europe—гораздо ближе къ станціи); если хотите, пріѣзжайте на сутки (я буду телеграфировать). Но въ Парижъ я еще не зову. Надобно сначала устроиться и оглядѣться въ большой тиши.

Татѣ гораздо лучше, но она далека отъ здоровья—нервы до того разстроены, что малѣйшій непріятный разговоръ приводитъ къ слезамъ или мрачному расположенію.

Вы не можете себя представить, какъ я усталъ отъ послѣднихъ шести недѣль. Ничего не могу дѣлать, ни даже читать что-нибудь, кромѣ газетъ.

Прощайте.

¹⁾ Жанъ-Батистъ, ~~любозный~~ убійца; казнь его описана Тургеневымъ въ VI кн. 1870 г. «В. Европа».

3624. Письмо къ Н. П. Огареву.

13 декабря (1869). Понедѣльникъ, 11 час. утра.

Сейчасъ отправилъ, подъ прикрытіемъ Тхорж., Мейзенб. съ Ольгой въ Парижъ, въ знакомый имъ pension. Бздить самъ-б очень неудобно. Вѣроятно, 15 вечеромъ, въ 8 поѣдемъ и мы. Возьму цѣлое купэ. Въ 6 утра будемъ въ Парижѣ, и, вѣроятно, въ то же время Тх. будетъ у тебя съ рапортомъ...

Тата покойна и хороша. Матеріально Nat. ухаживаетъ, морально—я. Да и Тата, собственно, искренно любить меня одного, и любить очень; на этомъ я строю весь храмъ выздоровленія. Но характеръ у нея упоренъ. Главное, ей хочется въ отеляхъ и вездѣ жить совсѣмъ въ отдѣльной комнатѣ, а ночью рѣшительно нельзя позволять оставаться съ запертыми дверями, или всѣмъ не спать. Изъ-за этого бываютъ споры, но оканчиваются добродушно. Развѣтіемъ она выше всѣхъ, а потому и понимаетъ лучше. Ни Ольгой, ни Мейз. я не имѣю причины быть довольнымъ. Ольга, въ сущности, никого не любитъ, а привязана къ Мейз., какъ къ нянѣ, которая балуетъ, скрываетъ и защищаетъ. Я самъ начинаю думать, что лучше жить на двѣ квартиры. Одно скажу въ честь Мейз.: она очень тиха и мягка. Дружба между Ольгой и Лизой не продержится по безмѣрной дерзости той и другой. Вотъ тебѣ вся позиція.

Спорить съ тобой, само тію, не хочу и не буду. И возражалъ тебѣ сильно не потому, что Туцъ въ школѣ или нѣтъ, а чтобъ положить предѣлъ грубому поклепу, что я совѣтую изгнанію твоихъ Измаиловъ въ степи аравійскія, тогда когда я стремлюсь ихъ выгнать на чистый воздухъ и работу, на ту новую жизнь, о которой ты такъ рьяно проповѣдуешь съ Бакун., о—выводѣ изъ Содома и Гоморры нашей жизни. Я ихъ хочу спасти отъ страшнѣйшей бѣды—полубарскаго воспитанія, идущаго навстрѣчу нищетѣ, нуждѣ (это дорога въ ботанибей)—отъ размягченія слабыхъ нервъ, сентиментальной старости. Оцѣни разъ мужественно мой простой взглядъ, а затѣмъ клади судьбу ихъ въ твои руки, и дѣлай что знаешь. У меня своей заботы черезъ голову и силы. Только о Парижѣ и не думай, пока ты не освободишься отъ Измаиловъ. Вотъ и финаль.

Прочелъ я глупый «Запросъ» въ «Народ. Дѣла». Тебѣ и Бакун. будетъ больно, что мое имя замѣшано въ дѣлѣ, противъ котораго я протестовалъ всѣми силами. Оно было нелѣпо.

Къ тебѣ ходитъ Жуковскій. Онъ, какъ покойный генераль Лафайетъ, человекъ двухъ міровъ. Скажи ему непременно, 1-ое, что не можетъ ли онъ (пусть отдастъ тебѣ) достать рукопись моей статьи, которую Утинъ обѣщаль напечатать, или хоть наборъ, который я поправлялъ; 2-ое, что послѣ тридцатилѣтняго путешествія по блатамъ и дебрямъ журналистики, русской и парижской, я въ первый разъ встрѣтилъ грубый пріемъ своей статьѣ, идущій до того, что редакція *даже не извинилась въ непомященіи* и не отмѣтила, что она имѣла статью. Это дѣлалъ Бюлозь, Делеклюзь, не говоря о Прудонѣ. Этого не сдѣлалъ канцлеръ редакціи Трусовъ. А что касается до «Запроса», я отвѣчаю только тѣмъ, которыхъ признаю въ правѣ спрашивать, и изъ нихъ только людямъ или уважаемымъ мною, или вообще учтивымъ.

Тхорж. вручить тебѣ 370 фр. Симъ оканчивается финансовый годъ 1869. Въ ихъ числѣ 50 на Туца, 40 получ. на вексель Сат. (1.540 fr.) Въ началѣ января ты получ. 500, и затѣмъ у меня останется 500 Сат., т.-е. къ 1 марта zero ¹⁾. Всего истрачено тобой въ нынѣшнемъ году съ Туцомъ больше 7.500...Непредвидѣнные расходы будутъ также и въ 1870...1880...Стало, придется итти на бюджетъ.

Тхор. говорилъ о Чернецкомъ,—на кой чортъ покупать типографію? надобны буквы и наборщики. Пусть онъ продаетъ кому хочетъ, за сколько хочетъ. Я буду писать къ нему. Скажи Чернец., что Тх. ему еще вручить фондов. 170 фр.

Журн. еще не читалъ.

Тх. увѣряетъ, что твой № дома не 249, а 243. Какъ же рѣшить?

Если хочешь писать еще разъ сюда въ hôtel, поспѣешь, а если придетъ послѣ, пришлютъ.

А ргорос, съ включеніемъ поданной записки Тх., изъ фонда убыло всего 2.910. А польза?

3625. Письмо къ сыну.

13 декабря (1869). Понедѣльникъ.
Lyon, Hôtel d'Europe.

Пріѣхали хорошо 11-го; здѣсь, какъ на границѣ Альпъ, встрѣтилъ ихъ представитель Тхорж. Тата первый день много плакала; я не могу надивиться Plumpheit ²⁾. Тенерь ей лучше.

¹⁾ Нуль.

²⁾ Неловкость, неуклюжесть.

Ольгу и Мальвиду (которая здорова и сильна; что это за фантазматорія и что за ложь или докторское невѣжество—ея болѣзнь) отправили сегодня утромъ въ Парижъ, а мы поѣдемъ 15-го, въ среду.

Не могу сказать, чтобъ я особенно былъ доволенъ развитіемъ Ольги и ея направленіемъ; она, въ сущности, никого не любитъ, кромѣ Мальв., и это—любовь балованнаго мальчика къ нянѣ.

Что будетъ вперёдъ, не знаю.

Мал. съ радостью хочетъ видѣть Парижъ и не выѣзжать нѣсколько лѣтъ. Она, кажется, намѣтила свои стрѣлы въ Rue de Vaugirard и Ольгѣ не миновать Мопод. Впрочемъ, послѣ послѣдняго несчатья я всѣмъ даю свободу, хоть искренно жалѣю, что всѣ пойдутъ въ разбродъ и не въ Россію.

Судьба.

Почему нѣтъ писемъ?

Пиши, пожалуй, на адресъ Мальв. или Ольгѣ:

36, Rue des Petits-Hôtels, Pl. Lafayette, Pension Weidemann,
Paris.

Вольдемарчику и Терезинѣ поклонъ.

3626. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 декабря (1869).

Lyon, H. d'Europe.

Краткопись вашу получилъ. Вѣхать сегодня нельзя: Тата сильно простудилась, и мы поѣдемъ или завтра (16) вечеромъ, или 17-го утромъ.

Тхоржъ ѣздитъ провожать Мейз. и Ольгу до желѣзной дороги, а не до Парижа.

Мейз. телеграфируетъ, что пансіонъ ни къ чорту не годится. Я немного *schadenfroh* ¹⁾ смѣюсь. Это—все рекомендаціи и протекціи ея пріятельницы сѣро-нѣмецкаго пошиба.

Ты пишешь, что ситуація мною описана вѣрно, «но не свѣтла». Да, таки не очень, и потому-то именно она вѣрна. Гляди прямо, какъ ты глядишь на свою болѣзнь, и твердо печально смотри на неизлѣчимое. Умъ и эгоизмъ внятно говорятъ, что въ себѣпошадѣ надобно ото всего уйти, отдать деньги и попробовать уединенную жизнь. Но по-

¹⁾ Злорадно.

щада къ другимъ, ими не оцѣненная, говоритъ другое. Устрою себѣ хоть сколько-нибудь покоя въ Парижѣ.

Жалѣю очень, что ты не прочиталъ въ «Вѣст. Европы» статью Утина, въ которой онъ великодушно хоронитъ насъ¹⁾. Многое изъ сказаннаго о насъ и к-нии вѣрно, но не вѣрно то себяобожаніе новаго поколѣнія, съ которымъ онъ пишетъ о себѣ и своихъ. Можно было бы написать кое-что противъ, но объ работѣ и думать нельзя при теперешней жизни.

На первый случай—la question à l'ordre²⁾ спасти Тату, и ея излѣченіе идетъ опять впередъ.

Затѣмъ—счастливаго аппетита.

Чернец. я пишу съ Тх. Разумѣется, что я не куплю типографію ни въ какомъ случаѣ, и разумѣется, что онъ имѣетъ право ее продать. Въ фондъ можно только на томъ основаніи купить, чтобъ она была продана *ниже* стоимости, такъ, чтобъ въ случаѣ нужды, ее тотчасъ можно было перепродать. Я предлагаю ему пока до работы платить по 100 фр. въ мѣсяць отъ себя.

3627. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 декабря (1869).

Lyon, Hôtel d'Europe.

Мало вещей въ мірѣ больше досадныхъ, какъ помѣха при концѣ длинной операціи, а съ нами чуть она не случилась. 15 Тата, было, совсѣмъ разнемоглась. Мысль прожить здѣсь, при самыхъ неудобныхъ условіяхъ, недѣли двѣ или больше обдала меня ужасомъ. Силы, словно, оборвались; но дѣло оказалось вздоромъ, т.-е. страшной головной болью и катарромъ. Сегодня въ ночь можетъ продолжаться путь. Дамская часть моего народонаселенія не такъ-то скоро двинется изъ Парижа. Довольно. Со временемъ, устроившись, я пріѣду одинъ недѣли на двѣ въ Женеву потолковать объ эпилогѣ.

О чемъ грустить Бакун., и зачѣмъ ты укрывалъ подъ іероглифами очень простую семейную тайну, которую рассказалъ Тхор.?

Засимъ кланяюсь.

¹⁾ Евг. Утинъ, «Литературные споры нашего времени», XI, 1869 г.; нигдѣ прямо о Герценѣ и Огаревѣ не говорится; статья посвящена попыткѣ анализа взаимоотношеній стараго и молодого поколѣній.

²⁾ Вопросъ, стоящій на очереди.

9 утра. Вовсе не разсвѣтало; здѣсь дня почти нѣтъ, лондонскій туманъ постоянно.

Тхор. ѣдетъ завтра, 18-го, въ 9 часовъ,—изнѣжился, а то есть express въ 6 утромъ.

3628. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 декабря (1869).

(Парижъ) 8, Rue Rovigo.

Первая честь кампаніи окончена. Всѣ на мѣстѣ и здоровы, насколько можно было ожидать. Съ большими денежными тратами я устроюсь. Теперь мы въ маленькомъ, но очень чистомъ пансіонѣ,—съ рыла 11 фр., а кормятъ плохо. Въ недѣлю думаю найти *appartement meublé*.

Здоровье Таты далеко не пришло въ порядокъ и, если нѣтъ больше ни галлюцинацій, ни явной сбивчивости мыслей, то постоянная тоска и разѣданіе себя горькими мыслями растеть скорѣе, чѣмъ уменьшается. Тхорж. мало могъ замѣтить: при чужихъ она себя держитъ въ уздѣ. Сейчасъ примусь за отыскиваніе серьезнаго доктора спеціалиста.

Вчера я телеграфировалъ въ 2 часу къ тебѣ. Теперь жду письма о пріѣздѣ Тхорж. и его рассказахъ. Съ нимъ я послалъ ультиматумъ Чернецкому.

Посылаю тебѣ найденное здѣсь на *ros. rest.* письмо Сатина, очень милое и доброе.

Дѣло Сазон. наслѣдниковъ опять *sur le tapis* ¹⁾—велѣно вновь разобрать...А, вѣдь, небось, не догадаются тебѣ заплатить долгъ, если выиграютъ.

Можешь пока адресовать сюда:

8, Rue Rovigo, пожалуй, прибавь *Pension Jung*.

Мейз. весела и прыгаетъ, какъ Туць. Есть статья знаменитой *André Leo* ²⁾ о ея книгѣ и въ похвалу. Теперь Парижъ ей дорогъ, она мечтаетъ о немъ.

Не думала *André Leo*, какою она мнѣ сдѣлала услугу.

¹⁾ Разсматривается.

²⁾ Подъ этимъ псевдонимомъ писала франц. писательница *Léonie Champseix*, по мужу *Malon*.

3629. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 декабря (1869). Среда.
8, Rue Rovigo.

Два письма отъ тебя получилъ. Дурного вліянія Парижъ на Тату имѣть не можетъ или—то дурное вліяніе, какъ всякій городъ. Тотъ, кто не хочетъ здѣсь тормашиться, можетъ сидѣть спокойно. Вспомни, что, пока я былъ во Флоренціи, ты только и писалъ о Парижѣ: здѣсь все: и медицинское пособіе, и Лувръ, и консерваторія, и общее настроеніе.

Сегодня будетъ у меня знаменитость первой величины—d-g Вгоса ¹⁾. Онъ не беретъ лѣчить духов. болѣзни, но хотѣлъ дать мнѣ свое мнѣніе; я былъ у него съ товарищемъ Тесье. Это во всѣхъ отношеніяхъ un homme supérieur ²⁾; въ наукѣ онъ очень извѣстенъ, какъ профессоръ-позитивистъ. Онъ рекомендуетъ двоихъ докторовъ.

Татой я не совсѣмъ доволенъ, а неопределимое стремленіе быть одной дурно, и постоянныя слезы при малѣйшемъ поводѣ показываютъ, какъ нервы еще разстроены.

Вѣрю, саго мію, что ты сейчасъ бы пріѣхалъ, но, во-первыхъ, это почти невозможно, а потомъ было бы unpraktisch ³⁾. Подумай о томъ, что одинъ ты не пріѣдешь, а съ семьей и думать нечего. Я débordé ⁴⁾ страшными цѣнами, но рѣшилъ бросить нѣсколько тысячъ для полнаго спокойства и удобства больной. Для этого необходима свѣтлая, большая квартира и чтобъ всѣ не скучивались по-здѣшнему.

А ргорос къ деньгамъ. Дать Бакунину 300 фр. я согласенъ. Возьми ихъ у Тхорж. и пошли (150 онъ долженъ получить изъ B-que Suisse, 150 пусть прибавить), но какъ можно ихъ отнести къ фонду, я не понимаю, это—ума помраченіе. И такъ ты истратилъ до 3 т. на вредъ, а не пользу, и вдругъ сдѣлать изъ фонда Mont de piété ⁵⁾. Право, мнѣ это въ голову не идетъ. Скорѣе купить за полцѣны типогр. Чернецк. Она будетъ представлять затраченный капиталъ. А если его раздать... напр., Мечникову, Щербак., Гулев....(они тотчасъ обратятся, узнавши о Бакунинѣ), гдѣ же право отказа? 300 фр., разумѣется, изъ моихъ и безъ отдачи. ¹

¹⁾ Поль, франц. хирургъ, антропологъ, давшій нѣсколько изслѣдованій по нервнымъ болѣзнямъ.

²⁾ Выдающийся человекъ.

³⁾ Непрактично.

⁴⁾ Перешелъ границы.

⁵⁾ Ссудную кассу.

◆◆ 1. 16 декабря Бакунинъ писалъ Огареву о своихъ предстоящихъ полученіяхъ по переводу «Капитала» Маркса и рядъ иностранныхъ корреспонденцій для русскихъ газетъ и просилъ на этомъ основаніи хлопотать о ссудѣ у Герцена. «Я хочу просить его, чтобы онъ мнѣ далъ займы не изъ своего кармана, а изъ фонда 800 фр., не вдругъ, а въ первый мѣсяць и какъ можно скорѣе 300 фр., во второй—200 фр., въ третій мѣсяць—150 фр. и въ четвертый тоже 150 фр.». На слѣдующій день Бакунинъ прибавилъ: «Обязуюсь передъ тобой честнымъ словомъ, а также и глубокимъ уваженіемъ моимъ къ твоему отношенію къ Герцену выплатить безъ задержки фонду все, что фондъ дастъ мнѣ займы. Повѣрь мнѣ, я не скомпрометирую тебя ни передъ фондомъ, ни передъ Герценомъ» («Письма», 247, 249).

3630. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 декабря (1869).

Парижъ, 8, Rue Rovigo.

Что вы это, батюшка Николай Платоновичъ, въ гнѣвъ изволили взойти за то, что не пишу о здравіяхъ Таты и родителя ея, въ то время, какъ пишу и много.

Вчера былъ Брока, сидѣлъ больше получаса. Тата съ нимъ была очень мила; его заключеніе такое, что мозгъ явнымъ образомъ былъ пораженъ; что глаза до сихъ поръ ясно обозначаютъ, что болѣзнь не совсѣмъ прошла. Онъ находитъ ее въ *полномъ выздоровленіи*, но слѣдуетъ бояться всякаго сильнаго потрясенія и даже умственной работы, читать вздоръ и писать вздоръ, пока мозгъ укрѣпится. Очень совѣтуетъ гимнастику, усталъ и даже холодную воду. Онъ былъ очень внимателенъ, и, когда пошелъ, я ему вручилъ 40 фр. (это—цѣна первокласснымъ здѣсь), но онъ въ ту же минуту отдалъ и никакъ не хотѣлъ взять и не взялъ. «Я пріѣзжалъ къ вамъ, какъ знакомый, какъ человѣкъ, давно васъ уважающій», etc...

Самая трудная статья, самая скучная по исполненію вотъ въ чемъ: Тата хочетъ непременно жить особнякомъ, отдѣльно въ своей комнатѣ, а Тесье и Брока совсѣмъ не того мнѣнія и находятъ въ этомъ очень дурной признакъ. Ты понимаешь, что допустить затворничество нельзя, но это ужасно трудно. Если-бъ можно было ее свести на рисованье, было бы хорошо.

О себѣ я и не спрашивалъ,—мнѣ не до себя пока,—чирій на рукѣ еще не совсѣмъ прошелъ, это—сахарометръ. Ъмъ и пью хорошо,

но сплю скверно. Съ вечера засыпаю, какъ убитый, но часа въ 4 просыпаюсь съ ужасомъ не уснуть.

Квартиру съ бордомъ и всѣмъ нашель, дорого, но превосходную, тихую, въ самомъ центрѣ и въ самой тишинѣ,—172, Rue de Rivoli; въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ увижу, остаемся ли въ Парижѣ, и тогда квартиру сыщу fixe, а тутъ надобно бросить въ печь фр. 800 въ мѣсяцъ. Это мнѣ очень неприятно, но нѣкоторый комфортъ и ширь комнату Татѣ необходимъ. «Бордо» устраняетъ всѣ хлопоты о хозяйствѣ, дрязги и проч. Вотъ полный отчетъ.

Черкесовъ ¹⁾ арестованъ; объ этомъ я читаль въ тобою присланномъ «Голосѣ». Если что узнаю, сообщу; я еще не видаль ни Выр., ни Боборык. ²⁾ Вчера безъ меня была Полина Львицкая, она ангажирована на три года въ Covent Garden, по 12 т. въ годъ, съ разными правами концертовъ, поѣздокъ...

Мейзенбургъ изъ Ольги не сдѣлаетъ пѣвицы, а портить ее бережью горла и пр. до возмутительной степени.—Прощай.

Письмо провалялось въ моемъ карманѣ больше 24 часовъ, т.-е. до 24 декабря.

Все обстоитъ благополучно.

Съ квартирой еще не кончиль. Пиши: 8, Rue Rovigo.

◆◆ 1. П. Д. Боборыкинъ встрѣчалъ Герцена преимущественно у Вырубова. «Изъ перваго вечера, проведеннаго съ Герценомъ, у меня остался въ памяти философскій споръ, который начался между нимъ и старикомъ Литтре, соредакторомъ Вырубова, тогдашнимъ главой позитивистовъ лѣваго лагеря, не признававшихъ той позитивной религіи, которую О. Контъ создалъ послѣ выпуска въ свѣтъ своей «Системы позитивной философіи». Герценъ, оставаясь вѣрнымъ научно-философскому credo, не могъ соглашаться съ нѣкоторыми положеніями правовѣрнаго позитивизма. Въ немъ сидѣлъ слишкомъ убѣжденный и пылкій поборникъ революціоннаго движенія, онъ не могъ соглашаться на слишкомъ спокойное и объективное признаніе законовъ социологіи. И тутъ я сразу увидаль, до какой степени Герценъ, несмотря на продолжительное пребываніе за границей, остался русскимъ человѣкомъ и москвичемъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Говориль онъ бойко по-французски, но думаль по-русски и намъ всѣмъ, присутствовав-

¹⁾ Объ арестѣ Черкесова см. «А. П. Философова», I, 200—201.

²⁾ Петръ Д. Боборыкинъ. ¹

шимъ при этомъ состязаніи, было замѣтно, какъ старикъ Литтре часто затруднялся сразу схватить то или иное выраженіе Герцена; его слова были французскія, а обороты русскіе» («Рус. Мысль» 1907, XI, 113). Читатель понимаетъ, что Боборыкинъ, по самому своему умственному складу, врядъ ли понималъ Герцена и тогда, и потомъ, когда писалъ свою статью, сорокъ лѣтъ спустя.

Въ другомъ мѣстѣ, пережевывая то же самое, Боборыкинъ счелъ нужнымъ добавить, что разговоръ Герцена съ Литтре показалъ ему и еще двумъ-тремъ русскимъ, что «Герценъ врядъ ли былъ особенно хорошо знакомъ съ движеніемъ новѣйшаго научнаго мышленія»... Это показываетъ, что нашъ романистъ считалъ себя самого тогда въ плоскости этого знакомства... Дальше идетъ уже просто баллетристическая фантастика, которая вообще подрываетъ довѣріе къ правдивости показаній Боборыкина, а именно, онъ помнитъ, какъ Герценъ (въ Парижѣ въ концѣ декабря), привезя больную старшую дочь, показалъ ему на рукѣ, около сгиба, припухлость и сказалъ: «Вотъ видите, это всегда у меня бываетъ отъ внутренняго волненія. Меня испугала депеша моего сына о здоровьѣ дочери (31 октября) и сейчасъ же диабетъ далъ себя знать вотъ въ этомъ гнѣздѣ—«slow», какъ называютъ французы»... («Столицы міра», 496, 497).

«Въ своей квартирѣ на Rue de Rivoli Герценъ зажилъ, какъ иностранецъ, сочувствующій тогдашнему настроенію французскаго общества, но не какъ знаменитый эмигрантъ, вокругъ котораго собирался бы видный кружокъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей. За нѣсколько мѣсяцевъ этой зимы 69—70 г. ¹⁾ я не помню, чтобы познакомился у него съ какимъ-нибудь выдающимся эмигрантомъ. Французовъ—политическихъ дѣятелей, депутатовъ или выдающихся журналистовъ, къ нему что-то не ходило; кружокъ русскихъ сводился къ нѣсколькимъ молодымъ людямъ, изъ которыхъ я тоже не припомню ни одного выдающагося эмигранта. Всего чаще посѣщали его Вырубовъ, я и покойный Е. И. Рагозинъ. По средамъ были журфиксы.

«... Тогдашній Парижъ уже сбрасывалъ съ себя иго Бонапартова режима, оппозиція въ палатѣ поднимала голову, происходили и уличныя демонстраціи по поводу убійства одного молодого радикала членомъ императорской фамиліи. Все это волновало Герцена, точно молодого политическаго бойца. Онъ ходилъ всюду, гдѣ проявлялось

¹⁾ Боборыкинъ могъ говорить только о трехъ недѣляхъ, съ 23 декабря 1869 по 10—15 января 1870 г., а эта поправка очень суживаетъ цѣнность его заключеній.

броженіе, посѣщаль публичныя лекціи и сходки, но не примыкаль, сколько я помню, ни къ какому тогдашнему оппозиціонному кружку» (тамъ же, 114—115).

Когда читаешь всё подобныя рассказы Боборыкина, всегда вспоминаешь «громадную» иностранную литературу о Герценѣ. Въ ней столько легковѣсности, столько непониманія ни Герцена, ни Россіи того времени, ни умственныхъ ея теченій, что при желаніи воспользоваться хоть чѣмъ-нибудь неизмѣнно остаешься почти съ пустыми руками. Надо надѣяться, что тецерь, когда на Западѣ живетъ масса русской интеллигенціи безъ всякаго дѣла, найдутся люди, которые сумѣютъ, хотя бы «въ пику» совѣтской Россіи, освѣтить заграничную жизнь А. И. за послѣдніе пять-шесть лѣтъ. Они должны использовать живыя связи и отношенія, должны поработать въ мѣстныхъ архивахъ.

3631. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 декабря (1869).

8 Rue Rovigo.

Сейчасъ переѣзжаемъ въ Pavillon de Rohan, 172, rue de Rivoli; это—огромный домъ, отдающійся на мелкія и крупныя квартиры, съ ѣдой и безъ ѣды¹⁾. Мѣсяць или даже два можно отдохнуть и выкдать, что скажетъ здоровье Таги и болѣзнь Мейз. Эту трату за покой я заслужилъ двумя послѣдними мѣсяцами.

Я не могу ни на чемъ сосредоточиться, ничѣмъ заниматься и свелъ все на одно чтеніе.

Въ «Indép.» подробности о Черкес.; захвачено въ Москвѣ и Петербургѣ до ста человекъ. Нашли какія-то прокламаціи у Евреиновой и по подозрѣнію обыскали Черкес.—У него не нашли, а нашли въ судѣ (онъ мировой судья), за что и арестовали. Пиши на новый адресъ.

Глупо, что Туца посылають къ обѣднѣ, а, въ сущности, это никакого вліянія не имѣетъ. Генри ходилъ же (подъ твоимъ царствованіемъ) всякое воскресенье,—все это виѣшнее.

Присылай стихи и прощай.

¹⁾ Въ меблированный домъ Pavillon de Rohan впоследствии перешелъ Hôtel du Louvre.

Съ Новымъ годомъ, отъ котораго ни на волосъ не жду ничего новаго и ничего хорошаго. Лишь бы остаться при своихъ.

А что скажете объ Оливійскомъ ¹⁾ министерствѣ?

Изъ твоего смутнаго письма я не могъ понять, получилъ ли ты мой рапортъ о Брока (въ письмѣ, адрес. къ Тхорж.).

---

¹⁾ Эмиль Оливье получилъ предложение Наполеона III сформировать министерство, образовавшееся окончательно ко 2 янв. 1870 г.

1870

3632. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 января (1870).
172, Rue de Rivoli.

Опять не знаю, что писать, все идетъ медленно, вяло и не то, чтобы особенно гладко. Татѣ становится лучше и лучше. Все остальное ковыляется по-прежнему. Не знаю, успѣю ли имѣть вліяніе на Ольгу: Мейз. положительно держится въ осадномъ положеніи.

Сегодня, въ половинѣ девятого утромъ явился Иванъ-Батистъ Бокэ да еще въ дополненіе принесъ какой-то долгъ, о которомъ я забылъ. Неизмѣнно тотъ же.

Татѣ итал. грамматика не повредитъ; она ее выписывала для Эрминіи, т.-е. для горничной.

Она говоритъ о инцидентѣ Пенизи, какъ о совершенно случайномъ дѣлѣ, и я полагаю, что Шиффъ былъ правъ, и что она была уже больна, когда случился этотъ толчокъ. Ну, что же ты съ своими корсиканскими вендетами?

Скажу откровенно, мнѣ кажется, что общей жизни здѣсь не устроишь; все виситъ на ниткѣ. Съ одной Татой мы бы устроились лучше, да оно тѣмъ и кончится—I think ¹⁾.

Кн. Об. ²⁾ или Жуковскому я, разумѣется, денегъ не дамъ. Тогда ей надобно было ѣхать,—теперь не тѣ обстоятельства. Впрочемъ, ты знаешь, что я занялъ 10 т. у Тхорж., и можешь Жук. сказать. А прогроз, а когда же онъ дастъ отвѣтъ о моей набранной статьѣ? Отчего ему не взять процентовъ за 8 у Тхорж. на формальный вексель? Но это ихъ дѣло.

¹⁾ Я думаю. ¹

²⁾ Оболенская.

NB. Если «Egal.» съ Перроновой рѣчью не послано или не дошло; прошу вырѣзать рѣчь и прислать въ письмѣ. До сей минуты не получаль ¹⁾).

Въ «Спб. Вѣдомостяхъ» протестъ студента моск. университета А., увѣдомляющаго, что имя его по ошибкѣ попало въ число покорившихся, и свидѣтельствующаго, что онъ на лекціи Полунина не былъ. Это и протестъ Закревскаго я считаю очень важнымъ...

Тутъ есть гражданское мужество.

Въ B-que Suisse должны получить изъ Фрейбурга больше 500 фр. Я еще разъ прошу Тх.: 1-ое, подписаться на «Голось», 2. Дать Чернец. 100 fr.; ты долженъ получить 500. Все передержанное пришлю въ страховомъ письмѣ тотчасъ.

О Revue сегодня узнаю отъ Фивега.

Прощай.

◆◆ 1. Собравшаяся, кромѣ сына, семья показала, что совмѣстная жизнь ея врядъ ли наладится. Прежде всего невозможно было соединеніе въ одномъ домѣ Огаревой и Мейзенбургъ; слѣдовательно, и Ольга Александровна занимала позицію не очень увѣренную; во-вторыхъ, Мейзенбургъ, вообще, держалась въ сторонѣ даже отъ самого Герцена. Благодаря всему этому страдала еще не окрѣпшая Наталія Александровна... Герценъ все это видѣлъ и ясно понималъ.

3633. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 января 1870. Пятница,
172, Rue de Rivoli.

Получилъ твое письмо отъ 5. Я не писалъ двухъ-трехъ дней по совершенному отсутствію сообщаемаго.

Рѣчь на могилѣ С.-С. ²⁾ читалъ,—ничего, не дурно. ¹⁾ Озерова (какъ ты знаешь) я знаю давнымъ-давно. Отъ отца Михаила ³⁾ изъ Локарно получено писемцо. ²⁾ Въ женевскихъ шпионовъ вѣрую и посылаю тебѣ тартинку изъ «Liberté».

¹⁾ См. слѣдующій №.

²⁾ А. А. Серно-Соловьевича.

³⁾ Бакунинъ.

Вотъ тутъ и вспомнишь блаженной памяти Ловецкаго: «Польза—вредъ большой, употребленіе—никуда не употребляется». Да, я окончательно разумомъ убѣдился въ томъ, въ чемъ мое чутье убѣждало меня. А тутъ, какъ ты видѣлъ въ письмѣ Бокэ, валять и на меня долю безумій, противъ которыхъ я былъ съ начала до конца. (А прогос, зачѣмъ ты пересылаешь такую белиберду, какъ это письмо Бокэ?). Я буду очень радъ, если Бой ¹⁾ выздоровѣетъ, но видѣться мнѣ съ нимъ не нужно.

Насчетъ «Колокола» еще не знаю. Когда все устроится и притихнетъ въ домашней жизни, т.-е. когда Мейз, и Ольга займутся дѣломъ, Тата окрѣпнетъ и домъ будетъ нанятъ,—я приѣду недѣли на двѣ.

Для возобновленія «Колокола» нужна программа, даже для насъ. На такомъ двойствѣ возрѣній, которое мы имѣемъ о главномъ вопросѣ, нельзя создать журнала. Читать насъ никто не хочетъ. Сдѣлаемъ опытъ издать «Полярную Звѣзду». Что у тебя есть готоваго? Я, впрочемъ, предпочелъ бы участвовать въ какомъ-нибудь петербургскомъ изданіи. А прогос, Боборыкинъ собирается издавать газету ежедневную, оппозиціонно-литературную и политическую, въ родѣ «Figaro». Онъ за этимъ ѣдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ.

Засимъ кланяюсь.

Совсѣмъ, было, забылъ объ Элпидинѣ. Можно ничего не давать или дать almeno 50 фр.,—10 фр. я считаю рѣшительно невозможнымъ. Напиши, что за напасть у нихъ, что они, пошли по міру?

«Подайте мальчику на хлѣбъ».

з часа и три другіе сидѣлъ у меня старикъ Свербеевъ, московскій... съ великими дружбами!

Nat. была у Салиасъ ²⁾—кланяется тебѣ. ³⁾

◆◆ 1. Въ Женевѣ, 27 декабря, на кладбищѣ Plain-palais происходило освященіе памятника на его могилѣ въ присутствіи членовъ Интернаціонала и значительнаго числа русскихъ и польскихъ эмигрантовъ. Редакторъ «l'Egalité» Перронъ сказалъ большую рѣчь, съ которой читатель можетъ познакомиться въ моей книгѣ «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ», стр. 273—275. На эту-то рѣчь, напечатанную въ «L'Egalité» 1 января 1870 г., Герценъ и указалъ въ двухъ письмахъ подрядъ.

¹⁾ С. Г. Мечавъ.

²⁾ Елизавета Васильевна.

2. 3 января 1870 г. Бакунинъ писалъ Огареву: «Поблагодари Герцена отъ меня. А, все-таки, мнѣ жаль, что онъ не согласился на мое предложеніе и на мою просьбу; не согласился, разумѣется, потому, что по старой привычкѣ и на *старыхъ дѣйствительныхъ* основаніяхъ не вѣрить въ мою настоящую работу. Жаловаться на него за это не стану, потому что не имѣю права. Прошедшее говорить за него. Къ тому же мистицизмъ сталъ его натурою, а природы не перемѣнишь. А, все-таки, жаль. Я былъ бы свободнѣе въ отношеніи къ Герцену. Не то, чтобъ мнѣ было тяжело взять у Герцена—знаю, онъ дастъ отъ души и попрекать не станетъ, но что я буду дѣлать въ будущемъ мѣсяцѣ? Вѣдь, не опять же просить у Герцена» («Письма», 251).

На слѣдующій день, 4-го, Бакунинъ писалъ Герцену, благодаря его за присланные 300 фр. и извѣщая о своихъ домашнихъ дѣлахъ и литературныхъ занятіяхъ («Письма», 252).

3. По словамъ Д. Н. Свербеева, ему не вѣрилось, чтобы «Герценъ былъ или могъ сдѣлаться безнравственнымъ, злымъ, подлымъ эгоистомъ, и часто, думая о немъ въ послѣдніе годы, мнѣ вспоминалось послѣднее наше, за четверть вѣка, свиданіе въ Россіи, гдѣ между нами, съ глазу на глазъ была живая, откровенная рѣчь о двухъ сторонахъ эгоизма. Онъ горячо упрекалъ меня въ консервативномъ желаніи сохранить за собою лично и для своей семьи всѣ удобства тогдашняго моего положенія и оставаться равнодушнымъ къ прогрессивному стремленію, отъ котораго я боялся преувеличенной, по его мнѣнію, опасности замышляемаго переворота; я нѣсколько спокойнѣе и сдержаннѣе, нежели онъ, укорялъ его, въ свою очередь, въ необузданномъ и нѣсколько неопредѣленномъ стремленіи впередъ, въ желаніи для невѣрной пользы отдаленнаго потомства разрушать существующій порядокъ, болѣе или менѣе обезпечивающій всѣхъ членовъ настоящаго общества,—въ неувѣренности въ томъ, чтобы настоящее, каково бы оно ни было, могло быть замѣнено лучшимъ, и всѣ эти стремленія приписывалъ я желанію каждаго отчаяннаго прогрессиста прославить себя *soûte qui soûte*, не взирая ни на какія препятствія и опасности, лишь бы стать на пьедесталъ, вести за собой толпу и величаться передъ ней. «Увидимъ (заклучилъ я) впоследствии, кто изъ насъ двухъ останется правымъ, кто сдѣлаетъ больше пользы и надѣлаетъ меньше вреда».—«Когда-нибудь сочтемся»,—и съ этими словами мы разошлись, не предполагая, однако, нашей долгой разлуки.

«Послѣднюю осень, пріѣхавъ въ Швейцарію, сталъ я отыскивать его въ Женевѣ; мнѣ отвѣчали, что онъ въ Ниццѣ, и подтвердили, что онъ давно уже молчитъ и бездѣйствуетъ. Я не замедлилъ къ

нему отправиться. Съ моей визитной карточкой въ рукѣ, прежній, но уже постарѣвшій Герценъ, такъ бывало мнѣ симпатичный, и отнюдь не тотъ Искандеръ, котораго я и не любилъ и опасался, явился передо мной въ своей гостиной, гдѣ я его ожидалъ, и не могъ скрыть отъ меня своего удивленія при такой нечаянной встрѣчѣ: онъ думалъ найти у себя одного изъ моихъ сыновей, а никакъ не меня. Съ первыхъ словъ объяснились мы дружелюбно въ его обо мнѣ отзывѣ (см. № 2175). Замѣтивъ въ лицѣ его выраженіе грустнаго утомленія: «Ну, Александръ Ивановичъ,—сказалъ я ему—что вы и какъ вы?»—«Годы, какъ видите, и меня уgomонили». Тутъ пошли взаимные разспросы о нашихъ семьяхъ, и я рѣшился спросить, точно ли онъ имѣеть намѣреніе возвратиться на родину. «Это невысказано,—сказалъ онъ,—и вѣрѣте, что я нигдѣ, а тѣмъ менѣе въ Вѣнѣ, не хлопоталъ о возвращеніи. Знаете ли,—прибавилъ онъ,—я, Герценъ, считаюсь отсталымъ въ глазахъ новыхъ женевскихъ эмигрантовъ. Между политическими выходцами всѣхъ странъ и національностей непримиримая распря неизбежна; эта зараза всюду за нами сопутствуетъ. Вотъ вамъ послѣдняя книжка «Народное Дѣло», и вы увидите, какъ издатели этого журнала меня опередили, а равно и все то, что желаютъ они для Россіи». Въ концѣ этой книжки эмигранты младшаго поколѣнія призывали Герцена къ объясненію и отвѣту. Первое наше свиданіе длилось немного; мы пожали другъ другу руку, обнялись и обѣщались видаться; разумѣется, я приглашалъ его къ себѣ.

«12-го января н. ст. Герценъ зашелъ ко мнѣ и съ лестнымъ для меня вниманіемъ прослушалъ одну мою статейку, которая читалась у меня для двухъ-трехъ слушателей. Послѣ чтенія онъ оставался со мною недолго, и это было второе и послѣднее наше съ нимъ свиданіе. Я забылъ сказать, что, несмотря на краткость нашихъ бесѣдъ, онъ не оставилъ съ искреннимъ участіемъ предложить мнѣ вопросъ о слѣдствіяхъ освобожденія крестьянъ. Я откровенно выразилъ ему мое личное искреннее мнѣніе, что эмансипація благотворнѣе до сего времени подѣйствовала на дворянъ-помѣщиковъ, чѣмъ на освобожденныхъ, что она у первыхъ отняла всякое самоуправство и тѣмъ самымъ ихъ облагородила и заставила жить умственно и нравственно. «Хорошо и это—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ умиленія. Ваше откровенное признаніе меня во многомъ утѣшаетъ.» Не заставъ его дома нѣсколько дней спустя, я еще повторилъ мое посѣщеніе и узналъ, что онъ тяжело занемогъ простуднымъ воспаленіемъ. Съ тѣхъ поръ я началъ справляться о ходѣ болѣзни у его дочери» («Рус. Архивъ» 1870, III, 681—684).

3634. Письмо къ Н. П. Огареву.

10 января (1870). Понедѣльникъ.

Vivament ¹⁾ наше такъ безсмысленно и безсобытно, что, дѣйствительно, писать нечего. Главное—здоровье Таты, оно идетъ хорошо. Мальв. умаялась и успокоилась въ лучахъ славы. N. не всегда покойна; при новыхъ встрѣчахъ бываютъ коллизіи. Съ граф. Салиасъ (которая тебѣ очень кланяется) были длинные разговоры о семейныхъ дѣлахъ. Салиасъ совершенно противнаго мнѣнія N. и боится, что русская печать приметъ насъ обругивать, въ чемъ и я увѣренъ.

Вербеевъ для меня наполняетъ цѣлый кварталъ өміамомъ Арбата и Пречистенки. Ему 70 лѣтъ и ни на волосъ не измѣнился; читаль мнѣ начало своихъ «Записокъ». У него одна изъ дочерей была въ сумасшед. домѣ въ Англіи и здѣсь и совсѣмъ выздоровѣла; я ее видѣлъ—румяна, свѣжа и здорова, какъ Тата. Что за странности!? Да еще говорятъ, что на-дняхъ здѣсь свезли въ домъ умалишен. старика Петра Андреев. *Вяземскаго*. Мода что ли это?

Далѣе продолжаю хронику—сегодня ждуть въ здѣшнюю столицу Ив. Серг. Тургенева. Выруб. и Боборыкинъ бываютъ часто. Выруб. очень любезенъ съ дамами ²⁾ и спорить непрерывно. Вотъ и все. ¹

Боб. говорилъ о какой-то статьѣ въ «Москов. Вѣд.», о студентахъ и прокламаціяхъ; если интересно, пришли. Сверб. увѣрялъ меня, что Катковъ въ Москвѣ—всѣ власти и не власти боятся за его тайныя связи и доносы, что онъ, иначе сказать, шпионъ en gros.

Въ твоей записочкѣ къ Сат. (которую, наконецъ, N. рѣшилась послать; можетъ, она была права, что переждать слѣдовало) ты ему пишешь объ *Астраковѣ*... Да, caro mio, неужели ты забылъ, что онъ давнымъ-давно умеръ!

M-me Michel въ Версали.

Прощай.

Сегодня Озеровъ дастъ первый урокъ Лизѣ въ ариѳметикѣ. Лиза здорова. Она полосами шалитъ, т.-е. капризничаетъ, и полосами умна и просто рѣзва. Теперь она въ хорошей полосѣ.

Голова претяжелая.

Аминь.

¹⁾ Поживаніе.

²⁾ Онъ особенно гѣшитъ Тату. А. И. Г.

Тхорж. прилагаю записочку о главномъ общ. застрахованіи; Мейраргъ сострилъ отлично насчетъ Пана, передай ему. Онъ говорить: «Если -вы скажете, что этотъ польскій господинъ вашъ другъ и непременно пойдетъ въ первое возстаніе, они накинута 5% лишку».

◆◆ 1. Тогдашній Парижъ, говорить Боборыкинъ, уже сбрасывалъ съ себя иго Бонапартова режима, оппозиція въ палатѣ поднимала голову, происходили и уличныя демонстраціи по поводу убійства одного молодого радикала (Нуаре) членомъ императорской фамиліи (Петромъ Бонапартомъ). Все это волновало Герцена, точно молодого политическаго бойца. Онъ ходилъ всюду, гдѣ проявлялось броженіе, посѣщаль публичныя лекціи и сходки, но не примыкаль, сколько я помню, ни къ какому тогдашнему оппозиціонному кружку... За нѣсколько дней до его болѣзни (когда онъ простудился на публичной лекціи тогдашняго радикала-соціалиста Вермореля) за обѣдомъ въ ресторанѣ Frères provençaux (уже не существующемъ теперь) онъ былъ въ особенности въ ударѣ; и тогда я испыталъ самый сильный припадокъ обиды и горечи за то, что такой полный еще жизни, творчества и умственнаго блеска, такой великій возбудитель политическаго и соціальнаго самосознанія нашего отечества принужденъ, все-таки, довольствоваться жизнью иностранца, не имѣющаго возможности жить и дѣйствовать у себя дома, принять непосредственное участіе въ томъ, что у насъ творится» («Рус. Мысль», 1907, XI, 115, 116).

3635. Письмо къ Н. П. Огареву.

14 янв. (1870). Пятница.

Что будетъ, не знаю, я—не пророкъ, но что исторія совершаетъ свой *актъ* здѣсь, и будетъ ли рѣшеніе по $+$ или по $-$, но оно будетъ здѣсь,—это ясно до очевидности. А изъ этого еще яснѣе, что до окончанія V акта и до занавѣси жить лучше здѣсь,—даже чисто зрителемъ. Я сильно убѣждаю тебя прочесть всѣ подробности 12-го января не только въ подломъ «Journal de Genève». Nat. и Malvida видѣли все. Я сначала не вѣрилъ, а потомъ провожалъ Тату въ другое мѣсто и видѣлъ только возвращеніе ¹⁾. Говорять, что сегодня пріѣдетъ

¹⁾ 8 января Рошфоръ въ «Marseillaise» напалъ на правительство, призывая населеніе не платить налоговъ и т. п. 12-го были похороны убитаго принцемъ Петромъ Бонапартомъ Нуаре; беспорядокъ былъ подавленъ войсками; въ Парижѣ царило большое одушевленіе.

Ледрю-Р., а Ив. Сергѣев. уже пожаловаль. Вчера былъ у меня, не засталъ, сегодня я жду его утромъ.

Ишу квартиру на полгода; какъ только устроюсь, приѣду въ Женеу для приведенія, елико возможно, къ одному уровню общее возрѣнїе. Вопросъ о твоёмъ переѣздѣ сюда опять занимаетъ меня. Мнѣ все страшно, что ты одичаешь въ леманской мурѣ.

15 января.

Тургеневъ былъ, весель и здоровъ. У него подагра, и больше, кажется, ничего; рассказываетъ анекдоты; съѣдъ, какъ лунь.

Сегодня я расклеился: болитъ бокъ и грудь. Шарко ²⁾ велѣлъ сегодня полежать. Онъ славный D-г. ¹

Ну, а ты огорошилъ 5 т.—не ошибка ли, и моя страдательная роль.

◆◆ 1. Тургеневъ былъ днемъ, «очень весель и милъ», по словамъ Огаревой. «Они много смѣялись. Уходя, Тургеневъ спросилъ Герцена:

«— Ты бываешь дома по вечерамъ?

«— Всегда,—отвѣчалъ Герценъ.

«— Ну, такъ завтра вечеромъ я приду къ тебѣ.

«Передъ объѣдомъ всѣ разошлись» (былъ еще Ев. И. Рогозинъ).

Герценъ пошелъ съ Огаревой на улицу не надолго, а вечеромъ, какъ всегда, ходилъ читать газеты. «Когда онъ возвратился, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, было около 10¹/₂ час. «Всѣ наши уже разошлись,—сказалъ онъ—а мнѣ что-то нехорошо, все колетъ бокъ. Я для того и прошелся, чтобъ расходиться, да не помогло. Пора ложиться спать. Дай мнѣ немного коньяку». Я подала ему рюмку коньяку. Онъ выпилъ и сказалъ, что ознобъ сталъ проходить. «Теперь хотѣлось бы покурить,—сказалъ онъ,—но такъ дрожу, что не могу набить трубки». Ночью Герценъ жаловался, что не можетъ спать: сильно болѣлъ бокъ и ноги ломило нестерпимо. Послѣ поставленныхъ горчичниковъ боль стала уменьшаться. Затѣмъ начались сильный жаръ и бредъ; больной то говорилъ громко, то стоналъ» («Воспоминанія», 270—271).

Больше Тургеневъ не видѣлъ Герцена, что не мѣшало ему рассказывать, какъ онъ поѣхалъ къ нему, когда узналъ, что Герценъ

²⁾ Жанъ-Мартэнъ, извѣстный профессоръ паталогической анатоміи въ области нервной системы. До того разъ въ недѣлю бывалъ для пользованія дочери, Наталіи Александровны.

опасно боленъ, «засталь его почти умирающимъ», какъ онъ «не могъ забыть его лица передъ смертью; это когда-то такое оживленное, такое знакомое мнѣ лицо было до ужаса измозжено, изъѣдено болѣзною» («Тургеневскій сборникъ», 130). Придя къ Огаревой послѣ казни Тропмана, бывшей 19 января, Тургеневъ говорилъ, что знаетъ себя, «какъ жалкаго человѣка», «стихи управляютъ имъ», каялся, что «когда Бѣлинскій умирающій возвращался въ Россію, онъ не простился съ нимъ» и т. д. «Знаю, Иванъ Сергѣевичъ,—отвѣтила ему Огарева,—вась отозвала Виардо; не сдѣлайте того же и нынче. Вы любите Герцена, а, пожалуй, и съ нимъ не проститесь.—Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно,—возразилъ онъ горячо» (тамъ же, 313—314)—и въ тотъ же день уѣхалъ изъ Парижа, въ Бадень...

22 января Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову: «Пишу вамъ подъ впечатлѣніемъ горестнаго извѣщенія: съ часъ тому назадъ узналъ, что Герценъ умеръ. Я не могъ удержаться отъ слезъ. Какія бы ни были разнорѣчія въ нашихъ мнѣніяхъ, какія бы ни происходили между нами столкновенія, все-таки, старый товарищъ, старый другъ исчезъ: рѣдѣютъ, рѣдѣютъ наши ряды!» Однако, слезы не помѣшали, какъ всегда, неискреннему «старому другу» сочинить дальше, что 16-го онъ видѣлъ Герцена уже въ постели и «каждый день до своего отъѣзда 19 января посѣщалъ его семейство,—его я уже не могъ видѣть—докторъ не позволялъ». Ничего подобнаго не было. Какъ видно изъ письма Н. А. Герценъ къ Огареву, послѣ 15 января Тургеневъ зашелъ на секунду 19-го, передъ самымъ отъѣздомъ, какъ бы для того, чтобы удостовѣриться, что похороны Герцена не задержать его отправиться въ Бадень... «Уѣзжая, я уже зналъ, что онъ безнадеженъ», прибавляетъ Тургеневъ Анненкову («Рус. Обзоріе», 1894, IV, 511), не подозрѣвая, какимъ холодомъ это должно будетъ отозваться у cadaго, кто вспомнить, какъ Герценъ отхаживалъ Ив. Сергѣевича отъ холеры въ 1849 г., и кто знаетъ, что ничего важнаго и срочнаго его въ Бадень не ожидало.

Утромъ 15-го былъ приглашенъ Шарко. Были предписаны банки. Вечеромъ онъ былъ снова, ежедневно дѣлалъ изслѣдованіе мочи, сказавъ, однако, что диабетъ нужно лѣчить послѣ.

3636. Письмо къ сыну.

16 января 1870. Воскресенье.

Шарко меня рѣшительно положилъ въ постель. Скучно, глупо,—небольшое воспаленіе въ груди. По-моему, сегодня лучше.

Затѣмъ прощай. ¹

◆◆ 1. 16-го Шарко сказалъ Герцену, что у него зачаточное воспаленіе въ лѣвомъ легкомъ, и считалъ положеніе больного не серьезнымъ.

17-го стало немного лучше; поставили мушку. Въ этотъ день около Герцена, кромѣ Огаревой и дочерей, былъ Вырубовъ.

«Меня держать точно помѣшаннаго,—сказалъ ему Герценъ,— не сообщаютъ никакихъ новостей. Скажите мнѣ, отдали ли Рошфора подъ судъ или нѣтъ?

« — Отдали,—отвѣчалъ Вырубовъ.

« — Сколько голосовъ?

« — 234.

« — Противъ сколькихъ?

« — Противъ 34.

«Жаръ спадалъ». («Воспоминанія» Огаревой, 272—273).

Утромъ 18-го Шарко остался очень доволенъ и на вопросъ Огаревой, не слѣдуетъ ли вызвать сына изъ Флоренціи, отвѣтилъ: «если понадобится, я вамъ скажу, но до сихъ поръ не вижу ни малѣйшей опасности». Всѣ стали спокойнѣе.

Въ нѣчь на 19-ое Герценъ былъ въ такомъ сильномъ волненіи, что не могъ найти себѣ мѣста, сердился и безпрестанно говорилъ: «боль нестерпимая, боль нестерпимая». Шарко нашелъ возможнымъ выписать сына. «Если онъ пріѣдетъ понапрасну, то можетъ только порадоваться съ нами».

Днемъ 19-го, когда Шарко заѣхалъ вторично, Вырубовъ спросилъ его, не слѣдуетъ ли созвать консилиумъ. «Я понимаю ваше положеніе, но не нахожу надобности въ консультаціи. Въ болѣзни г-на Герцена нѣтъ ничего спорнаго». По отъѣздѣ Шарко Вырубовъ привезъ своего пріятеля Du Brisé. Огарева пошла предупредить Герцена.

« — Но что скажетъ Шарко?—спросилъ онъ.

« — Шарко согласенъ.

« — Въ такомъ случаѣ скажи Вырубову, что я очень радъ, а Шарко, что очень огорченъ». Консультація ничего не дала.

По улицѣ проходила военная музыка. «Герценъ очень любилъ ее. Онъ улынулся и билъ тактъ по моей рукѣ. Я едва удерживала слезы. Помолчавши немного, онъ вдругъ сказалъ: «Не надобно плакать, не надобно мучиться, мы всѣ должны умереть». А спустя нѣсколько часовъ, сказалъ Огаревой: «Отчего бы не ѣхать намъ въ Россію?»

Телеграфировали Огареву въ Женеву.

3637. Телеграмма къ С. Тхоржевскому.

Jeudi, 20 janvier, 1870. Grand danger passé! Mécontent des médecins comme partout. Demain tâcherai d'écrire.

Переводъ.

Большая опасность миновала. Недоволенъ врачами, какъ вездѣ. Завтра постараюсь написать. ¹

◆◆ 1. Въ ночь съ 19 на 20-ое вдругъ явился приступъ бодрости, Герценъ требоваль ѣсть, умылся, перемѣнилъ бѣлье и, вообще, былъ въ приподнятомъ настроеніи.

Днемъ 20-го онъ просилъ Наталію Александровну телеграфировать Тхоржевскому, очевидно, не зная, что уже извѣщенъ Огаревъ.

Вскорѣ появился бредъ съ открытыми глазами, продолжавшійся уже до самой кончины и только на короткіе промежутки прерывавшійся возвратомъ какого-то полусознанія.

«Ночью всѣ стали кругомъ его кровати; Тата держала его лѣвую руку. Взоръ Александра былъ обращенъ на нее. Я держала его другую руку. Ольга и Лиза стояли возлѣ кровати за Татой, Мейзенбургъ позади, а Моно у ногъ. Пробыло два часа. Дыханіе становилось рѣже и рѣже. Тата попробовала дать ему пить, но я сдѣлала ей знакъ, чтобъ не тревожить его. Дышалъ онъ тише, рѣже. Наконецъ, наступила та страшная тишина, которую слышно. Всѣ молчали, какъ будто боясь нарушить ее.

«C'est fini,—сказалъ Моно» (тамъ же, 275—280. Вторая, болѣе краткая, запись Огаревой о дняхъ болѣзни и смерти Герцена напечатана почему-то анонимно въ XI кн. «В. Европы» 1909 г., но заимствовать оттуда нечего).

Присутствіе чловѣка, тогда еще чужого семьѣ, знаменательно для завершенія великой жизни: сынъ и другъ отсутствовали, любимая дочь была сама еще не крѣпка, жена выбилась изъ силъ отъ перелитыхъ шести дней,—и вотъ чужой, иностранецъ проводилъ русскаго генія...

Настроеніе дѣтей передано довольно вѣрно въ рассказѣ П. Д. Боборыкина «Послѣдняя депеша» («Сборникъ Общества любителей Россійской словесности на 1891 г.»), гдѣ, однако, фактическая сторона не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Вышедшія утромъ 22 января парижскія газеты сообщили о смерти и о назначеніи выноса тѣла на 11 ч. утра 23-го числа. Для многихъ парижанъ это было совершенно неожиданно: они еще не знали о прѣздѣ Герцена въ столицу Франціи. Парижская полиція не была увѣрена въ благополучномъ исходѣ погребальнаго шествія по городу и поэтому распорядилась вынести тѣло въ 10 ч. утра; это распоряженіе было дано только гробовщику, изобрѣтательности котораго предоставлялось объясненіе съ семьей и друзьями.

Очевидно, объясненія были таковы, что не вызвали споровъ.

Свербеевъ такъ записалъ объ этомъ печальномъ обрядѣ въ самый день похоронъ: «Тяжелое чувство легло на мою душу въ виду этого гроба, одиноко поставленнаго на полу, возлѣ той самой еще не совсѣмъ убранной постели, на которой, какъ видно, за немного времени до моего прихода лежало тѣло. Около гроба входящему въ небольшую комнату не видно было никого, кромѣ четырехъ не слишкомъ опрятно одѣтыхъ въ трауръ служителей, ожидавшихъ выноса. Въ другой болѣе обширной комнатѣ находилось три-четыре неизвѣстныхъ мнѣ дамы и человѣкъ тридцать разныхъ мужчинъ, мнѣ также незнакомыхъ, и между ними, показалось мнѣ, ни одного изъ русскихъ. Могу назвать, развѣ, только одного Ник. И. Тургенева, который, не имѣя возможности съ своей разболѣвшей ногой взобраться на третій этажъ, ожидалъ выноса у подъѣзда. Простота всего этого послѣдняго акта человѣческой жизни доведена была тутъ до убійственнаго на душу живыхъ впечатлѣнія, — такъ это, по крайней мѣрѣ, глубоко и скорбно отразилось на моей. Четверо служителей подняли ящикъ и понесли его мимо насъ, всѣ оставались въ какомъ-то безчувственномъ равнодушномъ безмолвіи, — ни одной молитвы, ни одного вздоха... Похоронная процессія изъ трехъ экипажей и отъ тридцати до сорока человѣкъ пѣшихъ проводжала покойника на кладбище Père-Lachaise, гдѣ предполагалось оставить на нѣсколько дней гробъ до перевоза въ Ниццу. Я счелъ приличнѣе и удобнѣе для себя не быть на кладбищѣ, чтобы не выслушивать надгробныхъ рѣчей, которыя могли быть тамъ произнесены... Все, что окружало брѣнные останки Герцена, все то, что совершалось надъ ними, все это, вѣрнѣе сказать, ничто не совершавшееся называемое здѣсь придуманнымъ нарочно выраженіемъ *enterrement civil* (гражданское погребеніе), повторяется здѣсь ежедневно надъ многими умирающими» (тамъ же, 685—686).

Скромная парная колесница съ гробомъ была пущена съ такой необычайной быстротою, что къ 11 часамъ она была уже почти у кладбища.

Характеръ толпы былъ смѣшанный; рабочіе съ дѣтьми на рукахъ, богато одѣтыя дамы, мужчины разныхъ состояній, женщины изъ народа. У всѣхъ составлявшихъ похоронный кортежъ, на груди виднѣлись букетики изъ красныхъ иммортелей.

Въ такомъ видѣ процессія слѣдовала сперва по улицѣ Риволи на Бастильскую площадь, затѣмъ выѣхала на бульваръ принца Евгенія и поднялась на площадь La Roquette, а оттуда вошла на улицу, по обѣимъ сторонамъ уставленную могильными памятниками и изготовленными изъ бисера вѣнками,—на длинную улицу, которая ведетъ прямо къ Père-Lachaise.

Очевидно, въ концѣ шествѣя, уже у самого кладбища могли присоединиться всѣ тѣ, кто зналъ объ 11-ти часахъ. Поэтому справедливы другія указанія, что общее число присутствовавшихъ при переносѣ тѣла во временный склепъ кладбища доходило до 500 человѣкъ. По свидѣтельству Вырубова, «похороны привлекли огромную толпу: почти вся французская республиканская партія была налицо; много шло за гробомъ старыхъ дѣятелей, даже простыхъ работниковъ, знавшихъ Герцена въ 1848 году» («Сочиненія», I, стр. XII). Среди иностранцевъ были братья Эм. и Эт. Араго, Эл. Реклю, Г. Рашъ, бывший членъ учредительнаго собранія 1848 г. Малярдье, Л. Ульбахъ, Шассэнъ, философъ М. А. Масоль, Анри Мартэнъ, публицистъ и основатель «Marseillaise» Ж.-Б. Миліеръ и др.

Изъ близкихъ, кромѣ трехъ дочерей, Мейзенбургъ и Огаревой, были сынъ и Тхоржевскій. Огаревъ не могъ прибыть по болѣзни, увеличившейся еще пережитымъ потрясеніемъ.

Когда гробъ былъ поставленъ во временный склепъ, Вырубовъ произнесъ слѣдующую рѣчь,—единственную, сказанную на кладбищѣ Père-Lachaise:

«Граждане! Семья Герцена, подчиняясь неоднократно выраженному имъ желанію, проситъ не произносить у могилы его рѣчей. Какъ необычно и—добавлю—тягостно такое нѣмое прощаніе съ человекомъ, который въ рядяхъ европейской демократіи былъ одною изъ самыхъ выдающихся личностей, но уважимъ это желаніе. Погребая мертвыхъ такъ, какъ они того хотѣли, мы отдаемъ имъ нашъ долгъ уваженія. И я не стану говорить вамъ рѣчь, я подавлю въ себѣ чувства, бьющія черезъ край, какъ ни хотѣлось бы подѣлиться ими съ вами. Скажу только, что Россія, эта страна, уже столько испытывавшая подъ гнетомъ безграничнаго деспотизма, не могла понести утраты болѣе тяжкой. У Россіи свободомыслящей, съ ея рядами, порѣдѣвшими отъ преслѣдованій, оставался одинъ только голосъ, одинъ великій голосъ

для протѣста противъ правящаго ею варварскаго режима. Этотъ голось только-что смолкъ, и не нужно говорить, что замѣнить его ничей голось не въ силахъ.

«Мы пришли сюда отдать послѣдній долгъ великому гражданину, столько сдѣлавшему для своей родины. Но Россія не облечется въ трауръ по немъ; лишь немногіе друзья, оставшіеся ему вѣрными, будутъ носить этотъ трауръ въ сердцахъ. Но придетъ день, и соотечественники его лучше поймутъ свою исторію и вспомнятъ объ этой одинокой могилѣ. На могильной плитѣ они воздвигнутъ ему памятникъ и на немъ вырѣжутъ слова: «Великому гражданину, великому изгнаннику—Александру Герцену—благодарная Россія».

«А теперь, граждане, отъ имени семьи усопшаго, а также отъ имени нѣсколькихъ соотечественниковъ, его друзей, также сюда пришедшихъ, благодарю всѣхъ, кто проводилъ его гробъ. Я въ особенности благодарю французскую демократію, которая двадцать лѣтъ тому назадъ приняла его такъ радушно и среди которой у него осталось столько друзей, благодарю за то, что она явилась отдать ему послѣдній знакъ симпатіи. О! среди современной соціальной неустойчивости, среди этого торжества всяческаго зла это единеніе всѣхъ демократовъ Европы—утѣшительное и благородное зрѣлище. Эти манифестаціи являются пока только разрозненными фактами, но онѣ становятся все чаще, и въ нихъ залогъ для будущаго. И, когда я, отдаваясь надеждѣ, этой религіи всѣхъ побѣжденныхъ, мысленно всматриваюсь въ будущее, я вижу въ дали вѣка счастливѣе нѣшего, когда народы разрушаютъ границы, эти преграды, задерживающія движеніе цивилизаціи, забудутъ расовую ненависть и національные предразсудки и сольются въ одно великое братство. Тогда, на памятникѣ, который Россія воздвигнетъ Герцену, можно будетъ добавить слова: «Велики его заслуги предъ человѣчествомъ».

(Воспроизвожу переводъ Ч. Вѣтринскаго, болѣе точно передающій французскую рѣчь, чѣмъ сдѣланный самимъ Вырубовымъ, внеся, однако, и сюда нѣкоторыя поправки).

Вслѣдъ за тѣмъ Малярды бросилъ на гробъ букетъ красныхъ им-мортелей и громко сказалъ: «Вольтеру ХІХ-го столѣтія». Посыпались цвѣты, бросали почти всѣ—вскорѣ могила стала совершенно красной.

Всѣ разошлись.

Черезъ нѣкоторое время семья отвезла гробъ въ Ниццу, гдѣ онъ и положенъ рядомъ съ женой Герцена. Впослѣдствіи тамъ поставленъ памятникъ скульптора Забѣлло, изображающій Герцена во весь ростъ.

«Могилы Герцена не стоят на виду, не бросаются въ глаза, какъ могила Гамбетты,—говоритъ Е. С. Некрасова; она скрыта, вся ушла въ тѣсноту другихъ могилъ—съ одной стороны, а съ другой—ее совѣмъ заслоняетъ отъ взора высокая земляная насыпь уступа. Да и добраться до нея не легко: для этого надобно пройти мимо могилъ отца и матери Гарибальди такъ, чтобы онѣ остались влѣво отъ васъ, и начать спускаться внизъ, держась опять же все лѣвѣй и лѣвѣй, по зеленымъ уступамъ, на нижнія, маленькія площадки. И въ лѣвой сторонѣ вскорѣ обратить вниманіе посѣтителя высокой, пышный, темный кипарисъ, а полѣвѣе, невдалекѣ отъ него, притянетъ вниманіе бронзовая, темно-сѣраго цвѣта статуя Герцена во весь ростъ, стоящая на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ съ привычнымъ жестомъ скрещенныхъ на груди рукъ»...

Памятникъ неудаченъ. Забѣлло не вдумался въ психологію и міросозерцаніе писателя, не передалъ ни лица его ни духовнаго облика. Однако, все-таки, памятникъ производитъ впечатлѣніе, что доказалъ Надсонъ въ своемъ стихотвореніи «На могилѣ Герцена».

На полдень отъ нашего скуднаго края,
 Подъ небомъ цвѣтущей страны,
 Гдѣ въ желтыя скалы стучитъ, не смолкая,
 Прибой средиземной волны,
 Гдѣ лѣсъ апельсиновъ изломы и склоны
 Зубчатыхъ холмовъ осѣнилъ,
 И Ницца на солнцѣ купаетъ балконы
 Своихъ бѣломраморныхъ виллъ,—
 Есть хмурый утесъ: словно чуткая стая
 На отдыхъ слетѣвшихся птицъ,
 Бѣлѣетъ на немъ, въ цвѣтникахъ утопая,
 Семья молчаливыхъ гробницъ.

.....
 ..... скалистый утесъ, наклоненный
 Надъ буйнымъ прибоемъ волны,
 Какъ сказочный витязь, стоитъ, погруженный
 Въ свои одинокіе сны...
 Стоитъ онъ—и мрачныя тѣни бросаетъ
 На радостно-свѣтлый заливъ,
 И знойный мистраль шелеститъ и вздыхаетъ
 Въ листьѣ его пышныхъ оливъ.

Среди саркофаговъ и урнъ погребальныхъ;
 Среди обветшалыхъ крестовъ
 И мраморныхъ женщинъ, красиво-печальныхъ
 Въ оградахъ своихъ цвѣтниковъ,—
 Тамъ ждалъ меня кто-то, какъ я, одинокій,
 Какъ я, на чужихъ берегахъ
 Страдальческій образъ отчины далекой
 Хранившій въ завѣтныхъ мечтахъ.
 Отлитый изъ мѣди, тяжелой пятою
 На мраморный цоколь ступивъ,
 Какъ будто живой, онъ вставалъ предо мною
 Подъ темнымъ наметомъ оливъ.
 Въ чертахъ величавая грусть вдохновенья,
 Раздумье во взорѣ нѣмомъ,
 И руки на мѣдной груди безъ движенья
 Прижаты широкимъ крестомъ

21 января Мишле пошелъ навѣстить Герцена и узналъ страшную новость... Черезъ день онъ написалъ интимную статью, которую, ради ея интимности, послалъ семьѣ покойнаго, никогда ее не опубликовавъ. Воспроизвожу ее съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена; къ сожалѣнiю, мѣстами рукопись испорчена.

Герцень.

Великое помраченiе на всемъ земномъ шарѣ, а невѣжественный Парижъ даже не замѣтилъ этого! Вчера угасъ голосъ сотни миллионъ людей: великій представитель славянъ, Искандеръ-Герцень, умеръ!

Подходящее имя—Герцень; это значитъ десять тысячъ сердець. Онъ ихъ имѣлъ.

Подходящее имя—Искандеръ; это тотъ, кто бросилъ камень въ колосса царизма; это даже больше, чѣмъ Скандербергъ, это—Александръ Великій.

Вчера утромъ я пошелъ къ нему, чтобы узнать о его здоровьи, и мнѣ сказали: Онъ умеръ!

Онъ умеръ! А кто же будетъ говорить для этой большой нѣмой расы? Вѣдь, восточная Европа, цѣлая страна теряетъ голосъ.

Онъ сказалъ *великое слово*: «Царизмъ—случайность. Есть настоящая Россія, огромная и вовсе не враждебная».

Такимъ образомъ то, что сказалъ нашъ дорогой мистикъ Мицкевичъ, было повторено резонеромъ Герценомъ.

Польша, Россія, Дунай—одна и та же раса, такъ давно угнетаемая.

Какъ мы будемъ воевать съ ними? Они похожи на насъ: на Францію, на Италію; кельты, славяне, вѣдь, это—родственники.

Герценъ умеръ изъ-за Россіи, изъ-за ложной Россіи, официальной и варварской, которая апплодировала палачу, которая поощряла свирѣпаго московскаго журналиста, выступавшаго противъ польскихъ мучениковъ ²⁾). Я не могу простить человѣку такого ума, что онъ забылъ то, чему онъ насъ такъ хорошо научилъ: что это не Россія, а официальный уродъ, смѣшанный изъ тридцати странъ. Страшное разложенье, глубокое тлѣніе, которыя производять все это и успокаиваютъ Европу, были намъ сообщены заранѣе, объяснены этимъ пророчкомъ.

Онъ пріѣхалъ въ Парижъ; почему же я раньше не повидался съ нимъ! Намъ, въ Парижѣ, на родинѣ рода человѣческаго, выпало на долю принять его съ распростертыми объятіями, сказать ему о томъ глубокомъ братскомъ чувствѣ, которое мы...³⁾ къ нему, и о безмерной благодарности двухъ міровъ, которую онъ...⁴⁾ открылъ, объяснилъ, умиротворилъ для будущаго ⁵⁾).

¹⁾ Въ оригиналѣ недостаетъ двухъ строчекъ.

²⁾ Катковъ.

³⁾ Въ оригиналѣ недостаетъ нѣсколькихъ словъ.

⁴⁾ То же.

⁵⁾ Кстати приведу письмо Мишле къ А. А. Герцену отъ 4 марта 1872 г., при которомъ онъ послалъ ему все письма къ нему Герцена и его рукописи о Бакунинѣ и Петрашевскомъ.

«Дорогой другъ! Если бы меня не лихорадило, я лично отнесъ бы вамъ эти важныя рукописи. Дайте расписку подателю сего для того, чтобы я имѣлъ увѣренность въ его аккуратности. Въ сущности онѣ представляютъ одно цѣлое, особенно годы 1851—1852, ихъ не слѣдуетъ раздѣлять. Въ этихъ рукописяхъ вполне объясняется страсть, которую я питалъ къ *вашему отцу и Мицкевичу*. *Русско-полякъ и полякъ-русскій*—вотъ союзъ этого великаго племени. Боже, какъ я люблю ихъ! И какая идеальная будущность».

«Это мнѣ напомнило очень многое. Я увѣжаю въ Пизу и хотѣлъ бы заняться тамъ чтеніемъ о Россіи. Не знаете-ли вы тамъ когонибудь, кто бы хоть немного интересовался этими вопросами? Кланяемся сердечно вамъ и супругѣ вашей».

Въ мартѣ въ «*La Marseillaise*» появилась статья Бакунина: «*Hertzen*».

«Вернувшись дня два назадъ изъ продолжительнаго путешествія въ тѣхъ краяхъ, куда съ трудомъ проникають газеты, я узналъ горестную новость о смерти моего друга и соотечественника Александра Герцена. Это—неизмѣримая потеря для его друзей, для дѣла освобожденія Россіи и—я рѣшаюсь сказать это—всего человѣчества. Одаренный блестящимъ умомъ и тонкимъ чувствомъ справедливости и истины, Герценъ раньше всего былъ человѣкомъ. Патриотъ, онъ любилъ свое отечество такъ, какъ получившій свободу сынъ любить мать-рабыню, съ удвоенною нѣжностью горя и стыда, и онъ добивался для нихъ только торжества человѣчности. Онъ ненавидѣлъ ея кровавое могущество и ея громадную протяженность, послѣдствія и причину ея внутренняго порабоженія. Реальный, смѣлый и глубокой мыслитель, Герценъ былъ убѣжденный демократъ-соціалистъ. Его подробная біографія, въ сопровожденіи исчерпывающаго описанія его литературныхъ и политическихъ трудовъ, не замедлитъ появиться въ ближайшемъ будущемъ, въ этомъ я увѣренъ. И никто не имѣетъ на это больше права и ни на комъ въ большей степени не лежитъ обязанность написать такую біографію, какъ на другѣ его дѣтства, на неразлучномъ товарищѣ Николаѣ Огаревѣ».

Затѣмъ Бакунинъ переходитъ къ полемикѣ съ «*Presse*» и «*Liberté*», въ которыхъ появились замѣтки по случаю смерти Герцена. Въ нихъ послѣдній выставляется, какъ поклонникъ царя Александра II, и Романовъ описывался въ самыхъ восторженныхъ словахъ, какъ благороднѣйшая личность, какъ «отецъ» и «Богъ». Бакунинъ, крайне возмущенный этой клеветой на Герцена, нападаетъ на французскую буржуазную печать, которая даетъ мѣсто такимъ завѣдомо недобросовѣстнымъ и глупымъ корреспонденціямъ, рассчитаннымъ на невѣжество французскаго читателя. Статья заканчивается выраженіемъ благодарнаго воспоминанія автора о Герценѣ, съ которымъ онъ былъ «интимно связанъ» въ продолженіе 30 лѣтъ, и заявленіемъ, что Герценъ былъ вполне солидаренъ съ нимъ во всемъ, что касается поставленной цѣли, хотя они и могли расходиться въ средствахъ къ достиженію ея. Въ заключеніе Бакунинъ высказываетъ намѣреніе написать еще «двѣ или три» статьи, въ которыхъ сначала будетъ рѣчь о политической дѣятельности Герцена, а затѣмъ объ «истинномъ положеніи» русскаго народа и революціонномъ движеніи въ Россіи (№№ 72 и 73).

«СПБ. Вѣдомости» признали, что «имя Герцена, какъ бы кто ни судилъ объ его общественной дѣятельности, принадлежитъ къ числу

имѣчь, имѣющихъ европейскую извѣстность. Извѣстность эта обуславливается столько же его политической дѣятельностью, сколько и его блестящимъ и огромнымъ литературнымъ талантомъ. О Герценѣ, какъ политическомъ дѣятелѣ, жизнь котораго была исполнена увлеченій, мы говорить не будемъ. Она, во-первыхъ, осуждена закономъ; во-вторыхъ, говорить о ней было бы, по нашему мнѣнію, преждевременно. Еще не улеглись тѣ политическія страсти, которыя возбуждало это имя въ самыхъ разнообразныхъ лагеряхъ. Но, какъ писатель сороковыхъ годовъ, Герценъ стоитъ на ряду съ наиболѣе выдающимися представителями литературы своего времени. Вмѣстѣ съ Гоголемъ, Бѣлинскимъ, Грановскимъ, Тургеневымъ онъ былъ въ литературѣ главнѣйшимъ выразителемъ широкаго и плодотворнаго умственнаго движенія, подготовившаго общество ко многимъ преобразованіямъ нашего времени . . . . .

Какъ ни сильно поддавался Герценъ увлеченіямъ своей пылкой фантазіи, къ чести его надо сказать, что образованный умъ и талантъ этого человѣка отпрянули съ негодованіемъ отъ дикаго фразерства юной русской эмиграціи, свившей себѣ гнѣздо въ Женевѣ. Онъ былъ въ открытомъ разрывѣ съ нею и даже, какъ намъ рассказывали за вѣрное, былъ приговоренъ къ смерти глупымъ революціоннымъ трибуналомъ» (№ 13).

Сдержаннымъ подголоскомъ пріятныхъ правительству запѣвалъ были «Русскія Вѣдомости». «Паденіе его, даже въ глазахъ самыхъ юныхъ и самыхъ ревностныхъ его поклонниковъ было тѣмъ понятнѣе, что давно оторванный отъ родной почвы, не имѣвшій въ описываемую эпоху уже ничего общаго съ людьми новаго времени, Герценъ не понималъ ни истинныхъ стремленій, одушевлявшихъ поколѣніе новыхъ русскихъ дѣятелей, ни внутренняго смысла и склада всего русскаго общества... Герценъ принадлежалъ безспорно къ числу талантливейшихъ публицистовъ нашего времени, и грустно вспомнить теперь, какъ бесплодно прошла жизнь этого человѣка, имѣвшаго, казалось бы, при иныхъ условіяхъ, полную возможность быть однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ своемъ отечествѣ» (№ 8, передовая).

Образцомъ сдержанности и корректности можетъ служить некрологъ, появившійся въ «Русской Лѣтописи». Послѣдняя сказала, повидимому, все, что могла, чтобы не заслужить кары и сугубаго дальнѣйшаго къ себѣ вниманія: «Пройдутъ года, стихнутъ страсти, и правдивая исторія оцѣнитъ неустанную, тревожную дѣятельность Герцена, какъ писателя и представителя извѣстнаго рода политическихъ и социальныхъ стремленій. Думаемъ даже, что безпристрастный судъ ея

не все поставить ему въ вину и признаеть за нимъ не однѣ литературныя заслуги.....Что бы ни говорилось о Герценѣ, но вѣрно одно: съ своими свѣтлыми и темными сторонами онъ былъ выдвинуть тѣмъ нынѣ отживающимъ вѣкомъ, когда у насъ еще были и крѣпостное состояніе, и судъ не скорый и не всегда правый, и печать, стѣсненная цензурой)...(№ 3).

Безпринципныя «Биржевыя Вѣдомости» проводили прахъ Герцена признаніемъ за нимъ имени «извѣстнаго писателя», «значеніе котораго въ Россіи понимается весьма разнообразно, но ни къмъ не отрицается».

«Судъ надъ Герценомъ нашими общественными людьми былъ произнесенъ тысячекратно, но едва ли то когда нибудь былъ судъ правильный. Герцена то безусловно хвалили, то безусловно порицали; а онъ не стоитъ ни того, ни другаго. Онъ былъ человекъ большихъ дарованій и громадной неопытности; человекъ страстныхъ симпатій и самыхъ упрямыхъ антипатій; онъ былъ сынъ мира, работавшій враждѣ; фанатическій вѣрователь, разбѣненный фальшивыми монетчиками на грошовое безвѣріе. Худо и добро въ немъ мѣшалось...

«О Герценѣ, ни мало не погрѣшая, можно сказать не только то, что онъ принесъ свою долю пользы, но онъ былъ *необходимъ* стаду, отъ котораго отдѣлился, хоть бы для того, чтобы бараны этого стада, видя горестную судьбу его, не кичились тѣми *свойствами*, которыми они сродны съ «неисправимымъ», и которыя также, въ результатѣ, неминуемо влекутъ къ плачевному разладу съ самимъ собою. Думать и умозаключать такимъ образомъ намъ не возбраняютъ ни совѣсть, ни разумъ, ни примѣры исторіи, ни законы божескіе, ни законы человѣческіе. Мы такъ и думаемъ и не можемъ думать иначе» («Биржевыя Вѣд.», 1870, № 27).

«Биржевыя Вѣдомости» были согласны, что если Герцена нельзя безусловно оправдывать, то грѣхъ и безусловно осуждать.

«Нашимъ читателямъ, вѣроятно, памятно, что мы не дружили съ Искандеромъ, и что даже на насъ послѣднихъ въ русской литературѣ изливались его желчныя отповѣди; но мы никогда не считали его безусловно виновнымъ въ томъ, въ чемъ его укоряютъ, и на свѣжую могилу его не бросимъ неправдиваго осужденія. Предъ нивою смерти, какъ передъ горящею купиною, нужно ходить, изувъ сапоги отъ ногъ своихъ, зане се есть мѣсто свято».

Не буду приводить всего большого анонимнаго фельетона, посвященнаго Герцену, остановлюсь только на самомъ существенномъ для опредѣленія позиціи, занятой газетой Трубникова, когда она увидѣла пустымъ мѣсто своего непримиримаго принципіальнаго врага.

«Исторія являетъ примѣры тирановъ, ломившихъ всю жизнь на проломъ въ одну сторону и не слушавшихъ ни вражьихъ укоризнъ, ни дружескихъ замѣчаній. Нѣкоторые изъ такихъ тирановъ такъ и сошли съ лица земли безъ нравоучительнаго урока, но другимъ вдругъ или мало по малу открывались ихъ несчастныя ошибки. Самовластительное упрямство видѣло, что весь, пройденный имъ, путь былъ путь заблужденій; что тѣ, кого ихъ упорство хотѣло осчастливить, приведены имъ къ пропасти, что сѣмена, брошенныя его рукою, произрастаютъ одно терніе и волчцы,—и...тираны, безчеловѣчные деспоты, устыжались продолжать жизнь и произвольно не пережили своего срама. Такихъ примѣровъ много.

«Гораздо менѣе такихъ, гдѣ сознание ошибокъ вызывало въ заносчивой душѣ искреннее раскаяніе и служило «банею пакибытія» обновленному духу. На это нужно много силы и большое совершенство души и разума. Привести себя къ смиренію удастся немногимъ избраннымъ. Голодъ настоящій, происходящій отъ пустоты желудка, и ложный голодъ (*fama lurina*), къ сожалѣнію, мучатъ человѣка одинаково, а послѣдній, т. е. «ложный голодъ», еще тѣмъ хуже, что ему нѣтъ утolenія. Гордость истинная, разумная, безъ которой человѣкъ не можетъ держаться на высотѣ достоинства человѣческихъ совершенствъ, и гордость ложная, къ несчастію, имѣютъ съ этимъ очень большое сходство. Изъ ложной гордости (которую вѣрнѣе можно назвать суетностію) люди цѣлые вѣка приносятъ нечеловѣческія жертвы самымъ вздорнымъ требованіямъ и самымъ нелѣпымъ предразсудкамъ. Славянофилы, нерѣдко возвращавшіеся къ необходимости самоусмирения, призывали не разъ покойнаго Герцена *смириться*. Они не забывали и не обижали его; обличая его въ духѣ кротости, они и въ прозѣ, и въ стихахъ говорили ему, что онъ долженъ смириться и сказать: «мои вины простите, братья». У Герцена нехватало на это силы, или...онъ не чувствовалъ за собою никакихъ винъ и не видѣлъ, въ чемъ бы могъ принести покаяніе. Живучи на землѣ, онъ не отрекался отъ принятаго на себя званія «неисправимаго социалиста», а чѣмъ онъ отошелъ отсюда,—это намъ неизвѣстно. Упорствовалъ ли онъ только въ томъ, на чемъ сталъ однажды, или въ самомъ дѣлѣ убѣжденія его ни мало не измѣнились,—объ этомъ съ достовѣрностію судить невозможно. Есть нѣкоторыя основанія полагать, что онъ съ довольно давняго времени значительно поступился въ нѣкоторыхъ своихъ убѣжденіяхъ: онъ уже не звалъ къ топорамъ и не оснащалъ своей рѣчи прежнею бранью, а только уповалъ, что онъ «воспиталъ на Руси поколѣніе безповоротно социалистическое», и когда его спрашивали: гдѣ же эти имъ воспитанные социалисты,

онъ давалъ чувствовать, что это касается всѣхъ насъ, что на Руси всѣ социалисты, но только сами не знаютъ этого, какъ мѣщанинъ не зналъ, что онъ цѣлую жизнь говорилъ прозою». Герценъ даже ударялъ отбой; ему принадлежать извѣстныя и тысячу разъ повторенныя въ нашей печати слова, что «социализму все равно, что подъ Мономаховою шапкою, что подъ фригійскимъ колпакомъ»; но въ «безповоротнo воспитанномъ имъ поколѣніи» было очень мало воспитанности, чтобы понимать его реформы, и не было никакого умѣнья повиноваться вождю своему. Въ сущности же самъ Герценъ, вѣроятно, уже давно могъ бы жить очень спокойнымъ гражданиномъ въ странѣ монархической, какъ и въ странѣ республиканской, и сочувствовалъ заботамъ всѣхъ русскихъ людей, такъ или иначе пекущихся, чтобы экономическія условія народа слагались какъ можно безобиднѣе для работника. Разумѣется, онъ, вѣроятно, входилъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою и своими теоріями по отношенію къ крестьянамъ западной окраины и конгрессовой Польши, но и въ этомъ случаѣ онъ былъ бы здѣсь не одинъ: съ такими социалистами мы уже давно сжились и имѣемъ ихъ во всѣхъ мѣстахъ, во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ поколѣніяхъ. Слѣдовательно, покойный Герценъ давно могъ выйти изъ своей оппозиціи—и не выходилъ изъ нея только по упорству.

«Въ расхожденіи его съ русскою революціонною партіею, искавшею даже убить его, разумѣется, было болѣе искренности. Герценъ былъ уменъ и доступенъ всѣмъ лучшимъ человѣческимъ чувствамъ, а тамъ прежде всего преобладаетъ безуміе и безнатурность. Дружить здѣсь Герцену было не съ кѣмъ и не съ чѣмъ, и ему гораздо легче было явиться разумнымъ обличителемъ и отрезвителемъ этого опoеннаго злымъ дурманомъ кружка; но... онъ не взялся и за это опять или по упорству, или же по убѣжденію въ недостойнствѣ останавливать какое бы то ни было броженіе, если только оно враждебно спокойствію Россіи. Мы съ одинаковою основательностью можемъ допустить и то, и другое. Разъяснить же это могутъ, развѣ, записки Герцена, которыя, говорятъ, онъ велъ до послѣднихъ дней своей жизни, и которыя будто бы могутъ быть вскорѣ напечатаны, если не цѣликомъ—такъ какъ онѣ могли бы компрометировать многихъ лицъ, скрывающихъ свои сношенія съ покойникомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительныхъ отрывкахъ.

«Судьба» же Герцена, о которой вспоминаютъ «Современныя Извѣстія», по нашему мнѣнію, совсѣмъ не свидѣтельство о его «косвенной полезности»: она только поученіе для тѣхъ «безповоротныхъ» увлеченій, которымъ служилъ Герценъ... Названная газета сама

подтверждаетъ, что покойный Герценъ «прибѣгаль за границую къ давнему своему пріятелю М. П. Погодину» и прибѣгаль самъ, съ своею исповѣдью, съ своимъ горемъ, съ своимъ отчаяніемъ, своею досадою на все и на всѣхъ, съ своимъ недоумѣніемъ: «что дѣлать?». Добавимъ еще къ этому, что славянофилы и самъ г. Погодинъ говорили Герцену, *что дѣлать*, и онъ, по замѣчаніямъ многихъ, видимо хотѣлъ это сдѣлать, но... не могъ. Воля его и ложный стыдъ шли бунтомъ противъ его чувствъ и разсудка... Вотъ въ чемъ поученіе: коснѣніе въ своихъ заблужденіяхъ отнимаетъ власть надъ самимъ собою, и тогда при самыхъ благихъ побужденіяхъ нѣтъ поворота къ истинѣ» (№ 27).

Московская охранительная газета «Современныя Извѣстія» посвятила смерти Герцена громадную передовую статью, изъ которой достаточно привести нѣсколько строкъ:

«Но не все ли равно, живъ онъ или умеръ? Для Россіи и русскихъ онъ давно умеръ. *Незавидную славу по себѣ оставляетъ этотъ человекъ*. Однако, и онъ намъ принесть свою долю пользы, хотя косвенно: своею судьбою доказалъ на дѣлѣ всю благотворность свободной печати, всю опасность отъ ея принужденнаго молчанія... Нерадостная судьба! Но оставимъ, читатель, его, умершаго! Пожалѣемъ о несомнѣнномъ талантѣ, погибшемъ для Россіи, и вмѣсто громадной пользы, которую способенъ былъ бы принести, доставившемъ вредъ, вредъ существенный, ощущаемый досель» («Соврем. Извѣстія» 1870, № 10).

«Голось» не могъ подняться до какой бы то ни было объективности въ отношеніи своего недавняго врага. Мелкій, мстительный и до послѣдней степени злобствовавшій на него Краевскій выпустилъ впередъ наглаго Щербаня, который въ своихъ корреспонденціяхъ изъ Парижа отводилъ душу, не могшую забыть отказа Герцена принять его для знакомства.

«Когда Герценъ находился въ литературно-политической силѣ, и большая часть русскихъ путешественниковъ за границую считала непремѣнною обязанностью съѣздить на поклонъ къ лондонскому кумиру извѣстныхъ кружковъ, я не испытывалъ ни малѣйшей охоты расшаркиваться передъ издателемъ «Колокола» или искать его знакомства. Довольно было и того, что приходилось его читать! Но я почувствовалъ бы себя виноватымъ передъ самимъ собою, еслибъ не проводилъ въ мать сыру-землю, успокоительницу и примирительницу, какой онъ тамъ ни есть, всетаки, русскаго человека, русскаго писателя, одного изъ самыхъ даровитыхъ представителей хотя и сбившагося съ пути, однако русскаго движенія. Признаюсь откровенно: въ послѣднее десятилѣтіе, особенно съ 1863 года, Герценъ возбуждалъ къ себѣ

просто отвращеніе; и надобно было удерживать себя, чтобъ, въ порывѣ негодованія, не рвать на клочки оскорбительные для всего дорогого Россіи листки»....«Быть можетъ, произошелъ бы переломъ, кризисъ; быть можетъ, назрѣлъ бы поворотъ; быть можетъ, ступился бы шагъ... Какія услуги принесъ бы правительству и народу Герценъ отрезвленный!» (№ 18).

Во второй своей корреспонденціи Щербань сдѣлалъ тенденціонный подборъ статей заграничной печати, который считаю полезнымъ привести вкратцѣ въ виду невозможности отыскать нѣкоторыя изъ указанныхъ имъ изданій и нумеровъ даже за границей.

«Приходится написать вамъ еще нѣсколько строкъ по поводу смерти Герцена. Здѣшнія газеты уже вцѣпились въ нее—конечно, не съ такимъ азартомъ, съ которымъ ухватились бы за этотъ фактъ нѣсколько времени назадъ (острые припадки русофагіи теперь минсвали), однако, съ обычными замашками политической эксплуатаціи: Должно отдать справедливость «Journal de Paris». Эта газета, нельзя сказать, чтобъ была расположена къ Россіи и часто предается размышленіямъ на основаніи старинныхъ сказочекъ о завѣщаніи Петра Великаго или справокъ изъ польскаго источника. Но когда она излагаетъ что-нибудь, не отуманившись предвзятыми идеями и по своимъ собственнымъ свѣдѣніямъ, взгляды ея основателенъ и сужденіе прямо. «Въ послѣдніе годы—пишетъ она о Герценѣ—кредитъ «Колокола» понизился. Находясь въ удаленіи отъ своего отечества. Герценъ не видѣлъ положенія дѣль собственными глазами и составлялъ свой журналъ по корреспонденціямъ, не слишкомъ точнымъ, такъ что обманываемый невѣрными извѣстіями, Герценъ поражалъ своими ударами воздухъ. Удаленіе, вначалѣ бывшее его силою, стало причиною его упадка и сокрушило его успѣхъ». «Онъ былъ не столько вчинатель и вдохновитель доктринъ—прибавляетъ довольно вѣрно «Journal de Paris»—сколько памфлетчикъ и вульгаризаторъ своей школы». И «Journal de Paris» ошибается: «Герценъ проводилъ свою жизнь—говоритъ онъ—въ Лондонѣ и Женевѣ, потомъ въ Ниццѣ, посреди русскихъ». Это положительно не такъ. Извѣстно, что русскіе чуждались Герцена. Отсюда и его тоска, и какая-то безнадежность въ послѣднее время.

«Но это еще не слишкомъ крупный промахъ. «Journal de Paris», всетаки, далъ наиболѣе вѣрную ноту. Затѣмъ начинаются, въ другихъ здѣшнихъ листкахъ, различныя фантазіи. Хорошо отличился «Фигаро». Упомянуть о Герценѣ необходимо, потому что, вѣдь, «Фигаро» есть «le journal le mieux renseigné du monde», и похвалить его необ-

ходимо, потому что, кажется, это былъ человекъ знаменитый; что только сказать о немъ, когда о немъ ровно ничего не знаешь? Ба! уподобить его Рошфору: это, де, «русскій Рошфоръ». Только какъ же такъ: уподобить Рошфору, похваливъ, тогда какъ мы здѣшняго Рошфора съ грязью мѣшаемъ? Противорѣчіе слишкомъ рѣзкое, да и покровительствующимъ административнымъ патронамъ не понравится, если не говорить. Какъ же оговорить? Тenez, поставимъ: русскій, де, Рошфоръ, но съ болѣе возвышенными видами, и главное, одушевленный патриотизмомъ *moins cascadeur*... Какъ будто Рошфоръ требовалъ когда-нибудь отдачи французско-нѣмецкихъ провинцій Пруссіи и какъ будто польское направленіе Герцена и не составляло именно *un patriotisme cascadeur*...

«Дальше идутъ уже досадныя для насъ сужденія. «Герцену Россія обязана тѣмъ, что вступила, наконецъ, въ правомѣрную жизнь современныхъ народовъ», говорить «Марсельеза». «Герценъ есть истинная сила, освободившая русскихъ крестьянъ», прибавляетъ «Raprei»:.. Слышите! Герценъ все сотворилъ у насъ! Онъ и крестьянъ освободилъ!.. Желательно было бы видѣть его министромъ и посмотрѣть, какъ бы онъ орудовалъ въ то время, когда люди работали надъ дѣломъ, составляющимъ славу Александра-Освободителя!.. Взвѣшивать историческое значеніе Герцена для его отечества и рѣшать, способствовалъ онъ или мѣшалъ русскому политическому движенію, быть можетъ, еще рано.

«Въ виду этихъ противорѣчивыхъ разглагольствованій, которыя какъ разъ обратятся здѣсь въ ходячее мнѣніе, какъ же не сказать ужъ и теперь, что исторія, пожалуй, вовсе не признаетъ въ Герценѣ политической личности и отмѣтитъ его лишь дилетантомъ въ политикѣ, полемистомъ, даровитымъ литераторомъ, стилистомъ?»

«Подобное же обращеніе и съ другою стороною вопроса. «Смерть Герцена есть національный трауръ для Россіи...» «Отъ Архангельска до Одессы, отъ польской границы до китайской имя Герцена благословляемо русскимъ народомъ», единогласно провозглашаютъ «Raprei» и «Марсельеза». Эти господа и не подозреваютъ, что Герценъ былъ для насъ—отрѣзанный ломоть, и что имя его, знакомое лишь политическимъ сферамъ, не выходило за извѣстную черту, да и въ предѣлахъ этой черты, за исключеніемъ данныхъ кружковъ, являлось прежде всего предметомъ соболѣзнованія и любопытства. «Національный трауръ!», «русскій народъ благословляетъ!» Да русскій народъ не зналъ его... Парижскіе цѣнители и судьи и не воображаютъ, что даже память его переходитъ въ русскій народъ въ несочувственной послѣдней обстановкѣ»

новкѣ: Герценъ похороненъ безъ священника. «Какой молодецъ!» похваляютъ французскія газеты. Въ тайники чужой думы проникать никто не имѣетъ права, и до чужой совѣсти никому нѣтъ дѣла. Для Франціи всѣ эти гражданскія церемоніи, пожалуй, имѣютъ смыслъ, какъ протестъ противъ вторженій католицизма въ политическую и семейную область. Но какой же смыслъ можетъ имѣть подобный протестъ русскаго? «*Rappel*» и «*Марсельеза*» не понимаютъ, что этотъ фактъ служить нагляднымъ доказательствомъ отчужденія Герцена отъ русскаго народа.

«Еще одинъ пунктъ. Герценъ былъ высланъ изъ Парижа французскими властями и получилъ возможность проживать въ немъ лишь въ недавнее время. По этому поводу здѣшняя журналистика рассказываетъ, будто бы онъ постоянно подвергался преслѣдованіямъ эмиссаровъ русской полиціи, будто изъ Парижа его удалили по проискамъ русской администраціи и будто ослабленіе гоненій со стороны Россіи дозволило ему, наконецъ, вновь пріютиться во Франціи. Все это положительная ложь, чистѣйшіе пустяки! Русское правительство никогда не преслѣдовало въ Парижѣ ни самого Герцена, ни его книгъ. Мнѣ заподлинно извѣстно, что, въ 1858 году тюльерійскій кабинетъ, любезничая съ Россіей послѣ крымской кампаніи, спрашивалъ наше посольство, не будетъ ли Петербургу пріятно запрещеніе сочиненій Герцена въ здѣшней продажѣ? Графъ Киселевъ отвѣчалъ, что Петербургу рѣшительно все равно и что никакихъ мѣръ онъ не проситъ и не желаетъ. Подобный же запросъ, въ желаніи подслужиться, былъ сдѣланъ въ 1867 году, и наше посольство отвѣчало подобнымъ же образомъ. Что касается высылки Герцена изъ Парижа, то, какъ свидѣлствуютъ сами же сочиненія издателя «*Колокола*», она послѣдовала по личному побужденію наполеоновскаго правительства, безъ всякихъ постороннихъ внушеній или домогательствъ...

«А посмотрите! Герценъ тоже войдетъ во Франціи въ легенду и прослыветъ, съ одной стороны—представителемъ русскаго народнаго направленія, съ другой—образчикомъ «*московитской тиранніи*!»... И никакими убѣжденіями потомъ не разувѣришь? Впрочемъ, и то сказать, стоитъ ли разувѣрять? Намъ-то до парижской фабулы какое дѣло!» (№ 21).

«Вѣсть» указала «на тѣ стороны дѣятельности Герцена, которыя, «очистясь въ горнилѣ времени отъ другихъ, безспорно темныхъ и вредныхъ сторонъ его общественной карьеры, останутся навсегда полезнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ дѣло развитія русской мысли и русской жизни. Для того, чтобы согласиться съ этимъ, нужно заглянуть

только, хотя съ поверхностнымъ вниманіемъ, на Герцена, какъ на русскаго беллетриста. Съ другой же стороны, вполне достаточно столь же бѣлаго взгляда на него, какъ на философа, на политика, на религіознаго мыслителя, чтобы по всей справедливости осудить его безповоротно» (№ 16).

Статья «Современныхъ Извѣстій» признана крѣпостнической газетой «замѣчательной».

Обозрѣвая сказанное газетами, авторъ статьи «Наши общественныя дѣла» въ «Отечеств. Запискахъ» замѣтилъ: «Большинство (общества) упорно отталчивалось, искусно обходя щекотливый вопросъ, такъ что невольно возникало сомнѣніе: знаютъ ли, полно, «кто онъ такой былъ», или, если отчасти и знаютъ, то, обманутые появленіемъ телеграммъ, и въ самомъ дѣлѣ не считаютъ ли покойнаго за нѣчто въ родѣ владѣтельной особы, о которыхъ тотчасъ послѣ смерти ихъ откровенно говорить не принято и даже не приказано?... «Большинство редакторовъ, по крайней мѣрѣ, главныхъ нашихъ газетъ принадлежатъ къ тому же поколѣнію, къ которому принадлежалъ и покойный; нѣкоторые изъ нихъ знали его, какъ русскаго литератора, дорожили имъ и готовы были, если бы удалось, отвести самое почетное мѣсто въ своихъ изданіяхъ его произведеніямъ... Въмѣсто того, чтобы ограничиться хотя краткимъ обзоромъ литературной дѣятельности покойнаго, не касаясь другого рода его дѣятельности, «которая осуждена закономъ», газеты наши подняли споръ о томъ, кто первый обезсилилъ Герцена, такъ сказать, убилъ его еще задолго до настоящей смерти?» «Впрочемъ, еще удивительно, какъ наши газетчики умѣренно отнеслись къ умершему, даже какъ къ литератору... Что бы тамъ ни говорили господа Гиляровы-Платоновы и фельетонисты различныхъ «Биржевыхъ» газетъ,—каждый мыслящій и не боящійся высказывать правду чловѣкъ очень хорошо знаетъ, что покойный Герценъ представляетъ собою не только замѣчательнаго беллетриста, но просто историческій фактъ, котораго впослѣдствіи обойти будетъ невозможно» (кн. II).

Вліятельная нѣмецкая «Kölnische Zeitung» писала: «Великій лондонскій журналистъ, въ свое время бывший всесильнымъ, издатель «Колокола», былъ всегда плохимъ политикомъ и проповѣдывалъ доктрину, которая, будучи приведена въ исполненіе, была бы сигналомъ ко всеобщему культурному регрессу. Все это не мѣшало, однако, ему въ продолженіе многихъ лѣтъ оказывать большое влияніе на возрѣнія своихъ соотечественниковъ и оказывать большія услуги насажденію гуманности и прогресса въ Россіи... Герценъ былъ дѣйствительно отцомъ русскаго социализма... Нѣсколько строкъ лондон-

скаго агитатора, за которымъ молодежь шла съ слѣпымъ благоговѣніемъ, могли уничтожить въ общественномъ мнѣніи самыхъ популяр-ныхъ и самыхъ вліятельныхъ людей... Къ сожалѣнію, Герценъ, несмотря на чистоту своихъ намѣреній, не былъ человѣкомъ, способ-нымъ употребить такое сильное и опасное вліяніе въ полной мѣрѣ и исключительно для своего народа... Какъ личность, Герценъ былъ въ высшей степени одаренъ честнымъ, благороднымъ характеромъ и былъ воодушевленъ дѣйствительной любовью къ людямъ вообще. Его революціонныя заблужденія, въ сущности, были продуктомъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ онъ выросъ и которыя неизбѣжно должны были привести такую энергичную и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко гуманную натуру къ отрицанію всего существующаго и къ безграничному ради-кализму»: (1870 г., январь).

Официальный отчетъ жандармскаго вѣдомства такъ представляетъ роль Герцена:

«Въ 1855 году лондонскіе эмигранты образуютъ школу, и докт-рины ихъ съ необыкновенною силою распространяются по Россіи, дѣйствуя преимущественно на учащуюся молодежь. Герценъ и Баку-нинъ, преимущественно передъ другими, могли бы претендовать на званіе отцовъ революціоннаго движенія въ Россіи». «Все, что только носило печать авторитета въ прошломъ и настоящемъ, въ литературѣ, наукѣ, искусствѣ, было свергнуто съ пьедесталовъ; принципы и правила, выработанные вѣковымъ опытомъ, были признаны ничтожными и от-вергнутыми. Наступила эпоха «нигилистовъ» и «нигилизма», отрица-ніе всего и всѣхъ, ставшее общимъ принципомъ. За границей револю-ціонный очагъ Герцена и Бакунина сильно содѣйствовалъ распростра-ненію подобныхъ идей среди русскаго юношества. Но это былъ еще только періодъ изученія, предисловіе къ дальнѣйшему; лондонскіе эмигранты занимались еще обученіемъ юношества, какъ долженъ происходить мятежь. Исповѣдая безграничную любовь къ отечеству, эти эмигранты работали прежде всего надъ уничтоженіемъ націо-нальнаго чувства; атеизмъ и развращеніе нравовъ были ближайшими показателями вліянія новыхъ ученій» («Хроника социалист. движенія въ Россіи 1878—1887» г., стр. 7 и 342).

Въ заключеніе не могу не привести общей оцѣнки, сдѣланной полицействующимъ публицистомъ кн. Н. Н. Голицынымъ въ секретно изданной X главѣ «Исторіи социально-революціоннаго движенія въ Россіи», 1887 г.

«8-го января 1870 года, Герценъ умеръ въ Парижѣ. Кончиною этого вліятельнаго и даровитаго революціоннаго дѣятеля завершился

первый пятнадцатилѣтній періодъ въ исторіи социальна-революціоннаго движенія въ Россіи, періодъ подготовительный, который можно даже назвать «герценовскимъ», по имени главнаго его руководителя. Новые люди и свѣжія революціонныя доктрины сказались и выступили уже довольно рѣзко за послѣднее время, такъ какъ Герценъ немного пережилъ себя. Представитель новой программы, Серно-Соловьевичъ, незадолго передъ тѣмъ появился съ энергическимъ словомъ протеста и обличенія противъ кумира революціи; не менѣ жестокой ударъ получилъ Герценъ и отъ русской печати консервативнаго направленія ¹⁾. Постарѣвшій агитаторъ, уже менѣ страстный къ революціонному дѣлу, рѣшился даже оставить Лондонъ и переѣхать съ семействомъ и друзьями—Тхоржевскимъ, Чернецкимъ, Огаревымъ и Касаткинымъ въ Женеву ²⁾. Онъ выпускаетъ власть изъ рукъ, самъ видимо не сочувствуетъ началамъ нарождавшихся русскихъ демагоговъ, относится къ нимъ—частію съ ироніей, а иногда съ презрѣніемъ. Онъ видимо оставался недоволенъ, что сѣмена, имъ посѣянные, дали столь неудачные плоды. Герценъ умеръ безъ политическихъ наслѣдниковъ и преемниковъ съ его точки зрѣнія, но сильный толчокъ былъ, все-таки, данъ его пламенною рѣчью, страсти были возбуждены, активная дѣятельность начата, основы революціоннаго движенія въ Россіи были уже прочно имъ положены».

Мнѣ часто задають вопросы о живыхъ членахъ семьи Герцена, изъ чего я заключаю, что великій писатель сумѣлъ какъ-то вселить своему читателю любовь, по крайней мѣрѣ, интересъ къ себѣ, какъ къ человѣку, и отсюда—къ своей семьѣ. Это даетъ мнѣ основаніе пополнить свой, вообще, громадный комментарий небольшой генеалогической справкой.

Братъ Герцена Егоръ Ивановичъ, когда-то богатый наслѣдникъ своего отца, конецъ жизни провелъ въ большой бѣдности. Понемногу всѣ дома были проданы, состояніе прожито. Послѣдніе годы онъ, больной, угрюмый, слѣпой, жилъ въ небольшомъ флигелькѣ во дворѣ

¹⁾ Герценъ былъ, такъ сказать, сраженъ извѣстною статьею «Русскаго Вѣстника» 1864 года, въ которой онъ былъ характеризованъ мѣткимъ словомъ «жалкій лобака!»—*кн. Гол.*

²⁾ Жилъ въ виллѣ Lariboisière, подъ Женеву. Объ отношеніяхъ его къ русскимъ эмигрантамъ, ближе всего къ нему въ то время стоявшимъ, см. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1873 г. № 14, стр. 3, въ статьѣ «Русскіе эмигранты» (Гижикцаго)—*кн. Гол.*

дома Давыдовскаго въ Николо-Плотниковскомъ переулкѣ, потомъ въ домѣ Деннета, гдѣ и догорѣла его жизнь 4 ноября 1882 г. О томъ, какъ нуждался въ старости Е. И. Герценъ, можно видѣть по тому, что церковно-приходское попечительство при церкви св. Власія назначило ему ежемѣсячное пособіе въ 5 рублей. Записи объ этихъ выдачахъ имѣются въ старыхъ книгахъ приходскаго попечительства. Подъ 4-мъ ноября 1882 г. тамъ, между прочимъ, значится запись 25 руб. «на похороны Е. Герцену» («Рус. Вѣдомости», 1912, № 71). Похороненъ онъ на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря вмѣстѣ съ отцомъ. Женатъ не былъ, дѣтей не имѣлъ.

Старшій, а съ 1864 г.—единственный сынъ, Александръ Александровичъ, женившійся на Терезѣ Феличе, имѣлъ десять человекъ дѣтей. За отсутствіемъ всякихъ почтовыхъ сношеній съ Нат. Ал. Герценъ съ 1915, я, къ сожалѣнію, не могу установить, кто изъ нихъ живъ и гдѣ находится въ данное время:

Александръ—инженеръ-лѣсничій подѣ Римомъ, Владиміръ—докторъ, былъ ассистентомъ Кохера; Алексѣй—инженеръ-механикъ, въ Бельгіи; Петръ—медикъ, привать-доцентъ Московскаго университета; Ольга; Николай—проф. римскаго права въ Лозаннскомъ университетѣ; Нерина—по мужу Корнасъ; Гуго—инженеръ-электрикъ, на югѣ Франціи; Нелли—по мужу Эрманъ; Эдуардъ—инженеръ-химикъ, въ Брюсселѣ.

Наталія Александровна Герценъ до 1915 г. жила въ Лозаннѣ съ Терезою Герценъ; это—«патріархъ» всей семьи, удивляющій своимъ любвеобильнымъ сердцемъ и самопожертвованіями, ради другихъ.

Вторая дочь—Ольга Александровна Моно; мужъ-профессоръ скончался передъ всемірною войной; дѣти: Эдуардъ, Жерманъ (замужемъ), Ольга и Бернаръ, бывший историкъ (умеръ).

Въ Россію изъ дѣтей Герцена пріѣзжала только Наталія Александровна, въ 1909 г., пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Одессѣ и Бессарабіи.

У внуковъ и внучекъ Герцена есть уже взрослые дѣти.

Поясненія къ прилагаемой родословной.

1. *Яковъ Захарьевичъ Яковлевъ* († 1530).
2. *Василій* († 1571), женатъ на *Аннѣ N.*
3. *Петръ* († 1533), женатъ на *Аннѣ N.*
4. *Гавріиль* († 1550), женатъ на *Евпраксіи N.*
5. *Захарій* († 1555).

6. Иванъ, прозвище «Хиронъ» († 1570), женатъ на Стефанидѣ Ѳедоровнѣ Сукиной.

7. Василій († 1573).

4—7 братья, именовали себя Яковлевыми-Захарьиными, чтобы показать свое происхождение отъ Захарія, прадѣда, имѣвшаго, кромѣ Якова, сына Юрія, положившаго начало другой линіи.

8. *Иванъ.*

9. Тимофей († 1538).

10. Аграфена († 1570).

11. *Андреянъ.*

12. *Александръ, женатъ на Марѣ Леонтьевнѣ Н.*

13. Михаилъ († 1768), женатъ на кн. Маріи Петровнѣ Хилковой.

14. *Алексѣй († 1781), женатъ на кн. Наталіи Борисовнѣ Мещерской († 1781).*

15. Екатерина, замужемъ за Петромъ Васильевичемъ Дурново.

16. Николай († 1805).

17. Михаилъ († 1810).

18. Екатерина († 1810).

19. Петръ († 1813), женатъ на Екатеринѣ Валеріановнѣ Ульској; дѣти прижиты съ Шарлотой Христіановной Папстѣ.

20. Александръ († 1825), женатъ на Олимпіадѣ Максимовнѣ Н. († 1865); часть дѣтей отъ Ксеніи Ивановны (Захарьиной).

21. Елизавета († 1822), замужемъ за Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ.

22. Левъ († 1839), «Сенаторъ»; мать его дѣтей неизвѣстна.

23. *Иванъ (р. 23 іюня 1767, † 6 мая 1846); сынъ Александръ прижитъ съ Генріетой-Вильгельминой-Луизой Гаагъ († 4/16 ноября 1851); мать Егора неизвѣстна.*

24. Марія († 1847), замужемъ за кн. Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Хованскимъ.

25. Екатерина.

26. Николай.

27. Елизавета, замужемъ за Карломъ Карловичемъ Смалланъ.

28. Наталія, замужемъ за Петромъ Кучиннымъ.

29. Алексѣй, «Химикъ» († 1868) — послѣдній изъ рода Яковлевыхъ.

30. Петръ.

31. Павелъ.

32. *Наталія, замужемъ за А. И. Герценомъ (р. 17 окт. 1822, † 20 апр./2 мая 1852).*

33. Екатерина, замужемъ за Александромъ Ивановичемъ Сели-
вымъ.
34. Софія, замужемъ за N. N. Семичевымъ.
35. Анна, замужемъ за N. N. Орловымъ.
- 30—35 получили фамилію Захарьиныхъ.
36. Дмитрій, женатъ на Надеждѣ Владиміровнѣ Новосильцовой.
37. Николай, женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Казначеевой.
38. Наталія.
- 36—38—Голохвастовы.
39. Сергѣй, женатъ на Аннѣ Антоновнѣ Лейнъ; † 1898.
40. Иванъ, женатъ.
41. Софія, замужемъ за Андреемъ Алексѣевичемъ Полѣновымъ.
42. Наталія.
- 39—42 получили фамилію Львовыхъ-Львицкихъ, потомъ измѣнен-
ную въ Левицкихъ.
43. Егоръ Герценъ (р. 1803, † 4 нояб. 1882).
44. Александръ Ивановичъ Герценъ.
45. Татьяна, замужемъ за Вадимомъ Васильевичемъ Пассекомъ.
46. Дмитрій.
47. Павелъ.
48. Зинаида.
- 46—48—Голохвастовы.
49. Рафаиль, женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Олсуфьевой.
50. Полина, замужемъ за Александромъ Александровичемъ Гир-
сомъ.
51. Левъ, женатъ на Стефаніи Яковлевнѣ Качинской.
52. Владиміръ, женатъ на Маріи Ивановнѣ Леляновой.
53. Елена.
54. Николай.
55. Софія.
56. Сергѣй.
57. Александръ (р. 13 іюня 1839, † 1906), женатъ на Терезѣ
Феличе; перваго ребенка имѣлъ отъ Шарлоты Гѣтсонъ.
58. Иванъ (р. и † февраля 1841 г.).
59. Наталія (р. 22 дек., † 24 дек. 1841).
60. Иванъ (р. 29 дек. 1842, † 6—7 дек. 1842).
61. Николай (р. 30 дек. 1843, † 4/16 ноября 1851 г.).
62. Наталія (р. 13 дек. 1844).
63. Елизавета (р. 30 дек. 1845, † 27 ноября 1846).
64. Ольга (р. 20 ноября 1850 г.), замужемъ за Габріелемъ Моно.

65. (Имя неизвѣстно).

57—65. Герцены.

66. Елизавета († 1875 г.).

67. Алексѣй. († 1864 г.).

68. Елена. († 1864 г.).

66—68. По записи—Огаревы; дѣти отъ Наталіи Алексѣевны
Огаревой.

69. Александръ }
70. Владиміръ } Пассеки.

71. Николай.

72. Сергѣй.

73. Татьяна.

74. Анна.

75. Марія.

76. Сергѣй.

77. Елена, по мужу Печковская.

78. Анна.

79. Александръ.

80. Владиміръ.

81. Алексѣй.

82. Петръ.

83. Ольга.

84. Николай.

85. Нерина, по мужу Корнасъ.

86. Гуго.

87. Нелли, по мужу Эрманъ.

88. Эдуардъ.

89. Эдуардъ.

90. Жермэнъ.

91. Ольга.

92. Бернаръ. †

Марія Каспаровна Рейхель 20 августа 1916 г., 94 лѣтъ,
въ Лозаннѣ.

Николай Платоновичъ Огаревъ † 12 июня н. ст. 1877 г. въ
Гринвичѣ, не возвращаясь въ Россію, не приѣзжая ни разу въ нее
и на время, зная, что ходатайство объ этомъ будетъ совершенно без-
полезно.

На кладбищѣ Гринвича на средства семьи Герцена поставленъ памятникъ, состоящій изъ двухъ тонкихъ, закругленныхъ вверху, неравной высоты, бѣлыхъ плитъ, поставленныхъ вертикально, другъ противъ друга, на разстояніи метра одна отъ другой и соединенныхъ между собой узенькими, низенькими каменными полосками, которыя вмѣстѣ съ обѣими вертикальными плитами образуетъ родъ корзинки или ящика съ плоскимъ землянымъ дномъ, покрытымъ зеленымъ газономъ; на газонѣ, въ длину корзины, посажены въ одну линію три древесныхъ куста,—крайніе похожи на розы, средній же—на кипарисъ или тую пирамидальной формы.

Съ внутренней стороны высокой плиты, въ головахъ, черными буквами англійская надпись:

«Nicolas Ogareff

Aksheno Pensa. Russia born 6 decembre 1814, died 12 june 1877».

Обѣ даты указаны по новому стилю. Мѣсто рожденія указано не вѣрно: Огаревъ родился въ Петербургѣ; тамъ умерла его мать Елизавета Ивановна 3 сентября 1815 г., тамъ же умерли двѣ его сестры: Вѣра въ 1867 г. (въ день рожденія) и Варвара въ 1811 г. (1 года и 7 мѣсяцевъ) и братъ Петръ въ 1812 г. (1 года 1 мѣсяца), и всѣ четверо погребены на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. О существованіи брата и сестеръ біографы Огарева не знаютъ, а о смерти матери сообщали совершенно невѣрные свѣдѣнія.

Н. А. Огарева и Н. А. Герценъ въ мартѣ 1871 г. просили о разрѣшеніи имъ возвратиться на родину, но просьба ихъ была отклонена III отдѣленіемъ; также было поступлено съ просьбой А. А. Тучкова относительно своей дочери.

Въ сентябрѣ 1872 г. Н. А. Огарева просила шефа жандармовъ гр. Шувалова:

«Графъ. Думая, что во время свиданія императоровъ, русскаго и германскаго, Вы находитесь въ Берлинѣ, я рѣшаюсь, несмотря на нездоровье, предпринять путешествіе изъ Цюриха въ Берлинъ, чтобы просить у Васъ аудіенціи. Мнѣ хотѣлось бы на словахъ изложить Вамъ тѣ серьезныя основанія, которыя заставляютъ меня такъ жадно стремиться въ Россію. Прошло больше года съ тѣхъ поръ, какъ я непосредственно обращалась къ Вамъ съ этимъ, а затѣмъ переслала просьбу черезъ русскаго консула въ Женевѣ. На письмо я не получила никакого отвѣта, а консулъ переслалъ мнѣ ничѣмъ не мотивированный отказъ.

«Между тѣмъ, мои семейныя дѣла все настойчивѣе требуютъ моего возвращенія въ Россію. Со времени смерти моей сестры, Елены

Сатиной, дѣла моей семьи находятся въ такомъ безпорядкѣ, который внушаетъ опасеніе. Разстроенное здоровье моего beau-frère'a ¹⁾ не даетъ ему привести въ порядокъ эти дѣла и заниматься принадлежащими ему фабриками и землями, въ особенности, въ Пензенской губерніи. Вся отвѣтственность падаетъ на мою племянницу, Наталью Сатину, старшую дочь моей сестры. Но эта молодая дѣвушка, къ несчастью, крайне болѣзненная и едва пришедшая въ возрастъ, которой приходится заботиться сразу и объ отцѣ, и о маленькихъ братьяхъ, и о сестрѣ, не можетъ справиться съ такимъ количествомъ обязанностей и затрудненій. Братья ея слишкомъ молоды и еще много лѣтъ не смогутъ помогать ей. Наконецъ, мой отецъ, которому 72 года, и мать, у которой я одна осталась въ живыхъ, очень хотятъ повидать меня, а сами они, вслѣдствіе преклоннаго возраста, не могутъ уѣхать изъ Россіи.

«Вы понимаете, графъ, что я считаю своимъ священнымъ долгомъ оказать помощь своей семьѣ, которая находится въ такомъ печальномъ положеніи. Исполняя такое полезное и нужное дѣло, я вмѣстѣ съ тѣмъ найду въ Россіи скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, домашній очагъ, необходимый для моего существованія и для воспитанія моей дочери Лизы.

«Прибавлю еще, что Наталья Герценъ, старшая дочь Александра Герцена, давно хочетъ увидѣть Россію, которая, благодаря ея воспитанію, осталась ея истинной родиной.

«Эти различныя соображенія заставляютъ меня вѣрить, что вы, графъ, соблаговолите обратить вниманіе на нашу просьбу о возвращеніи въ Россію. Дѣло касается двухъ женщинъ и ребенка, которыя искренно хотятъ оказать помощь своей семьѣ и исполнить то, что онѣ считаютъ своимъ долгомъ.

«Такъ какъ часть семьи Герцена остается за границей—сынъ во Флоренціи, а вторая дочь въ Парижѣ—то мы должны быть заранѣе увѣрены, что, по пріѣздѣ въ Россію, намъ не будутъ препятствовать въ случаѣ путешествія или даже возвращенія въ Европу. Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ быть увѣрены, что здоровье наше не потребуетъ возвращенія на югъ, гдѣ мы долго жили.

«Я предваряю свой пріѣздъ этимъ письмомъ и надѣюсь, графъ, что вы примете близко къ сердцу эту искреннюю и честную просьбу; къ ней присоединяется и Наталья Герценъ, ставшая моимъ секретаремъ вслѣдствіе серьезной болѣзни руки, которая не даетъ мнѣ самой водить перомъ.

¹⁾ Н. М. Сатина.

«Обращаясь къ вамъ еще разъ съ просьбой не отказать принять меня лично въ концѣ этой недѣли, я съ надеждой жду разрѣшенія этого столь серьезнаго для всѣхъ насъ вопроса и прошу принять увѣреніе въ чувствахъ глубокаго уваженія».

На письмѣ сдѣлана надпись: рукою Шувалова—«Это будетъ во всякомъ случаѣ отложено, однако, по возвращеніи въ Спб. прошу мнѣ доложить».

Затѣмъ другая: «Его сіятельство отказаль ей въ Парижѣ».

«Наталья Огарева, жена извѣстнаго Огарева, уступленная имъ Герцену и жившая съ нимъ въ качествѣ жены, чуть ли не обвинчанная съ Герценомъ гражданскимъ бракомъ и именовавшаяся тоже именемъ Герцена. Ея дочь Лиза, а старшая дочь Герцена Наталья».

Въ 1876 г., послѣ смерти Лизы, Огарева снова просилась въ Россію, черезъ своего отца, на что въ мартѣ послѣдовало высочайшее разрѣшеніе «возвратиться въ отечество на поручительство ея отца и съ учрежденіемъ за ней строгаго полицейскаго надзора, въ особенности за заграничными ея сношеніями», при этомъ Потаповъ призналъ необходимымъ, «обязать Огареву поселиться въ домѣ ея родителей» (архивъ III отд. с. е. и. в. канц. 3 эксп. 1871 г. дѣло № 35).

Кстати, въ 1875 г. III Отдѣленіе проявило несвойственную ему вѣжливость въ отношеніи А. А. Герцена. Въ апрѣлѣ министръ внутр. дѣлъ Тимашевъ послалъ туда письмо изъ-за границы нѣкоего Таллона, на имя сына Герцена и просилъ сообщить III Отдѣленію, не знаетъ ли оно адреса А. А. Оно обязательно отвѣтило: «въ г. Пизѣ (въ Италіи), гдѣ занимаетъ профессорскую кафедру»

Лиза приняла въ декабрѣ 1875 г. хлороформъ, думая, что взятая доза не дастъ ничего, кромѣ продолжительнаго сна... Ея жизнь съ матерью послѣ смерти Герцена описана Е. Эль и И. въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и «Наблюдателѣ» (см. библиографію о Герценѣ).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ КОММЕНТАРІЙ.

(Сокращенія: Наталія Александровна Герцень, жена = Н. А.—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг. = Жен. изд.; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПБ., 1906 г. = Спб. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; «Колоколь» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»; сборникъ «Колоколь», избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ = Тих.; Пушкинскій домъ при Академіи Наукъ = Пушк. д.).

3344. Напечатано въ «*Révue Philosophique*», 1876, septembre, v. 2, p. 290—293; по-русски въ переводѣ П. М.—во II кн. «Православнаго Обзорѣнія» 1877 г. Нѣтъ сомнѣнія, что написано было по-русски, а появилась въ переводѣ на франц. языкѣ, сдѣланномъ А. А. Герценомъ, но русскій подлинникъ не найденъ. Переводъ П. М. не вездѣ точенъ, необходимо было ввести поправки. Редакція французскаго журнала сопроводила письмо слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Это нежданное письмо А. Герцена передано намъ его сыномъ, Александромъ Герценомъ, однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ. Оно было написано, сообщаетъ онъ, по поводу прочитанной мною лекціи о функціяхъ нервной системы, въ которой я утверждалъ, что вся дѣятельность животныхъ и человѣка есть просто развитіе рефлекса и сводится къ нему, какъ къ своему первообразу, и что поэтому свобода воли недопустима и должна считаться иллюзіей. Замѣчанія моего отца заставили меня много размышлять, но я, все таки, прихожу къ убѣжденію, что проблема свободы есть по существу исключительно фیزیологическая проблема. Я рѣшилъ написать болѣе полную работу объ этомъ... Вотъ почему написалъ я свою маленькую книжку о *Физиологіи воли*» («*Analyse physiologique du libre arbitre humain*», 1876).

3345. Напечатано неисправно на стр. 160—161 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3346. Напечатано неполно и неисправно на стр. 161—163 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3347. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3348. Напечатано неисправно на стр. 163 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3349. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3350. Напечатано неполно и неисправно на стр. 163—165 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3351. Напечатано неполно и очень неисправно на стр. 165—166 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3352. Напечатано въ № 10 «Kolokol» (15 іюля 1868); принадлежность ясна изъ записки А. А. Герцена.

3353. То же.

3354. Напечатано неполно и очень неисправно на стр. 166—168 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3355. Напечатано во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3356. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3357. Напечатано неполно и очень неисправно на стр. 168—171 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3358. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3359. Напечатано вполнину во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3360. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ; надпись сдѣлана на корректурномъ листѣ кн. VIII «П. З.».

3361. Напечатано неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3362. Напечатано неполно и неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3363. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3364. Напечатано неисправно на стр. 140—141 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3365. Напечатано неисправно на стр. 171—172 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3366. Напечатано очень неисправно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3367. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3368. Тоже.

3369. Напечатано въ № 11 «Kolokol» (15 августа 1868); подпись «I—г»; подлинникъ не найденъ.

3370. Напечатано въ № 11 «Kolokol»; подпись «I—г»; подлинникъ не найденъ.

3371. Напечатано въ № 11 «Kolokol» (15 авг.) 1868 г., подлинникъ не найденъ.

3372. Напечатано въ № 11 «Kolokol»; принадлежность ясна изъ № 3366; подлинникъ не найденъ.

3373. Напечатано въ № 11 «Kolokol»; принадлежность ясна изъ указанія въ № 3366, подлинникъ не найденъ.

3374. Напечатано въ № 11 «Kolokol»; принадлежность устанавливается изъ № 3362.

3375. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3376. Тоже.

3377. Напечатано неисправно въ I кн. «В. Европа» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3378. Напечатано въ № 12 «Kolokol» (15 сентября 1868); подпись «I—г»; подлинникъ не найденъ.

3379. Напечатано въ № 12 «Kolokol» съ подписью «I—г»; подлинникъ, хранящійся въ АСГ, почти не отличается отъ болѣе совершеннаго печатнаго текста; за этимъ предисловіемъ подъ общимъ заглавіемъ: «Cogitata et vise. Fragments des mémoires d'Isander», слѣдовалъ переводъ на французскій языкъ предисловія отъ 29 июля 1866 г. и главъ XXXIV и XXXV «Былого и думъ».

3380. Напечатано въ № 12 «Kolokol»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3381. Напечатано въ № 12 «Kolokol»; подпись «I—г»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3382. Тоже.

3383. Тоже.

3384. Напечатано неполно и неисправно на стр. 198 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3385. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3386. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3387. Напечатано очень неисправно на стр. 172—173 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3388. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3389. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3390. Напечатано нигдѣ не было, свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3391. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европа»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3392. Напечатано неисправно на стр. 173 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3393. Напечатано неисправно на стр. 173—174 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3394. Напечатано неисправно въ III кн. «Вѣстника Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3395. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3396. Напечатано неполно и очень неисправно въ III кн. «В. Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3397. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3398. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3399. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3400. Напечатано очень неисправно на стр. 174—176 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3401. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3402. Тоже.

3403. Тоже.

3404. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3405. Напечатано неисправно на стр. 176—178 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ. Конца нѣтъ—повидимому, оторванъ.

3406. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3406 вѣ. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3407. Напечатано въ № 13 «Kolokol» (15 октября 1868 г., фактически вышелъ 18-го числа), подпись «I—г»; подлинникъ не найденъ.

3408. Напечатано въ № 13 «Kolokol»; принадлежность ясна изъ предыдущихъ писемъ къ Огареву; подлинникъ не найденъ.

3409. Тоже.

3410. Напечатано неисправно въ III т. «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3411. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3412. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3413. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3414. Напечатано на стр. 160 кн. III «Вѣстника Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3415. Напечатано въ I кн. «В. Европы» 1913 года; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3416. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3417. Напечатано неисправно на стр. 179—180 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3418. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3419. Напечатано очень неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3420. Напечатано неисправно въ I кн. «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3421. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3422. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3423. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3424. Тоже.

3425. Тоже.

3426. Напечатано нигде не было: сверено с подлинником, хранящимся въ АСГ.

3427. Напечатано въ «Недѣль» 1868 г. № 48 (вышелъ около 15 ноября 1868 г.) и 1869 г. №№ 10 и 16, съ подписью «I. Нюнскій», составленной отъ названія городка Нюнъ, гдѣ Герценъ встрѣтился съ А. П. Пятковскимъ, предложившимъ ему сотрудничество въ «Недѣль»; по-французски вошло въ «Oeuvres de A. Herzen. Recits et nouvelles», Paris, 1870; не исправно въ I т. Спб. изд. Главы X и XI, напечатанныя въ № 16 «Недѣли», даны мною въ «Быломъ и думяхъ»—«Альпійскіе воды», и здѣсь, конечно, не повторены.

3428. Напечатано не исправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3429. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3430. Тоже.

3431. Напечатано въ № 14—15 «Kolokol» (1 декабря 1868) и у Тих.; подпись «Alex. Herzen», подлинникъ не найденъ.

3432. Напечатано въ № 14—15 «Kolokol», подпись «I—г»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3433. Напечатано въ № 14—15 «Kolokol»; принадлежность ясна изъ помѣтки А. А. Герцена.

3434. Тоже.

3435. Тоже.

3436. Тоже.

3437. Тоже.

3438. Напечатано въ VIII кн. «П. З.» на 1869 г., въ X т. Жен. изд. и съ купюрами въ I т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ; по-французски въ № 6 «Kolokol» (1 апрѣля 1868).

3439. Напечатано въ VIII кн. «П. З.» съ подписью «И—ръ», въ X т. Жен. изд., съ купюрами и не исправно въ V т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

3440. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3441. Напечатано неполно и очень не исправно на стр. 180—182 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3442. Напечатано неполно и не исправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3445. Напечатано не исправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3446. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3447. Тоже.

3448. Напечатано неполно и не исправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г. свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3449. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3450. Напечатано въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3451. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3452. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3453. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3454. Тоже.

3455. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3456. Напечатано нигдѣ не было, свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3457. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3458. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3459. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3460. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3461. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3462. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3463. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3464. Тоже.

3465. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3466. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3467. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3468. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3469. Напечатано неполно и неисправно на стр. 183—184 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3470. Напечатано неисправно на стр. 184—185 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3471. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3472. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3473. Напечатано неисправно въ IV т. «Lettre d'exil», стр. 4; по-русски переведено съ грубыми ошибками гр. Тарле въ XI кн. «Современ. Мира» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ парижской національной библиотекѣ.

3474. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3475. Тоже.

3476. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3477. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3478. Напечатано въ I кн. «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3479. Напечатано въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3480. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3481. Тоже.

3482. Тоже.

3483. Тоже.

3484. Напечатано въ I кн. «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3485. Напечатано въ «Supplément du Kolokol» (15 февраля 1869 г., фактически вышелъ 18 февраля), подпись «A. Herzen»; подлинникъ не найденъ.

3486. Напечатано въ «Supplément du Kolokol»; подпись «Alex. Herzen»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3487. Напечатано въ «Supplément du Kolokol»; принадлежность ясна изъ письма Тхоржевскаго, хранящагося въ АСГ.

3488. Напечатано очень неисправно на стр. 185—187 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; первая половина свѣрена съ частью подлинника, хранящагося въ АСГ.

3489. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3490. Напечатано въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3491. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3492. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3493. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3494. Напечатано неисправно въ III кн. «Наблюдателя» 1900 г.; подлинникъ не найденъ.

3495. Напечатано на стр. 187—188 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3496. Напечатано неисправно въ кн. I «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3497. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3498. Напечатано неисправно на стр. 188—189 въ III т. «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3499. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3500. Напечатано полностью нигдѣ не было; французская часть появилась въ «Indépendance Belge» отъ 21 марта, въ «Le Temps» 20 марта, въ «Le Siècle»; по-нѣмецки въ № 77 «Kölnische Zeitung» (18 марта) съ указаниемъ на № 67, — вездѣ съ датой 14 марта; въ переводѣ на русский языкъ — въ № 50 «Новаго Времени» 1869 г. и др. русскихъ газетахъ, при этомъ въ «Голосѣ» данъ полный текстъ; по-итальянски появилось съ датой 16 марта; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3501. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3502. Напечатано весьма неисправно на стр. 189—190 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3503. Напечатано неполно и неисправно на стр. 190—192 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3504. Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3505. Напечатано неполно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3506. Напечатано въ № 71 «Биржев. Вѣдомостей» отъ 14 марта 1869 г.; подлинникъ не найденъ.

3507. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3508. Тоже.

3509. Напечатано неисправно въ I кн. «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3510. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3511. Тоже.

3512. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3513. Напечатано неполно и неисправно на стр. 192—193 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3514. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3515. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3516. Напечатано неисправно на стр. 193—195 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3517. Напечатано неисправно въ I кн. «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3518. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3519. Тоже.

3520. Напечатано въ № 95 «Голоса» отъ 5 апрѣля 1869 г. ст. ст.; подлинникъ не найденъ.

3521. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3522. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ Пушк. домѣ.

3523. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3524. Напечатано въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3525. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3526. Тоже.

3527. Напечатано только частью на стр. 195 т. III «Воспоминаній» Пасекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3528. Напечатано въ «Сборникѣ посмертныхъ статей» 1870 г. и 2-мъ изд. 1874 г.; подлинникъ не найденъ.

3529. Напечатано неполно и неисправно на стр. 290—292 «Воспоминаній» Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3530. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3531. Тоже.

3532. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3533. Тоже.

3534. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3535. Тоже.

3536. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3537. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3538. Напечатано по-французски въ брошюрѣ «La Mazourka, un article du «KoloKol», dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet par Alexandre Herzen (Iskander), Genève, 1869, 29 mai»; подлинникъ не найденъ.

3539. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Отвѣтъ въ цѣломъ не сохранился. Это, — повидимому, середина его. Неизвѣстно также, былъ ли онъ законченъ и посланъ.

3540. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Парижской Национальной библиотекѣ; по-русски напечатано неисправно въ XI кн. «Соврем. Мира» 1908 г.

3541. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3542. Тоже.

3543. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3544. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3545. Тоже.

3546. Тоже.

3547. Тоже.

3548. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3548 bis. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3549. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3550. Тоже.

3551. Тоже.

3552. Напечатано нигдѣ не было; по-русски напечатано неисправно въ XI кн. «Современнаго Мира» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Парижской Национальной библиотекѣ.

3553. Напечатано неисправно въ I кн. «В. Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3554. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3555. Тоже.

3556. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3557. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3558. Напечатано въ I кн. «В. Европа» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3559. Напечатано во II кн. «Наблюдателя» 1900 г.; подлинникъ не найденъ; Пятковский указываетъ мѣсто и годъ написанія на подаренной ему фотографической карточкѣ.

3560. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3561. Напечатано въ III кн. «В. Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3562. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3563. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европа» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3564. Напечатано неполно на стр. 195—197 т. III «Воспоминаній» Пасекъ, какъ два отдѣльных письма; подлинникъ не найденъ; свѣрено съ копией, хранящейся въ Пушк. домѣ.

3565. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3568. Напечатано неисправно на стр. 294—296 «Воспоминаній» Огаревой; подлинникъ хранится въ Рум. муз. При первоначальной работѣ свѣрка была сдѣлана, но затѣмъ мой типографскій оригиналъ былъ утерянъ при передачѣ его изъ одной типографіи въ другую; возстановить свѣрку не удалось.

Тогда же утеряны мои оригиналы (не подлинники): № 3567, нигдѣ не напечатанный, хранящійся въ Рум. муз., гдѣ его, однако, теперь не нашли; № 3571, напечатанный на стр. 299 «Воспоминаній» Огаревой, — подлинникъ въ Рум. музее, тоже теперь не найденъ, и № 3566, нигдѣ не напечатанный, хранящійся въ подлинникѣ въ АСГ.

3569. Напечатано на стр. 297 кн. IV «Наблюдателя» 1900 г.; подлинникъ не найденъ.

3570. Напечатано неподно и неисправно на стр. 290 «Воспоминаній» Огаревой; подлинникъ хранится въ Рум. муз. См. № 3568.

3572. Напечатано неисправно на стр. 299 «Воспоминаній» Огаревой; подлинникъ не найденъ.

3573. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3574. Напечатано неполно и неисправно на стр. 296—297 «Воспоминаній» Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3575. Напечатано неполно и неисправно на стр. 293—294 «Воспоминаній» Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3576. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3577. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3578. Напечатано неисправно на стр. 296 «Воспоминаній» Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3579. Напечатано неполно и неисправно на стр. 197 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3580. Напечатано небрежно въ «Сборникѣ посмертныхъ статей», 1870 г. и во 2-мъ его изданіи, еще небрежнѣе—въ V т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ; по-итальянски въ переводѣ А. А. Герцена появилось въ «Rivista Europee» de Губернатиса.

3581. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Огаревъ написалъ три отвѣта на «Письма», довольно пространныхъ; я не считаю возможнымъ приводить ихъ подробно, а ограничиваюсь лишь передачей его мыслей въ тѣхъ частяхъ, которыя непосредственно подали Герцену поводъ написать свое возраженіе или сдѣлать замѣчанія. При этомъ нѣсколько строкъ, сказанныхъ Герценомъ по поводу «экономическаго промаха» (со словъ «Взявъ у меня» до «дойти до разумныхъ» включительно), написаны особо на листѣ, но я полагаю, что имъ мѣсто можетъ быть дано и здѣсь, насколько логически это связано.

3582. Напечатано небрежно въ «Сборникѣ посмертныхъ статей», 1870 г. и во 2-мъ его изданіи, а также въ I т. Спб. изд.; по-французски въ «Oeuvres de A. Herzen. Récits et nouvelles», 1870; подлинникъ не найденъ.

3583. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3584. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Очевидно, вещь не закончена.

3585. Напечатано неполно и неисправно на стр. 199—200 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3586. Напечатано на стр. 138—139 III кн. «Вѣстн. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3587. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3588. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3589. Напечатано неполно и очень неисправно на стр. 200—201 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3590. Напечатано неполно и несправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3591. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Россійской Публичной Библиотекѣ.

3592. Напечатано несправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3593. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3594. Тоже.

3595. Напечатано несправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3596. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3597. Напечатано неполно и очень несправно на стр. 201—202 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3598. Напечатано неполно и очень несправно на стр. 202—205 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3599. Напечатано по-французски въ «Le Réveil» 22 октября 1869 г.; подлинникъ не найденъ.

3600. Напечатано неполно и очень несправно на стр. 205—206 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3601. Напечатано на стр. 205—206 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3602. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3603. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ Пушк. домѣ.

3604. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3605. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3606. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3607. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3608. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ Пушк. домѣ.

3609. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ Пушк. д.

3610. Тоже.

3611. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3612. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3613. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3614. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3615. Тоже.

3616. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3617. Тоже.

3618. Напечатано неполно и съ прибавленіемъ отрывковъ изъ другихъ писемъ на стр. 207—208 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено: первая часть съ копій, хранящейся въ Пушк. д., вторая—съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3619. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3620. Тоже.

3621. Тоже.

3622. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3623. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3624. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3625. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3626. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3627. Напечатано неисправно на стр. 182—183 т. III Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3628. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3629. Напечатано неполно въ III кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3630. Напечатано неисправно на стр. 208 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ; свѣрено съ копій, хранящейся въ Пушк. домѣ.

3631. Напечатано неполно и неисправно на стр. 208—209 т. III «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3632. Напечатано вполнину и неисправно въ III т. «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3633. Напечатано неполно и неисправно въ III т. «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3634. Напечатано неполно и неисправно въ III т. «Воспоминаній» Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

3635. Напечатано неполно и неисправно въ III кн. «Вѣстн. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3636. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3637. Напечатано на стр. 277 «Воспоминаній» Огаревой. Нѣтъ сомнѣнія, что Тхоржевскому была послана телеграмма, но, зная, какъ не точна Огарева вообще въ передачѣ какихъ бы то ни было документовъ, я не увѣренъ, что была отправлена именно эта телеграмма, а не другая, отъ имени семьи, и что именно эту продиктовала самъ Герценъ. Еще возможное, что вся телеграмма составлена и написана Наталіей Александровной.

